Андре Моруа.

Прометей, или Жизнь Бальзака

В кн: “Андре Моруа. С/с в шести томах. Том третий, том четвертый”.

М., “Пресса”, 1992. Пер. с фр. - Я.Лесюк (ч.1), Н.Немчинова (ч.2-4).

OCR spellcheck by HarryFan, 25 March 2002

Посвящается Симоне

Если выбирать между Фаустом и

Прометеем, я предпочитаю Прометея.

Бальзак

ВВЕДЕНИЕ

Перед вами - жизнеописание Бальзака. Жизнеописание, а не критическое

исследование. Филипп Берто сказал все о взглядах Бальзака на религию; Курциус, Ален, Гаэтан Пикон - о мировоззрении Бальзака; Бернар Гийон, Доннар, Вюрмсер - об отношении Бальзака к жизни социальной; Жан

Доннар, Вюрмсер - об отношении Бальзака к жизни социальной; Жан
Помье, Морис Бардеш, Пьер Лобрие - о творчестве Бальзака; Пьер Абраам, Фелисьен

Марсо, доктор Фернан Лотт - о персонажах Бальзака; Роже Пьерро и Жан

А.Дюкурно - о переписке Бальзака. Марсель Бутерон сказал все обо всем.

Целая когорта отлично знающих предмет бальзаковедов - от Мари-Жанны Дюрри

до Пьера-Жоржа Кастекса, от Пьера Моро до Антуана Адана, от Мориса Регара

до Сюзанны Ж.Берар, от Мадлен Фаржо до Мари-Анны Мейнингер и многих

других, которых я упомяну в свое время, - занималась его произведениями: они писали предисловия к романам Бальзака или рассматривали дотоле мало

изученные стороны его творчества. Ни один писатель, если не считать

Шекспира, не вызывал такого поклонения, и ни один писатель не был в такой

мере этого достоин. Бальзака изучали и будут исследовать впредь, как

изучают и исследуют мир, потому что он и есть целый мир.

Жизнеописания Бальзака, которыми мы располагаем (а среди них есть и

весьма примечательные, например книги Андре Бийи и Стефана Цвейга), появились еще до расцвета научного бальзаковедения. Я сделал попытку

подвести некий итог. Кое-кто скажет: “Что нам до жизни Бальзака? Важны

только его творения”. Этот старый спор мне всегда представляется пустым.

Мы знаем, что творчество писателя нельзя объяснять только его жизнью; мы

знаем, что самые значительные события в жизни творца - это его произведения. Но жизненный путь великого человека и сам по себе представляет огромный интерес. Бальзак, в основе философии которого лежала идея единства мира, не раз говорил, что “таинственные законы плоти и чувства” управляют творчеством, как и жизнью. Казалось бы, трудно отыскать точки соприкосновения между творцом, порождающим собственный мир, и веселым толстяком, которого забавляют каламбуры. И все же это необходимо сделать. В силу непрестанного взаимопроникновения поступки, мысли, встречи Оноре де Бальзака питали “Человеческую комедию”. Мы постараемся рассмотреть некоторые аспекты этой таинственной алхимии.

Бальзак хотел быть секретарем современного ему общества; я здесь выступаю лишь в роли секретаря Бальзака. Вполне понятно, что я не разделяю всех его политических и религиозных взглядов, но разве дело в этом? Установить, был он прав либо неправ в том или ином случае, - дело моралистов. “С великими писателями не спорят, - учил нас Ален, - к ним испытывают признательность за то, что они нам дают”. Да и кто отважится судить Прометея? Бальзак был то святым, то каторжником, то честным, а то

подкупленным судьеи, министром, светским щеголем, куртизанкои, герцогиней

и всегда - гением. Мы покажем его в минуты творческого экстаза и в такие

минуты, когда, “подобно моряку, вернувшемуся в порт”, он предается

веселью. “Ткань нашей жизни соткана из перепутанных нитей, добро и зло

соседствуют в ней”. Это справедливо в отношении Бальзака, как и в

отношении любого из нас.

Читатель найдет в конце книги указания на источники, которыми я

пользовался. Я выражаю особую признательность Мадлен Фаржо, соблаговолившей прочесть всю мою рукопись и передать мне множество еще не

опубликованных документов; я приношу благодарность Андре Шансерелю, Роже

Пьерро - за его превосходные биографические заметки и Морису Бардешу, чье

великолепное издание сочинений Бальзака, опубликованное “Клюб де л’Оннет

Ом”, было для меня просто бесценным; я глубоко благодарен моей жене, которая поддерживала меня все то время, какое я посвятил этому обширному

труду, и, конечно же, заслуживает упоминания в ряду ученых-бальзаковедов.

Наконец, я хочу здесь воздать должное двум ныне уже покойным людям, без

которых никогда бы не возник замысел этой книги: Марселю Бутеронну, ибо он

первый приобщил меня к богатствам собрания Шпольберга де Ловенжуля, и

первый приобщил меня к богатствам собрания Шпельбоера де Лованжуля, и моему

учителю Алену, который некогда, открывая мне глаза на окружающую жизнь, побудил меня броситься очертя голову в мир “Человеческой комедии”. Больше

я этого мира не покидал. Возраст уже не позволяет мне строить широкие

планы и вести долгие научные изыскания. Это моя последняя биографическая

книга. И меня радует, что ее героем стал Бальзак.

А.М.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОСХОЖДЕНИЕ

Поговорим немного о Бальзаке, это так благотворно.

Жерар де Нерваль

I. БЕРНАР-ФРАНСУА БАЛЬЗАК, ИЛИ ТУР В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ БОНАПАРТА

Второй такой семьи, как наша, во всем свете не сыскать.

Бальзак

В 1799 году, когда родился Оноре Бальзак, Франция словно выздоравливала

после опасной болезни. Десять лихорадочных лет породили в стране отвращение, беспокойство и усталость. Участники плебисцита почти единодушно высказались за установление Консульства. Нацию не подвергали насилию; она подчинилась по собственной воле. Католики хотели спокойно отправлять обряды. Разбогатевшие якобинцы приняли, хоть и не без саркастической усмешки, восстановление церковного культа в надежде сохранить свои доходы. В Туре, административном центре провинции, живописно расположенном на берегу красивой реки, замирение было встречено одобрительно. В 1801 году Бонапарт назначил сюда префектом генерала де Помереля: при старом режиме Померель, который впоследствии оказался умелым администратором, был артиллерийским офицером и сотрудничал в Энциклопедии. Первый консул сохранил к нему признательность, ибо тот во время экзаменов в военном училище Бриенна высоко оценил познания юного Наполеона.

Генералу-префекту пришлось приспосабливаться к политике правительства в области религии. Он открыл двери кафедрального собора святого Гасьена священникам, которые пожелали отслужить там благодарственный молебен, затем восстановил в правах архиепископа, монсеньера де Буажелена, и вручил ему ключи от этого храма, обратившись к церковному сановнику с

патриотической речью, посвященной Конкордату. Архиепископ удовольствовался

тем, что весьма холодно ответил префекту несколькими словами, не имевшими

отношения к столь важному событию.

Оба эти человека впоследствии часто вступали в конфликт. Архиепископ

требовал возвращения колоколов кафедрального собора, снятых по решению

мэрии; он хотел, чтобы убрали фригийские колпаки с церковных колоколен и

заменили их крестами. Префект послал запрос министру, и правительство, более терпимое, чем местные якобинцы, возвратило колокола всем церквам

провинции, ибо такие требования поступали отовсюду. Министр юстиции сделал

Померелю выговор за то, что префект своей властью запретил какому-то

священнику временно отправлять службу: “Поведение священника следовало

осудить, однако было бы правильнее и уместнее не прибегать сразу же к

административным мерам, а прежде снестись с его высокопреосвященство

архиепископом Турским, с каковым вам и надлежит впредь советоваться в

подобных случаях, дабы ваши действия оказывали умиротворяющее и

благотворное воздействие на общественное мнение”.

Такого рода столкновения, должно быть, немало влияли на карьеру

Бернара-Франсуа Бальзака (отца Оноре) - друга и фаворита префекта.

Один довольно забавный эпизод проливает свет на образ мыслей генерала

де Помереля. Дело касалось Агнессы Сорель, любовницы Карла VII, гробница

которой сначала помещалась возле алтаря церкви в Лоше; затем, после смерти

короля, гробница была перенесена монахами в боковую капеллу и частично

разрушена во время Революции. Префект принял решение реставрировать

надгробную статую “дамы из Ботэ” и торжественно водрузить ее в одной из

башен замка в Лоше. Он самолично составил надпись, которую надлежало

высечь на саркофаге:

МОНАХИ ЛОША, ОБОГАЩЕННЫЕ ЕЕ ДАРАМИ, ПРОСИЛИ ЛЮДОВИКА XI РАЗРЕШИТЬ ИМ ПЕРЕНЕСТИ ГРОБНИЦУ ПОДАЛЬШЕ ОТ АЛТАРЯ

”Я СОГЛАСЕН, - ОТВЕЧАЛ ОН, - НО ВЕРНИТЕ ДАРЫ”.

ГРОБНИЦА ОСТАЛАСЬ НА МЕСТЕ. АРХИЕПИСКОП ТУРА, ЧЕЛОВЕК МЕНЕЕ СПРАВЕДЛИВЫЙ, ПЕРЕНЕС ГРОБНИЦУ

В БОКОВУЮ КАПЕЛЛУ. ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ ОНА БЫЛА РАЗРУШЕНА.

ЛЮДИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ СОБРАЛИ ОСТАНКИ АГНЕССЫ, И ГЕНЕРАЛ ПОМЕРЕЛЬ, ПРЕФЕКТ ДЕПАРТАМЕНТА ЭНД-И-ЛУАРА, ВОЗДВИГ МАВЗОЛЕЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБОВНИЦЕ НАШИХ КОРОЛЕЙ, КОТОРАЯ ВПОЛНЕ ЗАСЛУЖИЛА БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА, ИБО В НАГРАДУ ЗА СВОЮ БЛАГОСКЛОННОСТЬ

ПОТРЕБОВАЛА ИЗГНАНИЯ АНГЛИЧАН ИЗ ФРАНЦИИ.

На тимпане фронтона генерал повелел высечь такие слова: “Я - Агнесса. Да здравствует Франция и Любовь!”

Таков был стиль префекта Помереля, бравого вояки, скептика и вольнодумца; такого же стиля, только менее красноречивого, придерживался и его протеже Бернар-Франсуа Бальзак. Будучи раблезианцем, он в отличие от Рабле не был уроженцем Турени. Он происходил из крестьян, жителей деревушки Нугейрье, расположенной в департаменте Тарн, и его настоящая фамилия была Бальса. Корень “Бальс” на лангедокском наречии означает “крутой утес”. В Оверни встречаются семьи, носящие фамилии Бальзак, Бальса, Бальзан. Бернар-Франсуа, отнюдь не лишенный тщеславия, кичился тем, что он будто бы вышел из недр побежденного народа - коренных жителей Франции, галлов, которые противостояли нашествиям завоевателей; галлами были и предки весьма знатного рода Бальзаков д’Антраг. Более вероятно, что под натиском варваров крепостные принадлежавшего Бальзакам д’Антраг селения возле Бриуда переселились на берега реки Тарн. Предки Бальзака были несговорчивые крестьяне, как пишет Луи Люме, люди “упорные, с

подтянутыми животами; они примитивным плугом распахивали свои поля и засевали их рожью”. Валы войны часто захлестывали их: крестовые походы против альбигойцев, набеги наемных солдат, вторжение англичан - они все испытали. И тем не менее несколько семейств из рода Бальса преуспели - они были обязаны этим своей несгибаемой воле.

Дед нашего Бальзака, Беркар Бальса (1716-1778), унаследовал от отца небольшой земельный надел в деревне Нугейрье.

У него были луга, виноградники; земли собирали медленно, по клочку. В семье насчитывалось одиннадцать детей, на ночь их укладывали спать вдоль стен на тюфяках, набитых соломой. Старший из сыновей, Бернар-Франсуа, помогал отцу и пас стада. По вечерам в доме говорили о тайнике, где припрятаны деньги; этот секрет знали только члены семьи да друзья - кюре Виалар и нотариус Альбар. Смышленый и честолюбивый, Бернар-Франсуа думал: “А почему бы и мне не сделаться священником или нотариусом?” Виалар научил его читать и писать; юноша начал свою службу рассыльным и младшим клерком в конторе мэтра Альбара в Канзаке, возле Монести. Там он познакомился с общим правом, судебной процедурой и составлением нотариальных актов. “Во всей своей наготе и безжалостной жестокости, - пишет Луи Люме, - ему открылась весьма запутанная и суровая игра переплетающихся интересов”

открылась весьма запутанная и суровая игра переплетающихся интересов”. С 1765 года его подпись больше не встречается в бумагах нотариальной конторы. Куда он направился? В Роде? Альби? Тулузу? Совсем молодым он “подался” в Париж; все его имущество составляли только подкованные железом башмаки, крестьянская куртка, цветная безрукавка да три рубахи грубого полотна; но в придачу он был наделен безграничным честолюбием и энергией, которой хватило бы на троих.

Самоучка, интересовавшийся правом и историей, он много читал и повсюду оказывался полезным благодаря познаниям в области судопроизводства. Сам он, понятно, гордился своей карьерой. Сын небогатых крестьян, он пришел в Париж без всяких средств к существованию, с одной лишь котомкой за плечами, и сделался там клерком у прокурора, а затем, быстро поднявшись по ступенькам служебной лестницы, стал подвизаться - правда, на второстепенных ролях - в Королевском совете, где помогал готовить доклады по самым различным вопросам; столь удивительный успех свидетельствует одновременно о природном уме, обширных познаниях и несгибаемой воле. Путь, проделанный этим человеком, отражал путь целого сословия.

Бернар-Франсуа помогал Жозефу д’Альберу, докладчику Королевского

совета, составлять записки и отчеты по всевозможным делам - от ликвидации

французской Ост-Индской компании до соглашения о выдаче преступников, заключенного между Францией и немецкими князьями. Мы располагаем

документом, который гласит, что “Его величество поручает господину

Бальзаку, секретарю Королевского совета, исправлять должность

письмоводителя”.

Некоторое время он был личным секретарем морского министра Бертрана де

Мольвиля. Таким образом, Бернару-Франсуа довелось иметь дело с вельможами, и он на всю жизнь сохранил к знати почтение, смешанное с завистью. Он

мечтал присоединить к своей фамилии дворянскую частицу “де”, что не

помешало ему в 1791 году с высокомерием “полноправного гражданина”

обращаться с госпожой д’Альбер, вдовой его прежнего патрона. Позднее, когда новый префект департамента Эндр-и-Луара запросил у Бернара-Франсуа

послужной список, тот ответил: “Секретарь бывшего Государственного совета

на протяжении шестнадцати лет, комиссар секции в Париже 21 июня 1791 года, в день побега бывшего короля, я затем занимал пост председателя секции, был депутатом городской коммуны, чиновником муниципалитета, комиссаром и

наконец председателем суда, который в ту пору один рассматривал все

судебные дела, возбуждавшиеся полицией города Парижа”. Он ловко следовал

крутым поворотам Революции.

Однако во время бегства короля в Варенн лояльность Бернара-Франсуа была, видимо, взята под сомнение. Оппортунист по необходимости, но человек от природы великодушный, он, по слухам, спасал роялистов - своих прежних покровителей и друзей. Один из членов Конвента, интересовавшийся судьбой гражданина Бальзака, посоветовал ему уехать из столицы. И он нашел прибежище в Валансьенне, постаравшись обратить этот вынужденный шаг себе на пользу. Бернар-Франсуа писал:

”В ту пору для обеспечения сохранности имущества и для управления службами, снабжавшими армию Севера, нужен был человек весьма надежный… Выбор пал на меня. Мне поручено было ведать одновременно: во-первых, провиантом; во-вторых, фуражом; в-третьих, топливом и свечами; в-четвертых, снабжением провизией города Парижа; в-пятых, снабжением провизией армии… Я один возглавлял все эти пять служб вплоть до победы при Флергосе… Ни один из моих подчиненных не был ни задержан, ни посажен в тюрьму, настолько велика была моя неусыпная и справедливая бдительность… Я представил пять отчетов о своей деятельности. И

располагаю официальными подтверждениями на сей счет”.

Черт побери! Каков мастер на все руки! И как торжественно уверяет он в своей честности. Но остается фактом, что Бернар-Франсуа Бальзак играл определенную роль в полувоенном управлении, снабжавшем армии провиантом: он служил под началом Даниэля Думерка, у которого была “рука во всех ведомствах, занимавшихся поставками”.

После битвы при Флерюсе (1794 год) Бернар-Франсуа получил пост в Бресте, а затем в Туре; город этот, по его словам, был “важным пунктом, единственным центром, где имелись запасы, необходимые для ведения войны против шуанов и Вандеи”. Итак, в 1797 году мы застаем его в Туре, он снабжает армию провиантом; не будучи человеком богатым, он живет в свое удовольствие; этот представительный мужчина щеголяет в красивом синем мундире, расшитом серебром, из-под высоко поднятых кончиков воротника выглядывает белый шейный платок. Ему исполнился пятьдесят один год, но он все еще холост, и его патрон Думерк решает женить Бернара-Франсуа на очень красивой юной девице: ее зовут Лора Саламбье, и она на тридцать два года моложе своего суженого.

Родители невесты были счастливой четой. В молодости Жозеф Саламбье

лишился чувств от радости, когда Софи Шове, впоследствии его “столь верная

супруга”, согласилась выйти за него замуж. Саламбье, секретарь виконта де

Бона, бригадного генерала королевской армии, подписавшего брачный контракт

своего подчиненного, происходил из почтенной буржуазной семьи суконщиков, которой принадлежала большая фабрика позументов: “Фирма “Золотое руно” на

улице Оноре, возле улицы Бурдонне, Саламбье - золотошвей, басонщик и

суконщик - изготовляет и продает все необходимое для гражданской и военной

форменной одежды”. Семейство Саламбье принадлежало к числу весьма

уважаемых в квартале Марэ, где жили богатые коммерсанты. Один из членов

этого семейства женился в Эльбефе на Марте-Регине Лежен, дочери фабриканта

сукон. Другой из рода Саламбье ведал обмундированием и экипировкой войск.

Многочисленные связи соединяли эту семью с семьей Маршан; одна из дочерей

Маршана вышла замуж за Шарля Седийо. Среди представителей блистательного

рода Седийо можно назвать ученых-ориенталистов, хирургов и даже одного

астронома, помощника председателя Математического общества при Парижской

обсерватории… Из квартала Марэ шли и в Академию.

Госпожа Саламбье, женщина нервическая и энергичная, разработала для воспитания дочери целую систему строгих правил: “Настоятельно советую моей дочери Лоре, когда она садится писать, не горбиться, вытягивать пальцы и старательно держать перо, с тем чтобы выработать красивый почерк… Я не стану напоминать ей о том, что надо быть разумной; она обещала мне относиться предупредительно ко всем окружающим, а главное - к Своей Матери…”

Прописные буквы принадлежат Софи Саламбье. Затем следовало: “РАСПОРЯДОК ДНЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ ЛОРЫ

Понедельник:

В 7 часов - подъем.

С 7 до 8 часов - уход за собой.

Чистить зубы, мыть руки, лицо, прибирать в комнате.

С 8 до 9 часов - завтрак и отдых.

С 9 до 10 часов - чистописание.

С 10 до 12 часов - полезные занятия.

Я понимаю под полезными занятиями: шитье, вязание, плетение кружев, вышивание; наряды для куклы шить в часы отдыха”.

И так изо дня в день все было размечено по часам: “В воскресенье после завтрака составляется расписание на следующую неделю”. Если ее строгим

завтрака составляется расписание на следующую неделю”. Если ее строгим правилам подчинялись, госпожа Саламбье становилась “обворожительна”, но она повинна в том, что ее дочь Лора выросла раздражительной.

Саламбье занимали гораздо более высокую ступеньку на социальной лестнице, чем Бернар-Франсуа Бальзак. Почему же они выдали за этого пятидесятилетнего мужчину свою юную и очаровательную дочь? Быть может, потому, что карьера Бернара-Франсуа походила на карьеру Жозефа Саламбье.

Оба принадлежали к “интендантскому ведомству”, оба были франкмасонами. Они чувствовали себя единомышленниками и сообщниками. Лора Саламбье получала в приданое ферму Водайль прихода Газеран, в одном лье от Рамбулье: в брачном контракте ее стоимость была определена в тридцать тысяч франков (чтобы уменьшить сумму налога), но на деле ферма стоила от ста двадцати до ста тридцати тысяч франков. Будущий супруг гарантировал со своей стороны вдовью часть в сумме тысячи восьмисот франков ежегодного дохода. Надо сказать, Бернар-Франсуа располагал более чем скромным состоянием: помимо жалованья, он владел небольшой рентой и участвовал в “тонтине Лафаржа”.

“Тонтина” представляла собой сообщество людей, внесших определенную сумму, причем каждый при жизни пользовался доходами с этого капитала, а самый

капитал переходил в собственность тех, кто проживет дольше остальных. Самые долголетние из членов сообщества должны были получить огромную сумму.

Бернар-Франсуа не сомневался в том, что доживет до ста лет. Он чувствовал, что выкован из великолепного металла! Своими предками он считал галлов, готов и римлян и полагал, что унаследовал лучшие качества этих народов: здоровье, мужество и терпение. Ученик Руссо, он следовал здоровой воздержанности; любил молоко и древесные соки; обожал гулять пешком. Вставал и ложился с петухами. И кичился тем, что в жизни не обращался к врачу, не дал аптекарю заработать даже десяти су. Он шествовал с видом победителя, высоко подняв голову, и любил повторять: “Я прям, как ствол, и силен, как вол”.

Франкмасон, принадлежавший к ложе города Тура, он увлекался чтением Библии и прилежно изучал историю папства, церковных расколов, ересей, а также проявлял интерес к китайской цивилизации. В политике он следовал примеру Бонапарта. Он не отрицал Революцию, но порицал крайности и сведение личных счетов, которые ей сопутствовали. Его дочь Лора писала: “Мой отец своими философскими воззрениями, оригинальностью и добротой

походил одновременно на Монтеня, Рабле и дядюшку Тоби. Подобно дядюшке

Тоби, он был одержим навязчивой идеей. Такой навязчивой идеей у моего отца

было здоровье. Он так любил жизнь, что мечтал жить как можно дольше. Отец

высчитал, основываясь на том, сколько лет нужно человеку, чтобы достичь

полного физического расцвета, что сам он будет жить до ста лет и долее…

Он необычайно заботился о себе и неустанно следил за тем, чтобы сохранять, как он выражался, равновесие жизненных сил.

Его оригинальность вошла в Туре в поговорку, она проявлялась как в

речах, так и в поступках; он ничего не говорил и не делал, как другие; Гофман мог бы превратить его в действующее лицо одного из своих

фантастических творений. Отец мой часто потешался над людьми и обвинял их

в том, что они будто бы сами причина своих несчастий; встречая обиженного

природой человека, он возмущался его родителями, а главное - властями, которые гораздо меньше заботятся об улучшении человеческого рода, нежели

об улучшении породы домашних животных. На сей весьма скользкий предмет у

него существовали довольно странные теории, из которых он делал не менее

странные выводы.

”Но к чему стану я делать свои мысли общим достоянием? - вопрошал он, прохаживаясь по комнате в крытом красновато-коричневым шелком

стеганом

жилете, кутая шею в толстый платок, который он носил, следуя моде времен

Директории. - Меня лишний раз назовут оригиналом (слово это выводило его

из себя), во при этом не станет меньше ни одним заморышем, ни одним

золотушным существом”.

Жена Бернара-Франсуа подвергала серьезному испытанию жизненную

философию мужа и его терпение. Красавица с правильными, тонкими, даже

несколько острыми чертами лица, кокетка, нередко чопорная и холодная, она

была женщиной энергичной, но суровой. Госпожа Бальзак получила хорошее

воспитание у монахинь обители святого Гервасия в Париже. Подобно матери, она верила в оккультные науки, колдовство и ясновидение.

Семейство Бальзаков жило на широкую ногу. Когда была открыта подписка с

целью основать лицей в Туре, гражданин Бальзак пожертвовал 1300 франков, префект - 1000 франков, архиепископ - 600 франков. Помимо ренты и доходов, которые приносила ферма жены, Бернар-Франсуа получал жалованье в

нескольких местах. Померель, который хорошо знал его “по трудам и

походам”, назначил Бальзака помощником мэра в Туре и попечителем

богоугодных заведений.

Супруги сперва проживали на улице Итальянской армии, снимая там дом.

Двадцатого мая 1798 года, через год и три месяца после свадьбы, Лора

Бальзак родила сына, которого она пожелала кормить грудью сама, но

младенец прожил всего месяц и три дня. Вот почему, когда 20 мая 1799 года

в семействе Бальзаков родился второй ребенок, Оноре, родители поручили его

кормилице - жене жандарма в селении Сен-Сир-сюр-Луар. Еще через год ей же

отдали и сестренку Оноре, Лору, появившуюся на свет 29 сентября 1800 года.

Бальзак никогда не мог простить матери, что она удалила его от себя.

”Каким физическим или духовным недостатком вызвал я холодность матери?

Чему я обязан своим появлением на свет? Чувству ли долга родителей или

случаю? Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на

воспитание кормилице; семья не вспоминала о моем существовании в течение

трех лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих”.

[Бальзак, “Лилия долины” (здесь и далее цитаты из произведений

Бальзака даются по Собр. соч. в 24-х томах. М., Правда, 1960)]

В действительности же госпожа Бальзак, напуганная смертью первого ребенка, которого она сама кормила грудью, на сей раз подчинилась распространенному в те времена обычаю. Правда, надо признать, что, хотя дети ее жили неподалеку, молодая мать редко их навещала.

Кормилица Оноре и Лоры была славная женщина. К несчастью, ее муж выпивал и, захмелев, буянил. Все же Бальзак сохранил на редкость приятные воспоминания о пригорке на берегу Луары, где они жили, и о том, как он с утра до вечера сооружал там “из камешков и прибрежного ила игрушечные замки”, а главное - о своей “помощнице в строительных работах”, сестренке Лоре, “прелестной, как мадонна Рафаэля”. Сдержанность родителей привела к тому, что его братские чувства к ней стали особенно нежными. Лора Сюрвиль вспоминает:

”Я была всего двумя годами моложе Оноре [в действительности Лора была моложе брата на год и четыре месяца (20 мая 1799 года - 29 сентября 1800 года) (прим.авт.)], родители относились ко мне так же, как и к нему; мы воспитывались вместе и горячо любили друг друга; с раннего детства я запомнила, как нежно он был ко мне привязан. До сих пор не забыла, с какой

быстротой прибегал он всегда на помощь, боясь, что я ушибусь, скатившись с трех неровных высоких ступенек лестницы без перил, которая вела из комнаты нашей кормилицы в сад! Его трогательная опека продолжалась и в отчем доме, там он не раз позволял наказывать себя вместо меня, не выдавая моей вины.

Когда я успевала сознаться в совершенном проступке, он требовал: “В другой раз ничего не говори, пусть лучше бранят меня, а не тебя!”

Оноре несколько лет прожил в селении, белые домики которого выстроились в ряд вдоль высокого берем Луары, “обсаженного великолепными тополями с негромко шелестевшею листвой”. Широкая река катила свои воды между песчаными отмелями и зелеными островками. Мальчик любовался очаровательными пейзажами, где “царит не величавая и могучая, а наивная красота природы”. На противоположном берегу убегали вдаль “бархатистые, в белых пятнах” холмы - там уступами располагались замки. “Первые мои взгляды устремлялись к твоему чистому небу, по которому бежали легкие облака”. Ландшафтам Турени предстояло на всю жизнь остаться для Бальзака идеалом прекрасного, чудесным обрамлением самой нежной любви.

В четыре года его вернули в Тур, под родительский кров. Мать не сумела вызвать у детей любовь к себе. Оноре, пишет его сестра Лора, был “прелестный ребенок; веселый нрав, хорошо очерченный, всегда улыбающийся рот, темные глаза, блестящие и кроткие, высокий лоб, густые черные волосы - все заставляло прохожих оглядываться на него во время прогулок”. Этот миловидный мальчуган, наивный и ласковый, постоянно встречал “суровый и испепелявший, как пламя, взгляд”. Мать Бальзака “не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела создать для своих близких счастливый семейный очаг” Пристрастие к роскоши, желание нравиться и не ударить лицом в грязь портили ее характер.

Вторая сестра Оноре, Лоранса, родилась 18 апреля 1802 года, и по случаю ее крещения Бальзаки прибавили к своей фамилии дворянскую частицу “де”, которую они, впрочем, впоследствии то употребляли, то опускали.

Бернар-Франсуа быстро достиг довольно высокого положения в обществе. Пользуясь покровительством генерала-префекта, он постепенно становился одним из самых именитых жителей города. Сделавшись помощником мэра, он должен был приобрести недвижимость в Туре. Продав ферму в Газеране, принадлежавшую жене, Бернар-Франсуа приобрел красивый особняк со

старинной деревянной обшивкой, с конюшнями и садом; дом этот под номером 29 помещался на улице Эндр-и-Луара: “Улица эта… императоров достойна… улица о двух тротуарах… искусно вымощенная, красиво застроенная, отлично прибранная и умытая, гладкая, как зеркало; царица всех улиц… единственная улица в Туре, достойная так называться” [Бальзак, “Озорные рассказы”]. Неделю спустя он купил ферму Сен-Лазар - на дороге из Тура в Сент-Авертен. Ферма, принадлежавшая государству, была конфискованным во время Революции церковным владением; это отпугивало святош, и потому покупка оказалась выгодной.

Еще более честолюбивый, чем прежде, убежденный в том, что, пользуясь негласной поддержкой, можно всего добиться, Бернар-Франсуа плел интриги, и у него вовсе не оставалось времени для воспитания детей. Его очень молодая и очень хорошенькая жена с упоением кружилась в вихре светской жизни; она пленяла и простоватых владельцев окрестных замков, и англичан, которые в ту пору не имели права покидать Тур.

Впоследствии, уже в пожилом возрасте, она говорила дочери: “Будучи женой немолодого человека, я вынуждена была соблюдать особую

женой немолодого человека, я вынуждена была соблюдать особую осмотрительность и держать на расстоянии тех, кто находил меня красивой; несколько суровое выражение моего лица приводило к тому, что меня считали скорее неприветливой, нежели любезной”. Тщетная предосторожность! Завистливые местные дамы находили “ее наряды слишком изысканными” и намекали, что муж Лоры Бальзак чересчур преуспевает в делах. Своими успехами и победами она восстановила против себя всех добродетельных женщин города. “Твой отец, помня о своем преклонном возрасте, был настолько деликатен, что ничего не говорил мне”. Он ничего не сказал и тогда, когда пошли разговоры о связи его жены с господином де Маргонном, владельцем замка в Саше. В глазах Бернара-Франсуа мир в семье был важнейшим условием долголетия.

Семья Маргонн занимала промежуточное положение между буржуазией и мелким дворянством. По общему мнению, члены семьи имели полное право на дворянскую частицу “де”, однако Жан де Маргонн подписывался просто “Маргонн”, так он и фигурировал в реестрах городской мэрии. Этот красивый молодой человек, родившийся в 1780 году, женился в 1803 году на своей кузине Анне де Савари, молодой девушке невысокого роста, с желтым лицом, горбатой и угрюмой; она принесла ему в приданое земельные угодья в Саше с

тремя усадьбами, двумя фермами и шестью мельницами. Мессир Анри-Жозеф де

Савари, мелкий дворянин, бывший кавалерийский офицер, приобрел в 1791 году

в Вуврэ поместье Кайери с большим виноградником. Он носил парик, содержал

любовницу-служанку, и “под его обманчивой простотою скрывалась чисто

крестьянская осторожность”. Его зять Маргонн - человек элегантный, холодный, слишком “городской” для того, чтобы похоронить себя в деревне, -

до 1815 года жил больше в Туре, нежели в Саше. Желая иметь благовидный

предлог для того, чтобы оставаться в городе, он стал офицером городской

когорты - этого цвета национальной гвардии. По воскресеньям он дефилировал

со своими гренадерами по городскому бульвару и Королевской улице. Быть

может, глядя, как торжественно выступает в своем парадном мундире этот

видный собой, самодовольный человек, Лора Бальзак - если иметь в виду

семейные предания и законы вероятности - и влюбилась в него. Всякая

любовная связь целиком поглощает женщину. Даже после того, как сын и дочь

вернулись из Сен-Сир-сюр-Луар домой, мать виделась с ними только по

воскресеньям.

Оноре, Лора и Лоранса были доверены попечению грозной гувернантки, мадемуазель Делаэ; они жили в страхе перед пристальным взглядом

темно-синих глаз матери и лживыми обвинениями гувернантки, которая утверждала, что Оноре ненавидит родительский дом, что он неглупый, но скрытный ребенок. Она насмехалась над тем, что мальчик мог подолгу, не отрываясь, смотреть на звезды. Совсем еще ребенком он разыгрывал небольшие комические сценки, чтобы позабавить сестер. Его сестра Лора вспоминает: “Часами он пиликал на маленькой красной скрипке, и по его сияющему лицу было ясно видно, что в ушах у него звучат чудесные мелодии. Вот почему он очень удивлялся, когда я умоляла его прекратить этот кошачий концерт. “Неужели ты не слышишь, как это красиво?” - спрашивал он меня”.

Оноре обладал счастливым свойством - он жил в воображаемом мире, и в его ушах звучали божественные аккорды, которых никто, кроме него, не слышал.

Самым примечательным событием первых лет его жизни было короткое путешествие в Париж. Дедушка и бабушка Саламбье пожелали познакомиться с внуком. Госпожа Бальзак повезла сына к ним, и старики были просто без ума от хорошенького мальчугана, которого они осыпали поцелуями и подарками. Не привыкший к такому ласковому обращению Оноре, возвратившись к себе,

без

конца рассказывал сестрам, какой хороший дом у дедушки и бабушки, какой

там красивый сад и какой у них чудесный сторожевой пес по имени Муш.

Госпожа Саламбье со своей стороны охотно описывала всем следующую забавную

сценку, о которой вспоминает Лора Сюрвиль: “Однажды вечером, когда по ее приказу принесли волшебный фонарь для

Оноре, мальчик, обнаружив, что среди зрителей нет его приятеля Муша, поднялся и крикнул властным тоном: “Обождите!” (Он знал, что может

распоряжаться в доме своего деда.) Затем выбежал из гостиной и тотчас же

вернулся, таща за собой собаку, которой сказал: “Садись здесь, Муш, и

смотри: это тебе ничего не будет стоить, заплатит дедушка!”

Слова детей служат безыскусственным эхом тех речей, которые родители

стремятся сохранить в тайне. Родители Бальзака слишком много говорили о

деньгах и о наследстве. Увы! Через несколько месяцев после этой поездки

дедушка Оноре скончался от апоплексического удара. То было большое горе

для мальчика. Немного позднее госпожа Саламбье переехала жить к своей

дочери. У нее была рента, приносившая пять тысяч франков в год, но она

совершила непростительную ошибку, доверив капитал зятю, который поместил

его в рискованное предприятие, представлявшееся ему “блистательным”; в

результате почтенная дама потеряла сорок тысяч франков. Госпожа Саламбье

охотно баловала бы своих внуков, но этому мешала суровость ее дочери.

Оноре буквально трепетал, когда мать говорила, что сама займется его

образованием. Зато он любил слушать пышные тирады и забавные остроты отца, хотя и не понимал их. Госпожа Бальзак отдала дочерей в пансион Воке, а

сына - в пансион Легэ, где он был “приходящим учеником по классу чтения”, за него платили шесть франков в месяц. Катехизису мальчика обучал аббат

Лаберж. Госпожа Бальзак, платившая “за стулья” в кафедральном соборе

святого Гасьена, водила сына слушать церковную службу. Чем менее

добродетельным становилось ее собственное поведение, тем больше

благочестия она выказывала.

Когда Оноре исполнилось восемь лет, мать решила определить его

пансионером в Вандомский коллеж. Надо сказать, что в это время она ожидала

рождения ребенка, отцом которого злые языки называли Жана де Маргонна.

Оноре было горько расставаться со своей милой сестренкой, подругой “в

невзгодах и печали”. Он, видимо, преувеличивал из обостренной

чувствительности огорчения, выпадавшие на их долю в детстве. Позднее он

заявит: “У меня никогда не было матери”. Эти уж слишком горькие слова

написаны Бальзаком в минуту гнева. Однако дети тяжело переживают обиды, и какое имеет значение, страдаем мы от действительного или мнимого горя, если нам оно представляется настоящим? Некоторые дети, рожденные в законном браке, чувствуют себя отверженными, не признанными своими родителями, хотя и не понимают, чем вызвана такая немилость. Они больше других жаждут успеха и славы, стремясь таким путем вознаградить себя за тоску, которая гложет им душу.

II. РАНО СОЗРЕВШИЙ ФИЛОСОФ

Как ребенок, называя свое имя, говорит о себе в третьем лице, так романист наделяет собственными чертами множество своих персонажей.

Ролан Барт

Вандомский коллеж, куда Бальзак поступил в 1807 году восьмилетним мальчиком, был одним из самых своеобразных учебных заведений Франции. Основали его монахи-ораторианцы, которые по примеру иезуитов посвящали себя воспитанию юношества, но слыли либералами, что должно было нравиться

Бернару-Франсуа. И в самом деле, два человека, руководившие коллежем в годы, когда там учился Бальзак, - Марешаль и Дессень - принесли во время Революции присягу на верность нации; оба они были женаты. Однако эти вступившие в брак священники сохранили католическую веру и поддерживали в коллеже почти монастырскую дисциплину. Воспитанники покидали коллеж только после окончания полного курса. “Наши ученики никогда не уезжают на вакации, - сообщали директора коллежа ректору Орлеанской академии. - Они не совершают также прогулок по городу. Мы настоятельно просим родителей не забирать детей домой”. Внутренний цензор коллежа распечатывал все письма, которые получали или отправляли воспитанники. Семьи подчинялись этим строгим порядкам.

Ораторианцы Вандомского коллежа воспитывали учеников в духе почтения к императору - в противном случае их заведение закрыли бы; однако они противились проникновению воинского духа, господствовавшего во всех лицеях страны в годы Империи.

Удары колокола, а не барабанная дробь возвещали о начале и конце уроков, а также о других занятиях, входивших в распорядок дня. Лицейские правила обычно предписывали громкое чтение какой-либо книги во время

правила обычно предписывали громкое чтение какой-либо книги во время трапез. Таким путем стремились предупредить брожение умов. Но наставники-ораторианцы разрешали ученикам разговаривать в столовой. Если им ставили в укор такое послабление, они возражали: “Помилуйте! Ради воспитания добрых нравов, ради поддержания дисциплины, ради сохранения благотворного влияния на учеников в течение всего года мы отказываемся от вакаций, лишая себя отдыха, который они нам сулят, и от экономии средств, которую они дают. А теперь нас упрекают за то, что мы доставляем воспитанникам скромные удовольствия!”

Что ж это были за скромные удовольствия?

”Редкие загородные прогулки, которые совершают сорок четыре воспитанника под наблюдением трех педагогов и главного воспитателя. Успевающие ученики отправляются из коллежа в четыре часа утра; мальчики проходят четыре лье пешком, осматривают кузницы, стекольный завод или астрономическую обсерваторию; они скромно завтракают на травке и возвращаются к себе сильно утомленные”.

Надо признать, что подобные развлечения воспитывали стойкость и

простоту нравов. Жизнь в коллеже была суровая. В библиотеке города Вандома

сохранился рисунок, изображающий урок математики. Несмотря на то что в

классе горит печурка, учитель в головном уборе, воротник его сюртука

поднят.

Применялись тут и телесные наказания: провинившихся били по пальцам

линейкой, обтянутой кожей (ultima ratio Partum) [высший довод святых отцов

(лат.)], и это было весьма болезненно; им давали дополнительные задания; непослушных надолго запирали в некое подобие карцера (эту каморку, помещавшуюся под лестницей, воспитанники именовали “альковом”) или в

“деревянные клетки” - чуланы размером шесть квадратных футов, устроенные

для строптивых при каждом дортуаре.

Когда Оноре Бальзак поступил в младший класс Вандомского коллежа, он

был толстощекий румяный мальчуган, но молчаливый и грустный. О пребывании

в родительском доме у него сохранились самые печальные воспоминания.

Впоследствии он не раз будет описывать преступных матерей, которые любят

незаконного ребенка и преследуют родного сына. В коллеж он принес с собой

тягостную настороженность, держался как затравленный зверек. Он

чувствовал

свою неуклюжесть и робел.

”Если кто хочет вообразить себе уединенность большого коллежа с его

монастырскими зданиями в центре маленького города и четыре парка [для

воспитанников самых младших, младших, средних и старших классов

(прим.авт.)], в которых мы размещались по иерархии, тот ясно представит

себе, какой интерес возбуждало в нас появление новичка, нового пассажира, попавшего на корабль” [Бальзак, “Луи Ламбер”].

Юному Бальзаку трудно было добиться уважения у орды школьников. По

милости своей предусмотрительной мамаши он почти не имел карманных денег и

потому не мог участвовать в общих развлечениях и покупках. Родители других

воспитанников приезжали в Вандом в дни раздачи наград за успехи; его

родители никогда при этом не присутствовали. За шесть лет - с 1807 по 1813

- мать, по словам Бальзака, только дважды посетила его, видимо не желая

отступать от духа, царившего в коллеже. Первое из сохранившихся писем

будущего писателя адресовано госпоже Бальзак.

Вандом, 1 мая (1807):

”Любезная матушка,

Я думаю, папа был огорчен, когда узнал, что меня посадили в “альков”.

Прошу тебя, успокой его, скажи, что я получил похвальный лист при раздаче

наград. Я не забываю протирать зубы носовым платком. Я завел себе толстую

тетрадь и переписываю туда начисто все из своих тетрадок, и у меня хорошие

отметки, надеюсь, это доставит тебе удовольствие. Обнимаю от всей души

тебя и всех родных, а также всех, кого я знаю. Я узнал имена учеников из

Тура, которые получили награды:

Буалеконт.

Других не запомнил.

Бальзак Оноре, твой послушный и любящий сын”

[Переписка Бальзака цитируется по изданию: Balzac. Correspondance. Textes reunis, classes et annotes par Roger Pierrot. Paris, Editions Gamier freres, 1960].

Похвальный лист при раздаче наград по устной латыни, который должен был

“успокоить” папу, оказался просто скромным томиком в рыжеватом сафьяновом

переплете, то была “История короля Швеции Карла XII”; по книге золочеными

буквами шла надпись: “Награда Оноре Бальзаку, 1808 год”.

Встречал ли он со стороны педагогов то ласковое отношение, в котором ему отказывали родители? Один из преподавателей, отец Лефевр [Иасент-Лоран Лефевр, присягнувший на верность нации священник, наставник пятого класса в Вандомском коллеже (прим.авт.)], занял большое место в жизни мальчика. Этот преподаватель, как гласит отзыв о нем, приведенный в книге Филиппа Берто “Бальзак и религия”, в годы своего послушничества выказывал “недюжинные способности, ум, обладал хорошей памятью, живым воображением, но его суждения не всегда отличались основательностью; он глубоко верил в чудеса и не отступал от догматов”. У него было много общего со странным учеником, который также жаждал чудес. Считая себя изгоем на земле, юный Бальзак ждал чудес от неба. В обязанности отца Лефевра входило приведение в порядок громадной библиотеки коллежа, которая частично была составлена во времена Революции, когда громили окрестные замки. Отец Лефевр давал дополнительные уроки по математике Оноре Бальзаку, ибо Бернар-Франсуа мечтал, что в один прекрасный день его сын поступит в Политехническое училище; однако добрый священник был скорее поэт, нежели математик, и

охотно разрешал своему ученику читать в часы, отведенные для повторения уроков.

”Таким образом, между нами был молчаливо заключен договор; я не жаловался на то, что ничему не учусь, а он молчал по поводу того, что я брал книги” [Бальзак, “Луи Ламбер”].

Мальчик уносил из библиотеки множество книг, а отец Лефевр никогда не проверял, какие именно произведения выбирает юный Бальзак, который на переменах усаживался под деревом и читал, между тем как его товарищи резвились. Часто он намеренно старался попасть в карцер, чтобы там без помехи читать. Постепенно в нем развилась настоящая страсть к чтению; он мало-помалу накапливал обширные, но беспорядочные познания, которые в силу самой этой беспорядочности сообщали его мышлению рано проявившееся своеобразие. “Еще в детстве я решил стать великим человеком и, ударяя себя по лбу, говорил, как Андре Шенье: “Здесь кое-что есть!” Я как будто чувствовал, что во мне зреет мысль, которую стоит выразить, система, достойная быть обоснованной, знания, достойные быть изложенными” [Бальзак, “Шагреневая кожа”]. Впрочем, только сам он верил, что его ждет великое

будущее. В глазах наставников и товарищей юный Бальзак оставался весьма

заурядным учеником, примечательным разве только тем, что он буквально

глотал всякую печатную страницу и отличался самомнением, которое ничем, казалось, нельзя было оправдать.

По примеру Андре Шенье он также пытался писать стихи.

”Увлеченный этой несвоевременной страстью, я пренебрегал уроками, сочиняя поэмы, которые, конечно же, не много обещали, если судить по одной

знаменитой среди моих товарищей слишком длинной стихотворной строке, которой начиналась эпопея об инках:

О инка! Властелин несчастный, злополучный!

В насмешку над моими опытами я был прозван Поэтом, но такие насмешки не

могли меня исправить. Я продолжал рифмовать строчки, несмотря на мудрый

совет господина Марешаля, нашего директора, который пытался излечить меня

от моей пагубной застарелой болезни, рассказав о несчастьях малиновки, которая выпала из гнезда, попытавшись летать раньше, чем у нее выросли

крылья. Я продолжал читать и стал самым бездеятельным, самым ленивым, самым задумчивым учеником младшего отделения, и, следовательно, меня

наказывали чаще других” [Бальзак, “Луи Ламбер”].

Приведенная выше характеристика относится к одному из героев

Бальзака, но свидетельства соучеников писателя говорят о том, что персонаж и его создатель походили друг на друга. Тринадцатисложный стих об инке был написан воспитанником Вандомского коллежа Оноре Бальзаком. Однако на самом деле в ту пору призвание толкало его не к поэзии и не к науке, а к поискам наивной, оккультной философии. Когда руки мальчика болели от ударов линейки, а сердце ныло от безответной нежности, “он находил приют в небесах, которые открывались ему силой воображения”. Быть может, Бальзак созрел не так рано, как Луи Ламбер, но, подобно своему герою, он еще подростком читал произведения писателей-мистиков, и они, по словам Филиппа Берто, “приучили его к бурным движениям души, причиной и следствием которых служит состояние экстаза”.

”Он был бы огорчен, если бы его посчитали слишком благочестивым”: во время вечерней молитвы он “рассказывал сам или выслушивал рассказы товарищей о дневных проказах”, а за воскресной мессой подсчитывал в уме свои карманные деньги и с горечью сознавал, как недоступны ему “вожделенные предметы, во множества выставленные в лавочке при коллеже”.

Неверие среди воспитанников Вандомского коллежа было не просто

распространенным явлением, а неким молодечеством. Сын вольтерьянца Бернара-Франсуа никогда не отличался природной покорностью, присущей тем детям, которые без усилий и рассуждений приобщаются к вере. Он слыл вольнодумцем и вступал в споры со священником коллежа.

"Когда я подрос и спросил перед своим первым причастием у доброго старичка, обучавшего нас катехизису, откуда Господь Бог взял мир, он не ответил мне, как отвечают на вопрос, откуда взялись дети, - "под капустой", но привел прекрасные слова из Евангелия от Иоанна: "В начале было Слово, и Слово было у Бога". Никто в мои годы не мог бы понять смысл этой фразы, на которой покоятся все философские доктрины и которая как бы резюмирует их. Подобно всем неверующим, я жаждал позитивного, мне нужны были не идеи, а факты. И я спросил его, откуда взялось это "слово". "От Бога", - ответил он мне. "Но если все сущее от Бота, - возразил я, - то почему в этом мире существует зло?" Добрый священник не был силен в полемике; он понимал религию как чувство и принимал все догматы на веру, будучи не в силах их объяснить. Однако он не был святым; и, не найдя никаких новых доводов, он вышел из себя и засадил меня на два дня в карцер за то, что я прервал его, когда он объяснял нам катехизис".

за то, что я прервал его, когда он объяснял нам катехизис”.

Но если ортодоксальность юного Бальзака была весьма спорной, если любые догматические оковы тяготили его, он тем не менее в пору своего первого причастия отличался “жаждой божественного”. Худой, с красивыми черными блестящими глазами, “он стал на колени и в радостном, восторженном порыве возблагодарил Бога. Он чувствовал себя счастливым, на душе у него было легко, хорошо…” Вечером “ему казалось, что он уподобился ангелам, потому что за целый день не согрешил ни словом, ни делом, ни помышлением” [Бальзак, “Красная гостиница”]. Несмотря на домашнее воспитание, которое благодаря взглядам отца и холодности матери было не слишком религиозным, Бальзак со времен Вандомского коллежа считал себя “предназначенным для тесного общения с ангелами”. Им предстояло вскоре занять огромное место в его помыслах.

Директора коллежа отнюдь не были склонны поддерживать в подростке такого рода мистицизм, смешанный с гордыней. Жан-Филибер Дессень рассуждал скорее как ученый, чем как церковник. Его правнук Рибемон-Дессень писал о

нем:

”Человек энциклопедически образованный, он без труда переходил от преподавания риторики и философии к преподаванию естественных наук, физики или химии. Он даже приступил к изучению физиологии, написан небольшой популярный трактат, предназначавшийся для воспитанников класса философии”.

Наблюдатель и исследователь, автор примечательных работ по фосфоресценции, он был склонен искать физиологические объяснения состоянию экстаза; он готовил большой труд, где хотел показать, что чувства и страсти связаны с изменениями, происходящими в организме человека.

Дессень учил, что наблюдения над фактами и их анализ - занятие гораздо более плодотворное, нежели разработка любой системы взглядов. Однако воспитанник Бальзак в противоположность своему учителю обладал умом, более склонным к построению различных систем, чем к методическому исследованию явлений, и втайне выработал довольно расплывчатую философскую доктрину.

Случалось, что этот слишком юный философ, отбывая наказание в

“деревянной

клетке” или в каморке под лестницей, старался постичь единство мира, исходя из представления, что мысль и воля - это реальные субстанции, флюиды, аналогичные электричеству. Дессень выдвинул новое и смелое по тем

временам положение о том, что все невесомые флюиды - теплота, свет, электричество, магнетизм - всего лишь различные проявления всепроникающей

среды, мирового эфира, приводимого в движение различными силами. Беседовал

ли он на эту тему с любознательным мальчиком? Развивал ли при нем свои

соображения о физиологии мышления? Это возможно (ведь Бальзак, выздоравливая после болезни, некоторое время жил в Лезоньере, в загородном

доме директоров коллежа, вместе с которыми он собирал растения для

гербария), но маловероятно. Дессень, кабинетный ученый, почти не общался

со своими учениками. “Он жил вдали от нас, - пишет Эдуард де Вассон, - и

эта удаленность увеличивала его престиж и авторитет”.

Вправду ли ученик коллежа Оноре Бальзак написал “Трактат о воле”?

Действительно ли отец Огу разорвал рукопись трактата? Вернее всего, Бальзак придумал этот эпизод. Но одно, видимо, бесспорно: в коллеже он

много размышлял над природой воли и ее проявлениями. Отбывая в карцере

наказание вместе со своим весьма развитым товарищем Огюстом-Илером Баршу

де Пеноэном, он беседовал с ним на философские темы. Баршу де Пеноэн

склонялся к скептицизму; Бальзак верил в почти безграничное могущество воли и в то, что мысль оказывает физическое воздействие. Возможно, вспоминая отрочество, писатель преувеличил степень достигнутой им в ту пору духовной зрелости; но несомненно, что уже тогда в сонном с виду подростке таился удивительный ум и ненасытное честолюбие. “Я буду знаменит”, - утверждал этот посредственный ученик. Товарищи смеялись над его самонадеянностью, и он вторил им, потому что был незлобив.

С детства чтение превратилось для него в “некую жажду, которую ничто не могло утолить: он глотал подряд все книги, причем его в равной мере занимали произведения, толкующие о религии и об истории, о философии и о физике… Одним взглядом он охватывал сразу семь или восемь строк, а его ум постигал их смысл, не уступая в скорости глазу; часто ему достаточно было одного слова, чтобы уловить суть фразы. Он с одинаковой точностью удерживал в памяти и мысли, почерпнутые из книг, и те, что возникали у него в часы раздумий или во время беседы”.

”К двенадцати годам его воображение, возбужденное постоянным упражнением всех его способностей, необыкновенно развилось, и это позволяло ему получать такие точные представления о вещах, которые он познавал только через книги, что образ, запечатлевавшийся в его душе, не

мог бы быть более живым и при непосредственном наблюдении. Он достигал этого, быть может, потому, что пользовался аналогиями, или потому, что был одарен вторым зрением, с помощью которого он охватывал всю природу” [Бальзак, “Луи Ламбер”].

Очень рано слово “ясновидец” входит в лексикон Бальзака. Ясновидец мысленно созерцает одновременно прошлое, настоящее и будущее. А почему, собственно, это невозможно? Лежа в постели, я в мечтах путешествую во времени и в пространстве. Стало быть, пространство и время целиком умещаются в моем мозгу. С другой стороны, коль скоро разум способен путешествовать таким образом, коль скоро мысль действует на расстоянии, значит, можно читать в мыслях другого, значит, возможно как бы второе зрение, которое позволяет созерцать в воображении предметы, находящиеся вдалеке. Волю можно собирать в некий сгусток и устремлять ее вовне, что позволяет воздействовать на других; воздействие этой магнетической силы ощущается на расстоянии, и он, Оноре Бальзак, воспитанник Вандомского коллежа, владеет ею.

Помощник директора коллежа Дессеня, Лазар-Франсуа Марешаль, не обладал таким множеством оригинальных идей, как его старший коллега, но зато

отличался добротою, которую ученики очень ценили. Марешаль писал эротические и игривые стихи, но следил, чтобы они ненароком не попали на глаза воспитанникам коллежа. Однако мальчики пользовались составленной им латинской грамматикой, где было немало любопытных примеров: “Господин, помоги этой женщине разрешиться от бремени и впредь не грешить” (Di, facultatem concedite huic pariendi atque non peccandi); “Девица скрывалась за кустарником” (Puella post carectes latebat); “Босоногая Венера” (Venus, nuda pedes). Шатобриан был обязан латинским поэтам первыми своими желаниями; повторяя причудливые примеры из школьной грамматики, Бальзак, наделенный живым воображением, конечно же, мысленно рисовал себе пластические образы языческих богинь. “Разве нельзя допустить, что со страниц скромных латинских книг, которые держал в своих руках воспитанник Оноре Бальзак, вставали первые силуэты его грез?” - спрашивает Филипп Берто.

Так он дошел до предпоследнего класса. Неумеренное чтение, видения, которые оно рождало в его мозгу, дни одиночества в карцере - все это привело к тому, что он впал в какое-то странное состояние полной отрешенности, болезненного оцепенения, и это тем более беспокоило наставников, что они не понимали причин такого состояния. А отрешенность эта была вызвана тем, что мысли его были далеко, что он пребывал в иных мирах, навеянных прочитанным. По мнению ораторианцев из Вандомского

мирах, навеянных прочитанным. По мнению ораторианцев из Вандомского коллежа, Оноре Бальзак был нерадивым учеником - занимался он мало, и то, что с ним происходило, не было умственным утомлением. Мальчик исхудал, зачах и походил на лунатика, спящего с открытыми глазами; большей части обращенных к нему вопросов он попросту не слышал, и, когда его неожиданно спрашивали: “О чем вы думаете? Где витают ваши мысли?” - он растерянно молчал.

Это удивительное состояние, которое Оноре осознал гораздо позднее, объяснялось тем, что он не в силах был переварить все мысли и впечатления, теснившиеся у него в голове. В годы созревания, когда избыток физических сил ищет выхода, он жил только духовной жизнью и со стороны казался отупевшим. Добрый Марешаль перепугался, вызвал госпожу Бальзак, и 22 апреля 1813 года, в самый разгар занятий, юный воспитанник коллежа был увезен домой в Тур. Состояние его испугало отца и обеих сестер.

”Вот в каком виде возвращаются к нам из коллежа красивые и здоровые дети, которых мы туда посылаем!” - горестно воскликнула бабушка Оноре, Софи Саламбье.

Заметив, что перемена обстановки, свежий воздух и общение с родными возвращают мальчику живость, свойственную его сверстникам, Бернар-Франсуа вскоре успокоился.

III. ИЗ ТУРА - В МАРЭ

Тот, кто желает хорошо воспитать

ребенка, обречен всегда придерживаться

справедливых взглядов.

Бальзак

Какое это удивительное и сильное впечатление - вновь вернуться в родную семью после шестилетнего отсутствия! И на людей, и на вещи смотришь новыми глазами. У Бернара-Франсуа Бальзака были серьезные неприятности. Его друг префект, генерал Померель, из-за распрей с архиепископом монсеньером де Буажеленом и сменившим Буажелена монсеньером де Барралем был смещен со своего поста. Император не желал допускать несогласие между своими префектами и своими епископами. Порядка ради государственные чиновники должны были присутствовать на богослужениях. Тем не менее Наполеон все еще испытывал благодарность к Померелю, который принимал у него экзамены в Бриенне, и назначил его префектом департамента Нор, а позднее -

генеральным директором Библиотеки. Иногда немилость оборачивается продвижением по службе. Бернар-Франсуа и его коллеги, попечители богоугодных заведений, лишились покровителя и вскоре подверглись преследованиям со стороны нового префекта, барона Ламбера, вступившего в сговор с архиепископом монсеньером де Барралем. Их обвиняли в злоупотреблениях, допущенных при надзоре за больницами; вытащив ка свет старую историю с ассигнациями, утверждали, что Бернар-Франсуа Бальзак якобы обманул государство. Хотя ничего не было доказано, обстановка накалилась и город распался на два лагеря: в одном были католики, в другом - франкмасоны, которые держались осторожно из боязни навлечь на себя гнев императора.

Префект Ламбер засыпал министерство доносами, направленными против попечителей богоугодных заведений. Те ответили “Нравственным отчетом”.

”Генеральный совет и я, - писал префект, - обрисованы в этом своего рода манифесте в самом неблагоприятном свете: нам приписывают, будто мы стремимся уничтожить наиболее полезные для жителей департамента учреждения и, во всяком случае, отказываем без уважительных причин в отпуске

необходимых средств”. И префект настаивал на том, чтобы министр безотлагательно и полностью обновил состав попечительского совета больниц.

Министр, однако, возражал: “Милостивый государь, я отнюдь не разделяю вашего мнения о том, что необходимо полностью обновить состав совета… Считаю своим долгом заметить: для того чтобы здраво судить о поведении лиц, ведающих богоугодными заведениями, надо поставить себя на их место и принять во внимание все обстоятельства, влиявшие на них”. Словом, его превосходительство защищал господина Бальзака от врагов в Туре, которые не могли простить Бернару-Франсуа надменность, неверие и показную роскошь, а также элегантные наряды его жены.

Однако Бернар-Франсуа, подобно Панургу, ни при каких обстоятельствах не утрачивал хорошего расположения духа. Втайне он принимал кое-какие меры, чтобы покинуть Тур, а в ожидании много и жадно читал, с утра до вечера разглагольствовал и поставлял книгоиздателю Маму рассчитанные на эффект брошюры.

В 1807 году в своей “Памятной записке о том, как предупредить кражи и убийства” он взял под защиту людей, возвращающихся с каторги и выпущенных

из тюрем. Беднягам при освобождении выдавали своего рода “волчий билет”, свидетельство их позора. Кто при этих обстоятельствах согласится дать им работу? И вот таким образом их толкают на новые кражи - ведь есть-то надо! Чтобы предупредить повторные преступления, следует учредить особые мастерские для бывших каторжников. Там их будут досыта кормить, хорошо одевать, они будут получать жалованье. Их труд станет приносить доход, и разбой в стране уменьшится.

В 1808 году появляется его же “Памятная записка о постыдном распутстве, причиной коего служат юные девицы, обманутые и брошенные в жестокой нужде”. Обесчещенные девственницы могли некогда рассчитывать на пособие со стороны обольстителя. Кодекс Наполеона запретил разыскивать отца незаконнорожденного ребенка. Однако этот новый закон мало сказался на “инстинкте продолжения рода, который по-прежнему таит в себе непреодолимое очарование”, - писал Бернар-Франсуа свойственным ему живописным и претенциозным слогом. Таким образом, забеременев, юная девица нигде не может найти себе места. Вот источник бед! Вот причина разврата! Надо спасти по меньшей мере двадцать тысяч несчастных созданий. Необходимо во всех больницах открыть бесплатные отделения для будущих незамужних матерей. Автор настоящей записки сам с успехом проделал это в больнице

матерей. Автор настоящей записки сам с успехом проделал это в больнице города Тура.

В мае 1809 года увидел свет его новый опус - “О величии наций и о том, как могут они сохранить для будущих веков нерушимые свидетельства своего могущества”. Цель этого сочинения была менее альтруистической. В жизни Бернара-Франсуа наступил опасный период, и он стремился заручиться благоволением императора. Каким образом можно сохранить для грядущих веков нетленные воспоминания о замечательном правлении, начавшемся в 1789 году? Письменные свидетельства можно оспаривать; одни только монументы не подвластны времени. Великая китайская стена, египетские пирамиды до сих пор красноречиво свидетельствуют о прошлом. Затем следовали многочисленные примеры, доказывавшие, что автор прочел множество самых удивительных книг… Какой же монумент будет достоин государя, который вновь воздвиг алтари, укрепил финансы, выработал ясный и понятный для всех кодекс законов, обновил армию? Надо воздвигнуть в его честь либо колоссальную статую, либо пирамиду, которая была бы выше египетских пирамид, и памятник этот надлежит построить между Тюильри и Лувром, или у заставы Нейи, или на Марсовом поле.

Марсовом поле.

В 1813 году юный Бальзак, мало-помалу выходивший из оцепенения, с удовольствием прислушивался к торжественным речам отца. Они прививали ему вкус к обширным планам, псевдонаучным теориям и раблезианским тирадам. Книжные шкафы занимали важное место в доме. У отца были сочинения великих писателей, римских и французских, труды философов, историков, книги уроженцев Турени, иллюстрированные издания, посвященные Китаю; мать собирала еретические произведения иллюминатов и прочих мистиков. Сын, как пишет Вилан, сокращал “долгие часы занятий в классной комнате и старался незаметно проскользнуть в кабинет отца, где можно было погрузиться в чтение Вольтера, Руссо или Шатобриана”.

Молчаливый и насмешливый от природы, мальчик внимательно наблюдал за домашними. Бабуля - так внуки называли бабушку Саламбье - была полна жизни, но постоянно жаловалась на недомогание, чаще всего без всякой причины. Она охотно советовалась с “ясновидящими”. Бабуля терпеть не могла зятя - из-за его сомнительных спекуляций она потеряла часть состояния. (В 1813 году Бернару-Франсуа и самому пришлось продать свой красивый особняк.) Хотя у госпожи Саламбье были сложившиеся взгляды на

воспитание

девиц, она не слишком-то преуспела в воспитании собственной дочери.

Госпожа Бальзак все еще шокировала турских ханжей. Она чересчур уж

снисходительным тоном говорила о своем “старпеньком муже”. Суровая и

надменная, Лора Бальзак была способна на безграничную преданность своим

близким, но не проявляла к ним никакой нежности. От родителей она

унаследовала склонность к строгим правилам, в частности придерживалась

определенного взгляда на то, как именно следует чистить зубы. “Мой

папенька был человек особого склада: он все решал и приводил в исполнение

гораздо скорее других”. Она читала Месмера и проверяла на близких

магнетическую силу своего взгляда - еще один способ повелевать ими.

Маленькая Лора, которой удалось приручить мать, называла ее “ми-мамочка”, по-детски соединяя слова “милая мамочка”. Оноре, знавший, что мать

предпочитает ему брата Анри, рожденного от любимого человека, трепетал

перед нею: ему был хорошо знаком пристальный и тяжелый взгляд, который она

устремляла на детей, когда они выводили ее из себя.

Лора и Оноре обожали друг друга. В свое время он позволял наказывать

себя вместо сестры. Теперь она постепенно становилась любимицей матери.

Госпожа Бальзак даже сделала ее своей наперсницей. Девочку нельзя было

назвать красивой, но она пленяла блеском глаз, милым выражением лица, трепетом жизни во всем существе. “Ты у нас хитрая, - говорил Оноре сестренке, - с тобой всегда весело”. Лоранса, которую брат и сестра называли Лорансо, а также толстушкой Лорансо или миледи Плумпудинг, на первый взгляд казалась не такой живой, как Лора, “но, узнав Лорансу получше, вы убеждались, что она очень умна, естественна и непосредственна”. Вообще дом просто бурлил от забавных историй, бесконечных проектов, иногда - сетований, а то и сплетен. Здесь ценили шутку, острое словцо, были склонны к чудачествам; все гордились тем, что принадлежат к семейству Бальзаков. Дети были дружны между собой, но взаимная привязанность не мешала им посмеиваться друг над другом. С родителями их сближала любовь к чтению и общий семейный лексикон: вместо “болтать” в доме говорили “балаболить” или “тараторить”; вместо “плохое настроение” - “мерехлюндия”; вместо “хвастун” - “бахвал”. Всему клану Бальзаков был свойствен дух критицизма; тут никого не щадили, но каждый стоял за другого горой.

Будь Бернар-Франсуа хозяином в собственном доме, он бы еще в 1813 году поместил вернувшегося из Вандома Оноре в коллеж города Тура. Но госпожа Бальзак хотела “нравственных гарантий”. Как бы стремясь смягчить в глазах

общества неверие своего супруга, она ревностно посещала кафедральный

собор, и старший сын всегда ее сопровождал. Он рассматривал старые дома

вокруг храма святого Гасьена, великолепные контрфорсы, занимавшие часть

тротуара, а порою становился свидетелем ссор между священниками и старыми

девами, у которых квартировали служители церкви. В соборе святого Гасьена

мальчик “дышал атмосферой неба”. Часто он в одиночестве бродил по

церковному двору и по улочке Псалетт, “окутанным влажной мглою и глубоким

молчанием”. В родительском доме Оноре поместили на четвертом этаже, он

донашивал все ту же “скромную одежду, в которой приехал из пансиона”. Лора

Сюрвиль пишет:

”Наша матушка считала труд основой всякого воспитания и, как никто, дорожила временем; вот почему она следила, чтобы у ее сына ни одна минута

не пропадала даром”.

Возможно, по ее настоянию мальчика отправили в Париж, где он несколько

месяцев был пансионером учебного заведения Безлена и Ганзера; и,

возможно, именно она вернула его в Тур в марте 1814 года, опасаясь, что войска союзников войдут в столицу. Во всяком случае, с марта по июль Оноре жил у родителей, он брал частные уроки и сделал заметные успехи в латыни.

В апреле 1814 года побежденный Наполеон был вынужден отречься от престола и отправился в изгнание на остров Эльбу. То был настоящий удар для детей Бернара-Франсуа Бальзака, воспитанных в лучах императорской славы. Их детский мир сразу померк. Вскоре герцог Ангулемский торжественно вступил в Тур, встреченный “бурей восторга”. Никогда еще, пожалуй, люди до такой степени не уподоблялись флюгерам. Штаб двадцать второй дивизии (куда был приписан Бернар-Франсуа) дал банкет и бал в честь его королевского высочества. Бывшие аристократы, отсиживавшиеся в своих замках, снова вылезли на свет Божий. Жан де Маргонн, лейтенант национальной гвардии, деятельно участвовал в поддержании порядка. Пятнадцатилетний Оноре, выполняя волю матери, представлял отца, отлучившегося из Тура; мальчик с удовольствием затесался в толпу женщин: его ослепляли и огни люстр, и малиновые драпировки, и сверкающие бриллианты, а главное - белоснежные плечи. Он на всю жизнь запомнил это зрелище и пьянящий аромат, исходивший от женщин.

В июле 1814 года Оноре был зачислен экстерном в Турский коллеж, чтобы заново пройти курс предпоследнего класса. Здесь он получил награду - изображение лилии; она была присуждена Оноре де Бальзаку. Награда эта свидетельствовала не столько о его отличных успехах, сколько о том, что реставрированная, но все еще не уверенная в собственной прочности монархия стремилась привлечь на свою сторону молодежь. В Турском коллеже, как и в Вандомском, мальчик страдал от нелепого скопидомства матери, которая была расточительна в крупных тратах, но расчетлива в мелочах. Его товарищи лакомились чудесной свининой, которую приносили из дому, а юный Оноре грыз сухой хлеб. “Тебе что, есть нечего?” - насмешливо спрашивали товарищи. Даже много времени спустя один из них продолжал называть его “бедняга Бальзак”. Глубоко задетый и униженный, мальчик давал себе клятву в один прекрасный день ослепить их своею славой. Но на каком поприще? Этого он еще не знал, однако ощущал в себе нечеловеческую силу. Ранняя зрелость его суждений поражала даже мать. “Ты, должно быть, сам не понимаешь того, что говоришь, Оноре!” - ворчала она. А он в ответ лишь улыбался, насмешливо и

добродушно. И этот молчаливый протест выводил из себя госпожу Бальзак. Ее раздражало постоянное присутствие проницательного подростка, который слишком многое видел. Сестры только смеялись, когда он заявлял, что “в один прекрасный день бахвал Оноре удивит мир”. А пока что он внимательно изучал этот мир.

В его удивительную память накрепко врезались события и образы. Мягкие пейзажи Турени, красота зеленеющих долин, окаймленных тополями, селения, разбросанные по холмам, величавая Луара, по глади которой скользили паруса, готические колокольни собора святого Гасьена, старинные витражи, лица священников, разговоры друзей дома - все запечатлевалось в его мозгу. Он не только отлично помнил предметы и людей, но мог по собственному желанию вызывать их перед своим мысленным взором такими, какими видел, - живыми и красочными. “Он собирал строительные материалы, еще не зная, для какого здания они послужат”.

Отец не оставил мысли подготовить его к поступлению в Политехническое училище, и репетиторы занимались с мальчиком математикой и естественными науками, так что в мозгу у него возникла причудливая мешанина из обрывков

точных знаний, отцовских парадоксов, суеверий бабули и рассуждений всевозможных “ясновидцев”, с которыми носилась его мать. В конце вакаций Жан де Маргонн пригласил Оноре в свое имение, в Саше. Тополя уже теряли листву, и леса одевались в торжественный багряный убор. В доме Маргонна подросток с волнением встретил нескольких молодых женщин, которыми любовался на балу в Туре. Он жаждал всего сразу - и любви, и славы.

Между тем Бернар-Франсуа стремился как можно скорее покинуть Тур. Вскоре после отречения Наполеона он опубликовал брошюру “О конной статуе, которую французы желают воздвигнуть, дабы увековечить память Генриха IV”. Королевская статуя явно должна была служить противовесом пирамиде, которую он в свое время предлагал построить в честь императора. В эпоху столь бурных социальных потрясений приспособленчество не знает границ, а поставщик армии готов, на худой конец, поставлять какие угодно мысли. Но, оставаясь в Туре, вчерашнему бонапартисту, спешно перекрасившемуся в роялиста, трудно было бы доказать искренность своих новых убеждений. По счастью, Огюст Думерк, приятель Бернара-Франсуа (сын его первого патрона), сохранил прежнее влияние и добился для него должности интенданта первой армейской дивизии в Париже. И в ноябре 1814 года вся семья, включая

бабулю, поселилась в квартале Марэ, этой колыбели семейства Саламбье, в доме номер сорок по улице Тампль. Возвращение к родным пенатам!

Оноре отдали в пансион Лепитра, частное учебное заведение, где царил роялистский и католический дух; содержал этот пансион колченогий толстяк, ходивший опираясь на костыль; внешне он напоминал Людовика XVIII. В период якобинской диктатуры Жак-Франсуа Лепитр был замешан в заговоре роялистов, намеревавшихся похитить Марию-Антуанетту из Тампля. Этим Лепитр завоевал признательность вернувшихся Бурбонов; он был награжден орденом Почетного легиона. На деле же Лепитр, подобно Бернару-Франсуа Бальзаку, умело лавировал в трудные годы. Воспитанники пансиона посещали занятия в лицее Карла Великого. Учебное заведение Лепитра помещалось в старинном дворянском особняке Жуайез, в доме номер девять по улице Тюренна. Швейцар, “сущий контрабандист”, “смотрел сквозь пальцы на самовольные отлучки и поздние возвращения воспитанников и снабжал их запретными книгами”; у него всегда можно было выпить кофе с молоком - такой аристократический завтрак был доступен лишь немногим, ибо при Наполеоне колониальные товары стоили очень дорого. Оноре, вечно сидевший без гроша, нередко бывал в долгу у этого человека. Подросток мог только мечтать о публичных гаремах

Пале-Рояля, об этом “Эльдорадо любви”, где его более богатые и бойкие товарищи познавали тайны женских чар и где “навсегда прощались со своим целомудрием”. Тем не менее, если верить Мишле, некоторые воспитанники пансиона Лепитра проявляли определенную склонность к “хорошеньким мальчикам”.

В 1815 году, в период Ста дней, Лепитр приложил немало усилий, чтобы помешать манифестациям учеников, враждебных монархии. Он размахивал своим костылем, грозил непокорным, но так и не мог устрашить фанатических приверженцев императора. Когда, словно по мановению волшебной палочки, произошла вторичная реставрация Бурбонов, многих бунтарей исключили из пансиона. Оноре Бальзака отпустили с миром 29 сентября - ему был вручен аттестат, где с похвалой отзывались о его трудолюбии и добронравии. Вполне возможно, что он по примеру своих товарищей с надеждой и восторгом следил за последней кампанией Наполеона. Генерал де Померель, убежденный бонапартист, после вторичного возвращения короля во Францию был изгнан из страны. Бернар-Франсуа, человек более осмотрительный, вышел невредимым из этой переделки.

Вскоре Оноре стал одним из воспитанников “по-отечески строгого”

аббата

Ганзера, священника, чьи предки были выходцами из Германии, весьма

добродетельного человека, который после смерти своего компаньона Безлена

один возглавлял учебное заведение, расположенное на улице Торины; как и в

пансионе Лепитра, ученики посещали занятия в лицее Карла Великого. Юный

Бальзак пробыл тут год в классе риторики. По латинским переводам он

оказался на тридцать втором месте; узнав об этом, мать прислала ему

гневное письмо, и по ее настоянию он был лишен прогулок. В воскресенье его

“под надежной охраной” водили на улицу Тампль, где он брал уроки танцев.

Госпоже Бальзак хотелось, чтобы ее сын стал гением, и, опасаясь, как бы он

не разленился, она обращалась с ним особенно строго именно потому, что

по-своему любила Оноре. Юноша писал довольно легко, и сестра Лора

сохранила для семейного архива одно из его сочинений (речь, с которой жена

Брута обращается к своему супругу, когда их сыновей приговорили к смерти).

Это было сочинение ученика класса риторики, отмеченное печатью

подражательности, не лишенное патетики, но обладавшее некоторыми

достоинствами. В лицее Карла Великого Бальзак вновь встретился со

своим

закадычным приятелем по Вандомскому коллежу Баршу де Пеноэном; здесь

появился у него и новый друг, добродушный толстяк Огюст Сотле.

По-видимому, юноша Бальзак несколько месяцев слушал лекции профессора

Вильмена, но тот уделял внимание лишь таким блестящим ученикам, как Жюль

Мишле, и совершенно не замечал скромного воспитанника, затерявшегося в

толпе посредственных учеников и занимавшего тридцать второе место по

латинским переводам.

Когда в 1816 году Оноре без блеска закончил курс обучения, он, вернувшись в родительский дом, не обнаружил там никаких перемен.

Бернар-Франсуа по-прежнему тщательно следил за своим здоровьем и “душевным

спокойствием”; его супруга между тем “портила себе кровь” по любому поводу

или даже без оного. Лора и Лоранса воспитывались в пансионе для юных

девиц, где их обучали английскому языку, игре на фортепьяно, шитью, вышиванию и правилам игры в вист; девушек знакомили также с отрывками из

классических произведений и “начатками химии”. Лора была первой ученицей в

классе. Анри, любимчик матери, менял пансионы как перчатки, учился из рук

вон плохо, но, несмотря на это, "мамаша души в нем не чаяла". Марэ, как и раньше, оставался одним из самых степенных кварталов Парижа - здесь ложились спать в девять вечера, и улицы рано погружались во тьму, в то время как огни аристократического Сен-Жерменского предместья далеко за полночь пронизывали мрак. В Марэ водовозы-овернцы разносили по домам ведра с водой; печи здесь топили дровами, а комнаты освещали свечами и масляными лампами; плату за жилье вносили консьержке - это была могущественная особа, она могла предложить старику рантье в потрепанном парике съехать с квартиры, если ей не нравились его политические взгляды.

В квартале Марэ можно было жить в свое удовольствие, располагая десятью тысячами ливров годового дохода. Примерно такой доход и был у семейства Бальзаков. По соседству обитали многочисленные друзья, принадлежавшие к средней буржуазии, коммерсанты, еще занимавшиеся торговлей или уже удалившиеся на покой: племя Саламбье - суконщиков и басонщиков: семейства Малюсов и Седийо; дядюшка Даблен, старый холостяк, бывший торговец скобяными товарами (на вывеске его лавки был изображен золотой колокол), богатый коллекционер и великий книгочей, которому “честность и доброе

сердце” помогли приобрести множество друзей. Оноре любил этих славных людей. Позднее, как и все художники его времени, он станет высмеивать “буржуа” и описывать пороки этого класса - своего класса, хотя будет при этом испытывать к ним “глубокую нежность и тайное восхищение”. Старик Думерк скончался в 1816 году; семейство Бальзаков поддерживало дружбу с его дочерью, Жозефиной Делануа, женой генерального поставщика (провиант и скот), женщиной весьма влиятельной. К числу их ближайших друзей принадлежал и Жан-Батист Наккар, домашний врач семьи, автор примечательного труда о теориях Галля “Новая физиология мозга”. Доктор Наккар настаивал на необходимости, изучая психологию, исходить из физиологии. По его словам, душа есть результат действия физических и химических сил в организме. Оноре читал книги Наккара, они помогали ему разрабатывать “систему унитарного человека”, согласно которой нравственность сводилась к науке о нравах.

Окружавшие его люди остерегались занять определенную политическую позицию. Особняки в квартале Марэ - особняк Рамбулье, особняк Севиньи - больше уже не служили приютом для знатных родов. Правда, в этом квартале

еще попадались скромные представители "дворянства мантии", но большая часть его обитателей принадлежала к зажиточной и почтенной буржуазии. Устав отрекаться от собственных убеждений, все эти торговцы и чиновники предпочитали теперь безобидные банальности серьезным взглядам, грозившим неприятностями. Многие своими глазами видели “величие и падение” Людовика XVI, Революции, императора Наполеона. Отныне они исповедовали благоразумную осторожность в политике и, опасаясь новой перемены режима, больше всего дорожили своей благонамеренностью. Почти все читали газеты в кафе, ибо выписать газету на дом означало неосмотрительно заявить о своих убеждениях. “Котидьен” и “Газетт де Франс” свидетельствовали о роялистских взглядах; “Конститюсьонель” и “Деба” - о либеральных воззрениях. А читая все вперемежку, можно было запутать следы.

В одном доме с Бальзаками жили их нотариус, метр Пассе, и старинная приятельница бабушки Саламбье, мадемуазель де Ружмон, женщина острого ума, хорошо помнившая старый режим и лично знавшая Бомарше. Оноре любил слушать ее рассказы о блестящей жизни этого человека. В истории Бомарше было нечто от сказок “Тысячи и одной ночи”, а юный Бальзак обожал сказки. Почему бы и

ему не сделаться драматическим писателем? Но у его матери были совсем иные

взгляды на будущее сына. Метр Пассе выразил согласие взять Оноре к себе

клерком, а позднее сделать его своим преемником. Чего уж лучше?

Бернар-Франсуа, вечно увлекавшийся самыми необычными планами, вопрошал

себя, не сулит ли наука больших шансов на успех. Но его супруга, умевшая, как никто, ценить время, не желала, чтобы Оноре хотя бы день пребывал в

праздности, и решила незамедлительно приобщить его к судейскому сословию.

Четвертого ноября 1816 года Бальзак был внесен в списки слушателей

факультета права, а три года спустя ему был выдан диплом бакалавра права.

Оноре пришлось одновременно частным образом обучаться и другим наукам, посещать лекции в Сорбонне и приступить к “серьезным занятиям

литературой”. В то время в Сорбонне и Коллеж де Франс читали лекции

известные профессора - Гизо, Кузен. “Они, - замечает Жорж Прадалье, - как

бы воплощали собою протест против ультрароялистов”. Восторженное

поклонение вызывал у студентов совсем еще молодой в ту пору Виктор Кузен.

Между ним и слушателями существовало подлинно братское доверие. В те годы

в сознании Бальзака жили две противоборствующие тенденции: он не принимал

традиционного спиритуализма, свойственного христианству, в этом

сказывалось влияние отца, атеиста и материалиста, который во всякой

идеологии видел одну из глав зоологии; однако после Вандомского коллежа

Оноре отпугивал чистый материализм. Им владела навязчивая идея - идея

единства мира. Дух, материя - все тесно связано между собою. Кузен сделал

своей доктриной эклектизм, он стремился примирить познание фактов, основанное на исследовании и наблюдении, с познанием самого себя, что

относилось уже к области прямой интуиции. Бальзак внимательно слушал и

запоминал, но из гордыни утверждал, будто “этот профессор составил громкое

имя, изрекая то, что каждый может узнать, прочитав несколько книг”.

Необыкновенно любознательный, Оноре часто ходил в Музей естественной

истории. Там читал лекции Жоффруа Сент-Илер, зоолог и анатом, считавший

себя философом. Этот ученый полагал, что наука не может ограничиться

наблюдением и классификацией явлений; цель ее - рассуждать и делать

выводы. Он основал так называемую “школу идей” в противоположность “школе

фактов”, созданной его коллегой Кювье. Бальзак восхищался главным образом

Кювье, но Жоффруа Сент-Илер (вслед за Шарлем Бонне) выдвинул научную

теорию “единства строения организмов”; доктрина эта способна была прельстить ум, склонный к широким умозрительным построениям.

“Представляется, что природа ограничила себя определенными рамками и, создавая все живые существа, следовала единому плану; сохраняя верность главному принципу, она варьировала его на тысячу ладов”. Короче говоря, каждый орган присутствует в зародыше во всех животных видах, но вследствие различных потребностей то, что в одном случае развивалось, в другом отмирало. Так, например, в своем знаменитом “Мемуаре о рыбах” Жоффруа Сент-Илер указывает на сходство, существующее между плавниками рыб и конечностями позвоночных. Принцип аналогии, принцип некоего равновесия органов живых существ (ресурсы природы незыблемы, и если в одном случае она расходует слишком много, то в другом непременно экономит) - вот основа, на которой покоится теория “единства строения организмов”.

Молодой Бальзак, восприимчивый к такого рода оригинальным гипотезам, пока еще смутно мечтал о возможности когда-нибудь приложить их к человеческому обществу. Этот юноша был одержим неукротимым стремлением все постичь. Он жаждал понять причины и следствия. Свет первых размышлений помогал ему провидеть контуры величественной системы. К чему он ее применят? К философии? К произведениям искусства? Этого он еще не

знал, но не сомневался в своих силах. Правы Виктор Кузен и Жоффруа Сент-Илер или нет, все равно так упоительно обсуждать эти грандиозные, хотя и расплывчатые теории со своими товарищами по факультету права (например, с толстяком Сотле, с которым он снова здесь встретился) или с молодыми студентами-медиками, обсуждать их в перерыве между лекциями, завтракая на восемнадцать су в “храме голода и нищеты”, в кухмистерской Фликото - ее окна с частым переплетом выходили на площадь Сорбонны. А потом ведь можно ослеплять своими речами домашних: некогда застенчивый юноша постепенно становился столь же говорлив, как его отец. Однако родные не желали восторгаться этим и считали, что Оноре слишком много разглагольствует. После длинного монолога о магнетизме, оккультных науках или единстве мира он дурачился и болтал пустяки, как малый ребенок.

Родители требовали от него строжайшей дисциплины. Бернар-Франсуа полагал, что недостаточно слушать лекции по вопросам права в Сорбонне, надо тотчас же приобщаться и к юридической практике. Оноре пришлось все три года проработать у стряпчего и у нотариуса. Стряпчий принадлежал к числу друзей семейства Бальзаков, его звали Жан-Батист Гийонне-

Мервиль: то

был превосходный юрист и весьма образованный человек, любивший литературу; когда Бальзак поступил к нему в контору клерком, Жюль Жанен служил там

рассыльным и младшим клерком, а незадолго перед тем здесь работал и Скриб.

Годы ученичества у Гийонне-Мервиля оказались весьма плодотворными для

Бальзака. Он изучил судопроизводство, эту незыблемую процедуру, которая

играла огромную, но еще очень мало изученную роль в жизни мужчин и женщин.

Он “жил в мире, где были на короткой ноге со сводами законов и богиней

правосудия”. В будущем он превратит их в орудия своей мысли. “Именно с

помощью юриспруденции, - писал Де Саси, - его мысль попытается пробить

себе дорогу в лабиринте существования”. В конторе стряпчего завязываются

семейные драмы, и здесь они находят развязку. Тут Оноре увидел женщину, стремившуюся лишить всяких прав своего мужа, полковника наполеоновской

армии, который вернулся из Германии после плена и, точно привидение, возник перед женою, вторично вышедшей замуж; юноша знакомился с сотнями

порожденных жизнью романов, раскрывавших чаще всего низменные побуждения и

реже - благородные порывы представителей рода человеческого. Он сидел

рядом с клерками конторы, бедными и алчными молодыми людьми, которые делали вид, будто для них не существует ничего святого, и могли показаться чудовищами, но часто обнаруживалось, что они живут на свои сто франков в месяц в каморке на шестом этаже вдвоем со старушкой матерью, о которой нежно заботятся. Переписывая прошения, клерки перемывали косточки клиентам. Они работали в полутемном помещении, где пыль превращалась в жирные хлопья; вдоль стен, украшенных большими желтыми объявлениями о продаже недвижимого имущества, тянулись громадные шкафы, набитые связками бумаг; конторки и письменные столы были испещрены пятнами. Здесь стоял тяжелый, острый запах сыра, котлет и дешевого шоколада, который варили себе клерки, смешивавшийся с запахом пыльных бумаг. Контора стряпчего - “одно из самых отвратительных заведений на службе общества”, и все же именно тут молодой Бальзак постигал страшную поэзию жизни. Сам он обладал такой неистощимой фантазией (и так умел смешить людей), что часто мешал работать своим коллегам. Однажды старший клерк прислал ему записку такого

“[illegible]

содержания: “Господина Бальзака просят не являться нынче в контору, ибо предстоит очень много дел”.

По вечерам он играл в бостон или вист с бабулей; с годами характер у нее смягчился, она питала слабость к внуку и порою умышленно проигрывала ему небольшие суммы, которые он употреблял на покупку книг. Оноре все больше увлекался чтением, ему нравились трудные, редкие, необычные книги; в нем, казалось, без всяких оснований крепли честолюбивые надежды, он не сомневался, что его ожидает слава, богатство и любовь. Если верить свидетельству его сестры Лоры, Бальзак, несмотря на вечное безденежье, с юности пользовался успехом у женщин. “Он хотел нравиться и вскоре стал героем весьма пикантных приключений; они еще слишком живы у многих в памяти, и я не решаюсь о них рассказывать. Могу только заверить, что, пожалуй, ни один мужчина не имел больших оснований уже на заре своей жизни сделаться фатом”. И затем Лора Сюрвиль вспоминает о том, как Оноре выиграл пари, заключенное с бабушкой, добившись благосклонности одной из самых хорошеньких женщин Парижа, имя которой госпожа Саламбье необдуманно назвала, будучи уверена, что тут уж она никак не проиграет ста экю, служивших ставкой в споре. Однако Оноре выиграл, выиграл, несмотря на вечно растрепанные волосы и большой рот с уже выщербленными зубами:

пылкое

красноречие, красивые глаза, в которых сверкал ум, а быть может, также и молодость принесли ему победу. Бабуля отнюдь не была ханжой, и надо признаться, что в этом “небесном семействе” играли в довольно странные игры.

IV. УЧЕНИЧЕСКИЕ ГОДЫ ГЕНИЯ

Как и Мольер, он хотел сначала
сделаться глубоким философом, а уж
потом писать комедии.
Бальзак

Тысяча восемьсот девятнадцатый год внес большие перемены в жизнь семейства Бальзаков. Граф Дежан, начальник Бернара-Франсуа, неожиданно предложил своему подчиненному, которому исполнилось семьдесят три года, подать в отставку. Старик терял внушительное жалованье - семь тысяч восемьсот франков в год; и, несмотря на все его попытки добиться увеличения пенсии, на просьбу принять во внимание его прежнюю службу в качестве секретаря Королевского совета, размер годового пенсиона был

определен ему всего лишь в тысячу шестьсот девяносто пять франков. К этой скромной сумме прибавлялись только доходы госпожи Бальзак (дом в Париже, ферма неподалеку от Тура), небольшие сбережения, помещенные в государственные бумаги, да пресловутая тонтина Лафаржа. В связи с тонтиной вставал вопрос о долголетии, и тут уж Бернар-Франсуа никого не боялся. Он знал сотню способов продлить жизнь и не раз вспоминал о венецианце Корнаро, который к сорока годам подорвал свое здоровье, но тем не менее умер столетним старцем; он говорил на эту тему с утра до вечера, посмеиваясь над другими участниками тонтины, которые умирали один за другим: Бернар-Франсуа именовал их “дезертирами”.

Итак, будущее сулило чудесное обогащение, но пока что доходы семьи сильно уменьшились и продолжать жизнь зажиточных буржуа в квартале Марэ стало невозможно. У Бальзаков были свои представления о достоинстве, и они не желали ронять себя в глазах соседей. Уж лучше поселиться где-нибудь за пределами Парижа. Жилье, провизия, слуги - все там будет не так дорого. Двоюродный брат госпожи Бальзак, Клод-Антуан Саламбье, согласился купить дом в Вильпаризи, на дороге в Мо, и сдавать его внаем своим родственникам.

Селение это, расположенное на полпути между Парижем и Мо, насчитывало

пятьсот жителей; беленные известью дома без украшений вытянулись вдоль

главной улицы, которая была частью шоссе Париж - Мец. Отсюда в разных

направлениях уходили дилижансы. Поэтому в селении насчитывалось шесть

постоялых дворов, там останавливались пешеходы и верховые, большую часть

постояльцев составляли обычно возчики, коммивояжеры и торговцы. На главной

улице постоянно слышался стук колес, крики форейторов, возгласы бродячих

комедиантов, выступавших с дрессированными животными. Почтальон доставлял

корреспонденцию из соседнего городка Клэ.

В числе местных именитых жителей были: граф д’Орвилье, весьма скромный

“замок” которого стоял против дома Бальзаков; Габриэль де Берни с семьей -

парижане, приезжавшие сюда только на лето, и какой-то полковник в

отставке. Двухэтажный дом Бальзаков имел пять окон по фасаду и увенчивался

мансардой; в саду так густо разрослись кусты, что за ними не видно было

плодовых деревьев и огорода. На втором этаже были три отапливаемые

комнаты, где жили госпожа Саламбье, госпожа Бальзак и Лора. Ветеран

тонтины Лафаржа, железный человек, довольствовался комнатой без камина, и

дети побаивались “сквознячка из-под папиной двери”. Лоранса спала в

кабинете, расположенном рядом с комнатой Лоры. Когда Оноре приезжал домой, его помещали в мансарде. В доме были две служанки - глуховатая соседка

Мари-Франсуаза Пелетье, которую все называли “мамашей Комен”, и кухарка

Луиза Лорет, вскоре вышедшая замуж за садовника Пьера-Луи Бруэта.

Обитатели селения радушно встретили это живописное семейство, где, как

пишет Мари-Жанна Дюри, “каждый был достаточно умен, образован, говорлив, недурно писал, но при этом отличался обидчивостью и раздражительностью”.

Бернар-Франсуа все еще одевался по моде времен Директории, обладал

завидным здоровьем, ужинал в пять часов вечера, причем меню его состояло

главным образом из фруктов (один из пресловутых рецептов долголетия!), а

спать ложился с курами. Его комнату украшал книжный шкаф, ключ от которого

он всегда носил при себе; выйдя на пенсию, старик целыми днями читал.

Тацит и Вольтер помогали ему спокойно переносить нервные припадки супруги

и обидные замечания тещи - она называла зятя “несносным хвастуном” и

завидовала его бодрости. “Хорошее расположение духа изменяло

Бернару-Франсуа только в тех случаях, когда, несмотря на выработанный им

режим, его теории долголетия оказывались слегка поколебленными. Если у

него разрушался зуб, этот прискорбный случай сильно огорчал его и повергал

в уныние", - пишет в своей книге Мари-Жанна Дюри. Но он быстро

успокаивался. "Все бренно в этом мире, - говаривал он, - непреходяще одно

только душевное равновесие". Если он страдал от подагры, то тешил свое

тщеславие тем, что "это недуг аристократический", который восходит к

самому царю Давиду. Больше всего Бернар-Франсуа сожалел, что в отличие от

вышеупомянутого царя ему не дано жить в окружении шестисот юных наложниц.

Вдова Саламбье ездила в Париж, чтобы испросить совета у врачей и

"ясновидящих": она боялась, по ее собственному выражению, "выйти из игры", другими словами - "погрузиться в небытие". Лоранса доживала последние

месяцы в пансионе и больше интересовалась балами, нежели учением. Лора

усердно играла на фортепьяно, занималась английским языком, благодаря

своему веселому и добродушному нраву она умела смягчать драмы, разражавшиеся в семье. Одной из подлинных семейных драм, о которой, по

счастью, не знали соседи, был смертный приговор, вынесенный 14 июня 1819

года судом присяжных в Тарне Луи Бальса, брату Бернара-Франсуа: он был обвинен в убийстве работавшей у него на ферме молодой женщины Сесиль Сулье, которую якобы соблазнил. Беременную служанку нашли задушенной.

Возможно, Луи Вальса был неповинен в ее смерти, а убийцей был нотариус Альбар, родственник того самого Альбара, в конторе которого начал свою карьеру Бернар-Франсуа. Как бы то ни было, но Луи Бальса гильотинировали в Альби 16 августа 1819 года. В переписке семьи Бальзаков мы не находим даже намека на эту трагедию. Такое молчание красноречивее слов. Бернар-Франсуа не сделал ни малейшей попытки спасти своего брата. Забота о сохранении репутации взяла верх над родственными чувствами и даже над стремлением к справедливости. Этот добропорядочный буржуа никогда не грешил чрезмерной добротою.

Оноре не мог да и не хотел покидать Париж. В январе 1819 года он сдал экзамены на бакалавра прав. Теперь родители рассчитывали на старшего сына, надеясь, что он упрочит благосостояние семьи. Бернар-Франсуа упивался “блестящим каскадом замыслов, которые обрушивал на него сын”. Мы уже знаем, что мэтр Пассе предлагал молодому человеку работу в своей

нотариальной конторе, обещая в будущем передать ему дело. Выгодная женитьба позволила бы Оноре купить эту контору. Сын-нотариус, прочно стоящий на ногах, дочери, выданные замуж за молодых инженеров, выпускников Политехнического училища, да еще, если повезет, за дворян, - так выглядел успех в глазах обитателей квартала Марэ. Оноре упорно противился всем планам на его счет. Он тоже был честолюбив и горд, тоже стремился к успеху, но жаждал литературной славы. Почему? Быть может, потому, что он столько читал и с увлечением слушал рассказы о головокружительной карьере Бомарше; возможно, сыграли роль и брошюры отца. В семье все питали слабость к сочинительству. Однако если тут достаточно любили изящную словесность и не просто держали в книжном шкафу творения классиков, но читали их, то все же больше всего значения придавали богатству. Можно ли, занимаясь литературой, составить себе состояние? По мнению госпожи Бальзак, все дело было в этом. И в доме завязался жаркий спор. Даблен, дядюшка Даблен, удалившийся на покой торговец скобяными товарами, который слыл оракулом в своем кругу, где его считали образцом просвещенного человека, обладавшего тонким вкусом, заявил, что из Оноре ничего, кроме письмоводителя, не выйдет. Но Бернар-Франсуа лучше знал своего сына. Он ценил ум Оноре и возлагал на юношу большие надежды. Коль скоро мальчик

мальчик

утверждает, что у него есть талант, пусть докажет на деле. Надо дать ему

возможность испробовать свои силы и положить на это два года, а родители

будут давать сыну полторы тысячи франков в год.

Следует сказать, что такое предложение свидетельствовало о великодушии.

Сумма эта составляла немалую часть доходов семьи, и ее уделяли молодому

человеку не для продолжения занятий, суливших ему надежное положение в

обществе, а для того, чтобы он писал драмы или романы. Такая наивная вера

трогает, и за этот самоотверженный поступок можно простить госпоже Бальзак

мелочную экономию на завтраках сына и всегда гневный взгляд. Она сняла для

Оноре за шестьдесят франков в год мансарду в старом доме, помещавшемся на

улице Ледигьер под номером девять, неподалеку от библиотеки Арсенала.

Здесь он должен был провести время искуса. Однако Бальзаки стыдились

признаться своим друзьям из квартала Марэ в том, что содержат в Париже

сына, “который ничего не делает”, и было решено говорить всем, будто Оноре

живет в Альби у кузена. Вот почему он должен был меньше показываться на

людях и выходить на улицу только после того, как спустятся сумерки. Связь

между ним и Вильпаризи поручили поддерживать мамаше Комен - она часто

ездила в Париж за покупками. Оноре и сестры окрестили ее “вестницей богов

- Иридой”.

Если верить Бальзаку, его мансарда в шестиэтажном доме была конурой, “не уступающей венецианским “свинцовым камерам”. В это темное, низкое

логово вела грязная лестница со сломанными ступеньками. “Как ужасна была

эта мансарда с желтыми грязными стенами! От нее так и пахнуло на меня

нищетой… в щели между черепицами сквозило небо… Комната стоила мне три

су в день, за ночь я сжигал на три су масла, уборку делал сам… на

прачку… не больше двух су, два су на уголь и два су мне оставалось на

непредвиденные расходы” [Бальзак, “Шагреневая кожа”]. В действительности, если в его мансарде и пахло нищетой, то это была лишь временная нищета

молодого буржуа, сына зажиточных родителей, которому достаточно было

вернуться к ним в Вильпаризи, чтобы вновь жить, не ведая нужды.

Оноре сам покупал провизию и сам готовил себе пищу. По условиям

договора, заключенного с родителями, затворник с улицы Ледигьер ни с кем

не виделся, за исключением дядюшки Даблена, которого он именовал

своим

Пиладом; тот изредка поднимался на шестой этаж, с тем чтобы надавать

своему юному другу кучу советов, сообщить о том, что происходит в

недоступном ему мире, и рекомендовать его вниманию “обитателей третьего

этажа”, у которых была довольно хорошенькая дочка, и владельцев дома, сдававших внаем мансарду. Чтобы укрыться от ветра, проникавшего в окно и

дверь, Оноре смастерил ширму из синей бумаги, купленной за шесть су.

Большую радость приносили затворнику визиты “вестницы богов Ириды” мамаши

Комен, доставлявшей письма от Лоры; послания эти были забавные, нежные, а

иногда ворчливые, ибо сестра, случалось, пересказывала упреки, которые

мать обращала к своему блудному сыну.

”Папа сказал нам, что ты воспользовался свободой прежде всего для того, чтобы приобрести квадратное зеркало в позолоченной раме и гравюру для

украшения комнаты: мама и папа этим недовольны. Милый брат, ты сам

распоряжаешься своими деньгами, вот почему ты должен с умом употреблять их

на оплату квартиры, стирку белья и еду. Когда мы думаем о том, какую брешь

создадут потраченные тобою восемь франков в той сумме, которую в трудную

для нас пору мама могла тебе выделить, то все мы - и прежде всего она - со страхом спрашиваем себя, на что же ты станешь жить; мама просит тебе передать, что ты совершил неловкость, позволив себе эту покупку, ибо этим дал понять, что приобретенное ею для тебя зеркало ни к чему и что она только напрасно истратила пять франков, а ведь она сейчас в стесненных обстоятельствах; вот почему она просит тебя прислать ей это зеркало с мамашей Комен, ибо в такой комнате, как твоя, два зеркала, разумеется, не нужны. А потому, милый Оноре, впредь будь осмотрительнее и не повторяй подобных ошибок; мне хочется и приятно писать тебе только ласковые, нежные слова, и готова в крайнем случае передавать тебе мамины советы, а выполнять ее сегодняшнее поручение мне не доставляет никакого удовольствия, ну ни малейшего”.

Итак, все дело было в том, что слишком обидчивая мамаша не могла вынести, как это сын предпочел другое зеркало тому, которое выбрала она сама. Дальше Лора сообщала домашние новости: “На вакациях у нас в Вильпаризи будет много народу, а ты ведь знаешь, как это важно в деревне! Все думают, что ты - по дороге в Альби, и возносят молитвы за путешествующих… Мы еще не знаем, окажутся ли дамы де Берни подходящими для нас знакомыми… Бабуля подарила нам три

шляпки из

простроченной соломки - теперь такие носят; они просто прелесть, сам

посуди, как мы ими гордимся… Окрестности Вильпаризи чудесны, особенно

хороши леса. Каждое утро с шести до восьми часов, я сижу за фортепьяно; пальцы сами разыгрывают гаммы, а мысли мои уносятся на улицу Ледигьер”.

Прелестный лепет юной девушки приводил Оноре в восхищение; он находил

время отвечать ей длинными письмами. Брат, как и сестра, писал быстро, не

раздумывая, “одним духом”. То была “сердечная болтовня”, она журчала, как

чистый родник.

Мадемуазель Лоре, 12 августа 1819 года: “Ты хочешь узнать, дорогая сестра, подробности о моем переезде и моем

образе жизни. Вот они! О своих покупках я уже писал маме; но сейчас ты

содрогнешься: что там покупки - я нанял слугу!..

- Слугу, брат мой? И о чем ты только думаешь?

Слугу господина Наккара зовут Тихоня, моего зовут Я-сам. Пробудившись, я звоню ему, и он убирает мою постель.

- Я-сам!

- Чего изволите, сударь?

- Ночью меня кто-то искусал, взгляни, не завелись ли клопы?

- Помилуйте, сударь, какие еще клопы!

- Ладно.

Он начинает подметать, но делает это не слишком умело… Вообще-то он славный малый; он старательно оклеил белой бумагой полки в шкафу возле камина, аккуратно сложил туда мое белье и даже сам приладил замок. Из синей бумаги, купленной за шесть су, и рамы, которую ему кто-то дал, он соорудил мне ширму, а потом побелил комнату - от книжной полки до самого камина.

Если он вздумает ворчать, чего пока еще ни разу не случалось, я пошлю его в Вильпаризи за фруктами или же в Альби - узнать, как поживает мой двоюродный братец”.

О своей работе Бальзаку, увы, почти нечего сказать.

”Поверишь ли, целую неделю я все размышлял, мебель с места на место переставлял, из угла в угол шагал, потом что-нибудь жевал, но толком так ничего и не сделал. Роман “Бредни” [задуманный Бальзаком роман в письмах (прим.авт.)] теперь кажется мне очень трудным, пожалуй, он мне не по силам. Пока что я только учусь я совершенствую свой вкус”.

силам. Пока что я только учусь и совершенствую свой вкус”.

Оноре читал запоем: стихи и прозу, французских и иностранных авторов, изучал философию истории, задавался вопросом, не сумеет ли он - после всех бурных перемен, принесенных Революцией, а главное - после кодекса Наполеона - дополнить труд Монтескье, написав книгу “Дух новых законов”.

Лоранса (ей было семнадцать лет), как и Лора, писала брату; без всяких к тому оснований она считала себя глупенькой.

”Я вывожу из терпения бабулю, на всех нагоняю тоску, и они по праву сердятся на меня… Мама не делает никакого различия между двумя своими Лорами; должно быть, это ей нелегко дается, ведь сестрица - не мне чета… Почему так бывает в жизни: одна сестра душечка, а другая - никудышечка?”

Еще одно словцо из семейного лексикона Бальзаков! В словарях вы “никудышечку” не найдете. Лоранса признавалась, что она завидует тому, как хорошо играет на фортепьяно “милая сестрица”. Но на самом деле Лора и Лоранса нежно любили друг друга. Романтичная Лоранса уходила в свои заросли сирени, там она мечтала о будущих женихах и уже успела похоронить

семерых - в их числе были и “танцующие пастушки”, которых ей представлял кузен Саламбье, басонщик; девушка немного стыдилась, когда при посторонних он называл ее “кузина” и принимался разглагольствовать о своей лавке.

Как и все в семействе Бальзаков, Лоранса позволяла себе весьма смелые, насмешливые высказывания в духе Вольтера. Побывав на торжественном богослужении в столице, она писала сестре: “После проповеди всякий, должно быть, чувствовал себя осужденным на муки ада и ввергнутым в геенну огненную; но бедные мои ноги заледенели, и я поняла, что еще не нахожусь в преисподней; вот почему я по-прежнему расположена совершать греховные проступки: ходить в театры, на балы и в концерты, во все эти мирские вертепы, рассадники разврата, где невинность и целомудрие… и так далее, и тому подобное”.

Дети Бернара-Франсуа дерзко осмеивали общепринятые представления людей благонамеренных.

Оноре смотрел из своего окна на кровли Парижа, “бурые, сероватые или красные, аспидные и черепичные”. Он обнаруживал “своеобразную прелесть… полосы света, пробивавшиеся из-за неплотно прикрытых ставен… сквозь

туман бледные лучи фонарей бросали снизу свой желтоватый свет… у чердачного окна с полусгнившею рамой молодая девушка занималась своим туалетом”, и он “видел только… длинные волосы, приподнятые красивой белою рукой” [Бальзак, “Шагреневая кожа”]. Он проникался поэзией Парижа и по вечерам, чтобы подышать воздухом, бродил по Сент-Антуанскому предместью или шел на кладбище Пер-Лашез. В предместье он наблюдал за рабочими, смешивался с их толпою и вместе с ними возмущался хозяевами мастерских.

Иногда, следуя за какой-нибудь четой и прислушиваясь к разговору, он вдруг ощущал, будто сливается с этим мужчиной и с этой женщиной. Тут проявлялся его дар ясновидения.

”Моя наблюдательность приобрела остроту инстинкта: не пренебрегая телесным обликом, она разгадывала душу - вернее сказать, она так метко схватывала внешность человека, что тотчас проникала и в его внутренний мир; она позволяла мне жить жизнью того, на кого была обращена, ибо наделяла меня способностью отождествлять с ним себя самого, так же как дервиш из “Тысячи и одной ночи” принимал образ и подобие тех, над кем произносил заклинания… Слушая этих людей, я приобщался к их жизни; я ощущал их лохмотья на своей спине; я сам шагал в их рваных башмаках; их

желания, их потребности - все передавалось моей душе, или, вернее, я проникал душою в их душу. То был сон наяву” [Бальзак, “Фачино Кане”].

Откуда взялась в нем эта способность? Он обладал ею с детства.

На кладбище Пер-Лашез, стоя на холме между могилами, он видел Париж, “извилисто раскинутый” вдоль берегов Сены, Париж в синеватой пелене, сотканной из дыма и городских испарений. Зажигались огни. Глаза его жадно устремлялись к этим сорока тысячам домов. Между Вандомской площадью и куполом Дома Инвалидов обитал в особняках тот высший свет, куда он хотел проникнуть и куда он надеялся силой собственного гения проложить себе путь в будущем.

Семья дала ему двухлетний срок, чтобы он мог проявить свой талант. За что приняться? Любознательность толкала его к философии. Он пытался постичь общество, мир, человеческие судьбы. В ту пору молодые люди зачитывались “Общей анатомией” Биша и “Анатомией мозга” Галля, ученого, столь любезного доктору Наккару. В Вандоме, в Туре, а затем в Париже Оноре изучал труды мыслителей, не столь близких механицизму, - труды Декарта, Спинозы, Лейбница. В библиотеке, расположенной неподалеку от улицы Ледигьер, он взял книгу Мальбранша “Разыскания истины”. Бальзак и сам ощупью искал собственную философскую теорию. Сохранились философские

заметки, которые он набрасывал в 1817-1820 годы. Они свидетельствуют о его упорном желании создать свою доктрину, “сорвать последние покровы” с истины и о страсти к чтению самых разных авторов, унаследованной от Бернара-Франсуа. Тут фигурируют вперемежку Платон и Бель, Диоген и Аристотель, святой Бернар и Рабле, решения Латеранского собора и труды индийских философов, Ламарк, Гоббс и другие. Он на всю жизнь сохранит вкус к перечислению имен людей выдающихся.

Он предполагал написать “Трактат о бессмертии души”, хотя сам в это бессмертие не верил. “Увядание душевных сил доказывает, что и душа подчиняется законам, управляющим жизнью тела: она рождается, растет, умирает… Нет никакого сомнения в том, что память слабеет, что сила духа, мужество покидают человека, хотя он еще продолжает существовать”.

Короче говоря, это был бы скорее трактат, отрицающий бессмертие души. “Мы еще не убеждены в существовании души. Как можно утверждать ее бессмертие, если даже не установлено, что она существует?.. У нас нет иного бессмертия, кроме памяти, которую мы оставляем после себя, да и то при условии, что мир вечен”. К тому же наш теолог, обитавший в мансарде, обнаружил, что догмат о бессмертии души был утвержден Латеранским собором: “Положение это заимствовано нами не у Христа, а у Платона”.

Самое важное состоит не в философских взглядах молодого Бальзака, которые к тому же менялись, а в том, что он испытывал потребность в

собственной философской доктрине. Он “не допускал, чтобы выдающийся талант мог обойтись без глубокого знания философии… Он был занят тем, что усваивал богатое наследие философии древних и новых времен” [Бальзак, “Утраченные иллюзии”]. Позднее, диктуя близкому другу предисловие, в котором много автобиографического, он вспомнит о том времени, когда “господин де Бальзак, ютившийся на чердаке неподалеку от библиотеки Арсенала, работал без отдыха, сравнивая, исследуя, резюмируя произведения философов и медиков древности, средних веков и двух последующих столетий, посвященные мозгу и мышлению человека. Подобная склонность ума говорила об определенном предрасположении”. Слова эти не были бахвальством, мы находим многочисленные следы его огромного труда: философская основа романов Бальзака была разработана им до того, как он приступил к их созданию. В ту пору, когда он жил на чердаке, он заложил фундамент, на котором позднее воздвиг свое монументальное творение.

Для того чтобы получить нужные для его духовных поисков книги, Оноре обращался к кому только мог. У дядюшки Даблена он просит Библию на латинском языке с французским переводом, у Лоры - Тацита из отцовской библиотеки.

"Лора, моя дорогая, моя любимая Лора, неужели никак нельзя утянуть Тацита? ("Утянуть" на семейном языке означало "украсть", "утащить"). У кого же все-таки ключ? Неужели папа никогда не выходит из комнаты?"

В ожидании Тацита он читал произведения других писателей древности. Вот что он писал Теодору Даблену:

"Я обдумывал обвинительную речь в духе тирад Цицерона против Катилины, речь, направленную против вас, дядюшка. Как? Целый месяц прошел, а вы ни разу не заглянули на улицу Ледигьер почердачничать со мною!"

Увы! Бальзак слишком хорошо знал, что одними философскими химерами не проживешь. Театр сулил больше земных благ. И он просит у дядюшки Даблена "Сицилийскую вечерю" Казимира Делавиня и "Марию Стюарт" Пьера Лебрена. Пьесы бывшего клерка из конторы адвоката Гийонне-Мервиля - Эжена Скриба уже ставили многие театры. Но Скриб писал водевили; Бальзак метил выше. Отчего бы ему не создать пятиактную трагедию, да еще в стихах? В свое время он сочинил несколько поэм ("Людовик Святой", "Иов"), но сам

потешался над ними, ибо они свидетельствовали только о том, что их автор “лишен версификаторского дара”. В самом деле, трудно представить, до какой степени он плохо чувствовал ритм стиха. И все же, прочтя два тома Вильмена, который сделал модным имя Кромвеля, Оноре решил избрать лорда-протектора героем своей трагедии. Он уже разработал ее план.

Лоре Бальзак, 6 сентября 1819 года:

”Трепещи, дорогая сестра! Мне потребуется по крайней мере семь или восемь месяцев для того, чтобы сочинить сцены и переложить их стихами, но еще больше времени уйдет на окончательную отделку.

Главные мысли уже на бумаге; там и сям разбросаны несколько стихов, но я семь или восемь раз до основания изгрызу ногти, прежде чем мне удастся воздвигнуть свой первый монумент. (Ах, если бы ты только знала, с какими трудностями сопряжены подобные работы!) Достаточно тебе сказать, что великий Расин два года отделывал “Федру”, предмет зависти всех поэтов! Но ты только подумай: два года, два года, целых два года!

Мне необыкновенно приятно, трудясь до изнеможения (скоро я стану работать днем и ночью), приобщать к своим занятиям дорогих моему сердцу

людей; мне кажется, если небо одарило меня хотя бы крупицей таланта, то самым большим удовольствием для меня будет сознание, что слава, которой я могу достичь, распространится и на тебя, и на милую нашу матушку. Подумай только, какую радость я испытаю, если мне удастся прославить имя Бальзак! Какой счастливый удел - побеждать забвение… Вот почему, когда мне случается набрести на удачную мысль и я облекаю ее в звучный стих, мне чудится, будто я слышу твой голос: “Вперед, смелее!” Я мысленно прислушиваюсь к звукам твоего фортепьяно и опять сажусь за стол, с новым жаром принимаясь за работу!”

Само собой разумеется, он не желал творить, угождая вкусам современников. Он думал о потомстве. Труд писателя вовсе не казался ему легким. Оноре делает любопытные статистические подсчеты. В трагедии должно быть две тысячи стихов; стало быть, потребуется от восьми до десяти тысяч усилий мысли.

”Ах, сестра, как мучительна оборотная сторона славы! Черт побери, да здравствуют лавочники!.. Вот счастливцы! Впрочем, нет, они всю жизнь

проводят, торгуя мылом и швейцарским сыром!.. В таком случае долой лавочников! Да здравствуют литераторы!”

Порою он отдыхал от своего “Кромвеля”, “делая наброски к небольшому роману в античном духе…”

”Выхожу редко, - писал он, - но когда у меня ум за разум заходит, я развлекаюсь прогулкой на кладбище Пер-Лашез!.. Но, даже навещая мертвых, я замечаю только живых”.

Да и в своей мансарде на улице Ледигьер он порою принимал живых. Мать привозила свиной окорок, и это улучшало его обычный рацион. Дядюшка Даблен по-прежнему навещал его. Оноре всякий раз ожидал его прихода, чтобы поговорить о театре, о книгах, о политике с этим торговцем скобяными товарами, любившим классиков и придерживавшимся либеральных взглядов.

“Коварный дядюшка, вот уже шестнадцать долгих дней я вас не видел. Как это дурно с вашей стороны, ведь вы - единственное мое утешение… Знайте, целую неделю я живу как в преисподней. Я ничего не видал, ни о чем не слыхал, никто мне и словечка не написал; даже мамаша Комен и та не

показывается”.

Ему уже осточертели англичане-цареубийцы, и все же он днем и ночью заставлял себя воспевать их французским александрийским стихом. “Я твердо решил: хоть околею, но доведу до конца “Кромвеля” и напишу еще кое-что, прежде чем матушка потребует у меня отчета, на что я убил время”. Впрочем, театр должен был стать только первым шагом. Он писал Лоре, которой привык поверять свои заветные мысли, что Французская революция еще далеко не закончена и что в дни политических кризисов возникает потребность в литераторах, ибо они знают человеческое сердце, - словом, если он будет держаться молодцом, а Оноре на это надеется, то добьется не только литературной славы, но и славы великого гражданина. “Я уподобляюсь Перетте с кувшином молока… Если в Вильпаризи ненароком продают гениальность, купи для меня, да как можно больше”.

Он мечтал о том, чтобы в его мансарде стояло фортепьяно и можно было бы отдохнуть между двумя тирадами из трагедии, играя любимую пьесу - “Сон Руссо” Крамера. Запрет показываться на людях тяготил его. В октябре 1819 года он писал Теодору Даблену:

”Я еще не видел ни одной пьесы своего старого генерала Корнеля. А это очень плохо для новобранца. Так хочется посмотреть “Цинну”, что порою

просто подмывает купить билет в огражденную перилами ложу. Кто, черт побери, разглядит меня из партера в толпе?”

Оноре похудел, побледнел, глаза у него ввалились, отросла борода, и вид был такой, точно он “вышел из больницы или играет роль в мелодраме”. Он страдал от сильной зубной боли, но лечиться не хотел, заявляя, что “волки никогда не обращаются к дантистам, и люди должны следовать их примеру”. Это великолепное рассуждение, “достойное нашего папы”, привело к тому, что у Бальзака уже в юности был щербатый рот.

Сердце его осталось в Вильпаризи. Не так-то легко было оторваться от “небесного семейства”. У бабушки “совсем разыгрались нервы”, но она все же тайком оплачивала счета переплетчика, которому задолжал Оноре. Мамаша Ирида-Комен, прозванная также “балаболкой”, приносила ему письма от Лоры, где на все лады повторялось одно: “Пиши, пиши, пиши”. Он выполнял ее просьбу и восхищался эрудицией сестры, цитировавшей Монтескье: “Счастливы братья, имеющие таких сестер, как моя Лора”. Она подтрунивала над его амурными похождениями, героиней которых была то едва знакомая ему барышня

с третьего этажа, то еще какая-нибудь девица. “Ох уж эта Лора! Она желает

видеть во мне Ловеласа! Но почему, скажите на милость? Добро бы я был

Адонисом или Селадоном, а китайскому болванчику место не в альковe у дамы, а на ее камине”. Оноре хотел бы, чтобы она представила его себе в ночном

одеянии: на нем шерстяная фуфайка, а поверх - старый каррик, ибо в

мансарде ледяная стужа; он просил сестру прислать ему колпак из красной

мериносовой шерсти, подбитый ватой, словом, как у папы. Его ужасало, как

много масла сгорает в лампе. И тут же он выражал тревогу, что Лора слишком

уж часто говорит о некоем Сюрвиле. Это был молодой инженер-путеец, окончивший Политехническое училище. Теперь Сюрвиль принимал участие в

ремонтных работах на обводном канале реки Урк, он жил на одном из

постоялых дворов в Вильпаризи. Сумев познакомиться с обеими сестрами

Бальзака, Сюрвиль стал завсегдатаем их дома.

”Ты много говоришь о господине де Сюрвиле. Постарайся, чтобы он

ухаживал не за тобой, а за Лорансой; кажется, он у вас частый гость.

Будьте с ним любезны и следите за своей осанкой, как те благонравные

девицы из квартала Марэ, о которых поется в песенке про бульвар Тампль; ведь всегда приятно одержать победу. Разве, собираясь ловить голубей, не

привязывают одного возле силка? Разумеется, я не думаю, что вы

расставляете силки, но замужество!.. Ох уж это замужество!”

Эжен-Огюст-Луи, известный под фамилией Сюрвиль, родился в Руане 5 июня

1790 года. Он был внебрачным ребенком провинциальной актрисы Катрин Аллен, взявшей себе в театре фамилию Сюрвиль и дебютировавшей под этой фамилией в

1785 году; его отец скончался до рождения сына. Двадцать второго февраля

1791 года богатый руанец Луи-Эммануэль Миди д’Анде, “бывший дворянин”, признал, что младенец - “сын его умершего брата”, Эжена-Огюста-Луи Миди де

ла Гренере, скончавшегося 9 октября 1789 года. В акте, составленном тремя

нотариусами, указывалось, что, “желая обеспечить будущее ребенка и

принимая во внимание трудности, с которыми сталкивается мадемуазель Аллен

при воспитании сына, а также стремясь возместить ущерб, каковой могло ей

причинить знакомство с господином Миди де ла Гренере”, Миди д’Анде

посредством дарственной записи назначает годовую ренту в тысячу двести

ливров побочному сыну своего брата и незамужней матери ребенка.

Некий руанский журналист Жан-Гебриэль Мильсан, назначенный решением

окружного суда в Руане опекуном маленького Эжена и по личным мотивам

принимавший участие в судьбе матери, ходатайствовал о том, чтобы

мальчику

разрешили носить имя отца, и добился, чтобы в метрическое свидетельство

ребенка внесли поправку. Решением суда от 14 вантоза II года Республики

Эжен был признан “побочным сыном покойного Огюста Миди де ла Гренере, имеющим право в качестве такового считаться наследником своего отца”.

Однако юный Эжен продолжал называть себя Аллен-Сюрвиль, под этим именем он

и был принят 20 ноября 1808 года в Политехническое училище. На

вступительных экзаменах он занял двадцатое место, то есть оказался в числе

лучших. В 1810 году юноша поступил в Императорское училище по

строительству мостов и дорог, а позднее участвовал в кампании 1814 года в

качестве лейтенанта инженерных войск. В 1817 году Сюрвиль был прислан для

участия в работах на обводном канале реки Урк и выбрал Вильпаризи своим

местожительством. Всю жизнь ему предстояло хранить верность своей

несчастной склонности к сооружению каналов, и этого пылкого увлечения

ничто не могло ослабить.

Поначалу Лора считала Сюрвиля мелкой дичью для себя. “В ту пору я еще

жила в царстве мечты: вдруг я в один прекрасный день разбогатею, вдруг я

выйду замуж за лорда, вдруг, вдруг, вдруг!..”

На Новый год он явился с конфетами, но напрасно. Его банальные подарки встречали с пренебрежением. Однако в мае 1820 года молодой инженер наконец воспользовался своим правом на отцовское имя - Миди де ла Гренере - и наследство. Узнав о брачных планах сына, Катрин Аллен открыла ему тайну его рождения. В письме, адресованном графу де Бекке, генеральному директору ведомства путей сообщения, Эжен указывал, что его матушка до сих пор не позаботилась добиться исполнения давнего решения суда, а потому ему пришлось съездить в Руан, чтобы узаконить свое гражданское состояние. И он просил отныне именовать его Миди де ла Гренере-Сюрвиль.

Это имя и пожизненная рента заставили родителей Бальзака взглянуть другими глазами на молодого человека. Инженер, окончивший Политехническое училище, да к тому же еще обладатель дворянской частицы “де”, - нет, такими женихами не бросаются! На Лору оказали давление. Сюрвиль, часто ездивший в Руан по делам службы, взял на себя труд пересылать письма, которые сестры писали своему брату. То были чудесные письма. В семье Бальзаков все владели пером гораздо лучше, чем сами полагали. Никудышный драматург, Оноре без малейшего усилия создавал образцы эпистолярного

жанра.

Вот каким слогом писала Лоранса:

”ПРИДВОРНАЯ ХРОНИКА ВИЛЬПАРИЗИ

Вчера король присутствовал на богослужении. Я ошиблась, его величество

никогда не посещает церковь. Вчера король подписал свадебный контракт

своей дочери… Нет, он ничего не подписывал, ибо принцессы, его дочери, вовсе не выходят замуж. Вчера у короля заледенели ноги - вот это правда, ибо в комнате у него немыслимая стужа, а щели в двери даже не заделаны.

Вчера у королевы весьма сильно ныло плечо; придворные медики решили, что ее просквозило из окна гостиной. Надеются, что ее величество скоро

исцелится. В стране множество гусей; они постоянно возятся в канаве перед

замком, и это отравляет жизнь ее величеству; прошлой ночью эти несносные

создания внезапно разбудили ее. Поелику Капитолий спасать не надо, королева была весьма разгневана, что гуси нарушили ее сон.

22 октября. - День тезоименитства ее величества королевы

Анны-Шарлотты-Лоры Саламбье. Ее величество королева, неустанно заботясь о

счастье своих подданных, желала бы отметить этот день народными

празднествами, однако его величество король, радея о благе государства, соизволил повелеть, чтобы годовщина столь знаменательного события была

отмечена без особого шума. Ото ужасно огорчило принцесс: они уже собирались облачиться в свои праздничные одеяния и отправиться к дамам де Берни, дабы пригласить их в гости. Вот как предполагали отпраздновать этот день. Хотелось бы, чтобы вы по крайней мере ощутили его аромат: наш семейный острослов принцесса Лоретта направила послание в прозе кузену Саламбье, прося его превратить букет искусственных цветов в угощение; вышеупомянутый родственник должен был привезти свежеиспеченную бриошь прямо от знаменитого Карпантье, савойский бисквит и жареные лионские каштаны; кроме того, он должен был прихватить с собой нескольких танцующих пастушков…

Таким образом, прекрасные принцессы уже заранее радовались возможности поплясать; к сожалению, план этот лопнул, как мыльный пузырь.

Так или иначе, но торжественное празднество не состоялось, ибо кузен Саламбье, играющий видную роль при дворе, находился в это время в Эльбефе, где расположены его суконные фабрики. И радостный день прошел в кругу семьи; после обеда принцесса Лоранса ненадолго удалилась; спустившись по очень крутой лесенке в погреб, она принесла оттуда остаток бордоского вина. Так что за десертом все пили здоровье августейшей королевы…

Господин де Сюрвиль приходит каждый вечер; этот молодой вельможа ведет себя безупречно; по словам королевы, он ни капельки не думает о принцессах (тем хуже, ибо Сюрвиль весьма поэтичный юноша); он - отличная партия, и такой брак послужил бы на благо Франции”.

А вот образчик слога самого Оноре:

”В нашем квартале, в доме номер девять по улице Ледигьер, на шестом этаже, вспыхнул пожар: он возник в голове некоего молодого человека. Уже полтора месяца пожарные выбиваются из сил, однако потушить пламя не удается. Юноша охвачен страстью к прекрасной даме, с которой он даже не знаком. Ее имя - Слава.

Ныне я понимаю, что не богатство составляет счастье человека, уверяю тебя, что те три года, которые я проведу (здесь), будут для меня всю остальную жизнь источником радостных воспоминаний. Ложиться спать, когда заблагорассудится, жить, как тебе вздумается, работать над тем, к чему есть склонность, а когда не хочется, вовсе ничего не делать, не ломать голову над будущим, встречаться только с умными людьми (в их число я

включаю дядюшку Даблена) и покидать их, когда они тебе наскучат, видеть

глупцов только мимоходом и поспешно уходить, завидя их; думая о

Вильпаризи, вспоминать только хорошее; иметь своей возлюбленной Новую

Элоизу, своим другом - Лафонтена, своим судьей - Буало, своим образцом -

Расина и местом для прогулок - кладбище Пер-Лашез… Ах, если бы это могло

длиться вечно!”

Контуры “Кромвеля” начинали с грехом пополам вырисовываться. Полный и

подробный план трагедии был послан Лоре в ноябре 1819 года.

”Проникнитесь почтением, мадемуазель: к вам обращается Софокл. Милая

сестра, по тем маленьким, очаровательным, забавным планам, которые

рождаются в твоей маленькой, очаровательной, забавной головке, можешь

судить сама, какого труда требуют театральные сочинения, где обязательно

соблюдать три единства, где недопустимо неправдоподобие и так далее и тому

подобное… Если тебя осенят какие-нибудь счастливые мысли, сообщи их мне.

Но пусть они будут прекрасны, мне нужно только возвышенное. Я хочу, чтобы

моя траг(едия) сделалась настольной книгой королей и народов, я хочу начать с шедевра или же свернуть себе шею”.

Младшая сестра Лоранса быстро росла, она жаловалась на слабость и сильно похудела. Теперь в ней нельзя было узнать прежнюю толстушку Лорансо. “Королева” повезла дочку в Париж, и там чудотворный доктор Жан-Батист Наккар “поставил ее на ноги”. Лоранса продолжала вести “придворный дневник”.

”Принцесса Лора по-прежнему прелестна, мила, весела и нежна, как ангел: мы очень любим друг друга… Я ее боготворю; она была рождена в счастливейший день; природа создала ее сердце совершенным. Я хочу избрать ее образцом для себя. Хочу во всем на нее походить, чего бы мне это ни стоило…

Господин де Сюрвиль по-прежнему бывает в доме; он очень умен, рассудителен и положительно совсем не думает о нас. Он не желает обзавестись властелином; он провозглашает: “Да здравствует свобода!”, разумея под этим холостяцкую жизнь”.

Между тем Оноре, кутавшийся в свой старый каррик и натягивавший на голову “дантову шапочку”, дрожал от стужи у себя в конуре и мечтал купить какое-нибудь старое кресло, которое по крайней мере уберегало бы его

какое-нибудь старое кресло, которое по крайней мере уберегало бы его “спину от холода, а зад от геморроя”. Работа подвигалась медленно: “Я написал стихотворный монолог в духе Шаплена, и стихи казались мне великолепными. Но, прочитав их внимательно, я обнаружил, что они почти все не удались. Какая досада!” В начале декабря госпожа Бальзак поднялась по крутой и грязной лестнице дома на улице Ледигьер. Она была сражена.

”Тот, на кого я так надеялась, тот, кто должен был упрочить положение нашей семьи, за несколько лет растерял большую часть сокровищ, которыми его щедро наградила природа; и все потому, что меня не послушались!”

Оноре уже мог бы продвигаться по пути успеха, пожалуй, мог бы добиться вожделенной должности старшего клерка, а он вместо этого бредит театром, с языка у него не сходят имена актрис. Он наказан, и поделом! - твердила мать. Все старшие клерки уверенно идут к благосостоянию, в будущем они могут стать министрами, генералами. А Оноре, гораздо более способный, чем они, сидит на хлебе и молоке, ютится в какой-то конуре, где вместо приличной мебели - продавленный стул, колченогий стол да жалкая койка. Вот

достойные плоды его упрямства.

Между тем “Кромвель” потихоньку продвигался, но, увы, не без помощи больших порций кофе. Пьеса была откровенным подражанием произведениям римских классиков и трагедиям Корнеля и Расина. Так, например, Бальзак записывал: “Для гневного, обличительного монолога, которым заканчивается пятое действие, надо перечесть монолог Дидоны у Вергилия и монолог Камиллы у Корнеля”. Чтение это оставило слишком явственные следы. По примеру Камиллы, проклинавшей Рим, королева Генриетта проклинает Англию: Ты ненавистен мне, коварный Альбион!..

Измена зреет тут, грозит со всех сторон!

Отныне, Франция, к тебе мое моленье: Тебе вручаю я свой трон, детей и мщенье!..

Пусть мститель из глубин моей страны встает, Пусть беспощадно спесь он с англичан собьет, Пусть ненависть моя его удар направит, От Карфагена пусть он новый Рим избавит!

Боссюэ, Священное писание и Оноре вместе участвовали в сочинении следующего стиха: “Учитесь, короли, как миром управлять!” Необыкновенно благородный Карл I был списан с императора Августа, изображенного в “Цинне”. Словом, трагедия эта была плодом труда ритора, малоодаренного стихотворца, но человека достаточно образованного, который упорно

трудился

над неблагодарным материалом. Но каков бы ни был рожденный в мансарде

“Кромвель”, он привел в восторг почтенную матушку. Ее самолюбию льстило, что она произвела на свет автора пятиактной трагедии в стихах, пусть даже

скучной. В январе 1820 года Лора писала брату: “Мама довольна тобой, твои

труды ее восхищают”. Госпожа Бальзак была восхищена до такой степени, что

сама вызвалась переписать набело рукопись “Кромвеля” - у нее был красивый

почерк.

Чтобы немного отдохнуть после изнурительной работы, Оноре решил

провести несколько дней в Лиль-Адане, в чудесной долине Уазы, в доме

старинного друга своего отца Луи-Филиппа де Вилле-ла-Фэ. Господин де

Вилле, каноник, не страдавший религиозным фанатизмом, с 1782 по 1790 год

исправлял выгодную должность дворцового капеллана у графа д’Артуа. После

Революции он сложил с себя сан и вернулся к мирской жизни; собственно

говоря, он никогда от нее не отказывался. Он всегда был волокитой и

доживал свои дни под одной крышей со своей давней приятельницей, которая

“вела дом”; то была Эме Ама де ла План, вдова некоего господина де Нюси.

Вилле “постоянно выказывал дамам весьма галантные знаки внимания”. Он любил юного Оноре и обычно с удовольствием принимал его у себя. Привязанность эта была взаимной. В ту пору, когда Бальзак жил в мансарде, он писал сестре Лоре:

”Я испытываю сильные угрызения совести из-за того, что мы не доверили господину де Вилле нашу тайну, ведь он так ко мне расположен; к тому же он не знает никого, кому мог бы нас невольно выдать; как всякий мужчина, у которого было много любовных приключений, он не болтлив; а ты сама понимаешь, что после зимы, которую я проведу в изнурительных трудах, мне потребуется с наступлением хорошей погоды отдохнуть хотя бы две недели. Ты знаешь, что Лиль-Адан для меня рай земной, он оказывает на меня самое благотворное воздействие. Не подумай только, что мне просто надоело жить впроголодь, нет, я счастлив, как никогда. Но ведь славный господин де Вилле так меня любит. Напиши же ему, что и я люблю его по-прежнему. Ну, там видно будет”.

Влияние, которое бывший священник де Вилле оказывал на молодого Бальзака, расшатывало веру, да и добродетель юноши. Разумеется, старик

был достаточно тактичен и не хулил религию, которой был стольким обязан. Но его любовные похождения сами по себе “доказывали относительность нравственных устоев”.

Отец предложил Оноре на обратном пути из Лиль-Адана заехать в Вильпаризи. У них соберутся несколько друзей, и молодой автор прочтет им свою трагедию. Бальзак предвкушал триумф и настаивал на присутствии дядюшки Даблена, который в свое время объявил, что из Оноре ничего, кроме письмоводителя, не выйдет. Сестра Лора вспоминала: “Друзья собрались, и торжественное испытание началось. Энтузиазм чтеца мало-помалу угасает: он замечает, что труд его не оказывает на слушателей ожидаемого впечатления; на лицах окружающих - холодное равнодушие либо недоумение”.

Едва дождавшись конца чтения, дядюшка Даблен, торговец скобяными товарами с замашками дунайского крестьянина, с присущей ему резкостью, без обиняков высказывает свое мнение о “Кромвеле”. “Оноре протестует, оспаривает его суждение, но остальные слушатели, хотя и более снисходительные, также в один голос заявляют, что произведение весьма далеко от совершенства”. Самолюбие госпожи Бальзак уязвлено, нежные

далеко от совершенства". Самолюбие госпожи Бальзак уязвлено, нежные сестры, Лора и Лоранса, сильно огорчены. Славный Бернар-Франсуа страдает оттого, что страдает его любимый сын. И старик предлагает показать “Кромвеля” человеку сведущему и беспристрастному. Сюрвиль, влюбленный в прелестную Лору, спешит предложить свои услуги: он может передать рукопись академику Андрие, драматическому писателю, который преподавал литературу в Политехническом училище.

Оноре согласился и поспешно испещрил рукопись своего труда хитроумными предуведомлениями: “Здесь имеются некоторые погрешности против французского языка, но допущены они умышленно”. Лора заново переписала рукопись, и в августе 1820 года “Кромвеля” отнесли к опытному судье. Андрие был славный человек, но посредственный стихотворец, “рабски подражавший классикам”; его собрат по перу Лебрен сказал о нем: В рассказах, где полно острот

(Их Андрие легко кропает),

Некстати рифма вдруг мелькнет

И прозу прелести лишает.

Академик добросовестно прочел труд начинающего писателя. Госпожа Бальзак пришла вместе с Лорой, чтобы выслушать его мнение. Андрие объявил, что юный автор с большей пользой мог бы употребить свое время на что-либо другое, вместо того чтобы сочинять трагедии и комедии. Он прибавил, что не хотел бы обескураживать молодого человека и готов разъяснить ему, “как именно следует подходить к занятиям изящной словесностью”. На письменном столе валялся листок с замечаниями академика, навеянными чтением “Кромвеля”; Лора завладела этим листком и передала его брату. Там содержалось еще более суровое суждение: “Автору надлежит заниматься чем угодно, но только не литературой”.

Оноре мужественно встретил этот приговор, он не дрогнул, не склонил головы, ибо не считал себя побежденным. “Трагедия - не моя стихия, вот и все”, - объявил он и снова взялся за перо”, - рассказывает Лора.

Была сделана еще одна, последняя попытка спасти злополучного “Кромвеля”. У дядюшки Даблена был лучший друг - Пепен-Леалер, фабрикант, поставлявший военное обмундирование; ему принадлежал дом номер восемь по улице Ришелье, против театра Комеди-Франсез; домовладелец хорошо знал своего жильца, актера Лафона, пайщика этого театра. Даблен пообещал уговорить Лафона прочитать пьесу, но потребовал, чтобы Бальзак подчинился вердикту, каким бы тот ни оказался: “Предоставьте судить о ваших детях

тем, кто охотно признает их очаровательными, если только они и в самом деле таковы". Однако совет остался всуе. Когда Лафон нашел трагедию неудачной, Бальзак объявил Пепен-Леалеру, что "Лафон - человек глупый и не способен оценить пьесу по достоинству". В глубине души Оноре отлично понимал, что "Кромвель" осужден безвозвратно, что, если он и дальше хочет писать, ему следует разрабатывать другую жилу.

Не надо думать, что первая неудача обескуражила его. Он по-прежнему непоколебимо верит в свои силы. Уж он найдет способ проявить свой талант! Романтическое отчаяние никогда не было свойственно молодому поколению семейства Бальзаков. Здесь охотно смеялись, позволяли себе "шутить с любовью", терпеливо ожидали славы и богатства. 18 мая 1820 года Лора вышла замуж за Сюрвиля; венчание происходило в Париже, в церкви Сен-Мерри, в присутствии всего клана Саламбье. В брачном контракте мать Эжена была поименована "госпожа Катрин Аллен-Сюрвиль, супруга покойного Миди де ла Гренере, ныне его вдова"; свидетелем со стороны жениха выступал его опекун "Жан-Габриэль Мильсан, литератор". Вдова и опекун ее сына, видимо, сожительствовали, потому что оба проживали в одном доме - в доме номер

четыре по улице Пуассоньер. Вместе с ними жила побочная дочь госпожи Катрин Аллен, Теодора; однако вполне возможно, что Сюрвиль сообщил Бальзакам все эти щекотливые подробности семейной жизни своей матери только после свадьбы.

Впрочем, какое это имело значение? “Приличия были соблюдены, и Эжена Миди де ла Гренере-Сюрвиля можно было считать лицом, вполне подходящим для роли зятя”. Лицом? Да, разумеется. Личностью он был менее выдающейся. Когда молодые приехали в 1821 году в Байе, куда получил назначение Сюрвиль, выяснилось, что он, в общем-то, заурядный инженер второго класса и жалованье у него соответственное - двести шестьдесят франков в месяц. Это было гораздо меньше, чем сулили условия брачного контракта и честолюбивые стремления Лоры, но новобрачная была достойной представительницей семейства Бальзаков и если не могла похвалиться настоящим, то сама придумывала себе блестящее будущее. Уж она-то продвинет мужа по службе, пустит в ход свои связи и добьется для него подряда на строительство всех каналов Франции. Наше “небесное семейство” владело несметными, но, увы, только воображаемыми богатствами.

В ожидании маловероятного продвижения мужа по службе Лора приглашала родных к себе в Байе.

родных к себе в Байе.

”Если к нам приедет бабуля, то о ней тут будут очень заботиться. У меня есть служанка Евфрасия, и она отлично станет за рей ходить; на себя я беру маленькие знаки внимания - грелку или коврик под ноги, я буду сопровождать ее во время прогулок, играть для нее на фортепьяно, вместе с ней рукодельничать… Если же приедет папа, он сможет отдыхать как ему заблагорассудится в своей комнате - музыка, газета после обеда и прочее… А почему бы брату не отказаться от поездки в Турень и не пуститься по дороге, ведущей в Байе?”

Обращаясь к матери, которая постоянно пребывала в дурном расположении духа, Лора ласково ее поучает:

”Прочитав эти строки, ты, конечно, скажешь: “О дочь моя, сразу видно, что ты привыкла к счастью; твою философию и веселость никогда еще не омрачали грозы; прошлое неизменно навевает тебе счастливые мечты о будущем”. А я тебе отвечу, что и у меня бывают горести, но уж так я устроена, что сразу забываю о темной туче, едва она пройдет, а ты, милая мама, обязательно оглянешься и будешь смотреть ей вслед”.

Очаровательная Лора выказывала себя мудрой моралисткой; характер у нее был покладистый, и если ей порою нелегко приходилось с мужем, то объяснялось это тем, что он и впрямь был нелегким человеком.

С присущей ей смелостью она даже отваживается писать матери: “Ты вышла замуж за папу, можно сказать, по рассудку, ты испытываешь к нему неизменную дружескую привязанность, но, быть может, никогда его не любила”. Госпожа Бальзак, в свою очередь, строго наставляет дочь: “Я все же еще позволю себе разговаривать с тобою как мать, глубокоуважаемая и высокопоставленная дама. А потому прошу тебя, друг мой, остерегайся комплиментов, которыми тебя осыпают. Счастье встречается редко; достаточно легкого дуновения, чтобы оно рассыпалось в прах”.

Уж в этом-то госпожа Бальзак отлично разбиралась - она ведь собственными руками разрушила свое счастье. Позднее, когда Лора благоразумно удалила слишком настойчивого поклонника, успокоив тем самым тревогу Сюрвиля, мать писала ей: “Рекомендую тебе, моя милая, бережнее обращаться с человеком, сердце которого не было бы столь ревнивым, будь в нем меньше любви”.

Оноре мог возвратиться в Вильпаризи: там ему нетрудно будет найти для себя сюжеты и даже модели.

Надо сказать, что его далеко идущие планы не изменились: “Два моих

огромных и единственных желания - быть знаменитым и быть любимым; исполнятся ли они когда-нибудь?” Позднее, рисуя образ молодого человека, он будет вспоминать о том, каким сам был в двадцать лет.

”Сколько сказок “Тысячи и одной ночи” бродят в юношеской голове?..

Сколько волшебных ламп суждено нам испробовать, прежде чем мы убеждаемся, что подлинная волшебная лампа - это счастливый случай, упорный труд или

талант? Для иных людей пора мечтаний и фантастических грез длится недолго; мои же грезы длятся до сих пор! В те времена я всегда засыпал или великим

герцогом Тосканским, или миллионером, или возлюбленным принцессы, или

знаменитостью” [Бальзак, “Онорина”].

Перестанет ли когда-нибудь Бальзак, даже завоевав своим трудом и гением

принцессу и славу, жалеть о волшебной лампе Аладдина?

V. ПЕРВЫЕ РОМАНЫ, ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

…Женщина, посвятившая себя тому, чтобы вовремя предостерегать меня от

скрытых на пути опасностей… и давать

советы, щадя при этом мою гордость.

Бальзак

Он покинул мансарду еще до конца 1820 года. Родители хотели вернуть блудного сына в Вильпаризи. Лора вышла замуж, комната ее освободилась. Оноре покорился. И все-таки…

”Природа неизменно окружает розы шипами, а к радости примешивает множество огорчений. Матушка следует примеру природы… Милая сестра, живя здесь, я стану подражать папе: ничего не буду говорить”.

Правда, не было недостатка в возможностях отвлечься от унылого существования. Семейство Бальзаков сохраняло за собой жилище в квартале Марэ, и, воспользовавшись дилижансом, старший сын мог иногда проводить денек-другой в Париже. Вилле-ла-Фэ приглашал молодого человека в Лиль-Адан, и тот с удовольствием гостил там: читал Бюффона, работал, играл в трик-трак и заставлял гостеприимного хозяина рассказывать истории о былых временах. Господин де Савари, тесть Жана де Маргонна, также питал симпатию к Оноре, которого считал очаровательным собеседником, и

симпатию к Оноре, которого считал очаровательным собеседником, и настойчиво приглашал его в Турень, в свое поместье Кайери, в Вуврэ. Словом, жизнь у юного Бальзака была вполне сносная; он любил отца, мирно доживавшего свой век и всегда сохранявшего хорошее расположение духа. Однако Оноре все еще не добился ни независимости, ни прочного положения и, по словам сестры Лорансы, обитал на улице Пустой Мошны.

”К счастью, - писал Оноре Лоре Сюрвиль, - две недели назад мне пришла в голову весьма удачная мысль: надо получить сто тысяч экю с читающей публики, я соберу их по частям в обмен на несколько романов, которые без труда разойдутся в Байе”.

Трагедия обманула его ожидания, и теперь он надеялся, что славу ему принесет роман. Еще в отрочестве он пробовал свои силы в прозе. Читатель помнит, что подростком Бальзак писал философские заметки и на них лежал отпечаток атеистического рационализма Бернара-Франсуа. Но философия Оноре была более сложной, чем у отца. Он тоже не верил в Провидение, в существование Бога, постоянно думающего и беспокоящегося о людях, этих жалких муравьях, которые копошатся на крохотной планете, маленьком

комочке грязи, затерянном во Вселенной, но ему нравилось считать, будто некоторые люди могут, сконцентрировав свою волю, приобрести магическую власть над всем сущим. Мечта о всемогуществе неотступно преследовала его: этого можно достигнуть или благодаря необычайной силе характера, или средствами оккультной науки, доступной только посвященным. В 1820 году Бальзак писал некоему дворянину, владевшему поместьем в старинной провинции Блезуа: “Скоро мне откроется секрет этой таинственной власти. Я заставлю всех мужчин подчиняться мне, всех женщин - любить меня”.

В одном из набросков романа “Фальтурна” (он несколько раз оставлял это произведение, потом вновь принимался за него), действие которого происходит в Италии во времена хождения в Каноссу, Бальзак воплотил эту “магическую силу” в образе необыкновенно красивой девушки громадного роста, наделенной сверхчеловеческими возможностями; ее необычное имя означает “неодолимая власть света”. Как все книги юных авторов, произведение это изобилует различными реминисценциями школьной премудрости. Боссюэ вдохновлял начинающего писателя на возвышенные тирады; Гомер и Вергилий подсказали ему образы; Фенелон и его “Телемак” оказали

явное влияние на слог - несколько бесцветный, но не лишенный приятности.

Роман якобы сочинил итальянец, некий аббат Савонати, чей возвышенный образ

был навеян произведениями Вальтера Скотта и Рабле; его переводчиком

значился господин Матрикант, учитель начальной школы. Савонати, рыцарь

духа, был противопоставлен Матриканту, своего рода Санчо Панса, охотнику

до благ мирских. Савонати и Матрикант олицетворяли две стороны натуры

самого Бальзака.

Жажда могущества, магнетические свойства воли, прославлявшиеся в этом

наброске, говорили о тайных, но неотступных помыслах начинающего автора.

Второстепенный, однако выпукло написанный персонаж - бывший монах Бонгарус

- свидетельствовал о том, что молодой Бальзак хорошо усвоил уроки Рабле и

Сервантеса. Через некоторое время он примется за наброски нового варианта

романа на сходную тему: в затерянной среди синеющих гор, открытой ветрам

долине таинственная девушка Минна ухаживает за пораженным проказой

крестоносцем! Книга “Алчущий человек” Сен-Мартена, одна из наполненных

мистикой книг, хранившихся в шкафу госпожи Бальзак, подала Оноре мысль

закончить свой роман небесным успением Минны, “восседающей на облаке, сотканном из добрых деяний”. Хотя все ангельское на редкость не подходило

темпераменту Бальзака, тема эта влекла его еще со времен Вандомского

коллежа.

После “Кромвеля” Бальзак в 1820-1821 годах работает над романом в

письмах “Стени, или Философские заблуждения”. Жакоб дель Риес, двадцатилетний юноша, возвращается в Тур, где живет подруга его детских

лет, его молочная сестра Стени де Формозан. Повествование начинается

мужественным поступком героя: дель Риес вытаскивает из Луары двух тонущих

в реке кузенов Стени. Затем выясняется, что во время отсутствия Жакоба

родители выдали Стени замуж за вандейца, господина де Планксей. Узнав об

этом, дель Риес едва не умирает с горя, он приходит в себя в объятиях

Стени. Увы, она больше не свободна. Молодые люди совершают прогулку в

Сен-Сир-сюр-Луар (в этом селении Бальзак, как и его герои, воспитывался у

кормилицы); об их прогулке узнает Планксей, и это приводит к дуэли.

Молодая женщина в отчаянии, возлюбленный непоколебим, муж груб и циничен.

Эта романтическая любовь приводит на память “Рене”, “Вертера” и

“Дельфину”. В образе Риеса молодой Бальзак изобразил себя таким, каким ему

хотелось быть: женщины находят юношу красивым, его первые опыты сулят в

будущем славу. Герой читает свои стихи, и вся Турень восторгается им; он

пишет Стени и своему близкому другу философские письма, где высказывает

сомнение в существовании Бога, рассуждает о природе сновидений и о том, что мысль материальна. Словом, “Стени” для Бальзака - попытка испробовать

силы в жанре, который его привлекает, в романе, насыщенном философскими

мыслями. Но автору не хватает опыта и мастерства, чтобы добиться решения

трудной задачи - сплавить воедино романтический сюжет и умозрительные

рассуждения. Роман “Стени” так и не был закончен.

Автор сам оставляет на полях множество советов для себя: “Переделать…

Исправить…” И все же, если помнить о возрасте начинающего писателя, произведение немало обещает. Описывая берега Луары и холмы Турени, зеленые

луга и тополя, извилистую реку Шер, Бальзак умеет заразить читателя своим

восхищением. Он с любовью говорит о тропинках Сен-Сира, свидетелях его

первых шагов, а главное - о том уголке, где он некогда целыми днями

воздвигал крошечные замки. Все эти места овеяны для него прелестью

воспоминаний. Исполненный сладостной меланхолии Жакоб, обращаясь мыслями к

прошлому, воскрешает образ “своей молочной сестренки, очаровательной, как

амуры Корреджо”. Рассказывая об этом, Бальзак думал не столько о Стени, сколько о собственной своей сестре Лоре. Это смешение неясных, полуосознанных чувств придавало романтическим восторгам молодого автора

своеобразное очарование. Между Лорой и Оноре издавна существовала нежная, несколько даже вычурная взаимная привязанность, их души властно влекло

друг к другу. Но повторим еще раз: Бальзаку не хватало зрелости, чтобы

превратить роман “Стени” в хорошую книгу.

К тому же надо было жить, умерять тревоги семьи, зарабатывать хоть

немного денег. Верный товарищ, толстяк Сотле, познакомил его в Париже с

лишенными щепетильности молодыми литераторами, хорошо знавшими театральный

мир и мир книгопродавцев. Один из них, Огюст Лепуатвен, именовавший себя

Ле Пуатвен де л’Эгревиль, сын довольно популярного актера, рано

дебютировал как автор состряпанных на скорую руку, но довольно бойко

написанных романов; он подписывал их “Вьейрглэ”. Ипполит Кастиль пишет: “Он, точно школьный учитель, вооруженный линейкой, имел под началом

дюжину молодых людей, которых он называл юными кретинами. Он обучал их

искусству оттачивать кинжал остроумия и ловко наносить удар”.

С Ле Пуатвеном сотрудничал Этьен Араго, брат знаменитого астронома. Юный Бальзак, глаза которого сверкали, как звезды, а голова была полна идей, показался им подходящим компаньоном, и они предложили ему место на своей фабрике романов.

Они фабриковали роман за романом. Для них это было не искусство, а ремесло со своими рецептами и особыми приемами. Они подражали модным в ту пору произведениям в стиле Империи - Реставрации, которые, в свою очередь, были вдохновлены английскими образцами: сентиментальными романами мисс Эджворт или мисс Оупи, где действовали аристократические персонажи; “черными романами” Анны Радклиф, гениального Матюрена, “Монахом” Льюиса, где фантастическое смешано с ужасным. В таком романе непременно должны присутствовать жертва, злодей и благородный поборник справедливости - персонажи старые как мир. Ненасытная публика жадно поглощала все это чтиво, а также множество занятных романов Пиго-Лебрена и Поля де Кока. Целая когорта издателей-книгопродавцев, обосновавшихся в Пале-Рояле и в квартале Марэ, искала авторов. Плодовитость ценили больше таланта. Великую тень Байрона использовали как прикрытие для беспардонной торговли. Для

молодого Бальзака, который высоко занесся в своих честолюбивых мечтах, подобное занятие было шагом назад, но какого юношу не соблазнили бы кулисы

маленьких театров, какой молодой человек, сидевший без гроша, мог

отказаться от предложений, суливших верный заработок?

Он ступил на опасный для всякого художника путь - путь пренебрежения

своим искусством. Чудо еще, что пародия, подражание стали для него школой

правды. Несмотря на тривиальность самих произведений, нетрудно было

заметить, что молодой автор внимательно наблюдал за удивительными

изменениями, которые внесли в жизнь его класса Французская революция и

наполеоновская Империя. Он постиг пружины той двойной игры, которой многие

его современники были обязаны своей карьерой. Временами из-под маски

литературного поденщика выглядывало лицо ясновидца.

Огюст Ле Пуатвен становится частым гостем в Вильпаризи. Бальзак писал

Лоре, что миледи Плумпудинг наивно полагала, будто молодой человек

приезжает ради нее. Оноре с большим трудом удалось втолковать Лорансе, что

“любой сочинитель - самая незавидная партия, счастья с ним не жди”.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, 2 июня 1821 года: “Если хочешь ясно

представить себе порядок, царящий в доме, отведи

первую колонку папе: он только что закончил читать газету и прохаживается

из угла в угол у себя в комнате; вторую колонку сделай горизонтальной, ибо

матушка больна и лежит в постели, она решила, будто у нее воспаление

легких, и это до такой степени сместило две следующие колонки, которые

отведены Лорансе и Оноре, что мы даже перестали тебе писать, ибо не знали, что сообщить - дурное или хорошее. Что касается колонки наблюдений

кассовой наличности, колонки будущих мужей и жен, а также колонки сплетен

и пересудов, их было бы нетрудно заполнить, но для этого придется

дождаться более спокойных времен.

Когда ты станешь читать мое письмо, постарайся представить себе мамину

спальню, затем сад свирепого господина д’Орвилье, который бродит там

вместе с сыном, поливая цветы, а потом мысленно вообрази своего дражайшего

брата, который пишет, сидя против камина за маленьким столиком, где

некогда стоял твой письменный прибор, припомни мой голос и все те

глупости, что мы болтали; вообрази все это, ибо нынче суббота, канун

воскресного дня. Как? Удалось? Ну же, еще усилие. Вот теперь ты все хорошо

представила себе”.

А вот еще одно письмо, отосланное несколько дней спустя.

Лоранса Бальзак - Лоре Сюрвиль, 10 июня 1821 года: “Оноре твердо решил ехать в Турень, но до этого ему надо закончить

роман, первый том которого уже написан, и очень славно; там много

остроумия и воображения. Он должен также завершить вместе со своим другом

книгу в четырех томах, к которой Они только приступили.

До сих пор интрига развивается живо, характеры обрисованы превосходно; авторы ловко вывели на сцену двух очень веселых персонажей, и те помогут

слишком чувствительным женщинам удержать слезы, которые навернутся у них

на глаза в местах по-настоящему драматических. Пожалуй, мне следовало бы

вкратце рассказать тебе обо всех событиях романа; но так как я не

сомневаюсь, что он получит широкое распространение во всей Европе и даже

обойдет мир, а его триумфальный путь по Франции начнется с Байе, то, пожалуй, лучше, чтобы чтение его стало для тебя приятным сюрпризом. Как

только роман будет опубликован, мы сообщим тебе его название, и ты не дашь

покоя тем книгопродавцам, которые не приобретут его. Вот как надо делать

дела!”

Весь дом скучал по Лоре.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, июнь 1821 года: “Ты горюешь, что тебе приходится жить вдали от близких, а мы горюем

оттого, что тебя нет с нами, что мы не видим и не слышим, как ты смеешься, болтаешь, споришь, скачешь, резвишься… Скажу еще: не по душе мне, что ты

сама ходишь на рынок. Хотя у вас в Байе жизнь ведут простую, все же это не

резон, чтобы и ты следовала примеру окружающих. Если станешь применяться к

обычаям каждого края, то сделаешься податливой и мягкой, как воск.

Довольно уже того, что тебе приходится мириться с неизбежностью - дышать

тамошним воздухом, пить местный сидр и есть местный хлеб!.. Ты еще, чего

доброго, вздумаешь ходить к мессе, преклонять колени перед статуями святых

и уважать прочие церковные предрассудки? Только вчера я видел, как отлили

из гипса сотню святых, которым станут поклоняться сто тысяч простофиль.

Ваш Байе, где полным-полно святош, - самое подходящее место для этого; представляю, сколько у вас там любовных приключений и интрижек, ведь такие

дела всегда прикрывают показной набожностью”.

Лоранса подробно описывала Лоре жизнь их семьи в Вильпаризи: “Мы не предаемся безудержному веселью, но и не унываем, мы

добропорядочные буржуа и не любим крайностей; по вечерам - вист или

бостон, изредка - экарте, охота за комарами, молочная каша… Оноре острит

и дурачится, а потом мы отправляемся спать”.

Оноре просил Лору подыскать ему в Байе какую-нибудь “богатую вдовушку”, на которой он мог бы жениться.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, июнь 1821 года: “…И расхвали меня получше: двадцать два года, хорошие манеры, добродушный нрав, живой взгляд, бурный темперамент - словом, самый лучший

муж из всех, каких когда-либо создавало небо. Обещаю тебе пять процентов с

приданого, да еще на булавки от меня получишь”.

Он бы охотно удрал из Вильпаризи.

”Скажу тебе по секрету, что бедная наша матушка начинает вести себя, как бабуля, а то и хуже. Я надеялся, что возраст, в который она вступила, благотворно повлияет на ее организм и изменит к лучшему характер. Ничего

подобного! О Лора, остерегайся! Нам обеим с тобой надо остерегаться, ибо

подобного! О Лора, остерегайся! Нам обоим с тобой надо остерегаться, ибо мы - люди нервические: в молодости еще можно питать иллюзии на сей счет, но с годами все больше поддаешься этому недугу. Самое забавное то, что, как говорится asinus asinum fricat [осел об осла трется (лат.)]. Мама постоянно твердит: “Ох уж эта бедная мамочка, до чего она утомительна… Какая у нее докучная болезнь!” И все в том же роде. Но еще вчера я обратил внимание, что наша матушка сама жалуется на манер бабули, тревожится о канарейке вроде бабули, сердится то на Лорансу, то на Оноре, настроение у нее меняется в мгновение ока и она принимает в расчет только то, что согласуется с нынешним ее мнением. А мамина склонность все преувеличивать!

Быть может, я так мрачно смотрю на вещи потому, что вижу, как меняется мама. Во всяком случае - и ради нее самой, и ради нас, - мне бы хотелось, чтобы этого не происходило. Тяжелее всего то, что в доме у нас постоянно друг на друга обижаются. Ведь нас тут трое или четверо, а живем мы точно в осажденном городе: каждый следит за соседом, как Монтекукулли за Тюренном… Второй такой семьи, как наша, во всем свете не сыскать, я думаю, мы единственные в своем роде…”

Однако заканчивалось письмо бодрой нотой: “Прощай, сестра. Встань со своего кресла и проводи брата, ведь он тут, на пороге твоей гостиной.

- Какие у тебя славные лампы, сестрица!

- Они тебе и в самом деле нравятся?

- А до чего изящны стенные часы!

- Так мы ждем тебя к обеду. Смотри только не заблудись у нас в Байе.

- Не беда! Чтобы разыскать меня, будете бить в барабаны.

- Помни же, в пять часов.

- Хорошо.

- Я вижу, ты решил пройтись? - говорит попавшийся мне навстречу Сюрвиль.

- Угадал.

- Отлично! Подожди меня, я составлю тебе компанию.

Goddam! [Черт побери! (англ.)] Это только сон… Прощай же, нежно обнимаю тебя и остаюсь твоим неизменно любящим, никчемным братом”.

В этих удивительно живых письмах, в глубоких и метких замечаниях о характере госпожи Бальзак, в постоянной готовности перейти на диалог проницательный наблюдатель мог бы предугадать будущего романиста, расправляющего крылья.

Лорансе не терпелось выйти замуж. В семье к ней были несправедливы. Ранняя зрелость, остроумие, здравый смысл Лоры - все это затмевало младшую сестру. Между тем и ей были свойственны, пишет Мадлен Фаржо, “такие блестки остроумия и такая верность суждений, что, будь она единственной

дочерью, мать могла бы ею гордиться”. Письма девушки были “полны прелести, свежести и непосредственности”. Она отваживалась дерзко нападать на доктора Наккара, чья особа была священна в глазах семьи.

”Ваш хваленый господин Наккар выражается весьма выспренне, хохочет весьма громко, напускает на себя весьма важный вид, держится о себе весьма высокого мнения; человек он весьма обязательный, но малоталантливый и, по-моему, такой же врач, как и все другие; о больном он не слишком тревожится: исчерпав все свое красноречие, посылает вас в деревню подышать свежим воздухом или же рекомендует путешествие, что в общем-то одно и то же”.

После отъезда Лоры Лоранса могла больше рассчитывать на успех.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, июль 1821 года: “…Кроме того, тебе надлежит знать, что наша Лоранса - просто прелесть, такие изящные пальцы и руки не часто увидишь, к тому же у нее ослепительной белизны кожа и восхитительная грудь; когда с ней тесно общаешься, видишь, что она очень умна, и это ум природный, которому еще предстоит развиться. Особенно хороши у нее глаза, а то, что лицо чересчур

бледное, это как раз и нравится многим мужчинам. Не сомневаюсь, что замужество пойдет ей на пользу”.

Однако Бернар-Франсуа не дал дочери времени ни расцвести, ни сделать собственный выбор. 19 июля 1821 года он писал Лоре, что свадьба Лорансы - “дело решенное”. Жениха отец выбрал по своему вкусу. Он именовался Арман-Дезире де Сен-Пьер де Монзэгль. Двойная дворянская частица - двойной источник гордости. Монзэгль действительно принадлежал к дворянскому роду, хотя и не очень древнему; его предки некогда владели в Вильпаризи замком и несколькими фермами. Правда, ни фермы, ни замок Монзэглям больше не принадлежали. Однако Бернар-Франсуа Бальзак был знаком с отцом молодого человека - они встречались сперва в Королевском совете, а затем в Интендантском ведомстве. К тому же оба были франкмасоны: все это казалось ему достаточной гарантией. Жениху было тридцать три года, он служил в Париже в управлении по взиманию городских пошлин. “Чего желать лучшего? Не принца же в самом деле дожидаться?”

Слов нет, прошлое суженого внушало некоторые опасения: “Он настоящее дитя Парижа и немало проказничал, хотя ничего позорящего не совершил”.

Да, он вел рассеянный образ жизни, как и подобает молодому человеку, а теперь ему самое время остепениться и стать хорошим мужем. Он, кажется, задира?

“Безусловно, - говорила госпожа Бальзак, - и происходит это потому, что он превосходно владеет шпагой, метко стреляет. Вот его недостатки. Дай-то Бог, чтобы не обнаружилось других”. Оноре, которого раздражала самоуверенность будущего зятя, прозванного им Трубадуром, с иронией описывал его:

”Наш герой сочиняет стихи, он необычайно меткий стрелок и на охоте двадцатью выстрелами убивает двадцать шесть штук дичи… Он превосходно играет на бильярде; он вальсирует, он стреляет, он охотится, он правит лошадьми, он… он… он…”

Лоранса без всякой радости соглашалась на это замужество, продиктованное тщеславием отца. Судя по всему. Трубадур ее не любил. В этом не было ничего удивительного. Парижской полиции он был известен как молодой человек, склонный к разгулу, часто посещавший игорные дома и публичных женщин.

Бернар-Франсуа торопился закончить дело, боясь, как бы этот “орел”,

Монзэгль [фамилия Монзэгль (Montzaigle) образована из двух французских

слов: mont (гора) и aigle (орел)] не нашел себе более выгодной партии.

Извещения о свадьбе были разосланы в двух вариантах. В одних говорилось, что господин Бальзак, бывший секретарь Королевского совета, бывший

директор Интендантской службы, и госпожа Бальзак выдают замуж свою дочь

Лорансу; в других - господин де Бальзак и госпожа де Бальзак сообщали о

предстоящей свадьбе мадемуазель Лорансы де Бальзак с господином

Арманом-Дезире Мишо де Сен-Пьер де Монзэгль. Брачный контракт был подписан

12 августа 1821 года. Бальзаки дали за дочерью тридцать тысяч франков.

“Матушка считает, что даже душевное спокойствие всей жизни не оправдает

такой денежной жертвы”. Это семейное событие торжественно отпраздновали в

Вильпаризи: “Было мороженое, родственники, друзья и просто знакомые, пирожные, нуга и прочие лакомства”. Бернар-Франсуа был менее импозантен, чем обычно. Кучер сельского дилижанса по неловкости задел кнутом его глаз, поранив роговицу, а ведь старик так заботился о своем зрении, о своем

здоровье вообще. “Нет более душераздирающего зрелища, чем горе женщины или

старца”, - с сочувствием писал Оноре.

Молодой человек смертельно боялся, как бы доктор Наккар, движимый

излишней доброжелательностью, не подыскал ему какое-нибудь место. Ведь в

этом случае он, Оноре, превратится

”…в писца, в машину, в манежную лошадь, которая покорно ходит по кругу, пьет, ест и спит в положенные часы. Я стану тогда как все. И люди называют жизнью это вращение мельничного колеса, этот постоянный возврат к одному и тому же? Если бы еще кто-нибудь освещал мое унылое существование своей прелестью! Мне пока не довелось срывать цветы жизни, а ведь я сейчас как раз в том неповторимом возрасте, когда они распускаются! Для чего мне богатство и удовольствия в шестьдесят лет? К чему пышные актерские наряды тому, кто больше не живет, а лишь наблюдает чужую жизнь, как зритель, уплативший за место в театре? Всякий старик подобен человеку, который уже отобедал и взирает на тех, кто только принимается за трапезу. Так вот, моя тарелка пуста, на ней нет позолоты, стол покрыт жалкой скатертью, кушанья безвкусны. Я голоден, а насытиться нечем! Чего я хочу?.. Рябчиков! Ведь у меня только две страсти: любовь и слава; пока что я не удовлетворил ни одной из них, неужели так никогда и не удовлетворю?..”

”У меня только две страсти: любовь и слава” - вот его излюбленная фраза. Какой юноша с сильным характером не произносил ее? Но молодой Бальзак чувствует себя ненасытным. Он жаждет обладать миром и боится обмануться в своих надеждах. В октябре он несколько успокаивается. Участь писца ему больше, видимо, не угрожает, ибо сотрудничество с Ле Пуатвеном начинает приносить плоды. Книгопродавец Юбер, чья лавка помещается в деревянных галереях Пале-Рояля, купил у молодых авторов за восемьсот франков роман “Наследница Бирага”, который они подписали: “Вьейрглэ и лорд Рооне” (“Рооне” - анаграмма “Оноре”). Книга эта, по признанию Бальзака, - “сущее литературное свинство”. Злодей стремится завладеть наследством; речь идет о семейной тайне, вмешивается нежданный покровитель. Однако образы двух старых вояк, комических персонажей, навеянных Вальтером Скоттом, нарисованы довольно правдиво. Роман, должно быть, неплохо разошелся, потому что за следующий - “Жан-Луи, или Обретенная дочь” - книгоиздатель заплатил уже тысячу двести франков. Публиковать подобные книги было унизительно, но зато как приятно говорить близким: “Я зарабатываю себе на жизнь”. Впрочем, все ли так уж плохо в этих опусах? Силач Жан-Луи походил на Пантагрюэля. А ловкость, с которой Бальзак переплетал нити запутанной интриги, напоминала порою Бомарше. Несмотря на

множество нелепостей, живость действия и мастерство рассказчика немало

обещали. Подражание готовым образцам помогало рождению нового писателя, который, сам того не подозревая, отмечал свои романы печатью дарования.

Однако постоянная нужда в деньгах вредила его таланту, заставляла работать

слишком торопливо. В мыслях Бальзака уже то и дело возникали цифры: "Если

я продам за две тысячи франков роман "Клотильда Лузиньянская, или Красавец

еврей", который напишу один, и если я буду публиковать по четыре романа в

год, то разбогатею". Действительно, он зарабатывал бы тогда больше денег, чем получал его отец в Интендантском ведомстве. Однако все эти подсчеты

были лишь плодом фантазии Оноре.

Он сообщал Лоре грустные новости о чете Монзэгль. Со дня свадьбы

Лоранса хворала, у нее были нервные припадки, и она теряла свои чудесные

темные волосы. Муж ездил на охоту, оставляя ее одну. Больная, тоскуя вдали

от родных, она читала "Дух законов" Монтескье в "большой гостиной, казавшейся особенно мрачной". Сразу же после женитьбы кредиторы начали

преследовать Монзэгля, ибо Трубадур был в долгу как в шелку. Лоранса, вся

в слезах, приехала в Вильпаризи жаловаться на мужа. Госпожа Саламбье

заявила, что супруг ее внучки вовсе не “орел”, а просто негодяй и

распутник, который “даже самого Великого Могола разорит”. Подобно зятю и

внуку, бабуля любила исторические сравнения, у нее была склонность ко

всему грандиозному и преувеличенному. “Что касается паны, то он только что

не молодеет, он подобен египетской пирамиде, недвижимой среди толчков, сотрясающих земную кору”. Госпожа Бальзак чувствовала себя превосходно и

ездила в Париж в “элегантной коляске своей соседки госпожи де Берни, над

которой она всю дорогу посмеивалась”. “Делайте после этого добро!” -

заканчивал Оноре, жалевший милую соседку.

Дело в том, что “дамы с околицы”, госпожа де Берни и ее дочери, занимали теперь много места в мыслях семейства Бальзаков. Супругам де

Берни принадлежали два дома в Вильпаризи: один - рядом с домом Бальзаков, его сдавали отставному полковнику, другой дом, купленный де Берни в 1815

году у разорившихся Монзэглей, был расположен на краю селения, почему и

стали говорить “дамы с околицы”. Этот крайний дом отличался от остальных

домов Вильпаризи только своими размерами да множеством окон с частым

переплетом. Он мало походил на дворянский особняк, но был просторен и

удобен; перед домом была песчаная площадка, окаймленная апельсиновыми и

гранатовыми деревьями в кадках. Бернар-Франсуа давно знал Габриэля де Берни, советника Королевского суда (а еще раньше - Императорского суда).

Оба семейства жили по соседству и в квартале Марэ, но дамы де Берни относились к госпоже Бальзак с некоторой снисходительностью, а дамы Бальзак относились к ним с известной почтительностью. Отправляясь к "дамам с околицы", чтобы пригласить их на какое-либо домашнее торжество "с угощением", Лора и Лоранса надевали нарядные платья. Де Берни имели гораздо больше прав на дворянскую частицу "де", чем Бальзаки, и занимали более высокое положение в обществе.

Во времена якобинской диктатуры, 8 апреля 1793 года, Габриэль де Берни женился на Лоре Иннер, дочери арфиста, выходца из Германии, и Луизы де Лаборд, камеристки Марии-Антуанетты. Крестным отцом маленькой Лоры, родившейся 23 мая 1777 года, был Людовик XVI, а крестной матерью - королева. Поэтому девочку нарекли Луиза-Антуанетта-Лора. Это звучало пышно. Ребенком Лора жила среди придворных и на всю жизнь сохранила изящество и благородство манер. После смерти музыканта Иннера его вдова вторично вышла замуж - за шевалье де Жаржэ, одного из приверженцев Марии-Антуанетты, который позднее пытался устроить побег королевы, заключенной в башню Тампля. Жаржэ послужил прототипом героя романа

Дюма-отца “Шевалье де Мэзон-Руж”. В обстановке надвигавшихся трагических событий Лору Иннер, которой исполнилось всего шестнадцать лет, спешно выдали замуж за графа де Берни. Новобрачные почти тотчас же были арестованы. Падение Робеспьера спасло им жизнь. В 1799 году Габриэль де Берни поступил на службу по ведомству снабжения армии провиантом (тогда-то он и сделался коллегой Бернара-Франсуа). В 1800 году он стал столоначальником в одном из отделений министерства внутренних дел, а в 1811 году сделался советником парижского суда.

У супружеской четы было девять детей, двое из них - сын и дочь - умерли. В семье многое не ладилось. Габриэля де Берни мучили недуги, и в пятьдесят лет он казался стариком. Сварливый, желчный, вечно брюзжащий, он постепенно терял зрение и предоставлял жене полновластно распоряжаться поместьем, “которое она кроила и перекраивала по своему усмотрению”; однако муж постоянно попрекал ее, донимал своими сетованиями и срывал на ней гнев. Прошлое супругов было омрачено странной и прискорбной историей.

С 1800 по 1805 год граф и его жена жили раздельно. В ту пору Лора де Берни страстно влюбилась в “свирепого корсиканца, которому и отдала свою молодость”; от этой связи у нее родилась дочь Жюли. Потом ужасный Кампи

исчез, супруги помирились, и господин де Берни порой терпел в Вильпаризи

Жюли Кампи: это была девушка “редкой красоты, дивный цветок Бенгалии”.

После возвращения в Вильпаризи Оноре де Бальзак часто встречал госпожу

де Берни и ее детей. “Барышни в белых платьях и их родители в черном”

присутствовали на деревенском празднике, были они и на крещении ребенка

Луизы Бруэт, кухарки Бальзаков. “Дамы с околицы” играли в Вильпаризи роль

владетельных особ.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, февраль 1822 года: “Хочу сообщить, что мадемуазель де Берни [Огюстина-Жанна-Антуанетта, вторая дочь госпожи де Берии (прим.авт.)] упала и чуть было не переломала

себе все ребра; что мадемуазель Элиза [Луиза-Эмманюэль (в семье ее звали

Элиза), третья из оставшихся в живых дочерей госпожи де Берни (прим.авт.)]

вовсе не так глупа, как мы воображали, у нее большие способности к

живописи, особенно ей удаются карикатуры, кроме того, она музицирует; что

госпожа де Берни торгует овсом, отрубями, зерном и сеном для скота, ибо

после сорокалетних размышлений она поняла, что деньги - это все. Господин

де Берни видит в этом году не лучше, чем в прошлом, в доме у них теперь

тише, ибо он отдал двоих сыновей в коллеж (говорят, все дело обстряпал

господин Манюэль) [жилец и друг семейства де Берни (прим.авт.)]. Одному из

них выхлопотали стипендию… Госпожа Мишлен [Эмилия-Габриэль, старшая дочь

госпожи де Берни: родилась 20 января 1794 года, за месяц до ареста матери; 23 ноября 1819 года вышла замуж в Вильпаризи за Антуана-Виктора Мишлена, судью в Шартре (прим.авт.)] родила дочку Мишлину, отцом которой числится

господин Мишлен. А вообще-то дети госпожи де Берни одни только и умеют

смеяться, танцевать, есть, спать и разговаривать как должно; да и сама она

женщина все еще очень любезная и любвеобильная”.

За этим шутливым тоном скрывался весьма живой интерес. Оноре, посещавший “дом на околице”, где он давал уроки младшим детям Берни, пленился их матерью. Не то чтобы она этого хотела. Она не скрывала, что ей

сорок пять лет, что она уже бабушка, и, разумеется, не собиралась

соблазнять двадцатидвухлетнего юношу. Очень насмешливая, даже язвительная, госпожа де Берни весело подтрунивала над манерами Оноре, над его

хвастливостью и честолюбивыми помыслами. Но при этом она признавала в нем

незаурядный ум, редкостный дар импровизации и пылкую натуру, что полностью

искупало все недостатки. Юноша рассказывал ей о своем детстве, когда он

был совершенно заброшен матерью, и госпожа де Берни внимательно слушала

“горячую исповедь молодого человека, чьи раны все еще кровоточили”. Со

своей стороны он не уставал расспрашивать о ее придворной жизни при старом

режиме; Оноре живо ощущал контраст между буржуа из квартала Марэ -

друзьями его родителей - и этой крестницей королевы. Он упивался звуками

ее серебристого голоса. Когда она произносила “ш”, это звучало “как

поцелуй… Таким образом, сама того не ведая, она расширяла смысл слов, увлекая мою душу в неземные выси” [Бальзак, “Лилия долины”].

Но постепенно он понял, что желает ее, ибо она все еще пробуждала

желания. Ее миловидное лицо светилось умом и добротою. Кожа на шее и на

плечах была как у юной девушки. А главное, он угадывал, что эта женщина -

и только она - может дать то, чего ему недоставало: вкус, знание света, что она утолит страстную жажду любви, обостренную его возрастом, чтением и

вольными разговорами отца. “Любовь, как и гения, рождает наитие”. Он

полюбил внезапно, еще мало что понимая в любви.

Для неловкого, неопытного юноши перейти от шутливых речей к попытке

овладеть женщиной, которую все глубоко уважают, - подвиг почти немыслимый.

Каждый день, расставаясь с госпожой де Берни, Оноре спрашивал себя:

“Будет

ли она моей?” Но любовь его была скорее нежной, чем дерзкой, и он долго не

решался заговорить. Между тем он знал, что она несчастлива. Он видел, как

она страдает от порывов гнева и от ничтожества своего мужа. Семь лет назад

она потеряла сына, который был бы теперь сверстником Оноре

[Луи-Адриан-Жюль де Берни (1799-1814) (прим.авт.)]. И это создавало между

ними какую-то духовную связь: порой воспоминания об умерших помогают

живым. Он знал, что у нее был любовник, и от этого она казалась ему менее

неприступной. Наконец - быть может, это случилось осенью 1821 года, быть

может, весной 1822 года - он отважился на признание: “Прежде всего вы

усмотрите в этом превосходный повод для своих самых остроумных насмешек

или же повод позабавиться, что так отвечает складу вашего ума” [письма

Бальзака к госпоже де Берни были после ее смерти сожжены, сохранились лишь

черновики (прим.авт.)].

Бальзак - госпоже де Берни, март (?) 1822 года: “Знайте же, сударыня, что вдали от вас живет человек, душа которого -

какой чудесный дар! - преодолевает расстояния, мчится по невидимым

небесным путям и постоянно устремляется к вам, чтобы, опьяняясь радостью, всегда быть рядом; человек этот с восторгом готов причаститься вашей

жизни, ваших чувств, он то жалеет вас, то желает и при этом неизменно

любит со всею пылкостью и свежестью чувства, которое расцветает лишь в

молодости; вы для него больше, чем друг, больше, чем сестра, вы для него

почти что мать, нет, вы больше, чем все они; вы для меня земное божество, к которому я обращаю все свои помыслы и деяния. В самом деле, я мечтаю о

величии и славе только потому, что вижу в них ступеньку, которая приблизит

меня к вам, и, задумывая что-нибудь важное, я всегда делаю это во имя

ваше. Вы даже не подозреваете о том, что стали для меня поистине

ангелом-хранителем. Словом, вообразите себе всю ту нежность, привязанность, ласку, восторженность, которые только может вместить

человеческое сердце, они - я в это верю - переполняют мое сердце, когда я

думаю о вас”.

Все это было правдой: в юности человек почти всегда верит в то, что он

пишет в любовных письмах. Госпожа де Берни посмеивалась над Оноре, над его

вздохами, его романами, его манерой одеваться и держать себя. Он не

отступал: “Что за удовольствие для женщины с возвышенной душою смеяться

над несчастным? Чем дальше, тем яснее я вижу, что вы не любите меня, что вы меня никогда не полюбите… И упорство мое - сущее безумие. Но все-таки я упорствую”. Она ответила ему, что всегда останется для него женщиной, окруженной своими детьми, что ей уже сорок пять лет и она ему в матери годится. В самом деле, госпожа Бальзак была на год моложе “дамы с околицы”.

”Великий Боже! Да будь я женщиной сорока пяти лет, но сохрани я при этом привлекательность, я вел бы себя совсем не так, как вы… Я бы отдался во власть своего чувства и постарался вновь обрести наслаждения молодости, ее чистые иллюзии, ее наивные мечты, все ее очаровательные преимущества”.

Он знает, что ему недостает изящества и отваги, присущих настоящему любовнику; однако он пишет:

”Я похож на тех юных девиц, которые на вид угловаты, глупы, боязливы, кротки, но под этим внешним покровом таится пламя, и оно способно испепелить очаг, дом, все вокруг”.

Он сравнивает себя с Жан-Жаком Руссо в “Исповеди”. Ведь и он, Бальзак, принадлежит к тому типу любовников, о котором мечтает женщина, похожая на госпожу де Варане, готовая соединить в себе любовницу и мать. Недаром госпожу де Берни зовут Лора - так же, как зовут и мать, и любимую сестру Оноре. Но сестра занимает теперь место лишь в его воспоминаниях и в его душе. Вокруг новой Лоры водят “хоровод амуры, всегдашние спутники страстных надежд”.

Между тем бедная Лоранса одиноко жила в Сен-Мандэ со своим запутавшимся в долгах Трубадуром; она была беременна и все лучше узнавала дорогу в ломбард, “где исчезли - и навсегда - ее бриллианты и чудесная кашемировая шаль”. Монзэгль попросил тестя стать его поручителем - он пытался взять в долг пять тысяч франков. Бернар-Франсуа, полагая, что следует “пресечь мотовство” Монзэгля, “этой новой бочки Данаид”, отказал наотрез. Лоранса мучительно страдала от подобных ссор, у нее чуть было не произошел выкидыш. Госпожа Бальзак чувствовала себя “как в аду”, видя, что за дочерью нет никакого ухода: “Юная восемнадцатилетняя женщина и двадцатичетырехлетний акушер, которого никто не знает; достаточно только взглянуть на него, и вы побоитесь доверить ему даже кошку”. Наконец

тревога миновала, и в апреле 1822 года госпожа Бальзак отбыла в Байе.

Оноре остался в Вильпаризи в обществе отца и бабули. Если бы не строгий надзор, он бы охотно проводил весь день в “доме на околице”. Там его принимали довольно любезно. Но дружбы ему уже недостаточно; он хочет большего.

”Когда я вас увидел впервые, чувства мои пришли в волнение… Ваш возраст для меня не существует, а если я и вспоминаю, что вам сорок пять лет, то я вижу в этом лишнее доказательство силы моей страсти… Так что ваши годы, быть может, и делали бы вас смешной в моих глазах, если б я не любил вас, теперь же это, напротив, только сильнее привязывает меня к вам, чувство мое становится только острее, и то, что это кажется странным и противоречит общепринятым взглядам, еще усиливает мою любовь… Один я могу по достоинству оценить ваше очарование”.

Если госпожа де Берни отвергает его клятву верности, если она предлагает ему лишь дружбу, то он перестанет с ней видеться. Чего она страшится? “Ходячей морали, обычаев, презрения окружающих?” Он знает, что она придерживается “философических принципов”, то есть морали XVIII века

века.

Если она искренне разделяет эти идеи, то ведь из них “следует, что мы умираем бесповоротно, что нет ни порока, ни добродетели, ни ада, ни рая и нам надлежит руководиться лишь следующей аксиомой: старайся испытать в жизни как можно больше радостей”. Если они станут любовниками, это не только не обесчестит ее, а, наоборот, послужит к их общей чести.

День за днем он посылает ей страстные послания, часто Они по-настоящему прекрасны. Бальзак всякий раз пишет черновик, а то и два, и, переписав письмо набело, сохраняет эти черновики. Он даже отваживается делиться с нею своими философскими раздумьями. Оноре знает, что она умна, и надеется заинтересовать ее, описывая ту цепь сознания, которая, по теории Лейбница, протянулась от монады к человеку. “Он говорит, что деревья уже по одному тому, что они рождаются и растут, наделены сознанием, правда крайне смутным”. Лора де Берни все это выслушивает, улыбается, а затем приказывает молодому философу не говорить ей больше о любви. В противном случае она перестанет с ним видеться.

Бальзак - госпоже де Берни:

”Думаю, что я верно понял ваше письмо. Это - ультиматум. Прощайте, я в

отчаянии, но предпочитаю муки изгнания танталовым мукам. Вы-то ведь не страждете, и потому, думаю, вам безразлично, что со мной может случиться.

Если угодно, считайте, что я вас никогда не любил! Прощайте…”

Разумеется, он и не думает порывать с нею. Да и она сама вряд ли этого хочет. Ведь так сладостно знать, что тебя и в сорок пять лет обожают! Правда, ее юный поклонник несколько неуклюж, родители его довольно вульгарны и не могут нравиться крестнице Марии-Антуанетты. Что за важность! “Цветы вырастают и на навозе”, а у нее достаточно вкуса, чтобы угадать: человек, который пишет такие письма, весьма далек от посредственности. Из-под его пера выходят плохие романы. Но так ли уж они плохи? Она поможет юноше узнать свет и женщин, она вдохновит Оноре на другие произведения, достойные его таланта. Итак, оба каждый день делают вид, будто собираются расстаться. И, подобно влюбленным героям Мольера, возвращаются на сцену, один из правой кулисы, другая из левой, а встретившись, улыбаются друг другу. Однажды вечером, распростившись, Оноре вернулся и нашел госпожу де Берни в задумчивости; они присели на скамью, вокруг - окутанный тьмою сад, над головой - мерцающие звезды. Она впервые

подарила ему поцелуй.

Бальзак - госпоже де Берни:

”Думаете ли вы обо мне так же неотступно, как я думаю о вас? Любите ли вы меня так сильно, как говорите?..

Как вы были хороши вчера! Много раз вы являлись мне в мечтах, блистательная и чарующая, но признаюсь, вчера вы превзошли свою соперницу - единственную владычицу моих грез; правда, на ваших устах не играла кроткая улыбка, но во всем остальном вы как две капли воды походили на ослепительную красавицу моих сновидений, а ведь я щедро наделял ее божественной прелестью и огорчался, что вам не дано быть такой. Не говорите мне о своем возрасте, ибо я рассмеюсь вам в лицо; слова ваши звучат как дурная шутка, даже мой колченогий спутник и тот сказал бы, что вам больше тридцати лет не дашь!

Признайтесь, на вас было то самое облегающее платье, что и в воскресенье, и вы вновь надели его вчера, зная, что на сей раз никто не скажет, будто это ради меня; к тому же вам хотелось меня порадовать и заставить забыть, что на голове у вас эти противные папильотки. Однако если бы вы хотели меня совсем осчастливить, то поздоровались бы со мной так же нежно, как попрощались”.

Некоторое время она еще не отваживалась на последний шаг. Не раз она уже почти уступала, но в решительную минуту уклонялась.

”Ничто не помешает мне, - писал Оноре, - быть у садовой ограды в десять часов, и я буду ждать хоть до утра, думая о той, которую я уповал здесь встретить. Так сладостно ждать, даже потеряв надежду”.

Однажды вечером она сделала вид, будто уходит, потом возвратилась и, застав его в саду, уступила.

Бальзак - госпоже де Берни, начало мая 1822 года: “О Лора! Я пишу тебе, а меня окружает молчание ночи, ночи, полной тобой, и в душе моей живет воспоминание о твоих страстных поцелуях! О чем еще я могу теперь думать? Ты завладела всеми моими помыслами. Да, отныне моя душа неотделима от твоей, и, куда бы ты ни пошла, я всегда буду следовать за тобою.

Перед моим взором неотступно стоит волшебное видение, исполненное нежной прелести; я все время вижу нашу скамью; я ощущаю, как твои милые руки трепетно обнимают меня, а цветы передо мной, хотя они уже увяли,

сохраняют пьянящии аромат.

Ты полна опасений, и тон, каким ты их высказываешь, раздирает мне сердце. Увы, я больше, чем когда-либо, уверен в том, в чем клялся, ибо поцелуи твои ничего во мне не переменили. Впрочем, нет, я и впрямь переменился, я безумно люблю тебя”.

Воспоминание о Руссо преследует Оноре, и он называет госпожу де Берни

“милая моя матушка”. Ему очень трудно расставаться с нею. Иногда, распрощавшись со своей возлюбленной поздно вечером, он затем возвращается

в сад, одиноко сидит “на заветной скамье” и, сиротливый, печальный, предается раздумьям. Когда он приходит домой, все кажется ему тусклым, бесцветным. “Улыбка бабули была мне неприятна, голос отца больше не радовал, и я стал проглядывать газету со слезами на глазах”. Даже раскатистый смех славной мамаши Комен, которая читала “Жана-Луи” и приговаривала: “Ах, сударь, до чего ж потешная книга!” - больше не доставлял Оноре никакого удовольствия. Он пишет Лоре: “Господи, уж лучше

бы я не появлялся на свет… Я чувствую себя таким несчастным - и когда я один, и когда бываю на людях”.

Человек, охваченный страстью, вскоре становится неосторожным; Оноре слишком часто посещал “дам с околицы”. Дети госпожи де Берни все понимали, обсуждали и осуждали происходящее.

”Думается, нам не следует обманывать себя: острый взгляд юных девиц все

разгадал. Ничего определенного я не знаю, но стоит мне только посмотреть

на твою Э. [Элиза де Берни родилась 28 июня 1806 года; ей в ту пору было

шестнадцать лет (прим.авт.)], как она вспыхивает… Что касается А.

[Александрина де Берни родилась в 1813 году (ей девять лет) (прим.авт.)], то в ее глазах можно прочесть презрение и бездну других сходных чувств. Ж.

[Жанна де Берни родилась 10 апреля 1797 года (ей двадцать пять лет) (прим.авт.)] уже давно все поняла, и все они относятся к нам с

недоброжелательством, которое даже не стараются скрыть”.

Теперь неосторожно ведет себя госпожа де Берни, а юный любовник умоляет

ее быть осмотрительной. Надо сказать, что госпожа Бальзак возвратилась из

Байе; она обо всем догадалась и весьма неодобрительно взирает на слишком

частые визиты сына в “дом на околице”, а главное - на его ночные отлучки.

В молодости не умеют таить своих чувств. Госпожа Бальзак знает, что Оноре

влюблен в ее сверстницу, он просто одержим этой любовью и забросил работу.

У нее мигом созревает решение: надо отправить сына в Байе, к Сюрвилям.

Разве в силах Оноре воспротивиться? Ведь мать станет сверлить его леденящим взглядом холодных синих глаз. К тому же он рад свидеться с сестрою, понаблюдать жизнь в Байе, присмотреться к существованию молодоженов; однако ему жаль расставаться с возлюбленной. Во всяком случае, он хочет “еще раз взглянуть на скамью”, взглянуть на нее в последний раз и даже… Оноре решается просить о большем: пусть госпожа де Берни приедет в Париж. Он будет там ждать ее один - в жилище, которое сохранили за собой его родители. “Не могла бы ты туда вырваться?” Вот его план: в среду, восьмого мая, они “еще раз взглянут на скамью”; воскресенье, двенадцатого, он проведет с нею в Париже, а четырнадцатого уедет в Байе.

Родители радовались, что сын уезжает.

Бернар-Франсуа Бальзак - Лоре Сюрвиль, 18 мая 1822 года: “Посылаем вам Оноре… Каждый день он делает новый шаг к познанию мира… Но ведь в жизни самое главное - здоровье, а вот о здоровье-то он совсем, ну совсем не заботится. Не умеет он об этом беспокоиться. Если и вспоминает изредка, что силы надо беречь (ему настойчиво напоминает об этом дурное самочувствие), то боюсь, что все благие решения он откладывает в долгий ящик”.

Оноре и в самом деле удалось отсрочить свой отъезд до 21 мая. Госпожа де Берни дала ему в дорогу флакон туалетной воды, “свой амулет”, и томик стихов Шенье, который они читали вдвоем; он взял с нее слово, что она каждую неделю будет присылать письмо, “написанное убористым почерком и так, чтобы на бумаге не оставалось пустого места”, адресуя его в Байе, на улицу Тентюр, господину Оноре, живущему у господина Сюрвиля. Ему так грустно было уезжать! Приходилось все бросить - занятия, удовольствия. Но пути к отступлению не было. “Роковая поездка твердо решена, и матушка говорит обо мне так, словно я уже в дороге…” Госпожа Бальзак сообщает своей дочери Лоре, что Оноре уезжает “в самом плачевном состоянии” и что расстались они очень холодно. Но она сгущает краски. Луи Бруэт, слуга, которому поручено удостовериться, что Оноре действительно сел в дилижанс, по возвращении рассказывает: молодой хозяин пустился в дорогу с “красоткой графиней” и оживленно болтал с нею, когда экипаж отъезжал. Прекрасно! Если он волочится за дорожными спутницами, стало быть, беда не так уж велика, как опасались обеспокоенные родители. А все дело в том, что Оноре настолько любит жизнь и так умеет расцветить ее с помощью воображения, что не способен долго чувствовать себя несчастным.

VI. ИНТЕРЛЮДИЯ В БАЙЕ

Я часто бывал генералом, императором; я

бывал Байроном, а потом - ничем. Взобравшись

на самую вершину человеческого бытия, я вдруг

обнаруживал, что мне еще только предстоит

преодолеть неприступные горные хребты.

Бальзак

Дилижанс, доставивший Бальзака в чудесный нормандский городок Байе, остановился возле самой почтовой конторы, неподалеку от пристани. Зять

отвез Оноре на улицу Тентюр. Зеленая краска на воротах дома облупилась и

осыпалась. Молоденькая служанка в полотняном чепчике встретила гостя

легким реверансом. Гостиная, обшитая панелью из полированного орехового

дерева, выглядела довольно мрачно, “в ней были симметрично расставлены

штофные стулья и старинные кресла”. Три окна выходили в обычный сад, каких

много в провинции. “Вокруг все сверкало поистине монастырской чистотой -

от тщательно натертого пола до полотняных занавесок в зеленую клетку”

[Бальзак, “Побочная семья”]. Лора оказалась хорошей хозяйкой. Какую радость он испытал, снова увидев свою Лоретту, свою любимую сестру, столь близкую ему по духу!

Она со своей стороны была в восторге от его приезда. Как и приличествует истинной дочери квартала Марэ, Лора любила мужа. Но в Байе она скучала. Ее появление в городе произвело настоящую сенсацию - она была остроумна и уверена в себе. Однако Сюрвиль, заурядный инженер ведомства путей сообщения, получал, как известно, всего двести шестьдесят франков в месяц. Государство использовало человека, окончившего Политехническое училище, на замерах булыжника и щебенки для мощения дорог, на устройстве водостоков, выравнивании откосов, рытье канав. Эта однообразная работа нагоняла тоску на мужа, а серость их существования приводила в уныние жену. Она мечтала о роскоши, он - о настоящих больших работах по строительству мостов и особенно каналов. Эх, прокладывать бы каналы! Но все эти огорчения не мешали “милейшему инженеру” полнеть да жиреть и постоянно напевать за работой; приезд шурина, чья голова была набита фантастическими планами, молодого человека, способного с восторгом

выслушивать и чужие планы, был приятным событием.

С Лорой Оноре беседовал о своих книгах. Он подтверждал, что “Наследница Бирага” - “сущее свинство”, зато “Клотильда Лузиньянская”, которая должна была вот-вот выйти в свет, - настоящий шедевр. Он и в Байе привез работу: начатый роман “Ванн-Клор” и план нового произведения - “Арденнский викарий”. У самой Лоры тоже не было недостатка в замыслах. Они будут писать “Викария” втроем, и вся семья разбогатеет; а потом они атакуют театр. Все то время, пока Оноре гостил в доме сестры, там не умолкал смех и не утихала беседа. Бальзак валялся на оттоманке в старых панталонах, без чулок и галстука. Брат и сестра болтали обо всем: о бабуле и о родителях, о бедной Лорансе, о “Клариссе Гарлоу”, о “Юлии”. Сюрвиль возил Оноре в Кан, в Шербур. Лора знакомила его с местными жителями. Романист копил впечатления - запоминал окрестные пейзажи, расположение городских улиц, таинственное мерцание свечей в кафедральном соборе, знатную даму, покинутую любовником (графиню д’Отфей). По слухам, он даже попытался взять приступом эту оставленную крепость, однако ему пришлось с позором отступить. Он подробно расспрашивал о жизни разных слоев здешнего общества. Его все интересовало. Удивительная способность Бальзака определять, подобно натуралисту, различные социальные виды, позволила ему обнаружить в Байе ту же структуру общества, которая была характерна для всех небольших французских городов во времена Реставрации: знатное

всех небольших французских городов во времена Реставрации: знатное семейство, никому не ведомое за пятьдесят лье отсюда, но связанное узами родства с самыми известными семьями Парижа; гораздо менее древний, но куда более богатый род; несколько старых дев знатного происхождения; и, наконец, благомыслящие буржуа, которых снисходительно допускают в это Сен-Жерменское предместье в миниатюре.

Между тем "Клотильда Лузиньянская" вышла в свет, и в один прекрасный день от уважаемой мамаши прибыло грозное письмо, одно из тех, на какие она была великая мастерица.

Госпожа Бальзак - Лоре Сюрвиль, 5 августа 1822 года: "Вот уже несколько дней, милая Лоретта, новые огорчения терзают меня… И виновник этого - Оноре, милейший, дражайший Оноре, который, сам того не желая, вонзил мне нож в сердце; ты еще не знаешь, милый мой друг, до какой степени чувствительно самолюбие матери, ибо его порождает неукротимое желание, присущее всем настоящим матерям, - желание видеть, что их дети чего-то достигли в жизни; именно такие надежды я возлагала на своего Оноре; но пока мои упования не находят отклика.

Вы, верно, скажете: "На что сетует наша милая матушка? Зачем она все

это нам говорит?” Сейчас объясню. Я медлила с этим письмом, которое, надеюсь, вы обратите ему на пользу, ибо хотела, чтобы Оноре закончил книгу, ту, что по его словам, он пишет у вас; полагаю, к вашим замечаниям он отнесется более внимательно, чем к тем, какие, я высказывала по поводу злополучной “Клотильды”.

Госпожа Бальзак, которой сын в свое время читал “Клотильду”, настоятельно просила его самым тщательным образом исправить текст; теперь она обнаружила, что Оноре совершенно не посчитался с ее замечаниями. Опубликованный роман приводил ее в ужас. Что думают Сюрвили о такого рода выражениях: “хрупкий луч”, “бархатистые движения”, “животворящие соки”? А как им нравится, что чуть ли не на каждой странице повторяется слово “пленительный”? Многие погрешности трудно было уловить на слух, ибо Оноре читал с жаром, с душою. “При трезвом чтении” родители замечали теперь серьезные недостатки романа. План был хорош, сюжет очень мил, но, когда автор пробовал блеснуть своим умом и обращался к читателю, он выказывал дурной вкус. “Я ждала похвал. Полный провал!” А для госпожи Бальзак важнее всего “общественное мнение”. Друзья признают, что у Оноре богатое

воображение, но тут же прибавляют, что ему не хватает трезвости суждений.

Рабле немало ему повредил, Стерн - еще больше, а особенный ущерб принесло

частое общение с молодыми людьми, которые портят друг другу вкус. “Словом, я сильно огорчена, повторяю еще и еще раз”. Однако она не решается все это

сказать сыну, потому что он легко падает духом: “Оноре считает себя либо

всем, либо ничем”. Вот почему она ожидает, что Сюрвили со всей

осторожностью передадут ему ее замечания.

”Вы должны поговорить с Оноре и о другой вещи, не менее важной: он

полагает, что все превзошел, и такая самоуверенность возмущает окружающих.

Господин Даблен питает к нему слабость, но и он сурово порицает его

скороспелые речи, зависящие от настроения… Оноре совсем не умеет вести

себя в обществе; язык у него как бритва. Госпожа де Берни, весьма к нему

расположенная, ибо она потеряла сына, которому было бы сейчас столько же

лет, сколько нашему Оноре, на днях говорила мне, что у них в доме он часто

ведет себя просто нелепо и его там не жалуют… “Я к нему очень привязана, - признавалась она, - и много бы дала, чтобы он следил за своими словами и

тоном, за своим внешним видом”.

Помимо всего прочего, Оноре дал честное слово книгопродавцу, что после появления “Клотильды” он добьется рецензий в газетах на эту книгу. По словам матери, он рассчитывал на помощь своих приятелей, “молодых бахвалов, которые торчат здесь уже второй день”; но они не пользуются никаким влиянием. “Нужно покровительство, и очень сильное”. А покровителей не сыщешь, потому что в книге слишком много погрешностей. Даже славный доктор Наккар и тот сказал: “Ведь Оноре знает, как я его люблю, почему он не прочел мне хотя бы начало своего романа? Там уже на первой странице полно ошибок!”

Госпожа Бальзак высказывала и другие претензии. Ей пришла в голову великолепная мысль - приобрести первый экземпляр “Клотильды” и подарить его мужу, которому исполнилось семьдесят шесть лет (22 июля 1822 года). Не правда ли, она мило придумала? А Оноре даже не поблагодарил ее за такой знак внимания! Все это ужасно отражается на ее нервах. Наконец, она надеется, что до отъезда Оноре Сюрвили найдут случай отчитать его - разумеется, не обескураживая - и дружески дадут ему понять, что он должен

следить за собою, не думать, будто он уже все знает и во всем разбирается.

И главное, пусть не забудут, что пятнадцатого - день рождения бабули.

Лора весьма тактично справилась с возложенной на нее миссией: “Бедная

мамочка, когда я читала твое письмо, слезы выступили у меня на глазах, и я

подумала: “До чего грустно быть матерью!” Лора соглашалась, что они - все

четверо детей - причиняют немало огорчений мамочке. Однако юная госпожа

Сюрвиль, как известно, сторонница теории, что “все к лучшему”, и она

старается видеть создавшееся положение в более радужном свете. Во-первых, “Клотильда” - не такая уж плохая книга, она куда лучше, чем “Наследница

Бирага” и “Жан-Луи”, которые ее, Лору, просто “сразили”. Разумеется, и в

“Клотильде” встречаются повторения, небрежности; но эти недостатки

объясняются тем, что Оноре за два месяца пишет четыре тома. Зато

попадаются целые главы, которые звучат превосходно. Незаурядное

воображение автора многое обещает. Оноре, конечно же, признает

справедливость критики. И для начала Лора, отбросив дипломатию, прочла ему

без всяких пропусков письмо матери, “такое сдержанное, разумное и

справедливое”…

”Оноре ничего не ответил, только пробормотал, что все правильно, при этом вид у него был очень растроганный и грустный; он уселся на оттоманку и предоставил мне комментировать твое письмо. Если бы я посмотрела на него, то, верно, не произнесла бы больше ни слова, такие печальные были у него глаза; я бы сама расплакалась и выбежала из комнаты.

Если хочешь к чему-нибудь склонить Оноре, надо воздействовать на его чувства, лаской от него можно добиться чего угодно; а потому, милая мама, уж если ты вздумаешь его журить, то делай это только по серьезному поводу, предоставь ему полную свободу в мелочах. Разве так важно, как он одевается? Какая важность, если он и допускает какую-либо пустяковую оплошность или даже иной раз пренебрегает некоторыми своими обязанностями? Разве можешь ты сомневаться в его чувствах? Кто сравнится с ним в доброте? Правда, у Оноре переменчивый нрав, он то печален, то весел, ну и что из того? Ведь у каждого свои слабости! Не обращай внимания, что он бывает неровен, тогда и ему будет лучше, да и тебе самой тоже”.

Впрочем, “милая мамочка” видит все в слишком мрачном свете. Книга не подписана именем Бальзака, стало быть, фамильной чести ничто не угрожает; а распродаваться “Клотильда” будет, верно, хорошо. Романы, которые пишут ради заработка, не надеясь, что они принесут славу, никогда не бывают

шедеврами. “Оноре не собирается стать ни новым Ричардсоном, ни новым Филдингом, ни новым Вальтером Скоттом; это не его жанр… Вы придаете больше значения его роману, нежели он сам”.

Это прозорливые слова. Верно, что Оноре в ту пору не столько стремился создать шедевр, сколько жаждал заработать побольше денег. Правда, он уже понимает, в чем истинное величие в литературе и что такое прекрасный слог, однако, не умея достичь совершенства, он притворяется, будто нарочно пишет небрежно. Ему суждено стать “гением поневоле”.

Существует ли на свете писатель, продолжает Лора, который сразу же начал писать хорошо? Нужен опыт, и Оноре с каждой книгой пишет все лучше и лучше. Затем она переходит к другим делам: рассказывает о планах Сюрвиля, который хотел бы перебраться поближе к столице. Они с мужем сильно опечалены тем, что Оноре на следующий день (9 августа 1822 года) уезжает.

”У нас просто сердце сжимается: мы провели вместе два чудесных месяца. Так непривычно будет больше не видеть милого Оноре, нашего дорогого брата, но, быть может, мы скоро опять свидимся. Это меня утешает”.

Что ожидает его в Вильпаризи? Госпожа Бальзак приютила у себя в доме

племянника - Эдуарда Малюса, двадцатидвухлетнего довольно богатого юношу; круглый сирота, он болен скоротечной чахоткой [Эдуард Малюс был сыном Софи

Саламбье (сестры госпожи Бальзак, умершей в 1810 году) и Себастьяна Малюса

(скончался в 1816 году); Эдуард, единственный ребенок в семье, оставшийся

в живых, родился 12 марта 1800 года и умер в Вильпаризи 25 октября 1822

года, в доме тетушки, которой он завещал все свое состояние; словом, госпожа Бальзак приютила племянника с наследством (прим.авт.)]. У него уже

почти не осталось легких, и бедняга, проводивший ночь в комнате Оноре, днем лежал на складной кровати возле дома в саду. Бабуля, верная сообщница

Оноре, во время отсутствия внука служила тайным посредником между ним и

госпожой де Берни. “Мы, как обычно, видим “соседок с околицы”, - писала

своему любимцу почтенная вдова, - и эти дамы оказывают множество знаков

внимания нашему бедному страдальцу… С большим интересом справляются о

том, что слышно у тебя”. “Дама с околицы” приносила со своей фермы

сливочное масло для несчастного Эдуарда, и это служило для нее благовидным

предлогом узнать, что новенького у Оноре. “Твое письмо вручено”, -

сообщала ему заботливая бабушка.

Перед отъездом в Байе Оноре отправил госпоже Де Берни меланхолическое

послание.

”Я не решаюсь сказать, как вы меня огорчаете тем, что больше не

вкладываете цветы в свои письма. Туалетная вода у меня кончилась, и, если

бы не томик Шенье, я бы остался без амулета… Есть люди, родившиеся под

несчастной звездой, я из их числа”.

Этот веселый малый испытывал приступ меланхолии в духе юного Вертера.

Сколько горьких разочарований в себе самом и в своем искусстве! “Господи, уж лучше бы я вообще не появлялся на свет!” Напрасно госпожа де Берни

сообщала ему, что она “вновь обрела свободу воли”, - этим она давала ему

понять, что отныне муж предоставляет ей полную свободу. “Я добровольно

отказываюсь видеть вас”, - с грустью писал Оноре. Неудача “Клотильды”

угнетала его.

Бальзак - госпоже де Берни, 30 июля 1822 года: “Я заблуждался на свой счет; больше того, я заблуждался во всем, что

касается моей жизни… Отныне я удовольствуюсь тем, что буду жить в вашем

сердце, если только мне отведено там такое же место, какое вы занимаете в моем: я стану тешить себя воспоминаниями, иллюзиями, мечтами, стану жить воображаемой жизнью; впрочем, отчасти я уж давно так живу”.

Госпожи Саламбье - Лоре Сюрвиль:

”Стало быть, твой брат возвращается домой. Дай-то Бог, чтобы его великие планы не развеялись, как это обычно с ним бывает; он, увы, не всегда приносит радость лучшей из матерей”.

Бабуля не понимала, что, строя свои “великие планы”, Оноре пытался таким образом вознаградить себя за несправедливость судьбы и забыть о разочарованиях, которые постигали его в реальной жизни. Действительность разрушает иллюзии; литературное творчество вновь оживляет их. И “над всеми иллюзиями, этими изящными дочерьми слишком живого воображения, - писал он “даме с околицы”, - будет вечно сиять немеркнущая звезда, указывая мне путь. Этой звездой будете вы, милый мой друг”. Но не следует ли ему удовольствоваться лишь созерцанием своей звезды?

Бальзак - госпоже де Берни:

”Когда ты - человек заурядный, когда все твое богатство - незлобивая, но бездеятельная натура, ты обязан взглянуть на себя трезвыми глазами; посредственность не сулит больших радостей, и тот, кому не дано волновать

сердца и щедро расточать сокровища, которыми наделяет человека слава, талант и душевное величие, обязан уйти со сцены, ибо не следует обманывать

других. В противном случае он совершит нравственное мошенничество, подобно

плуту, расхваливающему дом, который вот-вот рухнет. Превосходство, присущее гению, и преимущества, отличающие людей выдающихся, - вот

единственное, что невозможно присвоить. Карлик не в силах поднять палицу

Геракла.

Как я уже говорил вам, я умру от горя в тот день, когда окончательно

пойму, что надежды мои неосуществимы. Хотя до сих пор я еще ничего не

сделал, я предвижу, что этот роковой день приближается. Мне предстоит

стать жертвой собственного воображения. Вот почему я заклинаю вас, Лора, не думать обо мне; умоляю, порвите все нити, связывающие нас”.

Что это? Сомнения влюбленного? Или смутное предчувствие непрочности

любви, которую время неизбежно должно было разрушить? Гораздо позднее он

напишет:

”Эти наслаждения, внезапно открывающие нам поэзию чувственности, создают те крепкие узы, которые привязывают молодых людей к женщинам старше их возрастом, но эти узы, подобно оковам каторжника, оставляют в душе неизгладимый след, рождают в ней преждевременное равнодушие к чистой свежей… любви” [Бальзак, “Лилия долины”].

Но пока что любовное желание отгоняло все сомнения.

В том же письме к госпоже де Берни - всего несколькими строками ниже - он задает множество нежных вопросов. Гуляет ли она на лугу? Бывает ли в саду? Сидит ли на их скамье? Выходит ли за живую изгородь? Играет ли на фортепьяно, поет ли? Когда он писал это письмо, Сюрвиль рядом с ним напевал: “Как медленно теченье дней”. Великий Боже, как он фальшивил! И какое холодное небо в Нормандии!

Когда Бальзак проездом оказался в Париже, его перехватил там Шарль-Александр Полле, издатель и книгопродавец; он предложил ему подписать договор на два романа: “Столетний старец” и “Арденнский викарий”, каждая из этих книг будет выпущена в количестве тысячи экземпляров, за что автор получит две тысячи франков, из них - шестьсот франков наличными, так сказать, “звонкой монетой”, а остальные -

векселями

сроком на восемь месяцев. Таким образом, дела обстояли не так уж плохо. Но

оба произведения надо было вручить издателю не позднее первого октября.

Между тем Бальзак оставил рукопись “Викария” в Байе: супруги Сюрвиль, не

сомневавшиеся в собственных талантах, собирались работать над нею.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, Вильпаризи, 14 августа 1822 года: “Итак, у нас остается сентябрь месяц для работы над “Викарием”. Боюсь, что каждому из нас невозможно писать по две главы в день, а ведь только в

этом случае я получу “Викария” к 15 сентября; но и тогда у меня будет

всего две недели для переделок и исправлений. Посоветуйтесь между собой…

Если вы хоть немного меня жалеете, непременно пришлите в срок этого

чертова “Викария”, а коли вы думаете, что я вас ввожу в заблуждение, то я

пришлю договор, подписанный с Полле: там предусмотрена неустойка, если

книга не увидит свет в ноябре по вине автора… Пожалуй, такой

нечеловеческий труд тебе не по силам, Лора. Не думаю, что ты можешь писать

по шестьдесят страниц романа в день. Впрочем, если справитесь, если вы мне

твердо обещаете прислать рукопись к 15 сентября, - в добрый час! Но если

17 сентября у меня ее еще не будет, то, памятуя о проклятой неустойке, я

сам примусь за дело: как вам известно, написать роман для Полле можно и за месяц”.

Между тем семейство Бальзаков собиралось уезжать из Вильпаризи. Владелец дома, кузен Антуан Саламбье, продал свою недвижимость брату, Шарлю Саламбье, а тот вознамерился увеличить арендную плату до пятисот франков в год. Возмущенные Бальзаки решили вновь перебраться в столицу. Подыскали подходящую “нору” на улице Руа-Доре, где молодому писателю была выделена отдельная комната. Однако Эдуард Малюс доживал последние дни, и его нельзя было тронуть с места. Прикованный к своему креслу, больной учился вышивать. Бернар-Франсуа, напротив, чувствовал себя превосходно, и его остроты вызывали бурные приступы смеха у Оноре. Госпожа Бальзак, как всегда энергичная и деятельная, то и дело ездила в Париж “обхаживать” приятельницу со связями (госпожу Делануа), надеялись, что эта дама выхлопочет для Сюрвиля должность в Монтаржи или в Понтуазе и он переселится поближе к столице. Мать сердито выговаривала Оноре за то, что он забыл в Байе “полотенце с красной каймой и носовой платок”, с ее

хозяйской точки зрения это было непростительно. Молодой автор прочел своим

обычным слушателям в Вильпаризи начало романа, который он писал в

Нормандии, - “Ванн-Клор, или Бледноликая Джен”, и все остались довольны, хотя автор вывел там собственную мать в несколько смешном виде. Оноре

каждый раз бегал встречать дилижанс, надеясь, что с ним прибудет рукопись

“Арденнского викария”.

”От всего сердца обнимаю Сюрвиля, а тебя так сжимаю в объятиях, что

боюсь, как бы ребра не хрустнули… Эдуард обречен на смерть; бабуля - на

постоянные недуги; мама - на вечные поездки в Париж и на непрерывные

волнения; папа - на неизменное здоровье; Луиза - на торчание в дверях; Луи

- на безнадежную глупость; Анри - на бесконечные проказы, а я - уж и сам

не знаю на что… “Викарий”! “Викарий”! “Викарий”! Шлите рукопись по

частям, с каждой почтой, ибо мне уже давно пора приняться за нее”.

Что касается Лоры де Берни, то достаточно было ей вновь появиться, чтобы приступ меланхолии в духе иного Вертера опять уступил место любви.

Бальзак - госпоже де Берни, 4 октября 1822 года: “Чем дольше мы вместе, тем больше открываю я в тебе прелестей…

Признаюсь тебе, Лора, что “освящение скамьи”, это празднество любви, которая, как мы думали, уже угасала, вновь воспламенило мое сердце, и наш

чудесный уголок не только не показался мне гробницей, но стал в моих

глазах алтарем…

Есть некое величие в том, чтобы скрывать друг от друга силу нашей

взаимной любви. Но мы проявим еще больше величия, если сохраним ее.

Предоставляю тебе, дорогая, принять решение. Ныне, как и четыре месяца

назад, я вручаю тебе свою судьбу, все свое существо, свою душу и вновь

признаюсь, что я много приобрел от тесного общения с тобой”.

Теперь, когда его уже больше не томила неутоленная страсть, он мог

лучше оценить глубокий ум своей возлюбленной. Оноре плохо умел скрывать

свои чувства, и госпожа Бальзак в ярости писала об этом Лоре.

Госпожа Бальзак - Сюрвилям, 12 октября 1822 года: “Вы даже не можете себе представить, милые друзья, как худо нашему

бедному Эдуарду; язык у него темно-коричневый, а в глубине - почти черный; пульс у бедняжки слабеет с каждым часом… Он ничего не ест, только с

трудом проглатывает шесть устриц и выпивает чашку молока… Долго он не

протянет, я в этом уверена…

Только для Лоретты: Оноре уходит в полдень, возвращается в пять часов; прочитав газету, снова ускользает из дому и возвращается в десять вечера.

Несмотря на то, что Эдуард так плох, сынок и папаша оставляют меня одну.

Оноре даже не понимает, как неприлично по два раза в день ходить в чужой

дом. Он не понимает, что его хотят околпачить. Я предпочла бы находиться в

ста лье от Вильпаризи. За последнее время он не написал, ни строчки. А

ведь ему осталось каких-нибудь двадцать, страниц, чтобы закончить

“Столетнего старца”. Голова у него занята только одним, он не понимает, что, отдаваясь своему чувству с таким пылом, он скорее пресытится; но

поведение его столь неосмотрительно, что он лишает себя возможности с

честью выпутаться из этого положения в будущем. Я пыталась ему объяснить, что, несмотря на всю свою душевную тонкость и деликатность, я вынуждена

поступать так, как поступаю.

Напиши ему, быть может, он тебя послушает. Если я завтра уеду отсюда, то напишу тебе обо всем подробнее”.

Эдуард Малюс умер в Вильпаризи 25 октября 1822 года. Нотариус Виктор

Пассе привел в порядок оставшееся после него наследство. Госпоже Бальзак

досталась весьма значительная сумма (девяносто тысяч франков золотом).

Самоотверженный уход за безнадежно больным родственником и печаль по усопшему были оплачены наличными. Буржуазная мудрость обратила милосердие в капитал. В ноябре семейство Бальзаков обосновалось в квартале Марэ, в доме номер семь по улице Руа-Доре. Временное пристанище на улице Портфуэн было оставлено. Плата за новое жилье составляла семьсот тридцать франков в год, включая налоги. Первого ноября между Оноре и Бернаром Франсуа был подписан любопытный контракт. Сын обязался платить отцу сто франков в месяц - за кров и стол. “Господин Оноре сам будет оплачивать свечи, дрова и прачку; в годовую сумму - тысяча двести франков - входит только стоимость пропитания и жилища”. Контракт этот был продиктован не алчностью Бернара-Франсуа, а гордыней Оноре.

VII. ПОДЕННАЯ РАБОТА

Мы переехали в Париж в надежде

на благополучие и счастье.

Госпожа Бальзак

Госпожа Саламбье не долго радовалась возвращению в свой любимый квартал

Марэ. Она умерла 31 января 1823 года. Оноре потерял верного друга. Родные

не пожалели денег на пышные похороны. Они не хотели ударить лицом в грязь.

После старушки осталось весьма скромное наследство - спекуляции зятя

нанесли изрядный ущерб ее состоянию. Тем не менее финансовое положение

семьи к этому времени упрочилось. К ферме Сен-Лазар и наследству, полученному от Эдуарда Малюса, прибавлялись ежегодные проценты с капитала, вложенного в тонтину Лафаржа, размер которых быстро увеличивался, ибо

“дезертиров” становилось все больше. По милости ведомства путей сообщения

Сюрвиль переехал поближе к столице, и молодые супруги жили теперь в

Шанрозэ; Сюрвиль изо всех сил добивался должности инженера в департаменте

Сена и Уаза с местопребыванием в Версале. Несчастная Лоранса разрешилась

от бремени, когда в ее доме все должны были описать за долги. Она с тоской

вспоминала о своей девической жизни: “Держу пари, что вы сварите наш

чудесный компот из апельсинов и будете жарить каштаны”. О как сладко и как

грустно вспоминать об отчем доме юной женщине, несчастной в замужестве!

Что касается баловня госпожи Бальзак Анри, предполагаемого сына господина

де Маргонна, то он был столь же беспечен, как Оноре, столь же легковерен, как Лоранса, но в отличие от всех остальных в семье совершенно лишен

энергии.

Оноре много и упорно работал. Он заканчивал “Арденнского викария” для

книгопродавца Полле и “Ванн-Клора” для издателя Юбера. Мать с восторгом

отмечала, что он “работает не покладая рук… Он не теряет ни одной

минуты”. Увы! Не успел роман “Арденнский викарий” выйти в свет, как его

изъяли из обращения. История маркизы де Розанн, которая думает, что

страстно влюблена в нового викария, молодого аббата де Сент-Андре, а на

самом деле испытывает к нему материнскую любовь (ибо викарий - ее

собственный сын, родившийся от связи с епископом), возмутила

благонамеренное правительство. Цензура запретила продажу книги.

Начало романа написано довольно хорошо, тон повествования напоминает

Стерна. Портреты нескольких деревенских чудаков - влюбленного в латынь

учителя, мэра-бакалейщика, доброго старика священника, который сыплет

поговорками, как Санчо Панса, - достаточно выразительны, хотя их смешные

черты изображены несколько преувеличенно и однообразно. Но затем все шло гораздо хуже; начиналась слезливая драма; пират в духе героев Байрона наводил страх на обитателей Арденн; викарий, несмотря на сан священнослужителя, вступал в брак, потом узнавал, что женился на собственной сестре, а под конец обнаруживал, что сестра эта вовсе и не сестра ему! Цензура в каком-то смысле оказала услугу Орасу де Сент-Обену.

Через две недели после “Викария” в свет вышел новый роман: “Столетний старец, или Два Беренгельда”; он был также подписан Орас де Сент-Обен, бакалавр изящной словесности и, несомненно, навеян “Мельмотом” Матюрена: книга эта, переведенная на французский язык в 1821 году, произвела сильное впечатление на Бальзака. Образ столетнего старца должен был непременно привлечь его внимание. С самого детства Оноре только и слышал в доме разговоры о долголетии. Старик Беренгельд, как и Мельмот, заключил договор с сатаной: он получил возможность прожить несколько жизней, но должен для этого время от времени убивать юную девушку - ее кровь, попав к нему в жилы, вновь возвращает молодость этому вурдалаку. Беренгельд - чудовищный старик гигантского роста, наделенный невероятною силой. В целой веренице эпизодов, “причудливо переплетенных с полным пренебрежением к

хронологической последовательности”, пишет Морис Бардеш, рассказывается о том, как порою появляется сей вампир. В конце книги генерал Туллий Беренгельд, последний отпрыск рода, вырывает из рук отвратительного старика свою невесту, которую тот уже готовился умертвить.

Бальзак - Лоре Сюрвиль:

”Теперь, когда я, как мне кажется, получил верное представление о своих силах, я глубоко сожалею, что так долго растрачивал блестки своего ума на такого рода нелепости; чувствую, что в голове у меня кое-что есть, и, если бы я был уверен в прочности своего положения, другими словами, если бы меня не связывали различные обязательства, если бы у меня был кусок хлеба и крыша над головою да какая-нибудь Армида в придачу, я бы принялся за настоящую книгу; но для этого надо удалиться от света, а я всякую минуту возвращаюсь туда”.

Подобно многим молодым людям, Бальзака буквально раздирали самые противоположные влияния. Он вращался в компании циничных журналистов, которые смеялись надо всем, особенно над высокими чувствами, и продавали свое перо маленьким газетенкам - таким, как “Кормчий”, “Корсар”, жадным до

слухов и эпиграмм и занимавшимся не то сатирой, не то шантажом; эти

молодые люди также кропали на скорую руку мелодрамы и водевили для актрис, не отличавшихся чрезмерной добродетелью. В их кругу Оноре снова встретил

“знаменитого” Огюста Ле Пуатвена, Этьена Араго, младшего брата

прославленного астронома carbonaro [карбонария (ит.)], похвалявшегося тем, что он входит в состав Голубой венты - тайного общества республиканцев, а

также Ораса Рессона, двадцатичетырехлетнего юношу, отец которого, как и

Бернар-Франсуа Бальзак, без труда переходил от роялизма к якобинству и

обратно. Рессон был в дружбе с художником Эженом Делакруа, говорившим о

нем: “Он лгун и человек самонадеянный… Шалопай этот был самым отчаянным

хвастуном из всех, каких я встречал”. Анри Монье рассказывает, что однажды

он сидел в кафе “Минерва” вместе с Рессоном; внезапно тот встал из-за

стола и воскликнул: “Пойдемте отсюда! Вот и несносный Сент-Обен уже

явился!” При этих словах Монье увидел молодого человека, походившего не то

на монаха, не то на крестьянина. Это был Бальзак. Если приведенный эпизод

достоверен, Рессон был, видимо, не только лгун и самонадеянный фат, но и

неблагодарный, недоброжелательный человек.

Все эти молодые люди сотрудничали с уже добившимися некоторой

известности драматическими писателями. Бальзак, рассчитывавший, что театр принесет ему состояние, написал мрачную мелодраму “Негр”; театр Гетэ отклонил пьесу, хотя отметил некоторые ее достоинства. Бальзак и сам понимал, что попусту растрачивает свои силы. С той поры, как Оноре благодаря Лоре де Берни испытал глубокое чувство, он мечтал написать настоящий роман о любви. Поверенная его чувств, бабушка Саламбье, еще в 1822 году с трогательной неуклюжестью подбадривала его: “Милый Оноре, торопись избавиться от своей окаянной меланхолия… Постарайся не писать больше такие мрачные книги, рассказывай лучше о любви и делай это с приятностью… Ручаюсь тебе за успех, к тому же и сам исцелишься”.

Славная старушка была права. В романе “Последняя фея, или Новая волшебная лампа” ее внук пробовал противопоставить буржуазной осмотрительности поэзию романтического. К несчастью, он все еще не способен был избавиться от подражания готовым образцам; у него получилась какая-то смесь из водевилей Скриба и романов Матюрена, книга вышла прескверная. Оноре де Бальзаку, стоявшему на голову выше Огюста ле Пуатвена и Ораса Рессона, никак не удавалось отделаться от их компании и

от их методов работы.

Но, продолжая сотрудничать с этими беззастенчивыми литературными

шакалами, он страдал. Его чувствительную натуру ранила жестокость

окружающего мира. Он ощущал в себе силы для великих свершений. В романах, которые он писал только ради денег, порой попадались глубокие и верные

наблюдения: о всеобщей растленности, о коррупции, ставшей язвою века, о

торжестве порока. У отца Оноре позаимствовал некую систему взглядов -

отнюдь не такую уж глупую - о соотношении физического и нравственного

облика человека. В 1822 году юный Бальзак по совету доктора Наккара купил, а затем переплел (то был для него немалый расход!) сочинения Лафатера.

Этот швейцарский писатель, которым так восторгался Гете, написал большой

труд "Физиогномика" (искусство узнавать характер людей по их наружности); труд этот "отличался тонкими и блестящими наблюдениями", в нем были

рассмотрены шесть тысяч человеческих типов, их внешний облик и душевные

свойства.

Книга эта стала для Бальзака своего рода Библией. "Люди умные, дипломаты, женщины - все те, кто принадлежит к числу немногих, но

ревностных последователей двух этих знаменитых людей (Лафатера и Галля), часто имели случай наблюдать множество и других явных признаков, по

которым можно проникнуть в человеческую мысль; привычные жесты, почерк, звук голоса, манеры и прочее не раз помогали влюбленной

женщине, ловкому

дипломату, искусному правителю и государю (Наполеону) по достоинству

оценить тех, с кем они имели “дело”, - пишет Бальзак в своей “Физиологии

брака”. Здесь в зачатке уже возникают контуры будущего исследования, охватывающего все слои общества. Бальзак, последователь Бюффона и Жоффруа

Сент-Илера, выказывал живейшую склонность к такого рода исчерпывающей

классификации. Ведь куда интереснее было бы претворять в романы столь

грандиозные идеи, вместо того чтобы подражать сочинениям Виктора Дюканжа

или Пиго-Лебрена! Чем больше читал Оноре, тем больше он думал об этом. Но

не хватало времени, его подстегивала нужда, и настоящее произведение, за

которое ему следовало приняться, виделось лишь смутно, как в тумане, ускользало от него.

Порою он мечтал написать несколько диалогов в манере Платона, с тем

чтобы изложить в них систему своих взглядов; однако “Современный Федон”

так никогда и не был написан. Зато сохранился позднейший набросок -

“Неведомые мученики”, опубликованный в 1843 году; по нему можно составить

себе некоторое представление о тех беседах, которые вел Бальзак в 1824

году, сидя со своими просвещенными друзьями в кафе “Вольтер” рядом с

театром Одеон. Главный персонаж, Рафаэль, напоминает самого Бальзака:

пышущее здоровьем лицо, черные волосы, живой взгляд”. Его собеседники: ирландец Теофиль Осмонд, фанатичный приверженец Балланша; немец Тшерн, вольнолюбивый поэт с белокурыми локонами; доктор Физидор, двадцатисемилетний уроженец Турени, молодой медик, увлекающийся френологией; доктор Фантасма, семидесятитрехлетний житель Дижона, ученик Месмера, и математик Гроднинский, химик и изобретатель. Эти ученые мужи играют в домино за столиком, который завсегдатаи кафе прозвали “стол философов”.

”Дубль шесть! Я начинаю игру!” - восклицает доктор Фантасма. И, продолжая партию в домино, партнеры ведут беседу, которая знакомит нас с мыслями молодого Бальзака. Физидор, рупор автора, рассказывает, что некий старый врач, посвятивший себя изучению оккультных наук, сделал ему необычайное признание: “Я хотел бы открыть вам одну тайну. Вот она: мысль могущественнее тела; она его пожирает, поглощает, разрушает”.

Мысль способна убивать. Наши философы по очереди рассказывают о трагических мистификациях, когда неведомые жертвы умирают от воображаемых отравлений, погибают от несуществующих у них недугов или сходят с ума, терзаемые какой-либо мыслью. Ибо мысль материальна. Мертвецы могут являться живым потому, что мысль живет дольше, нежели тело. Верьте в оккультные науки!” Алхимики вовсе и не думали все превращать в золото,

они мечтали об открытиях гораздо более важных. Они старались найти все определяющую молекулу; стремились обнаружить истоки движения в бесконечно малых частицах; жаждали раскрыть тайны жизни Вселенной… “Это магизм, который не следует смешивать с магией, ибо он представляет собою науку наук”.

Таким образом, раскрываются чисто нравственные преступления, которые закон не карает. Человек-изверг Может довести свою жертву до безумия, до гибели, причиняя ей душевные муки, от которых изнемогают в недрах семьи под покровом глубочайшей тайны кроткие создания; их преследуют люди с жестокой душою, терзая язвительными речами. Подобные беседы обогащали юного романиста новыми и необычайными сюжетами.

Он читал множество книг на эту тему. В ту пору медики делились на три школы: виталисты учили, что человек наделен “жизненной силой”, другими словами - душой; сторонники химико-механической школы отвергали всякие философские доктрины и рассматривали только органы человека, их действие и реакции; последователи эклектической школы проповедовали эмпиризм.

Некий виталист, доктор Вирей, исповедовал доктрину, довольно близкую взглядам молодого Бальзака: долголетия можно достичь, экономя жизненные силы; умственный труд истощает их не меньше, чем разгульная жизнь; ведя целомудренный образ жизни, можно накопить запас энергии, а сконцентрировав ее в своих мыслях, можно добиться физического эффекта. К этим положениям Бальзак прибавил заветную мысль, которой был просто одержим: человек с помощью воли способен воздействовать на свою собственную жизненную силу и даже направлять ее действие за пределы себя самого. На этом зиждутся целебные свойства магнетизма; как и его мать, Оноре лечил наложением рук.

Наконец, в ту пору существовал в Бальзаке еще и третий человек, почти никому не ведомый. Гораздо больше, чем молодых людей из компании Рессона, он ценил своего друга Жана Томасси, которого впервые встретил на юридическом факультете или даже несколько раньше. Католик и легитимист, Томасси был так же далек от неверия и либерализма Бернара-Франсуа, как и от цинизма писак, собиравшихся в кухмистерской Фликото. “Ему только одно остается, - писал Сотле, - постричься в монахи. Между нами, я думаю, что он тем и кончит”. Томасси не уважал ни толстяка Сотле, ни наглеца Ле

Пуатвена, но ему нравилось щедрое великодушие Бальзака, он угадывал в нем

высокий ум. Их политические взгляды, казалось, были совершенно

противоположны. Оноре, как и его отец, был монархист По убеждениям, оппортунист по необходимости, бонапартист по влечению восторженной натуры, вольтерьянец по духу. В одном из его романов - “Жан-Луи” - даже усмотрели

“бунтарский дух” и сочувствие Революции. На деле же, если он и презирал

современное ему общество, то вовсе не жаждал его уничтожить. Как знать, будет ли другое общество лучше.

Сначала он был атеистом, но после чтения трудов Сведенборга и

Сен-Мартена начал склоняться к воззрениям иллюминатов. Индийские мудрецы, отшельники из Фив с детства занимали его воображение. Он старался

представить себе безграничное блаженство мистического экстаза, душевный

покой, приносимый полным смирением, счастье божественной любви. Он не был

примерным католиком и верил скорее в вечное и бесстрастное Начало, которое

не мешает естественному ходу вещей, чем во всемогущее Провидение. И все же

тяга к мистицизму была той лазейкой, сквозь которую в его сознание мог

проникнуть христианский спиритуализм. Человек - не ангел и не зверь, но, изживая в себе зверя, он может приблизиться к ангелу, иначе говоря, спасти

лучшую часть своего “я” - душу живую - и приблизиться таким образом к

“глубочайшим безднам, таящимся в беспредельности”.

Был ли он приверженцем учения Сен-Мартена? Некоторые отвечают на этот вопрос утвердительно, но это не так, ибо Сен-Мартен не предусматривал приобщения к таинствам, а в наброске “Трактата о молитве” Бальзак выражает желание сказать тем, кто скорбит душою: “Как сладостно было мне приобщиться сих тайн, как легко было идти по этой стезе, едва я преодолел первые препятствия, какие восхитительные плоды освежали мое пересохшее небо… Я прошу тех, кто станет читать эту книгу, исполниться душевного покоя, дабы им открылся смысл Слова”.

В этих строках мы узнаем неясный и возвышенный слог Сен-Мартена. Шатобриан после встречи с Сен-Мартеном высмеял “этого небесного философа”, который вещал “на манер архангела”. Духовидец вызвал раздражение у католика Шатобриана; Бальзак надеялся найти в Сен-Мартене проводника, указующего путь к тому, что он называл религией Иоанна Богослова, мистической церковью. Оноре был обязан Сен-Мартену и Сведенборгу одной из сторон своего мировоззрения.

В 1823 году Бальзак рассказал Томасси о том, что он задумал написать “Трактат о молитве”. Томасси вскоре уехал из столицы в Бурж, где стал секретарем префекта; он уговаривал друга отказаться от этого плана: “Вы даже не представляете, до какой степени окреп бы ваш талант, если бы его

даже не представляете, до какой степени окреп бы ваш талант, если бы его питали идеи нравственные и религиозные… Но не вздумайте создавать такое произведение, как “Трактат о молитве”, под игом смятенных чувств”. Томасси опасался - и с полным основанием - того эротико-мистического тона, которым Оноре описывал свои мирские страсти.

Жан Томасси - Бальзаку, 7 января 1824 года: “Расскажите мне подробнее о вашем “Трактате о молитве”. Чтобы создать такой труд, недостаточно обладать возвышенной душою и богатым воображением; для этого необходима еще привычка к религиозной обрядности, необходимо длительное общение с Богом, необходимо, наконец, проникнуться спиритуализмом, исполненным экзальтации и умиления… Если вы никогда не испытывали душевного трепета, внезапно заслышав торжественные звуки органа, если не приходили в глубокое волнение, внимая молодому священнику, призывающему Бога Авраама благословить союз новобрачных, столь же юных, как и сам служитель церкви… то отложите в сторону свой “Трактат о молитве”. Даже Руссо потерпел неудачу в подобном начинании, ибо он был чужд тех религиозных привычек, о которых я говорил. Одно дело написать десять или даже тридцать строк в минуту просветления; совсем другое - поддерживать подобное состояние души на протяжении всего труда”.

поддерживать подобное состояние души на протяжении всего труда".

"Трактат о молитве" все еще оставался замыслом, а тем временем Бальзак опубликовал брошюру о "Праве первородства" и "Беспристрастную историю иезуитов", проникнутую необыкновенной ортодоксальностью. Книжечка о "Праве первородства" была написана не без блеска. Автор напоминал, что возделывать виноградники и выращивать леса - дело непростое, требующее терпения и времени, а потому собственность на них должна быть надолго закреплена; он указывал на опасности, связанные с разделом земельных владений между многочисленными наследниками, получающими при этом равную долю, ибо это "умножает честолюбивые устремления в стране, которая в отличие от Англии не может предоставить молодежи широких возможностей для применения своих сил". Однако брошюра была, без сомнения, заказана Рессоном, сторонником оппозиции, которая стремилась приписать правительству гораздо более реакционные и мрачные намерения, чем это было в действительности. А наши волчата были готовы на все, лишь бы заработать малую толику "живых денег", как выражался Бальзак, всегда предпочитавший

звонкую монету векселям книгопродавцев, которые постоянно приходилось

учитывать и по которым нечасто удавалось получить в срок.

”- Дети мои, - сказал Фино, - либеральной партии необходимо оживить

свою полемику, ведь ей сейчас не за что бранить правительство, и вы

понимаете, в каком затруднительном положении оказалась оппозиция. Кто из

вас согласен написать брошюру о необходимости восстановить право

первородства, чтобы можно было поднять шум против тайных замыслов двора?

За работу хорошо заплатят.

- Я! - отозвался Гектор Мерлен. - Это соответствует моим убеждениям.

- Твоя партия, пожалуй, скажет, что ты порочишь ее, - возразил Фино. -

Фелисьен, возьмись-ка ты за это дело. Дорна издаст брошюру, мы сохраним

все в тайне.

- А сколько дадут? - спросил Верну.

- Шестьсот франков. Ты подпишешься: “Граф К…”

[Бальзак, “Утраченные иллюзии”].

Бальзак талантливо играл роль адвоката дьявола, и, кто знает, не себя

ли он имел в виду, когда писал этот отрывок? Он с такой легкостью влезал в

шкуру противника! Разумеется, он не решился послать свою брошюру о "Праве

первородства" родителям, но отправил ее без подписи Сюрвилям.

Бернар-Франсуа в день получения брошюры гостил у зятя. Он прочел ее, возмутился ретроградными взглядами автора и тотчас же сел строчить

опровержение. Лора, догадавшаяся, что брошюра написана Оноре, немало

позабавилась. "Эта словесная дуэль между отцом и сыном, которые разили

друг друга перьями, казалась ей необыкновенно смешной", - пишет Аригон в

своей книге о первых литературных шагах Бальзака.

Двадцать четвертого июня 1824 года семейство Бальзаков, имевшее в ту

пору свободные деньги, приобрело у кузена Шарля Саламбье за десять тысяч

франков дом в Вильпаризи, который оно прежде арендовало. Бернару-Франсуа

улыбалась мысль вновь переехать в это селение; там он был куда более

заметной персоной, чем в Париже, где, по его словам, "матерые волки

сталкивались и грызлись в отвратительной грязи". Полагая, что жизнь на

свежем воздухе и простые удовольствия способствуют долголетию, он и в

семьдесят восемь лет был не прочь поразвлечься с деревенскими девицами.

Госпожа Бальзак надеялась, что Оноре вместе со всеми переедет в

Вильпаризи. Но он отказался и снял для себя небольшую квартирку на шестом

шестом

этаже в доме номер два по улице Турнон. “Он намерен там работать”, - защищала брата добрая Лора. Но мамашу не так-то легко было провести. Она полагала, что Оноре хочет без помех принимать у себя госпожу де Берни.

Госпожа Бальзак - Лоре Сюрвиль, 29 августа 1824 года: “Я снова хочу поговорить с тобой о дезертирстве Оноре. Как и вы, я охотно воскликну: “Браво!”, если он и в самом деле остался в столице для того, чтобы работать и уразуметь наконец, чего ему следует держаться; но боюсь, он затеял все это для того, чтобы под благовидным предлогом без стеснения предаваться страсти, которая его губит. Он удрал отсюда вместе с нею; она провела целых три дня в Париже, я так и не могла повидать Оноре, хотя он знал, что я приехала в столицу ради него. Думаю, они вместе сняли эту квартиру, и он выдает ее там за свою родственницу. Он, верно, потому и избегал встречи со мной, что не хотел говорить, где остановился; все эти соображения заставляют меня считать, что Оноре просто ищет полной свободы, вот и все. Дай-то Бог, чтобы я ошибалась и чтобы у него наконец открылись глаза!..

”Дама с околицы” замучила меня визитами и знаками внимания. Сами понимаете, как мне это лестно. Она постоянно делает вид, будто проезжала

мимо. Приходится хитрить! Не дальше как сегодня она заглянула к нам, чтобы

пригласить меня к обеду, но я отказалась под благовидным предлогом”.

По словам госпожи Бальзак, родители неизменно позволяли Оноре

пользоваться их кошельком.

Госпожа Бальзак - Лоре Сюрвиль, 4 сентября 1824 года: “Только недавно я предложила Оноре заплатить все его долги, если это

будет способствовать взлету его таланта и поможет написать наконец книгу, которую ему не стыдно будет признать своей. Но он отказался - очевидно, не

захотел принять на себя хоть какие-то обязательства. Я предлагала посылать

ему провизию: большего нам делать не следует в его же собственных

интересах. Но он и этого не пожелал. За все наше внимание он платит тем, что ведет себя совершенно бесцеремонно, не уважая даже родительского дома.

Несмотря на то, что мы старались делать вид, будто ничего не замечаем, он

поставил нас, повторяю, поставил нас в такое положение, когда уже больше

невозможно сомневаться! Нам неловко перед окружающими. Когда я прохожу

вместе с нею по улице селения, то, хотя, как всегда, держусь с

достоинством и даже сурово смотрю на встречных, многие все же хихикают нам

вслед”.

Пусть только Лора, выслушав эти упреки по адресу Оноре, не думает, что госпожа Бальзак сердится на сына. Материнские объятия и кошелек всегда открыты для него. Если он выкажет свой талант, это будет огромной радостью для его родителей. Если бы он смотрел на свою любовную связь, как должно, то есть как на источник удовольствия, и не превращал ее в помеху своим трудам, они бы радовались, видя, что он занят делом и чего-то добивается; ему давно уже пора взяться за ум.

”С тех пор как Оноре перебрался в Париж, наша дама частенько туда наведывается. Она проводит там по два дня кряду, вот почему я боюсь, что опасения мои были справедливы и, покинув родительский дом, он лишь искал для себя полной свободы”.

Госпожа Бальзак с горечью отнеслась к тому, что женщина, которая была на год старше ее самой и успела уже стать бабушкой, похитила у нее сына. Что касается Лоры де Берни, то она признается, что влюблена в Оноре больше чем когда-либо.

Госпожа де Берни - Бальзаку:

”Отчего так получается, дорогой, что, обретая огромное счастье в нашей любви, мы испытываем столько огорчений по вине окружающих?.. О да, я люблю тебя! Ты мне нужен больше, чем воздух птице, чем вода рыбе, чем солнце земле, чем тело душе. Повторяя простые слова: “Милый, я люблю, я обожаю тебя”, я хотела бы чаровать твой слух, как чарует его весенняя песня пташки, я просила бы тебя прижать к сердцу свою милую и совершить вместе с ней чудесную прогулку; мне хотелось бы уверить тебя, что наступят погожие летние дни; но в этой радости мне отказано, боюсь, что мое письмо может навлечь на моего дорогого, моего любимого неприятности, вызвать дурные толки, и все удовольствие будет этим испорчено. Ты даешь мне так много, но твоя милая способна это почувствовать и оценить, как никто другой. О почему не дано мне принять множество обличий, чтобы и самой давать тебе все, что я хотела бы, и так, как я хотела бы! Но, милый друг, если мое тело, моя душа, все мое существо, которое украсила ныне самая возвышенная любовь, дарует тебе радость, я бесконечно счастлива, ибо всецело

принадлежу тебе!"

Если госпожа де Берни в начале этой связи держала себя по-матерински нежно и чуть насмешливо, то теперь, четыре года спустя, она страстно привязалась к молодому человеку, чей незаурядный талант она почувствовала первой. Она страдала, видя, что он убивает все свое время на жалкие поделки, которые ему заказывает Рессон, литературный маклер, ловко эксплуатировавший этот неиссякаемый источник вдохновения. Бальзак был не просто журналист, он был поистине блестящий журналист. Чуть не всякий день он отправлялся либо в кафе “Вольтер”, либо в кафе “Минерва”, возле Комеди-Франсез, где встречался со своими приятелями. Рессон, умевший гораздо лучше, чем Оноре, соблазнять книгопродавцев, предлагал Бальзаку работу над всевозможными “кодексами”; в ту пору жанр этот был в моде, и можно назвать множество забавных, циничных или игривых его образцов: “Гражданский кодекс”, “Кодекс честных людей”, “Кодекс коммивояжера”, “Кодекс литератора и журналиста”, “Любовный кодекс”. Бальзак, умевший работать, как никто, был способен написать брошюру в несколько ночей. Пользуясь трудами Лафатера, он мог сочинить, скажем, “Кодекс щеголя”, легкомысленный, блестящий и в то же время остроумный.

”Кодекс честных людей” появился сперва без подписи, а затем за подписью Рессона. Но создан он был главным образом Бальзаком, и сам Рессон это

Рессона. Но создан он был главным образом Бальзаком, и сам Рессон это признал. Трактат сей можно, пожалуй, назвать бальзаковским и вместе с тем свифтовским. Цель его - предостеречь честных людей от опасностей, грозящих их любезным денежкам, за которыми на каждом шагу охотятся парижские “ирокезы”. Автор не слишком возмущается ворами. Всякий социальный порядок зиждется на ворах: без них жизнь была бы такой же тусклой, как комедия без Криспена и Фигаро. “К чему бы это повело? Как стали бы жить жандармы, судейские чиновники, полицейские, слесари, привратники, тюремщики, адвокаты?” К тому же ведь все воруют. Поставщик, снабжающий армию провиантом (а Бальзак хорошо знал людей этого сорта), который должен прокормить тридцать тысяч человек, вносит в списки “мертвые души”, сбывает затхлую муку и подпорченную провизию - иначе говоря, ворует; иной сжигает завещание; этот запутывает отчеты по опеке; тот придумывает “тонтину”.

И Бальзак, опираясь на опыт, который он приобрел, общаясь с судейской братией, со знанием дела разоблачает всевозможные уловки адвокатов и нотариусов - они искусно стряпают всякие кабальные контракты, фальшивые закладные. Автор дает честным людям благоразумные советы: “Запомним, как первую заповедь, что самая худая мировая сделка лучше самой доброй тяжбы… Если же вас все-таки вынудят судиться, откажитесь от

разорительных прошений и никому не нужных требований… Ублажайте клерка и не занимайтесь его патроном; не скупитесь на трюфели и хорошее вино, помните, что, потратив триста франков, вы сбережете тысячу экю”.

Книжечка была пропитана циническим сарказмом.

”Как правило, светский человек, получивший хорошее воспитание, может пожертвовать своей безукоризненной честностью лишь ради крупных сумм, которые сулят ему надежное богатство”.

Эта небольшая брошюра по-своему важна. То была настоящая записная книжка писателя со множеством набросков. Здесь нетрудно обнаружить в зародыше будущие романы, где большую роль станет играть закон и всевозможные судебные кляузы; вместе с тем художник пока еще с насмешливой снисходительностью относится даже к худшим из своих моделей.

Когда мода на “кодексы” миновала и на смену им пришли различные “физиологии”, Бальзак сделал первый набросок “Физиологии брака”. Отец уже давно излагал ему свои экстравагантные взгляды на плотскую любовь и на евгенику. Старый друг Оноре - Вилле-Ла-Фэ - много рассказывал юноше о

женщинах, об их хитростях, о супружеской дипломатии. Орас Рессон и Филарет

Шаль дали ему прочесть книгу Стендаля “О любви”, и он пришел в восторг.

Семейная жизнь его собственных родителей позволила ему сделать немало

наблюдений об адюльтере и связанных с ним опасностях. Необыкновенная

любовь госпожи Бальзак к младшему сыну Анри, этому чужаку, которого она

ввела в семью, не признававшую его своим, в отрочестве заставляла Оноре

немало страдать. Суровые уроки преподала ему жизнь четы Берни, четы

Сюрвилей, четы Монзэглей. Словом, уже в ранней молодости Бальзак

достаточно нагляделся на семейные неурядицы и подумывал о том, чтобы все

это описать. Он долго искал название будущей книги: “Супружеский кодекс”, “Искусство сохранить верность жены”, “Искусство уберечь жену”; наконец он

остановился на заголовке “Физиология брака”. Тон этого произведения

подсказал Бальзаку один из его любимых писателей - Лоренс Стерн, “советовавший, - по определению Бардеша, - смотреть на брак как на

известный недуг, который время от времени проявляется в физиологическом

акте”. Хотя “Физиология брака” вышла в свет гораздо позднее, уже в

1824-1825 годах был написан первый ее вариант; возможно, в работе над ним

деятельно участвовал и Бернар-Франсуа, ибо сохранился экземпляр этого

произведения, который Оноре велел переплести вместе с брошюрой своего

произведения, который Оноре велел переплести вместе с брошюрой своего отца

“История бешенства”.

Для такого рода второстепенных работ Бальзаку приходилось очень много

читать, он рылся в книгах, изучал иностранных авторов. Он выказывал

энергию, достойную Наполеона. Однако ему уже исполнилось двадцать пять

лет, а успех все не приходил. Романы Ораса де Сент-Обена? В их ценность он

не верил; он и писал-то их с усмешкой, а порою даже немного стыдясь.

Почему? Да потому, что чувствовал: он способен совсем на иное; он ощущал

себя философом, мыслителем. Оноре приобрел известную сноровку, овладел

некоторыми приемами мастерства и теперь мечтал о чем-то большем.

Какой-нибудь Рессон или Ле Пуатвен могут довольствоваться ролью

литературных поденщиков, готовых взяться за любую поделку. Но он… Все

заставляло его стремиться к великому, и все неумолимо отбрасывало его к

ничтожному.

”Я был жертвою чрезмерного честолюбия, я полагал, что рожден для

великих дел, - и прозябал в ничтожестве… Как все взрослые дети, я тайно

вздыхал о прекрасной любви. Среди моих сверстников я встретил кружок

фанфаронов, которые ходили задрав нос, болтали о пустяках, безбоязненно подсаживаясь к тем женщинам, что казались мне особенно недоступными, всем говорили дерзости, покусывая набалдашник трости, кривлялись, поносили самых хорошеньких женщин, уверяли, правдиво или лживо, что им доступна любая постель, напускали на себя такой вид, как будто они пресыщены наслаждениями и сами от них отказываются, смотрели на женщин самых добродетельных и стыдливых как на легкую добычу, готовую отдаться с первого же слова, при мало-мальски смелом натиске, в ответ на первый бесстыдный взгляд!.. Позже я узнал, что женщины не любят, когда у них вымаливают взаимность; многих обожал я издали, ради них я пошел бы на любое испытание, отдал бы свою душу на любую муку, отдал бы все свои силы, не боясь ни жертв, ни страданий, а они избирали любовниками дураков, которых я не взял бы в швейцары” [Бальзак, “Шагреневая кожа”].

Между тем надо было жить. Теперь он обитал один на улице Турнон. Пуповина была перерезана. Иногда мать тайком платила за его жилье. Известно, что в 1824 году Оноре долго болел. Он слишком много работал. И по-прежнему мечтал прославить имя Бальзак. Однако он все еще писал под псевдонимами, ибо сам не верил в ценность того, что создавал. В начале его

литературной карьеры родители ждали чуда. Неизменно благожелательный и

бодро настроенный, Бернар-Франсуа, как и раньше, писал родственникам: “Оноре работает без передышки, он занят изящной словесностью, из-под его

пера выходят славные и весьма интересные произведения, их хорошо

раскупают”. Но сам автор судил себя гораздо строже; он до такой степени

себе опротивел, что иногда подумывал о самоубийстве. Так по крайней мере

рассказывает Этьен Араго. Вот как передает эту сцену Аригон.

”Однажды вечером, проходя по какому-то мосту через Сену, Этьен Араго

заметил Бальзака: тот стоял неподвижно, облокотившись на парапет, и глядел

на воду.

- Что вы тут делаете, любезный друг? Уж не подражаете ли персонажу из

“Мизантропа”? Плюете в воду и любуетесь расходящимися кругами?

- Я смотрю на Сену, - отвечал Бальзак, - и спрашиваю себя, не следует

ли мне улечься спать, завернувшись в ее влажные простыни…

Услышав такой ответ, Этьен Араго остолбенел.

- Что за мысль! - вскричал он. - Самоубийство? Да вы с ума сошли! Вот

что, пойдемте-ка со мной. Вы ужинали? Поужинаем вместе”.

Маловероятно, что веселый юноша, чья голова была битком набита планами, счастливый любовник и в самом деле собирался наложить на себя руки… Но

неужели ему было суждено всю свою жизнь - а она, как известно, коротка и

неповторима - выполнять поденную работу для книгопродавцев?

VIII. ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК… В СОБСТВЕННОМ ВООБРАЖЕНИИ

Никогда не следует судить тех, кого

любишь. Настоящая привязанность слепа.

Бальзак

Шел 1825 год. Бальзак, живший на улице Турнон, почти ежедневно виделся

с госпожой де Берни: она продала свой дом в Вильпаризи и поселилась теперь

неподалеку от возлюбленного. Она давала ему все: обожание опытной женщины, сладострастной и вместе с тем нежной; материнскую, любовь стареющей эгерии

к молодому человеку, глаза которого, по словам Теофиля Готье, походили на

“два черных бриллианта и время от времени вспыхивали яркими золотистыми

искрами; то были глаза властелина, ясновидца, укротителя”; она знала свет

и давала Оноре ценные советы, как там себя вести; она много рассказывала ему о старом режиме, о Революции и обществе времен Империи, зародившемся в период Директории. Проницательная, насмешливая и страстная, не питавшая иллюзий насчет людей и все же относившаяся к ним беззлобно, способная на безграничную преданность, она описывала ему всевозможные интриги, алчные устремления, заговоры. Словом, объясняла жизнь.

Он и сам наблюдал современное ему общество, общество Реставрации. Человеческая энергия, которая в годы Империи расходовалась на воинские подвиги, теперь накапливалась, и это таило в себе опасность. Бальзак постигал особые интересы, отличавшие эту эпоху, как и все переходные эпохи. На самом верху общественной лестницы смешивались два социальных слоя. С одной стороны, прежняя аристократия, населявшая Сен-Жерменское предместье, поредевшая в годы якобинской диктатуры; она опять укрепилась после возвращения короля и ныне опрометчиво пыталась вновь утвердить свое первенство, свои исключительные права, требовала возмездия; с другой стороны, множество выскочек, рожденных Империей, финансовые воротилы, многие из которых удержались на поверхности, приняв сторону монархии если

не по велению души, то по расчету. Оба эти слоя были почти недоступны Оноре Бальзаку.

Ниже их располагалась уже обузданная, осторожная, затаившая злобу часть буржуазии, которая боялась утратить то, что она приобрела и завоевала благодаря Революции. Юный отпрыск буржуазной семьи, сын наполеоновского чиновника, Бальзак должен был ненавидеть ультрароялистов. “Все свидетельствует о том, что бонапартистский пыл, видимо, переполнял сердце этого юноши”, - пишет Бернар Гийон. Ему был понятен гнев молодых либералов и ярость оставшихся не у дел героев былых сражений, офицеров на половинном пенсионе - они не могли найти себе применения в мирной жизни, а потому все дни играли на бильярде в кафе и вынашивали заговоры против существующего режима.

Надо всем стоял король - Людовик XVIII; он ясно видел опасность и хотел бы засыпать пропасть, разделявшую две группы французов; Бальзак отдает должное его благоразумию: “Последний из Бурбонов столь же старался угождать третьему сословию и людям Империи… сколь ревностно первый из

Наполеонов усердствовал, чтобы привлечь на свою сторону высшую знать и

ублаготворить церковников” [Бальзак, “Загородный бал”].

Никому не ведомый свидетель, молодой Бальзак наблюдает общество

Реставрации так, как умеет наблюдать только художник или счастливый

любовник, он видит все, по выражению Сент-Бева, как бы “снизу, из толпы, среди страданий и битв, с тем безмерным вожделением, порождаемым талантом

и натурой, благодаря которому запретный плод заранее предвкушаешь тысячу

раз, воображаешь, наслаждаешься еще прежде, чем завладеешь им и отведаешь

его”.

Представшее его взорам парижское общество казалось ему безжалостным, даже жестоким. Ради карьеры тут плели самые коварные интриги, замышляли

козни. Бальзак, от природы добрый малый, с душой, открытой всему высокому, недостаточно остерегался акул, шнырявших вокруг. Он, конечно же, наблюдал

в родительском доме невзгоды супружеской жизни, ожесточенные ссоры из-за

денег; он не раз слышал циничные парадоксы своих приятелей-литераторов; вдыхал смрадный запах грязной кухни продажных журналистов и изголодавшихся

книгопродавцев. И тем не менее он был подвержен приступам простодушной

доверчивости.

В то время как Оноре мало-помалу терял надежду добиться литературной славы и даже стал сомневаться, сможет ли он заработать себе на жизнь пером (ибо хотя книгопродавцы не скупились на посулы, их векселя часто оставались неоплаченными), один из друзей его отца, Жан-Луи Дассонвиль де Ружмон, владелец поместья Монгла (в департаменте Сена-и-Марна), посоветовал ему попытать счастья в иной сфере - стать дельцом. Жан Томасси, постоянный советчик Бальзака, говорил то же самое.

”Предпримите какие-нибудь практически полезные шаги, а литературой занимайтесь сверх того. Прежде чем думать о десерте, позаботимся, чтобы у нас было два сытных блюда; только тогда можно спать спокойно и с чистой совестью; тот, кто видит о литературе средство сделать карьеру, берет в руки оружие без предохранителя, которое часто ранит смельчака; к тому же зависть постоянно преследует человека, посвятившего себя одной только изящной словесности; и, напротив, тот, кто занимается ею на досуге, из прихоти, скорее выкажет свой ум и добьется успеха”.

Почему бы и в самом деле не сочетать деловую и литературную

деятельность?

У Оноре была общая черта с отцом - оба любили дерзкие начинания. Воображая себя деловым человеком, Бальзак легко загорался от каждого смелого проекта.

Увидя первые дагерротипы, он сразу же понял, какое блестящее будущее открывается перед новым изобретением, и горевал, что не может посвятить себя этому делу. Нетерпеливый от природы, он стремился к быстрому успеху, пренебрегая надежными средствами для достижения его, ибо они требовали слишком много времени. И вот в лавке книгопродавца Юрбена Канеля (она помещалась на площади Сент-Андре-дез-Ар, в доме номер тридцать), с которым Бальзака познакомил Рессон и который готовился издать роман “Ванн-Клор”, Оноре узнал, что Канель в компании со своим собратом по профессии Делоншаном намерен издавать Лафонтена и Мольера; полное собрание сочинений каждого из них должно было уместиться в одном томе, набранном мелким шрифтом в две колонки. Такая мысль привела Бальзака в восторг. Разумеется, тысячи просвещенных читателей пожелают приобрести столь удобные издания классиков. Если он примет участие в этом предприятии, то почти без труда сколотит себе состояние, а кроме того, у него останется очень много времени для того, чтобы писать.

И Бальзак заключил с Юрбеном Канелем контракт, по которому он

должен

делить с ним доходы, расходы и опасности, связанные с опубликованием всего

Мольера в одном томе. Чтобы покрыть расходы, нужны были деньги. Дассонвиль

де Ружмон ссудил Оноре 6000 франков, затем еще 3000, но под большие

проценты; госпожа де Берни охотно дала 9250 франков для издания Лафонтена; она одобряла план, к тому же ей очень хотелось, чтобы ее юный друг стал

независим от семьи, которая, кстати сказать, тоже была в полном восторге.

Родители терпеливо ждали литературного успеха сына, но ему уже исполнилось

двадцать шесть лет, а признания все не было. Пусть попытает теперь счастья

в делах!

Только один человек призывал Оноре к осмотрительности - бедная Лоранса, которая с каждым днем угасала: ее здоровье было подорвано тяжелыми

переживаниями и неприятностями. Бездельник муж требовал от жены подписи

под документом, который позволил бы ему обобрать несчастную; госпожа

Бальзак запретила дочери подписывать доверенность. В последние дни новой, тяжело протекавшей беременности таявшая от чахотки Лоранса вынуждена была

искать прибежища у родителей - в доме номер семь по улице Руа-Доре. Но

здесь мать терзала ее обидными попреками. “Я всегда буду делать то, что

смогу, для дочери, - заявляла она, - но я не властна отныне любить ее".

Лоранса де Монзэгль - Бальзаку, 4 апреля 1825 года: "Твои коммерческие начинания, дорогой Оноре, - а их уже целых три не то четыре - не идут у меня из головы; писатель должен довольствоваться своей музой. Ведь ты с головой ушел в литературу, так разве это занятие, без остатка заполнявшее жизнь знаменитых людей, посвятивших себя сочинительству, может оставить тебе время для новой карьеры, может позволить тебе отдаться коммерции, в которой ты ничего не смыслишь… Когда человек впервые берется за такие дела, то, чтобы преуспеть, он должен с самого утра и до поздней ночи помнить об одном: надо постоянно заискивать перед людьми, расхваливать свой товар, дабы продать его с прибылью. Но ты для этого не годишься… Окружающие тебя дельцы будут, конечно, все расписывать самыми радужными красками. Воображение у тебя богатое, и ты сразу же представишь себя обладателем тридцати тысяч ливров годового дохода; а когда фантазия у человека разыграется и он строит множество планов, то здравый смысл и трезвость суждений оставляют его. Ты очень добр и прямодушен, где уж тебе уберечься от человеческой подлости…

Все эти размышления, милый Оноре, вызваны тем, что ты мне очень дорог

и я

предпочла бы знать, что ты по-прежнему живешь в скромной комнате на пятом

этаже без гроша в кармане, но зато трудишься над серьезными сочинениями, пишешь, а не занимаешься блестящими коммерческими операциями, которые

сулят состояние… А теперь я с вами прощаюсь, господин предприниматель.

Будьте предприимчивы, как и положено хорошему коммерсанту, только

смотрите, чтобы за вас самого часом не принялись… А если добьетесь

богатства, то не женитесь, ибо у вас растут два прелестных племянника и

племянница. Я, конечно, шучу, братец. Но об одном прошу тебя очень

серьезно: не позволяй своей музе слишком долго дремать; мне не терпится

увидеть твои новые произведения, прочитать их”.

Бедняжка Лоранса как в воду глядела, но Оноре с головой ушел в свою

коммерческую авантюру. Юрбен Канель искал гравера со скромными запросами, которому можно было бы поручить иллюстрации к изданию классиков. Такой

человек нашелся в Алансоне: то был местный книгопродавец Пьер-Франсуа

Годар. Бальзан сел в дилижанс и вскоре отыскал Годара среди живописного

нагромождения старых домов с коньками на крышах, башенок, лавчонок -

безошибочные взгляд и память Бальзака тут же запечатлели эту картину.

Договор с Годаром был подписан в его лавке 17 апреля 1825 года.

Распрощавшись с ним, Бальзак отправился в гостиницу “Мавр” - харчевню, каких много в Нормандии, с конюшней в глубине двора и кухней под навесом.

Еще одна картина попала в кладовую его памяти.

Вернувшись в Париж, он принялся за предисловие к сочинениям Мольера и

Лафонтена, ему надо было закончить роман “Ванн-Клор, или Бледноликая Джен”

и одновременно приходилось хлопотать о том, чтобы, выйдя в свет, Мольер

был встречен доброжелательными статьями. Бальзак рассчитывал на содействие

Филарета Шаля, приятеля Рессона. Филарет был умный критик и много писал.

Отцы молодых людей - член Конвента Шаль и якобинец Рессон - в свое время

были товарищами по политическим битвам. Филарет Шаль недавно вернулся в

столицу после двухлетнего пребывания в Англии и теперь деятельно

сотрудничал в журналах и газетах. Бальзак обратился к нему за поддержкой.

Госпожа де Берни и Дассонвиль выдали вексель под его будущие успехи, надо

было оправдать их доверие, добиться удачи.

Сюрвиль между тем получил вожделенный пост: его назначили на

должность

инженера департамента Сена-и-Уаза с местопребыванием в Версале. Оноре

часто приезжал туда погостить к сестре. Дочь близкой приятельницы семьи

Бальзаков, Камилла Делануа была очень дружна в пансионе с “прелестной, как

ангел”, Жозефиной д’Абрантес, дочерью Лоры Пермон, вдовы генерала Жюно, герцога д’Абрантес. Лора Сюрвиль через своих друзей Делануа познакомилась

с прославленной герцогиней, которая также жила в Версале. В прошлом у Лоры

д’Абрантес, женщины темпераментной и не слишком строгих правил, было много

связей; в частности, она была близка с князем Меттернихом, канцлером

Австрии и душой Священного Союза. В 1825 году она говорила, что ей сорок

один год.

При Реставрации дама эта, как и многие другие, внезапно обнаружила в

себе монархические чувства. Наполеон, некогда бывший ее кумиром, теперь

сделался “чудовищным узурпатором”. После Ватерлоо она было попыталась

вновь устраивать свои “обеды для узкого круга друзей”, однако пассив по

наследству, оставшемуся после Жюно, достиг миллиона. Разоренной вдове

пришлось продать драгоценности, обстановку и винный погреб. Полина

Боргезе, которая по-прежнему была богата, давно уже зарилась на сапфиры

и

испанские вина своей старинной приятельницы.

Получив пенсион в размере шести тысяч франков, Лора д’Абрантес поселилась в Версале, в небольшом особнячке на улице Монтрей, где вела очень скромное существование. Она хотела попробовать свои силы в литературе, с тем чтобы пополнить скудные доходы. Она все еще оставалась красивой и привлекательной: у нее были живые глаза, свежий рот, черные как смоль волосы. Оноре был очарован. Знакомство с герцогиней, пусть даже с герцогиней времен Империи, льстило его тщеславию - Лора д’Абрантес жила при дворе, в Тюильри.

”Эта женщина, - писала о ней в своих воспоминаниях Виржини Ансело, - видела Наполеона, когда он был еще никому не известным молодым человеком; она видела его за самыми обыденными занятиями, потом на ее глазах он начал расти, возвеличиваться и заставил говорить о себе весь мир! Для меня она подобна человеку, сопричисленному к лику блаженных и сидящему рядом со мной после пребывания на небесах возле самого Господа Бога”.

Живой, любознательный, начитанный юноша не оставил герцогиню

равнодушной. У него были связи в литературном мире; она попросила Бальзака прочесть ее перевод. Оноре подсказал ей более честолюбивые планы. Отчего бы ей не написать мемуары? Он попытался сделать Лору д’Абрантес своей любовницей, дама уклонилась, и он обвинил ее в том, что она “позволяет рассудку одерживать верх над чувствами”. Существуют, говорил он ей, два сорта женщин: одни олицетворяют собой грацию и покорность, в других мужской ум и смелые замыслы причудливо переплетаются со слабостями их пола. Бальзак высказал такую аксиому: “Женщина только тогда по-настоящему трогательна и хороша, когда она покоряется своему господину - мужчине”. Однако Лора д’Абрантес не была расположена играть роль покорной любовницы. Она предложила ему свою дружбу.

”Дружба - это химера, за которой я вечно устремляюсь в погоню, несмотря на разочарования, часто выпадающие на мою долю, - отвечал он с досадой. - С детских лет, еще в коллеже, я искал не друзей, а одного-единственного друга. На сей счет я разделяю мнение Лафонтена, но я до сих пор еще не нашел того, что в самых радужных красках рисует мне романтическое и

взыскательное воображение… Однако мне приятно думать, что есть такие

натуры, которые сразу же понимают и по достоинству оценивают друг друга.

Ваше предложение, сударыня, так прекрасно и так лестно для меня, что я

далек от мысли отклонить его”.

Кто-то сказал герцогине д’Абрантес, что Бальзак “влачит ярмо, украшенное цветами” (намек на его связь с Лорой де Берни). Он возмутился: “Уж если я могу чем-либо гордиться, то именно своей душевной энергией.

Подчинение для меня невыносимо. Я отказался от многих должностей, потому

что не хотел ни у кого быть под началом; в этом смысле я настоящий

дикарь”. Красавицы любят дикарей, и подобная декларация независимости

могла внушить женщине желание поработить такого человека. Оноре на это

надеялся. Вот как он описывал себя герцогине.

”Во мне всего пять футов и два дюйма роста, но я вобрал в себя

множество самых несообразных и даже противоречивых качеств; вот почему те, кто скажет, что я тщеславен, расточителен, упрям, легкомыслен, непоследователен, самонадеян, небрежен, ленив, неусидчив, безрассуден, непостоянен, болтлив, бестактен, невежествен, невежлив, сварлив, переменчив, будут в такой же мере правы, как и те, кто станет утверждать, что я бережлив, скромен, мужествен, упорен, энергичен, непривередлив, трудолюбив, постоянен, молчалив, тонок учтив и неизменно весел. Тот, кто

назовет меня трусом, ошибется не больше, чем тот, кто назовет меня

храбрецом; сочтут ли меня ученым либо невеждой, человеком талантливым либо бездарным, - что бы во мне ни обнаружили, меня ничто не удивит. В конце концов я пришел к заключению, что я всего лишь послушный инструмент, на котором играют обстоятельства.

Как объяснить подобный калейдоскоп? Быть может, все дело в том, что судьба наделяет души людей, стремящихся описать страсти, которые волнуют человеческое сердце, этими же самыми страстями, дабы они могли силой воображения пережить то, что живописуют; а разве наблюдательность не есть своего рода память, помогающая этому живому воображению? Я начинаю думать, что это именно так".

Одиннадцатого августа 1825 года несчастная Лоранса произвела на свет второго сына и, измученная тяжелыми родами, скончалась у своих родителей в доме номер семь по улице Руа-Доре. Безразличие близких к ее печальной участи было почти неприличным, Лорансу всегда недостаточно любили в семье.

Третьего августа 1825 года Бернар-Франсуа писал племяннику: "Госпожа де Монзэгль, моя младшая дочь и мать двух мальчуганов, которой исполнилось всего двадцать два года, к тому времени, когда вы получите это

письмо, переселится уже в иной мир; это весьма прискорбно. Моя старшая дочь, госпожа Сюрвиль, забеременела вторично; ее муж разработал проект нового канала, сооружение которого обойдется в семнадцать миллионов, правительство одобрило этот проект и назначило его главным инженером Сего великого предприятия; акционерное общество ищет капиталы, чтобы начать работы”.

Эссонский канал, которому Бернар-Франсуа с безотчетным эгоизмом уделял не меньше внимания, чем безвременной кончине Лорансы, играл огромную роль в жизни семьи. Все рассчитывали разбогатеть благодаря ему; Оноре уже набрасывал черновики будущих Проспектов. Между тем директор ведомства путей сообщения распекал Сюрвиля за то, что тот, занимаясь собственными проектами, пренебрегает своими прямыми обязанностями. Характерная черта: в повседневной жизни Оноре разделял честолюбивые мечты своего зятя Сюрвиля, надеявшегося разбогатеть; Бальзак-писатель наблюдал, какие опустошения производит навязчивая идея в душе его родственника.

В день смерти Лорансы Оноре гостил в Версале у сестры. Лора тяжело переносила беременность, и он сперва скрыл от нее печальную весть,

которои поделился с герцогиней д’Абрантес.

Бальзак - герцогине д’Абрантес, 11 августа 1825 года: “Бедная моя сестра отмучилась. Только что прибыл нарочный; я уезжаю и не могу даже сказать, сколько времени отнимет у меня эта горестная церемония и все, что с нею связано. Затем я возвращусь в Версаль. Проявите же хоть немного сострадания, раз уж вы не питаете ко мне иного чувства, и не огорчайте меня в минуту, когда столько горестей обрушилось на мою голову. Прощайте. Молю вас, сохраните свою дружбу ко мне. Она послужит мне поддержкой в этих новых испытаниях.

Сестра ни о чем не знает. Не выдавайте же ей печальную тайну этой трагической смерти. Я уезжаю вместе с Сюрвилем. Прощайте, прощайте”.

То, что в августе было еще дружбой, в сентябре превратилось в любовь. В письме, отправленном из Саше, Бальзак обращается к герцогине на “ты” и называет ее “дорогая Мари”. Герцогиню д’Абрантес, как и госпожу Бальзак, как и госпожу Сюрвиль, как и госпожу де Берни, звали Лора. Однако Dilecta [любимая, избранница (лат.)] (так Оноре именовал свою возлюбленную Лору де Берни) столько раз выслушивала клятвы в верности из уст своего непостоянного любовника, что теперь ему было неудобно, адресуя

непостоянного любовника, что теперь ему было неудобно, адресуя любовное письмо другой женщине, называть ее тем же именем. Неспокойная совесть рождает причуды, которые не понятны верности.

Герцогиня звала его в Версаль. Он обещал ей как можно скорее покинуть Турень, чтобы вновь насладиться радостью встречи с нею.

”Я прощаю тебе, любимый мой ангел, все недобрые упреки, которые вы мне адресовали, и надеюсь, что вскоре вновь буду опьяняться милым взглядом, любоваться дивным личиком. Я не уеду отсюда раньше 4 октября; таким образом, я еще надеюсь получить нежное письмо от моей Мари, но не от недоброй Мари, а от Мари обожаемой. Мари, которую я так люблю. Я готов лететь к тебе на крыльях, дорогая, но прежде хочу получить письмо, полное любви и примирения. Тогда я приеду, проникнутый благодарностью; теперь ты можешь полностью рассчитывать на мое возвращение”.

Стать любовником герцогини д’Абрантес, обращаться к ней на “ты”… Положительно, наш “бахвал Оноре” делает успехи в королевстве женщин. В королевстве изящной словесности ему также улыбнулась надежда. Выпустив в

свет в сентябре 1825 года роман “Ванн-Клор”, Юрбен Канель заговорил о нем

с одним из своих постоянных авторов, Анри де Латушем, который пользовался

определенным весом в газетах: “Вот книга мужественного молодого человека с

большим будущим; вы пользуетесь влиянием и должны оказать ему услугу, оказав о нем несколько одобрительных слов”.

Латуш, человек весьма образованный, пробовал себя в различных жанрах -

он писал пьесы, романы, статьи, но так и не сумел “обуздать чудовище”, то

есть славу. Поэтому нрава он был довольно угрюмого, быстро обижался, но

критиком слыл компетентным. “Я создал больше авторов, нежели

произведений”, - с горечью говаривал Латуш. Этот доброжелательный ворчун

прочел роман “Ванн-Клор” и наряду с серьезными погрешностями обнаружил в

нем большие достоинства. Особенно понравилась ему та сцена, где

провинциальная дама, перезрелая кокетка, заслышав звонок гостя, отсылает

дочь в другую комнату играть на фортепьяно, чтобы избавиться от соперницы.

Эта стрела была предназначена матери Бальзака.

”Среди потока книг, обрушивающегося на нас, - писал Латуш, - эта

книга достойна быть отмеченной. Быстро развивающееся и захватывающее действие, драматические сцены, яркие, сильно написанные картины - все привлечет читателей, а особенно читательниц, которые любят обнаруживать в романе верные наблюдения и занимательность действия”.

Через несколько дней Латуша посетил бледный, худой и щуплый молодой человек, черноволосый, с пронзительным взглядом; на нем был редингот с пелериной и короткие панталоны - штрипки тщетно пытались притянуть их к земле. Шляпа лоснилась от дождя. То был Бальзак, пришедший поблагодарить критика: в знак признательности он пообещал Латушу чудесную лошадку, объезженную индийским заклинателем змей.

Этот великолепный дао существовал только в воображении дарителя; но Бальзак понравился Латушу, и тот написал о нем вторую статью: “Драма Гете - с трогательным сюжетом и красочными, а порою забавными подробностями - послужила, без сомнения, первоисточником романа “Ванн-Клор”… Вы испытываете живой, своеобразный интерес при чтении этой книги, детища ума изысканного и руки порой талантливой, но зачастую небрежной. К тому же

роман “Ванн-Клор” уже завоевал репутацию книги весьма трогательной, готовится его второе издание. Латуш возвещал об успехе, чтобы вызвать его.

В действительности же книга без движения лежала на складе Юрбена Канеля.

Бальзак впал в уныние. В глазах близких он становился “неудачником”, автором романов, на которые нет спроса. Время от времени родные из жалости

приглашали его погостить в Вильпаризи.

Бернар-Франсуа Бальзак - Лоре Сюрвиль, 14 января 1826 года: “Оноре приехал сюда на прошлой неделе, я ничего ему не стал говорить, но, по-моему, он в полном изнеможении, дошел до крайности; за четыре дня

он немного оправился, но не мог сочинить ни строчки; на пятый день он

принялся за работу, написал страниц сорок и в среду снова уехал в Париж, чтобы через день вернуться и потрудиться как следует. Мы с твоей мамой

заплатили за его жилье; я вручил ему расписку домовладельца вместо

новогоднего подарка. Сообщаю это только тебе одной. Вернется ли сюда

Оноре? Что он собирается делать? Что будет делать? Об этом я ничего не

знаю и понимаю только одно: ему двадцать семь лет, а он уже потратил

столько сил и способностей, сколько иной не потратит и к сорока годам, но

ничего толком не добился”.

Деловые начинания Бальзака, все его грандиозные замыслы также пока не

принесли ожидаемого успеха. Лафонтен начал выходить отдельными

принесли ожидаемого успеха. Лафонтен начал выходить отдельными выпусками -

по три тысячи экземпляров, но продажа шла очень туго. Компаньоны уступили

Оноре свою долю: они были довольны, что могут от нее избавиться. Он

остался единственным владельцем дела, но, для того чтобы довести издание

до конца, надо было вновь залезать в долги. Книгопродавец Бодуэн приобрел

у него весь тираж Лафонтена за 24000 франков; расходы составили 16741

франк; судя по цифрам, Бальзак даже получил прибыль, однако Бодуэн

заплатил векселями фирм, потерпевших банкротство. В те времена это было

распространенной мошеннической проделкой: слишком доверчивому кредитору

подсовывали сомнительные векселя, которые дисконтеры учитывали только из

тридцати процентов.

Дассонвиль посоветовал Бальзаку стать типографом, чтобы покрыть

понесенные убытки. Такая возможность прельстила Оноре. Подумать только -

ведь так выгодно быть собственным типографом! Он издаст не только

сочинения Мольера, но и сочинения Корнеля, Расина. Фактор Барбье предложил

Бальзаку приобрести типографию Лорана со всем оборудованием; она

помещалась на улице Марэ-Сен-Жермен в доме номер семнадцать

помещалась на улице Марэ-Сен-Жермен в доме номер семнадцать. Требовалось 60000 франков, у Бальзака не было и сотой доли этой суммы. Госпожа Делануа, неизменная покровительница семьи, согласилась ссудить 30000 франков под поручительство родителей Оноре. Госпожа де Берни знала о его связи с герцогиней д’Абрантес (возможно, ее осведомила об этом госпожа Бальзак, которая, будучи в гостях у Сюрвилей, узнала о новом любовном приключении сына и, видимо, не без задней мысли проявила нескромность); тем не менее она по-прежнему помогала своему юному другу, что вызывало у Бернара-Франсуа чувство признательности к ней. Супруги Бальзак прощали любовнице ее грехи, ибо она искупала их, вкладывая деньги в деловые начинания Оноре. Однако госпожа де Берни сильно страдала из-за неверности возлюбленного и запретила ему видеться впредь с другой Лорой. Неразрешимая дилемма! Любовь герцогини льстила Бальзаку, отношения с ней могли быть ему полезны. Но Dilecta одержала верх. Поставленный перед выбором, он отдалился (на время) от второй Лоры. В ответ на это она разразилась яростным и презрительным посланием.

Герцогиня д’Абрантес - Бальзаку, 1826 год: “Ваше упорное нежелание

приехать более чем смешно. Чтобы успокоить ваши опасения, говорю без всякого гнева: полное безразличие сменило в моем сердце все, что было в нем прежде. Говоря безразличие, я именно это и имею в виду, так что не страшитесь ни сцен, ни упреков. Однако мне необходимо вас увидеть; как ни странно, но так оно и есть. Если бы тут не были затронуты интересы моей семьи, моего будущего, да и ваши, поверьте, я бы согласилась считать недействительными все отношения между нами - прошлые, настоящие и грядущие.

А посему соблаговолите вспомнить в последний раз, что я женщина, и проявите ко мне хотя бы ту простую и необходимую вежливость, какую всякий мужчина проявляет к самой последней из нас. Неужели вы настолько слабы, что боитесь ее ослушаться, бедняга! В таком случае это еще более достойно сожаления, чем я думала.

Соблаговолите прислать мне книги, которые вам выдавали по моей просьбе: библиотекарь Версаля напоминал мне о них уже по крайней мере раз десять”.

Чтобы приобрести патент типографа, требовалось свидетельство из полиции. Оно было вполне благоприятным. Господин Оноре де Бальзак аттестовался в нем как “благонравный и благомыслящий молодой человек из

зажиточной семьи, окончивший юридический факультет и в довершение ко всему

литератор”. Четвертого июня 1826 года Бальзак покинул улицу Турнон и

поселился в доме номер семнадцать по улице Марэ-Сен-Жермен (в наши дни она

называется улицей Висконти). То была скорее не улица, а улочка, расположенная в живописном уголке Парижа, где в XVIII веке обитали главным

образом сочинители и комедианты. В нижнем этаже дома помещалась довольно

большая типография, ее окна выходили на улицу. Винтовая лестница с

железными перилами вела в жилище самого Бальзака, состоявшее из прихожей, столовой и спальни с альковом. Латуш, обладавший вкусом и любивший

старину, помог Оноре обставить эту спальню, обтянутую прелестным голубым

перкалем. Получилась очаровательная холостяцкая квартирка, где можно было

принимать госпожу де Берни.

Только ежедневные ее визиты позволяли Оноре сносить тягостную жизнь, адский шум машин, неотвязные мысли о неотвратимо приближавшихся сроках

платежей. Когда Бальзак еще жил на улице Ледигьер, он бросил вызов Парижу

(“А теперь - кто победит: я или ты!”), ему нравилось мечтать о том, как в

один прекрасный день благодаря своему гению он будет царить здесь; ныне же

“ему приходилось дышать запахом бумаги и типографской краски, вести

конторские книги, выписывать счета”, замечает Аригон. Он печатал

исторические мемуары для Канеля и Сотле; коммерческие проспекты, где

рекламировались “отхаркивающие пилюли - залог долголетия” (идея долголетия

просто преследовала его), “Словарь вывесок города Парижа”, “Романтические

анналы” на 1828 год, “Избранные сочинения” Вильмена, “Театр Клары Гасуль”

(то есть пьесы Мериме) и сотни различных брошюр, объявлений, памфлетов.

Он, между прочим, выпустил третье издание романа “Сен-Мар” Альфреда де

Виньи, который так описал своего типографа: “То был молодой человек, грязный, худой, необыкновенно болтливый, не

умевший досказать ни одной фразы до конца и брызгавший при этом слюной, ибо в его слишком влажном рту недоставало чуть ли не всех верхних зубов”.

Но Dilecta не покидала своего Оноре.

”В этой ужасной борьбе меня поддерживал ангел, - напишет он десять лет

спустя Эвелиме Ганской. - Госпожа де Берии стала для меня настоящим

Божеством. Она была одновременно матерью, подругой, семьей, другом, советчицей; она создала писателя; она утешала молодого человека; она

плакала, как сестра; она смеялась, она являлась каждый день, точно благодатная дремота, и усыпляла все горести” [переписка Бальзака с Ганской цитируется по изданию: Balzac. Lettres a L’Etrangere, Calmann-Levy, Paris, 1899].

Ибо горести терзали его. Заказчики в типографию обращались нечасто, и платили они плохо. Предприятие не окупало себя. Бальзак не умел точно исчислить стоимость работ, ему не удавалось предупредить “утечку”, которая неизменно бывает очень велика, когда хозяин не сведущ в деле и не способен следить за подчиненными. У него обнаружилась досадная привычка смешивать собственные расходы с расходами типографии. И все же в 1827 году ему пришла в голову мысль расширить фирму. В свое время ради того, чтобы стать издателем, он вздумал сделаться типографом, а теперь, чтобы остаться типографом, он решил обзавестись словолитней. Акционерное общество “Бальзак и Барбье” обогатилось третьим компаньоном, Жаном-Франсуа Лораном; на средства, которые и на сей раз ссудила госпожа де Берни, приобрели словолитню. Совладельцы объявили о выпуске великолепного альбома, где будут представлены образцы всех типографских литер, виньеток и заставок новой фирмы. Крах не дал им времени даже издать этот альбом.

В феврале 1820 года Барбье, почуяв, что банкротство неизбежно, покинул приходившую в упадок типографию, и вся ответственность легла на плечи Бальзака. Акционерное общество “Бальзак и Барбье” распалось; вместо него было создано новое акционерное общество “Лоран, Бальзак и де Берни”. Это произошло в ту пору, когда пылкие страсти слишком молодого любовника, брыкавшегося в оглоблях верности, заставили глубоко страдать Лору де Берни. Тем не менее она всегда готова была прийти на помощь Оноре.

Госпожа де Берни - Бальзаку:

”Если бы ты хоть раз в жизни испытал на миг те муки, какие терзают меня со вчерашнего дня, ты не выказал бы столь суровой и ненужной жестокости. Я не совсем понимаю смысл твоего негодующего восклицания по адресу женщин, но если ты думаешь, что может существовать сердце, которое поклоняется тебе, как богу, и пои этом не испытывает мук, разлучаясь с тобой, то ты ищешь новый философский камень, о котором мечтают все эгоисты… Дело наше улаживай так, как собирался с самого начала; я вовсе не претендую на то, чтобы мое имя упоминалось в названии акционерного общества”.

Она внесла 9000 франков наличными; общая сумма капитала составляла

36000 франков, из них 18000 франков стоило оборудование, принадлежавшее

Жану-Франсуа Лорану.

Великодушная женщина вела себя весьма отважно, ибо финансовое положение

Бальзака становилось все более угрожающим. Он сам должен был акционерному

обществу 4500 франков. Почему? Да потому, что слишком много тратил на

портного, на сапожника, на обойщика. От одного из самых крупных своих

заказчиков, книгопродавца из Реймса, Оноре принимал в уплату книги: они

пополняли его личную библиотеку, но от этого денег в кассе типографии не

прибавлялось. Окончательная катастрофа казалась неотвратимой. Между тем

Бернар-Франсуа, обладавший столь же богатым воображением, как и его сын, трубил победу.

”Оноре продвигается вперед с быстротой молнии; за каких-нибудь

пятнадцать месяцев он обзавелся типографией с пятнадцатью печатными

станками, получил патент как владелец книгоиздательства, которое

помещается рядом с типографией, и уже приобрел словолитню, куда будут

обращаться со своими заказами другие типографы. Если только он не

заболеет, то за пять-шесть лет сколотит себе состояние; он будет этим

обязан своему таланту, своей несравненной энергии и тому, что я ссудил

ему

50000 франков. Уже одно это скажет вам, что я иду на все ради детей”.

Однако факты - упрямая вещь.

Бальзак - Теодору Дабленд, март 1828 года: “Я пропал, милый дядюшка, если только вы не выручите меня.

Тысячефранковый кредитный билет - последняя моя надежда - уплыл из моих

рук нынче утром, когда пришлось произвести неожиданный платеж. Сейчас, когда я вам пишу, я благополучно заканчиваю месяц, но завтра мне

рассчитываться уже нечем. Я располагаю отсрочкой до восьми вечера, а потом

все будет кончено. Прошу вас, подумайте обо мне; не найдете ли вы способ

раздобыть эти проклятые полторы тысячи франков; правда, они - лишь

половина того, что мне нужно, но доставьте хотя бы их. Вчера я исчерпал

все свои возможности. Я снова зайду вечером в половине седьмого; ведь у

вас так много друзей и знакомых, может быть, вам удастся найти эту сумму”.

Вскоре Бальзак, неотступно преследуемый кредиторами и рабочими, которым

не платят жалованье, спасается бегством к Латушу. Словолитня -

единственное стоящее предприятие фирмы - была перепродана. Бальзака сменил

сменил

в качестве ее владельца сын его возлюбленной Александр де Берни, а она

выдала Оноре расписку в погашении 15000 франков долга. Что касается

типографии, то с ней пришлось распрощаться. Родители Бальзака желали любой

ценой спасти своего старшего сына от банкротства. Точнее, госпожа Бальзак, иногда проявлявшая к нему ледяную холодность" но в трудную минуту

неизменно приходившая на помощь, попросила (без ведома мужа, которому

исполнилось уже восемьдесят два года) своего кузена Шарля Седийо, человека

волевого и опытного, взять на себя это нелегкое дело, чтобы избежать

бесчестья. Седийо уговорил Барбье стать единоличным владельцем типографии, которая была оценена в 67000 франков; Барбье обязался уплатить эту сумму

кредиторам. Родители Оноре приняли на себя все остальные долги. Таким

образом, у Бальзака, после того как он на три года окунулся в реальный

мир, теперь не было ни словолитни, ни типографии, ни книгоиздательской

фирмы - ничего, да он еще задолжал родным 45000 франков - сумму по тем

временам огромную, особенно для людей его круга. Зато он приобрел

бесценный опыт: понял, что такое денежные операции, какие смертные муки

испытывает затравленный, разорившийся коммерсант, понял, что такое крах

всех начинаний. Профессия определяет образ мыслей человека; контора

стряпчего и фирма, потерпевшая банкротство, наложили неизгладимый отпечаток на творчество Бальзака.

Тем временем в “небесном семействе” разразилась другая драма. В Вильпаризи распространился слух, будто одна из местных девиц забеременела от восьмидесятидвухлетнего Бернара-Франсуа. Она по крайней мере так утверждала, и госпожа Бальзак, которую сам факт очень мало трогал, опасалась, как бы слишком прыткий старец не стал предметом шантажа. За несколько лет до этого Бернар-Франсуа с присущей Бальзакам откровенностью писал своей дочери Лоре:

”У меня молодая, красивая и пылкая любовница, к которой я привык, она для меня источник радости… Я не чувствую своих семидесяти семи лет; вот каковы мои любовные дела”. Надо сказать, что и они входили в рецепт долголетия. Вспоминал ли Бернар-Франсуа о том, что он некогда сочинил “Памятную записку о постыдном распутстве, причиной коего служат юные девицы, обманутые и брошенные в жестокой нужде”?

Госпожа Бальзак просила поддержки у Лоры Сюрвиль.

”С большими предосторожностями я хлопочу о продаже дома (в Вильпаризи), однако ваш отец полностью изменил свое решение. Потребуется вся ваша ловкость, чтобы вновь заманить его в Версаль. Надо запугать его, сделать так, чтобы он боялся вернуться в Вильпаризи, отбить у него всякую охоту даже показываться там. Очень было бы кстати умно составленное анонимное письмецо из Мелена или Мо. Но должен ли он получить его до своей поездки в Версаль? Думаю, что да. В Версале такое письмо уже ничего не даст; с другой стороны, нужно, чтобы письмо прибыло в последнюю минуту, тогда он не успеет до отъезда повидаться с этой особой и не услышит ее объяснений. Впрочем, первоначально твой отец решил оставаться здесь до 10 июля; однако за такой короткий срок трудно найти покупателя на дом. Но ведь никаким другим способом его из Вильпаризи не увезешь! А если он окажется тут во время родов, его как следует облапошат, от старика чего угодно добьются, играя на его самолюбии и страхах”.

Семейство Бальзака переселилось в Версаль; теперь они жили на улице Морепа, в доме номер два, неподалеку от Сюрвилей. Оноре мог вволю размышлять о любви и о стариках. Годы ученичества были для него горькими, но весьма поучительными. “Неудачи не сломили его гордости”. Он сохранил

“способность встречать бурю с высоко поднятой головой”. Его черные глаза сверкали, как угли, на изнуренном заботами лице. Пусть его порою омрачала грусть, когда он вспоминал о своих неудачах, но в глубине души Бальзак не сдавался. Однажды, проходя по Вандомской площади в обществе Пепена-Леалера и Теодора Даблена, Оноре, поравнявшись с Колонной, заговорил о том, кем он станет в один прекрасный день. Он не отказался ни от одной из своих дерзновенных надежд. Даблен заметил, что почести и богатство меняют людские сердца; Бальзак отвечал, что он никогда не изменит своим привязанностям. Побежденный, он думал только о грядущих победах. Мысленно он жил в будущем, триумфальном будущем, населенном гуриями, усыпанном сокровищами.

Во многом этим и объясняются его житейские неудачи. Разве имели для него значение какие-то жалкие кредиторы, когда он, читая труды по истерии, разом обозревал века, а изучая геологическую теорию Кювье, парил над бездною тысячелетий? В счастливые для себя минуты он искренне воображал, что обладает сверхъестественной силой. Больше чем когда бы то ни было он утверждал единство мира. Если звуковые волны от выстрела из пистолета на

берегу Средиземного моря докатываются до побережья Китая, то с еще большим основанием можно предполагать, что каша воля оказывает физическое воздействие на окружающие существа и предметы. Тайные устремления Бальзака могло бы удовлетворить только всемогущество волшебника из “Тысячи и одной ночи”. Но как в свое время говаривала его мамаша: “Оноре считает себя либо всем, либо ничем”. Когда Бальзак бросал беглый взгляд на разрушения, причиненные его кратким опытом коммерческой деятельности, то в мимолетном порыве самоуничижения он иногда “считал себя ничем”. А для человека, сознававшего себя “всем”, это было невыносимо.

IX. ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕРЬЕЗНЫМ ЗАНЯТИЯМ

Произведения созревают в душах так же

таинственно, как трюфели на благоухающих

равнинах Перигора.

Бальзак

В 1828 году Бальзак дышит, как загнанный зверь. Он бежит из дома на улице Марэ-Сен-Жермен, который осаждают кредиторы. Пусть кузен

Седиио

возится с ликвидацией дел! Этим и надлежит заниматься людям недалеким. В беде Латуш проявил себя с лучшей стороны: он гостеприимен, хотя и по-дружески насмешлив. Он предлагает Оноре приют. И старается, правда безуспешно, продать ценные бумаги, предоставленные госпожой де Берни, которая в полном отчаянии от того, что Бальзака постигла такая неудача.

Мать Оноре, на сей раз не без основания, тормошит сына. Он должен пойти к кузену Седийо, чтобы "по крайней мере" подписать бумаги. Между тем преданный Бальзаку Сюрвиль снял для него квартиру в доме номер один на улице Кассини, возле Обсерватории, и даже уплатил за три месяца вперед.

В те времена квартал Обсерватории находился, казалось, чуть ли не на краю света. За домом тянулся Люксембургский сад, огромный, как лес. Среди полей пролегал бульвар Монпарнас с его кабачками, увитыми зеленью беседками и качелями. "Это уже не Париж и в то же время еще Париж. Местность имеет что-то общее с площадью или улицей, с бульваром, с городским укреплением, с садом, с проспектом, с проезжей дорогой, с провинцией и со столицей - действительно, со всем этим здесь есть какое-то сходство, и все-таки здесь нет ни того, ни другого, ни третьего: это пустыня" [Бальзак, "История Тринадцати. Феррагус"]. Разочарованный и

нуждавшийся в тишине и одиночестве, чтобы работать без помех, Бальзак поселился тут, словно надеялся похоронить свою печаль в этих затерянных улочках, изрытых глубокими колеями. Дом стоял в переулке, в самом конце аллеи Обсерватории, в нем было два флигеля. Сюрвиль снял для своего шурина третий этаж в одном из них. Оба флигеля, расположенные между двором и садом, соединяла застекленная галерея, служившая прихожей. Низкая каменная ограда, на которой стояли вазы с цветами, отделяла двор от сада. Все владение было обнесено железной решеткой. На стене, окружавшей один из домов на улице Кассини, виднелась вывеска: “Абсолют, торговец кирпичом”.

Латуш, верный своему пристрастию к старинной мебели, тканям, изящным безделушкам, и на этот раз вызвался помочь Бальзаку обставить его жилище. Оноре, Латуш и общий их друг Оже сами обили стены блестящим голубым коленкором, переливавшимся, как шелк. Надо сказать, что Бальзак, пошедший было ко дну, быстро вынырнул на поверхность. Он не только перестал думать о своих долгах, но все его помыслы были заняты теперь лишь одним - как элегантнее обставить квартиру. Он передвинул перегородку, заставил

тщательно вымыть деревянную обшивку. За сорок франков он купил три ковриka, за сто франков - стоячие часы на желтой мраморной подставке; в своем рабочем кабинете он поместил книжный шкаф красного дерева, на полках там красовались великолепные книги, некоторые - “Словарь” Беля и “Тысяча и одна ночь” - были переплетены Тувененом. “У меня нет роскоши, - писал он сестре Лоре, - но обставлено со вкусом и во всем гармония”.

Какой человек, сидя в светлой галерее, обитой веселеньким перкалем в белую и голубую полоску, в состоянии думать о кузене Седийо и его зловещем балансе? “Слева, за драпировкой, притаилась небольшая дверь, она вела в ванную комнату, стены которой были оштукатурены под мрамор, сама ванна также была отделана под мрамор; свет проникал сюда сквозь высокое и широкое окно с красными матовыми стеклами; проходя сквозь них, солнечные лучи казались розовыми”, - рассказывает Верде. Ванная комната точно у хорошенькой женщины! Бело-розовая спальня, залитая ровным светом, отливала золотом. “Прямо спальня юной новобрачной, герцогини пятнадцати лет”. Возле изголовья кровати, скрытая складками драпировки из бело-розового муслина, находилась потайная дверь: через нее, пройдя по черной лестнице, можно

было попасть прямо в сад. В рабочем кабинете лежал толстый пушистый ковер, узор его был выткан на черно-синем фоне; в шкафу стояло множество книг в переплетах из красного сафьяна с гербом Бальзаков д’Антраг; на этажерке черного дерева лежали красные картонные папки с золотыми литерами, на верхней полке виднелась гипсовая статуэтка Наполеона I. К ножнам шпаги был прикреплен листок бумаги со следующей надписью: “То, чего он не довершил шпагой, я осуществлю пером. Оноре де Бальзак”. Он готовил декорации для будущих шедевров.

Наконец, для того чтобы обитатель этого очаровательного жилища соответствовал обстановке, Бальзак заказал у портного Бюиссона (улица Ришелье, дом номер сто восемь) “29 апреля - черные выходные панталоны стоимостью 45 франков и белый пикейный жилет за 15 франков; 23 мая - синий сюртук из тонкого сукна за 120 франков, тиковые панталоны цвета маренго за 28 франков, светло-коричневый пикейный жилет за 20 франков”. В его безумствах было даже нечто героическое. Он словно говорил: “Мои кредиторы вопят, кузен их усмиряет; семья наша разоряется, а я трачу деньги”. Но кто же будет расплачиваться? Проще всего было с портным Бюиссоном: этот образцовый поставщик принимал векселя Оноре, разрешал их без конца

переписывать - он верил в будущее своего гениального клиента. Преданный поклонник Бальзака, он до такой степени был ослеплен его пылом и остроумием, ему так льстили похвалы заказчика, что порою он даже рассчитывался с кухаркой Оноре и принимал участие в невероятных деловых начинаниях Бальзака, которого называл “мой клиент, мой соотечественник и почти, осмеливаюсь сказать, мой друг”. Что же касается торговцев мебелью, Латуш выдавал дружеские векселя и сам входил в долги, чтобы спасти своего собрата. Кроме того, Латуш помогал устраивать в газеты и журналы статьи, которые писал Оноре; в его поведении причудливо смешивались великодушие, кокетство и мизантропия.

”Человек, вы обещали прийти проведать своего больного собрата; вы не пришли; это в порядке вещей. А я, стараясь снискать ваше благоволение, хочу вам сообщить, что рукопись, которую вы мне оставили, уже у господина Канеля: он, радея о ваших интересах, пришел за нею сам… Прощайте, человек. Радости вам и здоровья”.

Удобно устроившись за красивым письменным столом, забыв и думать о своих плачевных делах в силу чудесной способности отвлекаться от действительности, Бальзак вновь ощутил горячее желание писать. Но за что

приняться? Он приступал ко множеству произведений и ни одного не заканчивал. Он упоминает о каком-то романе, об “Истории раннего христианства”. По его словам, он так уж устроен, что “его воображение начинает работать только в том случае, когда другой автор, пусть даже второстепенный, дает ему толчок”. В первые годы творчества роль “другого автора” играли попеременно то Матюрен, то Пиго-Лебрен или Дюкре-Дюминиль. Они вдохновляли его на мелодраматические романы, где непременно присутствует вечное трио: жертва, изверг и спаситель; они привили ему вкус к замкам с привидениями и полными опасностей подземельями. Латушу ставили в большую заслугу то, что он, дескать, направил Бальзака на путь Вальтера Скотта и Фенимора Купера, на путь близкого к реализму исторического романа. Но нужен ли был для этого Латуш? Все знакомые Бальзаку издатели - Мам, Гослен, Сотле - выпускали книги Фенимора Купера. Бальзак восторгался им. “Вот бы вести жизнь могиканина! - писал он Виктору Ратье. - О, как глубоко я постиг натуру дикаря! Я отлично понимаю корсаров, искателей приключений, людей, восстававших против общества”.

Описывая в “Уэверли” и других своих ранних романах прошлое Шотландии, ее обычаи, жителей, повседневную жизнь, Вальтер Скотт подал великий

пример. Он не просто создавал исторические романы, он писал социальные исследования.

”Местный колорит играл только роль декорации, - пишет Морис Бардеш. - В центре картины находились персонажи весьма знаменательные, которые Бальзак позднее назовет “социальными типами”: шотландский помещик, деревенский пастор, вельможа, живущий при дворе, мелкий сельский дворянин, сторонник правящей династии и сторонник претендента на престол, папист, камеронец, школьный учитель, контрабандист, служитель закона - не просто персонажи романа, каждый из них представляет определенную социальную категорию, игравшую важную роль в обществе, без них невозможно понять жизнь Шотландии”.

Для Бальзака, внимательного читателя Бюффона, было увлекательно наблюдать, как романист в своей области проделывает такую же работу по классификации. В каком-то внезапном озарении он вдруг понял, что можно воссоздать в серии романов всю историю Франции.

Но он не желал стать просто подражателем Вальтера Скотта. Он мог сделать больше и, быть может, лучше.

”Если вы не желаете быть лишь слабым отголоском Вальтера Скотта, вам надобно не подражать ему, как вы это делали, а создать собственную манеру письма. Чтобы обрисовать ваших героев, вы, как и он, начинаете роман с пространных разговоров; когда ваши герои наговорились вдоволь, тогда только вы вводите описание и действие. Борьба противоположных начал, необходимых для драматизма в любом произведении, у вас оказывается на последнем месте. Переставьте в обратном порядке условия задачи. Замените бесконечные разговоры, красочные у Скотта и бесцветные у вас, описаниями, к которым так склонен наш язык. Пусть ваш диалог будет необходимым следствием, венчающим ваши предпосылки. Вводите сразу в действие. Беритесь за ваш сюжет то с боку, то с хвоста; короче, обрабатывайте его в разных планах, чтобы не стать однообразным. Применив к истории Франции форму драматического диалога Шотландца, вы будете новатором. У Вальтера Скотта нет страсти: или она неведома ему, или запрещена лицемерными нравами его родины. Для него женщина - воплощенный долг. Героини его романов, за редкими исключениями, все одинаковы, все они, как говорят художники, сделаны по одному шаблону. Они все происходят от Клариссы Гарлоу. Его

женские образы являются воплощением одной и той же идеи, и поэтому он мог показать только образцы одного типа, различной, более или менее яркой окраски. Женщина будит страсть и вносит в общество смятение. Формы страсти бесконечны. Описывайте человеческие страсти, и вы будете располагать теми огромными возможностями, от которых отказался этот великий гений ради того, чтобы его читали во всех семьях чопорной Англии" [Бальзак, "Утраченные иллюзии"].

Так говорит Даниэль д'Артез Люсьену де Рюбампре, другими словами, Бальзак - Бальзаку. И для Оноре это мудрый совет. Пространные разговоры не были его сильной стороной; чтобы подкрепить характеры своих героев, ему нужен был прочный фундамент в виде дома, города или доктрины. Перед романистом стоят совсем иные задачи, чем перед драматургом. Автору пьес, чтобы жили его персонажи, нужны живые актеры, выбранные им самим. Правдоподобие достигается их присутствием. Бальзаку предстояло утвердить себя глубиной описаний. Лестница в его произведениях - не просто лестница, а совокупность причин, которые сделали ее именно такой, а не иной. Ученик Лафатера, он будет рисовать портреты мужчин (или женщин), но постарается, чтобы волнующие их страсти осветили для читателя эти внешне непроницаемые

образы. Бальзак покажет вам, как возник тот или иной город, как он рос, расскажет, почему каждый квартал имеет свой особый облик, который зависит одновременно и от исторических событий, и от рельефа почвы.

Ему предстояло стать величайшим новатором, историком современных нравов. Но разве мог он не попытать сперва счастья в жанре модного в ту пору исторического романа? “Сен-Мар” Виньи появился в 1826 году. Виктор Гюго пообещал Гослену “Собор Парижской Богоматери”. Бальзак вынашивал план двух исторических романов. Действие первого из них - “Командир пушкарей” - должно было происходить в XV веке; действие другого романа - “Молодец” - развертывается в эпоху совсем близкую, во время войны против шуанов. Латуш не имел никакого отношения к выбору этого сюжета, который Бальзак уже давно обдумывал. Многие книги - мемуары оставшихся в живых участников событий, труды историков, “Письма об истоках мятежа шуанов” - были посвящены этой живописной и драматической эпопее. Некоторые из них Бальзак приобрел, другие брал в Королевской библиотеке. Сначала он предполагал написать пьесу “Картина частной жизни”, однако материал был слишком богатый, он так и просился в роман! С одной стороны - синие,

республиканцы, позднее бонапартисты; с другой - белые, шуаны, полудикие крестьяне в козьих шкурах, которыми командовали возвратившиеся из Англии эмигранты-роялисты. Действие должно было развиваться на фоне ланд - поросшей дроком песчаной равнины: будут тут и засады на лесной опушке, и старинные замки, где держат военный совет и где завязываются любовные интриги с отважными амазонками. На заднем плане будут показаны противостоящие друг другу сельские дворяне, стремящиеся вернуть себе утраченные земельные владения, и городские буржуа, намеревающиеся сохранить их за собой.

Чем усерднее читал исторические труды Бальзак, уединившись в своем спокойном и уютном флигеле на улице Кассини, где его отвлекали от работы только нежные визиты госпожи де Берни, приходившей сюда пешком (с улицы Анфер-Сен-Мишель, где она теперь поселилась), тем яснее он понимал, что наконец-то нашел подходящую тему для своих замыслов. Чтобы та или иная эпоха могла стать основой для исторического романа, она должна несколько отойти в прошлое, пусть даже не очень далекое. Однако “порою десять лет могут состарить нацию больше, чем целый век”. Падение наполеоновской

Империи превратило события этого периода в историю. Вместе с тем восстание шуанов происходило так недавно, что сохранились в живых некоторые его свидетели. Сам Бернар-Франсуа был в 1795 году чиновником в Бресте. Бальзак часто слышал рассказы отца о том времени. Еще до 1825 года он набросал несколько эпизодов: нападение на дилижанс, любовный роман, переплетенный с военными действиями, рассказ о похищении сенатора роялистами. К 1827 году уже существовала рукопись романа “Молодец” и план введения к нему.

Введение это открывалось эпиграфом, взятым из Ривароля: “На наших глазах столько великих людей было позабыто, что ныне нужно предпринять нечто поистине монументальное, дабы сохраниться в памяти человеческой”. Примечательные слова, ибо они доказывают, что еще в годы неудач Бальзак мечтал воздвигнуть долговечный “монумент”. Затем следовала биография вымышленного автора, потому что Оноре пока еще не собирался подписывать роман “Молодец” собственным именем. Он придумал себе новый псевдоним: “Виктор Морийон”. Читатель узнавал, что этот молодой автор родился в Вандоме, наукам его обучал бывший монах-ораторианец и подросток не слишком

бы продвинулся в знаниях, если бы не его непомерное пристрастие к чтению и размышлениям. Мы сразу замечаем, что перед нами двойник Бальзака, наделенный, как и его создатель, даром ясновидения.

Виктор Морийон объясняет своему наставнику, что, гуляя среди полей или сидя в своей крытой соломою лачуге, он в изобилии вкушает все радости жизни: “он рассказывал об удовольствиях, доставляемых человеку огромным богатством, и делал это необычайно красочно, говорил об опьянении, охватывающем его в вихре бала, когда он любуется обнаженными плечами женщин, их нарядами, цветами, бриллиантами, танцами, их чарующими взглядами, описывал свои роскошные апартаменты, свою обстановку, тонкий фарфор, прекрасные полотна, изысканные рисунки на шелковой обивке и коврах, расписывал во всех подробностях великолепные экипажи, арабских и других чистокровных скакунов, коими владел… трости и драгоценности, принадлежащие ему, хотя сетчатка его глаз никогда не отражала ни одного из перечисленных предметов”.

Виктор Морийон видел мысленным взором ту жизнь, о которой мечтал и сам Бальзак, грезивший о восточной роскоши, о дворцах и гаремах парижского султана, владеющего всем, чем жаждал обладать молодой человек, которому

была недоступна роскошь и красота, всем, не исключая пушистых ковров и тростей с набалдашниками, украшенными драгоценностями. “Наставник исподтишка наблюдал за своим учеником и находил, что тот лишен скромности, но вместе с тем и тщеславия, что о себе он говорит, как бы наблюдая самого себя со стороны, что он сдержан, серьезен, но одновременно непосредствен, пылок и весел… Куст ждал своего садовника”. Виктор Морийон так и не родился на свет; Бальзак наконец отважился стать самим собою и подписать роман “Молодец” собственным именем.

Сюжет ему был уже совершенно ясен. Не хватало непосредственного знакомства с краем, с пейзажами. Ничто не может заменить этих живых впечатлений; когда романист своими глазами видит место действия, его герои ведут себя более естественно. Оноре рассчитывал на друзей, живших в краю шуанов. Читатель, верно, не забыл, что в Туре семейство Бальзаков поддерживало близкие отношения с префектом, генералом де Померелем. Он умер в 1823 году, но сын покойного, Жильбер, также генерал в отставке, проживал в Фужере. В городе у него был великолепный дом; кроме того, ему принадлежали два замка и обширные земельные владения. Фужер находился в самом сердце того края, где действовали шуаны. В 1828 году почтенный кузен

Седийо ликвидировал наконец дела Бальзака, и Оноре решил написать генералу.

Бальзак - генералу де Померелю, 1 сентября 1828 года: “Мое небольшое состояние пошло прахом, и я упал с облаков на землю.

Финансовые бури, которые сотрясают деловой мир Парижа, вынудили меня отказаться от дальнейшей борьбы. Благодаря преданности отца и доброте матери нам удалось спасти честь семьи и наше доброе имя, но для этого пришлось пожертвовать и моим собственным и их состоянием… Продав дело, я полностью расплатился с долгами, и теперь, к тридцати годам, мое единственное достояние - мужество и незапятнанное имя.

Я рассказываю вам, генерал, об этих печальных событиях только потому, что возникли особые обстоятельства, связанные с моими новыми планами. Я решил опять взяться за перо, и быстрое воронье или гусиное крыло должно отныне дать мне средства к жизни и помочь расплатиться с матушкой. Вот уже месяц, как я работаю над историческими трудами. По чистейшей случайности мне указали на один исторический факт, который произошел в 1798 году и связан с войною шуанов и вандейцев; он послужит основой для произведения, которое я легко напишу. Для этого не понадобятся никакие изыскания, надо

только познакомиться с местами, где будут происходить события романа.

Я тотчас же вспомнил о вас и уже решил было попросить приюта недели на три. Муза, ее свирель, десть бумаги и сам я не слишком обременительны, но затем я подумал, что, пожалуй, окажусь для вас обузой… Так вот, генерал, знайте, что походная кровать и тюфяк, стол, если только он походит на всех четвероногих и не хромает, стул да крыша над головой - это все, чего я прошу; разумеется, я надеюсь также на ваше столь чудесное и дорогое для меня доброжелательство”.

Это было милое письмо, продиктованное молодостью и доверчивостью. Генерал де Померель ответил: “Жду вас”. Бальзак, не мешкая, сел в дилижанс, отправлявшийся в Бретань; в Алансон он прибыл вечером и остановился в гостинице “Мавр”, которая ему была уже знакома. Гуляя по городу, он обратил внимание на стоявший на улице Валь-Нобль старинный особняк, как бы олицетворявший собою незыблемость провинциальной жизни. Образ этот навсегда врезался в его память. По дороге из Алансона в Фужер он внимательно вглядывался в окрестные пейзажи, и они словно отпечатывались в его мозгу. Наконец он прибыл к Померелям. Баронесса, которая была намного моложе своего мужа-генерала, встретила Оноре очень любезно. Поначалу супругов несколько смутил жалкий вид

любезно. Поначалу супругов несколько смутил жалкий вид путешественника и его “дрянная шляпа”. Но их беспокойство быстро рассеялось. Когда гость снял эту “дрянную шляпу”, они увидели очень живое и веселое лицо, высокий лоб, “словно озаренный светом”, и темные глаза, где вспыхивали золотистые искорки. Оноре так занимательно рассказывал о своем путешествии, что генерал и его жена смеялись до слез.

Между хозяином и гостем сразу же установились дружеские отношения. Госпожа де Померель и ее горничная Луиза решили “подкормить” исхудавшего путешественника. Бальзак окрестил хозяйку дома “леди-кормилица”. Он любил свою комнату, зеленый столик, за которым работал с таким увлечением, что Луизе, входившей со словами: “Кушать подано”, с трудом удавалось оторвать его. В столовой, рядом с его прибором, всегда стояли баранки и масло. Неизменная мягкость госпожи де Померель врачевала раны его измученного сердца. Каждое утро Оноре в сопровождении хозяина дома отправлялся знакомиться с окрестностями, он обозревал пустынную равнину, поросшую дроком и ярко-желтым утесником, любовался лесами в позолоченном осеннем

уборе, разглядывал гору Пелерину, где в пору гражданских войн была устроена знаменитая засада.

Он входил в дома, выспрашивал людей, изучал нравы и обычаи. Писатель может и должен выдумывать, но отправляться следует от правды. Генерал рассказывал ему о гражданских войнах, о нападении восставших крестьян на Фужер; он познакомил Бальзака с несколькими еще живыми участниками былых событий, подробно описывал фанатичных священников - аббата Бернье, аббата Дюваля; из двух этих фигур романист слепил образ свирепого Гюдена. Каждый день после обеда Бальзак садился за рукопись “Молодца” и работал над нею, обогащая всем тем, что услышал и увидел. Госпоже де Померель не нравилось название книги, и она убедила автора изменить его. После долгих поисков Бальзак нашел другое название: “Шуаны, или Бретань тридцать лет назад”, затем он придумал новый вариант: “Последний шуан, или Бретань в 1800 году”. Так назывался роман в первом издании. Работал он с увлечением, чувствуя, что наконец-то ему удается сплавить воедино романтику и действительность, историю и вымысел. Но само обилие образов, событий и персонажей подавляло автора, ему с трудом давалась композиция книги.

От Латуша приходили негодующие письма: он возмущался долгим отсутствием Оноре.

Латуш - Бальзаку, 9 октября 1828 года: “Фужер - город, насчитывающий 7200 жителей; суд первой инстанции, фабрика сурового полотна, кожевенный завод на реке Куэнон: 3о36’ западной

долготы, 48о20’ широты. Вот он, укромный романтический уголок, который

избрал для себя местом изгнания мой безрассудный друг! Как это далеко от

улицы Анфер, от улицы Сент-Оноре! Денежные траты, ночи, проведенные на

кожаном сиденье дилижанса, головная боль, ссадины на заду - и ради чего

все это?.. Возвращайтесь же домой со своим шедевром или без оного; со дня

вашего отъезда я ни разу не улыбнулся”.

Латуш сердился на своего собрата за то, что тот забрался Бог знает

куда, в захолустье, и живет там вдали от предметов первой необходимости, иначе говоря, новых романов: “Пусть Бог вдохновения покарает вас!”

Госпожа де Берни тоже страдала, но говорила она об этом с любовью.

Госпожа де Берни - Бальзаку:

”Добрый вечер, милый котик, скоро уже десять часов, и мне радостно

думать, что ты в эту минуту выводишь на бумаге ласковое словечко “киска”, которое мне так приятно слышать или читать… Мой обожаемый, мой любимый, позволь твоей кошечке примоститься у тебя на коленях, позволь ей обвить

рукой твою шею и склони свою милую голову к ней на плечо. Но только не засыпай, нет! И чтобы эта мысль не пришла тебе на ум, я дарю тебе один из тех поцелуев, которые так хорошо нам знакомы. Какая прелестная картина! И как чудесно было бы, если бы она могла в этот же миг стать реальностью! Я так боюсь, что ты еще надолго там задержишься. И все-таки, если тебе хорошо и ты работаешь, я должна быть довольна. Милый, рассудок мой во всем тебе послушен, но сердце подобно избалованному ребенку, и оно отказывается добровольно соглашаться на лишения, которым его подвергают".

В конце октября Оноре вернулся к себе, на улицу Кассини; он просил Латуша прийти к нему с несколькими страницами романа "Фраголетта" - причудливого произведения о неаполитанце-гермафродите: ворчливый доброжелатель Бальзака уже давно трудился над этой книгой. А сам он, Оноре, прочтет другу сцену из "Шуанов".

"Хорошо, приду! - ответил Латуш. - Я буду у вас на улице Кассини, но только между пятью и шестью часами. Надеюсь, что, уделив минут десять "Фраголетте", вы поднесете мне новый плод, четвертую долю той груши, которая созрела, едва успев расцвести".

Чтение Бальзака имело огромный успех. Брюзга Латуш пришел в восторг и -

вещь совсем уж удивительная - сказал об этом вслух. Разумеется, можно было

внести еще немало улучшений. Как человек со вкусом, он сделал несколько

замечаний. Но роман следовало публиковать.

Латуш - Бальзаку:

”Что до вашей книги, то пусть она exeat [выходит (лат.)], сотню раз

exeat! К чему мне твердить вам одно и то же! Ради Бога, не подумайте, что

я отказываюсь и дальше слушать чтение отрывков из нее; для меня это всегда

удовольствие, да и польза; но я жду продолжения. Не станем без конца

склонять слово Муза. Я охотно даю советы тем, чей талант ценю; я испытываю

к ним признательность и тут же говорю, как бы я сам поступил, выслушав тот

или иной совет; но уж если я подал на стол бычий бок целиком, то не стану

затем потчевать гостя тонкими ломтиками мяса. Довольно, довольно, вы

просто дитя! Если бы я умел заклинать духов, то непременно бы это сделал

сейчас, ибо, судя по той неожиданной и совершенно необъяснимой

медлительности, с которой наш хват Оноре, обычно пекущий романы как блины, по четыре штуки за полтора месяца, доделывает своего “Шуана”, я полагаю, что в этом “Шуане” сам черт сидит. Эх! Право же, не терпится мне увидеть

вашего маркиза изданным в четырех томах, в красивом синем переплете и

изящными заставками.

Не довольно ли вам корпеть над этим романом? Мы станем продавать его, как хлеб”.

”Мы станем продавать его…” Дело в том, что Латуш взял на себя

переговоры с Юрбеном Канелем относительно издания “Шуанов”. Почему он так

поступил? Бальзак и сам хорошо знал Канеля. Он питал слабость к жене

книгопродавца. Оноре называл госпожу Канель “мисс” или “мисс Анна” и любил

гладить ее по роскошным волосам. Но Капель не хотел покрывать все расходы

по изданию; Латуш принял их на себя. Принесла ли ему книга прибыль? Или

же, напротив, он разделил убытки вместе с Канелем? Известно одно: за

первое издание романа Бальзаку была предложена тысяча франков. Правда, книгу выпустили в количестве тысячи экземпляров, после их распродажи автор

вновь получал право собственности на свое произведение.

Латуш - Бальзаку:

”А теперь, если только вы не самый неисправимый хвастун среди

хвастунов, строящий воздушные замки в стране химер, приходите с бумагами в

руке или с обещаниями на устах. Мы готовы подписать с вами контракт”.

Вести переговоры с Бальзаком не так-то просто. Затратив немало труда, человек добирался через весь Париж на улицу Кассини; но Оноре там не было, большую часть времени он проводил в Версале, у родителей или у сестры, где

стол и кров ничего ему не стоили. Что было делать? Ехать к нему туда?

“Куда как приятно тащиться в Версаль за здорово живешь!” Писать на стене

флигеля бранные слова? Слабое утешение. Бальзак вечно жалуется на нехватку

денег. Но кто в этом виноват?

Латуш - Бальзаку, 30 ноября 1828 года: “Сегодня, 30 ноября, ваше положение такое же, каким оно было

пятнадцатого. Но почему, собственно, вас это огорчает? Вы все тот же: поселились на улице Кассини, но там никогда не бываете; ходите куда

угодно, но только не туда, где вас ждут контракты, дающие деньги на жизнь; вы влезаете в долги ради ковров, шкафа красного дерева, книг в таких

богатых переплетах, какие нравятся только глупцам, никому не нужных часов, гравюр; вы заставляете меня бегать высунув язык по всему Парижу в поисках

канделябров, которые стоят потом у вас без свечей, и в то же время у вас

никогда не найдется в кармане тридцати су, чтобы приехать навестить

больного друга! Тому, кто продает себя обойщику на два года вперед, место

в Шарантоне! Можно чувствовать себя хорошо и на чердаке с мебелью из

некрашеного дерева, питаясь черствым хлебом и общаясь с друзьями, которым

не нужно проделывать одиннадцать лье для того, чтобы вас ободрить, похвалить и развеселить. Но вы сами этого хотите”.

Хотел ли этого Оноре? И чего он вообще хотел? Он и сам толком не знал.

Бальзак - Латушу:

”Дорогой друг, я во всем полагаюсь на вас. Подпишите договор за меня, предоставляю вам полную свободу действий… Поступайте во всем по своему

усмотрению”.

Оноре был в такой растерянности, что даже написал Латушу о своем

согласии поселиться вместе с ним неподалеку от Онэ.

Латуш - Бальзаку:

”Кто станет доставлять все необходимое для двух людей, живущих в доме, расположенном в лесу? Кто станет стелить постели, готовить завтрак и обед?

Может быть, вы? Да вам целого дня не хватит, чтобы поддерживать дом в

порядке. Боже правый! Ведь мы уже на следующий день выколем друг другу

глаза… Улица Анфер, Фужер, Версаль, Онэ - что это вам, право, на месте

не сидится! Вас бы прогнали из любого племени кочевников как немыслимого

непоседу. Агасфер не захотел бы взять вас себе в спутники”.

Письмо заканчивалось предложением Латуша купить у Бальзака всю рукопись

в подготовленном для печати виде; заплатит он “недорого, но зато

наличными”. Латуш, человек здравомыслящий, отлично видел, что Бальзак

нуждается в звонкой монете; и у него было достаточно вкуса, чтобы

понимать, каким редкостным талантом наделен его друг. К сожалению, этот

одаренный молодой человек доставлял Латушу немало неприятностей.

Наконец 15 января 1829 года договор был подписан, аванс выплачен.

Оставалось только получить от автора рукопись, за которую он держался так

цепко, как держится участник конкурсного экзамена за свое сочинение, упорно надеясь сделать из него шедевр.

X. ПЕРВЫЕ ЛУЧИ СЛАВЫ

Любовный пламень так не согревает, как согревают первые лучи славы.

Вовенарг

”Последний шуан” (позднее роман получил другое название - “Шуаны”) -

книга необычная. Белые и синие, роялисты и республиканцы сражались с

яростным ожесточением и “убивали друг друга, как убивают зайцев”. На чьей

стороне был сам Бальзак? По воспитанию и семейным традициям он, казалось

бы, должен тяготеть к синим. Его друг, бонапартист Померель, без сомнения, описывал ему синих с большей симпатией. Отряды синих представляли собою

регулярные части, ими командовали кадровые офицеры; белые сражались, как

могикане. Однако Бальзак никого не судил; он только описывал. Для него, как и для Гегеля, Вандея была примером трагического в истории. Шуаны -

герои, пришедшие слишком поздно, ими движут благородные, но устаревшие

идеи. В густых зарослях и на песчаных равнинах мелькают грозные тени.

Полицейский сыщик Корантен пользуется услугами падшей женщины Мари де

Верней; влюбившись в человека, которого она должна выдать, Мари вместе с

ним идет на смерть после полной сладострастия и отчаяния брачной ночи.

Роман заканчивается выразительной картиной: безобидный крестьянин бредет

через площадь, ведя за собой на веревке корову, - это знаменитый

Крадись-по-Земле, некогда один из наиболее свирепых шуанов. Быть может, Померель, проходя мимо рынка, указал на него своему гостю. Самые прекрасные эпилоги рождаются из таких вот случайных встреч.

Молодой автор знает, что он наконец-то создал свой первый роман. Закончилась карьера бакалавра Ораса де Сент-Обена; закончилась, так и не начавшись, жизнь мертворожденного Виктора Морийона. Роман “Шуан” будет подписан: Оноре Бальзак. Вот почему автор хотел видеть его совершенным. Но книга получилась тяжеловесная (как ему казалось), и первый вариант его не удовлетворял. Он испещрял корректуру поправками и дополнениями. Латуш, принявший на себя расходы по изданию, приходил в ярость. Все эти помарки, исправления и переделки стоили очень дорого. “Чем, черт побери, вы забиваете себе голову? Оставьте темное пятнышко под левой грудью вашей возлюбленной - ведь это же родинка”. Бальзак попросил месяц для окончания книги; через полтора месяца он все еще работал над нею. Кроме того, он требовал экземпляры для родных, для госпожи де Берни, для супругов Померелей. Это было естественно, но Латуш злился: “Если бы я мог предвидеть, что расходы вырастут на пятьсот франков да еще придется бесплатно давать экземпляры из моей тысячи, поверьте, я ни за что бы не связался с этим делом”. А ко всему еще он теперь совсем не видел

Бальзака: “Не могу допустить, что вы дуетесь. Человек воспитанный может вспылить, но

никогда не позволит себе дуться”.

А воспитанный человек был занят тем, что извещал друзей о выходе своей

книги.

Бальзак - генералу барону де Померелю, 11 марта 1829 года: “Что это я говорю: “Моя книга”?.. Она в какой-то мере и ваша, ибо, по

правде сказать, составлена из множества занимательных историй, которые вы

так чудесно и с такой щедростью рассказывали мне за стаканчиком

восхитительного гравсково вина, коим так вкусно была запивать баранки с

маслом. Вы найдете там все, начиная от песенки “Пришла пора, красавица” и

до башни Мелузины… И все это принадлежит вам, как и сердце автора, его

перо и самые теплые воспоминания.

Надеюсь, что госпожа де Померель посмеется, прочитав некоторые

подробности касательно масла, кувшинчиков, смолистых свечей, изгородей и

плетней, а также описание того, как трудно порой попасть на бал: все это

она найдет в моем романе, если ей удастся дочитать его до конца, не

заснув. Я принял во внимание, что вашей очаровательной жене не понравился

первоначальный заголовок романа “Молодец”, и он изменен”.

первоначальный заголовок романа "Молодец", и он изменен".

Роман появился в марте 1829 года. Латуш поместил в газете “Фигаро” благоприятный отзыв, его примеру последовали другие, но об успехе говорить было нельзя. Книга не продавалась.

Латуш - Бальзаку, 15 апреля 1829 года: “С коей легкой руки на вас просто сыплются хвалебные статьи. Возможно, роман начнут в конце концов покупать. Но пока что у меня нет больше ни денег, ни советов для вас. Мы ведь теперь с вами вовсе не видимся. Это в порядке вещей. Так вот, любезный мой друг, разве я был не прав, приведя вам однажды свое любимое изречение: “Человек, который к тридцати годам не стал мизантропом, родился на свет бессердечным”? Прощайте, эгоист”.

Прошло восемь месяцев, а Юрбен Канель продал всего четыреста пятьдесят экземпляров. Латуш с грустью подводил итоги. Он даже не вернул издержек. Когда немного позднее появился его роман “Фраголетта”, Бальзак опубликовал в “Меркюр” почти враждебную и, уж во всяком случае, весьма сдержанную статью. Он говорил в ней о Наполеоне, о Везувии, о Восемнадцатом брюмера, но не давал никакого представления о самом произведении. Об

объема, но не давал никакого представления о самом произведении. О авторе романа

Бальзак писал: “Мы слышим горький смех человека, не верящего ни в счастье, ни в свободу… В его душе есть нечто от Вольтера и от лорда Байрона…

Пусть тот, кто отважится, займется разбором книги. Я на это не решаюсь…

Лаконизм господина де Латуша слишком походит на молнию. Он вас ослепляет, и вы уже толком не знаете, куда вас ведут. Впрочем, каково бы ни было мое

собственное мнение, книга эта наделает шума, у нее не будет недостатка ни

в похвалах, ни в критике”. Ни один недоброжелатель не мог бы сильнее

уязвить автора, и Латуш негодовал. Какой он все же эгоист, этот Бальзак! А

тут еще Шарль Седийо, человек необыкновенно педантичный, “со слишком уж

непомерным рвением” следил за тем, чтобы все до последнего векселя, выданные его родственнику, были оплачены, даже дружеские векселя Латуша.

“Это просто неслыханно! А еще порядочные люди! Побойтесь Бога, господин

Седийо!” И в приступе благородного негодования Латуш восклицал: “Да пропади она пропадом, эта улица Кассини! Пусть дьявол на веки

вечные ниспошлет ее обитателям перезрелых любовниц, черствый хлеб, железные вилки, отвратительные развязки произведений и полные ложного

пафоса предисловия!”

Говоря по правде, бывшие друзья начинали ненавидеть друг друга.

Жеманный, аккуратный, скрупулезный Латуш приходил в ужас от

бесцеремонности Бальзака, от его резких манер, неуклюжей массивной фигуры.

Бальзак любил грубые шутки, скабрезные истории; Латуш поджимал при этом

губы и умолкал. Хорошо знавшая обоих писателей Жорж Санд говорила: “Я

всегда считала, что Латуш вкладывал слишком много настоящего таланта в

свои речи. Бальзак вкладывал в них только сумасбродство. Он щедро

разбрасывал то, чем обладал в избытке, но тщательно берег свою глубокую

мудрость для собственных произведений”. Латуш говорил Бальзаку, что тот в

своем литературном тщеславии доходит до шутовства. Бальзак возражал: “Стало быть, если человек не умеет излагать свои мысли так остроумно и

изящно, как это делаете вы, из этого следует, будто Он тщеславен. Господи!

Сколько же на свете тщеславных людей, ибо многие из моих собратьев

выражают свои мысли не лучше, чем я…

Что касается “Шуана”, то в один прекрасный день я опубликовал эту книгу

на свой страх и риск и потерял много денег. Сам я ничего не делал для

того, чтобы продать хотя бы один экземпляр, не появилось ни одной строки

объявлений, и тем не менее мой типограф продал четыреста экземпляров.

Чтобы книга раскупалась, нужна хорошая статья сразу в трех газетах, и статья, помещенная на видном месте, чтобы ее прочел весь Париж. Только в этом случае, а не иначе "Шуан" будет распродан; и пусть я сквозь землю провалюсь, если во мне говорит тщеславие".

"Шуаны" и в самом деле не имел успеха у широкой публики, зато он нашел себе читателей, пусть немногих, но сумевших оценить его по достоинству. Оноре знал, что отныне для нескольких знатоков он будет автором "Шуана".

Сюрвиль познакомил шурина со своими бывшими соучениками, окончившими Политехническое училище; то были преподаватели военного училища в Сен-Сире, неподалеку от Версаля, - майор Карро и артиллерийский капитан Периола, храбрый и порядочный человек. Бальзак отлично чувствовал себя в обществе этих образованных людей, которым нравился "Шуан"; они делились с ним воспоминаниями о военных походах и о своем пребывании в плену. Госпожа Зюльма Карро, урожденная Туранжен, женщина высоких моральных качеств, мужественная и стоическая, сделалась самым верным его другом. Она слегка прихрамывала, лицо ее дышало энергией и страстью. Кокетство ей не было

свойственно вовсе. Бальзак делал Зюльме скромные подарки: экран для свечи, спичечницу. Он надеялся, что она найдет им место у себя дома, в поместье

Фрапель, близ Иссудена. “Жить в памяти человека с прекрасной душой - вот

одна из самых любезных моему сердцу иллюзий”.

Но это не было иллюзией. Зюльма Карро, и в самом деле обладавшая

возвышенной душой, угадывала в Бальзаке великого человека, изнемогавшего

под грузом мелочных забот; только в Сен-Сире он порой забывал о них. От

своего отца, Реми Туранжена, помощника мэра города Иссудена и

по-настоящему благородного человека, Зюльма унаследовала свободолюбивые

идеи XVIII века. Все в этой буржуазной и обеспеченной семье были

республиканцами. Два брата Зюльмы сделались депутатами. Ее муж, майор

Карро, отказался голосовать за пожизненное консульство. Он попал в

немилость. Муж и жена питали к Бальзаку самую сердечную привязанность.

Между тем в “небесном семействе” дела шли не слишком-то хорошо.

Бернар-Франсуа плохо перенес перемену обстановки. Оторванный от Вильпаризи

и своих старческих привязанностей, он медленно угасал. Никогда не

признававший докторов и сам себя лечивший, старик тяжело заболел. К концу

апреля 1829 года врачи объявили, что Бернар-Франсуа, надеявшийся

прожить

до ста лет, близок к смерти; у него нашли абсцесс в печени, который

необходимо было вскрыть. Госпожа Бальзак не без оснований возмущалась тем, что Оноре живет в роскоши: она не могла постичь, как это человек, который

всем должен (и прежде всего ей), может еще покупать себе мебель, драпировки и дорогие безделушки. Лора вступалась за брата. Да, он приобрел

шкаф красного дерева; да, он велел переплести свои книги в сафьян. Но ведь

он готов продать их, если этого хочет мама, только тогда ему придется

брать книги в Королевской библиотеке, и расходы по доставке значительно

превысят сумму, какую можно выручить от их продажи. Что еще? Несколько

локтей драпировочной ткани, немного бахромы, ковер? Какие пустяки! Нет, право, он не чувствует за собой никакой вины и так страдает от этих

постоянных упреков. Для того чтобы писать, он нуждается в монастырской

тиши и покое! Но что может быть естественнее, если в короткие промежутки

между трудами он хочет отдохнуть от привычного аскетизма в обстановке

некоторой роскоши? В часы работы художнику нужен только чердак да кусок

хлеба. “Но после долгих странствований мысли, после уединенной жизни в

волшебных дворцах, населенных созданиями его фантазии, он больше, чем кто

бы то ни было, нуждается в развлечениях, созданных цивилизацией для

богачей и бездельников" [Бальзак, "О художниках"].

Одна только Лора да, быть может, Сюрвиль понимали его. В пору безрадостного детства между братом и сестрой возникли необыкновенно прочные узы!

Бальзак - Лоре Сюрвиль, 11 февраля 1829 года: "Среди моих горестей одна мысль, словно мысль о далекой возлюбленной, всегда дарует мне утешение. Вот только что, подойдя к камину, я сделал

непроизвольный жест рукой, похожий на взмах крыла, такой привычный у тебя, когда ты довольна собою, какой-либо остротой, мыслью, чувством, чем

угодно.

Тогда я подумал о тебе и воскликнул: "Стой! Надо написать ей и сказать, что я ее очень люблю, и Сюрвиля тоже". Вот я и пишу".

Эта братская привязанность была нежной, как любовь; но и любовные дела

Оноре шли своим чередом. После двух лет разлуки, на которую он согласился

по настоянию Лоры де Верни, Бальзак вновь вернулся к герцогине д'Абрантес

- как и большинство мужчин, он был не в силах противостоять соблазну. Видселись они тайком, в уединенном флигеле в Версале. Облокотившись на подоконник, они вместе любовались "чудесными колдовскими звездами" и наслаждались "величавой тишиною, нисходившей на душу". Мягкие

летние ночи

милы любовникам. Как все стареющие женщины, она говорила о своих горестях, о том, что к ней до времени пришло увядание, о разбитых надеждах.

Меланхолия - весьма действенная форма кокетства. Как все молодые люди, Оноре утешал герцогиню; сам не веря тому, что говорит, он утверждал, будто

многие женщины, которым гораздо больше лет, чем ей, вновь живут прекрасной

и сладостной жизнью. Она укоряла его за то, что он принес ее в жертву

“ради своих старых оков”. Он произносил торжественные и лживые клятвы, обещал видеться с нею чаще, но прибавлял: “Надо только, чтобы моя сестра

ничего не узнала”. В самом деле, с тех пор как госпожа де Берни так

великодушно поспешила на помощь Оноре, она вновь вошла в милость ко всем

членам семейства Бальзаков и теперь нередко приезжала в Версаль, к Лоре. А

Оноре не желал причинять госпоже де Берни огорчений.

В пятьдесят два года Dilecta все еще оставалась страстно влюбленной.

Ах, как она отличалась теперь от той великолепно владевшей собою и чуть

насмешливой женщины, какой была в начале их связи! Ныне она любила своего

слишком молодого возлюбленного с безумным пылом; она восхищалась его

нарождавшимся гением.

Госпожа де Берни - Бальзаку:

”О мой дорогой! Мой божественный! Все, что я могу, - это пребывать в экстазе, погружаясь в свои воспоминания. Как передать тебе, до чего я счастлива! Чтобы понять, ты бы должен был познать самого себя, а это невозможно, главное же - тебе невозможно постичь, что ты значишь для меня.

Если бы в безумных грезах у меня явилось желание быть любимой так, как любят лишь на небесах, и если бы это желание полностью осуществилось, то

даже тогда мое блаженство ничего бы не стоило в сравнении с тем, какое даруешь мне ты. О, что бы мне такое сделать? Где найти силу, могущество -

все, что мне необходимо, все, чем я хотела бы заплатить за такую любовь?

Вчерашний вечер, один только вчерашний вечер дороже для меня, чем десять

веков… Тебе мой привет, любовь и хвала!..”

В другой раз она писала:

”Уже рассветает, прими же мой привет, милый, прими от меня привет, мой

нежный властелин!”

Одного только она не понимала: как может человек с такой возвышенной душой скрывать что-либо от той, которая обожает его. Она знала, что Оноре снова видится с герцогиней д’Абрантес. Сидя на кушетке, “на этом священном ложе”, он отвечал: “Как можешь ты требовать, Лора, чтобы я разом порвал с нею? Как могу я не заплатить свой долг особе, которая готова все сделать для меня?” Но разве у Оноре не было иного долга, более настоятельного, по отношению к бедной подруге, поддерживавшей его в трудную пору своим присутствием, ласками и своим состоянием?

”Добавлю еще одно, мой дорогой, мой милый: по совести говоря, я не верю, что эта женщина может и хочет быть тебе полезной… Она не захочет этого, ибо, живя в Версале, ты не добьешься успеха, а согласиться на то, чтобы ты жил вдали от нее, в столице, она, думаю, не пожелает”.

На “священной” кушетке Оноре готов был обещать все что угодно, однако, предоставленный самому себе, отправлялся в Версаль и работал там над рукописями герцогини, которая вознаграждала его на свой лад. Бедная Dilecta приходила пешком на улицу Кассини, и соседи сообщали ей, что

Бальзака нет дома. Она наказывала его церемонным “вы”: “Очень прошу вас сообщить, могу ли я, невзирая на солнце или дождь, прийти на улицу Кассини в три часа?.. Прощай, милый, прощай”.

Моралист осудил бы такое проявление неверности, такую ложь. Бальзак это оправдывает: “Человек, превративший свою душу в зеркало, где отражается целый мир… неизбежно оказывается лишен того рода логики, того упрямства, которое принято называть характером. Он немного беспутен… Он увлекается, как дитя, всем, что его поражает… он может любить свою любовницу до обожания и покинуть ее без всякой видимой причины” [Бальзак, “О художниках”]. У первобытных народов ясновидящие, барды, импровизаторы считались существами высшего порядка. А у нас, “едва вспыхнет свет, его спешат погасить, ибо принимают за пожар”. Бальзак требует права на непостоянство.

Короче говоря, он различал два вида любви и еще третий, где они переплетались. В молодости приятели, с которыми он встречался в кафе, привили ему вкус к сомнительным любовным похождениям. “Природа наделила нас желанием; надо поститься как можно меньше… Любовью следует заниматься в согласии с законами общества, не выпуская из рук кодекса и следуя этикету. К ней нужно относиться как к танцам, пению или

фехтованию”. Любовь такого сорта уже по самой своей природе неверна; она

готова удовольствоваться любой доступной женщиной с бело-розовым телом.

Но вожделение и страсть - это еще не любовь. “Мужчины и женщины могут, не боясь обесчестить себя, питать страсть к нескольким людям сразу: ведь

так естественно стремиться к счастью! Но подлинная любовь всегда одна в

жизни”. Эту единственную любовь он испытывал к госпоже де Берни.

Одновременно чувственная, благоразумная и нежная, она была для него “точно

ангел, сошедший с небес”. Она угадала его талант, помогла ему

сформироваться, направляла его. Не будь этой женщины, гений Бальзака, может быть, никогда не расцвел бы. И он это знает.

Его любовь к Лоре де Берни соткана из чувственности и подлинного

чувства; когда дело касается чувственности, он не слишком постоянен, но

чувство его неизменно и верно. Помимо этой прекрасной, но все же земной

любви, Бальзак мечтает о чем-то уже совершенно неземном, о женщине, которая, не требуя ласк, была бы беззаветно преданной сестрой милосердия, заботящейся о гении. Но ведь женщина тоже не ангел и не зверь. Плоть ее

также предъявляет свои права, и даже удивительная самоотверженность

госпожи де Берни не может преодолеть ни присущий человеческой натуре

антагонизм между чувственной любовью и любовью духовной, ни антагонизм

между страстью к женщине и жаждой созидания, раздирающий душу

художника-творца. Всякая женщина, которая любит художника, обрекает себя на муки, рано или поздно она их испытает.

Бернар-Франсуа скончался 19 июня 1829 года. Он в свою очередь попал в число “дезертиров” тонтины Лафаржа; полагая себя бессмертным, старик вложил все свое состояние в пожизненную ренту, и его вдова оказалась в тяжелом финансовом положении. Извещение о смерти было подписано Сюрвилем и Монзэглем. Оноре (его, видимо, не было в Париже) работал в Булоньере, под Немуром: госпожа де Берни, которую ничто больше не удерживало в Вильпаризи, арендовала теперь это поместье. Возможно, он приезжал в столицу и присутствовал на погребальной церемонии в церкви Сен-Мерри.

Париж Оноре отнюдь не походил на Париж его родителей, с которым он сталкивался в юности. Долгое время Бальзаку был знаком только узкий мирок столицы: его собственная семья, буржуа из квартала Марэ, судейские, нуждающиеся журналисты, дисконтеры и ростовщики. Дружба с Латушем, успех, который имели “Шуаны” у знатоков, открыли перед ним двери нескольких известных домов. Каждую среду, по вечерам, у художника Франсуа Жерара, в такой же мере светского человека, как и артиста, не только обольстительного, но и обольстителя, Бальзак встречал людей из парижской

элиты: Эжена Делакруа, Давида д’Анже, Ари Шефера, доктора Корева. Он описал беседу, происходившую между одиннадцатью вечера и полуночью в этом салоне, где собирались поэты, ученые, государственные деятели, денди и прелестные женщины. При свете ламп несколько живописцев работали, прислушиваясь к разговорам. Перед глазами у них всегда была готовая картина, а Бальзак, наслаждаясь минутами, “когда искрометная, полная противоречий беседа уступала место рассказам”, запечатлевал в своей памяти интересные истории.

Новеллы, романы сами собой зарождались в его мозгу. “Художник… не посвящен в загадку своего дарования… Он не принадлежит себе. Он - игрушка в высшей степени своевольной силы… Однажды… он… не напишет ни строчки; а если и попробует, то не он будет держать… перо, а другой - его двойник, его созий, - тот, что ездит верхом, сочиняет каламбуры… у кого ума хватает лишь на сумасбродные выходки… Но вот вечером, посреди улицы, утром, в час пробуждения… пылающий уголь коснется его мозга, его рук, его языка… Приходит труд и разжигает огонь в горне… Экстаз творчества заглушает жестокие муки рождения” [Бальзак, “О художниках”].

Случается, что в одном человеке как бы живут двое - шутник и поэт. Бальзак

отлично сознавал эту двойственность.

Он не принадлежал к новому в то время движению - романтизму, но близко соприкасался с ним. 10 июля 1829 года он был приглашен на чтение драмы “Марион Делорм”. Ее автору, Виктору Гюго, исполнилось всего двадцать семь лет, у него была очаровательная жена и трое детей; своим молодым собратьям он уже казался учителем. На чтении пьесы присутствовал Альфред де Виньи: к этому времени он написал “Элоа”, “Сен-Мара” и сделал вольный перевод “Отелло”. Гюго окружали его более молодые, но уже известные коллеги - Мериме, Сент-Бев, Мюссе. Прославленный Александр Дюма, автор пьесы “Генрих III и его двор”, в возбуждении размахивал большущими руками. И среди них он, “бедный Бальзак”, который только-только успел похоронить Ораса де Сент-Обена. Никакая школа его не поддерживала. Низкорослый Сент-Бев, лукавый критик, вертевшийся около великого Гюго, игнорировал автора “Шуанов”. Бальзак поспешил посмеяться над этими “Сценами литературной жизни”, словно боялся, что они вызовут у него желание расплакаться.

”Жалкий слушатель, впервые допущенный к этой социальной мистерии, как

будете вести себя вы? Рукоплескать? Кричать “браво”? Дерзкий критик! Вы пропали, если нанесете такое оскорбление. У вас есть только один способ выразить свою хвалу: изобразить то задыхающееся молчание, когда останавливаются слова в горле, ибо хочется сказать слишком много; если же вы представлены завсегдатаем салона, у вас есть еще одна возможность - подойти к нему со слезами признательности на глазах и, горячо пожав ему руку, проговорить:

- Спасибо, друг мой, спасибо!..

Это тонко, это заметно и не лишено изящества…

…чтение продолжается…

- О! Здесь нечто мавританское! - говорит тот.

- О! Это Африка! - восклицает этот.

- И вместе с тем Испания! - прибавляет другой.

- В этом стихе чувствуются минареты!

- Это подлинная Гренада!

- Это подлинный Восток!..

Даю… честное слово, при мне об Африке и Испании было сказано: “Это подлинный Восток!”…

”Чудесно” и “грандиозно” - это наименьшее, чем вы обязаны элегии из пятнадцати стихов… Если же речь идет о драме: “Это история в действии!..

, '

Открывается будущее! Это мир! Это Вселенная! Это Бог!” [Бальзак “О литературных салонах и хвалебных словах”]

Между тем герцогиня д’Абрантес нашла себе временное пристанище в Аббен-о-Буа, мирной и спокойной обители, монахини которой поселяли в особом корпусе, отделенном от монастыря, знатных дам, искавших уединения.

Здесь царила жившая в скромной квартирке госпожа Рекамье, разоренная, но все еще славившаяся красотой, верностью, ставшая всеевропейской знаменитостью.

Быть принятым божественной Жюльеттой в ее жилище на четвертом этаже значило удостоиться величайшей милости. Казалось, волшебные чары феи облегчают подъем по крутой лестнице. Здесь собирались люди самые разные.

Шатобриан встречал тут Бенжамена Констана и Ламартина. Герцогиня из Сен-Жерменского предместья учтиво беседовала с герцогиней наполеоновской Империи. Госпожа д’Абрантес ввела сюда Бальзака.

”Внимательно присмотритесь к этому молодому человеку с пылающим взглядом и черными как смоль волосами; обратите внимание на его нос, а

главное - на рот, когда какая-нибудь лукавая мысль приподнимает уголки этого рта. Что видите вы в этом взоре - разит ли он презрением, насмешкой или же в нем светится доброта, когда он обращен на друзей? Этот молодой человек - господин Бальзак. Ему только тридцать лет, а из-под его пера вышло уже немало произведений”.

Этьен Делеклюз, который находился в Аббеи-о-Буа в тот день, когда там был “принят” Бальзак, всю жизнь не мог забыть ту наивную, почти ребяческую радость, какую выказал неофит. “Этому человеку Пришлось собрать остатки своего рассудка, чтобы не броситься в объятия всем присутствующим”. Такое преувеличенное выражение радости могло бы показаться смешным, но искренность чувства тронула Делеклюза, он уселся рядом с Бальзаком и нашел, что тот весьма остроумен. Страстное желание попасть к госпоже Рекамье и долгое ожидание этого дня оправдывали непомерную радость Оноре.

Примерно в то же время Бальзак познакомился с Фортюнэ Гамелен: эта щеголиха времен Директории могла порассказать ему о своих бесчисленных романических приключениях. Софи Гэ, в салоне которой блистали молодые романтики, также принимала Бальзака; он обязан ей множеством забавных

историй и тонких наблюдений. Ведь в свое время она не смутилась при

встрече с самим императором:

- Вам говорили, что я не люблю умных женщин?

- Да, государь, но я этому не поверила.

О Софи Гэ шутили, что у нее все выходит хорошо: книги, дети, варенье. В

ее салоне и в салоне графини Мерлен, возлюбленной приятеля Бальзака, Филарета Шаля, Оноре начал встречаться с представителями света, то есть

двух или трех тысяч лиц, которые знакомы между собой, бывают друг у друга

и, обладая необходимым досугом, уделяют очень много внимания чувствам.

Бальзак испытывал одновременно простодушную радость оттого, что его

принимают и даже приглашают некоторые из этих избранных, и острую горечь, ибо он угадывал, что его только терпят. “Я страдал всеми фибрами души, страдал так, как только может страдать человек; лишь изгои да женщины

умеют остро наблюдать, потому что их все ранит, а душевные страдания

обостряют наблюдательность”. Юные щеголи в желтых перчатках, любовники

этих земных богинь, свысока смотрели на плохо одетого или слишком

разодетого чужака; а он, меряя взглядом фатов, оценивал их и завидовал им.

Что касается женщин, восхитительных и недоступных, то Бальзак любовался

ими, ни на что не надеясь. И все же как он их желал!

”Ах, да здравствует любовь в шелках и кашемире, окруженная чудесами роскоши, которые потому так чудесно украшают ее, что и сама она, может быть, роскошь! Мне нравится комкать в порыве страсти изысканные туалеты, мять цветы, заносить дерзновенную руку над красивым сооружением благоуханной прически… Меня пленяет женщина-аристократка, ее тонкая улыбка, изысканные манеры и чувство собственного достоинства: воздвигая преграду между собою и людьми, она пробуждает все мое тщеславие, а это и есть наполовину любовь. Становясь предметом всеобщей зависти, мое блаженство приобретает для меня особую сладость. Если моя любовница в своем быту отличается от других женщин, если она не ходит пешком, если живет она иначе, чем они, если на ней манто, какого у них быть не может, если от нее исходит благоухание, свойственное ей одной, - она мне нравится гораздо больше; и чем дальше она от земли даже в том, что есть в любви земного, тем прекраснее становится она в моих глазах” [Бальзак, “Шагреневая кожа”].

Мог ли он им нравиться? Больше, чем сам предполагал. Он развлекал женщин, а это уже половина победы. У Оноре был красивый голос, лицо его светилось добротою. Если в кругу приятелей он разыгрывал роль толстого

сластолюбивого монаха или развеселого коммивояжера, то в салонах он умел молчать, копить впечатления и очаровывать своих слушательниц. Некоему юноше, Жюльену Леме, Бальзак однажды сказал: “Не правда ли, вас удивляет, что у человека столь грубого обличья могут быть столь тонкие умозаключения, столь изысканные мысли?” Возможно, это и удивляло. Но собеседницы Бальзака знали, что он действительно таков.

Когда Оноре видел, как смягчается их взор, он предвкушал победу. Два года назад ему пришлось бежать и скрываться после самого плачевного краха. У него не было “ни счастливой юности, ни цветущей весны”. Но теперь он уже сознавал свою силу. Он напишет великие произведения и подчинит себе этот равнодушный и опасный Париж. Лора де Верни, восторженная и глубоко преданная возлюбленная, поддерживала его. Несмотря на все неудачи, он продвигался вперед. Он знал свою слабость: некоторую вульгарность и недостаток вкуса, унаследованные от семьи, ребяческое стремление к роскоши. Но в руках у него были и сильные козыри: творческая энергия, пылкое вдохновение, фантазия, возвышенный ум. Долго еще будет он вспоминать об этой поре своей жизни как о некой эпопее, чей неумолимый ход заставлял его ощущать страх и унижение лишь для того, чтобы он научился тотчас же преодолевать их; долго еще самые прекрасные романы Бальзака

будут питаться горестными и чудесными воспоминаниями его юности, его

утраченными иллюзиями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЛАВА

После этой поры, короткой, как время сева, наступает

пора свершений. В известном смысле существует две юности: юность, когда верят, и юность, когда действуют; обе они

часто переплетаются у людей, щедро одаренных природой, которые, подобно Цезарю, Ньютону и Бонапарту, принадлежат

к самым великим из великих.

Бальзак

XI. ГОДЫ УЧЕНИЧЕСТВА

Самые добродетельные женщины никогда

не бывают вполне целомудренны.

Бальзак

Вскоре успех Бальзака был всеми признан. В декабре 1829 года появилась

“Физиология брака”, написанная “юным холостяком”. Эта блестящая и

поразительно откровенная книга свидетельствовала об удивительном

поразительно откровенная книга свидетельствовала об удивительном знании женщин. Автор написал ее на основе собственного опыта; многим он был обязан госпоже де Берни и герцогине д’Абрантес, от которых слышал немало доверительных признаний и рассказов, Фортюне Гамелен и Софи Гэ, своему отцу, который охотно обсуждал эту тему, с большим увлечением высказывая много забавных мыслей, и, наконец, Вилле-Ла-Фэ, философу-скептику времен старого режима и сердцееду в отставке. Стиль повествования, одновременно лирический, насмешливый и циничный, напоминал то Рабле, то Стерна, как того и хотелось автору, и в какой-то степени предвосхищал романтические хроники Мюссе или Готье. За внешней игривостью и фривольностью в духе XVIII века скрывались мысли серьезные и глубокие.

Главное положение книги можно свести к формуле: “Брак отнюдь не вытекает из природы человека”; между любовными страстями и инстинктом продолжения рода очень мало связи, большинство мужей играет на чувствах своих жен не более умело, чем орангутанг играет на скрипке, а потому им следует ожидать, что более опытный музыкант обойдет их и сделает

рогоносцами. Каковы уловки женщин, какие меры предосторожности может

принять муж, каковы первые симптомы немилости к нему, как действует

супружеский сыск, как расставляют мышеловки, чтобы поймать неверную, как

искусный супруг добивается нужного поворота событий - вот некоторые из

проблем, которые рассматривает “юный холостяк”. Короче говоря, супружество

- это поединок, междоусобная война, которая требует особого оружия, своей

стратегии и где победа (то есть свобода) остается за более ловким.

В войне между супругами Бальзак принимает сторону женщин. Впрочем, он

признает, что пользовался советами двух дам, из которых одна принадлежала

к числу “самых человечных и самых остроумных особ при дворе Наполеона”, и

обе они говорили с ним вполне откровенно. Он описывал коварных, лживых

женщин, но находил им оправдание. Женщина не может нести ответственность

за свои грехи; их следует приписать бесправному положению, на которое ее

обрекает общество, и слепоте мужей. Бальзак в какой-то степени заимствовал

идеи о равенстве полов у последователей Сен-Симона. Сначала он

познакомился с ними через посредство дядюшки Даблена, который

переписывался с самим Сен-Симоном; а затем, будучи владельцем типографии

на улице Марэ-Сен-Жермен, Оноре печатал журнал сен-симонистов “Жимназ”.

Журнал этот утверждал: “Женщины отдают свое сердце, они не продают его”.

Но при существующем порядке вещей брак становится войной. А на войне воюют

как могут, пользуются любым оружием и считают мужа врагом, разве только…

Разве только, вместо того чтобы злоупотреблять “правами”, которые ему дает

закон, он добивается любви своей жены и повинуется тайным законам природы, повелевающим соединять чувство с обладанием. “Отсюда следует, что мужчина, если он хочет быть счастливым, должен подчиняться определенным правилам

чести и деликатности”.

Дамы буквально вырывали эту книгу одна у другой: излагая их

невысказанные жалобы, она во всеуслышание говорила о том, о чем многие из

них думали, но в чем мало кто решался признаться. Однако некоторые женщины

были шокированы. Зюльма Карро прислала из Сен-Сира негодующее письмо.

Бальзак ответил ей:

”Чувство отвращения, которое вы испытали, сударыня, прочтя первые страницы подаренной мною книги, делает вам честь и свидетельствует о такой деликатности, что ни один умный человек, если он даже автор произведения, не может этим оскорбиться. Ваше чувство доказывает, что вы чужды лживому и коварному свету, что вам незнакомо общество, позорящее все и вся, и что вы достойны того возвышенного одиночества, в котором человек всегда обретает величие, благородство и чистоту.

Пожалуй, для автора весьма печально, что вам не удалось преодолеть первое чувство, которое неизменно охватывает всякое невинное существо, когда оно слышит о преступлении, когда ему описывают какое-нибудь несчастье, когда оно читает творения Ювенала, Рабле, Персия, Буало, но я полагаю, что в дальнейшем вы примирились бы с писателем, прочтя несколько убедительных наставлений и пламенных доводов в защиту добродетели и женщины; но могу ли я поставить вам в упрек это отвращение, которое только делает вам честь”.

Достойно восхищения, что наш “ясновидец” все понимает: и благородное прямодушие госпожи Карро, и шитые белыми нитками расчеты герцогини

д’Абрантес.

”Физиология брака” заключала в себе сотни сюжетов для романов и новелл, ее можно уподобить громадным кладовым, где хранились различные сцены, эпизоды и планы. Уже во времена “Кодексов” Бальзак завел записную книжку, куда вносил всевозможные наброски и заметки в духе Лафатера и одновременно

Гаварни. Мода на исторический роман уступала место моде на роман

буржуазный. Отчего бы и ему не писать короткие повести и рассказы, своеобразные этюды современных нравов? Стоит ли предаваться длительным

ученым разысканиям, когда он может вынести на сцену саму историю своей

эпохи? Тут он нашел бы хороша знакомые ему обстановку и социальные слои, например улицу Сен-Дени и живущих на ней богатых торговцев (это будет

повесть “Дом кошки, играющей в мяч”, где описана лавка семейства

Саламбье); в “Загородном бале” изображена служившая танцевальным залом

ротонда, где Оноре часто бывал вместе с сестрами. Действие “Вендетты”

начинается при дворе Наполеона (эту историю он услышал от герцогини

д’Абрантес), потом оно переносится в мастерскую художника, где юные девицы

из квартала Марэ (такие, как Лора и Лоранса) или из Сен-Жерменского

предместья брали уроки живописи. Действие “Побочной семьи” происходит

сначала в Байе - Бальзак использовал тут свои наблюдения, которые он

сделал, гостя у Сюрвилей, и прибавил к ним множество иных

воспоминаний и

собственных догадок.

Эти “Сцены частной жизни”, которые проникали “до самых основ” в события

и тайны семейной жизни, резко отличались от причудливых романов молодого

Оноре правдивостью картин, характеров и тонкостью чувств. Бальзак

обнаружил, что он живет в весьма романтичное время: это объяснялось и

смешением различных общественных укладов и сословий (старый режим, Империя, Реставрация), и неожиданными эффектными поворотами, разом

менявшими положение в стране (возвращение Наполеона с острова Эльба, вторая Реставрация). Ему пришла в голову гениальная идея - придать

современному роману некоторые черты романа исторического: более широкие

взгляды, политические и социальные, подробные и красочные описания. В эту

удивительную эпоху дворянство, которое ничему не научилось, буржуазия, которая переваривала захваченное ею национальное имущество, финансисты и

промышленники оспаривали друг у друга Францию, а недовольный народ готовил

будущие мятежи. Бальзак помнил о необходимой дистанции во времени и

относил действие своих произведений к недавнему прошлому. Из описания

лавки господина Гильома становился понятным патерналистский и рутинный

характер торговли во времена Наполеона. Бальзак очень искусно, хотя и не

всегда осознанно, привносил в большинство своих историй моральные оценки, характерные для общедоступных нравоучительных романов. Августина Гильом, дочь торговца сукнами, выходит замуж за человека из другого сословия - за

элегантного художника Теодора де Сомервье; он страстно увлекся красивой

девушкой, но уже вскоре после свадьбы обманывает ее с герцогиней.

Несчастная умирает от отчаяния, а ее сестра Виргиния, которая

удовольствовалась браком с приказчиком Жозефом Леба, безмятежно царит в

“Доме кошки, играющей в мяч”. Гобсек, этот удивительный ростовщик с лунным

ликом, тонкими губами и пепельно-серыми волосами, иллюстрирует несчастьями

своих клиентов опасности безнравственного поведения. Повесть “Побочная

семья”, показывая, к каким бедам приводит ханжество, одновременно

свидетельствует о крахе любви вне брака.

Таким образом, темой почти всех этих “Сцен” служит счастливое или

несчастное замужество. И почти все они отстаивают традиции буржуазной

жизни и супружескую верность, как ни противоречит она инстинктам, чувствам. “Рано или поздно мы несем наказание за то, что не подчинились

законам общества”. Подобный конформизм проницательного “юного холостяка”

удивляет: ведь сам он, можно сказать, дважды преступает эти законы, ибо

обманывает господина де Берни с госпожою де Берни, а ее в свою очередь

- с

герцогиней д’Абрантес. Но Бальзак в собственной семье наблюдал печальные последствия адюльтера. Его мать воспитывала под мужним кровом злополучного Анри; отец омрачил последние годы своей жизни любовными шалостями с деревенскими девицами.

На примере своих близких он мог также убедиться в том, к карим ужасным последствиям для брачного союза приводят тщеславие и алчность. Его сестра Лора некоторое время играла роль неприступной Эмилии де Фонтэн (“Загородный бал”), потом, спохватившись, весьма рассудительно вступила в брак; но другая сестра, Лоранса, была принесена в жертву звучному дворянскому имени. В семействах Бальзаков, Саламбье, Седийо, Малюсов наследству придавали не меньше значения, чем в конторе стряпчего Гийонне-Мервиля. Бальзак не питает никаких иллюзий насчет этого буржуазного мирка и той роли, какую играет там Король-Деньги. В “Сценах частной жизни” он нарисовал “правдивую картину нравов, которую добропорядочные семьи стараются скрыть от постороннего взгляда”. Изученный им мир еще довольно узок, но ведь для романиста важно не все знать, а хорошо знать, важно разгадать то общество, где ему довелось жить, и

хорошо знать, важно разгадать то общество, где ему довелось жить, и

возвыситься над ним.

Особняком стоит произведение “Тридцатилетняя женщина”. Что это, роман?

Нет, просто ряд сцен, которые автор сперва писал, не имея намерения

связать их воедино, что и ощущается в композиции. Сначала, в 1831 году, он

опубликовал в газете “Карикатура” блестящий рассказ “Последний парад

Наполеона”. Юная девушка уговаривает отца пойти с нею на парад в Тюильри -

она влюблена в красавца полковника. Писатель, как лучом прожектора, освещает мир Империи. Проходит какой-нибудь месяц, и в рассказе “Две

встречи” мы знакомимся с женой генерала (не полковник ли это из первого

рассказа?); она не любит мужа, имеет любовника, а ее дочь, заметив это, следует за каким-то малоправдоподобным “парижским пиратом”, превращающимся

впоследствии в настоящего байроновского корсара! Этот надуманный и

ненатуральный эпизод, к сожалению, напоминает первые “черные” романы

Бальзака. Затем, в сентябре - октябре 1831 года, писатель публикует

“Свидание” - новеллу в пяти картинах. На сей раз сомнений нет: героиня

Жюли д’Эглемон (перед читателем проходит пять различных эпизодов ее жизни) - та самая влюбленная девушка, что смотрела на парад в Тюильри. В своем

муже она разочаровалась и теперь любит англичанина, лорда Артура Гренвиля.

Позднее все эти новеллы были несколько переделаны и объединены под

Позднее все эти новеллы были несколько переделаны и объединены под общим названием “Та же история”; только в 1842 году “Тридцатилетняя женщина” примет свою окончательную форму. Эта книга принадлежит к числу наименее завершенных произведений Бальзака: ее отдельные составные части плохо пригнаны одна к другой. Но есть в ней и прекрасные страницы. Признания госпожи д’Эглемон, женщины уже не первой молодости, избавившейся от иллюзий, видимо, походят на те, какие выслушивал Оноре де Бальзак, сидя при свете луны на скамье в Вильпаризи. Эти страницы освещены лучом “поэмы Берни”.

В жизни писателя многое изменилось: после 1829 года у него уже нет причин сетовать на общество, как прежде. Литературный успех приоткрыл перед ним двери кружка романтиков. Правда, Бальзак держится там особняком; он безжалостно насмехается (в анонимной статье) над “Эрнани”, произведением, священным в глазах “Молодой Франции”, он чувствует, что гораздо теснее связан с литературной традицией классицизма - Корнелем, Мольером, Лафонтеном. Но его сближает с романтизмом любовь к Вальтеру Скотту, Байрону, Рабле, тяготение ко всему исключительному, и романтики довольно приветливо встречают этого еретика. Незнакомые женщины пишут Бальзаку, они узнают себя в его героинях. “Сцены частной жизни”, целомудренные без ханжества, успокоили тех читательниц, которых

целомудренные без ханжества, успокоили тех читательниц, которых напугала

“Физиология брака”. В читальных залах нетерпеливо ждут его новых книг.

Издатели охотятся за ним. Школьные товарищи - Адриен Брэн, Жозеф Фонтмуан

- вспоминают о своем приятеле, внезапно получившем известность, а ведь

некогда в Вандомском коллеже они его не особенно жаловали. Однако Бальзак

испытал слишком много невзгод, они не так быстро забываются. Он хорошо

знает, что прячется под маской любезности. “За спокойными и улыбающимися

лицами, за безмятежной осанкой таился отвратительный расчет; проявления

дружбы были ложью, и многие присутствующие опасались не своих врагов, а

друзей” [Бальзак, “Супружеское согласие”]. В высшем свете все подчинено

тщеславию, буржуа молятся иным богам. Они истово поклоняются золоту. “Есть

у тебя доходы или нет - вот в чем вопрос”.

Чем больше Бальзак наблюдает, тем больше он убеждается, что деньги -

“ныне единственное божество”, движущая сила современного ему общества.

Светские люди жаждут денег, чтобы по-прежнему жить в роскоши, как этого

требует их положение в обществе; буржуа копят деньги, не столько уступая

жажде наживы, сколько стремясь ощутить уверенность в завтрашнем дне; ростовщик Гобсек любит богатство, так сказать, в чистом виде, абстрактно. “В золоте сосредоточены все силы человечества, - говорит Гобсек. - …Что такое жизнь, как не машина, которую приводят в движение деньги?.. Золото - вот духовная сущность всего нынешнего общества”. Гобсек знает весь Париж. Он внимательно следит за отпрысками богатых и знатных семейств, за художниками, за светскими женщинами. Вне сферы своей деятельности он честен и даже по-своему великодушен. Но коль скоро борьба между богатым и бедным неизбежна, лучше уж быть угнетателем, чем угнетенным. “Этот высохший старикашка, - говорит о нем стряпчий Дервиль, - вдруг вырос в моих глазах, стал фантастической фигурой, олицетворением власти золота”.

Фантастическая фигура… Вот почему этот “бальзаковский” персонаж, одновременно правдивый и гиперболизированный, воскрешает в памяти образы, знакомые нам по “черным” романам Бальзака. В “Сценах частной жизни”, как и в надуманных сочинениях Ораса де Сент-Обена, речь также идет о преступлениях, об извергах и заступниках, но тут преступление совершается под прикрытием закона, изверги - с виду заурядные люди, в роли заступников выступают судейские. Молодой автор уже много видел и много страдал. Он

негодует, исполнен горечи и вместе с тем достаточно умен, чтобы подняться над негодованием, горечью и мужественно сказать: “Такова жизнь”. Этой философией пропитаны все его описания. Он описывает не из любви к описаниям, нет, он хочет показать, что сущность человека проявляется в чертах его лица, в одежде, в обстановке его жилища, привычных жестах. Наделенный философским и, главное, научным складом ума, Бальзак, отправляясь от внешних проявлений, стремится постичь скрытые причины. Его излюбленная формула: “Вот почему”. Она предшествует объяснению - порой поражающему, всегда глубокому.

Впрочем, он выказывает удивительное знание современных нравов не только в своих романах. В ту пору он пишет бесчисленное множество газетных статей. Чтобы платить долги и влезать в новые, ему также нужны деньги. А статьи приносят их быстрее, чем книги. В те годы Эмиль де Жирарден, молодой человек, обладавший богатым воображением и дерзостью, буквально перевернул вверх дном столичную прессу. Незаконный сын, воспитывавшийся в глубокой тайне, свободный от привязанностей и предрассудков, Жирарден принадлежал к поколению, которое, по словам Сент-Бева, “полностью исцелилось от настроений “Рене”; он не жаловался, а нападал сам. В 1828

году он начал издавать журнал “Волер”, затем, в 1829 году, - еженедельник

“Силуэт”, в котором сотрудничали выдающиеся рисовальщики: Гаварни, Шарле, Гранвиль, Анри Монье. Бальзак был в восторге от этих художников, насмешливых и беспощадных. Как и он, они создавали типы; как и он, Гаварни

придал “выразительность одежде, вложил мысль в платье”. Господин Прюдом, созданный Анри Монье, предвосхитил образ бальзаковского буржуа.

Виктор Ратье, живший по соседству с Бальзаком (на улице

Нотр-Дам-де-Шан, неподалеку от улицы Кассини), в январе 1830 года привлек

своего приятеля к сотрудничеству в “Силуэте”, главным редактором которого

был он сам, а позднее - в журнале “Мода”, также издававшемся группой

Жирардена. Вот как описали Гонкуры первую встречу Гаварни с Бальзаком; “Он

увидел невысокого кругленького человека с красивыми темными глазами, чуть

вздернутым носом с ложбинкой на конце, много и очень громко

разговаривавшего. Он принял его за приказчика книжной лавки”. Но когда

этот невысокий человек говорил или писал, его гений прорывался наружу. Его

остроумие оживляло самые заурядные сюжеты. Трудно с точностью составить

полный список статей, принадлежащих Бальзаку, ибо журналисты, входившие в

группу Жирардена, часто подписывали свои опусы вымышленными

инициалами, то

и дело менялись псевдонимами.

”Этюд о нравах, угаданных по перчаткам” принадлежит, бесспорно, Бальзаку: перчатки были его слабостью! В этом коротком трактате “изящная и

остроумная графиня” определяет по перчаткам характеры и любовные

похождения нескольких мужчин. “Шарлатан”, “Бакалейщик” - примеры других, весьма живо написанных этюдов о нравах. В статье “Модные слова” автор

остроумно потешается над новым в ту пору словечком злободневный: “Ныне

требуется, чтобы книги, как и все прочее, отличались злободневностью”.

Теперь (в 1830 году) уже нельзя сказать об актрисе: “Вчера она была просто

великолепна”, полагается говорить: “Она была сногсшибательна”.

Сногсшибательно - это верх восхищения в современном языке; в случае другой

крайности следует говорить: “Это чертовски плохо”. Если вы пишете на

философские темы, облекайте свою мысль приблизительно в такие фразы: “Возможность воспроизведения размышления не распространяется на некоторые

явления, ибо если размышление есть совокупность, то совокупность весьма

туманная”. Мода на подобные выражения сохранилась и поныне.

Несмотря на успешное сотрудничество в газетах, на успех в салонах

госпожи Гамелен, госпожи Ансело, барона Жерара, Бальзак чувствует себя

неуютно среди множества людей, уже достигших славы. Что он такое

неуютно среди множества людей, уже достигших славы. Что он такое рядом с Кювье, Виктором Гюго, Виньи, Шарлем Нодье, Эженом Делакруа? Его остроумие поражает, а манера одеваться раздражает. “Господин де Бальзак здесь, - пишет Фонтана в своем дневнике. - Наконец-то я вижу своими глазами эту новую звезду, чья слава только восходит: толстый малый в белом жилете, с живым взглядом, манерами аптекаря, осанкой мясника и жестами золотильщика; а в общем он весьма обаятелен”. Делакруа отмечает что-то безвкусное в его манере одеваться. “И уже без передних зубов!” Граф де Фаллу находит Бальзака слишком тяжеловесным и неуклюжим. “Многих очаровывает его живое воображение и красноречие, но разочаровывает тщеславие и полное отсутствие здравого смысла”. Бальзак получил доступ в “хорошее общество” (он принят в нескольких домах), но своим его там не считают. К счастью! Это позволяет писателю “незаметно наблюдать общество и обнаруживать то невидимое, что скрывается за видимостью”.

Его появление всякий раз поражает присутствующих: плохо причесанные, торчащие во все стороны напомаженные волосы; полное и словно влажное лицо. Когда он входил в гостиную - рано погрузневший, слегка отдуваясь, - в первую минуту его читательницы спрашивали себя: “Как? И это наш Бальзак?”

Бальзак!

Но едва он устремлял на них свои глаза с золотистыми искорками, дамы воспламенялись. Гроза, ураган, электрический вихрь наполняли комнату. Невысокий человек с могучими плечами начинал рассказывать, и красавицы аристократки слушали точно завороженные. Кто посмеет обвинить в вульгарности писателя, чей ум ослепляет, как молния, чье превосходство неоспоримо?

Увы! Многие завистники или люди, не способные оценить его силу, держались на расстоянии, а он был слишком чувствителен, чтобы не угадывать, что некоторые думают о нем самом и его манерах. Какая мука! Какая жажда взять реванш! “Я постиг множество вещей, и постигать их было столь горестно, что отвращение к этому миру овладело моей душою… Эти люди заставили меня понять Руссо”. Он утешал себя мыслью, что художник должен быть несчастлив: “…талантливый человек десять раз на дню может показаться простаком. Люди, блистающие в салонах, изрекают, что он годен лишь быть сидельцем в лавке. Его ум дальнозорок… он не замечает окружающих его мелочей, столь важных в глазах света” [Бальзак, “О художниках”]. Еще сильнее раздражало Бальзака тупое самодовольство разбогатевших буржуа: “Могущество денег ведет к возникновению самой унылой

аристократии - аристократии денежного мешка”.

Был ли Бальзак революционером? Отпрыск буржуазной семьи из квартала

Марэ, любовник светских женщин, он не желал коренных перемен. Он осуждает

крайние взгляды и правой и левой партии. В “Сценах частной жизни” он

сожалеет о нелепом преследовании республиканцев и бонапартистов. Любые

проявления ханжества его коробят. В образе аббата Фонтанона, исповедника

Анжелики де Гранвиль (“Побочная семья”), он выводит лицемерного и

честолюбивого пастыря - такую фигуру мог бы создать антиклерикал Стендаль.

Двумя годами позднее в “Турском священнике” Бальзак разоблачит тайную

власть Конгрегации, сообщества церковников и мирян, созданного, чтобы

оказывать давление на власти: благодаря этому полковой священник следит за

производством офицеров, а главный викарий - за назначением префектов. Свои

мысли Бальзак вложил в уста графа де Фонтана (“Загородный бал”). Вандеец, отказавшийся служить Наполеону, он вначале осуждал соглашательскую

политику Людовика XVIII, но потом понял этого государя-философа и принял

его умеренный либерализм. Для того чтобы спасти королевство от новых смут, надо было добиться компромисса между буржуа, скупившими во

время Революции

национальное имущество, и эмигрантами, закосневшими в своих убеждениях.

Главная задача - настолько укрепить власть, чтобы она могла навязать такой

компромисс. Политика есть умение добиваться равновесия сил.

Часто несправедливо утверждали, будто Бальзак шел к легитимизму под

влиянием суетных расчетов - для того чтобы быть принятым в том или ином

салоне или желая понравиться какой-нибудь знатной даме. Но, по правде

говоря, он так никогда и не стал законченным легитимистом; в отличие от

Шатобриана он никогда не будет испытывать привязанности к своему королю, но он также не станет и убежденным сторонником оппозиции, как, например, Карро или Сюрвиль. Бальзак понимает и восхищается нравственной чистотой

некоторых республиканских вождей, но находит также величие души в верности

вандейцев королю, он искренне любит старинного своего друга Даблена, либерала, глубоко преданного завоеваниям 1789 года; но сам Бальзак хочет, чтобы действия отвечали требованиям того или иного исторического периода.

Революция полностью меняет условия задачи: теперь уже нельзя действовать

так, словно ее никогда и не было. “Те акты и те идеи, которые Революция

последовательно претворяла в жизнь, неискоренимы; ее надо принимать как

совершившийся факт”. Бальзак с явной симпатией относится к

“благородному поборнику рухнувшего мира”, но утверждает поступательный ход истории, знает, что ее не повернуть вспять.

Восьмого мая 1830 года он публикует в журнале “Мода” любопытный рассказ “Два сна”: в 1786 году в гостиной собрались Калонн, Бомарше, рассказчик и два никому не известных человека - хирург и провинциальный адвокат. Читатель тотчас же догадывается, что это Марат и Робеспьер. Каждый из них вспоминает свой сон. Робеспьеру привиделась Екатерина Медичи. Королева объясняет ему причины Варфоломеевской ночи. По ее словам, она руководствовалась не жестокостью, не фанатизмом, не честолюбием, а только государственными соображениями. “Для того чтобы укрепить нашу власть в ту пору, нужно было иметь в государстве одного Бога, одну веру, одного властелина”. Как ни ужасна была резня, она представлялась ей единственным средством, чтобы избежать еще более кровопролитной бойни. “Да, ты слушаешь меня…” - обращается она к Робеспьеру. И читатель мысленно доканчивает фразу. “Я обнаружил, - признается в заключение Робеспьер, - что какая-то часть моего существа принимала жестокую доктрину этой итальянки”. Всем

известно, что наступил день и адвокат из Арраса, как в свое время Екатерина, пришел к необходимости убивать людей ради сохранения единства в государстве. А что думал сын Бернара-Франсуа Бальзака о подобном методе, который, как показала история, оказался на деле не таким уж успешным? Он почти готов одобрить и Екатерину Медичи, и Макиавелли, и Робеспьера, и Меттерниха. Приблизительно в это же время Бальзак писал: “Он сделался глубоким политиком, ибо презирал человечество. Разве не определяет это чувство тайную доктрину всех знаменитых людей, которыми мы восхищаемся?”

В повседневной жизни герцогиня д’Абрантес преподала ему урок макиавеллизма в миниатюре. Она заставила Бальзака изрядно поработать над ее “Мемуарами”, а когда они принесли ей успех, беззастенчиво отрицала какую-либо его причастность к этому. “Я вынуждена была так действовать, - объясняла она ему. - Как можете вы желать, чтобы я позволила отнять у себя те небольшие достоинства, какими, возможно, отличается мое произведение? Заклинаю вас, будьте серьезным человеком и никому не повторяйте своих слов. Вы ведь заботитесь о своей репутации, подумайте же, что ваше поведение недостойно и граничит с пошлостью”. Правда, другая его

приятельница, Зюльма Карро, выказала себя ожесточенным противником Макиавелли. Бальзак больше не навещал ее в Сен-Сире так часто, как ему хотелось; работа, правка корректур поглощали все его время: “Дни бегут, они тают у меня в руках, как лед на солнце. Я не живу, я чудовищно растрачиваю силы, но какая разница, умереть от работы или еще от чего-нибудь”. Госпожа Карро была республиканка и упрекала Бальзака в соглашательстве. “Не укоряйте меня в отсутствии патриотизма, - отвечал он, - все дело в том, что ум позволяет мне по достоинству оценивать людей и события. Это все равно что возмущаться подсчетами, которые указывают вам на близость разорения. В годину Революции гений правителя состоит в том, чтобы добиться единения; именно это и превратило Наполеона и Людовика XVIII в талантливых государственных деятелей”. Одно дело - политическая доктрина, другое дело - претворение ее в жизнь. Бальзак это сознавал. Зюльма отрицала.

Среди всех этих упреков, обвинений, противоречивых требований, обрушивавшихся на Бальзака, госпожа де Берни оставалась для него мирной гаванью. Dilecta, пожалуй, уже не возбуждала его желаний, но кто другой выказывал такую готовность прийти ему на помощь? Она помогла ему сформироваться; теперь он ушел далеко. И она просила только, по словам, Франсуа Мориака, “скромного места у ног ставшего взрослым ребенка и позволения следить за ним материнским оком”. Она обладала величайшим

достоинством, какое может иметь женщина в глазах писателя: возле нее ему

хорошо работалось. В мае - июне 1830 года Бальзак решил уехать вместе с

Лорой де Берни в Турень. В Сен-Сир-сюр-Луар (селение, где он в раннем

детстве жил у кормилицы) они поселились в старинной очаровательной усадьбе

Гренадьера. Площадка, на которой стоял дом, возвышалась над чудесной

долиной. Туром, островами на реке, колокольнями, замками. Сюда вела

пологая дорога, змеившаяся среди виноградников. То было дивное убежище для

работы и любви. Перед тем как обосноваться здесь, наши путешественники

спустились на небольшом судне вниз по Луаре. Бальзак “смеялся, шутил, казалось, готов был сочинять каждый день по двадцать романов и статей, но

приходил в ужас при одном взгляде на перо, бумагу и чернильный прибор”.

Они посетили Сомюр, Ле-Круазик, Геранду, и безукоризненная память писателя

запечатлела эти живописные городки, солончаки, океан.

Бальзак - Виктору Ратье (из “Ревю де Пари”), Гренадьера, 27 июля 1830 года:

”О, если бы вы только знали, что такое Турень… Тут забываешь обо

всем. Я даже прощаю местным жителям их глупость, ведь они так счастливы! А

как вам известно, люди, которые вкушают слишком много радостей, неизбежно тупеют. Турень прекрасно объясняет, откуда берутся “лацарони”. Я дошел до того, что смотрю теперь на славу, палату депутатов, политику, будущее, литературу как на ядовитые приманки, которые разбрасывают для бродячих псов… и говорю: “Добродетель, счастье, жизнь - все это обретет тот, кто поселится на берегу Луары, располагая шестьюстами франками годового дохода”.

Я бы уподобил Турень печеночному паштету, в который так и тянет погрузиться до самых ушей; местное вино восхитительно, оно не опьяняет, просто на вас находит какая-то блажь и неземное блаженство. Вот почему я снял тут домик до ноября; закрывая окна, я спокойно работаю и не хочу возвращаться в сластолюбивый Париж, прежде чем накоплю литературные запасы.

Представьте себе еще, что я совершил самое поэтическое путешествие, какое можно совершить во Франции: я проехал отсюда в сердце Бретани, я плыл по воде до моря; это стоит недорого, всего три или четыре су каждое лье, и при этом проплываешь мимо живописнейших берегов на свете; я чувствовал, как мысли мои растут и ширятся по мере того, как ширится река, а, впадая в море, она поистине грандиозна…

Черт побери! Я начинаю думать, дружище, что в наше время занятие литературой походит на ремесло уличной девки, которая отдается за сто су.

В сущности, оно ничего не дает, и меня теперь так и подмывает бродить, искать, превращать все в драму, рисковать жизнью, ибо что такое еще несколько жалких лет!.. О, когда чудесной ночью видишь над головою это прекрасное беспредельное небо, тебя охватывает желание расстегнуть панталоны и помочиться на все царства земные. С тех пор как я вижу здесь подлинное великолепие - скажем, чудесный и вкусный плод, златокрылое насекомое, - я проникаюсь философским взглядом на мир; наступив на муравейник, я говорю, как бессмертный Бонапарт: “Муравьи ли, люди ли!.. Что все это значит по сравнению с Сатурном, или Венерой, или Полярной звездой?”

Стоит ли удивляться, что эта космическая философия порождает легкомысленные творения? Зачем давать себе труд быть серьезным, если пишешь для муравейника? Он работал в это время над “Трактатом об изящной жизни” - ироническим произведением в духе “Физиологии брака”. То была похвала праздности, Брюммелю, фатовству, постоянной заботе о своем платье. “Достойно ли меня такое занятие?” - спросил он у госпожи де Берни. Она не была в этом уверена. Но Бальзак уже не прислушивался к критике. “Та-та-та!” - говорил он в ответ. Уезжая в Париж, Dilecta захватила с собой начало рукописи. Бальзак был один в Гренадьере, когда разразилась

Июльская революция 1830 года. Еще раньше, в мае, он узнал о смерти своего

товарища Огюста Сотле. А ведь бедный малый, казалось, преуспевал! Адвокат, издатель, он незадолго перед тем основал вместе с Жирарденом и Бальзаком

еженедельник "Фельетон политических газет", где давался обзор книг. По

словам Стендаля, Сотле покончил с собой из-за женщины. Арман Каррель

посвятил его кончине возвышенную и мрачную статью, сдержанно, без пошлых

фраз он писал об ушедшем друге, молодом, рано полысевшем, с милым, всегда

улыбавшимся лицом. Бальзаку было жаль "этого слабого, но чудесного юношу".

Однако вскоре события Июльской революции заслонили воспоминания о Сотле.

"Уступки погубили Людовика XVI, - заявил как-то Карл X, - у меня один

выбор: сесть в седло или в тележку, в которой везут на гильотину". Он не

сделал ни того, ни другого. В результате "Трех славных дней" (28, 29 и 30

июля 1830 года) Карл X был изгнан. Народ хотел республики; но Лафайет

вложил трехцветное знамя в руки Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, и

добился, что того провозгласили королем Франции. Страна была разделена на

враждующие лагери и продолжала бурлить. Бальзак в своем мирном уединении, в Гренадьере, очень мало интересовался происходящими событиями. Он

заканчивал "Трактат об изящной жизни", сочинял "Физиологию

гурманства", делал первые наброски к "Озорным рассказам", написанным в манере Рабле

"чудесным языком XVI века - щедрым, ярким и сочным". Госпожа де Берни

писала ему из Парижа, но в этих посланиях она говорила не о "Трех славных

днях", а о своей все возраставшей любви, о "любовном безумии, божественном

восторге".

"О нежная, сладостная надежда! Снизойди на мою душу, и я стану тебя

лелеять! Пошли мне моего милого, моего обожаемого властелина, возвести мне

его появление. Если хочешь, я воскурю фимиам на твоих алтарях и не стану

одолевать тебя множеством нескромных просьб, позволю себе лишь одну мольбу

и умолкну: мне нужен он, и только он. А там ты можешь рассыпать другим

свои благодеяния, хоть полными пригоршнями; я ни о чем больше не попрошу

ни тебя, ни великую вершительницу наших упований - судьбу.

Мой милый, само солнце как будто сговорилось с моей душою; нынче оно

дарует свежесть всей природе, подобно тому как наша любовь дарует свежесть

моему существу; неведомая сила приподнимает меня над землей, как будто

горние пределы ожидают меня. Быть может, я слышу приближение своего ангела”.

После подобной рапсодии ему оставалось только по привычке сказать “та-та-та!”, однако столь сильная страсть трогала Бальзака, и, хотя у него теперь были и другие возлюбленные, Dilecta с полным правом могла говорить о его “драгоценном и неизменном постоянстве”.

Он твердо решил возвратиться в Париж с охапкой рукописей под мышкой; писателя не слишком занимало, что былые его учителя - Вильмен, Гизо, Кузен - пришли к власти. При всякой перемене режима люди начинают охотиться за должностями. Приятели Бальзака получили различные посты: Жирардена назначили инспектором музеев и художественных выставок, Стендаль стал консулом в Триесте, Дюма - хранителем библиотеки, Филарет Шаль - атташе французского посольства в Лондоне. Бальзак для себя ничего не просил и даже осуждал их. Его политическое честолюбие шло дальше. Одна мысль сделаться правительственным чиновником приводила его в ужас. “Бальзак раскроет свою тайну лишь в тот день, когда станет министром, - писал позднее Арсен Уссэ. - Его спросили, когда это произойдет. Он ответил: “В тот день, когда Франция вспомнит о Ришелье”.

В сентябре он вернулся в столицу: Жирарден заказал ему для журнала "Волер" серию "Писем о Париже", в которых автор должен был рассказать читателям из провинции об Июльской революции и ее последствиях. Кроме того, супруги Карро просили Бальзака о поддержке, ибо над Сен-Сиром нависла угроза перемен. Ему понадобились подробные сведения о том, что именно у них происходит: "Завтра я обедаю с личным секретарем военного министра, это мой добрый приятель и славный малый, он мне ни в чем не откажет". Не ограничиваясь этим, Оноре решил посоветоваться со своей присяжной гадалкой, пользовавшейся у него полным доверием. Однако оба авгура - и секретарь министра, и гадалка - выказали одинаковую неосведомленность. "Держитесь за Политехническое училище, - рекомендовал Бальзак чете Карро, - ибо Сен-Сир почти наверняка будет упразднен". Училище в Сен-Сире упразднено не было, но майора Карро в июле 1831 года назначили инспектором пороховых заводов в Ангулеме; он с полным основанием воспринял это как немилость.

Поначалу "Письма о Париже" казались объективными и беспристрастными. Слишком беспристрастными, по мнению непримиримой Зюльмы Карро. Бальзак защищался. Ведь "Письма" должны были не столько дать представление "о

взглядах автора, сколько нарисовать правдивую картину различных политических течений и борющихся между собой идей”. Летом друзья в лирических тонах описывали ему Свободу на баррикадах - в духе известного полотна Делакруа; по возвращении из Тура Бальзак обнаружил, что в Париже царят спокойствие и скептицизм; он об этом и сказал. Писатель нарисовал запоминающиеся типы: воинствующий стратег из кафе “Коммерс”, готовый объявить войну всей Европе; ему противостоит рьяный поборник мира “достопочтенный землевладелец, чьи поместья расположены вдоль границ, где велись бы военные действия”. Бальзак безжалостно высмеивает дележ “добычи”. Все “победители Июля” желают стать супрефектами, консулами. “Разыгрывается настоящая комедия. Вы на каждом шагу встречаете fashionabies [светских щеголей (англ.)], у которых пулями пробиты… куртки их слуг… Вам покажут шестьсот героев, каждый из которых первым проник в Лувр”. Один из его друзей, доктор Меньер, перевязывал в больнице тех, кого ранили в июльский дни. Все они были из простонародья. А теперь буржуазия оттесняла из; от власти. Больше того, она обращалась с ними как с врагами. Правительство господ Тьера и Минье было не более

либеральным, нежели правительство Карла X. “Как видно, все правительства, - писал

Бальзак, - должны прибегать к одним и тем же плутням и манипулировать, подобно фокуснику, одним и тем же шариком”. В свое время либеральная

оппозиция поносила господина де Виллеля, требовавшего, чтобы

государственные служащие разделяли взгляды правительства; ныне, когда эта

самая либеральная оппозиция “приходит к власти, она издает циркуляры, обязывающие чиновников разделять ее взгляды”.

В первых “Письмах о Париже” Бальзак, критикуя новый режим, тем не

менее, казалось, принимал его. Но очень скоро наступило разочарование и

автор прямо заявил об этом в газете “Карикатура”. Он потешается там и над

Луи-Филиппом, и над Лафайетом, этим тщеславным и слабохарактерным

“героем”, и над Тьером, этим беззастенчивым карьеристом. Но чего хочет сам

автор? Новых выборов и прихода к власти молодежи. Геронтократия (власть

древних старцев и юных старичков) - главная причина бездарного правления.

Судьбу Франции отдали в руки людей ничтожных. Столбцы “Карикатуры”

заполнены хвастливыми тирадами господина Прюдома, нелепого и

торжествующего, насмешками над национальной гвардией - гротескным

порождением бюрократического режима. Кто ныне правит Францией? Победители

Июля? Вовсе нет. Бакалейщики, ловко похитившие победу! Кто направляет

июля? Вовсе нет. Бакалейщики, ловко похитившие победу! Кто направляет

внешнюю политику страны? Поборники национальных границ? Враги Священного

союза? Вовсе нет. Ее направляют люди, желающие добиться мира любой ценой, готовые спокойно взирать на то, как подавляют бельгийскую и польскую

революции.

Если невозможно проводить решительную политику за пределами страны, пусть по крайней мере внутренняя политика будет смелой и отважной. Полная

свобода печати! “Талантливый человек, подвергающийся преследованию, всегда

сильнее властей предержащих”. Пусть выборы депутата парламента не зависят

ни от какого ценза. Кандидату незачем платить столько налогов; чтобы стать

депутатом, достаточно быть французским гражданином не моложе двадцати пяти

лет. Это требование, бесспорно, отвечало интересам самого Бальзака, ибо

при всем своем безграничном честолюбии он понимал, что вынужден будет

считаться с существующим порядком избрания в парламент; но требование это

отвечало также интересам Франции. В глубине души Бальзак, сын чиновника

Империи, сохранил чувство восхищения перед Наполеоном; этот буржуа из

квартала Марэ желает свободы, но не равенства. Он смотрит на

квартала Марэ желает свободы, но не равенства. Он смотрит на социальный мир, как Кювье и Жоффруа Сент-Илер смотрели на мир животных, он наблюдает и в обществе ту же неумолимую классификацию, и это обрекает в его глазах на неудачу все утопические мечты.

Бальзака отнюдь не радует, что все в природе подчиняется непреложным законам, но он отдает себе в этом отчет; “Я не создаю нацию по собственному произволу, а принимаю ее такой, какова она есть”. Всякое организованное общество, по его словам, - результат охранительного договора, заключенного между богатыми и зажиточными и направленного против бедняков. Обездоленные восстают, но угнетатели постоянно одерживают верх. Даже те, кто совершил Французскую революцию, придя к власти и сделавшись богатыми и праздными, объявили ее идеи подрывными и опасными. Революция породила в конечном счете деспотическое правление Наполеона. А кто ниспроверг Наполеона? Меттерних и потомки тех, кто оказался жертвой Революции. Социальную лестницу может изменить лишь постепенная трансформация. Задача романиста - вычертить схему классов в обществе. Мир един. Развитие в нем идет от животного к ангелу через человека.

"Мистическая лестница Иакова, зоологическая лестница и лестница социальная; небесные сферы, животные виды и классы общества; постепенное развитие всего сущего, эволюция видов и честолюбие людей - вот три различных аспекта единой реальности". Таковы, по словам Гийона, философские взгляды, опираясь на которые Бальзак намерен был создавать свои произведения. Но самый процесс творчества несравненно сложнее, чем философская система.

XII. ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Небо полно аллегорий.

Ален

Жизнь убывает в прямой зависимости

от силы желаний.

Бальзак

Финансовое положение семьи ухудшалось. Госпожа Бальзак почти ничего не унаследовала от мужа. У нее было заемное письмо от Оноре - залог весьма ненадежный - да ее собственное имущество: ферма в Турени (она продала

ее в

январе 1831 года за 90000 франков) и скромный дом в Париже. Ей следовало

обеспечить детей Лорансы. У Лоры подрастали две дочери - Софи и Валентина, в один прекрасный день их надо будет, как принято в буржуазных семьях, “пристроить”. Стремясь увеличить свои доходы, Сюрвиль пошел на риск. В

1829 году он оставил незавидную, но надежную должность в ведомстве путей

сообщения и решил заняться строительством отводного канала в низовьях

Луары, между Орлеаном и Нантом. “Жизнь Сюрвиля - государственного

служащего закончилась: на сцене появился Сюрвиль-изобретатель”, - пишет

Анна-Мари Мейнингер.

В 1830 году Эжен и Лора поселились в Париже. “Покидая Версаль, они

ступили на путь, ведущий в Эльдорадо”. Между тем Сюрвиль не добился даже

официального подряда на строительство канала; он собирал деньги для

создания “акционерного общества по изысканиям”; в этой затее приняли

горячее участие Померели, их друг Шевалье де Валуа, доктор Наккар и

госпожа Бальзак, которая никогда не могла устоять перед самой ненадежной

спекуляцией. Инженер сулил прибыли, равные вложенному капиталу! Капитал

увеличится вдвое. Сногсшибательная спекуляция! Но вскоре “непримиримый

республиканец” Сюрвиль стал жаловаться на заговор (воображаемый), который устроили против него иезуиты. Оноре, неизменно находивший в семейных неприятностях источник для новых литературных замыслов, уже приступил к работе над “Административными злоключениями счастливой идеи” и придумал впрок превосходное название: “Страдания изобретателя”. В ту пору между ним и четой Сюрвилей существовали самые дружеские и родственные отношения. Пока что они делили только неудачи, но в один прекрасный день будут делить золотые россыпи. А в ожидании он внимательно наблюдал жизнь супругов.

Анри Бальзак не оправдал надежд матери. Ослепленная привязанностью к младшему сыну, она винила в слабых успехах не ученика, а его учителей. “Анри так несчастлив! Ребенка просто терзают… Надо будет перевести его в другой пансион”. Но это ни к чему не приводило. Мальчику не хватало усидчивости и энергии. В 1824 году семнадцатилетний Анри писал Лоре: “Что я сделал с начала года для того, чтобы продвинуться по избранному мною пути? Ничего”. Избалованный материнской любовью, не слишком способный юноша некоторое время мечтал о том, что в совершенстве изучит

несколько

иностранных языков и достигнет таким путем “высокого положения”.

Анри Бальзак - Лоре Сюрвиль:

”Думая о твоем муже, я думаю, что если когда-нибудь стану важным

английским милордом, то сделаю его своим главным инженером”.

Столь сногсшибательную фразу мог бы написать Оноре. Однако у Анри все

ограничивалось благими намерениями, и “переход от честолюбивых замыслов к

их осуществлению неизменно оказывался переходом от бесконечности к нулю”.

Безвольный, вялый, ни к чему не пригодный, “он менял одну службу за

другой, как ребенком менял пансион за пансионом”. Наконец 21 марта 1831

года Анри решил, что судьба ему улыбнулась: он сел на парусник “Магеллан”, отправлявшийся в колонии. В июне судно прибыло на остров Маврикий; Анри

сошел на берег и остался там.

Между тем Оноре развил кипучую деятельность. Газеты и журналы с лестной

для автора настойчивостью просили у него статьи, новеллы, повести. “Вы

теперь просто нарасхват”, - писал ему доктор Верон, издатель журнала “Ревю

де Пари”. “Физиология брака” принесла репутацию жуира, любителя

развлечений тому, “чьи многочисленные труды говорят об уединенной жизни…

многие читательницы будут весьма удивлены, узнав, что автор “Физиологии”

молод, живет, как старый чиновник, умерен, как сидящий на диете больной, пьет одну воду и работает без отдыха…” [Бальзак. Предисловие к

“Шагреневой коже”]. Бальзак писал остроумные статьи и очерки для

“Карикатуры” и “Моды” и в то же время вынашивал замысел крупного

произведения; он хотел вложить свой опыт и философию в роман “Шагреневая

кожа”.

В записной книжке, куда писатель заносил сюжеты, можно прочесть такую

запись: “Изобретение кожи, которая олицетворяет жизнь. Восточная сказка”.

Сначала Бальзак предполагал написать фантастическую повесть в духе Гофмана

и говорил об этом как о “сущем литературном пустяке”, где он все же

“попытается изобразить некоторые ситуации той жестокой жизни, какая

выпадает на долю гениальных людей, прежде чем они чего-либо достигнут”. В

основе сюжета должен лежать талисман - шагреневая кожа, все желания ее

обладателя исполняются. На куске кожи - надпись “на санскрите”, расположенная в виде треугольника:

ОБЛАДАЯ МНОЮ, ТЫ БУДЕШЬ ОБЛАДАТЬ ВСЕМ, НО ЖИЗНЬ ТВОЯ БУДЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ МНЕ.

ТАК УГОДНО БОГУ. ЖЕЛАЙ -

И ЖЕЛАНИЯ ТВОИ БУДУТ ИСПОЛНЕНЫ.

НО СОИЗМЕРЯЙ СВОИ ЖЕЛАНИЯ

СО СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ. ОНА - ЗДЕСЬ.

ПРИ КАЖДОМ ЖЕЛАНИИ Я БУДУ

УБЫВАТЬ, КАК ТВОИ ДНИ.

ХОЧЕШЬ ВЛАДЕТЬ

МНОЮ? БЕРИ. БОГ,

ТЕБЯ УСЛЫШИТ.

ДА БУДЕТ

ТАК!

Таким образом, при каждом исполнившемся желании кожа будет уменьшаться.

Когда от нее ничего не останется, ее владелец умрет. Похожий на скелет

старик антиквар, продающий талисман юному Рафаэлю, сумел дожить до ста лет

лишь потому, что остерегался не только чего-либо страстно желать, но даже

просто хотеть.

Чем больше размышлял Бальзак над этой легендой, тем больше философской глубины находил он в ней. Мысль о долголетии была ему хорошо знакома. Отец постоянно напоминал, что Фонтенель советует старикам быть экономными и в своих движениях, и в своих чувствах. В скупости проявляется их мудрость, ничего другого они не могут себе позволить. Между тем молодость жаждет "сумасбродных трат, неосторожности, сильных страстей, беспокойных поисков". И этим она торопит неминуемый крах. Старик антиквар, вручая талисман Рафаэлю де Валантену, говорит ему: "Сейчас я вам в кратких словах открою великую тайну человеческой жизни. Человек истощает себя безотчетными поступками, из-за них-то и иссякают источники его бытия. Все формы этих двух причин смерти сводятся к двум глаголам: желать и мочь".

Такая философия осуждает блестящую жизнь, роскошь, разгул и даже всякую деятельность. Как помнит читатель, Бернар-Франсуа советовал жить в деревне и питаться плодами земли. У Руссо также можно найти осуждение социальной жизни. "Общество есть путь к смерти", - в свою очередь, говорит Оноре. "Шагреневая кожа" будет не просто фантастической повестью в духе Гофмана. Бальзак перенесет легенду в современную ему эпоху и напишет

философскую

повесть. Его учитель Рабле в эпоху, пришедшую на смену аскетическому

средневековью, создал большой символический роман для реабилитации плоти; Бальзак, писавший после наполеоновской Империи, которую можно назвать

оргией действия, укажет с помощью другого символа на опасности, порождаемые стремлением к могуществу; его произведение отнюдь не будет

“сущим литературным пустяком”, оно воплотит дерзостный и блестящий

замысел. Он был способен это осуществить. “Впрочем, главное свойство

всякой настоящей легенды - это то, что сам автор не подозревает о

богатстве, которое в ней заключено”, - пишет Ален.

Итак, в январе 1831 года Бальзак продал Шарлю Гослену и Юрбену Канелю

за 1135 франков произведение в двух томах, озаглавленное “Шагреневая

кожа”; он должен был вручить его издателям 15 февраля. Писатель также

обещал Юрбену Канелю “Сцены военной жизни”. Никакая работа не пугала его, а обещания тем более. На деле же “Шагреневая кожа” подвигалась сначала

медленно. Бальзак много бывал в свете, он подружился с известным щеголем, романистом Эженом Сю, и с любовницей этого денди, Олимпией Пелисье, умной

и красивой куртизанкой; в ее салоне бывали герцог Фиц-Джеймс, герцог Дюра, Орас Верне, Россини, доктор Верон. Оноре любил это остроумное общество и

блистал в нем. Он встречал этих людей в кафе “Париж”, у Тортони, в

“Турецком кафе”. Иногда он поднимался в мансарду на набережной Сен-Мишель, откуда открывался вид на Собор Парижской Богоматери и Сену, и завтракал

отбивной котлетой и сыром у четы влюбленных - Авроры Дюдеван и Жюля Сандо, к которым он относился нежно и доброжелательно. “Этот Бальзак - чудесный

малый”, - говорила Аврора. А своему другу Шарлю Дюверне она писала: “О, либо вы поймете очарование господина Бальзака, либо вам в жизни не понять, что такое магия взгляда и родство душ”. У себя, на улице Кассини, Бальзак

давал пышные обеды. Один из его товарищей по Вандомскому коллежу горячо

благодарил Оноре за приглашение на такой обед.

Жозеф Фонтмуан - Бальзаку:

”Я никогда не забуду чудесных часов, проведенных на улице Кассини, не

забуду твоего неповторимого чтения, забавной торговли дынями, острот

гостей и шампанского, которое особенно опьяняло потому, что ему

сопутствовали сумасбродные, но прекрасные творения неподражаемого Монье”.

Словом, Бальзак не берег свой талисман.

Чтобы спастись от Парижа и его соблазнов, чтобы работать, он уехал в

марте к супругам Карро, а в апреле укрылся в Булоньере, в этом чудесном

поместье возле Немура, арендованном госпожой де Берни, где царило

меланхолическое уединение. Здесь так хорошо было трудиться! Однако в ненасытном уме Бальзака рождались новые безрассудные планы. Отчего бы ему не выставить свою кандидатуру на парламентских выборах 1831 года? Политика - кратчайший путь к богатству и славе. После революции 1830 года дорога людям нового склада, казалось, была широко открыта. Ламартин и Виктор Гюго заняли видное положение. Бартелеми и Барбье вновь вернули сатирической поэзии былую славу. Стендаль опубликовал в 1830 году “Красное и черное” - мрачное полотно, повествовавшее о судьбе плебея, порывающего со своим классом. Бальзак одно время мечтал принять участие в преобразовании государства. “Довольно с нас великих войн, - писал он, - мне кажется, наступило время великого мира”.

Правда, для того чтобы выставить свою кандидатуру на выборах, необходим был имущественный ценз - пятьсот франков налога с доходов, но Бальзак в своих грезах без труда преодолевал подобные препятствия. Где ему лучше баллотироваться? Он написал в три места: в Камбре, где у него был друг Самюэль-Анри Берту, сын типографа и владелец “Газетт де Камбре”; в Фужер, генералу барону де Померелю, и, наконец, в Тур, своему приятелю Амедею Фоше. “Дорогой генерал, - обращался он к Померелю, - сознаюсь откровенно: вспомнив о том, как трудно вам найти у себя в Фужере подходящего депутата, я подумал, что мне стоит предложить свою

кандидатуру вниманию ваших сограждан. Вам известны мои убеждения, и в нынешних обстоятельствах вы стали бы для меня настоящим отцом, если бы соблаговолили оказать мне покровительство и рекомендовать избирателям вашего округа”. Всем трем адресатам он послал политическую брошюру “Оценка деятельности двух правительств”, подписанную “Оноре де Бальзак”. Адвокат из Тура ответил письмом, где до небес превозносил новеллы Бальзака, опубликованные в “Ревю де Пари”, но добавил, что Оноре нельзя рассчитывать на политическую карьеру в Турени: “Недостаток вашей брошюры в том, что в ней отсутствует ясная программа, а в наше время необходимо недвусмысленно стать под знамена какой-либо партии”. Ответ генерала де Померeля был также неутешителен. Прежде всего взгляды автора брошюры не совпадали с убеждениями большинства обитателей Фужера, а главное - “они хотят видеть своим депутатом уроженца здешнего края”. Берту был настроен менее пессимистически и приглашал своего друга прибыть в Камбре. В это время Бальзак жил в Булоньере и лихорадочно работал над “Шагреневой кожей”. Какой писатель согласится пожертвовать воображаемым миром, который он сам творит, и творит успешно, ради реального мира, приносящего столько разочарований? Бальзак внезапно раздумал выставлять свою кандидатуру

разочарований? Бальзак внезапно раздумал выставлять свою кандидатуру на выборах и даже не поехал в Камбре.

В ту пору ходили слухи, что он якобы рассчитывал приобрести состояние и обеспечить себе имущественный ценз, женившись на некой Элеоноре де Трюмильи, дочери эмигранта, которого Людовик XVIII вознаградил за верность. Бальзаки состояли в родстве с бароном Малле де Трюмильи, проживавшим в Дуэ; говорили, будто политическая эволюция Оноре в сторону легитимизма объяснялась желанием понравиться барону. Все это малоправдоподобно, ибо такой брак мог дать Бальзаку нужный имущественный ценз только после выборов; что же касается политических убеждений писателя, то они имели куда более глубокие корни и были плодом его наблюдений и раздумий над людскими поступками.

Он близко видел охваченную байроническими настроениями молодежь, она была поражена болезнью века, с тоской вспоминала о блестящих победах Наполеона и питала отвращение к буржуазной монархии. Филарет Шаль, друг Бальзака, писал:

”Какое время!.. То была неповторимая эпоха, ныне отошедшая в прошлое.

Тогда слишком многого хотели, на слишком многое надеялись, полагались на собственные силы и растрачивали свой пыл направо и налево. Не задумывались над жизнью, не прислушивались к ней, а просто жили. Эту эпоху отличали сила, задор, порыв… Были ошибки, но ошибки благородные; блуждали по тропинкам, среди утесов, но шли вперед. Жили в шуме бурь, а не в молчании смерти”.

В “Шагреневой коже” Бальзак пытался показать эту духовную анархию. Его герой, Рафаэль де Валантен, в первый раз пожелав проверить могущество талисмана, требует оргии, пиршества, женщин. Желание Рафаэля исполняется самым естественным образом, и в этом проявилась гениальность писателя. Не успел Рафаэль сформулировать свое требование, как тут же, выйдя из лавки антиквара, столкнулся со своими приятелями Блонде и Растиньяком; молодые люди потащили его на роскошный обед, который давал удалившийся от дел банкир: не зная, куда девать золото, он решил променять его на духовные ценности - основать газету.

”…правительство, то есть банкирская и адвокатская аристократия, сделав… родину своей специальностью, как некогда священники - монархию, почувствовало необходимость дурачить добрый французский народ новыми

словами и старыми идеями, по образцу философов всех школ и ловкачей всех

времен. Словом, речь идет о том, чтобы внедрять взгляды

королевски-национальные, доказывать, что люди становятся гораздо

счастливее, когда платят миллиард двести миллионов и тридцать три сантима

родине, имеющей своими представителями господ таких-то и таких-то, чем

тогда, когда платят они миллиард сто миллионов и девять сантимов королю, который вместо мы говорит я”.

”Ах… мы на пути к тому, чтобы стать плутами большой руки!” -

простодушно воскликнул Рафаэль. Затем следовало описание блестящей и

циничной беседы:

”- Вы совершенно правы!.. Передайте-ка мне спаржу… Ибо в конце концов

свобода рождает анархию, анархия приводит к деспотизму, а деспотизм

возвращает к свободе…

- Э, милый мой. Наполеон по крайней мере оставил нам славу!

- Ах, слава - товар невыгодный. Стоит дорого, сохраняется плохо…

- Вы карлист!

- А почему бы и нет? Я люблю деспотизм, он подразумевает известного рода презрение к людям”.

Поглумившись и над свободой, и над монархией, захмелевшие гости обращают свои взоры на куртизанок.

Положив ноги на полуобнаженную очаровательную девицу, Рафаэль рассказывает о своей жизни до того дня, когда в его руки попал талисман: то была жизнь самого Бальзака, расцвеченная силой воображения. Молодой человек из знатной семьи, разоренный вследствие сумасбродств отца, одиноко живет в мансарде, где пишет труд “Теория воли”.

”Не признанный женщинами, я, помню, наблюдал их с проницательностью отвергнутой любви… Я решил отомстить обществу, я решил овладеть душою всех женщин… добиться того, чтобы все взгляды обращались на меня, когда мое имя произнесет лакей в дверях гостиной… я решил стать великим человеком”.

В Рафаэле много черт самого Бальзака. Автор, как и его герой, хочет всего: славы, богатства, женщин. Он знает, что владеет талисманом, который ему принесет все, и что талисман этот - его талант; он знает также, что растрачивает свои жизненные силы и что кончится это плохо. Растиньяк, ловкий карьерист, подлинный гасконец, считает Рафаэля человеком гениальным и вместе с тем глупцом. По мнению Растиньяка, ключ к успеху отнюдь не труд, а интриги, эгоизм, рассеянная жизнь. Проматывая состояние, человек как бы вкладывает его в друзей, в удовольствия, в возможных покровителей. Если расточитель и потеряет свои капиталы, ему, может быть, представится случай выгодно жениться, получить теплое местечко при министре или посланнике. Надо только опираться на друзей. Растиньяк представит Рафаэля графине Феодоре, первой красавице и самой модной женщине Парижа.

Рафаэль влюбляется в графиню. Он не признает любви в нищете.

"Ах, да здравствует любовь в шелках и кашемире, окруженная чудесами роскоши, которые потому так чудесно украшают ее, что и сама она, может быть, роскошь! Мне нравится комкать в порыве страсти изысканные туалеты, мять цветы, заносить дерзновенную руку над красивым сооружением благоуханной прически. Горящие глаза, которые пронизывают

скрывающую их

кружевную вуаль, подобно тому как пламя прорывается сквозь пушечный дым, фантастически привлекательны для меня”.

Но как покорить Феодору, когда у него нет даже тридцати франков? Здесь

воскресают горестные воспоминания бедного молодого человека. Уж он-то

хорошо знает, сколько расходов влечет за собой любовная страсть! кареты, перчатки (ох, до чего непрочны эти желтые или лимонного оттенка

перчатки!), фрак, белье. Но все жертвы напрасны, ибо Феодора - женщина без

сердца. Однажды поздно вечером Рафаэль проникает в ее спальню и прячется

за занавесом. Он созерцает самое прекрасное тело; он обнаруживает самую

низкую душу. “Надо было забыть Феодору, исцелиться от своего безумия, вернуться к заполненному трудом одинокому существованию или умереть”.

Говорили, будто сам Бальзак был героем подобной сцены и разыгралась она

в спальне Олимпии Пелисье. Но очаровательная куртизанка отнюдь не походила

на этот блестящий и насмешливый призрак; Олимпия отдалась бы (она так и

поступила) без ложного стыда. Она писала ему более чем дружеские письма.

Феодора не была ни Олимпией Пелисье, ни княгиней Багратион, ни мадемуазель

Марс, ни какой-либо другой женщиной, она - символ, рожденный в мозгу Бальзака, и в ней воплотились черты доброго десятка женщин.

Рафаэль обращается за советом к различным ученым (медицинские и другие научные книги, прочитанные Оноре, сослужили ему хорошую службу), но шагреневая кожа все уменьшается в размерах, и теперь уже ее можно поместить в жилетном кармане. У Валантена остается только один шанс выжить - он должен походить отныне на старика антиквара и больше ничего не хотеть. Однако, увидев свою возлюбленную полуобнаженной, он пожелал ее. Этот порыв слился с предсмертным хрипом юноши.

Книга получилась прекрасная. Фантастика в ней искусно переплеталась с реальностью, и в этом было новаторство автора. Бальзак создал поэму о своей алчущей обездоленной молодости. И за всем этим таилась глубокая философия. Автор надеялся на успех и добивался поддержки прессы.

Бальзак - Шарлю Гослену:

”Я могу взять на себя, и не без пользы: во-первых, “Тан”; во-вторых, “Ревю де Пари”; в-третьих, “Насьональ”; в-четвертых, “Фигаро”; в-пятых, “Мессаже”; в-шестых, “Ревю де Де Монд”; в-седьмых, “Моду”; в-восьмых, “Котидьен”; в-девятых, “Авенир”; в-десятых, “Волер”.

Я берусь проследить за тем, чтобы статьи появились в скором времени и

были благожелательны, что намного уменьшит ваши хлопоты как издателя сейчас, когда у вас столько семейных забот”.

Чтобы гарантировать себе благожелательность критики, он иногда писал статьи сам. “В этих двух томах талант господина Бальзака достигает гениальности” (“Мода”). “Мы не только питаем дружбу к господину Бальзаку, он вызывает у нас восхищение”. Подписано: “Граф Алекс де Б.***”. (Мнимый граф - сам Бальзак.) Автор предвидел, что первое издание книги быстро разойдется; Гослен должен быть готов к тему, чтобы незамедлительно переиздать ее. В противном случае “вы упустите возможность продать большое число экземпляров, а упущенную возможность в таком деле не вернешь”. Книгу и в самом деле невозможно было достать. В читальных залах на нее записывались в очередь.

Шарль Филипон - Бальзаку, 7 августа 1831 года: “Дражайший мой повелитель, вы легко поверите, что “Шагреневую кожу” раздобыть нельзя. Гранвилю, решившему ее прочесть, пришлось отложить все дела, ибо хранитель библиотеки каждые полчаса присылал справляться, не закончил ли он чтение. Этот человек приговаривал по примеру дам: “Вы слишком медлительны! Поторопитесь!” Одибер и я безуспешно пытались достать

достать

сию чертову книгу: на нее заранее записываются”.

Жан де Маргонн - Бальзаку, 10 августа 1831 года: “Пишу вам из Тура, куда я приехал вчера вечером. Нынче утром я спросил “Шагреневую кожу”, об успехе которой сообщали газеты; книга прибыла почти сразу же после выхода в свет, но ее так усердно читают, что я никак не мог получить ее”.

Аврора Дюдеван и Жюль Сандо писали, что они начали читать “Шагреневую кожу” и оторваться от нее не могут. То было блистательное подтверждение успеха, начало которому положили “Физиология брака” и “Сцены частной жизни”. Молодой уроженец Турени, еще три года тому назад никому не ведомый, выпустив три книги, сделался предметом соперничества издателей, баловнем книгопродавцев, излюбленным автором женщин. Наиболее прозорливые люди предсказывали, что он станет великим писателем. “Шагреневая кожа” была не просто занимательной легендой, она давала картину клонящейся к упадку цивилизации. В сцене, изображавшей пиршество у банкира, журналисты и художники высмеивали общепринятые представления и идеи: то был какой-то

“шабаш умов”. Все им казалось ложью. От дворца и парламента власть переходила к банкам, адвокатам, редакциям газет. Для столь безнравственного и жестокого мира нужна была сильная власть. Бальзак мечтал создать большой роман, который доказывал бы необходимость политики укрощения.

Все, что он пишет в ту пору, проникнуто подобным пессимизмом. Он обещал издателю Гослену серию фантастических повестей. Они были пропитаны горечью. В “Эликсире долголетия” отец дона Хуана, умирая, просил сына натереть его после смерти таинственным эликсиром, который должен воскресить его… Дон Хуан, уже много лет жаждущий завладеть наследством отца, не выполняет последней просьбы покойного и сохраняет эликсир для себя. Прожив долгую разгульную жизнь, он на пороге кончины в свою очередь просит сына оказать ему услугу, в которой сам отказал отцу. Сын выполняет отцовскую волю, но, испугавшись оживающего трупа, роняет флакон, не успев закончить дело. Церковные власти, засвидетельствовав чудо, торжественно причисляют дона Хуана к лику святых.

В “Красной гостинице” некий немец, находящийся проездом в Париже, вспоминает за обедом у банкира историю преступления, совершенного в 1799

году в Андернахе. Он не подозревает, что убийца, Жан-Фредерик Тайфер, ставший богатым и уважаемым финансистом, сидит с ним за одним столом.

Нынешнее благосостояние убийцы покоится на преступлении, которое он совершил в молодости; оно осталось для него безнаказанным, а осужден был невиновный, который также собирался совершить убийство и скомпрометировал себя приготовлениями к нему, но самого преступления не осуществил (мы сталкиваемся здесь с принципом “Шагреневой кожи”: желание, намерение - уже сами по себе действие). Рассказчик угадывает ужасную правду, заметив странное поведение Тайфера, который до такой степени потрясен повествованием Германа, что поспешно выходит из комнаты, у него начинается жестокий нервный припадок. Надо сказать, что сам рассказчик влюблен в дочь убийцы. Викторину Тайфер. Может ли он, не испытывая угрызений совести, жениться на ней и таким образом унаследовать богатство, добытое ценой кровавого преступления? Друзья, у которых он спрашивает совета в столь щекотливом деле, в один голос высказываются за брак. “Что стало бы с нашим обществом, если бы мы вздумали доискиваться происхождения всякого богатства?”

Друг Бальзака Филарет Шаль написал к “Философским повестям и

рассказам”

предисловие, в котором хвалил автора не только как рассказчика, но и как мыслителя.

”Он видит, как выставляет напоказ блестящие побрякушки пораженное недугом общество, как украшает себя этот умирающий, как судорожно цепляется за жизнь этот полутруп… Противополагая глубокой внутренней опустошенности социального организма эту показную лихорадочную деятельность, его погребальное великолепие, автор счел… что в самом этом контрасте есть некая магия, что весьма интересно показать, как действуют социальные пружины, скрытые под великолепной оболочкой и движимые корыстолюбием… Рассказчик, кладущий в основу произведений тайную преступность, разложение и безнадежную тоску своей эпохи, мыслитель и философ, стремящийся описать разрушения, которые способна причинить мысль, - таков господин де Бальзак”.

О такой именно роли и мечтал Бальзак - о роли мыслителя-мизантропа, которому не чуждо при этом веселое остроумие. К ноябрю 1831 года его известность достигает таких размеров, что пробуждает в литературных кругах вражду к нему. Шарль Рабу, сотрудник “Ревю де Пари”, предостерегал Бальзака против зависти литераторов и предупреждал его, что Жюль Жанен, влиятельный критик, намеревается остановить стремительное

Жанен, влиятельный критик, намеревается остановить стремительное восхождение

Бальзака, сама внезапность которого казалась оскорбительной для других: “Он сумел убедить в этом редакцию “Деба”, и там ненавидят вас теперь всеми

фибрами души. Поднялась целая буря… Ну ничего! Сплотим свои ряды, черт

побери!” Молодой Бальзак постигал, что слава писателя отнюдь не доставляет

удовольствия его “друзьям”. Еще одна утраченная иллюзия.

Злоба пыталась преградить ему путь к успеху. Пресловутая частица “де”

давала превосходный повод для насмешек. Он не сразу прибавил ее к своей

фамилии; “Шуаны” и “Сцены частной жизни” были подписаны: “Оноре Бальзак”.

В апреле 1831 года писатель рискнул начертать на обложке политической

брошюры “Оноре де Бальзак”, но уверял, что это недоброжелатели прибавили

“д’Антраг”, чтобы поставить его в смешное положение. Ему было суждено всю

жизнь служить мишенью для самых нелепых, самых несуразных, самых

клеветнических нападок на его личность и на его творчество. Зависть

умеряет свое бешенство, только вдоволь насладившись своей низостью.

Однако, несмотря на все препятствия, черты “выдающегося человека” все

яснее проступали в облике Бальзака. Еще в те времена, когда писатель по

необходимости брался за любую литературную работу, он различал в

необходимости брался за любую литературную работу, он различал в тумане будущего контуры своего эпического творения. Уже в 1820 году в своей мансарде Оноре строил грандиозные, хотя и расплывчатые планы. Даже тогда, когда Бальзак еще писал в манере Пиго-Лебрена, он помышлял о Данте и Шекспире. Выводя на сцену своих “двойников” - Рафаэля из “Шагреневой кожи”, Виктора Морийона из вступления к “Молодцу”, - он наделял их гениальностью, которой хотел обладать и которую предчувствовал в себе с самого детства.

Выдающийся человек, даже если он прежде всего писатель, не может оставаться равнодушным к политической и религиозной жизни своей страны. Беспорядки, последовавшие за “тремя главными днями”, сцены вандализма, когда обезумевшая толпа громила в Париже архиепископский дворец, оскверненные шедевры религиозного искусства - все это внушило Бальзаку отвращение к Июльской монархии. “Наступит час, когда добрая половина французов станет тайно или открыто сожалеть об уходе этого старца с детской душою и скажет: “Если бы революции 1830 года только еще предстояло совершиться, она бы не совершилась вовсе”. Что послужило причиной кровопролитных мятежей в Лионе? Нищета тамошних ткачей (выделывавших шелка), бесчеловечный эгоизм торговой буржуазии, система производства товаров без заботы об их сбыте Сторонники Сен-Симона призывали в то

время к улучшению участи рабочего класса, к разделу богатств. Бальзака интересует нравственная сторона проблемы. По его мнению, буржуазная посредственность недостойна управлять страной, ибо она думает о собственной выгоде, а не о своем долге. “В государстве нет больше религии, - пишет он и тут же уточняет: - Я не собираюсь читать нравоучения, я говорю о религии с точки зрения высокой политики”.

Долгое время его взгляды на религию были двойственными. Под влиянием отца и философов XVIII века Оноре считал догматы и обряды нагромождением предрассудков. Но уже в детстве, в кафедральном соборе Тура и в Вандомском коллеже, он испытывал глубокое Волнение, слушая церковные песнопения и гармонический перезвон колоколов. Нередко он приходил в собор святого Гасьена и в одиночестве внимал “неизъяснимо величавой тишине, стремясь ощутить священный трепет”. После 1830 года Бальзак признает политическую необходимость и тактическую полезность католицизма. Религия означает связь, а что еще, кроме общей веры, может связать воедино людей различных классов?

В 1831 году он публикует символическую новеллу “Иисус Христос во

Фландрии”, на которую его вдохновила старинная брабантская легенда. Время действия новеллы не обозначено, и в эту неизвестную эпоху какое-то суденышко несет пассажиров с острова Кадзан в Остенде. На корме расположились богатые и знатные пассажиры, на носу - бедный люд. В последнюю минуту появляется человек с белокурыми волосами, разделенными прямым пробором, он занимает место среди бедняков. Поднимается ужасная буря. Люди, сидящие на корме, бледнеют и в смертельном страхе отчаянно кричат: “Погибаем!” Владелец суденышка командует: “Вычерпывайте воду!” - и начинается борьба с морской стихией. Судно тонет. Светлоликий Незнакомец возглашает: “Кто верует, тот спасется. Следуйте за мной!” Он шагает по волнам, и те, кто ему поверил, не колеблясь, как и он, ступают по воде. Богачи и знатные идут ко дну. Любопытная черта, характерная для Бальзака: владелец судна, человек действия, а не веры, цепляется за доску, борется изо всех сил, как и подобает человеку, и он тоже спасен. “На этот раз пусть будет так, - говорит ему Незнакомец, - но впредь поостерегись, а не то послужишь слишком дурным примером”.

Должен ли человек исполниться смиренной веры? Бальзак прибавляет к легенде еще один аллегорический образ: Церковь. Он грезит в кафедральном

соборе, воздвигнутом в память чудесного спасения тонущих, как вдруг какая-то высохшая старуха берет его за руку и кричит: “Защити меня, защити меня!” Она увлекает его в какую-то комнату, обтянутую изодранной обивкой, где лежат старые покровы, позолоченная медная утварь. “Я хочу навсегда даровать тебе счастье, - говорит она, - ибо ты мой сын!” И тогда сквозь морщинистый лик ужасной старухи проступают черты юной женщины, прекрасной и прямодушной, какой она была когда-то. “Ага, теперь я тебя узнаю, - говорит он. - Несчастная, зачем ты стала блудницей?.. Оскорбляя человека, радуясь при виде того, до чего может дойти людская глупость, ты приказывала своим возлюбленным ползать на четвереньках, отдавать тебе свое имущество, сокровища, даже собственных жен… Ты без всякой причины погубила миллионы людей, понуждая их устремляться с Запада на Восток. Ты сошла с высот мысли, чтобы усесться рядом с королями… Ты требовала крови, будучи уверена, что получишь ее… Зачем ты живешь?.. Где твои сокровища?.. Что хорошего ты совершила?”

При этом вопросе старуха распрямляется, начинает расти на глазах, светящееся облако окутывает ее; затем она вновь появляется, белоликая и молодая, в одеянии из льняного полотна. “Взирай и веруй!” - произносит она. И тогда его взору предстают тысячи храмов, он любуется их каменной резьбою; в ушах его звучат чудесные мелодии. Миллионы людей

устремляются в

эти храмы, спасая творения литературы и искусства, помогая беднякам. Потом

ослепительный свет меркнет, и юная красавица вновь превращается в

отталкивающую старуху, рубище ее похоже на саван. “Веры больше нет!” - с

горечью говорит она. И Бальзак заключает: “Я увидел, что кафедральный

собор окутался тьмою, как человек, завернувшийся в плащ. Верить, - подумал

я, - значит жить! Я недавно наблюдал погребальный кортеж монархии, надо

защитить церковь!”

Последнюю фразу писатель прибавит только в 1845 году, при переиздании

новеллы. Но под произведением стоит дата: “февраль 1831 года”, и этого

достаточно, чтобы понять, что представлял собою в ту пору католицизм и

монархизм Бальзака. Он увидел, как на корабле, увозившем вместе с Карлом X

церковь и монархию, “исчезали также в тумане и одетые в траур искусства”.

И все-таки, жалея об уходящем в изгнание старом короле, он отдает дань

уважения республиканцам; Арман Каррель станет одним из его героев, и

Бальзак придаст позднее прекрасные черты Карреля образу Мишеля Кретьена.

Истинное величие (а оно всегда живо в Бальзаке) проявляется в том, что

человек признает и почитает также величие своих противников. Впрочем, разве у него были противники? Ведь его гений состоит в том, чтобы все понимать. В этом сила романиста, и в этом же слабость человека действия.

XIII. СУМАСБРОДСТВА И ЗАТВОРНИЧЕСТВО

Мое будущее, - сказал он себе, - зависит

от женщины, принадлежащей к этому обществу.

Бальзак

Тысяча восемьсот тридцать первый год, принесший Бальзаку литературный успех, казалось бы, должен был принести ему и финансовое благополучие. Писатель получил 1125 франков за “Шагреневую кожу”, 3750 франков за “Сцены частной жизни”, 5250 франков за “Философские повести и рассказы” и “Озорные рассказы”, 4166 франков за статьи в журналах и газетах, то есть всего 14291 франк - гораздо больше, чем нужно холостяку, чтобы жить на широкую ногу. Между тем его долги возросли еще на 6000 франков. К концу года их общая сумма составляет 15000 франков (не считая 45000 франков, которые он задолжал матери). Почему так произошло?

Потому что он совершенно не умеет противостоять соблазнам. Долгое воздержание рождает стремление к излишествам. Подобно Рафаэлю де

воздержание рождает стремление к излишествам. Подобно Рафаэлю де Валантену, Бальзак многие годы мечтал о пышных пирах, об экипаже с мягким сиденьем, о великолепных лошадях. Теперь он хочет превратить эти грезы в действительность. Счета за шампанское и различные яства от ресторатора растут с головокружительной быстротою; под влиянием Эжена Сю и его приятелей Бальзак становится не то чтобы денди, ибо его отвращают “благоглупости, которые англичане совершают у себя с торжественным и хладнокровным видом”, но “человеком, следующим моде”. Портной Бюиссон сшил ему нового платья на 631 франк: Оноре заказал ему три белых халата - в этом свободном одеянии, напоминавшем монашескую сутану, писатель, опоясавшись золотым шнуром с кистями на конце, работал. Своего издателя, Юрбена Канеля, он просит прислать в уплату за новеллу двенадцать пар лайковых перчаток лимонного цвета (ох уж эти светло-желтые перчатки, он ими просто бредит!) и пару перчаток из оленьей кожи. Счета книгопродавцев и самых прославленных переплетчиков не менее разорительны.

Затем в сентябре 1831 года он совершает последнее безрассудство - покупает лошадь, кабриолет, фиолетовую полость с вензелем и короной, вышитыми козьей шерстью; месяц спустя он приобретает вторую лошадь. Для ухода за ними нужен слуга, грум, или, как в ту пору выражались, “тигр”; на

эту должность Бальзак нанимает миниатюрного Леклерка, для которого Бюиссон

сошьет голубую ливрею, зеленую американскую куртку с красными рукавами и

тиковые панталоны в мелкую полоску. В таком экипаже можно поехать и в

Оперу, и к Итальянцам - словом, достойно выглядеть рядом с Латур-Мезрэ или

Эженом Сю.

Латур-Мезрэ играет в ту пору довольно видную роль в жизни Бальзака.

Этот король парижской моды, с которым Оноре дружит, одновременно

становится для писателя прототипом его персонажей. Сын нотариуса из

Аржантана, Латур-Мезрэ воспитывался вместе с Эмилем де Жирарденом в

коллеже этого городка; он принимал деятельное участие в изданиях школьного

товарища, ставшего магнатом прессы, - в журналах “Волер”, “Мода”. Высокий, с обрамлявшей лицо бородкой и непокорной прядью темных волос, язвительный

и надменный, провинциал Латур-Мезрэ покорил Париж. Этот светский лев

смотрел на парижские бульвары, как на свою империю, на кафе Тортони - как

на таверну дьявола, на Оперу - как на гарем. Здесь он вместе с друзьями

занимал ложу-бенуар возле самой сцены; ее позднее окрестили “инфернальной

ложей”. У Бальзака также одно время было там свое место, но затем он

перестал вносить долю, хотя приятели потребовали от него уплатить

деньги, прислав дерзкое письмо, адресованное “Господину де Бальзаку д’Антраг де ла

Гренадьер”. Каждый день Латур-Мезрэ украшал петлицу своего фрака белой

камелией. Это стоило недешево, и благодаря цене цветка и неизменности

привычки камелия в петлице стала “отличительным признаком светского льва”.

Маниакальные пристрастия приносят известность скорее, нежели добродетели и

талант.

От Латур-Мезрэ неотделима знаменитая чета Жирарденов. Всесильный Эмиль

женился в 1831 году на дочери Софи Гэ. Его жена Дельфина в девические годы

была златокудрой и смеющейся музой юных романтиков. Став госпожой де

Жирарден, она полновластно царила в небольшом кружке; быть принятым там

после спектакля в Итальянской опере или перед балом считалось не только

удовольствием, но и честью; в гостиной, обтянутой зеленоватым шерстяным

штофом, собирались Ламартин, Гюго, Сю, Дюма и любимец Дельфины Бальзак.

“О, до чего забавен был вчера Бальзак!” - говорила она Латур-Мезрэ, и тот

слегка завидовал. Бальзак, уже завоевавший популярность у читающей

публики, молодой писатель и талантливый журналист, придавал немало

блеска

газетам и журналам Жирардена.

Вскоре нашему новоявленному маркизу Карабасу жилище на улице Кассини

показалось слишком тесным. Он снял во флигеле еще один этаж. Отсюда -

очередные счета от маляра, декоратора и, естественно, опять мебель, ковры.

Главным образом ковры - пушистые, мягкие, разорительные. Экая важность!

Ведь ветер-то дует в корму. Жирарден писал Бальзаку: “Мы отправляемся к

издателю, который своим состоянием обязан вам”. И все же те, кто любит

Оноре, обеспокоены его долгами - старыми и новыми - и рассеянным образом

жизни, который он ведет. Преданная сестра Лора Сюрвиль посылает ему

немного денег, но при этом восклицает: “Берегись!” И просит: “Будь

благоразумен!” Зюльма Карро, живущая, точно в изгнании, при Ангулемском

пороховом заводе, сожалеет, что человек столь выдающегося ума вращается в

свете, который, по ее мнению, недостоин его.

Зюльма Карро - Бальзаку, 8 ноября 1831 года: “Прошло уже и 20 августа, и 20 сентября, а затем и 20 октября; я все

ждала вас, но тщетно: ни одного слова, ни одного свидетельства, что вы

помните меня! Нехорошо это, Оноре. Я была сильно огорчена, хотя и не отнесла еще вас к числу тех друзей, которых мы уже не решаемся называть друзьями с той поры, как покинули Политехническое училище. Одно только и смягчило для меня горечь столь полного забвения: я приписываю его лишь новым успехам, которых вы, без сомнения, за это время добились… Вы по-прежнему можете рассчитывать на меня, когда почувствуете потребность излить душу. Карро говорит, что вы просто боитесь набраться провинциальной вульгарности; но, дорогой Оноре, если в Париже вы можете вести привычный для вас изысканный образ жизни, находите ли вы там настоящую привязанность, которую всегда встретите у нас, во Фрапеле?..

Посвятив себя описанию чувств вымышленных персонажей, вы поневоле пренебрегаете не менее ценным сокровищем - собственными чувствами. Вот почему я остерегусь прибавить к бремени, и без того слишком тяжкому, те требования, о которых говорю; я не хочу и никогда не хотела той нежной дружбы, какую вы предлагаете женщинам… Я притязаю на чувства более возвышенные. Да, Оноре, вы должны уважать меня в такой степени, чтобы, так сказать, держать в резерве; и если какая-либо несбывшаяся надежда омрачит

вашу радость, если разочарование ранит ваше сердце, тогда вы призовете меня и увидите, что я достойным образом отвечу на ваш зов”.

Славный доктор Наккар время от времени дает Оноре в долг без отдачи четыреста или пятьсот франков и при этом пишет ему: “Продолжайте свой путь к величию - во славу родины и на радость друзьям”. К концу 1831 года Бальзак потратил раза в три больше, чем за предыдущий год. Зато он и пожил в свое удовольствие. Каким счастливым, должно быть, чувствовал себя тот самый молодой человек, который совсем еще недавно был никому не известен, беден и с высоты кладбища Пер-Лашез бросал вызов Парижу, а теперь сидел в кафе Тортони за одним столиком с прославленными парижанами, модными писателями и красивыми куртизанками вроде Олимпии Пелисье! Он знал, что его пылкое остроумие ценят.

Олимпия Пелисье - Бальзаку, 2 января 1832 года: “Могу ли я рассчитывать на вас в следующий понедельник, 9 января? У меня будет обедать Россини. Не правда ли, приятно начать год в таком обществе? Вот почему я особенно надеюсь на ваше любезное согласие. После отдыха вы, верно, будете в ударе”.

А вот еще одно письмо, присланное ему несколько месяцев спустя.

Дельфина де Жирарден - Бальзаку, 9 мая 1832 года: “Мы вас целый век не видели. Приходите к нам завтра вечером, расскажете, что у вас новенького. Вас будет ждать страстный поклонник

последней вашей книги и добрые друзья, которые не могут простить, что вы

их забываете… До завтра, хорошо?”

Без сомнения, за кулисами этой бесподобной жизни таилась тревога из-за

неоплаченных счетов, страх перед судебными приставами, бедствующие родные, но чем больше у человека забот, тем больше он хочет забыться. В глубине

души этот уже известный писатель все еще оставался неунывающим мальчишкой.

Он наслаждался внешними признаками триумфа, этим пиршеством ума и чувств.

Он так жаждал славы, что теперь упивался своим успехом; бедность была для

него столь мучительна, что он просто смаковал роскошь, пусть даже

приобретенную в долг. Бальзак играл сейчас новую роль - роль триумфатора.

А когда дела его начинали идти из рук вон плохо, он покидал сцену и вручал

бразды правления матери; охая и жалуясь, она все же проявляла

самоотверженность и наводила кое-какой порядок в доме сына. Для самого же

Оноре наступала пора затворничества: он находил приют либо в Булоньере у

госпожи де Берни, либо в Саше у Жана де Маргонна, либо в Ангулеме у Зюльмы

Карро - здесь он чувствовал себя в безопасности от кредиторов и писал Для

вечности.

Бальзаку, этому раблезианцу, была несвойственна показная добродетель, но он считал, что писатель, насколько это возможно, должен соблюдать

целомудрие. Человек, избегающий плотских наслаждений, сохраняет силы, мысли его становятся более возвышенными. Тем не менее у него по-прежнему

были две любовницы. Лора де Берни все еще для него Dilecta: эта

незаменимая помощница при чтении корректур, как всегда, была ласковой и

любящей. Герцогиня д'Абрантес дорожила им потому, что он помогал ей в

литературных занятиях, и потому, что он развлекал ее. Кроме того, Бальзак

получал множество писем от незнакомых читательниц его романов. В октябре

1831 года пришло очередное письмо; оно было подписано вымышленным

английским именем и поразило его. Письмо было адресовано: Париж, господину

Бальзаку. Почта каким-то чудом разыскала Бальзака сперва на улице Кассини, а затем в Саше. Таинственная корреспондентка упрекала

писателя за цинизм

“Физиологии брака” и за его несправедливые суждения о женщинах. В ответном

письме Бальзак благодарил ее; он говорил: “Ваши укоры косвенно льстят мне, ибо они свидетельствуют о сильном впечатлении, произведенном моими

книгами”.

”Для женщины, уже изведавшей жизненные бури, смысл моей книги в том, что вину за все прегрешения, совершенные женами, я полностью возлагаю на

их мужей. Это безоговорочное отпущение грехов. Не думайте, что ваше

письмо, где так много трогательных жалоб, естественных для женского

сердца, оставляет меня равнодушным; симпатия, возникшая в душе

читательницы, живущей так далеко от меня, - истинное сокровище, все мое

богатство, она дарует мне самые чистые радости”.

Тронутая столь щедрым посланием (четыре страницы большого формата, написанные таким занятым человеком, - немалая честь!), корреспондентка

открыла свое настоящее имя. То была маркиза де Кастри, урожденная

Клэр-Клеманс-Анриетта де Майе; она принадлежала к самой изысканной

аристократии Сен-Жерменского предместья. Жизнь этой женщины могла бы

послужить сюжетом для романа. Ее брак с маркизом (впоследствии

герцогом) де Кастри был несчастливым; в 1822 году она повстречала Виктора фон Меттерниха, сына австрийского канцлера, очаровательного и хрупкого юношу романтического склада. Маркиза де Кастри обожала его. Расставшись с мужем, она стала жить с Виктором, и от этой связи в 1827 году у нее родился сын Роже. По просьбе канцлера, деда мальчика, австрийский император даровал дворянство этому незаконнорожденному ребенку, ставшему впоследствии бароном фон Альденбургом.

Вскоре маркиза де Кастри упала с лошади и серьезно повредила себе позвоночник, она на всю жизнь осталась почти калекой. В 1829 году ее возлюбленный, Виктор фон Меттерних, умер от чахотки. Разбитая телом и душою, осуждаемая светом, который не желал простить ей скандальной связи, Анриетта жила то в замке Лормуа у своего отца герцога де Майе, то в замке Кевийон у своего дяди герцога Фиц-Джеймса. Фиц-Джеймс, знатный вельможа, состоявший в родстве с династией Стюартов (в Англии частица “Фиц” указывает на то, что ее обладатель - незаконнорожденный потомок члена королевского дома), встречал Бальзака у Олимпии Пелисье. Так что маркиза знала, какому человеку она адресует свое послание.

Во втором письме она пригласила Бальзака нанести ей визит. Он выразил глубокую признательность за этот знак доверия.

глубокую признательность за этот знак доверия.

Бальзак - маркизе де Кастри, 28 февраля 1832 года: “В жизни редко встречаешь благородное сердце и подлинную дружбу; я же в особенности не избалован искренним отношением людей, на поддержку которых мог бы опереться, и принимаю ваше великодушное предложение, хотя боюсь, что много потеряю в ваших глазах при личном знакомстве. Не будь я по горло занят срочной работой, я поспешил бы выразить вам свое глубочайшее уважение с той сердечной откровенностью, какая вам так дорога; однако, хотя я давно уже веду упорную борьбу против невзгод, которыми порядочный человек может только гордиться, мне надо сделать еще немного усилий, и лишь тогда я завоюю право на несколько свободных часов, когда не буду чувствовать себя ни литератором, ни художником, а смогу быть самим собою; эти-то часы, если позволите, я хочу посвятить вам”.

Вожделенный час наступил, и Бальзак был просто потрясен встречей. В пору своего злополучного замужества маркиза де Кастри была так свежа, так хороша собой, ее рыжие волосы так оттеняли белоснежный лоб, что, “когда эта двадцатилетняя красавица в ярко-красном платье, открывавшем плечи, достойные кисти Тициана, переступала порог гостиной, она буквально затмевала сияние многочисленных свечей”, - вспоминает Филарет Шаль. В 1832

1832

году маркизе, по ее словам, было тридцать пять лет, после злосчастного

падения с лошади она с трудом передвигалась, но все еще сохраняла красоту

и очарование. А потом, как приятно было въехать во двор великолепного

особняка на улице Гренель-Сен-Жермен, восседая с хлыстом в руке в новом

кабриолете, на запятках которого пристроился грум в яркой ливрее! Тем не

менее после первого визита Бальзак как будто бы пошел на попятный: “Как ни

сладостно сочувствие женщины, оно ранит еще больше, чем насмешка; когда

порыв души и воображение сливаются воедино, это может далеко завести. А

так мне удастся сохранить о вас воспоминание, исполненное чарующей

прелести”.

Было ли это тонко обдуманным кокетством писателя? Так или иначе, но он

опять появился у своей новой приятельницы и преподнес ей несколько

рукописей: “Мировая сделка” (“Полковник Шабер”), “Поручение” и “Свидание”.

Бальзак - маркизе де Кастри, между мартом и маем 1832 года: “Но довольно о моих литературных делах. Теперь, пожалуйста, позвольте

выразить вам свою признательность, глубокую признательность за те часы, которые вы мне посвятили. Они навсегда запечатлелись в моей памяти, как

дотоле незнакомые стихи, как мечты, что рождаются в минуты небесного блаженства или те минуты, когда слушаешь прекрасную музыку. Я бы сказал вам, что начинаю страшиться столь сладостных и пленительных мгновений, если бы вы, как мне кажется, не стали выше таких банальных комплиментов; вам нельзя льстить, а нужно говорить только правду, это и будет свидетельство самого почтительного уважения”.

Он уже лелеет безрассудные надежды. Стать любовником одной из самых недоступных аристократок - какая победа! “Одержимый неистовым чувством, в котором тщеславие причудливо перемешивалось с любовью, Бальзак был в ту пору будто околдован этой женщиной”, - пишет Бернар Гийон. Он никогда не понимал любви в бедности. Утонченность и изысканность маркизы приводили его в восторг. Госпожа де Кастри, казалось, испытывала к нему нежную привязанность, она до поздней ночи позволяла ему оставаться у нее в будуаре, но держала его на почтительном расстоянии. 16 мая 1832 года она послала Бальзаку в день его ангела чудесный букет цветов. Он не переставая благодарил ее за “сладостные часы”, которые она ему “дарила”, и заканчивал

свои письма словами: “Нежная дружба”. Дела, казалось, принимали хороший оборот. Но этот успех стоил ему многих вечеров, которые он мог бы отдать работе.

Следует ли считать, что он начал публиковать статьи в новой газете легитимистов - “Реноватер” - из желания угодить маркизе де Кастри? В числе людей, стоявших во главе этой партии, был герцог Фиц-Джеймс. Разумеется, Бальзак находил удовольствие в том, чтобы ставить свой талант на службу друзьям, благосклонность которых ему льстила. Госпожа де Кастри умела удивительно тонко сочетать похвалу с нежностью. “Я могу сколько угодно сожалеть о вашем отсутствии, но никогда не позволю себе причинить ущерб вашим трудам, которыми я так восхищаюсь. Я люблю читать все, что выходит из-под вашего пера. Нынче утром, едва пробудившись, я с восторгом пробежала “Реноватер”; и все-таки, думается, я люблю еще больше слушать вас”. Без сомнения, в размягчающей атмосфере особняка на улице Гренель-Сен-Жермен Бальзак начинал думать, что бесспорное превосходство столь утонченной аристократии - естественная гарантия ее политической правоты.

Но главное - он по-прежнему был сторонником сильной власти. Бальзак неизменно считал, что распоряжаться всем должен один человек, воплощающий в себе энергию нации. Будет ли он именоваться Бонапартом или Карлом X, императором, диктатором или королем - для Бальзака не имело значения. В упрек Июльской монархии он ставил прежде всего ее слабость. Он осуждал сторонников крайних взглядов в среде своих новых друзей-легитимистов, тех, кто призывал не принимать никакого участия в выборах; но герцог Фиц-Джеймс проповедовал более гибкую политику, которая позволяла использовать парламентскую трибуну. Этот умный вельможа выступал против “внутренней эмиграции”. Он согласился принести присягу на верность Луи-Филиппу, ибо того требовало благо Франции. Но он отказался от титула пэра, рассчитывая стать депутатом нижней палаты, если избиратели какого-нибудь уголка Франции пожелают, чтобы их интересы представлял “человек, который всегда, не колеблясь, говорил правду в лицо”. Такая мудрая, искусная и вместе с тем высокомерная политика отвечала честолюбивым устремлениям самого Бальзака.

Переход писателя “на сторону правых” сильно огорчил его друзей-либералов. Амедей Фоше из Тура сетовал: “Итак, вы окончательно сделались легитимистом! Поверьте, напрасно вы защищаете это недостойное

дело, у которого нет будущего в нашей стране. Как ни скверно обстоят дела, они никогда не будут обстоять до такой степени скверно, чтобы на сцене

появился Генрих V в окружении своры церковников и спесивых дворян". Зюльма

Карро, любившая Бальзака, выговаривала ему.

Зюльма Карро - Бальзаку, 3 мая 1832 года: "Неужели вы никогда не откажетесь от столь беспокойного образа жизни, милый Оноре?.. Подобно алхимику, вы лишь без толку потратите свое золото, но ничего не найдете на дне тигля… Оноре, как писатель вы уже приобрели

известность, но вам предначертан жребий более завидный. Суетная слава не

для вас, ваши помыслы должны устремляться выше. Если бы я решилась, я бы

сказала прямо, почему вы так бессмысленно растрачиваете свой незаурядный

ум! Послушайте меня, предоставьте вести рассеянную жизнь тому, у кого нет

иных достоинств, или же тем, кто хочет таким путем забыться, чтобы не

терзали нравственные муки. Но вы, вы!.. Я не заканчиваю своей мысли, ибо

чувствую, что, быть может, злоупотребляю данным мне вами правом, но как бы

я гордилась вашей истинной славой, славой, как я ее понимаю!..

Мне сказали, что вы с головой погрузились в политику. О, берегитесь, берегитесь же! Я ваш друг, и мне страшно за вас. Вам не подобает служить

отдельным лицам; видеть в этом свою славу может только тот, кто жил в близком общении с сильными мира сего. Личная привязанность может тогда оправдать слепую верность. Но ваша слава вас переживет, так отдайте же себя на служение какому-либо высокому принципу, достойному вашего глубокого ума и более отвечающему вашим привычкам. А защищать отдельных лиц предоставьте придворной челяди и не замарайте своей подлинной славы, поддерживая их… Дорогой, бесконечно дорогой Оноре, уважайте самого себя, если даже вам придется для этого пожертвовать чистокровными английскими скакунами и старинной мебелью”.

Эта пламенная республиканка была права, и в глубине души он это понимал. Но есть ли человек, который может устоять перед соблазном? Бальзак был ненасытен более чем кто-либо. После одной книги - еще десять других; после одной женщины - другая; после успеха - триумф! Было нечто вульгарное в этой неиссякаемой жажде наслаждений, в стремлении взять реванш, в непрерывных подсчетах тех материальных благ, которые может принести литература, в необузданной жадности к коврам, картинам, мебели.

Но, вожделея ко всему этому, он был способен отказаться от всего ради творчества. Вдохновение и одержимость художника всякий раз, когда это было

необходимо, превращали жуира в затворника.

Бальзак - Зюльме Карро:

”Целый месяц я не отойду от письменного стола: я швыряю ему свою жизнь, как алхимик бросает свое золото в тигель”.

В другой раз он писал ей:

”Я живу под игом самого беспощадного деспотизма - того, на который обрекаешь себя сам. Я тружусь день и ночь… Никаких удовольствий… Я невольник пера и чернил, настоящий торговец идеями”.

Бальзак ложится в шесть вечера, приказав разбудить себя в полночь, а затем пишет двенадцать или пятнадцать часов кряду; много ли остается у него времени для развлечений? Случается, он вечером идет к Жирарденам, или в Оперу, или принимает участие в холостяцком обеде, но ведь происходит это после многих недель затворничества - так гуляет на берегу матрос, попав в порт после долгого плавания. Пусть даже Бальзак без конца толкует о договорах с книгопродавцами и о своих доходах, но это вовсе не означает, что он работает прежде всего для денег. Он правит одну корректуру за другой, дописывает на полях целые куски, зачеркивает, вычеркивает и

перечеркивает - так может поступать только очень требовательный к себе художник. С Бальзаком суетным отлично уживается Бальзак глубокий. Зюльма не обнаруживает этого глубокого Бальзака в его письмах? Ей следовало бы искать в его книгах.

Лора де Берни со своей стороны хочет, чтобы он жил вдали от Парижа. Ей уже исполнилось пятьдесят пять лет - возраст для возлюбленной довольно солидный. Герцогиня д'Абрантес, казалось бы, если и не полностью устранена, то, во всяком случае, нейтрализована. В апреле - мае 1832 года госпоже де Берни удалось увезти Бальзака в Сен-Фирмен, в дом, расположенный на опушке леса Шантильи. Там, в великолепном порыве вдохновения, он написал “Турского священника” и закончил “Тридцатилетнюю женщину”.

”Турский священник” одновременно и превосходная повесть и акт мужества. Заурядную историю о незаметном соборном викарии аббате Бирото, человеке простодушном и недалеком, которого выживают из дому злобствующая старая дева и интриган-каноник, мечтающий о сане епископа, Бальзак превратил в широкое полотно, где запечатлены все социальные слои Тура, показаны тайная власть Конгрегации и скрытое влияние черного духовенства. Ценный

документ

для истории Реставрации, эта повесть свидетельствовала также об

удивительном знании душ и помыслов этих, казалось, скромных служителей

церкви, обладавших огромной властью. Конечно же, Бальзака вдохновляла

Dilecta.

Возвратившись в Париж, он обнаружил, что город в тревоге.

Свирепствовала холера; герцогиня Беррийская высадилась в Вандее. Бальзак

возмущался, что правительство не посоветовалось с “ясновидящими” - они бы

тотчас же указали на причину эпидемии. Едва вернувшись в столицу, он

стремится вновь ее покинуть. Господи! Как ошибаются те, кто считает его

светским человеком! Чего он жаждет? Жизни в деревне с идеальной супругой.

Жениться на Элеоноре де Трюмильи ему не удалось. И теперь он подумывал о

молодой и очень богатой вдове, баронессе Дербрук, в девичестве Каролине

Ландриер де Борд. Он надеялся встретиться с нею летом у Маргоннов, в замке

Саше. Что может быть лучше вдовы? Она обладает собственным состоянием и

некоторым любовным опытом. В конце мая с ним произошел несчастный случай -

уже во второй раз его тильбюри опрокинулось. Первой жертвой была (в

апреле) Дельфина де Жирарден.

Бальзак - госпоже Жирарден, 31 мая 1832 года: “Как видно, нам обоим, сударыня, было суждено познакомиться со всеми особенностями тильбюри, даже с самыми неприятными: неподалеку от того места, где сей экипаж так неделикатно обошелся с вами, я вошел в прямое соприкосновение с героической мостовой знаменитого Июля. И эта голова, эта великолепная голова - словом, голова, которую вы прекрасно знаете, оказалась в самом плачевном состоянии, я даже не уверен, не сломалась ли какая-нибудь шестеренка в моем мозгу”.

В мозгу у него ничего не сломалось, но доктор Наккар уложил Бальзака в постель, сделал ему кровопускание, назначил строгую диету и запретил писать, даже думать. В июне писателю еще сильнее захотелось бежать из Парижа. С одной стороны, для того чтобы укрыться от кредиторов, от денежных неприятностей, от жалоб книгоиздателей, словом, от всех забот, которые он переложил на свою злосчастную мать: он поселил ее у себя и облек всеми полномочиями; с другой стороны, Бальзак стремился отдалиться от герцогини д’Абрантес, которая хотела вновь заставить его работать на нее, а у него не было для этого ни времени, ни желания; и, наконец, он

мечтал уехать для того, чтобы писать, ибо в нем уже зрели сюжеты нескольких романов. Маркиза де Кастри пригласила его приехать в августе в Экс-ле-Бэн, где она собиралась жить, и позднее сопровождать ее в поездке по Швейцарии и Италии. “Ну как?” - с гордостью писал он госпоже Бальзак, своей управительнице, которой поверял сердечные тайны. Слова эти, обращенные писателем к родной матери, звучат почти трогательно, если вспомнить, как сурово она судила о сыне в недалеком прошлом.

У него не было денег для поездки в Экс; затворническая жизнь в Саше позволила бы ему скопить некоторую сумму. Решено, он поживет у гостеприимных Маргоннов. Правда, жена владельца Саше, набожная горбунья, нагоняла на писателя смертельную скуку, но зато к его услугам была удобная комната, отличный кофейник, лампа у изголовья - и относительный покой.

Впрочем, вскоре у него появился еще один повод радоваться тому, что он покинул Париж. В столице происходили волнения. Видные легитимисты - Шатобриан, Берье, Ид де Невиль и даже герцог Фиц-Джеймс - были арестованы после Вандейской авантюры герцогини Беррийской.

Через десять дней именитые узники были выпущены на свободу, но аресты привели в восторг госпожу де Берни, которая писала Бальзаку: “Раз партия этих людей потерпела поражение, тебе следует избрать для себя другую”. Она

ненавидела легитимизм, потому что связывала его с именем Анриетты де Кастри. Находясь вдали от молодого любовника, Лора де Берни жила в это время в департаменте Ньевр, у своего старинного друга, генерала Аликса, славного человека, но глухого, как тетерев, и весь день попыхивавшего трубочкой. Там она работала для Бальзака, читала и правила груды корректур, предлагала свои исправления для “Сцен частной жизни” и предостерегала его против козней “этих особ” из Сен-Жерменского предместья.

”И все-таки ужасный страх порою сжимает мое сердце; я думаю, что, если некая дама пригласит тебя письмом приехать к ней, ты, чего доброго, примешь такое предложение. Разве другая дама не заставила тебя в свое время возвратиться из Тура в Версаль, чтобы утешать ее в горе, которое она из эгоизма всячески преувеличивала? А сейчас положение гораздо более серьезное, и твое тщеславие, к несчастью, не дремлет, оно кипит в тебе, оно влияет на твои поступки тем сильнее, что ты не отдаешь себе отчета в его могуществе. Мой милый, мой любимый, мой друг, сын мой возлюбленный, ты должен внять доводам разума, который для того, чтобы ты услышал его, говорит моими устами, - голос более дружеский никогда не коснется твоего слуха. Пойми же, что эти люди не дадут тебе ни одного из тех трех или четырех тысяч экю, которые тебе совершенно необходимы; пойми же, что,

если даже они окажутся победителями, это ничего не изменит, потому что они всегда бывали неблагодарны из принципа и они не изменятся ради тебя, друг мой; им свойственны все недостатки, порожденные эгоизмом, все коварство, все козни, присущие нищим духом; они питают пренебрежение, почти презрение к людям, в чьих жилах не течет голубая кровь. Милый! Ради всего, что тебе дорого, ради твоей славы, ради твоего будущего счастья, ради моего покоя (а ведь ты любишь меня) молю тебя, не верь им, не полагайся на них”.

Отчего он не приезжает к ней? Генерал Аликс предлагал ему стол и кров и сулил посвятить в тайны высокой политики Бонапарта. Как хорошо было бы жить вместе, вдали от света, в котором нет места чувствительным и возвышенным душам! Госпожа де Берни по-прежнему верит в “его нежное сердце”, но легко ли сохранить чистоту чувств, когда вокруг столько испорченных людей? “Сцены частной жизни” пробуждали в ней милые воспоминания: “Я помню, при каких обстоятельствах ты читал мне тот или иной отрывок и что ты о нем говорил; я помню, друг мой, какие слова любви рождались при этом; и тогда я находила сладостный приют в твоей душе и на твоей груди... Помнишь, милый?..”

твоей груди… Помнишь, милый?..

Она все еще была полна страсти! “Я по-прежнему чувствую себя твоей возлюбленной и в мыслях предаюсь нашим нежным ласкам. Целую тебя бессчетно”. Несколько дней спустя она писала: “О мой милый! Мой дорогой! Мой обожаемый властелин! Прими же вновь дань страсти, зажженной в моей груди тобою, прими ласки возлюбленной, созданной для тебя. О, мы скоро свидимся, я уповаю на это; было бы ужасно, если бы другие собирали чудесные цветы, аромат которых доходит сюда и пьянит меня; их живая красота переполняет мою душу блаженством; о, с какой любовью я обрывала бы их лепестки, прильнув к твоей милой груди”. Но любит ли он ее по-прежнему? Не отдал ли свое сердце другой? Она надеялась, что умрет прежде, чем это случится: “Мой обожаемый, мой любимый, как мучительно, как невыносимо жить, цепляясь за человека, которому твоя жизнь больше не нужна”. С мужем она рассталась, дети жили недружно и терзали ее, у нее оставалось теперь только одно - возлюбленный: “Я чувствую себя совершенно разбитой”.

Бальзаку приходилось выслушивать и другие сетования: мать, которую Оноре бесцеремонно нагружал различными поручениями, горько жаловалась на это. То он требовал, чтобы она отыскала среди бумаг копию какой-то

рукописи для книгоиздателя Мама, то писал: “А затем, милая матушка, мне нужны летние панталоны. Бюиссон, должно быть, их уже сшил”. Или сообщал: “Я пришлю тебе с дилижансом, прибывающим в среду утром, пакет, куда вложу рукопись повести для Гослена (“Луи Ламбер”)… А ублаготворив Гослена, я быстро управлюсь с “Битвой”… Говори всем, кто будет приходить за деньгами, что я путешествую и возвращусь 15 августа”. Между двумя поручениями он делился со своей “любезной матушкой” планами женитьбы на вдове Дербрук. К несчастью, вдовушка, о которой он грезил, не приехала в Турень, но Бальзаку (пославшему ей “Сцены частной жизни”) казалось, что все обстоит хорошо: “Она прислала мне коротенькое вежливое письмецо и поблагодарила за книгу”. У него чудесная способность принимать свои желания за надежный залог счастья.

Так или иначе, но брак этот не мог состояться в скором времени, а долги надо было платить немедленно. Приходилось идти на жертвы.

Бальзак - своей матери:

”Если можешь, продай лошадей; если хочешь, откажи от места Леклерку; уплати ему сперва жалованье и уволь”.

Надо было выиграть полгода:

”…ибо никогда еще мое положение не было столь прочным. Рано или поздно литература, политика, журналистика, женитьба либо какое-нибудь грандиозное начинание помогут мне в конце концов разбогатеть. Нам уже немного осталось страдать. О, пусть бы я страдал один! Ведь если бы не госпожа де Берни, то за минувшие четыре года я бы уже раз двадцать потерпел полный крах. Однако теперь и ты немало страдаешь и невольно становишься одной из причин моих тайных мук… Ты просишь писать обо всем подробнее, но, милая мама, разве ты еще не поняла, как я живу? Когда я в состоянии писать, то сижу над рукописями; когда же не пишу, то обдумываю будущие произведения. И всякий раз, когда какое-нибудь дело, обязательство, привязанность не дают мне написать лишнюю страницу, для меня это просто гибель”.

Бальзак был прав. Извольте создавать воображаемый мир, когда мир реальный постоянно вторгается, напоминает о себе неприятностями и упреками! Но и несчастной, пожилой и больной женщине, которая делала все, что было в ее силах, и которую сын непрерывно тормошил, приходилось нелегко.

Бальзак - своей матери, 19 июля 1832 года: “Нынче утром я уже собрался было мужественно приняться за работу, как

вдруг прибыло твое письмо и совершенно выбило меня из колеи, обидно до

слез. Неужели ты думаешь, что художник может целиком отдаваться творческим

замыслам, если вдруг ему живо напомнить о всех его невзгодах, как это

сделала ты? Неужели ты думаешь, что, если бы я сам не помнил о них, я

работал бы с таким неистовством?. Прощай… Прощай!..”

Госпожа Бальзак до такой степени обескуражена тем, что творится в доме

ее сумасбродного сына, что Лора Сюрвиль вынуждена вмешаться, она просит

Оноре поберечь мать. Бальзак, добрый по натуре, растроган до слез, во

всяком случае на то время, пока пишет письмо.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, 20 июля 1832 года: “Бедная матушка! Поверь, у меня просто сердце кровью обливается, как

подумаю, что она болеет и страждет. Это-то и придает мне мужество, заставляет работать с адским упорством… Беда только, что она наделена не

меньшим воображением, чем я: минутами она видит только нужду и трудности, а минутами - только триумф. Ну да я ей все прощаю и люблю ее больше, чем

когда бы то ни было. Передай ей это, милая Лора; вот я пишу тебе эти

строки, а на глаза у меня навертываются слезы".

В оправдание Бальзаку можно сказать, что именно в Саше он написал "Биографические заметки о Луи Ламбере" - произведение, которое, как он надеялся, позволит ему сравняться с Гете и Байроном, создателями "Фауста" и "Манфреда". "Луи Ламбер" должен был стать грозным ответом недругам Бальзака и "дать им почувствовать неоспоримое превосходство" писателя. В книге был нарисован портрет чудо-ребенка, в котором соединялись черты Бальзака - воспитанника Вандомского коллежа и Бальзака - обитателя мансарды. Автор заставляет своего вымышленного героя, подростка Луи Ламбера, читать те книги, которые он сам читал, когда был уже гораздо старше - между пятнадцатью и двадцатью пятью годами, и мыслить так, как мыслил он в 1832 году в возрасте тридцати трех лет. Но в основе своей философские взгляды Бальзака мало изменились, и тот, кто хочет понять, как формировалось мировоззрение писателя, должен внимательно прочитать "Луи Ламбера".

"Ветхий и Новый завет попали в руки мальчика, когда ему было всего пять лет; и эти две книги, в которых заключено столько книг, определили его

судьбу… С этого времени чтение для Луи стало чем-то вроде жажды, которую ничто не могло утолить”. Луи испытывает непреодолимую склонность к мистическим книгам. “Наш дух - бездна, и ему нравится погружаться в бездну”. У Ламбера есть тайна, это - ясновидение, способность необычайно ярко представлять себе то, о чем он читает, или то, о чем ему рассказывают, он великолепно знает людей и события, которых в жизни не видал и свидетелем которых не был. Читая рассказ о битве при Аустерлице, Луи Ламбер слышит грохот орудий, крики сражающихся, храп испуганных лошадей, он вдыхает запах пороха; перед ним проходят картины, подобные видениям Апокалипсиса. Целиком погружаясь в чтение, Ламбер забывает о внешнем мире. Но при желании он может также порою сосредоточивать все свои силы на избранной им цели, и тогда он становится несокрушим. Если он хотел живо представить себе, что испытывает человек, когда в тело его вонзается лезвие перочинного ножа, то ощущал жгучую боль. “Мысль, причиняющая физические страдания… Каково! Что ты об этом скажешь?”

Философские взгляды Луи Ламбера - это взгляды самого Бальзака; он разделял эзотерическую доктрину каббалистов, воскрешенную Сен-Мартеном и Сведенборгом и обосновывавшую оккультные науки. Бальзак, как и Сведенборг, полагает, что в каждом человеке живут два существа: человек внешний, подчиняющийся законам природы, и человек, внутренний,

наделенный жизненной силой, она до сих пор еще недоступна науке, но природа ее та же, что у силы материальной. Существуют избранные натуры (таков, например, Луи Ламбер), у которых человек внутренний может как бы отделяться от человека внешнего. Этим объясняются видение на расстоянии, необыкновенная прозорливость “ясновидящих”, героическая стойкость мучеников, которые во время пыток пребывают в ином мире.

Идеи, желания - все это эманации внутреннего человека, который как бы испускает вибрацию: колебания могут быть более и менее сильными - в зависимости от человека. Именно это Ламбер именует “материальностью мысли”: это объясняет, почему идея или желание могут разрушать тело. Здесь мы вновь встречаемся с темой “Шагреневой кожи”. Луи Ламбер, ребенок, наделенный даром ясновидения, принадлежит к той разновидности людей (к ней принадлежал и сам Бальзак), которые находятся в интуитивном контакте со всей Вселенной; ему кажется, что он на пороге проникновения в тайну мироздания. Однако слишком богатая внутренняя жизнь убивает в Ламбере внешнего человека; жизнь в Париже, “в этой пучине эгоизма” ранит его сердце; он предпочитает мысль действию, идею - делу. Он мог бы стать человеком могущественным, но ему недостает сосредоточенности и упорства, которые необходимы всякому, кто хочет добиться успеха; и он

упорства, которые необходимы всякому, кто хочет добиться успеха, и он будет раздавлен. Луи Ламбер из-за своей чрезмерной гениальности обречен на безумие, его не может спасти даже любовь красивой и самоотверженной женщины, Полины Саломон де Вильнуа, в жилах которой течет и еврейская кровь; “в двадцать пять лет он чувствует себя столетним старцем” и умирает совсем молодым в объятиях своей подруги.

Бальзак искренне считал “Луи Ламбера” своим шедевром. В этот роман он вложил все, чему научился у мистиков, магов, философов, ученых. Несколько раз он переделывал книгу, прибавлял социальные и философские рассуждения, пытаясь объяснить различные этапы сотворения мира все большим проникновением мысли в сферу материального. Нечеловеческий гений, которым писатель наделял Луи Ламбера, был сродни его собственному гению. “Однако Бог может создать все, за исключением другого бога; гений может все воссоздать, за исключением гения”. Бальзаку так и не удалось вдохнуть жизнь в Луи Ламбера. Госпожа де Берни, которой он послал первый вариант этого произведения, посвященного ей (“Et nunc et semper dilectae dicatum”) [“И ныне и присно возлюбленной моей посвящается” (лат.)], с тревогой читала рукопись: “Боюсь, что ты взялся за дело, которое невозможно

читала рукопись. “Боюсь, что ты взялся за дело, которое невозможно осуществить”. Никакие читатели, думала она, не потерпят, чтобы автор утверждал, будто он постиг тайны Вселенной. Как бы ни был велик писатель, публика усмотрит в этом одно только высокомерие. “Вот почему фразы: “Достойная удивления битва мысли, достигшей наивысшего могущества, наиболее полного выражения… Нравственный мир, пределы которого он далеко раздвинул для себя” - совершенно неприемлемы… Мой дорогой, стремись подняться на такую вершину, чтобы толпа отовсюду видела тебя, но не требуй, чтобы она восторгалась тобою, ибо в этом случае на тебя в мгновение ока со всех сторон направят увеличительные стекла, а ведь самый очаровательный предмет, когда его рассматривают в микроскоп, превращается Бог весть во что”. Даже у влюбленной женщины больше здравого смысла, чем у гения. “Луи Ламберу”, самой любимой книге Бальзака, которую автор считал самой главной своей книгой, не хватало Прометеевой искры.

”Посоветуйся с госпожой Карро”, - писала Dilecta, доверявшая только этой женщине, которая была искренним другом Бальзака (есть что-то возвышенное в том, что обе эти выдающиеся женщины, не знакомые между собой, вместе ревниво оберегали своего поэта). Ангулем расположен всего в шестидесяти лье от Саше. Бальзаку очень хотелось поехать туда, поскольку

за отсутствием денег он не мог отправиться в Экс-ле-Бэн, “что сильно

огорчает госпожу де Кастри, весьма ко мне расположенную, - писал он своей

сестре Лоре. - А ведь я нашел бы там еще одну госпожу де Берни, но только

молодую, у которой больше возможности мне помочь”. Зюльма звала его, Бальзак по-прежнему дорожил ее дружбой, но боялся, что будет уж слишком

унылым гостем: “Я невольник пера и чернил, настоящий торговец идеями”.

Пребывание в Саше уже начинало тяготить его, и он предпочел бы Ангулем, который понравился ему еще в первый его приезд в декабре 1831 года.

Скромный дом Карро при пороховом заводе скорее походил на ферму, чем на

усадьбу, но Зюльма, умная и всегда серьезная, составляла очарование этого

уединенного жилища.

Бальзак - Зюльме Карро, 10 июля 1832 года: “Меня очень стесняют установленные в замке порядки. Тут всегда гости; надо одеваться и выходить к столу в определенные часы; этим провинциалам

показалось бы весьма странным, что человек готов отказаться от обеда, только бы не прерывать работу. Они мне уже до смерти надоели с их

колоколом, сзывающим к трапезе”.

Среди окружавших Бальзака людей не было ни одного, кто мог бы его

понять. Представьте себе госпожу де Маргонн, читающую “Луи Ламбера”!

Итак, жребий брошен - он поедет к Карро; пусть только Зюльма встретит его в Ангулеме, куда прибывает дилижанс. Ему было так же трудно проделать те несколько километров, что отделяют город от порохового завода, как совершить путешествие в Китай: он все еще оставался ребенком, нуждавшимся в материнской заботе.

В этот раз во время пребывания в доме Карро Бальзак написал одну из самых прекрасных своих новелл - “Покинутая женщина”. Всегда рискованно доискиваться источников произведения, ибо таинственные законы творчества соединяют факты действительности и искусство автора; но в данном случае нетрудно различить элементы, из которых возник этот сплав. Новелла посвящена герцогине д’Абрантес, которая в своих “Мемуарах о Реставрации” рассказала похожую историю, случившуюся на самом деле; ее участники были известны, Как и в новелле Бальзака, мужчина, решив жениться, оставляет свою возлюбленную, но не может забыть ее; когда она наотрез отказывается принять его, несчастный накладывает на себя руки. Все подробности настолько совпадают, что сомневаться в источнике произведения не приходится. Бальзак был многим обязан удивительной памяти Лоры

д´Абрантес.

Кроме того, будучи в свое время в Байе, он много слышал о другой “покинутой женщине”, госпоже д’Отфей, особе “столь же тонкого ума, как самая изысканная парижская дама”. Что касается настроения, которым окрашен рассказ, то Бальзаку были очень хорошо знакомы чувства еще одной оставленной женщины - Лоры де Берни.

Оноре никогда окончательно не покидал госпожу де Берни. Однако он все еще вынашивал два проекта, которые должны были отодвинуть на задний план его несравненную подругу: поехать в Экс к маркизе де Кастри или жениться на баронессе Дербрук. Жажда упрочить свое положение толкала его к богатой вдовушке. Но он понимал, что монотонность супружеской жизни повредит ему - писателю, черпавшему материал в житейских невзгодах и тревогах. Думая о поездке в Экс, Бальзак терзался различными сомнениями: он боялся огорчить госпожу де Берни, страшился потерять любовь, которой она так щедро одаривала его, и в то же время с волнением предвкушал радости, которые, быть может, дарует ему госпожа де Кастри. Когда Бальзак описывал начало любовной связи между Кларой де Босеан и Гастоном де Нюэйлем, не

обращался

ли он в простоте душевной к своим собственным воспоминаниям о Вильпаризи?

Там некогда Оноре, как и Гастон, увидел раненную в самое сердце женщину, “окруженную, словно мученическим ореолом, скандальным воспоминанием о

былой страсти” (роман с корсиканцем Кампи), живущую, как затворница, в

деревенском уединении. Там он писал ей страстные письма, черновики которых

сохранял. Они-то и вдохновляли его. Почему бы и нет? Абрантес, Берни, Отфей - разве не имел он права воспользоваться этими печальными тенями, сплавить их воедино, чтобы создать волнующий образ своей героини? Кто бы

вспомнил о них много лет спустя, если бы Бальзак не наделил их горестями

Клару де Босеан и не вложил бы в ее уста их признания?

В доме Карро он плодотворно работал. Он приехал туда совсем разбитый, даровав жизнь “Луи Ламберу”. Он признавался Зюльме, что, подобно своему

герою, временами боится сойти с ума. “Если вы лишитесь разума, я буду за

вами ухаживать”, - пылко ответила она. Бальзак никогда не забудет ни этих

слов, ни ее взгляда. Он лихорадочно творит и чувствует, как в нем зреют

замыслы новых произведений. Нарождается нечто колоссальное. Он пишет Лоре

Сюрвиль: “За эти полгода я достиг огромных успехов в своем творчестве по

всем направлениям”. В минуту прозрения и откровенности он признает, что

разорил мать. “Но великий день великого счастья и славы вознаградит ее за все”. Правда, он тут же прибавляет: “Милая мама, должен же я утешить тебя хоть немного, как утешаю и самого себя, своими радужными мечтами!..” Однако для него эти мечты - верный залог светлого будущего, и в минуты радостного возбуждения он не сомневается, что воплотит их в жизнь.

В доме милых его сердцу супругов Карро он обрел душевный покой; тут его окружало восхищение друзей и - что было для него таким ценным - восхищение незнакомых. Какой-то студент, живший в Ангулеме, услышав имя Бальзака, выронил от волнения бумаги и книги, которые держал в руках. У парикмахера, где Бальзак стригся, женщины вырывали одна у другой пряди его волос. Он писал матери с обычной в их семье откровенностью, что вынужденное целомудрие тяготит его и лишает сна. Не по этой ли причине он начал внезапно, но весьма настойчиво ухаживать за своей старинной приятельницей Зюльмой, добиваясь близости с нею? Какое искушение для этой превосходной женщины! Она любила Оноре, любила в полном смысле этого слова, а майор Карро, который был на пятнадцать лет старше ее, быстро старел. “Вы женщина страстная, - убеждал Оноре Зюльму, - а противитесь зову страсти!” Он сулил

открыть ей “неведомое райское блаженство”. То был испытанный прием всех обольстителей, но Зюльма устояла. Она хорошо понимала, что его влечет к ней лишь мимолетное желание: “Потому что вам нужна была любая женщина… потому что длительное воздержание делало для вас желанной всякую особу женского пола… Я слишком горда, чтобы уступить такого рода желанию”.

Между тем путешествие в Савойю стало наконец возможным. Неповторимой госпоже Бальзак удалось получить у славной госпожи Делануа долгосрочную ссуду в размере десяти тысяч франков. Это позволяло ублаготворить наиболее настойчивых кредиторов и уплатить за место в дилижансе.

Госпожа Делануа - Бальзаку, 27 июля 1832 года: “Я люблю ваш талант, да и вас самого, и не хочу, чтобы на пути вашего таланта возникали преграды, а вам приходилось страдать, в то время как в моих силах сделать так, чтобы этого не было. На помощь мне пришел счастливый случай: мне возвратили крупную сумму денег, которые я еще не поместила в бумаги. Пусть деньги эти пойдут на уплату ваших долгов и дадут вам возможность совершить путешествие, как вам того хотелось; мне оно

представляется вполне своевременным״.

Таким образом, две пожилые дамы любезно вступили в сговор, чтобы толкнуть Оноре в объятия Анриетты де Кастри. Из Ангулема он послал ей отрывок из “Луи Ламбера” - любовное письмо к Полине де Вильнуа.

”Все соединилось, чтобы вызвать во мне страстные желания, чтобы побудить меня просить о первых милостях, в которых женщина всегда отказывает, несомненно, лишь для того, чтобы заставить возлюбленного похитить их у нее. Но нет, ты драгоценная душа моей жизни, ты никогда не будешь знать заранее, сколько ты можешь дать моей любви, и все же будешь давать, быть может не желая этого! Ты правдива, поэтому слушайся только своего сердца… Ты почувствовала эту небесную поэзию, ты, объединявшая столько разнообразных чувств, и так часто обращала взоры к небу, чтобы мне не отвечать! Ты, гордая и смеющаяся, скромная и деспотичная, целиком отдающаяся душой, мыслью, но ускользающая от самой робкой ласки”.

Так было в прошлом, когда она нежно противилась его страстным порывам, но он был уверен, что в Эксе все будет по-другому и его ждет счастье.

Перед самым отъездом обнаружилось, что ему не хватает наличных денег.

Он взял в долг у майора Карро сто пятьдесят франков; в письме он просил госпожу Бальзак уплатить за него этот долг и прислать ему в Лион еще триста франков. В Ангулеме он написал новеллы “Гренадьера” (за одну ночь!) и “Покинутая женщина”. Его гений по-прежнему напоминал уверенное и мощное течение реки.

Мы уже говорили, что начиная с 1830 года Бальзак в промежутке между двумя большими и серьезными произведениями как бы дает себе передышку, сочиняя “Озорные рассказы” - игривые и забавные миниатюры в манере Рабле и других писателей Турени, написанные старинным языком. Бальзак продолжает эту литературную забаву в 1831 и в 1832 годах. Выбранный им заголовок ясно говорил об авторских намерениях: “Сто озорных рассказов, собранных в аббатствах Турени и выпущенных в свет мессиром де Бальзаком для развлечения одних только пантагрюэлистов”.

Почему он с таким упорством продолжает сочинять эти стилизованные рассказы, требовавшие огромного труда? Отчасти потому, что отец воспитал в нем восхищение гением Рабле и Бальзак сам ощущал себя пантагрюэлистом. Но главным образом потому, что ему хотелось выразить протест против бесчеловечной печали романтизма, “слова нелепого”, и воскресить

галльскую

живость и веселость, которая не помешала появлению ни “Мыслей” Паскаля, ни

“Духа законов” Монтескье. “Смех необходим Франции, - писал Бальзак 20

февраля 1830 года в статье, опубликованной в “Моде”, - и публика жаждет

выйти из катакомб, куда ее уводят, нагромождая один труп на другой, художники, поэты и прозаики. Я полагаю свой гражданский долг в том, чтобы

воспротивиться этому “тартюфству”. Более того, речь шла о гражданском

долге француза, не приемлющего британское cant [пустословие (англ.)] и

немецкую тягу к фантастическому.

Могут возразить, что сам Бальзак отдал богатую дань кладбищенской теме

и что его любовные романы в общем не оскорбляли стыдливости. Но он хочет

быть человеком разносторонним и по примеру Рабле отвести место плоти, воскресить великую литературу XVI века, “блиставшую талантами, не

скованную никакими условностями и отличающуюся богатым языком, ибо в те

времена все слова считались пристойными”. Когда Оноре было двадцать лет, госпожа Бальзак сетовала на то, что Рабле и Стерн будто бы приносят ему

вред. Сам он, напротив, полагает, что, сделавшись Рабле XIX столетия, он

только упрочит свою славу. Тем не менее Бальзак считал, что его

пантагрюэлизм не должен оказывать влияния на создаваемые им романы. “Сто

озорных рассказов” - это дань моему преклонению перед Рабле”. Приап имеет

право на памятник, но Бальзак прячет этот монумент в глубине сада.

Он заимствовал сюжеты для своих рассказов из произведений старинных

писателей; но пересказывает он их на свой лад, кроме того, в них то и дело

встречаются описания утонченных любовных утех, что было совершенно чуждо

Рабле.

”Тысячи разных повадок в любовных делах, сладостная канитель, милые

шуточки, прибауточки, расспросы, допросы, колдовство первых ласк - тонкие

охапки хвороста, которые подбрасывают в огонь, дабы он сильнее разгорелся, охватывая благоуханные ветки, подобранные прутик за прутиком в вертограде

любви, - пустячки, безделки, милый лепет, нежности и веселые забавы, лакомства, которые с такой жадностью съедают вдвоем, облизываясь

по-кошачьи от удовольствия, - словом, всякие затеи и ухищрения, которые

распутники знают, а влюбленные изобретают и которые для дам дороже

спасения души, ибо в природе женщины так много кошачьего [Бальзак, “Озорные рассказы”].

Тут сквозь словесную оболочку Рабле проступает изощренный любовник Лоры

де Берни. Что думала Dilecta о первом десятке “Озорных рассказов”? Мы

не

знаем; но Зюльма Карро (и это весьма удивительно) писала, что они

“необычайно остроумны и переживут все”. Что касается герцога Фиц-Джеймса, человека просвещенного и эпикурейца, то его похвалам не было конца.

Предвещая Бальзаку “яростные нападки со стороны ханжей и академиков”, этот

вельможа от души забавлялся “Озорными рассказами”.

Жорж Санд принадлежала к числу тех женщин, которые враждебно встретили

это произведение Бальзака. “Когда он захотел против моего желания прочесть

мне отрывки, - вспоминает она в “Истории своей жизни”, - я чуть было не

швырнула книгу ему в лицо. Помнится, я назвала его толстым бесстыдником, он ответил, что я ханжа, вышел и крикнул уже с лестницы: “Вы просто дура!”

Тем не менее мы остались лучшими друзьями, ибо Бальзак действительно

простодушен и добр”. Зато в салоне Дельфины де Жирарден просто смаковали

эти пряные лакомства.

Фонтанэ пишет в своем дневнике:

12 января 1832 года:

”Бальзак с удивительным, просто невероятным апломбом рассказывал нам

свои фантастические и озорные рассказы, и они немало позабавили

свои фантастические и озорные рассказы, и они немало позабавили

присутствующих дам. Дельфина помогала ему, предлагая новые сюжеты. А мы, мы слушали и восхищались: что за чудесный спектакль!”

Первый десяток “Озорных рассказов” был выпущен в свет книгоиздателем

Госленом в апреле 1832 года. Критика, как это часто бывало, выказала

враждебность к Бальзаку. “Ревю де Де Монд”: “Забавны ли “Озорные

рассказы”? Говоря по правде, нет. Они непристойны, но даже не исполнены

сладострастия”. “Ревю де Пари”: “Господин Шарль Гослен сравнивает автора с

ребенком, который предстает перед вами голеньким, во всей своей

невинности. Мы ответим господину Шарлю Гослену, что в литературе дети в

возрасте господина де Бальзака давно уже ходят в панталонах. Весьма

досадно, что этого не соблюдают в книгоиздательствах”. Один только Барбе

д’Орвильи пришел в восторг от наивности и добродушия рассказчика: “Я не

сомневаюсь, что историки литературы, которые в один прекрасный день будут

изучать творчество Бальзака с той серьезностью и уважением, каких достоин

этот великий ум, признают справедливость тех соображений, которые я ныне

высказал только в самой общей форме, и не опровергнут меня". Коннетабль французской словесности доказал, что он был достоин судить о Рабле XIX века. Но, говоря по правде, "Озорные рассказы", потребовавшие от автора огромного труда и мастерства, мало что прибавили к славе Бальзака. Как и у его учителя Рабле, мы ценим у Бальзака прежде всего мысль, а не игривую шутку; но, быть может, его кратковременное увлечение игривыми "Озорными рассказами" было полезным стимулом для мысли.

XIV. ЗЛАТОКУДРАЯ КРАСАВИЦА

Бьяншон: Любят потому, что любят.

Растиньяк: Ну, а вот я, я люблю по

совершенно иным мотивам.

Бальзак

Бальзак отправился в Экс в самом лучезарном настроении. Наконец-то герцогиня де Кастри, его первая "знатная дама", будет ему принадлежать. Можно ли в этом сомневаться? Ведь она сама пригласила Оноре и требовала соблюдения инкогнито; все вечера они будут проводить вдвоем. Днем он

станет работать, он был полон до краев различными планами: написать “Битву”, внести исправления в текст “Шуанов” и “Луи Ламбера”, сочинять новеллы для “Ревю де Пари”, с которым он заключил договор, гарантировавший ему пятьсот франков в месяц. В Лиможе он задержался на несколько часов в ожидании следующего дилижанса. Там он повидал сестру Зюльмы, Люсиль Нивэ (урожденную Туранжен); ее муж, у которого была торговля фарфором, обещал в скором времени прислать ему на улицу Кассини столовый сервиз. Бальзаку захотелось осмотреть город. Юный Реми Нивэ, сын Люсиль, показал ему площадь Арбр, улицу Монтанманинь, он сопровождал писателя из Сен-Марсиаля в Клюзо. Бальзак записал все эти названия и внимательно осмотрел старинные кварталы.

По дороге из Лиможа в Лион с ним произошел несчастный случай. Чтобы беспрепятственно любоваться чудесными долинами, писатель устроился на империале дилижанса. На остановке в городе Тьер (департамент Пюи-де-Дом) он уже поднялся на свое место и выпустил из рук кожаные поручни, за которые держатся, взбираясь наверх, но в эту минуту лошади тронули, и Бальзак упал; правда, ему удалось вновь ухватиться за ремень, и он повис в

воздухе. Однако при этом Оноре с размаху (а он весил восемьдесят килограммов) ударился о подножку экипажа, и железо рассекло ему ногу до самой кости.

Рана кровоточила, болела, а ехать от Лиможа до Лиона надо было четыре дня. Кондуктора дилижанса сочувствовали писателю, они устроили ему подобие ложа на империале. В дороге рана затянулась, однако нога распухла, и Бальзак передвигался с трудом. Можно было опасаться заражения крови, ко он решил добраться до Экса, а уж там лечиться. Это досадное происшествие не помешало Бальзаку наслаждаться путешествием. Он всегда любил живописные места. Пейзажи Лимузена и Оверни привели его в восторг.

В Эксе госпожа де Кастри сняла для него небольшую, но очень уютную комнату, где до шести вечера он пребывал в полном одиночестве. На завтрак ему приносили из соседнего кафе яйцо и чашку молока. В шесть часов он отправлялся к маркизе, обедал там и оставался у нее до одиннадцати. Это позволяло ему, писал он матери, весь день работать над “Битвой” (одна из “Сцен военной жизни”). На самом деле он еще даже не приступал к “Битве”: он правил “Покинутую женщину” и старательно трудился над своим любимым детищем – “Луи Ламбером”

детищем - "Луи Ламбером".

После трех ванн, принятых в Эксе, нога Бальзака зажила, остался только струп. Комната стоила ему два франка в день, завтрак - пятнадцать су; Анриетта де Кастри не разрешала ему платить за обед. “Ну, матушка, придется тебе все же признать, что хоть я поэт и мечтатель, но очень бережлив!” Он ни с кем не виделся. Его единственным развлечением были вечерние часы у маркизы, когда они оставались вдвоем. Она была необыкновенно внимательна к писателю, но ничего лишнего не позволяла: только изредка ему удавалось коснуться ее плеча или страстно пожать руку.

Он выходил из себя.

Бальзак - Зюльме Карро, начала сентября 1832 года: “Я нашел здесь и очень много, и необыкновенно мало. Много потому, что пребываю в обществе любезной и очаровательной особы! Мало потому, что она никогда меня не полюбит. Зачем вы послали меня в Экс?.. Она принадлежит к числу самых изысканных женщин; она даже превосходит госпожу де Босеан; но на скрывает ли ее очаровательное обращение пустоту души?”

Гордая Зюльма ответила пылким письмом: “Бедный Оноре! Вы страдаете, и мне не дано облегчить ваши муки!” Она надеялась, что зрелище величественных гор, чудесных озер отвлечет Бальзака от владевших им

величественных гор, чудесных озер отвлечет Бальзака от владевших им

тщеславных помыслов. “Господи, и это я, недостойная, позволяю себе

говорить в таком тоне с кумиром наших дней!” Она видела, что он во власти

предрассудков, но не потому, что такова его натура - ведь у него доброе и

возвышенное сердце! - а потому, что он жаждет одобрения

одного-единственного сословия. (“Только с этими людьми вы и считаетесь: по-вашему, только тот достоин уважения, от кого исходит запах английского

крема или португальской туалетной воды”.) Как может человек такого

глубокого ума, написавший “Луи Ламбера”, видеть во всяком, кто одет в

старомодное платье, ограниченный ум, во всяком работнике - механическую

куклу, в чернорабочем с мозолистыми руками - кандидата на скамью

подсудимых? “Оноре, я страдаю, мне хотелось бы найти в вас больше

душевного величия”. Зюльма Карро огорчилась, узнав, что Бальзак снова

возобновил деловые отношения с Пишо из журнала “Ревю де Пари”, плутом, который в свое время оскорбил писателя и теперь не упустит случая объявить

с ехидной усмешкой: “За деньги его всегда можно заполучить”.

”Деньги! Да, а все потому, что в светском обществе, где вы вращаетесь, считается дурным тоном ходить пешком. Как мне люб Рафаэль, живущий в

мансарде, как он велик, и Полина права, что обожает его; не заблуждайтесь, впоследствии она станет любить не столько его, сколько воспоминания о нем; она любит разбогатевшего Рафаэля за то добро,

которое сама делала ему, когда он еще был беден; сделавшись миллионером, он стал ничтожеством!

Измеряли ли вы шагреневую кожу с той поры, когда полностью переделали свое

жилище, с той поры, когда начали возвращаться в два часа ночи с улицы Бак

в новехоньком кабриолете? Почему я послала вас в Экс, Оноре? Да потому, что только там вы могли обрести то, к чему стремились… Я позволила вам

ехать в Экс потому, что у нас нет теперь ни одной общей мысли; потому, что

я презираю то, что вы боготворите; потому, что сама я из народа, народа, облагороженного цивилизацией, но я по-прежнему сочувствую каждому, кто

страдает от угнетения; потому, что я ненавижу всякую власть, ибо до сих

пор я ни разу не встретила власти справедливой… Вы находитесь в Эксе

потому, что вас хочет купить некая партия, и в уплату вам предназначают не

деньги, а женщину; так вот, я - хромая, невидная собой дурнушка - никогда

бы не согласилась видеть у своих ног мужчину, которого надеются завлечь

таким способом… Вы находитесь в Эксе потому, что изменили самому себе, потому, что отказываетесь от истинной славы ради мелкого тщеславия, потому, что никогда моя душа не сольется с душой человека, который

радуется, обгоняя гуляющих в Булонском лесу, и первым приезжает в своем

кабриолете на площадь Людовика XV… И столь суетные удовольствия вы

предпочитаете всему остальному. Я высказываю вам весьма жестокие

истины, дорогой Оноре, но уверена, что вы меня поймете, ибо я питаю к вам такую искреннюю и глубокую привязанность, что, когда понадобится, я на деле докажу ее и тем искуплю свою нынешнюю резкость; придет час, и герцогини вас покинут, а я, я всегда буду рядом, и моя верная дружба послужит вам утешением”.

Быть может, в глубине души эта добродетельная супруга испытывала сожаление, что отвергла ласки человека, которого любила. Если бы она высказывала все эти жестокие истины ему в глаза, дрожь в голосе выдала бы ее. В конце письма великодушная женщина предсказывала Оноре, что он еще будет счастлив в Эксе:

”Не могло же это произойти в первый день. Но ведь вы вместе обедаете и живете бок о бок; тщеславие и жажда удовольствий соединят вас, и вы получите то, чего жаждете. К тому же, поверьте мне, ваша партия слишком заинтересована окончательно завоевать вас и ни за что не согласится, чтобы вы отдали свое сердце женщине низкого происхождения”.

Несмотря на всю интуицию любящей женщины и друга, Зюльма Карро ошибалась, и амурные дела Бальзака не продвинулись. Маркизе де Кастри “природа даровала необходимые качества для роли кокетки… В ее смелых, выразительных взорах, в ласкающем голосе, в обаятельной беседе таились, как в зародыше, все любовные наслаждения. В герцогине угадывалась обольстительная куртизанка… Казалось, что, освободившись от корсета, она должна была стать самой очаровательной из любовниц” [Бальзак, “Герцогиня де Ланже”]. Но, увы, корсет она не снимала.

Того, кто не может утолить свои желания, как бы отравляет изнутри яд. Чарующие вечера, которые ничем не завершались, приводили Бальзака в ярость. Когда он пытался обнять маркизу, она сердилась, изображала испуг и прогоняла своего платонического любовника “с кушетки, как только соседство с ним становилось опасным”. У нее не было недостатка в доводах: религия, память о большой любви, которой она хотела сохранить верность, физическая слабость и недомогания, постоянно мучившие ее после падения с лошади. Во всем этом, несомненно, была частица истины. Госпожа де Кастри была женщина больная, с поврежденной поясницей, давно умершая для любви. Правда, религиозные соображения не помешали ей в свое время стать возлюбленной юного князя фон Меттерниха, но воспоминания о прелестном Викторе

отдаляли

ее теперь от Бальзака. Слава писателя ей льстила, его ум увлекал, а

остроумие забавляло. Она восхищалась им и даже была по-своему к нему

привязана, но не испытывала ни малейшего желания стать любовницей этого

дурно воспитанного толстяка, подлинная, внутренняя красота которого от нее

ускользала; вот почему она дарила ему только те милости, какие позволял

иезуитский устав, по которому жило светское общество, “где в любви

допускалось все, кроме того, что о ней свидетельствовало”.

Тем не менее он не терял надежды. Со свойственной ему

сентиментальностью он попросил у нее разрешения называть ее именем, какое

сам для нее выбрал. Это снова было имя “Мари”. Она согласилась. Ну как, это о чем-нибудь говорит? - спрашивал он у матери. Анриетта де Кастри

собиралась совершить путешествие по Швейцарии и Италии; ее должен был

сопровождать дядя, герцог Фиц-Джеймс, весьма благоволивший к Бальзаку; она

настаивала, чтобы ее верный кавалер Оноре также принял участие в поездке.

Счастливое предзнаменование. Во время путешествия, конечно же, представится немало благоприятных случаев. Денежный вопрос?. Его нетрудно

разрешить. Госпожа Бальзак получит ежемесячную сумму в журнале “Ревю де

Пари”; “Озорные рассказы” произведут фурор; он уже рассчитывал даже на доходы от продажи “Битвы”, которая существовала пока еще только в его голове. В Эксе Бальзак познакомился с Джеймсом Ротшильдом (он неизменно называл его “Ростшильд”), и тот, конечно же, снабдит его рекомендательным письмом к своему брату в Неаполе. Сколько нужно денег для поездки в Италию? Тысяча экю. Госпожа Бальзак получила распоряжение: ей надо прислать сыну тысячу двести франков, дорожные сапоги, помаду и флакон португальской воды - эта туалетная вода, по представлению Бальзака, была столь же неотразимым средством обольщения, как и перчатки лимонного цвета. Помимо того, он послал матери два куска фланели, которую носил на животе. Госпожа Бальзак должна была посоветоваться с “ясновидящей” о причинах докучавших ему болей, при этом фланель не следовало вынимать из бумаги, чтобы не нанести ущерба токам. И в конце письма стояло: “Положи в пакет полдюжины желтых перчаток”.

Вместе со своими знатными друзьями он посетил монастырь Гранд-Шартрез. Там, рядом со своей “Мари”, он любовался величественными альпийскими пейзажами, бурным потоком, разрушенной мельницей. Госпожа де Кастри, казалось, также испытывала живейшее волнение. Для Бальзака то был

торжественный день. В “Сельском враче” он так описал это: “Я посетил монастырь Гранд-Шартрез, бродил под безмолвными древними

сводами, слушал, как под аркадами, сбегая капля за каплей, звенит

источник. Я вошел в келью, чтобы постичь все свое ничтожество; на меня

повеяло суровым покоем, и я с умилением прочел надпись, начертанную на

двери по обычаю, заведенному в обители: тремя латинскими словами были

изложены в вей заповеди той жизни, к которой я так стремился: “Fuge, late, tace” [“Беги, скрывайся, молчи” (лат.)].

Посещение монастыря произвело неизгладимое впечатление на Бальзака. Уже

целый месяц он жил рядом с женщиной, которую страстно желал; он страдал, чувствуя, что его не любят. Мирная тишина обители внезапно заставила его

подумать о том, какие чувства обуревают человека, который покинул мир, разочаровавшись в любви, и уединился в монастырской келье. В голову ему

пришла фраза-талисман: “Сердцам разбитым - мрак и тишина”. Замыслы

осаждали его. Часто писатель, точно при свете молнии, провидит свою

будущую книгу. Мгновенная вспышка вдруг освещает необозримые картины - это

“великолепный взлет возбужденного ума, когда муки творчества исчезают, уступая место высшим радостям духа”. Все еще только предстоит сделать, ибо

“замысел - еще не исполнение”. И все же мы понимаем, почему Бальзак

написал матери: “Я работал три дня и три ночи; я сочинил целый том в

восемнадцатую долю листа, озаглавленный “Сельский врач”, Разумеется, это

не совсем так. Пока что существовал только план книги, но Бальзак во

внезапном озарении угадывал ее контуры. Он и в самом деле думает, что

роман его уже родился.

Бальзак - издателю Маму, 30 сентября 1832 года: “Удвойте внимание, мэтр Мам. Я давно уже охвачен, одержим жаждой

всенародной славы, а для этого надо добиться, чтобы мои книги, изданные

небольшим форматом в восемнадцатую долю листа, расходились во многих

тысячах экземпляров: так распродаются “Атала”, “Поль и Виргиния”, “Векфильдский священник”, “Манон Леско”, сказки Перро и так далее и тому

подобное.

Книги эти невелики по объему, но это возмещается многочисленными

изданиями; надо, чтобы книга могла попасть в руки ко всем читателям: в

руки юной девушки и ребенка, в руки старика и даже набожной женщины. А

когда книгу узнают - это происходит рано или поздно и зависит от таланта

автора и книгопродавца, - она становится прибыльным делом. Примеры тому: “Думы” Ламартина, которые изданы в количестве сорока тысяч экземпляров, “Руины” Вольнея и так далее.

Я задумал свою книгу именно такой, это будет книга, которую смогут

прочесть и привратница, и знатная дама. За образец я взял Евангелие и

Катехизис, две книги, на которые огромный спрос; так я создал свое произведение. Я перенес действие в деревню, впрочем, вы прочтете книгу всю, целиком - случай для меня необыкновенный”.

При первом чтении письмо шокирует. Как? Автор испытал огромное, святое волнение; он собирается воплотить это в романе и тут же говорит о своей будущей книге как о “прибыльном деле”; он характеризует Евангелие и Катехизис как “две книги, на которые огромный спрос”! Могут сказать: “Бальзак взял такой тон, чтобы внушить доверие деловому человеку, каким был Мам”. Но нет, мысль эта, видимо, близка самому писателю, он пишет матери, что книга окупит его путешествие в Италию. Вдумавшись глубже, мы понимаем, что настоятельная потребность в деньгах может стать прозаической причиной, вызвавшей появление шедевра. А почему бы и нет? Различные элементы соседствуют в уме писателя. Нужен высокий накал, чтобы образовался сплав. Крайняя необходимость рождает необходимый эффект.

Но какой роман, какая интрига помогут ему изобразить те сильные чувства, которые он испытал? Мы уже знаем, что Бальзак задумал написать короткую назидательную книгу. Человек, раненный в самое сердце, удаляется от света во “мрак и тишину”; он делает полезным свое затворничество, принося цивилизацию в затерянный в горах край. То был замысел

одновременно

простой и возвышенный. Он напоминал огромные фрески Гете. Ища образцы, Бальзак прежде всего вспомнил о романе Оливера Голдсмита “Векфильдский

священник” и вначале хотел сделать своего героя священником. Однако, для

того чтобы создать живой образ сельского священника, ему не хватало знания

внутреннего мира служителя церкви. Уж лучше он поставит в центре своей

книги врача. Возможно, он пришел к такой мысли потому, что во время

посещения монастыря Гранд-Шартрез он видел селение Вореп, преобразованное

трудами доктора Рома. Или потому, что некогда в Лиль-Адане Бальзак

познакомился у Вилле-Ла-Фэ с благодетелем того края доктором Босьоном. А

может, все дело было в том, что он читал и печатал в своей типографии

рассказы о пасторе Оберлене, философе и филантропе? Нам трудно

остановиться на одной из этих гипотез, ибо в каждой из них скрывается доля

истины. Для того чтобы вылепить образ доктора Бенаси, Бальзак безотчетно

сплавлял воедино воспоминания юности, недавние впечатления, встречи, книги. Наступит день, и Бенаси, возникший как некий сплав всех этих

призраков и обогащенный идеями своего создателя, заживет собственной

жизнью. Он будет тем, кем был бы сам Бальзак, если бы, вместо того чтобы

творить воображаемый мир, он стал преобразовывать мир действительный.

“Писатели никогда ничего не выдумывают”, - охотно повторял Бальзак. Это

верно, но следовало бы прибавить: “Писатели никогда ничего не копируют”.

На втором плане Бальзак выведет в книге великолепные фигуры солдат

Империи. Наполеон все еще остается народным героем; его имя послужит

“увеличению спроса” на небольшую книгу в двести страниц. Собеседником

Бенаси - человеком, который поможет нам узнать о том, что сделал доктор

для этого горного края, - станет майор Женеста, отчасти (но только

отчасти) образцом для него послужил приятель супругов Карро - Периола.

Старые ворчуны, участники великих походов, которые ушли в отставку и живут

теперь в горных деревушках, будут говорить о своем императоре. Бальзак

благодаря своим друзьям из Сен-Сира знал множество военных историй. А кто

больше, чем он, восхищался Наполеоном? Однако, когда писатель 10 октября

покинул Экс, “Сельский врач” все еще оставался замыслом, а “Битва” - лишь

смутным видением.

Прежде чем отправиться в путешествие, Бальзак решил оправдать себя в

глазах Зюльмы Карро. Он простил ей суровое письмо.

”Вы были несправедливы. Это я-то продался партии ради женщины?.. Человек, ведущий целомудренную жизнь на протяжении целого года!.. Я поделился с вами игрой своего воображения, а вы превратили меня в какое-то чудовище… Для меня красивая обстановка - удовольствие, потребность, в такой же мере насущная, как свежее белье и ванна. Я завоевал себе право жить среди шелков, ибо, если потребуется, я завтра же без сожаления, без вздоха возвращусь в мансарду художника, в мансарду с голыми стенами, но никогда не совершу постыдного поступка, никогда никому не продамся. О, зачем вы клевещете на человека, который любит вас и в трудные минуты с гордостью вспоминает о вашей дружбе! Великие труды - значит, и великие излишества, куда как просто!..”

Он убеждал Зюльму, что ее опасения напрасны и в тот день, когда его партия придет к власти, он, Бальзак, по-прежнему будет придерживаться либеральных взглядов.

”Ограничение всех привилегий знати палатой пэров; освобождение церкви от власти Рима; естественные географические границы Франции; полное уравнение в правах среднего класса; признание действительных преимуществ; сокращение расходов; увеличение доходов казны путем

преимуществ, сокращение расходов, увеличение доходов казны путем улучшения налоговой

системы; всеобщее образование - вот главные принципы моей политики, которым я останусь верен.

Дела мои не будут расходиться со словами".

Но он просил свою приятельницу сохранить эту программу в тайне, чтобы

не навлечь на него ненависть его партии. Зачем в таком случае вступил он в

союз с этими людьми? Дело в том, что без их поддержки его не выберут.

Герцог Фиц-Джеймс поможет ему попасть в палату депутатов. "Сельский врач"

завоюет ему новых друзей. "Это полезное произведение, оно достойно премии

Монтиона".

Что еще? Пусть Зюльма не воображает, что он пленник маркизы де Кастри: "Я говорю себе, что такой человек, как я, не должен жить, цепляясь за

бабью юбку; мне надлежит свободно следовать своей судьбе и не ограничивать

свой горизонт лицезрением женского корсажа".

Бальзак - матери, 23 сентября 1832 года: "Я все хорошо подсчитал, этих денег мне хватит до Рима. Мы отправимся

вчетвером, в экипаже госпожи де Кастри; все расходы на поездку из Женевы в

Женевы в Рим, включая стоимость провизии, лошадей, гостиниц, составят тысячу франков; на мою долю придется двести пятьдесят франков… Я совершу чудесное путешествие в обществе герцога, который по-отечески относится ко мне. Всюду я буду принят в высшем обществе. Второй такой случай мне больше не представится. Герцог уже бывал в Италии; он хорошо знает страну, и поэтому я буду избавлен от ненужной потери времени, кроме того, его имя откроет передо мной все двери. Герцогиня и он очень добры ко мне”.

Добры к нему?.. Герцог-то возможно, но вот маркиза по-прежнему каждый вечер выпроваживает Бальзака; отлично видя, как страстно он ее желает, она весьма неохотно позволяла Оноре некоторые вольности, приводившие его в исступление, но упорно отказывала ему в высших милостях. С этой великосветской Селименой, видимо, следовало вести себя дерзко, подобно записным сердцеедам, которые не вымаливают у женщины благосклонности, а сами добиваются ее. Тысячи мыслей, владевших Бальзаком, сводились к одной: “Хочу вами обладать”. В Женеве он оказался вместе с нею в гостинице “Корона” и был уверен, что маркиза наконец-то будет принадлежать ему. Увы!

Возвратившись после осмотра виллы Диодати, где некогда жил Байрон, она, подарив поклоннику поцелуй, наполнивший его обманчивой надеждой, вслед за

тем объявила, что никогда не станет его любовницей. Он направился в город, глотая слезы. Он страдал оттого, что его желаниям не суждено было сбыться, и еще больше - из-за уязвленной гордости. К чему дольше упорствовать? Не

признаваясь прямо в своем поражении, он написал Зюльме Карро: “Господи! Я

снова во власти самых горестных переживаний… Приходится отказаться от

путешествия в Италию… У меня столько неприятностей, что я даже не могу

их вам пересказать”.

У нас есть доказательства, что соображения, которые Бальзак привел

Зюльме, чтобы объяснить, почему он отказался от мысли о поездке в Италию

(“Матушка не желает больше заниматься в Париже моими делами”), были

выдуманы, ибо он в то же время писал госпоже Бальзак: “Любезная матушка, будет гораздо разумнее, если я месяца на три возвращусь во Францию…

Итак, я приеду, но не в Париж; о моем возвращении никто не будет знать, а

в феврале я отправлюсь в Неаполь через Марсель пароходом”. Между Бальзаком

и маркизой де Кастри не произошло полного разрыва; она продолжала ему

писать. Но она его больно унизила. Для своей книги “Сельский врач” он

написал “Исповедь доктора Бенаси”, в которой тот объяснял свое затворничество желанием бежать от бессердечной женщины.

”Тут вся моя история. Ужасная история! Она повествует о человеке, который на протяжении нескольких месяцев наслаждался окружающей природой, яркими лучами солнца, необыкновенно живописным краем и вдруг потерял зрение. Да, милостивый государь, несколько месяцев блаженства, а потом - ничто. Зачем было превращать мою жизнь в сплошной праздник?.. Зачем было называть меня несколько дней своим любимым, если она намеревалась отобрать у меня этот титул, единственный, к которому я стремился всей душой?.. Ведь она все скрепила своим поцелуем, этим сладостным и священным обетом… Воспоминания о поцелуе не стираются вовек… Когда же она лгала? Когда опьяняла меня своим взором, шепча имя, которое я дал ей, полюбив, и которое она приняла (Мари), или когда она односторонне, порвала договор, налагавший обязательства на наши сердца, договор, в силу которого наши помыслы сливались и мы становились как бы одним существом. Так или иначе, но она солгала… Вы спросите, как же именно произошла эта страшная катастрофа?.. Да самым обычным образом. Еще накануне я был для нее всем, а наутро - ничем. Накануне голос ее был благозвучен и нежен, взор полон

очарования, а наутро голос зазвучал сурово, взор стал холодным, манеры - сухими; в одну ночь умерла женщина, та, которую я любил. Отчего это случилось? Не знаю… Несколько часов я был во власти демона мщения. Я был способен сделать ее предметом всеобщей ненависти, выставить на всеобщее обозрение, привязав к позорному столбу”.

Эта “Исповедь” была написана и приступе ярости. Бальзак не включит ее в окончательный текст книги, но все же пригвоздит коварную кокетку “к позорному столбу”, и сделает он это в романе, который уже зарождается и шевелится в недрах его сознания. “Писатель вознаграждает себя, как может, за несправедливость судьбы”. Но куда ехать тем временем? В Париже полным-полно кредиторов. Зюльма предлагает свой дом и дружеское сердце. Он ждал этого: “Какую признательность я испытывал, читая ваше доброе и нежное письмо, на которое я, впрочем, рассчитывал, как некогда рассчитывал Лафонтен на любезное приглашение госпожи Эрвар”. Разумеется, он погостит в Ангулеме, но прежде, как раненая птица, укроется в Булоньере, возле той, что всегда перевязывала и врачевала его раны, возле белого ангела - Лоры де Берни.

В этом поместье вблизи Немура его посетил издатель Луи Мам; он рассчитывал получить от автора рукопись “Сельского врача”, Бальзак мог показать ему только то, что имел: названия глав. Но если для писателя выносить замысел книги значило уже создать ее, то у издателя были на сей счет иные соображения. Чтобы Бальзак мог целиком отдаться своему труду, друг Зюльмы Карро, молодой художник Огюст Борже, страстный его почитатель, чудесный и самоотверженный юноша, предложил взять на себя заботу о домашних делах великого писателя; для этого он готов был поселиться на улице Кассини. Борже прибыл туда, чтобы сменить госпожу Бальзак. Вскоре он также был ошеломлен ураганом, который бушевал вокруг Оноре.

Борже - Бальзаку:

”Бури, говорите вы, с ужасающей быстротою одна за другой обрушиваются на вас. Меня удивляет только одно, мой друг: как это вы их не предвидели?.. Ведь вы сделали решительно все для того, чтобы тучи нависли над вашей головою, а теперь дивитесь, что сверкают молнии и гремит гром”.

Было условлено, что Бальзак станет каждый месяц давать матери сто пятьдесят франков. Весьма скромный процент от суммы его долга. Она еще

владела домом (на улице Монторгей) и не бедствовала, но нуждалась. В начале декабря Бальзак возвратился к себе на улицу Кассини, так и не побывав в Ангулеме. После долгого отсутствия он сильно стосковался по Парижу. Эжен Сю писал ему развязным тоном, обычным для завсегдатаев “инфернальной ложи”:

”Мой славный Бальзак… Сейчас я отвечу на все ваши вопросы по порядку.

Во-первых, о любви. У меня на содержании девица, и я, как уже вам говорил, забавляюсь тем, что бужу в ней ненависть и презрение к моей особе. Как видно, она сильно изголодалась, если, несмотря ни на что, терпит меня.

Одновременно у меня любовная связь со светской дамой, которая меня очень мало занимает и Сама также платит мне полным равнодушием… Однако мы сохраняем эти отношения по привычке - ведь в конечном счете в наши годы все видишь в истинном свете, без прикрас, и любовь уже не может быть высокой целью, источником радости или веры”.

Эти цинические речи были полным контрастом воркованию госпожи де Берни, которая с нежностью вспоминала о том, как чудесно они провели время в Гренадьере два года назад. Но увы! Dilecta даровала ему истинную любовь,

“которая должна была угаснуть”. Она уже полностью утратила женскую привлекательность. Откуда же было ему ждать утешения? Гризетки и содержанки его не манили. “Женщина из общества сама не пойдет навстречу моим желаниям, а я работаю по восемнадцать часов, мне буквально не хватает суток, и у меня нет ни времени, ни охоты насиловать свою натуру и ломаться, изображая денди, перед какой-нибудь вздорной бабенкой… Брак принес бы мне покой. Но где найти жену?”

Главным препятствием была его бедность. Славы у Бальзака хватало. Правда, с годами красивее он не стал. Он сильно располнел, внушительный живот и слишком короткие ноги делали его сбоку похожим на пикового туза. И тем не менее Ламартин, встретивший Бальзака у супругов Жирарден, отметил, что стремительный полет мысли заставлял тут же забывать о малопривлекательной внешности этого приземистого толстяка.

”Он ничем не походил на человека нашего времени. При виде его вам чудилось, будто вы попали в иную эпоху и очутились в обществе двух или трех снискавших себе бессмертие людей, группировавшихся вокруг Людовика XIV… Бальзак стоял перед мраморным камином… Дородностью он походил на Мирабо, но его нельзя было назвать грузным; в нем было столько душевных

душевных

сил, что казалось, будто он легко и весело несет свое тело - не как тяжкое

бремя, а как почти невесомую оболочку… Необыкновенно выразительное лицо, от которого нельзя было отвести глаз, очаровывало, завораживало вас. Но

больше всего в этом лице поражал даже не ум, а подкупающая доброта… На

его физиономии не может даже появиться чувство ненависти или чувство

зависти; ему просто невозможно не быть добрым. Но то была не равнодушная, беззаботная доброта, которая читалась на эпикурейском лике Лафонтена, то

была доброта любящая, умная доброта человека, знающего цену и себе, и

другим… Именно таков и был Бальзак. К тому времени, когда мы уселись за

стол, я уже успел его полюбить”.

Женщина также могла бы его полюбить. Госпожа де Берни и Зюльма Карро

это хорошо знали. Но Бальзак требовал от своей будущей невесты богатства, красоты, молодости, положения в обществе, а сам он мог предложить ей

взамен, помимо гениальности, которая в глазах нотариусов мало чего стоила, лишь сто тысяч франков долга.

XV. ПОЯВЛЕНИЕ ЧУЖЕСТРАНКИ

Миф об Адамовом ребре гласит: была

сотворена такая женщина, о какой

мечтает в молодости всякий мужчина, и

явилась она Адаму во сне.

Бальзак

Вот уже несколько месяцев он тешил себя необычайной, нелепой, но

чудесной мечтою. Среди множества писем, которые Бальзак получал от женщин, он обратил внимание на одно: оно было отправлено из Одессы 28 февраля 1832

года и подписано: Чужестранка. Почерк и слог выдавали “женщину из

общества”, больше того, аристократку. После восторженных похвал по адресу

“Сцен частной жизни” корреспондентка упрекала Бальзака в том, что, создавая “Шагреневую кожу”, он позабыл как раз то, что принесло успех

“Сценам”, - утонченность чувств. Буйная оргия куртизанки, “женщина без

сердца” - все приводило в замешательство загадочную читательницу, и она

решила послать автору письмо без подписи. Бальзак на всякий случай

подтвердил получение этого анонимного послания через “Газетт де Франс”, но

его таинственная корреспондентка так никогда и не увидела этого номера

газеты. 7 ноября Чужестранка вновь прислала письмо.

”Ваша душа прожила века, милостивый государь; ваши философские взгляды кажутся плодом долгого и проверенного временем поиска; а между тем меня уверили, что вы еще молоды; мне захотелось познакомиться с вами, но я полагаю, что в этом даже нет нужды: душевный инстинкт помогает мне почувствовать вашу сущность; я по-своему представляю вас себе, и если увижу вас, то тут же воскликну: “Вот он!” Ваша внешность ничего не может сказать о вашем пламенном воображении; надо, чтобы вы воодушевились, чтобы в вас вспыхнул священный огонь гения, только тогда проявится ваша внутренняя суть, которую я так хорошо угадываю: вы несравненный знаток человеческого сердца. Когда я читала ваши произведения, сердце мое трепетало; вы показываете истинное достоинство женщины, любовь для женщины - дар небес, божественная эманация; меня восхищает в вас восхитительная тонкость души, она-то и позволила вам угадать душу женщины”.

Она и на сей раз не пожелала назвать себя: “Для вас я Чужестранка и останусь такой на всю жизнь”. Но она обещала Бальзаку время от времени писать, чтобы напоминать о том, что в нем живет божественная искра. Она угадывала, что ее любимый автор обладает “ангельской душой”, которая могла

бы понять “пламенную душу”, какой была наделена она. Живя за тысячу лье от

него, она желала сделаться его совестью и открывать ему вечные истины.

“Несколько ваших слов, напечатанных в “Котидьен” [в те времена “Котидьен”

была единственной французской газетой, которую русская цензура не

запрещала распространять], вселят в меня уверенность, что вы получили мое

письмо и что я могу и впредь безбоязненно вам писать. Подпишите: “О.Б.”.

Все это - и таинственность, и ангельские ноты, и возвышенный слог - как

нельзя больше отвечало внутренней потребности Бальзака, и он, разумеется, не мог пренебречь подобным случаем. 9 декабря 1832 года в газете

“Котидьен” было помещено короткое объявление: “Господин де Б. получил

адресованное ему послание; он только сегодня может известить об этом при

посредстве газеты и сожалеет, что не знает, куда направить ответ”. После

чего таинственная корреспондентка открыла свое инкогнито. То была графиня

Эвелина Ганская, урожденная Ржевусская, принадлежавшая к знатному

польскому роду, тесно связанному с Россией; в 1819 году она вышла замуж за

Венцеслава Ганского, предводителя дворянства на Волыни, который был на

двадцать два года старше ее. Ее сестра Каролина, женщина необычайной

красоты и тонкого ума, оставила своего первого мужа, пятидесятилетнего Иеремию Собаньского, ради русского генерала Витта, с которым открыто жила на протяжении пятнадцати лет. Эта “официальная связь” не мешала ей кокетничать с Мицкевичем и Пушкиным, которые благодаря ей сблизились между собою. Царь считал Каролину Собаньскую женщиной опасной и одинаково коварной как в любви, так и в политике. Дамы из этого рода питали пристрастие к людям выдающимся. Но Эвелина слыла более положительной, нежели ее сестра.

Венцеслав Ганский владел на Украине поместьем Верховня, у него были 21000 гектаров земли и 3035 душ крепостных. Для Бальзака в его новой победе было что-то от восточных сказок. Его гордость, уязвленная неудачей с маркизой де Кастри, брала теперь реванш. Новая поклонница, казалось, сочетала в себе все: молодость (госпоже Ганской было тридцать два года, но она говорила, что ей двадцать семь), красоту (в этом он не сомневался), сказочное богатство, и вдобавок у нее был старый муж. Из-за него необходимо было принимать некоторые меры предосторожности. Вскоре, однако, отыскалась и нужная сообщница - швейцарка Анриетта Борель, которую в доме называли Лиреттой, гувернантка Анны, единственной дочери госпожи Ганской, оставшейся в живых из пяти ее детей. Анриетта согласилась получать на свое имя письма, которые знаменитый писатель посылал романтичной владелице

поместья, вкладывая их в двойной конверт.

У романиста, можно сказать, сотня сердец на любой образец. С Чужестранкой Бальзак был совсем иным, чем, например, с Эженом Сю и Латур-Мезрэ. Что это, плутовство в чувствах? Вовсе нет. Пылкое сердце, нетронутое воображение, жажда чистой любви, экзальтация, которые он описывал, - все это составляло одну из сторон его натуры. “На земле, - писал он Чужестранке, - живут несчастные изгнанники небес; узнавая друг друга, они проникаются взаимной любовью”. И она, и он - оба принадлежат к этому племени.

”В разгар битвы, которую я веду, в лихорадке тяжелого труда и моих бесконечных исканий, в горниле этого всегда возбужденного Парижа, где политика и литература поглощают у меня шестнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки, я, человек глубоко несчастный и ничуть не похожий на тот образ писателя, который все себе рисуют, переживал чудесные часы, которыми обязан вам. И вот, чтобы отблагодарить вас, я посвятил вам четвертый том “Сцен частной жизни” и поместил оттиск вашей печатки вверху, над названием последней из “Сцен”, над которой работал в ту пору, когда получил ваше первое письмо. Но одна особа, которая близка мне как мать, к чьим капризам

и даже к ревности я обязан относиться с уважением, потребовала, чтобы это немое свидетельство моих тайных чувств было снято. Я чистосердечно рассказываю вам историю этого посвящения и того, почему оно было уничтожено, ибо полагаю, что вы обладаете возвышенной душою и сами не захотели бы, чтобы, выражая вам свою признательность, я причинил горе особе, столь же благородной и почитаемой мною, как та, что даровала мне жизнь, ибо особа эта помогла мне удержаться на поверхности горестного и бурного житейского моря, волны которого грозили меня поглотить еще совсем молодым".

Упомянутая особа была, разумеется, Dilecta. Трогательную картину своего почти сыновнего отношения к ней Бальзак нарисовал в общем правдиво. "Узы вечные и узы распавшиеся". Гораздо меньше соответствовала действительности нарисованная им картина одинокой жизни и опасностей, грозивших ему в связи с политической борьбой. "Оракул побежденной партии, выразитель благородных и проникнутых верой идей, я уже стал предметом сильной ненависти. Чем больше надежд возлагают одни на мой голос, тем больше другие его

страшатся”. Изнемогая под гнетом непосильного труда и жестоких огорчений, он, по его словам, нуждался в сочувствии женщины, которую обожал бы и почитал. Владелица Верховни вполне подходила для этой роли. Она уже поддалась было соблазну, но затем ею овладело сомнение, ибо она внезапно получила письмо, написанное другим почерком и совсем другим слогом; письмо было запечатано черным сургучом. Его написала Зюльма Карро, которая была в ту пору в трауре; Бальзак иногда поручал ей отвечать на письма, полученные им от незнакомых женщин.

Бальзак - госпоже Ганской, январь 1833 года: “Вы страшитесь стать предметом шутки? С чьей же стороны? Со стороны бедняги, который вчера был и завтра еще окажется жертвой своей почти женской стыдливости и застенчивости, своих верований. Вы требуете объяснить несхожесть почерка в двух полученных от меня письмах, вы полны недоверия; но у меня столько разных почерков, сколько дней в году, однако при этом я самый постоянный человек на свете. Моя переменчивость лишь следствие фантазии, я могу вообразить все что угодно и при этом останусь девственным”.

Объяснение было малоправдоподобное; и Бальзак постарался поскорее переменить тему: он заговорил о “Луи Ламбере”, этот роман в тогдашнем его виде казался ему “жалким недоноском”, и он решил переработать его. В то время (январь 1833 года) он заканчивал “выдержанный в евангельском духе” труд, который казался ему опоэтизированным “Подражанием Иисусу Христу”. Речь шла о “Сельском враче”, за которым должна была последовать “Битва”. Бальзак не написал еще ни одной страницы “Битвы”, но в письме он весьма подробно говорил о ней.

”Надо, чтобы, сидя в кресле, невозмутимый читатель видел перед своими глазами местность, гористый рельеф, скопление людей, стратегические маневры, Дунай, мосты, надо, чтобы он восхищался этим сражением в целом и отдельными его эпизодами, чтобы он слышал грохот артиллерийских орудий, чтобы его занимало передвижение войск, точно на шахматной доске, чтобы он видел все, угадывал в каждом движении этого огромного войска волю Наполеона: ведь я не выведу его на сцену, в лучшем случае покажу, как он вечером переправляется на судне через Дунай! Ни одного женского лица,

только пушки, лошади, две армии, разноцветные мундиры. На первой странице

грохочет орудие, оно умолкает на последней. Вы будете читать, словно сами

окутаны клубами дыма, а закрыть книгу вы должны с таким чувством, будто

мысленным взором созерцали битву и вспоминаете о ней как очевидец”.

Какие глыбы ему предстояло ворочать! И как нуждался этот “бедняга”, этот гений в ободряющем голосе, который приобщил бы его к жизни, достойной

мужчины, “позволив собирать цветы страсти на обочине дороги”. С юных лет

он жаждал любви молодой и красивой женщины. Он познал любовь, но женщина, увы, не была молода. “Я, еще не зная вас, уже люблю, это может показаться

странным, но таков естественный результат моей доселе пустой и несчастной

жизни”. Госпожа Ганская сразу же увлеклась этой игрою. Она расспрашивала о

Бальзаке у путешественников, возвращавшихся из Франции. Ей говорили, будто

он пьет (“Я не пью ничего, кроме кофе”), будто он бывает у таких порочных

людей, как Эжен Сю (“Эжен Сю добрый и любезный молодой человек, он только

бравирует своей мнимой порочностью”), будто он ведет светскую жизнь (да, было время, когда он засиживался после полуночи у друзей,

рассказывая им

разные истории; он отказался от этого, чтобы не прослыть пустым

забавником); к тому же, прибавлял Бальзак, “великое разочарование, о

котором говорит весь Париж” (неудачный роман с маркизой де Кастри), вновь

ввергло его в безмолвие, уединение и упорный труд.

В первые месяцы 1833 года Бальзак и вправду чудовищно много работал.

“Луи Ламбер” был опубликован 31 января, и критика сразу же его разругала.

Этого следовало ожидать. Для того чтобы абстрактные идеи захватили

читателя, они должны воплотиться в легенду или в рассказ. А “Луи Ламбер”

подобен сгустку мысли, кристаллу, не отшлифованному и не вставленному в

оправу. Однако верная Зюльма Карро ставила эту книгу, “отбрасывая всякое

дружеское пристрастие, гораздо выше “Фауста” Гете”. Все же в этом суждении

дружеское пристрастие играло, пожалуй, гораздо большую роль, чем думала

госпожа Карро.

Обязательства по невыполненным контрактам беспощадно напоминали о себе.

Журнал “Ревю де Пари” настойчиво требовал от Бальзака новелл, на которые

редакция имела право, ибо ежемесячно выплачивала ему гонорар. Писатель поспешно заканчивал первый эпизод из “Истории Тринадцати”, замысел которой уже давно зрел в его уме. Сюжет этого произведения был ему по душе. “Во время Империи нашлось в Париже тринадцать человек… наделенных достаточно большой энергией, чтобы сохранять верность общему замыслу, достаточно честных, чтобы друг друга не предавать”. Бешеная энергия, огромная сила воли, тайные общества - Бальзаку всегда нравились подобные темы. Его отец был франкмасоном и часто рассказывал сыну о влиянии, которым обладали тайные общества. Между франкмасонами и корпорациями подмастерьев существовали некоторые связи. Сеть таких тайных содружеств, связанных взаимной поддержкой, опутывала Францию. Из “Мемуаров” бывшего каторжника Видока, ставшего затем главою сыскной полиции, читатели узнали о нерушимой солидарности, существующей в преступном мире.

Тайные сообщества отвечают исконной потребности человеческих существ. Посвящение в тайну, магические узы восходят к самым древним цивилизациям. Бальзаку больше чем кому-либо нравилось рисовать в своем воображении человека или людей, подобных богам, царящих в Париже и во всем мире.

Он с

наслаждением создавал образ Феррагуса, предводителя деворантов, сверхчеловека, сурового и неукротимого, одного из Тринадцати, а читатели

“Ревю де Пари” с не меньшим удовольствием знакомились с этой

фантастической повестью, действие которой происходило в их время и в том

обществе, где жили они сами. Сказка “Тысячи и одной ночи” словно сошла на

Париж. По его ночным улицам бродили Тринадцать поборников справедливости.

Всякий, кто начинал читать “Феррагуса”, не мог оторваться от книги.

Заключенная в крепость Блэ герцогиня Беррийская прочла повесть “Феррагус”

и просила своего врача, доктора Меньера, узнать у Бальзака, с которым тот

был в дружеских отношениях, конец этой демонической истории.

Доктор Меньер - Бальзаку:

”Над вашими произведениями плакали, стенали… Спасибо вам, чародей, вы

заменяете узникам Провидение”.

Бальзак, обрадованный и польщенный, ответил: “Заменять Провидение узникам, мой дорогой Меньер, - самая прекрасная

роль, какая только существует на свете, и возможность принести утешение

одному из тех ангельских созданий, которых именуют женщинами

одному из тех ангельских созданий, которых именуют женщинами, особенно если создание это почему-либо страдает, для меня дороже самой громкой славы”.

Он объявил о том, что пишет новый эпизод из “Истории Тринадцати”, который будет называться “Не прикасайтесь к секире”. То была будущая повесть “Герцогиня де Ланже”. В ней должна была найти своеобразное отражение история неудачной любви к Анриетте де Кастри. Бальзак готовился мысленно вкусить жестокое мщение: Тринадцать должны были заклеймить раскаленным железом знатную и вероломную кокетку, после чего автор для спасения ее души намеревался отправить героиню повести в обитель кармелиток (такой монастырь находился неподалеку от его дома на улице Кассини, и пение монахинь умиляло писателя).

Однако он признается, что эта “фабрика идей” совершенно изматывает его. Столь неистовый труд требовал непосильного напряжения, и Бальзак уже с той поры, когда он жил в мансарде, прибегал к возбуждающим средствам, главным образом к кофе, который прогоняет сон. Кофе, какой пьют простые смертные, оказывает свое действие всего две-три недели. “По счастью, этого времени достаточно, чтобы написать оперу”, - говаривал Россини. Бальзак

продлевает этот срок, увеличивая крепость напитка. Он обнаружил, что, во-первых, кофе, истолченный по-турецки, гораздо вкуснее молотого; что, во-вторых, кофе действует куда сильнее, если его залить холодной водой, а не кипятком; что, в-третьих, напиток будет оказывать свое действие на неделю или даже на две дольше, если уменьшить количество воды, чтобы получилась гуща, некий кофейный экстракт. Если пить кофе натощак, он обжигает стенки желудка, заставляет его резко сжиматься, сокращаться. “И тогда все приходит в движение: мысли начинают перестраиваться, подобно батальонам Великой армии на поле битвы, и битва разгорается. Воспоминания идут походным шагом с развернутыми знаменами, легкая кавалерия сравнений мчится стремительным галопом; артиллерия логики спешит с орудийной прислугой и снарядами; остроты наступают цепью, как стрелки” [Balzac, “Traite des excitants modernes” (Бальзак, “Трактат о современных возбуждающих средствах”)]. Словом, бумага покрывается чернилами, подобно тому как поле битвы окутывается темным пороховым дымом. Книга входит в строй, сердце писателя выходит из строя.

Литературный Париж утомлял Бальзака и вызывал в нем отвращение.

“Какая

все это грязь!” Он писал Чужестранке (весьма несправедливо), что Виктор

Гюго, “женившийся по любви и ставший отцом прелестных детей, ныне тешится

в объятиях недостойной куртизанки”. Он, Бальзак, благодарение Богу, избежал этой трясины, ибо небо даровало ему нескольких друзей с

возвышенными сердцами: это Dilecta, дама из Ангулема (Зюльма Карро), живописец Огюст Борже, сестра Лора, а теперь к ним прибавилась милая

Чужестранка. Ах, пусть она почаще пишет ему!

”Умоляю, расскажите мне подробнее, так ласково и вкрадчиво, как вы

умеете, о том, как течет ваша жизнь, час за часом; позвольте мне как бы

стать очевидцем всего. Опишите мне места, где вы живете, все, вплоть до

обивки мебели… Пусть мой мысленный взор… обращаясь к вам, повсюду вас

находит; пусть видит вас склонившейся над вышиванием, над начатым цветком; пусть всякий час следует за вами. Если бы вы только знали, как часто

усталый мозг жаждет отдыха, но отдыха деятельного! Как благотворны

сладостные мечты, когда я могу сказать себе: “В эту минуту она там-то или

там-то, она смотрит на такую-то вещь!” Ведь я считаю, что мысль способна

преодолевать расстояния, что у нее достаточно силы, чтобы побеждать их! В

этом мои единственные радости, ибо жизнь моя наполнена непрерывным

”

трудом´´.

И каким трудом! Побуждаемый стремлением создать колоссальный памятник и постоянной нуждой в деньгах, Бальзак подписывает договоры уже не на отдельные романы, а сразу на серии романов: Гослен будет издавать “Философские этюды”, Мам - “Этюды о нравах”. Но, несмотря на свою невероятную работоспособность, писатель не в силах выполнить взятые обязательства. Он обещал десять томов. Но хотя он работал днем и ночью, всякий раз оказывалось, что книга не готова к сроку. И тогда Бальзак прикладывал поистине нечеловеческие усилия.

Бальзак - Зюльме Карро:

”Надо вам сказать, что я погружен в неимоверный труд. Я живу как заводная кукла. Ложусь в шесть или семь часов вечера, вместе с курами; в час ночи меня будят, и я работаю до восьми утра; потом сплю еще часа полтора; затем легкий завтрак, чашка крепкого кофе, и я вновь впрягаюсь в упряжку до четырех часов дня; затем у меня бывают посетители, или я сам куда-нибудь выхожу, или принимаю ванну; наконец я обедаю и ложусь спать.

Такую жизнь мне придется вести целый месяц, в противном случае невыполненные обязательства поглотят меня. Доходы растут медленно, а долги

неуклонно увеличиваются. Правда, ныне я уверен, что у меня будет большое состояние, но надо набраться терпения и работать еще года три; надо переделывать, исправлять, во всем добиваться монументальности; какой неблагодарный, ни для кого не заметный труд, к тому же без ощутимых результатов”.

Ко всему еще женщины беззастенчиво отнимали у него столь драгоценное время. Нет, не госпожа де Кастри: “Неслыханная холодность постепенно пришла на смену чувству, которое я считал страстью, охватившей сердце этой женщины: ведь она в начале нашего знакомства вела себя достаточно благородно”. Но зато герцогиня д’Абрантес, например, спрашивала у Бальзака, жив ли он еще, и сетовала, что так редко видит его.

Благоразумная Зюльма заклинала писателя остерегаться супругов Жирарден: “Он просто спекулятор… А она бездушна… Если бы вы по-прежнему общались с людьми простыми и здравомыслящими, как мы, насколько вы были бы счастливее, пусть даже ваши произведения утратили бы от этого некоторые свои краски!” Друзья всякого писателя неизменно советуют ему не видеться ни с кем, кроме них. Доктор Наккар уже в который раз настоятельно рекомендовал Бальзаку отдохнуть. И писатель провел в Ангулеме вторую

половину апреля и первую половину мая 1833 года.

А в Париже Бальзака снова ожидали крупные неприятности. Новый журнал, “Эроп литерэр”, предложил к его услугам свои страницы; Бальзак согласился

и отдал туда “Теорию походки”, блестящую вещицу в духе Лафатера; для этого

журнала он готовил и новую “Сцену провинциальной жизни” - роман “Евгения

Гранде”. Издатели Гослен и Мам пришли в ярость от такого вероломства и в

негодовании потрясали невыполненными контрактами. Мам порвал с Бальзаком

все отношения и обратился в коммерческий суд. Бальзак в отместку поступил

совсем по-ребячески: он отправился к типографу Барбье (его бывшему

компаньону, в чьи руки перешла затем их общая типография), чтобы рассыпать

набор “Сельского врача”. В этой войне писатель был обречен на поражение, ибо право было не на его стороне. Тогда он попросил Лору д’Абрантес, которой в свое время представил издателя Мама, ныне выпускавшего ее

произведения, вмешаться. По уверениям госпожи д’Абрантес, она защищала

Бальзака, “как сестра защищала бы любимого брата”. Она убеждала издателя, что “Сельский врач” - самая прекрасная книга на свете. В награду она

хотела, чтобы Бальзак навестил ее, приехал бы как-нибудь в ее уединенное

жилище “в час, когда день уже угасает, а ночь еще не наступила…

Приезжайте же поскорее, а главное - рассчитывайте на меня, как на лучшего своего друга”. Но он не приехал и даже не поблагодарил ее, а поступил совсем уж нелогично - отверг посредницу, к которой прежде обращался за содействием.

Бальзак - герцогине д’Абрантес:

”Вы оказали мне дурную услугу, заговорив о моем произведении с отвратительным палачом, чье имя Мам; на его совести кровь и банкротства многих, теперь он хочет прибавить к слезам разоренных им людей горе еще одного труженика. Разорить меня он не может, ибо у меня ничего нет, и он попытался меня очернить, он терзал меня. Я не еду к вам потому, что не хочу встретиться с этим висельником…”

Такая несдержанность не шла на пользу Бальзаку, и третейские судьи признали, что он не прав. Писатель утешился, размышляя о славе, которую принесет ему “Сельский врач”, наконец-то вышедший в свет 9 сентября. “Право же, думаю, что я могу умереть спокойно, ибо я подарил своей стране великое произведение. По-моему, книга эта стоит больше многих законов и выигранных сражений. Это - Евангелие в действии”. “Сельский врач” не

был

обычным романом. Доктор Бенаси, известный врач, который в силу

таинственных причин решил искать в затерянном уголке Альп “мрак и тишину”, радушно принимает своего гостя, майора Женеста, в горном селении, которое

он, Бенаси, возродил к жизни. Он знакомит майора с обитателями селения: с

кюре Жанвье, с трогательной Могильщицей (одной из героинь романа Бальзак

дал священное для него имя Эвелина), со старым наполеоновским солдатом

Гогла. Бенаси излагает свои политические взгляды - взгляды самого

Бальзака. Он противник всеобщего избирательного права и предрекает, что

успехи буржуазного либерализма вскоре приведут к долгой борьбе между

буржуазией и народом, который увидит в ней новую, но только более мелочную

знать. “Предположим, что во Франции сто пэров, они будут причиною сотни

столкновений”. Упраздните титул пэра, и тогда все богачи станут

привилегированными людьми; социальное неравенство умножает причины для

столкновений.

В этом романе Бальзак выступает не как реакционер, а как революционер, созидатель. Он отмечает, что народу в деревнях становится все меньше, говорит об опасном росте числа людей, вырванных из привычных условий жизни

и потому озлобившихся. “Человек, желавший быть одновременно

и потому озлобившихся. "Человек, желавший быть одновременно правдивым бытописателем французского общества своего времени и властителем дум, не мог оставаться равнодушным к таким явлениям", - справедливо замечает Бернар Гийон. Его герою, Бенаси, удалось возродить к жизни уголок французской земли. Каким образом? Прежде всего потому, что он считался с реальной жизнью. Ведь законы надо издавать не для ангелов и не для чудовищ, а для крестьян - таких, каковы они есть. Суровость этих людей объясняется суровостью их жизни. Важно внедрить в их умы понимание того, что у них есть общие интересы. В этом отношении нынешние реформаторы согласны с Бальзаком: ассоциация, кооперация, укрупнение земельного хозяйства. Все это требует времени и терпения. Для того чтобы добиться успеха в подобном начинании, говорит Бенаси, "надо каждое утро находить в себе запас редчайшего терпения - хотя со стороны кажется, что оно тебе ничего не стоит, - терпения педагога, беспрестанно повторяющего одно и то же".

Читатель присутствует на посиделках крестьян. Зарывшись в сено, Бенаси и его гость слушают чудесные народные сказки вроде той, где говорится о "храброй горбунье". Затем старый наполеоновский солдат Гогла рассказывает

рассказывает об Императоре: “Видите ли, други, Наполеон родился на Корсике, остров-то это французский, да припекает его солнце Италии”. И вот уже развертывается гигантская эпопея, которая дышит простодушной поэзией. Этот вставной эпизод не имеет никакого отношения к сюжету книги. Возможно даже, что он был написан автором для пресловутой “Битвы”; но он пользовался таким огромным успехом, что его несколько раз издавали отдельно. Наконец Женеста выслушивает исповедь доктора Бенаси; как известно, сохранились две ее версии: первая была написана в то время, когда Бальзак гневался на госпожу де Кастри, и сельский врач, его герой, был доведен до отчаяния некой кокеткой; согласно второй версии, герой книги искупает своим затворничеством грех молодости - оказывается, он причинил горе двум юным девицам. Произведение это довольно рыхлое, но тем не менее оно не лишено своеобразной прелести.

Зюльма Карро с похвалой отозвалась о “Сельском враче”: “В добрый час! Мне нравится, когда вы пишете такие вещи… В книге нет ненужного остроумия, и это делает ее в моих глазах особенно прекрасной”. Но как раз

это обстоятельство и отвращало от книги читателей и критику. Женщины не находили в ней того, что привыкли искать у Бальзака. Политические противники писателя обрадовались.

Бальзак - госпоже Ганской:

”Все здешние газеты нападают на “Сельского врача”. И каждая из них норовит вонзить кинжал”.

Фельетонисты утверждали, что Бальзак разбирается в лесоводстве, в сельскохозяйственных работах, понимает, как надо управлять сельским округом, но, добавляли они, ведь публика ждала от него романа, а не мешанины из гигиены, политики и морали. Писатель не сдавался. Он был уверен, что в один прекрасный день, подобно Вольтеру, покорит образованный мир Европы; он был уверен, что придет время и читатели поймут: “Сельский врач” - это Евангелие в действии; наконец, он был уверен, что книга будет удостоена премии Монтиона. Французская академия, увы, приняла иное решение.

В предисловии к этому роману, которое автор так и не опубликовал, он утверждал, что автор не подписал книгу своим именем, ибо не хотел получать

премию Монтиона: “Если бы по воле случая Академия пожелала наградить его определенной суммой денег… его самолюбие было бы уязвлено: он бы решил тогда, что сочинил какую-нибудь глупость, тогда как он стремился зажечь простые сердца, которые способны прийти в волнение, почувствовав непритязательную поэзию добра”. Но, насмехаясь над добродетельной глупостью покойного Монтиона, Бальзак был глубоко задет приемом, оказанным книге, которой он отдал столько труда и сил, и ему вновь захотелось бежать из Парижа.

Чтобы утешиться, он задумал повидать наконец Чужестранку. Эвелине удалось уговорить своего мужа повезти ее в Швейцарию, в Невшатель - родной город гувернантки Анриетты Борель. В ту эпоху всякий русский богач отправлялся в путешествие в сопровождении целой свиты. Анна Ганская, ее воспитательница, две старушки родственницы, слуги - словом, вся Верховня поселилась в Невшателе в доме Андрие, расположенном против гостиницы “Сокол”. Ожидая Бальзака, Чужестранка писала, что боится его. О нем рассказывали столько самых невероятных историй. А что как он опытный повеса, холодный, расчетливый?

Бальзак - госпоже Ганской:

”О моя незнакомая любовь! Не бойтесь меня, не верьте ничему дурному, что обо мне говорят! Я просто ребенок, вот и все, ребенок гораздо более легкомысленный, чем вы полагаете; но зато я чист, как дитя, и люблю, как дитя… Женщина всегда была для меня мечтой, всякий раз я протягивал к ней руки, но меня ждало разочарование”.

Да, разумеется, он приедет; после долгой борьбы он нуждается в отдыхе; он прибудет под чужим именем, скажем, под именем маркиза д’Антраг. “Всякий насторожится при имени господина де Бальзака, но кому известен господин д’Антраг? Никому”. Он так привык жить силой своего воображения, что уже заранее описывал ей их будущую встречу: “Я вижу ваше озеро, а моя интуиция порою столь безошибочна, что я уверен: увидев вас наяву, я воскликну: “Это она! Она - это ты, любовь моя”.

Находится великолепный предлог, чтобы оправдать поездку, ни в ком не пробуждая подозрений. Бальзак вынашивал замысел грандиозного делового начинания: речь шла о продаже книг по подписке, каждый том должен был

стоить один франк - словом, он предлагал создать нечто вроде “Клуба книголюбов”. Каждый месяц будет выходить по роману, тиражи намечались огромные; у него уже были даже компаньоны. Он предложил акции будущего общества Зюльме Карро, Сюрвилю. Но для этого дела требовалась особая бумага, тонкая и прочная, наподобие китайской; ее можно было изготовить в Безансоне. А от Безансона до Невшателя рукой подать. Чего проще! Но осуществить само свидание было не так просто. Ему было известно только, что Чужестранка остановилась в доме против гостиницы “Сокол”. Как он узнает графиню? Десять лет спустя (29 февраля 1844 года) Бальзак напомнил Ганской ту минуту, когда он впервые увидел ее издалека.

”Ах! Вы все еще не знаете, что произошло в моем сердце, когда, очутившись в глубине двора (каждый булыжник в нем, наваленные доски, каретные сараи навсегда врезались в мою память), я увидел в окне ваше лицо!.. Все поплыло у меня перед глазами, и, заговорив с вами, я будто оцепенел, точно поток, внезапно замедливший свой неудержимый бег, чтобы затем с новой силой устремиться вперед. Оцепенение это длилось два дня.

”Что она обо мне подумает?” - в страхе повторял я про себя, точно помешанный”.

В тот день на госпоже Ганской было платье из темно-фиолетового бархата, а любимый цвет Бальзака был именно фиолетовый. Приехав в Невшатель, он

отправил ей короткое письмо на имя Анриетты Борель.

”Между часом и четырьмя я отправлюсь прогуляться по окрестностям

города. Все это время я буду любоваться озером, которого совсем не знаю.

Могу пробыть тут столько времени, сколько пробудете вы. Известите меня

запиской, могу ли я вам писать здесь до востребования, ничего не опасаясь, ибо я страшусь причинить вам хотя бы малейшее огорчение; сообщите мне.

Бога ради, как правильно пишется ваша фамилия.

Тысяча поцелуев. С тех пор как я уехал из Парижа, каждое мгновение моей

жизни было заполнено вами; даже любуясь долиной Травер, я думал о вас. Как

очаровательна эта долина!”

Сохранился рассказ, будто во время прогулки Бальзак заметил даму, читавшую какую-то книгу. Она уронила платок. Писатель приблизился; в руках

у незнакомки был его роман. Волнующее мгновение для обоих: наконец-то

после возвышенной переписки они предстали друг перед другом во плоти. Хотя

в своем первом письме Ганская и писала: “Ваша внешность ничего не может

сказать о вашем пламенном воображении”, она все же не ожидала, что встретит маленького кругленького человечка без передних зубов, с растрепанными волосами; однако, как это бывало всегда, светившееся умом лицо, сверкающие глаза, добрая улыбка и пылкое красноречие Бальзака заставили ее быстро забыть о первом неблагоприятном впечатлении. “Вряд ли встретишь второго столь живого и остроумного человека”, - подумала она. Бальзак же увидел женщину с пышными и соблазнительными формами, выпуклым лбом, несколько полной шеей и чувственным ртом. У нее был “независимый и горделивый вид, в надменном лице угадывалось сладострастие”. Ее неправильный выговор пленил его. Он стал бы боготворить Ганскую, какой бы она ни оказалась, и потому был приятно обрадован. С кем же поделиться своим счастьем, как не с милой сестрою, которой он привык с детства поверять свои горести и радости?

Бальзак - Лоре Сюрвиль, 12 октября 1833 года: “Я нашел в ней все, что может польстить безмерному тщеславию животного, именуемого человеком, а ведь поэт, разумеется, наиболее тщеславная его разновидность; но почему я вдруг заговорил о тщеславии, нет, оно тут ни при чем. Я счастлив, бесконечно счастлив, как в мечтах, без всяких задних

мыслеи. Увы, окаянныи муж все пять днеи ни на мгновение не оставлял нас. Он переходил от юбки своей жены к моему жилету. К тому же Невшатель - маленький городок, где женщина, а тем более знатная чужестранка не может и шагу ступить незаметно. Я чувствовал себя, как в горниле. Не выношу, когда на моем пути помехи.

Но главное - это то, что нам двадцать семь лет, что мы на удивление хороши собой, что у нас чудесные черные волосы, нежная шелковистая кожа, какая бывает у брюнеток, что наша маленькая ручка создана для любви, что в двадцать семь лет у нас еще совсем юное, наивное сердечко, - словом, мы настоящая госпожа де Линьоль, и мы так неосмотрительны, что можем броситься на шею милому другу при посторонних. Я уж не говорю тебе о колоссальных богатствах. Какое они имеют значение, когда их владелица - подлинный шедевр красоты! Я могу сравнить ее только с княгиней Бельджойозо, впрочем, она куда лучше княгини. Томный взор ее одновременно полон дивной неги и сладострастия. Я был просто пьян от любви…

Господи, до чего красива долина Травер, до чего восхитительно озеро Биль! Именно там, как ты можешь догадаться, мы попросили мужа позаботиться о завтраке. Но мы, увы, оставались на виду и тогда в тени громадного дуба украдкой обменялись первым поцелуем любви. Нашему мужу скоро

украдкой обменялись первым поцелуем любви. Нашему мужу скоро шестьдесят, вот почему я поклялся терпеливо ждать, а она - сохранить для меня свою

руку и сердце. Разве это не мило - заставить мужа, похожего на каланчу, покинуть свою Украину и вместе с ним проделать шестьсот лье, чтобы

встретиться с возлюбленным, который - о, изверг! - проделал всего лишь сто

пятьдесят лье?”

Муж (боярин в очках и в пальто с меховым воротником) благосклонно

отнесся к встрече (разумеется, случайной!) с известным писателем и, естественно, проникся к нему симпатией. Венцеслав Ганский производил

впечатление человека нездорового, и мысль о скором браке с его будущей

вдовой казалась Бальзаку весьма правдоподобной. И какая партия!

Владетельная графиня, повелевающая тысячами крепостных! Бальзак и Ганская

обменялись клятвами в верности. Они вместе побывали на острове Сен-Пьер, расположенном на озере Биль, - то был поросший лесом клочок земли с

крутыми берегами. Тотчас же было условлено, что Бальзак на Рождество

приедет повидаться с Ганской в Женеву, ибо отношения следовало закрепить.

На сей раз, в противоположность госпоже де Кастри, дама сама упрекала его

в том, что он удовольствовался лишь поцелуем.

”Недобрая! Разве ты не прочла в моих взглядах, чего я жаждал? О, будь спокойна: я испытал все те желания, какие женщина стремится внушить человеку, которого любит; и если я не сказал тебе, как пламенно я мечтал, чтобы ты пришла ко мне поутру, то только потому, что обстановка у меня была для этого совсем не подходящая. Этот нелепый дом таил столько опасностей. Быть может, в другом месте все было бы возможно. Но зато в Женеве, мой обожаемый ангел, в Женеве я выкажу ради нашей любви столько ума и изобретательности, что их достанет для десяти умнейших людей”.

Бальзак показался Ганской несколько вульгарным, но она почувствовала, что это бьющее через край жизнелюбие вполне извинительно, он был просто великолепен, когда смотрел на прекрасную женщину или на прекрасный плод. Творения казались лучше творца, они представлялись более возвышенными, более глубокими; но это было лишь внешнее впечатление. Ведь создал-то их он, а не кто другой.

Обратный путь оказался для Бальзака очень мучительным; ему не везло с дилижансами, с ним обращались словно с тюком, и он прибыл в Париж весь в синяках; в столице его, как обычно, подстерегали денежные затруднения. “Против ожиданий все здесь обстоит из рук вон плохо. Люди, обещавшие

вернуть мне долги, не сдержали слова. Зато моя матушка, которая, как я знаю, находится в стесненных обстоятельствах, выказала необыкновенную преданность". Правда, неожиданно появилась надежда: госпожа Беше, дочь издателя Беше и вдова Пьера-Адана Шарле, вставшая во главе фирмы, женщина богатая и привлекательная, предложила Бальзаку купить у него для задуманного ею издания двенадцать томов "Этюдов о нравах", куда должны были войти уже издававшиеся ранее "Сцены частной жизни" и еще не выходившие в свет "Сцены провинциальной жизни" и "Сцены парижской жизни"; за все она предлагала громадную сумму - от двадцати семи до тридцати тысяч франков. "То-то теперь взвоют все лентяи, крикуны, писаки!.. Дорогая моя возлюбленная, моя Ева, дело слажено! Все они лопнут от зависти!"

Этот блестящий контракт позволил бы ему расплатиться со всеми кредиторами (разумеется, за исключением госпожи Бальзак, которая соглашалась ждать); можно будет также дать отступного "палачу" - издателю Маму, который требовал своего фунта мяса - "Трех кардиналов" или уплаты неустойки.

Для второго тома "Сцен провинциальной жизни" госпожа Беше просила автора срочно дописать еще восемьдесят страниц. И Бальзаку пришлось в одну

ночь набросать короткую повесть: “Прославленный Годиссар”. Он придавал ей мало значения. То был лишь беглый портрет коммивояжера, один из тех “современных типов”, которыми Бальзак с удивительной плодовитостью населял страницы “Моды” или “Карикатуры”. Однако Годиссару, чье имя восходит одновременно к двум французским словам - “вольная шутка” и “насмешка”, предстояла долгая жизнь. Коммивояжер вообще играет немаловажную роль в истории буржуазного общества. Он - то самое “звено, которое соединяет провинцию со столицей”, человек, внедряющий парижские новшества в косную жизнь захолустья. Начиная с 1830 года он не только продает шляпы, коленкор и парижские безделушки, но и распространяет идеи. “Глобус”, серьезный периодический орган сен-симонистов, который читает Гете и куда пишет Сент-Бев, обязан множеством своих подписчиков каламбурам, постной физиономии и чисто раблезианскому остроумию Годиссара, несравненного путешественника, образцового представителя этого типа людей.

Эта своеобразная повесть посвящена (совершенно неожиданно) маркизе де Кастри. Правда, Бальзак написал ей яростное письмо, полное суровых суждений. Возможно, нежный прием, который оказала ему Чужестранка, по закону контраста оживил в душе Бальзака давний гнев? Так или иначе,

письмо его ошеломило госпожу де Кастри.

Маркиза де Кастри - Бальзаку:

”Какое ужасное письмо вы мне прислали! С женщиной, заслужившей его, больше не встречаются! Как не встречаются больше и с мужчиной, написавшим такое письмо! Вы причинили мне боль, и я еще должна просить прощения? Напрасно я вам пишу, от волнения я как в лихорадке. Для чего вам разбивать и без того уже разбитое сердце?”

Перед Чужестранкой он похвастался, что принес ей в жертву госпожу де Кастри. Но на самом деле ссора вскоре была забыта, между Бальзаком и его прежней приятельницей вновь возникла беспокойная дружба. Надо сказать, что он был не в силах противостоять хотя бы малейшему соблазну, и в ту пору жизни, помимо старой связи с госпожой де Берни, больной, но по-прежнему преданной и тревожащейся за него подругой, завел тайную интрижку с “премиленькой особой, наивнейшим созданием, дивным цветком, ниспосланным небесами; она тайком приходит ко мне, не требует ни писем, ни забот и говорит: “Люби меня хотя бы год! А я буду любить тебя всю жизнь”. У

говорит: “Люби меня хотя бы год! А я буду любить тебя всю жизнь”. У

“дивного цветка” есть имя - Мари-Луиза-Франсуаза Даминуа; она супруга Ги

дю Френэ, принадлежащего к почтенному судейскому семейству. В 1833 году ей

было двадцать четыре года и она ждала ребенка. От Бальзака. Он посвятил ей

роман, над которым в то время работал, - “Евгению Гранде”.

”Марии. Имя ваше, имя той, чей портрет - лучшее украшение этого труда, да будет здесь как бы зеленой веткою благословенного букса, сорванною

неведомо где, но, несомненно, освященною религией и обновляемою в

неизменной свежести благочестивыми руками во хранение дома”.

Если в образе Евгении Гранде Бальзак изобразил Мари дю Френэ, то мы

можем представить себе ее облик: “В Евгении, крупной и плотной, не было

той миловидности, что нравится всем и каждому”, но художник обнаружил бы в

ней греческую красоту, одухотворенную пленительным христианским чувством; спокойное чело скрывало целый мир любви и врожденного благородства, еще

даже не осознанного ею самой. Богатое воображение стремится все

приукрасить.

Автор задумал “Евгению Гранде” как одну из “Сцен частной жизни”; все

в

этом произведении должно было располагаться вокруг удивительно

бальзаковского образа - папаши Гранде. Книга эта, остающаяся и по причинам

эстетическим (простота композиции, единство сюжета), и по причинам

нравственным (возвышенная любовь Евгении, преданность Нанеты-громадины) одной из самых прославленных книг Бальзака, была, по мнению автора, всего

лишь “милой повестушкой, которую быстро раскупят”; он считал, что она

ничтожна по сравнению с “Луи Ламбером”. В этом Бальзак ошибался. Все в его

прекрасной книге привлекало читателя: всем понятные и правдоподобные

деловые начинания папаши Гранде; борьба, завязавшаяся между двумя кланами

за руку богатой наследницы; картина внутренней жизни дома, противопоставление мрака и света в нем - суровость Гранде, доброта его

жены, великодушие их дочери; но больше всего возбуждал интерес характер

самого Гранде, одного из тех новоиспеченных богачей, возвышение которых

бросает свет на историю их эпохи.

”Жизнь скупца требует от человека постоянного напряжения сил”, -

говорил Бальзак. Быть может, это объясняет, почему верно изображенные

скупцы вызывают такое острое любопытство. Однако Гранде не просто скупец, “это человек, умеющий зарабатывать деньги”, человек, для которого денежный

вопрос, естественно, гораздо важнее всяких чувств. Старика мало трогает, что его племянник потерял горячо любимого отца, но он жалеет юношу, ибо

тот потерял свое состояние. Занимаясь поставками для армии, Гранде дал

взятку суровому республиканцу, сумел прибрать к рукам великолепные луга, принадлежавшие прежде монастырю. Подобно Бернару-Франсуа Бальзаку, он слыл

“приверженцем новых идей”, а на самом деле был привержен только

виноградникам. Будучи мэром города Сомюра, Гранде добился выгодной для

себя оценки в кадастрах принадлежавшего ему дома и земельных владений.

Реставрация открыла новые возможности его алчным устремлениям -

государственную ренту. Пятипроцентную ренту можно было приобрести в 1814

году за сорок пять франков, а шесть лет спустя продать за сто франков.

Гранде “играл на Реставрации”, как он прежде “играл на Революции”. Этот

роман объясняет лучше чем иные специальные труды, каким именно способом

возникали громадные состояния представителей новой буржуазии. Из такого же

теста, как Гранде, были сделаны во все времена те простолюдины, которые

становились миллионерами. Быстрота замысла, быстрота его осуществления, экономия чувств - вот что создавало этих безжалостных гениев наживы.

Действие “Евгении Гранде” развертывается в Сомюре; однако действие

романа с таким же успехом могло бы происходить в Туре или Вуврэ. Пытались

отыскивать в Сомюре прототипы героев произведения, но Бальзак всего один

раз был в этом городе и оставался там лишь несколько часов. “Город

послужил для автора только правдивым фоном”, - замечает Пьер-Жорж Кастекс.

Ряд неточностей свидетельствует о том, что события, описанные в книге, происходят скорее в Туре и его окрестностях. Возможно, что, рисуя Гранде, Бальзак воспользовался некоторыми чертами господина де Савари, тестя

Маргонна. Но надо ли повторять, что, если автор знает свое ремесло, он

никогда не станет списывать своего героя с какого-нибудь одного лица?

Зюльме Карро образ Гранде казался малоправдоподобным. Во-первых, он

слишком богат, утверждала она, никакая бережливость, никакая скупость не

могут позволить бочару сколотить такое состояние. Бальзак отвечал ей: “Факты против вас. В Туре живет бакалейщик, у которого сейчас восемь

миллионов; господин Энар, некогда торговавший вразнос, владеет двадцатью

миллионами… Тем не менее в следующем издании я уменьшу состояние Гранде

на шесть миллионов”. Лоре, у которой были такие же возражения, он писал: “Но, глупенькая, ведь это правдивая история, зачем же ты хочешь, чтобы я

шел против правды?” Зюльма находила также, что Гранде “слишком

незауряден”, и прибавляла: “В провинции не увидишь ничего незаурядного”.

Но Бальзак заботился не столько о сходстве, сколько о создании

впечатляющего образа. У автора своя точка зрения, у читателя - своя.

Писатель уже в который раз стремился показать разрушительную силу

навязчивой идеи, приводящей к распаду семьи.

Опасная сила, заключенная в мысли, стала важнейшим положением философии

Бальзака еще со времени Вандомского коллежа, это мог бы

засвидетельствовать его соученик Баршу де Пеноэн, ставший известным

философом. Изобретатели и скупцы привлекали романиста накалом своих

страстей. Но до сих пор он разрабатывал две различные жилы: философский

роман (“Шагреневая кожа”, “Луи Ламбер”) и “Сцены частной жизни”. В своих

произведениях 1832-1833 годов (“Феррагус”, “Евгения Гранде”) Бальзак

добивается синтеза. Каждое произведение существует само по себе, но каждая

книга составляет вместе с тем часть некой системы. Бальзак уже провидит в

еще слабо освещенных глубинах своего сознания контуры будущей эпопеи: он

опишет все сословия, он будет помещать своих героев в тщательно

изображенную социальную среду, будет анализировать социальную структуру

городов, где происходит действие его книг, он воссоздаст единый мир, где физические и нравственные особенности окажутся двумя сторонами одной и той же действительности. Отсюда длинные авторские рассуждения о Париже, о Сомюре, о походке женщины из общества; о том, как скупец бережет свои силы. Роман с драматическим сюжетом, от которого трудно оторваться, будет включать некий трактат, в духе рассуждений Лафатера, или небольшое эссе об архитектуре. Кювье по одной кости восстанавливал облик животного; Бальзак по одному предмету или дому воссоздает облик людей, городов и целых народов.

Достойно удивления, что самый глубокий писатель своего времени лишь с трудом вынуждал критику принимать его всерьез. “Несомненно, господин де Бальзак никогда не напишет хорошего романа”, - утверждал Пельтан. Добиваясь появления статей, где бы признавалось его мастерство, Бальзак вынужден был сам их писать или же просить об этом своих друзей. Сент-Бев и прочие “влиятельные” критики относились к нему с обидным пренебрежением. Виктор Гюго нравился им благородством тона, выбором сюжетов, олимпийским

спокойствием. Бальзак не укладывался в рамки своего времени. Он описывал

повседневную жизнь, денежные аферы, драматические чувства и потому слыл

тривиальным, вульгарным, а его веселое лицо, непринужденные манеры, возбуждение, в котором он постоянно пребывал, казалось, подтверждали

суждения такого рода.

Примечательно, что он достигает совершенства в своем искусстве именно

тогда, когда забывает о своей философской системе. Не раз он будет

выводить на сцену мыслителей, художников, музыкантов которые мучительно

бьются, пытаясь постичь смысл мироздания, но терпят неудачу потому, что их

высокие устремления чересчур дерзновенны. Бальзак также пришел бы к краху, если бы упорствовал в желании изложить свою философию, проявляя при этом

излишнюю настойчивость. Для того чтобы избегнуть такой опасности, он

должен был вновь и вновь погружаться в реальный мир. В тот день, когда он

понял, что лучший способ выразить свои идеи состоит в том, чтобы наполнить

их конкретным содержанием, жизнью, он был спасен. Луи Ламбер умер молодым; папаша Гранде обрел бессмертие.

XVI. ПОИСКИ АБСОЛЮТА

Тщеславие, без которого любовь

недостаточно сильна, подогревало

его страсть.

Бальзак

Он пылко желал свидеться с госпожой Ганской в Женеве. Там он наконец скрепит эту пока еще платоническую победу печатью обладания - того требовали и его любовь и его самолюбие. Он уже обращался к ней на “ты” - первый признак полной близости. “Ну, до скорого свидания. Работа поможет мне скоротать время нашей разлуки. Какие чудесные дни мы провели в Невшателе! Мы ведь еще совершим туда паломничество, скажи?” Однако, перед тем как предпринять длительное путешествие, он должен был уладить в Париже “денежные дела”. Контракт, заключенный с вдовой Беше, не разрешал всех трудностей.

Бальзак - госпоже Ганской. 29 октября 1833 года: “Моя дорогая Ева, в четверг я должен заплатить четыре или пять тысяч франков, а у меня нет буквально ни единого су. Я уже привык к таким

повседневным схваткам”.

Ева робко предложила небольшую сумму (она располагала только карманными деньгами; все состояние принадлежало мужу). “Возлюбленный ангел мой, будь тысячу раз благословенна за эту каплю воды, за твое предложение; твой порыв для меня все и вместе с тем ничего. Суди сама, что такое тысяча франков, когда ежемесячно нужно десять тысяч”.

”Оставим этот унылый разговор о деньгах…” Если Ева выказывала тут великодушие, не теряя, однако, благоразумия, то одновременно она терзала Бальзака своей ревностью, зачастую беспричинной. Великий Боже! К кому она может его ревновать? К госпоже де Кастри? “Отношения у нас более чем холодные”. К госпоже Рекамье? Странная идея! “Учтивость требует поддерживать отношения с женщинами определенного круга, которых ты знал раньше, но думаю, что визит к госпоже Рекамье нельзя назвать отношениями”.

Как может она упрекать его в том, что он откладывает свою поездку в Швейцарию, когда он убивает себя непосильным трудом, стремясь ускорить их встречу? “Я запродаю несколько лет жизни, чтобы встретиться с тобой”. 20 ноября ему еще оставалось дописать сто страниц “Евгении Гранде”,

закончить

повесть “Не прикасайтесь к секире” (впоследствии ей предстояло стать

“Герцогиней де Ланже”), написать “Женщину с огненными глазами” (“Златоокую

девушку”). “Я приеду полумертвый… Вчера кресло, мой верный товарищ по

ночным трудам, подломилось. Это уже второе кресло, которое я прикончил за

время той битвы, что веду”. Зато он нашел чудесный сюжет для произведения

и будет работать над ним в Женеве. Вот как это получилось: в воскресенье, 17 ноября, он был в гостях у Теофиля Бра, скульптора, состоящего в родстве

с его приятельницей Марселиной Деборд-Вальмор.

”Там я любовался самым прекрасным шедевром на свете. Это “Мария, держащая на руках младенца Христа, которому поклоняются два ангела”… И у

меня родился замысел превосходной книги, небольшого томика, введением к

которому послужит “Луи Ламбер”; я назову это произведение “Серафита”.

Серафита, как и Фраголетта, сочетает в себе две натуры, слившиеся в едином

существе, но между ними есть и важнейшее отличие; у меня Серафита - это

ангел, достигший последней степени преображения и разбивающий свою

телесную оболочку, дабы вознестись на небо. Его одновременно любят и

мужчина и женщина. Воспаряя в небеса, он объясняет им, что оба они любили в нем соединявшую их любовь, воплощение которой видели в чистом ангеле, он открывает им живущую в их душах страсть, оставляет им их любовь, а сам навеки покидает нашу земную юдоль. Если я буду в силах, то напишу это возвышенное произведение в Женеве, возле тебя”.

Марселина Деборд-Вальмор, поэтесса нежная и меланхолическая, жена посредственного актера и любовница Латуша, с 1833 года дружила с Бальзаком. “Мы из одной страны, сударыня, из страны слез и бедствий”. Бальзак не написал бы подобной фразы Эжену Сю: каждому свое. Марселина представила ему Бра, который, как и она, был родом из Дуэ; этот второстепенный художник оказался весьма примечательным человеком: он был дважды женат, и оба раза на “ясновидящих”! Подобно Бальзаку, Бра живо интересовался философией Сведенборга, гермафродитами, легионами небесного воинства. В таком душевном настроении художник этот и задумал создать скульптурную группу - Богоматерь и ангелы, в которой Бальзак увидел “возвышенную гениальность”.

Творение Бра подсказало Бальзаку, постоянно озабоченному тем, как бы очаровать Чужестранку, замысел самого причудливого из его романов

очаровать Чужестранку, замысел самого причудливого из его романов. Одним

из ангелов будет он сам, другим - Эвелина; от их союза родится двуликое

существо - Серафит-Серафита, одновременно и мужчина и женщина; если на

земле их связывает любовь, то “для каждого из них главное - это освободить

ангельское существо, заключенное в его телесной оболочке”, - замечает

Филипп Берто. Миф о гермафродите всегда был излюбленным мифом Бальзака; мужчина привносит разум, женщина - красоту; мужчина - источник движения, женщина - устойчивости; они становятся буквально единой плотью и, как

единое существо, возносятся на небо, после того как вновь обретают

ангельский облик.

Таково было произведение, которое он предназначал божественной

Чужестранке. Подобную книгу было нелегко написать. Вознесение в конце ее

должно было походить на песнь Дантовой поэмы. Чтобы оторвать читателя от

привычных представлений и с самого начала погрузить его в атмосферу дикой, девственной природы, Бальзак решил перенести действие в Норвегию! Сначала

будет описано, как “утром, когда яркое солнце освещало окружающий пейзаж, заставляя пламенеть и переливаться алмазами снега и льды, две фигуры

скользили по замерзшему заливу и, перейдя его, понеслись вдоль подошвы

Фальберга, устремились к вершине, одолевая уступ за уступом. Кто они?

Живые существа? Или же две стрелы? Тот, кто увидел бы их на такой высоте, пожалуй, принял бы за птиц, которых манят далекие облака”. На самом же

деле эти ангелоподобные существа - два лыжника, совершающие восхождение на

норвежский горный пик Ледяная Шапка.

Норвегия знакома Бальзаку только по книгам, но он не сомневается, что

возлюбленная вдохновит его. Тяга к сверхъестественному с самого начала

прочно связывала их. Казалось, все толкало Эвелину к миру таинственного.

Многие из рода Ржевусских давали в своих поместьях приют бродячим

мистикам. Бесконечные истории о привидениях и предчувствиях составляли

причудливую антологию этой семьи. В Польше немало людей с мятущейся душою

пытались освободиться от сковывавшей их плотской оболочки. Месмер нашел

себе в этой стране последователей, а Сведенборг - читателей. Тетушка

Эвелины, графиня Розалия Ржевусская, считала свою племянницу доброй, кроткой, но слегка помешанной. Множество книг, прочитанных молодой

женщиной, оставили в ее уме следы самых противоречивых влияний. “Эта

беспорядочная смесь идей, окрашенных весьма живым воображением, придавала

блеск ее речам, которые порою забавляли слушателей, но чаще их утомляли”.

Такова была Эвелина Ганская - по мнению суровой тетушки Розалии. Бальзака

же, напротив, восхищала ее вера в предчувствия, поэтическое тяготение к пророчествам.

Он хотел почерпнуть для “Серафиты” побольше мыслей в произведениях шведского мистика: кажущаяся научная строгость сочеталась в них с чисто библейской поэзией. Такая пища годилась для ума Бальзака. Сведенборг придерживался идеи единства природы. Для него, как и для Бальзака, материальное и духовное были всего лишь двумя формами одной и той же реальности. Во всех проявлениях органической, а также духовной жизни Сведенборг усматривает совокупность движений, подчиненных законам материального мира, и, наоборот, во всех видах материи он обнаруживает “пришедшее в упадок духовное и божественное начало”. Нельзя сказать, что Бальзак позаимствовал у Сведенборга свою “унитарную” философию. Зачатки этой философии можно обнаружить в его юношеских “Философских заметках”; затем она была обогащена и подкреплена воззрениями Бюффона, Кювье, Жоффруа Сент-Илера; но у Сведенборга Бальзак отыскал мысль о том, что мир природы - всего лишь символ духовного мира и между ними можно найти некие “соответствия”. В этом туманном поэтическом слоге Бальзак сидит чудесное проявление “возвышенного ума, превосходящего Данте и Мильтона”. Подобно

Гюго, он полагает, что материя полна тайн; отсюда и возникает “загадочный

и тревожащий характер бальзаковского лабиринта”. Реальные предметы в нем -

всего лишь условные обозначения. Влияние Сведенборга не изменило Бальзака; оно лишь укрепило его во взглядах на самого себя и на мир.

Между тем нежные слова, уверения, всевозможные планы заполняли письма, по-прежнему приходившие на имя Анриетты Борель. Разумеется, Бальзак писал

также “безобидные письма”, которые можно было показать мужу. Ведь для

Ганского было бы непонятно, почему добрый друг жены, а также и его самого, никогда им не пишет. В этих случаях лирический тон уступал место

церемонному или шутливому: “Сударыня, я не допускаю мысли, что дом Ганских

может предать забвению дни, освещенные их милым и любезным

гостеприимством, благодарное воспоминание о котором хранит дом Бальзаков”.

Он обещал прислать скромную брошь, сделанную из камешков, собранных

мадемуазель Анной, и автограф Россини, который он получил у маэстро “для

его страстного почитателя господина Ганского… Соблаговолите, сударыня, передать вашему супругу мои уверения в самых теплых чувствах и в том, что

я неизменно о нем вспоминаю; поцелуйте за меня в лоб мадемуазель Анну и

примите заверения в моем самом почтительном уважении”. Что касается чувств

самой Чужестранки, то мы узнаем о них из письма, адресованного одному из ее братьев.

Госпожа Ганская - брату Генрику Ржевусскому, 10 декабря 1833 года: “В Швейцарии у нас завязалось чудесное знакомство с господином де Бальзаком, автором “Шагреневой кожи” и множества других прекрасных произведений. Знакомство это превратилось в настоящую дружбу, и я надеюсь, что она продлится до конца нашей жизни… Бальзак очень похож на вас, мой дорогой Генрик; он так же весел, смешлив и любезен, как вы; даже внешне он чем-то походит на вас, и оба вы напоминаете Наполеона… Бальзак - сущее дитя. Если он вас любит, то заявит об этом с простодушной откровенностью, присущей детям… Словом, при взгляде на него трудно понять, каким образом такой ученый и выдающийся человек умудряется сохранять столько свежести, очарования и детской непосредственности во всех проявлениях ума и сердца”.

То было письмо влюбленной женщины. “За всю свою жизнь я не проводила таких мирных и счастливых месяцев, как июль и август, которые прошли в Невшателе”. Все ей там пришлось по душе: озеро, прогулки, местные жители. А когда человеку любо все, значит, он и сам кого-то любит.

Когда любишь, время мчится стремительно. Почти весь декабрь пролетел у Бальзака в переписке, трудах, ссорах с книгопродавцами, типографами и в лихорадочном творчестве. Для того чтобы реванш был более полным, он хотел по приезде в Женеву поселиться в гостинице “Корона” - той самой, где Анриетта де Кастри унизила его; однако Эвелина Ганская сняла для него комнату в гостинице “Лук”, расположенной гораздо ближе к дому Мирабо на Пре-л’Эвек, где она сама поселилась вместе со всеми своими чадами и домочадцами. Гостиница, в которой остановился Бальзак, помещалась в квартале О-Вив, посреди парка; на кровле был прелестный флюгер в форме лука, его стрела поворачивалась во все стороны, послушная ветру. Бальзак приехал на Рождество; он обнаружил у себя в комнате перстень, присланный Эвелиной, и записку, в которой она спрашивала, любит ли он ее.

”Люблю ли я тебя? Но ведь я же рядом с тобой! Мне бы хотелось встретить во время этой поездки в тысячу раз больше трудностей, испытать еще больше страданий. Но так или иначе впереди славный месяц, а быть может, и два, они по праву завоеваны нами. Целую тебя не один, а миллион раз. Я так счастлив, что, как и ты, не могу больше писать. До скорой встречи.

Да, комната у меня хорошая, а перстень достоин тебя, моя любовь, он прелестен и изыскан!”

Он провел в Женеве полтора месяца, и они были заполнены трудом и любовью. Господин Ганский был настроен благодушно, и ничто не омрачало отношений между домом Мирабо и гостиницей “Лук”. Обменивались подарками: айвовое варенье из Орлеана (Бальзак, всегда красноречиво расхваливавший свои подношения, считал, что оно необыкновенно ароматное и вкусное), кофе, чай, малахитовая чернильница; писали друг другу иногда даже по нескольку раз в день. Положительно он был в восторге от Евы. Она разделяла его почти болезненную склонность к абстрактным рассуждениям; сюжет “Серафиты” привел ее в восторг. Однако в Женеве его с новой силой охватили мучительные воспоминания, и ему больше хотелось работать над “Герцогиней де Ланже” (в ту пору повесть еще называлась “Не прикасайтесь к секире”). В этой повести он возьмет реванш: герцогиня де Ланже (alias [иначе (лат.)] маркиза де Кастри) воспылает страстью к Монриво (alias Бальзаку), а он отвергнет ее.

Теперь, когда знатная Чужестранка проявляла к нему откровенное внимание, уязвленное самолюбие больше не мучило Бальзака. Он вновь становился самим

собой - веселым, жизнерадостным, добрым человеком, который нравился окружающим. Все в обществе “милой сердцу графини” забавляло Бальзака, он подшучивал над ее манерой произносить некоторые слова (вместо “липы” она выговаривала “льипы”). Она писала ему: “Маркиз” (лукавый намек на его мнимое родство с маркизами д’Антраг); он писал в ответ: “Предводительша” (Ганский был предводителем дворянства на Волыни).

Ее Ржевусскому величеству госпоже Ганской в Женеву: “Обожаемая повелительница, ваше спящее величество, гордая королева Павловска и окрестностей, владычица сердец, роза Запада, звезда Севера и прочая… и прочая… фея льип!”

Такими словами начиналось приглашение отправиться в экипаже на прогулку в Коппе с ее “смиренным мужиком”.

Столь нежная интимность таила в себе огромное очарование, но Бальзак добился большего. Вечером, при свете луны, в сером платье, “которое так мягко шуршало по паркету”, она тайком пробиралась в комнату гостиницы, где жил писатель. Еще несколько дней она отказывала ему в высшей милости. Она говорила, что ревнует к другим дамам, живущим в Женеве, к своей

говорила, что ревнует к другим дамам, живущим в Женеве, к своей двоюродной

сестре, графине Потоцкой, которой она сама представила великого человека, к госпоже де Берни. Она упрекала Бальзака в том, что он просто “ветреный

француз”. “Прости мне, любовь моя, то, что ты именуешь моим

“кокетством”… Я больше ни к кому не пойду в гости”. Dilecta? Разумеется, он не отрицал своей близости с нею, но ведь она была только прообразом

Эвелины, которая для него predilecta: “Ты будешь для меня молодая

Dilecta… Не ропщи на этот нежный союз двух сердец. Я склонен верить, что

любил в ней тебя”. Воистину казуистика в чувствах не имеет предела!

Он жаждет безраздельно обладать Евой. “Наш робкий поцелуй - лишь

предвестник будущих радостей. Он затрагивает только твое сердце, а я бы

хотел, чтобы захвачено было все твое существо. Ты сама убедишься, что

полная близость лишь увеличит, усилит любовь”. Она же опасалась обратного, боялась, как бы полная близость не убила любви. “Господи, как объяснить

тебе, что, едва заслышав исходящее от тебя благоухание, я пьянею; и чем

чаще я буду обладать тобою, тем сильнее это будет пьянить меня, ибо тогда

надежда и сладостные воспоминания станут сливаться воедино, между тем как

теперь мною владеет только надежда… В свое время я плакал, возвращаясь

из Диодати, ибо женщина, позволявшая мне ласкать себя так, как это

позволяешь теперь ты, внезапно разом оборвала все нити любовного

позволяешь теперь ты, внезапно разом оборвала все нити любовного покрова, который она, казалось, ткала с таким удовольствием!.. Суди же, как я боготворю тебя, ведь ты так далека от этих отвратительных уловок и с чистой радостью предаешься любви, рождая ответный отклик в глубинах моего естества!” Наконец в воскресенье, 19 января 1834 года, Бальзак торжествует победу.

”Мой обожаемый ангел, я без ума от тебя, это просто безумие: стоит мне только о чем-нибудь подумать, как ты встаешь перед моим мысленным взором! Я могу мечтать лишь о тебе. Независимо от моей воли воображение уносит меня к тебе. Я обнимаю тебя, прижимаю к своей груди, лобзаю, ласкаю, и волна нежности затопляет меня!.. О моя возлюбленная Ева, послушай, что я хочу тебе рассказать. Я бережно подобрал твою визитную карточку, теперь она тут, передо мной, и я беседую с тобою, словно ты все еще здесь. Ты встаешь перед моими глазами такой, какой была вчера: прекрасной, божественно прекрасной. Вчера весь вечер я говорил себе: “Она моя!” Ах, даже ангелы в раю и те не так счастливы, как я был счастлив вчера!”

И все же 26 января он был еще счастливее, этот день остался для него “незабываемым днем”. Почему? Ее обещание стать в будущем его женою? Ночь

любви? Мы этого не знаем. Однако письмо, написанное на следующее утро

после вечера, полного блаженства, свидетельствует о том, что Бальзаком

владеет необыкновенный восторг. “Любовь моя, моя возлюбленная, твои ласки

подарили мне новую жизнь”. Эти “пламенные и сладостные ласки” приобщили

его к “дотоле не изведанной любви”. С юности он мечтал о безумной страсти, о любовнице, которая была бы одновременно и знатной дамой, и куртизанкой.

Он чувствовал, что художники, как и люди действия, испытывают порою

потребность “неистово предаваться утехам, ибо существование, которое они

ведут, ни в чем не походит на жизнь обыкновенных людей”. Первым желанием

Рафаэля, героя “Шагреневой кожи”, было стремление познать радость разгула, подобно этому и Бальзака манили любовные оргии. У него была страстная

натура, и его влекли эротические игры. Некоторые завистники утверждали, будто он импотент. Утверждение это просто смехотворно. Он был близок со

многими женщинами, и все они пылко говорили о своем блаженстве. Бальзаку

всегда нравились чувственные женщины, но он хотел также, чтобы его

любовницы были и чувствительны, и умны, чтобы они способны были понимать

его произведения, восторгаться ими и, быть может, даже вдохновлять его.

Ему казалось, что Ева Ганская - именно такая женщина.

Она также, видимо, была счастлива. Она была достаточно умна и упивалась возможностью приобщиться к мыслям гениального писателя; что до плотских радостей, то этот опытный любовник не разочаровал ее, да и сама она выказала немало страсти. “Только художники могут доставить женщине истинное наслаждение, ибо в их натуре есть нечто женское”. Счастливая чета строила планы на будущее. До старости им оставалось еще добрых тридцать лет. Разумеется, они не желали зла Венцеславу Ганскому, но вполне можно было рассчитывать, что лет через пять, самое большее - через десять прекрасная Эвелина обретет свободу. “Но тогда мне будет уже сорок”, - говорила она. Он отвечал: “В моих глазах ты всегда будешь красива”. Как может она думать, что светские салоны, слава, другие женщины могут отдалить его от нее? Кощунственным девизом их союза станет: “Adoremus in aeternum” [“Будем любить друг друга вечно” (лат.)]. “В моей грядущей жизни будут существовать только ты да работа”. Он дерзко написал в альбоме Евы: “Выдающиеся люди подобны утесам; одни только улитки способны удержаться на них”. Госпожа Ганская чуть пониже приписала своей рукой: “Стало быть, я улитка”. Уничижение из любви. Несколько дней Бальзак был болен, Эвелина с

разрешения мужа приходила в гостиницу ухаживать за ним. Когда в феврале ему пришлось возвратиться в Париж, было условлено, что немного позднее он присоединится к Ганским либо в Италии, либо в Вене; они приглашали его погостить несколько месяцев на Украине, у них в Верховне; было решено (втайне), что в один прекрасный день Ева и Оноре поженятся.

”Глупышка, через десять лет тебе будет тридцать семь, а мне сорок пять; люди в этом возрасте вполне могут любить, соединяться браком, целую вечность обожать друг друга. Так вот, мой благородный друг, милая моя Ева, гоните сомнения прочь, вы мне это обещали. Любите и верьте. Ведь “Серафита” - это мы оба. Расправим же свои крылья в едином порыве; будем любить друг друга с одинаковой силой”.

Бальзак возвратился в Париж 12 февраля 1834 года. Он привез с собою рукописи: почти законченную повесть “Герцогиня де Ланже”, часть “Музея древностей” и “Озорные рассказы”; привез он и перстень, подарок Евы. “Во время своей работы я надеваю его на палец, как талисман”. Для “Серафиты” ему нужны были сведения о флоре Норвегии, и он получил их у видного ботаника Пирама де Кандоль, жившего в Женеве. Но главное - он увез с

собою

из этого города множество чудесных воспоминаний: Эвелина в гостинице

“Лук”; меры предосторожности, принимавшиеся для того, чтобы не скрипнул

паркет; серое платье, наконец-то сброшенное ею платье, от которого он

отрезал лоскут, чтобы переплести рукопись “Серафиты”; лицо его

возлюбленной в минуты блаженства. “Я вспоминаю одну из твоих счастливых

улыбок, от которой так чудесно преображался твой лик, бледность, покрывавшую твои черты в минуты наслаждения, и эти пьянящие воспоминания

просто убивают меня”.

Время от времени он посылал супругам Ганским “безобидное письмо”, в

котором говорил о счастливых днях, проведенных в Женеве: “Вы даже не

подозреваете, что за последние десять или пятнадцать лет время, которое я

провел в Невшателе и Женеве, было единственной порой, когда я по великой

милости небес не помышлял ни о прошлом, ни о будущем, а беззаботно жил, не

думая ни о делах, ни об огорчениях, ни о нужде”. Он с волнением вспоминал

день, когда сидел вместе с Евой в саду и оба они вдыхали дурманящий запах

конского каштана, гнившего под водою. Любовь находит радость в любом

пустяке, если его разделяет с тобою близкий человек. “Иногда я произношу

вслух слово “льипы” и смеюсь, как ребенок”. Даже в “безобидных письмах” он бурно выражал ей свою признательность. Главное - чтобы Анна не хворала, чтобы господин Ганский не поддавался “черной меланхолии” и чтобы мадемуазель Борель всегда улыбалась! Что касается его возлюбленной Евы, то он советовал ей, как лучше сохранить здоровье и не полнеть. Отчего он сам не следовал этим советам!

Во Франции у него сразу же нашлись причины для “черной меланхолии”. Госпожа де Берни серьезно болела, в один месяц она состарилась на двадцать лет. “Я скрыл от нее свое беспокойство, но тревожусь я безмерно. До тех пор, пока мой врач или ясновидящая не успокоят меня, я не перестану дрожать за жизнь этой женщины, которая, как вы знаете, мне бесконечно дорога”. Зюльма Карро потеряла отца, глубокого старика, которого она нежно любила. Теперь она стала владелицей поместья Фрапель, расположенного вблизи Иссудена, и горячо приглашала Бальзака приехать туда поработать. Она ждала второго ребенка, беременность у нее протекала тяжело, была даже некоторая опасность для жизни.

В “небесном семействе”, как всегда, были ужасные неприятности. Госпожа

Бальзак пустилась в рискованные финансовые операции и довершила свое

разорение. Сюрвиль самым нелепым образом ревновал жену и портил ей жизнь.

Лоре даже с братом приходилось теперь видеться тайком! Но быть может, сама

Лора порою делала супружескую жизнь невыносимой? Оноре все чаще задавал

себе этот вопрос. Брат все прощал сестре в память о долгих годах, когда он

ей не раз повторял: “Твоя рука в моей; мы с тобою друзья”; однако романист

различал в Лоре Сюрвиль черты честолюбивой и вздорной женщины; в его

заметках сохранился план романа, где должны были действовать две сестры.

“Первая - безупречное существо; эта тихая, безропотная женщина умирает

молодой и не понятой окружающими; муж ее - хвастун и враль; вторая сестра

более блистательна, но изводит мужа; муж ее - человек простой и скромный”

[Balzac, “Pensees, sujets, fragments” (Бальзак, “Мысли, сюжеты, фрагменты”)]. Что это? Лоранса и Лора, какими он их видел теперь, десять

лет спустя? Вполне возможно. Весьма тщеславная Лора побуждала Сюрвиля

браться то за одно дело, то за другое: на первом месте, разумеется, каналы, но и распределение воды, мост в Андели, мост в Сюлли. Бедняга

из-за всего этого потерял сон, и ум его был охвачен лихорадкой. “Мои

злополучные родственники совсем голову потеряли”, - писал Бальзак

Чужестранке. Одно время он опасался, как бы мать и сестра не поселились из-за безденежья в его доме на улице Кассини.

Все идет из рук вон плохо, однако есть также и хорошие новости. “Евгения Гранде” быстро расходилась, и читатели не скупились на восторженные похвалы. Дельфина де Жирарден писала: “Евгения Гранде обворожительна, хороши и Нанета-громадина, и папаша Гранде; какой у вас талант, какой талант! О великий Бальзак!!! Моя сестра, мама и я в полном восхищении, вся наша семья преклоняется перед вами. Еще ни одно из ваших произведений не имело такого успеха. Приходите к нам поскорее, все мы хотим вас видеть и сказать, как высоко мы вас ценим”. Для того чтобы обезвредить маркизу де Кастри, гнева и влияния которой он страшился, Бальзак сразу по приезде отправился к ней и прочел своей бывшей приятельнице начало “Герцогини де Ланже”. Маркиза весьма одобрительно отнеслась к повести: в первых главах ее образ и впрямь мог показаться очаровательным. Продолжение должно было понравиться ей гораздо меньше.

В этом произведении Бальзак откровенно высказывал свое мнение об аристократах, обитавших в Сен-Жерменском предместье, которые во время Реставрации не только не проявили склонность быть покровителями других, как подобает истинным вельможам, но держали себя как жадные и мелочные

выскочки. Писатель осуждал ту алчность, с какой дворянство добивалось богатства и должностей. Очаровательные манеры этих людей скрывали духовную и душевную пустоту. Герцогиня де Ланже вела странные и цинические речи: “Религия всегда останется политической необходимостью. Разве взялись бы вы управлять целым народом вольнодумцев? Даже Наполеон на это не осмеливался, он преследовал “идеологов”… примем же католическую религию со всеми ее выводами. Если мы требуем, чтобы вся Франция ходила к мессе, не обязаны ли мы и сами посещать ее? Религия, Арман, является, как видите, связующим звеном консервативных принципов, которые позволяют богатым жить спокойно. Религия самым тесным образом связана с собственностью”. Бальзак-реалист не отрекался от своих политических и религиозных взглядов; Бальзак-писатель беспощадно показывал, во что превращаются такие взгляды в устах светской дамы.

Графиня Потоцкая настоятельно советовала ему выразить дань уважения графине Аппоньи, супруге австрийского посла Бывают дипломаты, которые сразу становятся мощными центрами притяжения в тех странах, при правительстве которых они аккредитованы. Именно такими людьми стали, начиная с 1826 года, жившие в Париже граф Антуан Аппоньи и его жена.

Они принимали у себя и легитимистов, и сторонников Луи-Филиппа, и писателей, и художников. На этих блистательных приемах, на завтраках, за которыми следовали танцы, бывал весь Париж. Бальзаку страстно хотелось получить приглашение в дом австрийского посла. Графиня Мария Потоцкая, боявшаяся, как бы он не вздумал рассказывать там скабрезные анекдоты, усердно наставляла писателя: “Ведите себя благоразумно у госпожи Аппоньи. Она сущий ангел. Ничто не должно нарушить атмосферу чистоты, царящую вокруг нее”.

Ну, с ангелами-то Бальзак умел обращаться. 18 февраля он отправился в посольство, но не был принят; правда, госпожа Аппоньи в качестве извинения прислала ему любезное письмо: “Я весьма смущена, узнав, что моя милая и кроткая Мария слишком уж меня вам расхвалила… Соблаговолите доставить мне удовольствие и приходите к нам послезавтра в три часа”. Графиня Мария Потоцкая писала Бальзаку: “Возвратились ли вы уже в свою элегантную келью? Покидаете ли вы ее когда-нибудь ради госпожи Аппоньи? Она жалуется на вас и совсем отчаялась заманить вас к себе, даже применяя все средства обольщения. У них началась пора завтраков с танцами; вы там увидите

обольщения. У них началась пора завтраков с танцами, вы там увидите весь

Париж, самых красивых женщин столицы”. Бальзак сделался завсегдатаем

салона графини Аппоньи. “Надо, чтобы дом Бальзаков жил в дружбе с

австрийским царствующим домом”, - шутил писатель. Госпожа Ганская получала

от своих польских друзей в Париже письма, где говорилось о светских

успехах ее возлюбленного; она всполошилась: неужели в нем снова заговорило

“сердце француза”? Зачем он переписывается с графиней Потоцкой?

”Напрасно письмо госпожи П. вызывает у тебя ревность, нужно, чтобы эта

женщина была за нас; я польстил ее самолюбию и хочу, чтобы она думала, будто между тобой и мною ничего нет”. Однако это вовсе не устраивало

госпожу Ганскую, которая хотела слыть неотразимой. Ей писали, что у

Бальзака есть любовницы. Он успокаивал Еву: “Ваш бенгали ведет себя

благоразумно”. Всякий, читавший переписку Бальзака с Ганской, знает, что

он имел в виду под словом “бенгали”, для которого у милой кошечки Эвелины

была уготована “чудесная клетка”. Бальзак уверял, что слишком много

работает и потому не бывает в свете. Когда человек ложится спать в шесть

вечера, а в полночь уже сидит за письменным столом, ему не до галантных

приключений. Он даже поссорился (на некоторое время) с Жирарденами и их

окружением, это произошло из-за пустякового недоразумения, связанного

с какой-то публикацией. “Госпожа де Жирарден несколько раз пыталась залучить меня к себе, но ваш упрямый мужик - а ведь он не был бы мужиком, если бы не научился говорить “нет”, - ответил ей: “Нет”. Правда, самым учтивым образом, ибо он уже малость пообтесался, ваш преданный мужик”.

Никто не может безнаказанно работать день и ночь. В начале апреля он ощутил крайний упадок сил и все нараставшую слабость. Доктор Наккар, пригрозив писателю, что у него может начаться воспаление мозга, предписал перемену обстановки и полный покой. Это уже превращалось в некий ежегодный ритуал. Бальзак отправился в Берри, где ненадолго остановился (на восемь - десять дней) в поместье Фрапель, в просторном и уютном доме Карро. Однако пребывать в бездействии он не умел. Он работал там над “Цезарем Бирото” и “Щеголем” (впоследствии произведение это было названо “Старая дева”) [Бальзак предполагал также дать это название (“Щеголь”) своей повести, в окончательном варианте озаглавленной “Брачный контракт” (прим.авт.)]. Повесть “Серафита” давалась ему с трудом, и работа над ней подвигалась очень медленно.

Бальзак - маркизе де Кастри, 10 марта 1835 года: “Вот произведение, которое требует изнурительного, непосильного труда.

Я долго бился над ним и теперь еще бьюсь дни и ночи напролет. Пишу, переписываю и опять пишу наново; однако через несколько дней все будет ясно: либо я прославлюсь, либо парижане ничего не смыслят”.

Книга эта его буквально убивала. У него было впечатление (увы, правильное), что он работает в какой-то разреженной атмосфере, точно где-то над землей. Но он верил в эту книгу, он хотел превратить ее в вершину своего творчества, да и она ждала от него этой книги.

Он гулял по саду с Зюльмой, которая тяжело переносила беременность. Помогал своей приятельнице обставлять дом и попутно описывал ей свои любовные успехи. Она уже слышала о них от молодого художника Огюста Борже - тот случайно встретил Бальзака в обществе супругов Ганских. Оноре сказал Зюльме, что вскоре вновь свидится со своими боярами в Вене. Вместе с майором Карро он бродил по Иссудену, расспрашивал жителей, и они рассказывали ему всякие истории. Все это в один прекрасный день должно было найти себе место в романе “Жизнь холостяка”. Этот необыкновенный человек за несколько дней узнавал о любом городке больше, чем знали старожилы.

Жизнь его как бы шла в двух планах. В реальном мире он успокаивал Зюльму, писал ласковые письма Еве, интриговал Анриетту де Кастри

Зюльму, писал ласковые письма Еве, интриговал Анриетту де Кастри, рассуждал в австрийском посольстве о магнетизме, завтракал с сыщиком Видоком и с парижскими палачами - отцом и сыном Сансонами, в своем воображаемом мире он мало-помалу создал целое общество. Определенное место там предстояло занять Иссудену, как и Алансону. Из воспоминаний о квартале Марэ медленно возникали контуры “Цезаря Бирото”; горестные воспоминания, связанные с виллой Диодати, породили “Герцогиню де Ланже”. Одно соседствовало с другим: литературные поделки ради заработка, этюды о нравах и великие замыслы. Истинная сущность Бальзака не в денежных хлопотах, не в любовных интрижках, а в творческом горении.

Двадцатого апреля он отправился в Консерваторию послушать Пятую симфонию Бетховена и признал в композиторе собрата по духу, равного себе художника. Он писал Ганской:

”Ах, как я жалел, что вас не было рядом! Я сидел в ложе один. Один. Какая это невыразимая мука. Во мне живет потребность в душевных излияниях, я ее обманываю упорным трудом, но при первом же волнении слезы бегут у меня из глаз… Я завидую только знаменитым людям, которых уже нет в живых: Бетховену, Микеланджело, Рафаэлю, Пуссену, Мильтону, - словом, всякий, кто был велик, благороден и одинок, не оставляет меня равнодушным.

Обо мне еще не все сказано; я создал только часть великого творения”.

Он походил на зодчего, который носит в себе замысел кафедрального собора, но пока не располагает необходимыми средствами для осуществления своего грандиозного проекта и вынужден ваять и высекать лишь детали. Непосвященные, видя отдельные камни, осуждают их форму, не понимая их предназначения. “Мы замечаем только красоты стиля; когда же надо спешно воздвигнуть здание, не заботясь еще о резьбе капителей и о пропорциях колонн, во Франции часто, не дожидаясь конца работы, выносят беспощадный приговор”. Временами он ощущает усталость.

”Боюсь, что я в значительной мере уже проел свой капитал. Курьезно будет, если автор “Шагреневой кожи” умрет молодым. Порою я с отчаянием думаю, что мне так и не удастся завершить труд всей моей жизни!”

Затем им вновь овладевает законная гордость. Какой урожайный год! “Евгения Гранде”, “Шуаны” (он переработал эту книгу), “Щеголь”; вскоре увидят свет “Серафита”, “Взгляд на мир”, “Воспоминания молодой женщины”.

Без сомнения, он забегал вперед; только еще задуманные произведения уже казались ему законченными; но какой другой писатель успел уже создать столько шедевров?

Однако нужно было жить, и реальный мир предъявлял свои требования. Младший брат Бальзака Анри всегда был мечтателем, совершенно лишенным жизненной энергии, которой в избытке обладал Оноре. Избалованный, боготворимый матерью, он, “вступая в жизнь, уже заранее был обречен на поражение”. Читатель помнит, что, безуспешно меняя одну должность за другой, Анри в конце концов очутился на острове Маврикий. Там ему предложили место школьного учителя. Он поселился у вдовы Мари-Франсуазы Балан, которой покойный муж (Констан Дюпон) оставил сына, дом и кругленькое состояние. Перезрелая вдова Дюпон влюбилась в Анри и вышла за него замуж. Молодой человек, как истинный представитель рода Бальзаков, потребовал лошадей, кабриолет, слуг, званых обедов и вскоре разорил свою супругу. Тем не менее Лора Сюрвиль, видевшая все в розовом свете и плохо осведомленная, писала своей приятельнице, жене генерала де Помереля: “Анри просто творит чудеса, зарабатывает много денег, хорошо себя ведет… Он только что женился на вдове, которая принесла ему в приданое сто пятьдесят

тысяч франков. Мама бесконечно счастлива, узнав эти новости”. Поначалу

Оноре даже позавидовал брату: одному из Бальзаков все же удалось жениться

на богатой! Но он довольно быстро исцелился от зависти, прибегнув к помощи

своего пера: он поведал в своих романах, как люди создают себе состояние в

колониях. Шарль Гранде был отправлен в Ост-Индию.

Между тем от Анри два года не было никаких известий. Его положение на

острове Маврикий резко изменилось к худшему. Английское правительство

отказывалось разрешить ему дальнейшее пребывание там без денежного залога; школа, в которой он преподавал, закрылась. В июне 1834 года он сообщил о

том, что возвращается во Францию. Снедаемая тревогой, госпожа Бальзак

поспешила нанять для своего любимца меблированную квартиру в доме номер

шесть по улице Кокнар, где жили супруги Сюрвиль.

Наконец дражайший Анри прибыл в Париж в сопровождении супруги и

пасынка, Анжа Дюпона. Он вывез с островов пятьдесят тысяч франков долга и

жену, которая была намного старше его. “Нужно ли было проделывать пять

тысяч лье для того, чтобы найти такую супругу?” - с сарказмом спрашивал

Оноре. Славный Сюрвиль взялся найти место для своего злополучного

шурина: он определил его в строительную контору, во главе которои стоял сам, -

Сюрвиль в это время сооружал мост в городе Андели, в Нормандии. Анри там

никак себя не проявил. Его жена ждала ребенка. Госпожа Бальзак, и без того

склонная преувеличивать свои горести, была в отчаянии. “Она наказана за

то, что предпочитала Анри другим детям”, - говорил старший сын. Всегда

готовая прийти людям на помощь, Лора Сюрвиль привязалась к своей

незадачливой невестке, которой предстояло разрешиться от бремени в Андели, вдалеке от ее родного, залитого солнцем острова. Когда родился ребенок, Оноре, крестный отец, подарил ему колыбельку (роскошную, разумеется) - то

была “походившая на гондолу колыбель с занавесочками”. Чтобы спасти своего

обожаемого Анри, госпожа Бальзак продала последнюю недвижимость, которой

еще владела, - дом на улице Монторгей. Отныне она должна была существовать

лишь на ренту, которую ей выплачивал старший сын.

Бальзак не сомневался, что сумеет полностью обеспечить семью. Ему

удалось заключить с любезной вдовою Беше “изумительный” контракт на

издание “Этюдов о нравах”, да вдобавок к нему явился старший приказчик

фирмы Беше, Эдмон Верде, честолюбец и хвастун вроде Годиссара, и предложил

свои услуги в качестве издателя его книг; чтобы удостоиться такой чести,
он готов был отдать все свои сбережения в сумме 3500 франков. Бальзак

он готов был отдать все свои сбережения в сумме 3500 франков. Бальзак вышел к нему в своем белом халате, перехваченном золотой венецианской цепью, на которой висели золотые ножницы, и в домашних туфлях из красного сафьяна, расшитых золотом; он весьма холодно встретил посетителя и осыпал его насмешками: “Как? Предложить 3500 франков автору, который только что получил 27000 и которому журнал “Ревю де Пари” ежемесячно выплачивает 500 франков?” Первым и правильным побуждением Бальзака был отказ от предложенной сделки. Но вторым его побуждением было решение вновь пригласить Верде. Оноре никогда не умел противиться соблазну получить хоть немного “наличных денег”. Как-никак, имея 3500 франков, можно будет уплатить срочные долги, а потом “смышленых книгоиздателей не часто встретишь”. “Прославленный Верде” был польщен и отдал все свои сбережения ради простой перепечатки “Сельского врача”. Книга так быстро разошлась, что Верде принял дерзкое решение сделаться отныне единственным издателем Бальзака. Почему бы и нет? Ведь у самого Вальтера Скотта был всего один издатель, а единый авторский замысел было бы легче осуществить единственному издателю.

Однако осуществить это оказалось довольно трудно. Надо было

выкупить

права на издания у Гослена, Левассера, у госпожи Беше. Бальзаку также

предстояло принять участие в этой деловой операции и вложить деньги, которыми он не располагал.

Несмотря на все препятствия, договоры были подписаны.

”Ныне я наконец-то свободен от этого нелепого кошмара. “Прославленный

Верде”, который слегка смахивает на “прославленного Годиссара”, покупает у

меня первое издание “Философских этюдов” (двадцать пять томов в одну

двенадцатую долю листа); там будет пять выпусков по пять томиков в каждом, и они станут выходить в свет из месяца в месяц… Как видите, чтобы в срок

рассчитаться с госпожою Беше, которой я должен еще три выпуска “Этюдов о

нравах”, мне понадобится мозг, подобный Везувию, бронзовый торс, хорошие

перья, море чернил, ровное расположение духа и упорное желание непременно

побывать в январе в Страсбурге, Кельне, Вене, Бродах и так далее… не

страшась тамошних вьюг. Я уже не говорю вам о таком пустяке, который

именуют “здоровьем”, и другом пустяке, который называют “талантом”!”

Жаловаться на недостаток таланта ему не приходилось. В июне 1834

года

Бальзак начал работать над романом “Поиски абсолюта”, входившим в

“Философские этюды”. Как и в “Евгении Гранде”, тут шла речь о страсти, которая все возрастает и в конце концов разрушает благополучие семьи.

Первоначальный замысел произведения возник еще в 1832 году, тогда автор

предполагал написать эпизод из жизни Вронского, потом - из жизни Бернара

Палисси и изобразить таким образом “Страдания изобретателя” (он не раз

думал об этой теме, наблюдая жизнь Эжена Сюрвиля). Бальзак собрал немало

документов, относившихся к деятельности Палисси. Однако реальная жизнь

Палисси, несовершенная, как жизнь любого человека, не могла удовлетворить

Бальзака, этого неистового мечтателя, и он обратился к воображению.

Фламандец Валтасар Клаас, получивший в наследство несметное состояние, посвящает свою жизнь химии и тщится отыскать “абсолют”, чудесный элемент, из которого созданы все вещества. Пытаясь “разложить азот”, он полностью

разоряет свою чудесную жену (которую любит) и двоих детей; он продает

знаменитое собрание старинных картин, принадлежащее семье. Время от

времени Валтасар как будто сознает свое безумие, но всякий раз оно вновь

овладевает им; даже глубокое отчаяние жены не может заставить его

отказаться от навязчивой идеи. Разоренный и пришедший в упадок дом Клааса

в конечном счете погибнет. “Поиски абсолюта спалили все, как пожар”.

Теории Клааса были теориями самого Бальзака. Автор, как и его герой, верит в единство Вселенной, в возможность отыскать “абсолют”, который, изменяясь в зависимости от среды, способен породить все сущее. Интереснее

всего, что Клаас и Бальзак, видимо, были правы и на целый век опередили

развитие науки. “Два члена Академии обучали меня химии, ибо я хотел, чтобы

моя книга была верна с научной точки зрения. Они заставляли меня

переправлять корректуры по десять - двенадцать раз. Мне пришлось читать

Берцелиуса, овладевать азами науки и ее языком, а также помнить о том, что, создавая книгу, столь тесно связанную с химией, я не должен наскучить

равнодушным французским читателям”. Он старался понять идеи Берцелиуса, Араго; он буквально убивал себя работой. Жозефина Клаас говорит мужу: “У

великого человека не должно быть ни жены, ни детей. Идите в одиночестве

путями нищеты. Ваши добродетели - не те, что у обыкновенных людей; вы

принадлежите всему миру и не можете принадлежать ни жене, ни семье. Возле

вас сохнет земля, как возле больших деревьев!” Ведь это Бальзак обращается

к самому себе!

Он по-прежнему сообщал госпоже Ганской о событиях парижской жизни. Ей

незачем опасаться госпожи де Кастри! Не должна она бояться и Жорж Санд

(Дюдеван), новые романы которой были, по его мнению, пустыми и фальшивыми.

Бальзак недавно поселил у себя на улице Кассини в жилище, освобожденном

Борже, оставленного ею любовника - Жюля Сандо. “Сандо будет жить там, как

принц; он никак не может поверить в свое счастье”. Бальзак собирался

использовать “милого Жюля” в качестве “негра” - он хотел, чтобы Сандо

сочинял вместе с Эмманюэлем Араго драмы, которые они будут подписывать

псевдонимом “Сан-Драго”, и все трое разбогатеют.

Роман “Поиски абсолюта” довел Бальзака до полного изнеможения. “Книга

“Поиски абсолюта”, без сомнения, послужит моей славе, но такие победы

обходятся слишком дорого”. В его черных как смоль волосах каждый вечер

прибавлялось седины, а утром он вычесывал их пригоршнями. Он садился за

работу, “как игрок за карточный стол”, спал пять часов, а потом трудился

по пятнадцать - восемнадцать часов подряд. “Ему была ведома та

экзальтация, какую знают только люди, разочарованные в жизни”. Чудотворный

доктор Наккар (как называла его в свое время бедная Лоранса) снова

прописывал писателю деревенский воздух. В таком совете не было ничего

гениального, но что еще можно было прописать человеку, самым тяжким

недугом которого была его собственная гениальность? 25 сентября Бальзак уехал в Саше: Маргонн предложил ему свое гостеприимство. Там он приступил к новому роману - “Отец Горио”.

”Поиски абсолюта” появились в издательстве госпожи Беше. Роман расходился плохо. “По-моему, “Абсолют” в десять раз значительнее “Евгении Гранде”, а успеха он, видимо, иметь не будет”, - жаловался Бальзак. Для читателей книга эта была гораздо более трудной, чем “Евгения Гранде”. Но что остается делать разочарованному автору, как не винить во всем своего издателя? Все же книга принесла писателю и некоторое удовлетворение. Он сообщал Чужестранке: “Моя матушка необыкновенно гордится “Поисками абсолюта”… Госпожа де Кастри написала мне, что она плакала, читая роман”. Высокомерная кокетка воспользовалась посредничеством своего дяди, герцога Фиц-Джеймса, и пригласила Бальзака приехать к ней в замок Кевийон; он отказался. Герцогиня де Ланже больше не имела над ним никакой власти, и это заставило ее испытать чувство горечи.

Бальзака постигла неожиданная неприятность: отнюдь не “безобидные” любовные письма попали в руки господина Ганского. Писатель попытался как-то объяснить это супругу, но придуманная им версия была не слишком правдоподобна. Вопреки очевидности, по его словам, все обстояло очень просто и невинно. Госпожа Ганская, смеясь, сказала ему, что ей хотелось

бы

прочесть образцовое любовное письмо, вот он и написал два этих злополучных

письма, полагая, что она еще помнит об их шутливом разговоре. Если он

оскорбил графиню, то умоляет “господина Ганского” выступить в его защиту: “Я надеюсь, милостивый государь, что это столь естественное объяснение вас

убедит”. Мы не знаем, нашел ли муж это объяснение “столь естественным”, но

он предпочел забыть о случившемся. Что касается Бальзака, то он уже

занимался вещами более серьезными - писал “Отца Горио”.

XVII. ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Посмотрев на свои произведения взглядом созидателя и в

то же время как бы со стороны, Бальзак оглянулся назад и

во внезапном озарении понял, что они выиграют, если

объединить их в единый цикл, где вновь и вновь будут

появляться одни и те же персонажи. И тем самым он прибавил

к своему творению последний, но самый великий мазок.

Марсель Пруст

Однажды - это случилось в 1833 году - Бальзак примчался с улицы

Кассини

в предместье Пуассоньер, где в ту пору жила чета Сюрвилей, и воскликнул: “Поздравьте меня, я на верном пути к тому, чтобы стать гением”. Шагая по гостиной, он рассказал сестре и ее мужу о своем плане. Он пришел к мысли объединить в одной эпопее все свои романы. Это отнюдь не было туманным проектом. Через год он подробно описывал Чужестранке, каким грандиозным монументом станет его творение, когда он завершит его.

”Я полагаю, что в 1838 году три части этого гигантского творения будут если не завершены, то по крайней мере возведены одна гад другою и уже можно будет судить о нем в целом.

”Этюды о нравах” будут изображать все социальные явления, так что ни одна жизненная ситуация, ни одна физиономия, ни один мужской или женский характер, ни один уклад жизни, ни одна профессия, ни один из слоев общества, ни одна французская провинция, ничто из того, что относится к детству, старости или зрелому возрасту, к политике, правосудию, войне, не будет позабыто.

Когда все это будет осуществлено, история человеческого сердца прослежена шаг за шагом, история общества всесторонне описана, - фундамент

произведения окажется готов. Тут не найдут себе места вымышленные факты, я

стану описывать лишь то, что происходит повсюду.

Затем последует второй ярус - “Философские этюды”, ибо после следствий

надо показать причины. Я покажу в “Этюдах о нравах” игру чувств и течение

жизни. В “Философских этюдах” я объясню, откуда чувства, в чем жизнь, каковы стороны, каковы условия, вне которых не могут существовать ни

общество, ни человек; и после того как я окину взором общество, чтобы его

описать, я займусь его обозрением, дабы вынести ему приговор. Таким

образом, в “Этюдах о нравах” заключены индивидуальности, превращенные в

типы, в “Философских этюдах” - типы, сохраняющие индивидуальные черты. Я

всему придам жизнь: типу, сохраняя в нем индивидуальные черты; индивиду, превращая его в тип. Я вдохну мысль во фрагмент, а в мысль вдохну жизнь

индивида.

Позднее, после следствий и причин, придет черед “Аналитическим этюдам”

(в состав которых входит “Физиология брака”), ибо после следствий и причин

должны быть определены начала вещей. Нравы - это спектакль, причины - это

кулисы и механизмы сцены. Начала вещей - это автор; но по мере того как

произведение достигает высот мысли, оно, словно спираль, сжимается и уплотняется. Если для “Этюдов о нравах” потребуется двадцать четыре тома, то для “Философских этюдов” нужно будет всего пятнадцать, а для “Аналитических этюдов” - лишь девять томов. Таким образом, человек, общество, человечество будут без повторений описаны, рассмотрены и подвергнуты анализу в произведении, которое явится чем-то вроде “Тысячи и одной ночи” Запада.

Когда все будет окончено, моя церковь Мадлен оштукатурена, фронтон высечен, леса убраны, последние мазки сделаны, тогда станет ясно, был ли я прав или ошибался. После того как я завершу поэтическое воссоздание всей системы бытия, я займусь ее научным описанием в “Опыте о силах человеческих”. И этот дворец я, дитя и весельчак, украшу огромной арабеской из “Ста озорных рассказов”.

Архитектор уже укладывал на место громадные глыбы. Он попросил одного из друзей Берту, талантливого молодого писателя Феликса Давена, написать два пространных предисловия к “Философским этюдам” и “Этюдам о нравах”.

Наставляемый автором, а порою писавший под его диктовку. Давен отмечал, что Бальзак не сразу пришел к своему великому замыслу и это,

пожалуй, к

лучшему. Если бы столь гигантский план возник в его голове сразу же после

создания первых книг, он, быть может, отступил бы перед таким грандиозным

трудом. Контуры этого труда вырисовывались в его уме лишь постепенно.

Единство было не искусственное, а внутреннее, живое. Книги рождаются на

свет, как общественные установления, как дети, не в результате

сознательных действий, а вследствие игры неуправляемых сил.

”Мы вполне можем предположить, - писал Феликс Давен во “Введении к

“Философским этюдам”, - что однажды, сопоставляя различные мысли, запечатленные в его произведениях, автор поступил так как поступает ткач, который внезапно переворачивает ковер с изнанки на лицо и обозревает весь

рисунок в целом. С этих пор писатель уже не переставал думать о том, какое

впечатление будет производить его творение целиком, ибо в его мозгу давно

уже зрела идея великого синтеза. Мысленно возводя еще не достроенные ярусы

украшенного фресками здания, представляя себе здесь скульптурную группу, там - величественную статую, дальше - предметы второго плана и игру света

и тени, он вдруг залюбовался делом своих рук и вновь принялся за работу с

чисто французским неистовством, ибо он находился еще в том возрасте, когда люди не ведают сомнений. А посвятив себя титаническому труду, человек этот, чью несгибаемую волю высоко ценят все знающие его (в один прекрасный день ей, конечно же, воздадут должное так же, как и его огромному таланту), все время шел вперед и вперед, не вспоминая наутро о вчерашних усилиях и усталости…

Быть может, прежде чем открыть свои планы читателям, он хотел проверить свои силы; быть может, он не освобождал обшитое досками здание от окружавших его лесов потому, что желал прежде закончить некоторые изваяния, потому, что ждал, пока станут яснее его контуры или по крайней мере поднимется широкий фронтон благородных очертаний”.

Давен с полным правом осуждал тех критиков, которые, не обладая чувством пропорции, называли книги его друга “повестушками” и “рассказами”. Чтобы устыдить подобных критиков. Давен прибегал к излюбленному образу Бальзака:

”Но разве все эти якобы разрозненные части не следует уподобить обтесанным камням, отдельным капителям, метопам, уже наполовину покрытым

изображениями цветов и драконов; валяясь на строительной площадке между пилой и долотом рабочего, они кажутся мелкими, незначительными, но, по замыслу архитектора, им предстоит украсить пышный антаблемент, занять место на изгибе свода, расположиться вдоль высоких стрельчатых окон кафедрального собора, замка, часовни или живописной усадьбы".

Настало время приступить к возведению кафедрального собора. В сентябре 1834 года Бальзак уехал в Саше, твердо решив за короткий срок написать роман, который должен был сделаться одним из краеугольных камней его творения: речь идет об "Отце Горио". Мы располагаем начальной клеточкой, давшей жизнь этой книге, - заметкой в тетради, куда Бальзак заносил свои планы: "Славный старик - семейный пансион - шестьсот франков ренты - отказывает себе во всем ради дочерей, хотя они обе располагают пятьюдесятью тысячами франков годового дохода, - умирает, как пес". Маркизе де Кастри Бальзак сообщает, что он хочет описать "чувство, само по себе столь величественное, что оно может устоять перед длинной цепью обид", а госпоже Ганской он пишет, что выбрал своим героем "человека, для которого быть отцом то же, что для святого, для мученика быть христианином". Итак, он снова покажет, какие опустошения производит

страсть, ставшая манией. “Страсть не признает сделок; она готова на любые жертвы”.

Композиция “Отца Горио” гораздо сложнее и смелее, чем композиция “Евгении Гранде”. Здесь переплетаются несколько сюжетных линий. Во-первых, драма самого Горио, разоренного и отвергнутого своими дочерьми Анастази де Ресто и Дельфиной де Нусинген; затем драма Вотрена (он - новое воплощение Феррагуса, бывший каторжник, живущий под чужим именем в пансионе Воке, демон-искуситель, который мастерски плетет сеть интриг, пока его не разоблачает полиция); драма Растиньяка, молодого гасконца, отпрыска провинциального дворянского рода, еще наивного и чистого гоноши, который с ужасом обнаруживает разложение парижского общества; наконец, драма родственницы Растиньяка, Клары де Босеан, весьма знатной дамы, которую оставляет боготворимый ею любовник, трагедия, объясняющая “уже написанную страницу из ее будущего” - “Покинутую женщину”. Семейный пансион - вот то место, где перекрещиваются судьбы этих людей; и в самом деле, разве светское общество - это не “позолоченный семейный пансион”, разве дворец Тюильри - не семейный пансион, над дверьми которого красуется корона?

С этого времени в творческом воображении Бальзака живет целое общество; однако для того, чтобы вдохнуть жизнь в сотворенный им мир, он постоянно вводит туда элементы реального мира - воспоминания, наблюдения. Создавая образ Горио, бывшего вермишельщика, он подробно расспрашивал Маре - домовладельца с улицы Кассини, некогда торговавшего мукой; Бальзак хорошо знал такие заведения, как пресловутый пансион вдовы Воке: то был не какой-нибудь определенный семейный пансион, а своеобразный сплав из различных “семейных пансионов для лиц обоего пола и прочая”; само имя “Воке” запомнилось ему еще со времен Тура. Любопытный штрих может дать представление о том, к каким неожиданным находкам приходит писатель в процессе творчества: отвратительная госпожа Воке произносит “льипы” - совсем так, как Ева Ганская. Бальзака бесконечно забавляла эта озорная мысль. Рисуя Растиньяка, писатель наделил его некоторыми (но только некоторыми) своими чертами. Растиньяк честолюбив, как и его создатель, но это честолюбие совсем иного рода, чем у молодого писателя; у Растиньяка, как и у самого Оноре, две сестры: старшую зовут Лора, и она отдает брату все свои девичьи сбережения; Растиньяк с высоты кладбища Пер-Лашез бросает вызов Парижу, восклицая: “А теперь кто победит: я или ты?” Такой же вызов

бросил в свое время столице творец Растиньяка, живший тогда на улице Ледигьер. Соединение чистоты и честолюбия, характерное для героя романа, было также характерно для молодого Бальзака.

Что касается Вотрена, то он в значительной мере списан с Видока, но и в нем можно обнаружить кое-что от самого автора. В двадцать лет Бальзак мечтал о магической власти, которая подчинила бы ему весь мир. Уже первые его романы изобилуют пиратами, корсарами, людьми, стоящими вне закона. В 1834 году он думает, почти как Вотрен, “что люди пожирают друг друга, точно пауки в банке”, и что никто не требует отчета от негодяя, добившегося успеха. “Меня не спросят: “Кто ты такой?” Я буду господин Четыре Миллиона”. Бальзак восхищается Ветреном: “Великое преступление - это порой почти поэма”. Однако, как и Растиньяком, им владеют серьезные сомнения. Если свет подобен джунглям, то нужны законы, государство, религия, семья.

Тема отцовской любви затрагивает в душе Бальзака самые чувствительные и сокровенные струны. В случае с Горио речь идет об отцовстве по крови. “Моя жизнь в дочерях, - говорит он. - Если им хорошо, если они счастливы, нарядно одеты, ходят по коврам, то не все ли равно, из какого сукна мое платье и где я сплю? Им тепло, тогда и мне не холодно, им весело, тогда и мне не скучно”. Он смотрит на своих дочерей, как Бог на сотворенный им мир: “Только я люблю моих дочерей больше, чем Господь Бог любит мир,

ибо

мир не так прекрасен, как сам Бог, а мои дочери прекраснее меня”. В творчестве Бальзака мы не раз встретимся со страстным желанием его героев жить более счастливой и наполненной жизнью, как бы перевоплощаясь при этом в другого человека. Без сомнения, тема эта как-то связана с темой Прометеева созидания. К услугам писателя целый гарем, где живут все те женщины, которыми он не мог обладать; через созданных персонажей он вкушает любовь, могущество и славу, подобно тому как Горио вкушал счастье через своих дочерей. Как и Горио, Бальзаку надо было сделать выбор между созиданием и жизнью; он убивал себя ради собственных творений, как бедный старик - ради своих дочерей.

Но из всех проблем, затронутых в романе “Отец Горио”, автору ближе всего “годы ученичества” Растиньяка. “Настоящий писатель, создавая своих героев, ведет их теми путями, которыми он и сам мог бы пойти в жизни”. Эжен де Растиньяк приехал в Париж из провинции, веря в силу семейных привязанностей; в столице он повсюду встречает грязь и разложение, дочерей, отрекающихся от отца, жен, глумящихся над мужьями, жестоких и высокомерных любовников. “За то время, пока он находился между голубым

голубым

будуаром графини де Ресто и розовой гостиной госпожи де Босеан, Эжен успел

пройти трехлетний курс парижского права”. Родственница Растиньяка, госпожа

де Босеан, гордая и страстная женщина, преподает ему первый жизненный

урок: “Чем хладнокровнее вы будете рассчитывать, тем дальше вы пойдете.

Наносите удары беспощадно, и перед вами будут трепетать. Смотрите на

мужчин и женщин, как на почтовых лошадей, гоните, не жалея, пусть мрут на

каждой станции, и вы достигнете предела в осуществлении своих желаний.

Запомните, что в свете вы останетесь ничем, если у вас не будет женщины, которая примет в вас участие. И вам необходимо найти такую, чтобы в ней

сочетались красота, молодость, богатство. Если в вас зародится подлинное

чувство, спрячьте его, как драгоценность, чтобы никто не подозревал о его

существовании, иначе вы погибли”.

Грозный Вотрен подтверждает слова виконтессы: “Бьюсь об заклад: стоит

вам сделать два шага в Париже, и вы сейчас же натолкнетесь на дьявольские

махинации… Вот жизнь как она есть. Все это не лучше кухни - вони столько

же, а если хочешь что-нибудь состряпать, пачкай руки… Принципов нет, а

есть события; законов нет - есть обстоятельства; человек высокого полета

сам применяется к событиям и обстоятельствам, чтобы руководить ими”.

Тот, кто постиг две эти истины, видит, что перед ним открыт путь к успеху, неотделимый от презрения к людям. Растиньяк проливает на могиле папаши Горио последнюю чистую юношескую слезу, а затем, “бросив обществу свой вызов, он для начала отправился обедать к Дельфине Нусинген”.

Необычность этой книги, оправдывавшая победную песню, которую Бальзак исполнил у Сюрвилей, и превратившая ее действительно в краеугольный камень будущей эпопеи, заключалась в том, что в ней вновь появились уже знакомые читателю персонажи. Автору и прежде случалось заимствовать имя или характер из своих предыдущих книг. Отныне этот прием возводится в систему.

У Бальзака будут свои врачи (Бьяншон, Деплен); свои сыщики (Корантен, Перад); свои адвокаты (Дервиль, Дерош); свои финансисты (Нусинген, братья Келлер); свои ростовщики (Гобсек, Пальма, Бидо, по прозвищу Жигонне). Госпожа де Ресто? Она уже знакома нам по “Гобсеку”. Растиньяк? Он уже появлялся в “Шагреневой коже”, правда, там он был только именем, только силуэтом; мы еще не раз встретимся с ним на протяжении его карьеры, он изменится, и это придаст нарисованной Бальзаком картине развитие во времени. Вотрен будет позднее зловещей тенью нависать над судьбою Люсьена де Рюбампре, как он прежде нависал над судьбою Растиньяка. Госпожа де

Босеан? В романе “Отец Горио” мы присутствуем при ее сердечной драме, объясняющей события, описанные в “Покинутой женщине”. Вся знать (Листомэры, Кергаруэты, Мофриньезы, Гранлье) толпится в гостиных виконтессы де Босеан. Отныне мир, созданный воображением Бальзака, будет казаться ему более незыблемым, чем реальный мир, в котором он живет; он будет рассказывать новости о населяющих его людях, как рассказывают о тех, кто и в самом деле живет на земле: “А теперь поговорим о вещах серьезных. За кого мы выдадим замуж Евгению Гранде?” Или позднее: “Знаете, ведь Феликс де Ванденес женится на барышне из рода Гранвилей. Это превосходная партия”.

Сама мысль о постоянном возвращении одних и тех же героев представляется довольно естественной. Все крупные романисты могли бы прибегнуть к такому приему: ведь каждый из них вынашивает в себе определенное число персонажей, которые дороги ему, и, выводя их под различными именами, писатель как бы создает несколько вариантов одного и того же типа. Для Стендаля Фабрицио дель Донго или Люсьен Левей - идеал мужчины, на которого он сам хотел бы походить; госпожа де Реналь, госпожа де Шатле - идеал женщины, которую он хотел бы любить; Левен-отец, маркиз

де ля Моль - идеал умного и циничного старика. Подобно атому, и Бальзак создал образы своего рода двойников - Феррагуса и Вотрена; оба эти персонажа по воле автора воплощают стремление к могуществу. Затем писатель посчитал, что Вотрену лучше исчезнуть, а впоследствии появиться вновь, ибо в жизни такие чудовища редко встречаются. В то же время Бальзаку придется чуть не в каждом романе выводить на сцену группу честолюбивых денди, начиная с Анри де Марсе (этого железного человека, ставшего премьер-министром), Ла Пальферина, Максима де Трай и кончая незадачливым Полем де Манервилем, а также целый рой знатных кокеток: герцогиню де Ланже, княгиню де Кадиньян, маркизу д’Эспар.

Понятно, что, для того чтобы романы, написанные до возникновения “великого замысла”, могли занять свое место в задуманной эпопее, их придется слегка переработать, изменить некоторые имена и даты. Но как много они при этом выиграют! Эпизоды, прежде казавшиеся незначительными, теперь будут возвещать важные события в грядущем. Порой показом будущего объясняется настоящее. Но чаще новые романы берут свое начало в прошлом. Из беседы после ужина внезапно всплывает правда о персонаже, дотоле окутанном тайной. Все происходит как в жизни, которая открывается нам не

сразу, а постепенно выступает из мрака. Мы узнаем о людях по воле случая, заглянув ненароком в приотворенную дверь, услышав неожиданное признание.

Самый блестящий тому пример - де Марсе; читатели никогда не бывают

свидетелями его политической деятельности, а между тем де Марсе слывет, как отмечает Ален, “единственным государственным деятелем после

Талейрана”; но еще более характерен, пожалуй, образ Ронкероля: “Это -

превосходная зарисовка… Его повсюду встречают, но толком не знают; впрочем, его знают достаточно. Он - один из Тринадцати, и ничего больше”.

Таким образом, возникает реалистическое изображение целого, гораздо

более впечатляющее, чем изображение отдельных частей. Многие критики

говорили: “Разве можно согласиться с тем, что труппа комедиантов со строго

определенным амплуа представляет собою целый мир? Как поверить в то, что

весь Париж лечится у Бьяншона или обращается к услугам одного адвоката -

Дервиля? Что Серизи, Бован и Гранвиль так долго стояли во главе судейского

сословия Франции?” Но ведь это факт, что во все времена крайне

немногочисленная элита руководит страной и что в каждую данную эпоху можно

по пальцам перечесть героинь нашумевших любовных историй. С другой

стороны, мы принимаем как неизбежную условность романа то обстоятельство, что несколько его персонажей воплощают множество

людей. Одна из функций

искусства - заменять хаос, присущий жизни, разумным порядком. И в этом

созданном его фантазией мире художник умеет сохранить немало таинственного

и случайного, что позволяет ему сообщать всему изображаемому жизненное

правдоподобие и рельефность.

Никогда еще Бальзак не работал с такой уверенностью. Он писал “Отца

Горио” сначала в Саше, но главным образом в Париже, на улице Кассини, причем трудился по шестнадцать - восемнадцать часов в сутки (а в ноябре

1834 года даже и по двадцать часов). “Это всем моим книгам книга!” -

сообщал он Чужестранке. Ему хотелось поскорее закончить “Отца Горио” и

приехать в Вену, чтобы повидаться с госпожой Ганской в годовщину

“незабываемого дня” (26 января). Но, дописывая роман, он одновременно

должен был держать корректуру его первой части, которая в это время

печаталась на страницах “Ревю де Пари”. 15 декабря Бальзак “в полном

изнеможении в постели и не в силах ничего делать, ни о чем слышать”.

Тщетно герцогиня д’Абрантес взывает к нему, упрекает его, что он совсем ее

забыл. “Вся моя жизнь, - отвечает он, - подчинена одному: непрерывному

труду, без всякой передышки… Я уже не могу писать, слишком велика

усталость… Так что не думайте обо мне дурно. Говорите себе: “Он работает

днем и ночью" - и удивляйтесь лишь тому, что вы еще не услышали о моей смерти. Иногда я езжу в Оперу или к Итальянцам - вот мои единственные развлечения, ибо там не нужно ни думать, ни говорить, только смотреть да слушать".

Зюльма Карро снова родила мальчика, ему дали необычное имя - Йорик (из любви к Стерну, стало быть, и к Бальзаку); Оноре целует ее в лоб, но издали. У него нет времени, чтобы хоть ненадолго приехать во Фрапель. "Никогда еще уносящий меня поток не был столь стремительным; никогда еще столь чудовищно величественное произведение не овладевало человеческим умом. Я сажусь за работу, как игрок за игорный стол; сплю не больше пяти часов, а тружусь по восемнадцать часов в сутки; я приеду к вам полумертвым; но порою мысль о вас придает мне силы. Я покупаю Гренадьеру, я расплачиваюсь с долгами". В день рождения "мамочки" (ей исполнилось пятьдесят шесть лет), которую дети поселили в Шантильи в обществе компаньонки, Лора и Оноре хотели бы повидать ее. Но как это осуществить? Столько дел удерживает их в Париже! В качестве достойного возмещения они вместе посылают ей подарок - часы на голубом шнурке. Только пусть она не проговорится Сюрвилю, "ибо мой муж, - пишет Лора, - ничего не понимает

в

таких сердечных знаках внимания”.

Госпожа де Кастри сделала еще одну попытку залучить к себе Бальзака: она весьма любезно пригласила писателя через своего дядю, герцога

Фиц-Джеймса, приехать в Кевийон. Однако незавершенный “Отец Горио” одержал

верх над оконченной “Герцогиней де Ланже”; кроме того, Бальзака раздражал

внезапный интерес маркизы к Сент-Беву, которого он терпеть не мог. В июле

1834 года Сент-Бев опубликовал роман “Сладострастие”. Госпожа де Кастри, неисправимая охотница на светских львов, написала автору этого романа

письмо: “Пытаться выразить, как глубоко меня взволновала ваша превосходная

книга, - трудная задача для несчастной женщины, которой знакомы одни

только жизненные невзгоды”. Этот испытанный прием удался. Опытному

птицелову в юбке ничего не стоило поймать в свои сети литератора.

Известный критик и его почитательница подружились; Сент-Беву, человеку от

природы флегматичному, была чужда пылкая требовательность Бальзака, духовная дружба его вполне удовлетворяла. Впрочем, то была очень нежная

дружба (маркиза подарила Сент-Беву серебряный крест, к которому приложился

на смертном одре Виктор фон Меттерних), и это выводило из себя Бальзака.

Вот почему он послал маркизе весьма холодное письмо, в котором подчеркнуто

именовал ее “сударыня”. Сперва она возмутилась, но потом попыталась вновь

подчинить его себе.

Маркиза де Кастри - Бальзаку, 29 октября 1834 года: “Я не собираюсь просить вас вернуть мне дружбу, в которой вы столько

раз клялись. Но, если дружбы ко мне нет больше в вашем сердце, лучше уж

вовсе не говорите о ней… Этой ночью меня мучили жестокие кошмары, я

испытываю властную потребность побеседовать с вами. Друг мой, порывают с

любовницей, но не с женщиной-другом, особенно с другом, который готов

радоваться вашим радостям и делить с вами горе, другом, пребывающим в

печали и во власти недуга. Ведь за три года дружбы мы с вами столько

передумали вдвоем! Господи Боже, мне так мало осталось жить, зачем же

омрачать мои дни лишним горем и страданием? Ваше обращение “сударыня”

причинило мне боль! Вспомните Экс, письмо Луи Ламбера, которое вы прислали

мне, подумайте о тамошней речушке, о разрушенной мельнице, о монастыре

Гранд-Шартрез… Неужели же я одна вспоминаю обо всем этом? В таком случае

ничего не отвечайте; ваше молчание скажет мне, что все кончено. Все

кончено! О нет, не правда ли? Вы меня все еще любите. Я - ваш друг, ваша "Мари". Прощайте и не заставляйте долго ждать письма, от которого сильнее забьется мое сердце".

Как унижается эта гордячка! Бальзак долго не отвечал; но все же он не в силах был полностью порвать с нею и признал свою слабость: "Вы медленно обрывали одну за другой бесчисленные узы, которыми, я в свое время охотно связал себя, но вам дано с помощью одного ласкового слова вновь скрепить их".

И все же в начале 1835 года, когда Бальзак, окончательно обессилев, решил немного передохнуть, он отправился на несколько дней в Булоньер к больной и по-прежнему дорогой его сердцу госпоже де Берни. "Ей под шестьдесят. Невзгоды изменили, иссушили ее. Моя привязанность к ней возросла. Я говорю об этом без всякого тщеславия, ибо не вижу в том никакой заслуги. Таким сотворил меня Господь: зла я ни на кого не держу, но постоянно вспоминаю содеянное мне добро. Я всегда с трепетом думаю о людях, любящих меня. Возвышенные чувства так благотворны. Зачем же искать дурные чувства?" Другому надежному другу, Огюсту Борже, Бальзак поверял

свое горе: “Госпожа де Берни поражена смертельным недугом: у нее аневризма сердца; болезнь ее неизлечима. Я потрясен до глубины души. Если этот небесный светоч будет отнят у меня, все вокруг словно померкнет. Ведь вы знаете, что она - моя совесть и сила; она для меня превыше всего, как небесная твердь, как дух надежды и веры. Что со мной будет? Она не знает, чем больна, но слишком хорош” чувствует, что умирает”.

Госпоже Ганской он писал: “Если небо отнимет у меня эту подругу, вы станете одной-единственной женщиной, открывшей для меня свое сердце. Только вы одна будете владеть отныне магическим заклинанием: “Сезам, откройся!” Ибо чувство, которое питает ко мне госпожа Карро из Иссудена, в некотором роде повторяет чувство моей сестры”. Оплакивая привязанность, которую смерть грозила вот-вот оборвать, Бальзак сильнее тянулся к другой женщине, более молодой; возможно, он смутно чувствовал, что для такого перегруженного сверх всякой меры человека, как он, расстояние делало его привязанность к Ганской менее обременительной. Возлюбленная, живущая вдалеке, кажется особенно неотразимой и очаровательной! “Женщина, подобная Беатриче, Лауре и даже превосходящая их, играет огромную роль в нашей жизни”. Беатриче, Лаура… Право же, в чрезмерной скромности его не упрекнешь!

”Отец Горио” был окончен 26 января (таким образом, день этот стал

вдвойне незабываемым); Бальзак послал Еве Ганской рукопись, переплетенную Шпахманом, и снабдил ее следующим посвящением: “_Госпожа Э.Г. Все, что сделано руками мужиков, принадлежит их господам. Де Бальзак._ Однако умоляю вас поверить, что, если бы даже я не должен был посвятить вам эту книгу в силу законов, которые распространяются на ваших бедных рабов, я положил бы ее к вашим ногам, движимый самой искренней привязанностью. 26 января 1835 года. Постоялец гостиницы “Лук” в Женеве”. То было “безобидное” посвящение, которое можно было показать Венцеславу Ганскому.

Читатели “Ревю де Пари” - как и Чужестранка - восторженно встретили “Отца Горио”. Бальзак и сам знал, что книга эта превосходит все написанное им прежде. “Люди в один голос утверждают, что “Евгения Гранде”, “Поиски абсолюта” - все осталось позади”. Первое издание романа мгновенно разошлось, едва началась продажа. Однако критики не сложили оружия. Они упрекали Бальзака в преувеличениях. “Что за мир! Что за общество! - ханжески восклицает “Курье франсэ”. - Какая карикатура на отцовское чувство! Какие отвратительные нравы! Какие цинические картины! Сколько распутных женщин!” Напрасно Бальзак в своем полушутливом предисловии

предисловии

приводил статистическую таблицу и доказывал, что из шестидесяти его

героинь тридцать восемь добродетельны; он даже соглашался пойти на уступки

и в своих новых произведениях выводить на сцену только уже знакомых

читателю грешниц, чтобы не увеличивать их числа. Против него объединились

политические противники, фарисеи и главное - мелкие завистники.

В декабре 1834 года журнал “Мод”, некогда дружески настроенный по

отношению к писателю, осмеял вездесущность Бальзака, “имя которого

постоянно мелькает у вас перед глазами, словно фантастическое видение…

Без господина Бальзака немыслима книжная торговля; поймите нас правильно: книжная торговля, ибо книжная торговля и литература - отнюдь не

синонимы… Не наша вина, что такие мысли приходят нам в голову по поводу

господина Бальзака… Господин Бальзак разделяет вместе с господином Полем

де Коком сомнительную честь - видеть, как его имя четырехдюймовыми буквами

пишут в витринах всех читальных залов Парижа, предместий и провинций…

Господин Бальзак обещает нам, если верить каталогам книгопродавцев, в

ближайшие десять лет удовлетворять аппетиты самых ненасытных потребителей

современной литературы. Господи, спаси нас!” Журналисты высмеивали

личность автора, дворянскую частицу “де” перед его фамилией, его

стремление к роскоши, даже его любовные связи. Когда речь идет о человеке

недюжинном, злоба уже не соблюдает правил приличия.

Он мог бы сказать: “Господи, избавь меня от друзей, а с врагами я сам

справлюсь”. Но он выбрал упорный труд и - молчание. “Какими бы неистовыми

ни были нападки и клевета, я стою выше их. Я ничего не отвечаю… Впрочем, “Отец Горио” производит фурор; никогда еще публика так не спешила

прочитать книгу; книгопродавцы заранее возвещают о ее выходе. Ей-богу, это

просто грандиозно!”

XVIII. УЛИЦА БАТАЙ

Таинственный гермафродит чаще всего подобен

некоему произведению в двух томах.

Бальзак

Перед тем как приступить к работе над “Отцом Горио”, Бальзак

опубликовал в составе “Сцен парижской жизни”, издававшихся госпожой Беше, начало необычной и превосходной повести “Златоокая девушка” (он закончил

ее в 1835 году). Эта небольшая повесть, представляющая собой один из эпизодов “Истории Тринадцати”, имеет важное значение. И вот почему. Она открывается блестящим эссе о Париже, что подобен “огромному полю, где непрестанно бушует буря корысти”; там встречаешь не человеческие лица, а личины. “Личины слабости, личины силы, личины нищеты, личины радости, личины ханжества; все истощенные, все отмеченные несмываемой печатью распаленной алчности. Чего хотят они? Золота или наслаждения?”

В этом аду, где “все дымится, все горит, все блестит, все кипит, все пылает, испаряется, гаснет”, Бальзак различает пять кругов. Первый из них - мир неимущих: это рабочий, пролетарий, мелкий лавочник; затем следует второй круг - те, у кого уже есть кое-что за душой: это оптовые торговцы, чиновники, клерки - словом, буржуа. Что нужно буржуа? “Тесак национальной гвардии, к обеду - неизменное мясо с овощами, законным образом сколоченный капиталец, чтобы обеспечить себя на старости лет, и приличное место на кладбище Пер-Лашез”. Третий круг этого ада, “который когда-нибудь, вероятно, обретет своего Данте”, составляют стряпчие, адвокаты, врачи, нотариусы - все исповедники этого общества, испытывающие к нему презрение.

Четвертый круг - люди искусства; лица их поражают своим изможденным, хотя и благородным видом, здесь соперничество и клевета убивают таланты.

Наконец, пятый круг - аристократия, владетельная знать, благоухающие, золоченые гостиные, мир богатый, праздный, обеспеченный. Тут все нереально. Под личиной учтивости скрывается упорное презрение. Здесь царят тщеславие и скука. Пустое существование превращает лица в безжизненные маски, в обычную “физиономию богача, искаженную гримасой бессилия, освещенную отблеском золота, утратившую признаки мысли”. На нескольких страницах Бальзак создал гигантскую фреску, выдержанную в мрачных тонах, но выписанную превосходно.

Эта напряженная жизнь Парижа, продолжал писатель, идет на пользу кучке избранных существ; тут есть женщины, живущие на восточный лад и сохраняющие благодаря этому свою красоту, здесь можно встретить и прелестные лица юношей. “Со свежим очарованием английской красоты лица эти сочетают выразительность, французскую одухотворенность, чистоту форм. Горячий огонь очей, прелестные алые губы, шелковистый блеск черных кудрей, белая кожа, нежный овал лица превращают этих юношей в прекрасные цветы человеческие, производят блистательное впечатление среди массы тусклых, старообразных, носатых, кривляющихся физиономий”.

Таков главный персонаж повести - красивый, как Адонис, и загадочный Анри де Марсе, побочный сын лорда Дэдли, один из Тринадцати. “Для женщины увидеть его значило потерять голову”. Но свежий цвет лица и ясные глаза

де

Марсе - только обманчивая личина, он уже не верит ни мужчинам, ни

женщинам, не верит ни в Бога, ни в черта. И вот, прогуливаясь по террасе

Фельянов, Анри встречает девушку необычайной красоты, они страстно

влюбляются друг в друга. Хотя Пакиту Вальдес, златоокую девушку, ревниво

стерегут, ему удается проникнуть в ее жилище. В белом будуаре, словно

созданном для любви, в обстановке неслыханной роскоши, она становится

любовницей де Марсе. Он обнаруживает, что она девственна и вместе с тем

уже достаточно опытна. Паките ведомо наслаждение, ибо она любит женщину, ту, что поручила стеречь ее мулату, готовому на все, даже на убийство, женщина эта - маркиза де Сан-Реаль, она также дочь лорда Дэдли и сводная

сестра Анри де Марсе. Пакита обернулась в саду Тюильри, чтобы получше

разглядеть молодого человека именно потому, что ее поразило удивительное

сходство между ним и маркизой. Отныне она будет любить одно и то же

существо в двух лицах - в облике мужчины и женщины. Это подготовляет

свирепую и несколько экстравагантную развязку: в ту самую минуту, когда

Анри де Марсе, один из Тринадцати, узнав, что златоокая девушка любит

маркизу, врывается с помощью своих друзей в ее дом, чтобы отомстить, маркиза кромсает кинжалом тело изменницы. Брат и сестра оказались с глазу

на глаз в залитой кровью комнате. Маркиза уйдет в монастырь; Анри

станет

любовником Дельфины де Нусинген.

Такова, писал Гуго фон Гофмансталь, “эта великолепная, незабываемая история, где сладострастие рождается из тайны, где во время бессонной парижской ночи Восток раскрывает свои тяжелые веки, необычайные приключения переплетаются с действительностью… и настоящее освещается таким ярким светом факела, что начинает походить на ослепительные сновидения стародавних времен… Ее начало могло бы принадлежать Данте, конец словно взят из “Тысячи и одной ночи”, а вся она могла выйти только из-под пера того, кем написана”. Вот мнение поэта. По правде говоря, излишества в описаниях роскоши и выспренность стиля несколько шокируют.

Однако следует помнить мудрую фразу Латуша: “Оставьте темное пятнышко под левой грудью вашей возлюбленной, - ведь это же родинка”.

Тема произведения, несмотря на всю занимательность сюжета, привела в ужас госпожу Ганскую; Зюльма Карро также в негодовании отвернулась. А между тем Бальзак был не первым романистом, проявившим интерес к лесбийской любви. Он был знаком с эротической литературой XVIII столетия, и “Монахиня” Дидро открыла ему глаза на неистовые проявления этой страсти.

В книге Латуша “Фраголетта” говорилось о двусмысленной дружбе между леди

Гамильтон и неаполитанской королевой Марией Каролиной. Сам Бальзак

Гамильтон и неаполитанской королевой Марией-Каролиной. Сам Бальзак писал в

“Физиологии брака”: “Юная девушка, быть может, сохранит в пансионе

девственность, но отнюдь не целомудрие”, и он описывал там “первые утехи, робкие проявления сладострастия, видимость блаженства”. В тетради, куда

писатель вносил свои планы, упоминается произведение “Любовь в гареме”: “Одна из наложниц любит другую, она изо всех сил старается уберечь ее от

внимания властелина”. Кроме того, Бальзак был наслышан о нежных отношениях

между Жорж Санд и Мари Дорваль. Об этом много толковали в столице. Он

поселил у себя на улице Кассини Жюля Сандо, “который обожал первую из этих

женщин и взял себе в любовницы вторую” после разрыва с Жорж Санд, “ибо

вновь обретал этим дивное благоухание минувших дней”, как выразился Арсен

Уссэ. К тому же Бальзак был близким другом доктора Эмиля Реньо, одного из

прототипов Ораса Бьяншона и наперсника четы Сандо-Санд. В послесловии к

“Златоокой девушке” Бальзак намекнул, что он имел в виду Мари Дорваль, сказав: “Если кого-нибудь интересует Златоокая девушка, он может увидеть

ее после того, как упал занавес, - так актриса, желая получить свой

недолговечный венок, поднимается в полном здравии, хотя на глазах у

публики была заколота кинжалом”.

Однако не только этот недавний пример подсказал Бальзаку выбор сюжета.

Человек, желающий описать все стороны современного ему общества, не может пренебречь его, так сказать, изнанкой. Привязанность Вотрена к Эжену де Растиньяку напоминает страсть, которую маркиза де Сан-Реаль питает к Паките Вальдес. “Дело в том, что я люблю вас!” - говорит Вотрен Растиньяку; создатель образа Вотрена, Бальзак, придавал мужской дружбе почти мистическое значение. Хорошо его знавший Теофиль Готье записал: “Бальзак мечтал о героической и преданной дружбе, о том, чтобы душа, мужество, ум двух людей слились в единую волю”. Дружба между Пьером и Джафьером (персонажи из пьесы “Спасенная Венеция” английского драматурга Отвея), заговорщиками, готовыми отдать жизнь один за другого, глубоко поразила его, и он несколько раз вспоминает о ней в своих произведениях; Вотрен говорит Растиньяку: “Пьер и Джафьер - вот моя страсть”.

”История Тринадцати” - это история такого слияния воли нескольких людей (между которыми не существует никакого чувственного тяготения). Бальзак был просто одержим подобной идеей, и позднее он создаст тайное общество “Красный конь”; его члены должны были при любых обстоятельствах поддерживать друг друга, немедленно откликаться на всякий призыв

“конюшни”, захватить “ключевые позиции” в книгоиздательствах, прессе и театре. Теофиль Готье, Леон Гозлан, Гранье де Кассаньяк, Альфонс Карр, Луи Денуайе, Жан-Туссен Мерль войдут в число “коней”, которых Бальзак будет собирать за столом в ресторане, чтобы изложить свой план предстоящей кампании. “Это не человек, а какой-то дьявол, - признавался Теофиль Готье, - он обладал такой силой воображения, что во всех подробностях описывал каждому из нас блестящую и полную славы жизнь, которую нам обеспечит содружество”. Действительно, мысль покорить общество, чтобы “скромно закончить свою жизнь, сделавшись пэром Франции, министром и миллионером”, с юных лет преследовала Бальзака.

Впрочем, писателю пришлось довольно скоро распустить общество “Красный конь” и прийти к следующему выводу: “Во Франции ассоциации мужчин невозможны”. Но еще долго его будет соблазнять роль покровителя какого-нибудь юноши. Он предоставил приют у себя на улице Кассини сперва Огюсту Борже, а затем Жюлю Сандо. В той части своих “Мемуаров”, которая не увидела света, Филарет Шаль намекает, что дружба Бальзака с этими молодыми людьми считалась порочной: “Он (Бальзак) не питал склонности к женщинам, и единственная дама, которой он, как утверждала молва, восхищался -

госпожа

Канель (супруга его издателя), - пленяла его, как рассказывали, необыкновенно красивыми и пышными волосами, которые покрывали ее всю, когда она их распускала: наш натуралист-романист наслаждался, погружая

пальцы в эти пушистые волны”.

Бальзак не питал склонности к женщинам! Факты и письма доказывают

нелепость подобного утверждения. Никто лучше, чем он, не описал неистовое

влечение к женщине, которое испытывает юноша. Никто не ожидал от женщин

больше, чем он; и никто со своей стороны не давал им больше. Все

возлюбленные Бальзака считали его превосходным любовником. Письма госпожи

де Берни дышат удовлетворенной страстью; его письма к госпоже Ганской

полны дерзкой интимности, герцогиня д’Абрантес, хорошо разбиравшаяся в

мужчинах, не пренебрегала Бальзаком. Он был не только прекрасным

любовником, но и другом. И понимал женщин лучше, чем кто-либо иной. Тут

какой-нибудь Филарет Шаль сказал бы, что подобная интуиция как раз и

свидетельствует о том, что в натуре самого Бальзака было нечто

женственное. Несомненно. Великий писатель должен охватывать все стороны

человеческого существования. Для того чтобы написать некоторые страницы, он должен чувствовать то, что чувствует женщина. Слов нет,

когда Бальзак

описывает прекрасного юношу, его тон выдает восхищение мужской красотой.

Возможно, он в эти минуты испытывал к такому молодому человеку симпатию.

Он проникал в чувства Вотрена; мысленно ставил себя на его место; возможно, даже немного завидовал ему, но в жизни его примеру не следовал.

Мы уже замечали в Бальзаке явный интерес к гермафродитам. В "Златоокой

девушке" вновь появляется, правда, в несколько иной форме (Анри де Марсе и

его сестра), Серафит-Серафита - существо, соединяющее в себе одновременно

и мужчину и женщину. Такая двойственность определяется тем, что в самом

писателе жили как бы два человека: один - могучий бунтарь с непомерными

желаниями, жажда могущества заставляла его не раз мечтать о некой

магической силе или об опоре на тайное общество, он с суровым героизмом

вел "эту ужасную борьбу с ангелом", какой является литературное

творчество; второй - "бедняга", легко ранимый, простодушный, нуждающийся в

чисто материнском покровительстве (госпожа де Берни, госпожа Ганская, Зюльма Карро); в любви он пользуется тем же чувствительным языком, что и

женщина. Но это не извращенность, не порочность, а всего лишь слабость, сочетавшаяся в Бальзаке с необычайной энергией; подобная двойственность, без сомнения, необходима творцу.

В случае с Сандо нет ничего неясного. В августе 1834 года, завтракая с Бальзаком, Жюль рассказал, что после разрыва с Жорж Санд он чуть было не наложил на себя руки, что он утратил веру в себя, потерял цель в жизни и не имеет средств к существованию. Бальзак пожелал стать духовным отцом злополучного юноши и предложил ему поселиться на улице Кассини - живший там Огюст Борже в то время путешествовал. Чтобы не обидеть щепетильного Сандо, Бальзак поручил ему написать драму о герцогине Монпансье, план которой уже набросан им самим. “Я решил взять Жюля Сандо к себе; надо хорошо устроить этого чувствительного юношу, потерпевшего крушение в житейском море, и направлять его плавание по литературному океану”. Устройство юноши обойдется довольно дорого, направлять его работу будет нелегко. Неважно! Сандо (Бальзак называл его “милый Сандо”) за все расплатится, когда пьеса принесет ему богатство.

Первого ноября “потерпевший крушение в житейском море” Сандо присутствовал на обеде, который Бальзак давал в честь пяти светских львов, или “тигров” из “инфернальной ложи”. “Я разрешаю себе неоправданное роскошество. У меня будет Россини и Олимпия, его cara dona…

[возлюбленная (ит.)] Самые тонкие вина Европы, самые редкостные цветы, самые изысканные яства”. Форель, цыплята, мороженое - и за все он расплачивался векселями. Золотых дел мастер Лекуэнт прислал пять серебряных блюд, три дюжины вилок, лопатку для рыбы с резной серебряной ручкой, и это после торжественного обеда должно было отправиться прямехонько в ломбард. Что думал обо всем увиденном “милый Сандо”? Он был буквально ошеломлен таким роскошным образом жизни, а главное - испуган неистовым трудом Бальзака. “Сандо говорит, что никакая слава не может вознаградить за подобный труд, что он предпочел бы лучше умереть, чем работать с таким напряжением”.

С этой поры начинается взаимное разочарование. Голова у Сандо шла кругом. Бальзак заставил молодого человека заниматься различными разысканиями для будущей пьесы, но дело подвигалось туго. “Я лихорадочно делал выписки, - говорит Сандо, - но его это не удовлетворяло. Когда же я в полном изнеможении растягивался на своей узкой железной кровати, то считал себя счастливым, если этот Титан внезапно не будил меня, желая прочесть свеженаписанные страницы своего нового романа или засадить меня за правку своих бесконечных корректур”. Сандо писал Бальзаку: “Борьба придает вам величие, а меня она убивает; вы жаждете бури, а мне нужен

покой”. Что касается Бальзака, то теперь он думал о юном Жюле примерно то же, что думала и Жорж Санд. Лень Сандо удивляет и раздражает труженика Бальзака. “Вы даже вообразить себе не можете, какой это бездельник и нерадивый человек. Он совершенно лишен энергии и воли… Ныне он приводит в отчаяние друга, как прежде приводил в отчаяние возлюбленную”.

Все же инициатором разрыва был Сандо, и Бальзак пострадал при этом “и в денежном, и в моральном отношении”. Однажды в марте 1836 года молодой человек сбежал, написав своему гостеприимному хозяину ласковое письмо и предоставив ему рассчитываться за жилье и расплачиваться с долгами. Сандо писал: “Дорогой Мар, я уже давно считал, что веду малодостойную жизнь. Я пользовался роскошью, которую не заслужил своим трудом, долги мои росли с каждым днем, порою мне начинало казаться, что я близок к самоубийству. Я хотел работать, но не мог… И вот я решил все это бросить… Прощайте, старина, Муш по-прежнему вас любит”. И позднее: “Милый Мар, я надеялся, что в последний день смогу вас обнять”. В этих прозвищах “Мар” и “Муш” пожелали усмотреть доказательство подозрительной дружбы. На самом же деле

' '

то были шутливые имена, какие придумывают друг другу приятели. Подобно

тому как Вотрен прибавлял словечко “рама” ко всем словам и называл

Растиньяка “маркиз де Растиньякорама”, сам Бальзак превратил жаргонный

суффикс “мар” в приставку и называл себя “мар-шал”, “мар-абу”. Из-за

монашеской сутаны Оноре друзья прозвали его “дон Мар”. К тому же задолго

до получения этого письма Бальзак перестал появляться у себя на улице

Кассини, и Сандо жил в его квартире один, в обществе кухарки; на ограде

дома было прибито объявление: “Сдается квартира”. Писатель тем временем

приспособил для себя в Шайо, на улице Батай, “неприступное убежище”.

Зачем он это сделал? Отчасти для того, чтобы укрыться от преследовавших

его кредиторов. Хотя он за последние четыре года и заработал много денег, но еще не расплатился с заимодавцами. Помимо суммы, которую он все еще

должен матери, у него на шее сорок шесть тысяч франков долга. Много

говорилось о том, что долги эти - результат банкротства его типографии, но

их подлинная причина - слишком роскошный образ жизни. Расходы Бальзака

поистине огромны. Для того чтобы успешно работать, он должен жить в хорошо

обставленных комнатах, где на полках стоят книги в дорогих переплетах и

бронзовые статуэтки, а полы застланы пушистыми коврами. Золотых дел мастер

Лекуэнт присылает ему не только столовое серебро, но и две трости: одна

украшена красным сердоликом, набалдашник другой - с инкрустацией из

бирюзы. Вообще трости Бальзака - трости с набалдашниками из золота, из

кости носорога, украшенные драгоценными камнями, - приобрели широкую

известность. Дельфина де Жирарден назвала один из своих романов “Трость

господина Бальзака”: писательница притворяется, будто сама верит, что

трость эта волшебная, что она позволяет Оноре становиться по своему

желанию невидимкой и лучше наблюдать скрытую жизнь человеческих существ.

Но все это лишь декорации, сон наяву, мир феерии. Бальзаку нравится

задавать такие пиры, чтобы гостям казалось, будто хозяин владеет

талисманом, делающим его обладателем несметных богатств, повелителем

времени и пространства. Но когда после пышного обеда, на котором Россини

громогласно объявляет, что даже у монархов он ничего подобного не видел, не пил и не ел, Бальзак вновь принимается за работу, он опять вступает в

мир суровой правды, в мир пансиона Воке и банкирского дома Нусингена. И в

этом мире писатель становится самим собою: с мудрой прозорливостью

осуждает безумную щедрость папаши Горио; он облачается в белоснежную

монашескую сутану и работает, препоясавшись шнуром; в этом мире он успешно

проводит самые рискованные спекуляции и с редкостным умением накапливает

колоссальные богатства Нусингена. Время от времени он делает попытку

перенести в реальную жизнь блестящие замыслы своих персонажей, но без

успеха, ибо, как только внешний мир начинает оказывать сопротивление, Бальзак тут же укрывается в своем внутреннем мире. Задуманное им дело

перестает быть выгодным начинанием и становится темой для романа.

Стремится ли он к роскоши из тщеславия? Нет, все гораздо сложнее. Это

как бы часть монументального вымысла Бальзака, героем которого был он сам, и вымысел этот существует не только в его голове, писатель пытается

воссоздать его и в реальном мире. Бальзак никогда не умел провести четкую

границу между воображением и действительностью. Если он дает обед, то

каждая бутылка вина на столе имеет свою историю. Вот это бордо трижды

объехало вокруг света, а вон тот ром налит из бочки, которая целый век

плавала по морским волнам. Чай, заваренный для гостей, собирала при свете

луны дочь китайского императора. Если же доверчивый собеседник спрашивает: “Все это правда, Бальзак?” - то Оноре в ответ разражается заразительным

детским смехом: “Во всем этом ни словечка правды”. На улице Батай, в своем

“неприступном убежище”, он устроил для себя будуар, навеянный грезами, подобный будуару Златоокой девушки в особняке маркизы де Сан-Реаль,

который описан им в его повести. Диван окружностью в пятьдесят футов, обтянутый белым кашемиром, с черными и пунцовыми бантиками, образующими

ромбы…

”Спинка этого гигантского ложа возвышалась на несколько дюймов над

грудой подушек, придававших ему еще больше роскоши прелестью своих узоров.

Будуар был обтянут красной тканью, а по ней трубчатыми складками, наподобие каннелюр коринфской колонны, ниспадал индийский муслин, отделанный поверху и понизу пунцовой каймой в черных арабесках. Под

складками муслина пунцовый цвет казался розовым, и этот цвет любви

повторялся на оконных занавесях тоже из индийского муслина, подбитых

розовой тафтой и отделанных пунцово-черной бахромой. Шесть двусвечных

канделябров из золоченого серебра, укрепленных на стене на равном друг от

друга расстоянии, освещали диван. Потолок, с которого свешивалась люстра

матового золоченого серебра, сверкал белизной, подчеркнутой золоченым

карнизом. Ковер напоминал восточную шаль, он являл взорам тот же рисунок, что и диван, и приводил на память поэзию Персии, где он был выткан руками

рабов. Мебель была обита белым кашемиром с черной и пунцовой отделкой.

Часы, канделябры - все было из белого мрамора, сверкало позолотой…

Переливающаяся ткань обивки, цвет которой менялся в зависимости от направления взгляда, переходя от совершенно белых к совершенно розовым тонам, прекрасно сочеталась с игрой света, пронизывающего прозрачные складки муслина, создавая впечатление чего-то облачного, воздушного. К белизне душа испытывает какое-то особенное влечение, к красному цвету льнет любовь, а золото потворствует страстям, обладая властью удовлетворять их прихоти. Так все смутные и таинственные свойства человеческой души, ее необъяснимые, бесконечные изгибы находили здесь поощрение. Эта совершенная гармония создавала какое-то совсем особое созвучие красок, вызывала в душе сладострастные, неопределенные, неуловимые отклики".

Как отзвук детских и юношеских грез писателя, как эхо его разочарований и унижений, теперь, много лет спустя, возникала эта роскошная обстановка, достойная султана из "Тысячи и одной ночи" и его наложниц несказанной красоты.

Помимо кредиторов, еще одно веское соображение заставило Бальзака покинуть улицу Кассини: нелепое упорство, с каким национальная гвардия пыталась сделать его одним из своих солдат, точно он был заурядный буржуа из их пошлого реального мира, а за отказ повиноваться ему грозило

тюремное

заключение. Приходилось скрываться. В доме номер тринадцать по улице Батай

Бальзак снял квартиру не на свое имя, а на имя некой несуществующей вдовы

Дюран. В дом можно было проникнуть, только зная пароль, который часто

менялся: “Подошло время сбора яблок”, “Я принес фламандские кружева”.

Только после этого посвященный, миновав первый и второй этажи, где никто

не жил, пройдя две пустые и запущенные комнаты, приподнимал в конце

унылого коридора тяжелую портьеру и внезапно попадал в восточный дворец.

Был ли это рабочий кабинет Бальзака или будуар Пакиты Вальдес? Писатель

приказал обить стены плотной и мягкой тканью, чтобы в комнатах царила

тишина, а может, и для того, чтобы заглушить вопли Златоокой девушки. Он

надеялся, что на этом диване любви будет уютно его новой пери, красавице

англичанке, с которой он познакомился в австрийском посольстве… И как

знать? Быть может, сюда к нему пожалует и Анриетта де Кастри, окончательно

забыть которую он все еще не мог.

Бальзак - маркизе де Кастри, около 10 марта 1835 года: “Господи, как вы можете думать, что я - на улице Кассини? Ведь я всего

в нескольких шагах от вас! Не нравится мне ваша меланхолия: будь вы тут, я бы вас разбранил. Я усадил бы вас на огромный диван, и вы бы почувствовали себя феей в своем волшебном дворце, а я сказал бы вам, что в этой жизни для того, чтобы жить, надо любить”.

Потом он сообщал, что работает над романом, где будет нарисован “величественный образ обетованной женщины”; название книги - “Лилия долины”. Героиню он наречет в честь госпожи де Кастри Анриеттой - странная честь после стольких размолвок. Этот труд отнимает все его силы, писал Бальзак.

”Вот почему я отнюдь не живу, запершись вдвоем с возлюбленной, как вам нашептывают в свете. Если бы, работая так, как я работаю, я бы еще умудрялся иметь пять-шесть любовниц, которых мне приписывают, я бы потребовал, чтобы меня публично увенчали лавровым венком. Геракл выглядел бы тогда рядом со мною жалким лилипутом… Провести часок с женщиной, возможно, было бы для меня великим благом, однако белый диван, ожидающий лилию, так и останется стоять одиноко. Впервые в жизни мне удалось

претворить в деиствительность свои грезы, эти цветы поэтическои фантазии.

Жюль Сандо, придя сюда в тот день, когда я засел за работу, воскликнул, что ему почудилось, будто перед ним возник палермский кафедральный собор

из оперы “Роберт-дьявол”. Моя обитель напоминает будуар женщины! Но

женщины изысканной изящной. Спасибо за перья, за вереск - скромный цветок, порадовавший меня, когда я изнемогал под бременем труда. Заглянули бы вы

сюда в час, когда я просыпаюсь, и посидели бы часок на диване, опустившись

на него, как пташка. В целом мире об этом будем знать только мы двое.

Между одиннадцатью утра и часом дня вы пережили бы минуты поэтические и

таинственные; однако вы уже слишком охладели к удовольствиям, и я не

надеюсь на эти радости, которые дарует нам молодость”.

Через князя Альфреда Шенбурга, чрезвычайного посланника, прибывшего

сообщить Луи-Филиппу о восшествии на австрийский престол императора

Фердинанда I и посетившего Бальзака на улице Батай, писатель переслал

рукопись “Златоокой девушки” Еве Ганской. Что касается “Серафиты”, то он

признавался, что ему никак не удается закончить эту нелегкую книгу.

Непомерный труд истощил его силы. Человеческая природа неумолима. “Моя

жизнь сосредоточилась в мозгу, тело пребывает в бездействии, и оболочка разбухает”.

Бальзак - Чужестранке:

”Словом, вот уже три недели я непрерывно работаю над “Серафитои” по двенадцать часов в день. Этот гигантский труд никому не ведом; люди видят и должны видеть только его результаты. Но мне надо было проглотить множество книг по мистицизму для того, чтобы о нем писать. “Серафита” - опаляющее произведение для тех, кто верит. К несчастью, в нашем жалком Париже даже ангел может стать темой для балета”.

Он не без гордости сообщал Еве, что его трость с набалдашником чеканного золота, в который вкраплена бирюза, все еще служит пищей для разговоров в Париже и даже в Неаполе и Риме: “Эта драгоценная трость того и гляди приобретет европейскую известность… Если во время своих путешествий вы услышите, что я обладаю волшебной тростью, которая убыстряет бег коней, раскрывает ворота замков, отыскивает алмазы, не удивляйтесь, а посмейтесь над этим вместе со мною. Никогда еще с таким увлечением не выставляли напоказ хвост собаки Алкивиада!” Для человека, жаждущего славы, сочинить легенду о волшебной трости было ловким ходом.

Воображение людей легче поразить отрубленным собачьим хвостом или набалдашником трости, нежели философской доктриной.

”Итак, прощайте, уже два часа ночи. Я украл у “Серафиты” целых полтора часа. Она ворчит, зовет меня, надо ее заканчивать, ибо журнал “Ревю де Пари” также ворчит: я взял аванс в тысячу девятьсот франков и “Серафита” с трудом покроет эту сумму. Прощайте; вам нетрудно представить себе, что, дописывая это посвященное вам произведение, я думаю о вас. Пора уже книге появиться на свет; здешние литераторы решили, что мне ее никогда не закончить, что это просто немыслимо”.

Немыслимо? Только не для Бальзака. Он пообещал привезти Чужестранке рукопись “Серафиты”, прежде чем ее Ржевусское величество возвратится в свои владения. Но об одном он ей не писал - о том, что с наступлением весны он часто ездит в Версаль и видится там со своей новой пассией, графиней Гидобони-Висконти.

Бальзак - Зюльме Карро, 17 апреля 1835 года: “Во мне живет несколько людей: финансист; художник, борющийся против прессы и публики; затем художник, вступающий в борьбу с собственными

произведениями и замыслами. Наконец, живет во мне и человек, исполненный страсти, он способен растянуться на ковре у ног прекрасного цветка и восторгаться его красками, вдыхать его аромат. Тут вы скажете: “Негодный Оноре!” Нет, нет, я не заслуживаю такого эпитета. Ведь я способен отказаться от всех доступных мне радостей и запереться у себя в комнате, чтобы работать. Послушайте, cara [дорогая (ит.)], почему вы мне совсем не пишете? Неужели вы думаете, что утратили хотя бы крохотную долю моей привязанности? Ведь жизненные испытания только усиливают старинную дружбу.

Итак, через несколько дней вы увидите меня у себя. Я давно лелею мечту об этой вылазке… Но вот уже несколько дней, как я подпал под власть неотразимой особы и не знаю, как освободиться от ее чар, ибо, по примеру юных девиц, я не в силах противиться приятному соблазну”.

К несчастью для Бальзака, жившие в Париже поляки сообщали госпоже Ганской о его весенних шалостях. Она писала ему теперь только коротенькие письма, в которых отчитывала неверного. Он понимал, что надо самому отправиться в Вену, чтобы оправдать себя. Но ему трудно было оторваться от письменного стола. “Я словно коза, привязанная к колышку. Когда наконец капризная рука Фортуны освободит меня от пут? Не знаю”. У него болела

печень: “Но обождите, госпожа Смерть! Уж коли вы явились, то помогите мне опять взвалить ношу на спину. Я еще не выполнил свою задачу”.

XIX. ЛИЛИЯ ДОЛИНЫ

Постоянство - один из краеугольных

камней моего характера.

Бальзак

Весной 1835 года Бальзак работает над несколькими большими произведениями сразу: одни он уже пишет, другие еще только обдумывает; это “Лилия долины” (полемический ответ на “Сладострастие” Сент-Бева, но “только лучше”), “Щеголь”, третий десяток “Озорных рассказов”, “Воспоминания новобрачной”, “Сестра Мария от ангелов” (книга так никогда и не была написана); кроме того, он переделывает “Луи Ламбера”, заканчивает “Серафиту”. А вдова Беше между тем жаловалась, Верде приходил в ужас, редакции газет метали громы и молнии. Как всегда, Бальзаку казалось, что он близок к цели. Да и как было ему не верить в свои силы? Шесть лет тому назад он был безвестным журналистом со впалыми щеками, работавшим, точно

поденщик, на книгоиздателей. Прошло каких-нибудь шесть лет, и теперь вся Европа читает его. В 1837 году к нему придет и богатство, ибо тогда все его произведения, взятые вместе (они вновь станут к тому времени его полной собственностью), превратятся в “Социальные этюды”. Разбогатев, он расплатится со всеми, даже с матерью; он свидится с Евой и наконец-то будет вознагражден за титанический труд.

”Я напеваю своим слабым голосом: “Диодати! Диодати!” - писал он Ганской. Она все еще жила в Вене, но собиралась возвратиться к себе на Украину. Для Бальзака было важно повидать ее до отъезда. Он буквально засыпал рукописями и рассказывал содержание своих будущих книг: “Я готовлю к печати большое и прекрасное произведение, оно будет называться “Лилия долины”; в нем я изображу очаровательную женщину, добродетельную, с возвышенной душою; у нее угрюмый муж. Земное совершенство будет воплощено в человеческом облике, подобно тому как Серафита есть воплощение совершенства небесного”. Однако пышная Эвелина все реже и реже писала ему и говорила главным образом о своей ревности. Он ждал от нее только знака, чтобы тотчас же поспешить к своей возлюбленной: “Вы ведь знаете, что одно из достоинств “бенгали” - его беспредельная верность. Эта бедная пташка

живет вдали от своей розы, от своей пери; “бенгали” молчалив и грустен, но по-прежнему влюблен”. Он стремился в Вену, “в ту самую Вену, - писал Бальзак, - где я забуду все свои горести. Воздух Парижа убивает меня, тут меня терзают упорный труд, различные обязательства, враги! Мне так нужен тихий оазис”. В Вене он закончит “Лилию долины”, посетит поля сражений при Эслинге и Ваграме (это ему необходимо для “Сцен военной жизни”). Однако перед отъездом он хотел бы приобрести в Турени милый его сердцу загородный дом Гренадьеру (чисто бальзаковская мечта, ибо у него не было ни единого су из нужной суммы). В мае Бальзак внезапно принял решение, попросил Ганских отложить их отъезд на Украину: он приедет на четыре дня в Вену. “Я, как ребенок, радуюсь этой эскападе. Ведь я покину свою каторгу и повидаю новые места. Ну, до скорой встречи”.

Деньги на поездку? Но ведь к его услугам преданный Верде, этот добрый гений! Верде сам сидел без гроша, он обратился к барону Джеймсу Ротшильду, тот дал необходимую сумму, но при этом присовокупил: “Будьте осторожны с господином де Бальзаком, он весьма легкомысленный человек”. Легкомысленный человек, отличавшийся к тому же чудовищной расточительностью, прикатил в

Вену в наемной коляске в сопровождении своего камердинера Огюста. В замке

Вайнхейм, близ Гейдельберга, друг Бальзака князь Альфред Шенбург

представил его леди Эленборо, необыкновенной красавице, которая неизменно

была окружена толпою обожателей и не чуждалась галантных приключений; после встречи с Бальзаком она не сомневалась в том, что помогла

французскому романисту создать образ Арабеллы, леди Дэдли, одной из

героинь “Лилии долины” (читатель позднее увидит, что Бальзак списал эту

англичанку с другой женщины, близко ему знакомой). “За те два часа, которые я провел в парке у леди Эленборо, пока этот глупец, князь Шенбург, волочился за нею, и во время обеда я полностью разгадал эту женщину”.

Остановка в Вайнхейме была весьма полезной для Бальзака, ибо - помимо

знакомства с “Арабеллой” - он сочинил там “письмо-исповедь” для своего

романа “Луи Ламбер”: то было весьма расплывчатое изложение философской

доктрины этого героя, но Бальзаку оно казалось гениальным. Он нацарапал

текст, сидя на скамейке в парке, и позднее включил его в книгу.

Проехав через Штутгарт и Мюнхен, он прибыл в Вену, где Ганские заказали

для него комнату в гостинице “Золотая груша” на Ландштрассе. Встреча

влюбленных была далеко не так безоблачна, как в Женеве. Еву Ганскую

переполняло глухое недовольство, к тому же им никак не удавалось остаться

наедине; Бальзак умудрился тайком сорвать несколько поцелуев. Пламенное сердце и слишком живое воображение - зловещий дар богов, если нельзя добиться полного счастья, отвечающего безмерности желаний. Бальзак послал Ганской “письмо от человека грязного и беспардонного”, по нему можно догадаться об оскорбительных упреках с ее стороны. “Я вовсе не грязный человек, но, конечно, человек глупый, ибо никак не возьму в толк того, о чем вы изволите говорить”.

Венские аристократы, все без исключения читавшие Бальзака, стремились им завладеть. Он уступал их учтивым домогательствам, но старался оградить часы своей работы и не отступать даже тут от своего почти монашеского образа жизни.

Бальзак - госпоже Ганской:

”Я не могу работать, зная, что мне надо куда-то идти, и никогда не сажусь за письменный стол на час или на два. Вы все так хорошо устроили, что я улегся в постель только в час ночи… Я собирался утром полюбоваться Пратером, когда там еще никого нет. Если бы вы пожелали отправиться туда вместе со мной, было бы очень мило; поскольку я лишь завтра примусь за

"Лилию долины", мне придется работать поначалу по четырнадцать часов в

сутки, чтобы наверстать упущенное. Я поклялся либо написать эту книгу в

Вене, либо броситься в волны Дуная".

Тем не менее Бальзак был польщен приемом, который оказал ему

австрийский канцлер князь фон Меттерних: с этим человеком благодаря

знакомству с некоторыми дамами (герцогиней д'Абрантес, маркизой де Кастри) Оноре связывали общие лирические воспоминания. Госпожа де Кастри возложила

на него тайную миссию - она хотела, чтобы Бальзак переговорил с канцлером

о ее незаконнорожденном сыне. Роже фон Альденбурге, которому канцлер

доводился дедом. Княгиня Мелания фон Меттерних писала в своем дневнике: "20 мая 1835 года. Сегодня утром Клемент [ее супруг, князь фон

Меттерних] виделся с Бальзаком. Канцлер обратился к нему с такими словами: "Сударь, я не читал ни одной вашей книги, но я вас знаю, для меня ясно, что вы безумец или же человек, который потешается над другими безумцами и

стремится исцелить их с помощью еще большего безумия".

Бальзак ответил, что князь совершенно прав, что именно такова его цель

и он непременно ее достигнет. Клемент был очарован манерой писателя

смотреть на вещи и судить о них".

В самом деле, политические воззрения Бальзака и политические

воззрения

австрийского канцлера неплохо-уживались. Сама же княгиня фон Меттерних

нашла, что Бальзак “прост и добр, но одет совершенно немыслимо”.

Князь Феликс фон Шварценберг сопровождал Бальзака на поле сражения при

Ваграме. Семейства Шенбург и Киселевых оспаривали друг у друга честь

принимать писателя у себя. Он виделся также с ученым-ориенталистом бароном

Иосифом фон Хаммер-Пургшталем, который перевел по его просьбе на арабский

язык знаменитую надпись из “Шагреневой кожи”. Она великолепно зазвучала

по-арабски благодаря “афористической краткости” этого языка. Правда, согласно тексту романа, надпись была сделана на санскрите, однако

Хаммер-Пургшталь санскрита не знал. Какая важность! Кто заметит разницу?

Барон подарил Бальзаку драгоценный талисман - перстень-печатку Бедук - и

сказал при этом: “В один прекрасный день вы оцените значение скромного

дара, который я вам вручаю”. Семя упало на благодатную почву. Вскоре

Бальзак уже всем рассказывал (сам этому веря), что его замечательный

перстень некогда принадлежал пророку Магомету, что он был похищен

англичанами у Великого Могола, который предлагал в обмен на него груды

золота и алмазов. Бедук восходит прямехонько к Адаму. Бедук может сделать

человека невидимкой. Бедук приносит счастье в любви. Бедук исцеляет от

всевозможных недугов. Еще одна таинственная сила прибавилась к тем, которыми (как не без основания считал Бальзак) он был наделен. Барон фон

Хаммер, намекая на гигантский труд своего гостя и на множество созданных

им героинь, сравнил писателя с “Гераклом, который в одну ночь лишает

невинности пятьдесят девственниц”.

Астольф де Кюстин, находившийся в Вене одновременно с Бальзаком, отметил необычайный успех, каким там пользовался писатель; но в письме к

Софи Гэ Кюстин писал:

”Наш друг поставил меня в затруднительное положение: он познакомил меня

с некой полькой, весьма остроумной дамой из степей Украины и самой ученой

женщиной с берегов Дона, которой перед тем сказал, будто я самый

красноречивый человек, которого он когда-либо встречал. Я не знал, что

сказать; если бы я прислушался к голосу гордости, то поступил бы по

примеру нынешних светских людей и не раскрыл бы рта. Вместо этого я

старался держаться как можно любезнее, но все время, чувствовал себя так, словно играл роль. Мне казалось, будто я разучиваю все одни и те же гаммы.

Поэтому я не мог вести себя естественно в обществе этой дамы, которая, впрочем, особа весьма благовоспитанная”.

По мнению Кюстина, у Бальзака на этот раз не хватило такта: гений и такт не всегда уживаются.

Между тем Ганские готовились возвратиться в свое украинское царство, а Бальзака все призывало в Париж. Впрочем, ему даже хотелось туда вернуться.

“Посылаю вам тысячу поцелуев, ибо мною владеет столь сильное желание, что все мимолетные ласки только разжигают его. Видно, нам не удастся побыть наедине ни одного часа, ни одной минуты. Эти препятствия до такой степени воспламеняют меня, что, думается, мне стоит ускорить свой отъезд”. Да вот беда: он израсходовал все наличные деньги, а надо было уплатить за номер в гостинице да еще предстоял обратный путь. Но это пустяки: вексель на имя Верде все разрешит. Венские Ротшильды охотно учтут его. Что касается Верде, то он удержит эту сумму из гонорара за “Лилию долины”, а если у него не найдется свободных денег, пусть обратится к госпоже Сюрвиль. Верде оплатил вексель, и Бальзак превозносил его за это до небес: “Поверьте, друг мой, отныне мы с вами связаны и на жизнь и на смерть”.

Пребывание в Вене принесло Бальзаку по крайней мере ту пользу, что он ощутил степень своей известности. Когда он выходил с концерта, какой-то студент поцеловал ему руку. Европа любила его, люди обставляли свои покои “на манер Бальзака”. Созданный писателем мир покорил планету.

Париж. Улица Батай. Июнь 1835 года. После блестящей венской интерлюдии Бальзак снова взваливает ношу на плечи. Если верить тому, что он пишет госпоже Ганской, то родные сразу же по приезде доставили ему большие огорчения. “Ни к чему не пригодный” Анри грозил пустить себе пулю в лоб, тогда как ему просто надо было трудиться. Сестра Лора была, видимо, тяжело больна. “Дорогая, любимая матушка” совсем потеряла голову от горя. Конечно, он все несколько драматизирует, чтобы растрогать Эвелину, не подававшую признаков жизни. Желая узнать о ней новости, Бальзак советовался с “ясновидящей”.

”Она сказала, что вы написали в Париж и справлялись обо мне… Она нашла, что сердце у вас несколько расширено… но никакой опасности нет. Ваше сердце, как и ваше чело, развито больше, чем у прочих смертных. Я испытывал настоящее умиление, когда она сказала мне тем торжественным тоном, какой свойствен ясновидящим: “Особы эти сильно к вам привязаны, они вас по-настоящему любят”.

вас по-настоящему любят".

В будуаре, выдержанном в бело-розовых тонах, этот человек во всеоружии своей мысли, чернил и бумаги яростно боролся, заделывая бреши в своем бюджете, тут же возникавшие вновь. Лора Сюрвиль поступила безрассудно. В отсутствие Бальзака ей пришлось помочь Верде уплатить по векселю, и она отнесла в ломбард столовое серебро, которым так дорожил ее брат!

"И вот мне теперь приходится работать день и ночь, чтобы исправить последствия нелепых поступков. Таким образом, мне предстоят три или четыре месяца каторжных работ, и я прошу вас быть в это время снисходительнее. У меня не будет возможности писать вам так часто, как хотелось бы. Я должен закончить почти одновременно "Лилию долины", "Воспоминания новобрачной", подготовить том для Верде и том для госпожи Беше. Все в один голос жалуются на меня. Но не испытывайте, пожалуйста, угрызений совести; я никогда в жизни не пожалею о своей поездке, хотя она была очень короткой и главное - нам не давали почти ни минуты побыть вдвоем".

Больше чем когда бы то ни было ему нужно творить, творить, творить. И эта необходимость как бы пришпоривает гений Бальзака. За одну ночь он написал новеллу, оказавшуюся подлинным шедевром: “Обедня безбожника”; в три дня закончил “Дело об опеке”. “Работать! Постоянно работать! Ночи, заполненные лихорадочным трудом, сменяют одна другую, дни, отданные обдумыванию произведений, следуют чередой!” Почтенная “вдова Дюран” уединенно живет на улице Батай. “Дражайшая и любезная вдова”, - писали Бальзаку друзья. Он отвечал: “Вас будет ждать чашка кофе со сливками, такой кофе умеют варить только вдовы”. Но, говоря по правде, ему ни к чему были посетители. Он был поглощен своим грандиозным трудом.

За исключением нескольких чудесных и счастливых взлетов, Бальзак работал мучительно. Еще со времени “Шуанов” он взял за правило рассматривать любой свой набросок как канву для будущего произведения, а “вышивал” он уже в корректуре. У писателя был очень неразборчивый почерк, поэтому первые гранки для него набирали старинными литерами - так называемыми “гвоздями”. Затем следовало столько корректур, что издатели относили их на счет автора. “Наборщик типографии, - писал Шанфлери, - беря в руки корректуру Бальзака, чувствовал себя каторжником, отрабатывающим “урок”; справившись с нею, он отдыхал, исполняя более легкую работу”.

Этот

всегда нуждавшийся писатель, которого по пятам преследовала свора

заимодавцев, ни при каких обстоятельствах не поступался качеством своих

произведений. Как “упрямый плавильщик, - по меткому образу Теофиля Готье, - он по десять - двенадцать раз подряд бросал металл в тигель, если металл

этот не желал заполнять все извивы литейной формы”.

Бывало, что типография подолгу ждала текст, а потом Бальзак внезапно

присылал сразу две сотни листков, лихорадочно исписанных за пять ночей.

Вот рассказ Эдуарда Урлиака, который приводит в своей книге Шанфлери: “Его манера известна. Это - черновой набросок, хаос, нечто

апокалипсическое, какая-то китайская грамота. Типограф бледнеет. Времени в

обрез, почерк неслыханный. Постепенно чудище принимает пристойный вид; его

мало-помалу переводят на общепонятный язык… Автор присылает первую, а

затем вторую корректуру, они расклеены на громадных листах, каких-то

афишах, ширмах!.. От каждого типографского значка, от каждого набранного

слова берет начало оперенная стрела, она змеится и сверкает, как ракета

Конгрива, а в конце рассыпается светящимся дождем из фраз, эпитетов, существительных - подчеркнутых, зачеркнутых, перечеркнутых, беспорядочно

налезающих друг на друга. Ни с чем не сравнимое зрелище!

Представьте себе четыреста или пятьсот таких арабесок, переплетенных, слившихся, карабкающихся одна на другую, переползающих с поля одного листа

корректуры на поле другого, устремляющихся с севера на юг. Представьте

себе дюжину географических карт, где смешаны в кучу города, реки и горы.

Клубок, перепутанный кошкой, иероглифы династий фараонов или бенгальские

огни двадцати праздников сразу!.. Приходится работать наугад, полагаясь на

милость божию”.

В типографию приходила шестая, восьмая, десятая корректура, все они

были исчерканы, снабжены множеством дополнений, испещрены стрелами. Для

того чтобы создавать по нескольку томов в год при таком методе работы, нужна была сверхчеловеческая воля. Когда Бальзак трудился над каким-нибудь

большим произведением, он исчезал на два или на три месяца - так некоторые

реки внезапно уходят под землю, - а потом вдруг стремительно появлялся на

свет божий с шедевром в руках, “тяжело дыша, в полном изнеможении”, но при

этом веселый и довольный. Он с размаху опускался на диван, разминал

сардины в масле, намазывал на хлеб это месиво, напоминавшее ему свиную

колбасу, которую так любят в Туре, проглатывал тартинку и засыпал на час.

Титан казался совершенно обессиленным, но огонь, похищенный им у Юпитера, вдохнул жизнь в сотню созданных из глины человечков.

В 1835 году самым дорогим его сердцу произведением, которое он хотел во что бы то ни стало завершить, была “Лилия долины”. В конце июля он отправился в Булоньер, к госпоже де Берни; потом жил некоторое время во Фрапеле у Зюльмы Карро. Он пропустил время сирени, уже наступило время роз. Его верный друг Зюльма, поглощенная заботами о семье, теперь менее внимательно, чем прежде, следила за творчеством своего дорогого гостя, но в доме этих славных людей он чувствовал себя спокойно, здесь ему хорошо работалось. В часы отдыха Бальзак с удовольствием слушал рассказы майора Карро о комете, которая приближается к Земле, и рассказы другого майора, Периолы, о сражениях, в которых тот участвовал, об артиллерии, об императоре Наполеоне.

Почти все свои ночи Бальзак посвящал работе над “Лилией долины”. Он предвидел, что она станет одной из его лучших книг, уподобится “прекрасной беломраморной статуе”, в ней будет описано “сладострастие, которое охватило двух людей с девственными и неиспорченными сердцами”.

Женщина

безукоризненной нравственности “выдерживает натиск юноши, опьяненного ее

красивыми плечами”, но она не в силах до конца побороть жгучее желание, и

оба эти существа (Феликс де Ванденес и Анриетта де Морсоф), страстно

влюбленные друг в друга, но отказавшиеся от близости из уважения к законам

божеским и человеческим, приходят к двойной катастрофе: Феликс вступает в

связь с красавицей англичанкой, которая принесет ему наслаждение, но не

даст счастья; Анриетта же мучительно страдает от собственной добродетели и

умирает, кощунственно сожалея о том, что не нарушила святости семейного

очага. Этот роман Бальзака производит возвышенное впечатление; кроме того, как всегда в его произведениях, человеческие страсти неотделимы от

социального механизма. “Это история Ста дней, увиденная из замка на

Луаре”, - замечает Ален; и в самом деле, герой книги оказывается в

Клошгурде как эмиссар “Гентского короля”. В “назидательном письме”, которое Анриетта написала Феликсу, направляющемуся ко двору короля - в эту

неведомую страну с незнакомым ему языком, - изложены глубокие взгляды на

политику и на общество. С какой радостью покинувшая свет женщина собирает

крупицы своего горького опыта, чтобы передать его мужчине-отроку, которого

она любит!

Прежде всего, говорит эта исполненная материнских чувств возлюбленная, вы должны принимать общество и его мораль такими, каковы они есть. “Я не

говорю с вами ни о вере, ни о чувствах; здесь речь идет о пружинах

неумолимой машины из золота и железа”. Эта образцовая возлюбленная на

удивление практична; сами добродетели, к которым она хочет приобщить

молодого человека, должны помочь его успехам в обществе.

”Прямота, честь, верность и учтивость приведут вас к успеху наиболее

прямым и надежным путем… Истинная учтивость - цветок милосердия, в ней

заключена идея христианства… Если вас попросят о чем-нибудь, чего вы не

можете сделать, откажитесь наотрез, не внушая ложных надежд… Не будьте

ни доверчивы, ни банальны, ни чересчур ревностны, избегайте этих трех

подводных камней! Слишком большая доверчивость уменьшает почет, которым мы

пользуемся, банальность навлекает на нас презрение, излишнее рвение дает

повод помыкать нами. Кроме того, дорогое дитя, в жизни у вас будет не

больше двух-трех друзей… Одно из важнейших правил поведения - поменьше

говорите о себе… Нынешняя же молодежь созревает слишком скоро, а потому

судит свысока о поступках, мыслях, книгах; она рубит сплеча, еще не

научившись владеть мечом. Избегайте этого недостатка… Итак, угождайте

влиятельным женщинам. Влиянием же пользуются пожилые женщины… Они будут

вам преданы всем сердцем, ибо покровительство заменяет им любовь”.

Что касается молодых женщин, то ему следует избрать одну-единственную.

“Служить всем женщинам, любить только одну”.

Были ли в этом, таком бальзаковском письме автобиографические черты? А

как же иначе? Пережитый опыт даже независимо от воли автора проступает во

всем, что он пишет. В характере Феликса де Ванденеса можно было обнаружить

меланхолию, робость и неистовые желания Оноре де Бальзака, испытанные им, скажем, во время бала, который происходил в Туре в 1814 году, когда

подростком, он вдыхал благоухание, исходившее от женщин; но Феликс, отпрыск знатного рода, мог сделать карьеру в свете, Оноре, не имевший

могущественных покровителей, мог рассчитывать только на свои сочинения.

Практическим умом и самоотверженностью Анриетта де Морсоф походила на Лору

де Берни. Одна отказалась принадлежать своему возлюбленному, другая

отдалась ему, и обе умирали от любви. В одном из писем к Ганской Бальзак

называет Лору де Берни “небесным созданием; госпожа де Морсоф - лишь ее

бледная копия”. Он хочет, чтобы Ева смотрела на Анриетту, как на двойника

Серафиты, и чтобы сама Ева пожелала стать одновременно госпожой де Морсоф

и леди Дэдли, соединить в себе чистоту одной и чувственность другой. Можно

ли найти черты Габриэля де Берни в образе господина де Морсофа? Вероятно.

Однако Бальзак хотел воплотить в нем “все черты дворянина-эмигранта и

сурового мужа”. Писатель льстил себя надеждой, что в образе леди Дэдли ему

удалось запечатлеть любящую англичанку: “В “Лилии долины” я немногословно, но очень точно описал женщин этой страны”.

Но дело не в прототипах. Гораздо важнее вся картина. Создавая это

полотно, Бальзак стремился победить своего врага Сент-Бева на ристалище, которое тот выбрал сам. И Бальзак без труда выиграл сражение. Роман

“Сладострастие” не лишен некоторых достоинств, но ему не хватает

жизненности и силы. Бальзак снисходительно замечал: “Это слабая, вялая, многословная книга, но в ней есть превосходные страницы”.

Госпожа де Берни осуждала “Сладострастие”. То место романа, где

описано, как любовник, чтобы освободиться от томительного желания, направляется в злачные места, возмущало ее. “Лилия долины” приводила

ее в

восторг. После чтения книги она сказала Бальзаку, что это и впрямь "Лилия

долины". "В ее устах слова эти звучат как большая похвала; она ведь скупа

на комплименты". Автор сам признавался, что доволен своим детищем: "Но

"Лилия"! Если "Лилия" не станет настольной книгой для женщин, то я ничего

не стою… Сочетать добродетель и драматизм, не растерять при этом

чувства, пользоваться слогом и языком Массильона - все эти задачи я

разрешил уже в первой части романа, но для этого мне пришлось затратить

триста часов на чтение корректур: они стоили редакции "Ревю де Пари"

четыреста франков, а у меня до сих пор ноет печень".

Критика вела себя недостойно и низко. "Господин де Бальзак, - писал в

"Нувель Минерв" Пельтан, - поминутно нарушает правила приличия… Тем не

менее в некотором умении ему отказать нельзя; он добрый гений провинции и

читальных залов… Мы признаем, что он не менее популярен, чем Поль де

Кок". Ханжеская критика возмущалась тем, что Анриетта де Морсоф на

смертном одре сожалела об отвергнутых ею наслаждениях.

"Да, все газеты враждебны "Лилии"; все они поносят и оплевывают ее. Мне

доподлинно известно, что “Газетт де Франс” хулит книгу потому, что я не хожу к мессе, “Котидьен” - потому, что редактор хочет мне отомстить; словом, у всякого свой резон. Я надеялся, что Верде продаст две тысячи экземпляров, но нет, разошлось всего тысяча триста Так что и денежные интересы ущемлены. Некоторые невежды не понимают, как прекрасна смерть госпожи де Морсоф, они не видят, что в ней борется плотское и духовное начало, - а ведь это сущность христианства. Они усматривают тут только бунт обманутой плоти, только протест обманутого в своих надеждах тела и не желают отдать должное возвышенному спокойствию духа, когда графиня причастилась и умирает как святая”.

Позднее Бальзак решится написать: “Неведомое сражение, происходящее в долине Эндра между госпожой де Морсоф и страстью, быть может, не менее величественно, чем самые великие из известных нам сражений”. После чтения книги госпожа де Берни объявила: “Теперь я могу умереть; я уверена, что ваше чело уже увенчано венком, о котором я мечтала для вас. “Лилия долины” - возвышенное произведение, без единой погрешности и изъяна. Вот только напрасно госпожа де Морсоф испытывает перед смертью эти ужасные

сожаления; они вредят прекрасному письму, которое она перед тем написала”. Бальзак исключил из второго издания сто строк, которые покоробили госпожу де Берни. “Я не пожалел ни об одной из этих строк, и всякий раз, когда мое перо вычеркивало фразу, я испытывал глубокое волнение, которое редко охватывает душу мужчины”.

Проницательная Зюльма все поняла; поняла она и кое-что другое. “Как ни хорош замысел “Лилии долины”, тысячи женщин, читая книгу, скажут: “Это не совсем то”. Ибо, несмотря на все интимные признания, которые были вам сделаны, существуют вещи, которых вам никогда не расскажут, потому что рассказывать о них стыдно; есть немало недостойных побуждений, о которых никогда не говорят, а если даже близкий человек их обнаружит, то станут отпираться”. Бедная Зюльма! Отпираться или умалчивать - не значит ли это тем самым делать признание?

В последний раз Бальзак гостил в Булоньере у вдохновительницы “Лилии долины”, госпожи де Берни, в октябре 1835 года. Он там работал в тиши над “Щеголем” - старое название автор присвоил теперь новой книге (“Брачный контракт”). Произведение это входило в серию книг о “битвах судейских”, начатую “Полковником Шабером” (сначала повесть эта называлась

начатую “Полковником Шабером” (сначала повесть эта называлась “Мировая сделка”) и продолженную “Делом об опеке”. Показывая, что грозные потрясения в частной жизни нередко облекаются в нотариальные акты, которые затрагивают имущественные интересы сторон, Бальзак открыл, по словам Бардеша, “совершенно нетронутую область драматических конфликтов”, и помогли ему это сделать воспоминания той поры, когда он служил клерком у стряпчего.

Бальзак - Лоре Сюрвиль:

”Я с честью выполнил то, что наметил. Описав одну только сцену брачного контракта, я осветил будущее двух супругов”.

Во время своего пребывания в Булоньере он заметил, что госпожа де Берни как будто меньше страдает от приступов сердцебиения. Однако судьба по-прежнему упорно преследовала ее. Месяц спустя больной женщине, уже похоронившей четверых детей и ставшей свидетельницей безумия своей дочери Лоры-Александрины, пришлось просиживать ночи напролет у изголовья любимого

сына Армана, заболевшего чахоткой. Сраженная этим новым несчастьем и испытывая смутные угрызения совести, она умоляла Бальзака больше не приезжать и даже не писать ей. “Вы знаете, что в минуты, когда у человека все внутри напряжено, малейшее потрясение, вызванное сильным чувством или неосторожным словом, может сразить наповал. Какое грустное положение!”

Арман скончался, и убитая горем мать теперь лишь изредка переписывалась с Оноре. Он понимал, что она обречена.

Бальзак - госпоже Бальзак:

”Ах, милая матушка, я вне себя от горя. Госпожа де Берни умирает! Надеяться больше не на что! Один только я да Господь Бог знаем, как велико мое отчаяние. А ко всему еще надо работать!”

Бальзака снова преследует свора заимодавцев. Прекрасная вдова Беше, которая в 1833 году была так любезна, показывала в ярости свои острые зубки. Она выплатила аванс за романы и теперь тщетно их ждала; милейшая дама жаловалась на “коммерческие затруднения”. С “необыкновенной злобой” она угрожала прекратить всякие выплаты, если рукописи не поступят в срок.

Бальзак в свою очередь жаловался на эти “мелкие придирки”, обещал прислать

“Музей древностей”, “Утраченные иллюзии” и в обмен на эти посулы получил

еще 5000 франков. Но он забрал уже почти всю сумму, которая причиталась

ему по договору за “Этюды о нравах”. Подумать только: за 5000 франков ему

надо написать целых два тома! “Я должен трудиться, почти ничего не получая

за это”. Не будь он Бальзаком, его финансовое положение к концу 1835 года

было бы просто катастрофическим! Денежные дела подобны “проволоке, по

которой он то и дело съезжает с высот славы в грязное болото”. Он берет в

долг у доктора Наккара, у Борже, у отзывчивой госпожи Делануа, у дядюшки

Даблена. Верде со своей стороны заранее выплатил ему гонорар за “Лилию

долины”. Домовладелец с улицы Кассини (живя уже на улице Батай, Бальзак

сохраняет за собой прежнюю квартиру) требует причитающуюся ему за полгода

плату. Госпожа Бальзак весьма нерегулярно получает обещанную ей

ежемесячную ренту.

И все-таки он не сдается. В его распоряжении есть крайние средства: во-первых, можно выпустить новое издание юношеских романов,

подписанных

псевдонимом “Орас де Сент-Обен”. Скажут, что автор - он. А он станет

отрицать. Никто не поверит? Не велика важность. Ведь ему предлагают 10000

франков. Во-вторых, он может на свои средства издать третий десяток

“Озорных рассказов”, а потом уступить весь тираж за более высокую цену

Верде. Кроме того, когда госпожа Беше полностью распродаст “Этюды о

нравах”, их можно будет предложить другому издателю за 45000 франков.

Стало быть, он богат. Почему бы не приобрести наконец собственный дом?

Недвижимость необходима ему для избирательного ценза; это нужно для его

политической карьеры, ведь он лишается ценза из-за того, что госпожа

Бальзак вздумала вдруг продать свой дом. Увы! На самом деле в декабре 1835

года пассив его баланса составляет 105000 франков. Если исключить из них

45000 франков, которые Бальзак должен матери, то остается все же 60000

франков долга посторонним лицам и издателям. Верде, этот ангел-хранитель в

обличье книгоиздателя, находится при последнем издыхании. Но разве у Оноре

нет чудодейственного перстня Бедук? Какой-нибудь счастливый случай

непременно спасет и автора, и издателя. Бюлоз, начавший публиковать в

своем журнале "Серафиту", отказался печатать продолжение романа, ибо читатели ничего не могли понять в этой “несусветной галиматье”. Верде “берет произведение” и выпускает его вместе с “Луи Ламбером” и “Изгнанниками” в одном томе под общим названием “Мистическая книга”. Разрыв со всемогущим Бюлозом казался сущим безумием. Но Верде не скупится на объявления, а ссора с прежним издателем, о которой раструбили газеты, послужила неплохой рекламой. Первое издание “несусветной галиматьи” быстро расходится. Вновь появляется надежда. “Таких книг, как “Горио”, можно написать много; “Серафиту” создают только раз в жизни”.

Но три месяца спустя наступило разочарование: “Мистическая книга” особого успеха тут не имеет. Второе издание распродается туго”. Госпожа де Берни писала из своего уединения суровые письма.

”Только она одна имела мужество говорить мне прямо, что речь ангела смахивает на речь гризетки; начало книги казалось мне хорошим, но теперь, когда появился конец, оно выглядит мелким, и я сам вижу, что нужно нарисовать обобщенный образ женщины, как я это делал, создавая другие образы произведения. К несчастью, мне понадобится полгода для этой переделки, а тем временем люди с возвышенной душою станут упрекать меня за погрешности, которые бросаются в глаза”.

погрешности, которые бросаются в глаза”.

Правда, ревностный католик Томасси, прочитав “Серафиту”, приехал в столицу, чтобы обнять Бальзака; правда, выдающийся ученый Жоффруа Сент-Илер, которым некогда так восхищался юноша Бальзак, взял эпиграфом для своего капитального труда “Синтетические, исторические и физиологические понятия натурфилософии” фразу, заимствованную из “Мистической книги”: “Наука едина, а вы расчленили ее”. При этом ученый прибавил: “Я обязан этим эпиграфом одному из величайших писателей нашего века”. Однако госпожа Ганская, которой была посвящена книга, получив рукопись, переплетенную в лоскут материи, отрезанный от ее серого платья, “так легко соскользнувшего на паркет” в Женеве, хранила молчание, тревожившее автора. Грозная тетушка Розалия Ржевусская, по-прежнему враждебно относившаяся к французу, любовнику Эвелины, посеяла в душе Ганской сомнения в ортодоксальности “Серафиты”! В конце концов Ева написала об этом Бальзаку. Он возмутился: “Ни один из авторов религиозных книг не доказывал с большей энергией существование Бога”. Разумеется, Сведенборг не исповедовал религию апостола Петра и Боссюэ. “Ваша тетушка напоминает мне убогого христианина, который, увидя, что Микеланджело рисует в Сикстинской капелле голую женщину, с возмущением

спрашивает, как

это папы позволяют украшать стены собора Святого Петра столь

возмутительными изображениями?.. Путь к Богу лежит через веру более

возвышенную, чем вера Боссюэ; это вера святой Терезы и Фенелона, Сведенборга, Якова Беме и Сен-Мартена”.

Короче говоря, Эвелина исповедует догматы римско-католической церкви; Бальзак - последователь Сведенборга, но он рассматривает католицизм как

поэзию и “могучее оружие в борьбе духа и плоти”. Разве не доказывает

“Лилия долины”, что Бальзак признает величие римской церкви не меньше, чем

та, что стремилась “обратить его в истинную веру”? Отныне он отваживается

полемизировать с владелицей Верховни, соблюдая, однако, при этом должную

учтивость и постоянно напоминая о своей любви.

XX. УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Все, что делаешь, надо делать хорошо, даже если совершаешь безумство.

Бальзак

Всем членам “небесного семейства” была присуща общая черта -

невероятная способность создавать себе иллюзии. Они предпочитали свои

упования реальности и, точно дети, не умели отделять воображаемое от действительного. Таков был Бернар-Франсуа, такой была Лора, таким - в тридцать семь лет - оставался и Оноре. Он не без некоторого самолюбования признавал это сам. Подобная эксцентричность была удобна, а порою служила прекрасным извинением. Зюльма Карро, которой дружеская привязанность не мешала трезво судить о Бальзаке, говорила: “Бедный Оноре, химера, за которой он вечно гонится, неизменно ускользает от него!”

Все друзья Бальзака - Готье, Гозлан, Верде - рассказывали невероятные, часто приукрашенные истории о его сумасбродных начинаниях. Он признавал свой недостаток, но старался оправдать себя в глазах госпожи Ганской, которая упрекала Оноре в том, что в делах его постоянно надувают, между тем как в своих произведениях он выказывает необычайную проницательность.

”Увы! Разве вы любили бы меня, если бы я постоянно не оказывался жертвой надувательства?.. Дни и ночи, напрягая все силы и способности, я работаю: пишу, изображаю, описываю, вспоминаю; я медленно, с трудом взмахивая ранеными крыльями, пролетаю над духовными областями литературного творчества; как же я могу стоять обеими ногами на житейской почве? Когда Наполеон находился в Эслинге, он не мог присутствовать в

Испании. Если человек не хочет быть обманутым в житейских делах, в дружбе, в своих начинаниях, в отношениях всякого рода, он не должен, любезная

графиня и затворница, живущая в уединении, заниматься ничем иным, он

должен быть только финансистом, или светским человеком, или деловым

человеком. Разумеется, я отлично вижу, что меня обманывают или собираются

обмануть, что тот или иной человек предает меня, либо вот-вот предаст, либо поспешно скроется, вырвав у меня клок шерсти. Но в ту минуту, когда я

это предчувствую, предвижу или узнаю, мне нужно сражаться в другом месте.

Я обнаруживаю козни именно тогда, когда я полностью поглощен творчеством, судьбой книги, спешной работой, которая пойдет прахом, если я не закончу

ее в срок. Часто я достраиваю хижину, освещенную заревом пожара, в котором

сгорает один из моих домов".

Блистательная защита и, в сущности, убедительная. У него были "золотые"

идеи. Почти все деловые начинания, в которых он потерпел неудачу, принесли

богатство другим людям: не только словолитня и спекуляции земельными

участками, но и переиздания классиков, и реклама парфюмерных изделий.

Однако дело в том, что художник творит в мире, где он подобен божеству; когда же он вынужден бороться со случайностями и препятствиями,

созданными

не им, он тотчас ищет спасения в творчестве, где самые тяжелые его неудачи

оборачиваются великолепными сюжетами. Лора Сюрвиль описывает, как брат

иногда приходил к ней - угрюмый, подавленный, с пожелтевшим лицом. И

начинал рассказывать о своих новых затруднениях: "- Я погибаю, сестра!

- Пустяки! С такими произведениями не погибают, - отвечала Лора.

- Ты права, черт побери! Такие книги заставляют жить… К тому же

слепая фортуна может улыбнуться Бальзаку, ведь улыбается же она даже

глупцу… А ну как один из моих друзей миллионеров (у меня есть такие) или

какой-нибудь банкир, не знающий, куда девать деньги, возьмет да и скажет: "Мне ведом ваш огромный талант и ваши невзгоды; вам нужна такая-то сумма, чтобы почувствовать себя независимым; примите же ее без боязни, впоследствии вы со мной рассчитаетесь, ваше перо стоит моих миллионов".

И тут же от грядущего он переходил к настоящему. Банкир уже спас его: "Ведь это немало - сказать себе: Я спас самого Бальзака!.. И Бальзак

независим! Вы еще увидите, любезные мои друзья и любезные мои недруги, как

быстро он зашагает вперед!" И грезы или роман развивались дальше. Вот

Бальзак уже член Академии. Оттуда до палаты пэров всего один шаг. Став

пэром, он сделается затем министром, дела в его министерстве пойдут

превосходно; и он снова мысленно возвращался к банкиру, который помог ему

выйти из трудного положения. “Он уготовит себе прекрасное будущее. О нем

станут говорить: “Этот человек понял Бальзака, поверил в его талант, ссудил ему деньги и помог достичь славы, которой сей писатель заслуживает.

Честь ему и хвала”.

В начале 1836 года Бальзак сильно нуждался в таком человеке, который

снабдил бы его деньгами. 11 декабря 1835 года весь тираж третьего десятка

“Озорных рассказов”, принадлежавший автору и хранившийся на улице

По-де-Фер, сгорел во время пожара. Тяжелая потеря для человека, который и

без того находится в отчаянном положении. Бальзак вконец рассорился с

Бюлозом, он возбудил процесс против этого издателя в связи с тем, что

роман “Лилия долины” был без согласия автора перепечатан в

Санкт-Петербурге; писатель стал мишенью для враждебных статей и лживых

заметок многочисленных журналистов, находившихся на жалованье у Бюлоза; кроме того, ему не давала покоя вдова Беше. И Бальзаку захотелось иметь

трибуну, откуда он мог бы отвечать на все нападки. Как раз в это время

продавалась газета “Кроник де Пари”, небольшой легитимистский листок, почти не имевший читателей. Газета эта принадлежала человеку сомнительной

репутации, Уильяму Даккету, печатали ее типографы Бетюн и Плон. 24

декабря 1835 года Бальзак вместе с Максом Бетюном и Уильямом Даккетом образовал акционерное общество по изданию “Кроник де Пари”. Даккету принадлежала восьмая часть акций, Бетюну - столько же, шесть восьмых оставил за собой Бальзак. Надо сказать, что газета была приобретена всего за сто двадцать франков, ибо, не имея ни подписчиков, ни материальных ценностей, она, по существу, ничего не стоила. Но Бальзак принял на себя обязательство предоставить оборотный капитал в размере 45000 франков для издания газеты: нечего и говорить, что такой огромной суммой он не располагал.

Судя по всему, эта затея была делом безнадежным, но в уме Бальзака она тотчас же превратилась в блестящее начинание. Во-первых, он каждый месяц будет давать в газету свой рассказ, что привлечет подписчиков. В новом органе станет сотрудничать Виктор Гюго. Гюстав Планш, повздоривший с Бюлозом, будет вести отдел литературной критики. Жюлю Сандо поручили пригласить в газету Теофиля Готье, талант которого был замечен Бальзаком; вскоре он превратит Теофиля в одного из “коней” своей конюшни. Сердце Готье сильно колотилось, когда его принял Бальзак, облаченный в свою сутану из белого кашемира с капюшоном. Прославленный романист дружески заговорил с молодым писателем, а тот любовался его атлетической шеей, напоминавшей колонну, носом необычной формы, высоким и благородным

напоминавшей колонну, носом необычной формы, высоким и благородным лбом, а

главное - его глазами, “глазами, взгляда которых не выдержал бы даже орел, глазами, способными видеть сквозь стены, читать в сердцах, глазами

властелина, ясновидца, укротителя”.

Готье обещал дать статьи. Газетный король Бюлоз в бешенстве. “Планш, -

говорил он, - обнимается с Бальзаком, которого, как вам известно, терпеть

не может, и целует в зад Гюго, которого прежде поносил! Превосходный

альянс!.. Неужели вам не смешно?” Однако Бальзак относился вполне серьезно

к “Кроник де Пари”. Опираясь на этот “влиятельный орган”, каковым он будет

полновластно распоряжаться, он сможет наконец сделать карьеру

политического деятеля, о которой давно мечтал. Но главное - “золото

потечет рекой”, он будет иметь по крайней мере 20000 франков в год, ибо

Бальзак - директор издания станет по-королевски расплачиваться с

Бальзаком-редактором, а Бальзак-администратор станет получать, кроме того, приличное жалованье. Таким образом, все проблемы будут разрешены.

Оставалось только одно препятствие: нужны были наличные деньги, чтобы

сняться с якоря. Ну, за этим дело не станет! Добрый ангел семьи, госпожа

Делануа, ссудила 15000 франков. “Дело пойдет на лад, - писал Бальзак Лоре.

- Передай славному Сюрвилю, что первый шаг к власти уже сделан”. Как все

все

чудесно устраивается! “Славный Сюрвиль” разработал проект нового канала; это предприятие должно было принести ему 200000 франков. Сделавшись

влиятельным политическим деятелем, Бальзак добьется утверждения проекта и

разделит доходы со своим зятем. Они все разбогатеют. Они уже были

богачами… в воображении.

Первый номер “Кроник де Пари” появился 1 января 1836 года. Виктор Гюго, Гюстав Планш, Альфонс Карр, Теофиль Готье, Шарль де Бернар вошли в состав

новой блестящей редакции. Анри Монье, Гранвиль, Домье обещали карикатуры.

Будущий министр Бальзак оставил за собой хронику международной политики.

Он пригласил к себе в качестве секретарей для подготовки материалов двух

молодых аристократов, нуждавшихся в деньгах не меньше, чем он сам: то были

маркиз де Беллуа (Бальзак называл его Кардиналом) и граф Фердинан де

Граммон. На деле же Бальзаку одному приходилось заниматься газетой, и он

справлялся с этим легко. Каждую субботу он приглашал своих сотрудников к

себе на изысканный обед: зажаренный окорок, зуек в сухарях, фрикандо из

телятины, осетровое филе, спаржа, ананасы. Эти пиры происходили в доме, за

который уже давно не платили. Гостеприимный хозяин, напоминавший "атамана вольницы", тщетно требовал статей: они никогда не бывали готовы в срок.

Собравшиеся пели, смеялись. Альфонс Карр венчал голову Оноре бумажными розами. А когда приглашенные и метрдотель удалялись, Бальзаку приходилось "выполнять работу всей редакции газеты" - иначе говоря, чуть ли не одному готовить весь номер.

Что за важность! Зато славно посмеялись. Бальзак любил веселье и понимал толк в шутках. С особым удовольствием он сочинял "приблизительные" поговорки. Наиболее удачные он аккуратно записывал: "Случай хватов плодит", "Пей, да мимо рта не лей", "Скажи мне, кто твой друг, я скажу, кто твой враг". Если кто-либо из друзей придумывал забавный вариант, раскатистый смех сотрясал внушительное брюшко Бальзака. Игру слов - любит пустослов? Возможно, но человек, который вынашивает в мозгу целый мир, вправе хоть на один вечер сбросить с плеч свое бремя. К тому же шутливые поговорки он, подобно всему прочему, бросал в тигель "Человеческой комедии", и позднее мы услышим их из уст ученика живописца Мистигри ("Первые шаги в жизни").

В январе - феврале 1836 года Бальзак работает лихорадочно, но все, что создано им, превосходно. В эти месяцы он публикует в "Кроник де Пари"

несколько новелл - одни написаны специально для газеты, другие лежали в ящиках его письменного стола; это “Обедня безбожника” (он мастерски изобразил в ней под именем Деплена знаменитого хирурга Дюпюитрена), “Дело об опеке”, “Фачино Кане”, рассказ старого врача из “Неведомых мучеников”.

“Никогда еще уносящий меня поток не был столь стремительным; никогда еще столь чудовищно величественное произведение не овладевало человеческим мозгом. Я сажусь за работу, как игрок за игорный стол”.

И самое удивительное было то, что, как ни быстро работал Бальзак, подстегиваемый необходимостью, качество его произведений неизменно оставалось высоким. Даже политические статьи были написаны с блеском. Он высмеивал близких к правительству журналистов, которые разглагольствовали об “идеях” Тьера и Гизо: “И у господина Гизо, и у господина Тьера есть только одна идея - управлять нами… Господином Тьером всегда владела только одна мысль: он постоянно думал лишь о господине Тьере… Господин Гизо подобен флюгеру, который венчал одно за другим три здания; господин Тьер подобен флюгеру, который, несмотря на свою ненадежность, остается на одном и том же сооружении”.

Блестящая, задиристая газета “Кроник де Пари”, казалось, могла рассчитывать на успех. Поначалу число подписчиков росло “с чудесной быстротой”, утверждал Бальзак, всегда тяготевший к превосходной степени.

Но слово “чудесный” на поверку оказывалось только поэтическим вымыслом. В январе прибавилось сто шестьдесят подписчиков, в феврале - сорок, в марте - только девятнадцать, а в июле - всего лишь семь. Но Бальзак все еще не пробуждался от грез. 26 марта он послал госпоже Ганской следующую реляцию о победе:

”Во мне всегда жило нечто, заставлявшее меня поступать не так, как другие; вот почему моя верность, быть может, диктуется гордыней. С самого начала я мог рассчитывать только на свое “я” и потому был вынужден растить, укреплять это “я”. Такова вся моя жизнь, жизнь, лишенная заурядных удовольствий. Ни один из окружающих меня людей не захотел бы так жить, даже “ради славы Наполеона и Байрона, вместе взятых”, говорил де Беллуа… Я игрок, бедняк в глазах окружающих, но раз в году я ставлю на карту все свое состояние и одним ударом возвращаю себе то, что другие пускают по ветру!.. Разве я вам не говорил в Женеве, что не пройдет и трех

лет, как я начну возводить здание своего политического могущества? Не повторил ли я вам этого в Вене? Так вот, “Кроник” - это то же самое, чем был в свое время “Глобус” (та же идея), но только моя газета занимает место на правом фланге, а не на левом; в ней воплощена новая доктрина роялистской партии. Мы представляем собой оппозицию и проповедуем неограниченную власть, а это значит, что когда дойдет до дела, то мы не вступим в противоречия с нынешними своими заявлениями. Я главный редактор этой газеты, которая выходит два раза в неделю форматом в одну четвертую долю листа… Я вложил в это предприятие 32000 франков, и, если число подписчиков превысит две тысячи, вложенный мною капитал будет приносить 20000 франков годового дохода, не считая гонорара за статьи, которые оплачиваются очень хорошо, и жалованья редактора. У нас хватит средств на два года… Не правда ли, какое грандиозное начинание? Я стою во главе газеты три месяца, и с каждым днем ее влияние и авторитет возрастают”.

Несмотря на свое “весьма прочное” финансовое положение (он не сомневался, что без труда продаст за 16000 франков шестнадцать из принадлежавших ему акций газеты “Кроник”, сохранив при этом в своих руках контрольный пакет; кроме того, он рассчитывал получить 3000 франков за

контрольный пакет; кроме того, он рассчитывал получить 3000 франков за

новое издание “Озорных рассказов” и еще 24000 франков в тот день, когда он

наконец освободится от кабальных обязательств перед госпожой Беше, вручив

ей последний том “Этюдов о нравах”; таким образом, ему предстояло получить

43000 франков в Банке химер), Бальзак признавал, что, хотя теоретически он

был настоящим богачом, практически ему никак не удавалось сводить концы с

концами и он не мог выкупить из ломбарда столовое серебро.

”Я должен заплатить 3000 франков, а у меня их нет. 31-го мне нужно

иметь 8400 франков. До сих пор, чтобы с честью выходить из положения и

расплачиваться со всеми, я пускал в ход последние свои ресурсы, но теперь

они исчерпаны. Я - как Наполеон во время битвы при Маренго. Надо, чтобы

подоспел Дезэ, чтобы Келерманн бросился в атаку, и все разрешится. Люди, которые собираются приобрести шестнадцать акций “Кроник” за 16000 франков, должны у меня обедать. Вы сами знаете, что дают в долг и доверяют только

богатым. В моем доме все дышит роскошью, довольством, благополучием

преуспевающего художника. Если на столе будет серебряная посуда, взятая

напрокат, все пойдет прахом; ведь посредником выступает живописец, человек

человек

лукавый и проницательный, с острым взглядом, как у Анри Монье; он сразу

обнаружит все изъяны, все уязвимые места, почует, что тут пахнет

ломбардом, который ему известен лучше, чем всякому другому. И тогда -

прощай выгодная сделка!.. В Париже я ни у кого не могу попросить денег

взаймы, ибо меня считают богачом, это подорвет мой престиж, и все

погибнет. Мне все так легко удалось с "Кроник де Пари" потому, что я

пользуюсь широким кредитом. Я мог держаться независимо, чувствовать себя

хозяином положения. А теперь пришпорьте свое воображение и представьте, что ко всему еще я нахожусь в непрестанном горении, что душу мою сжигает

пламень, и скажите сами - разве это не драма? А мне надо быть великим

финансистом, человеком хладнокровным, мудрым, осмотрительным, надо!..

Больше я ничего не прибавлю; но вчера один из моих друзей с полным

основанием заметил: "Когда будут воздвигать вам памятник, надо статую

отлить из бронзы, это лучше всего покажет, какой вы человек!"

И в самом деле, только "человек, отлитый из бронзы", мог выдержать

такую напряженную работу и такие волнения. К несчастью, новеллы и статьи

для "Кроник де Пари" поглощали все время Бальзака, и он не успевал

ничего-делать ни для Верде, ни для госпожи Беше. Она была вне себя; ведь наша вдова собиралась вторично выйти замуж, “покинуть книгоиздательское дело ради семейного счастья” и стать госпожой Жакийа; вот почему она хотела поскорее покончить все дела с Бальзаком. В свое время она проявила неосторожность и уплатила ему деньги вперед. Но кто, будучи “главным редактором” газеты, которая оценивается в 90000 франков, станет трудиться над романом, чтобы получить жалкие 500 франков? Увы! Даже его компаньоны по “Кроник” пали духом. Даккет в мае продал свои акции, на них не нашлось других покупателей, кроме Бальзака и Верде, причем уплатили они главным образом векселями. Судебная тяжба из-за “Лилии долины” требовала расходов на судебные издержки. Где взять деньги? Надо надеяться, что банкиры, ослепленные роскошным обедом, принесут 16000 франков в обмен на шестнадцать акций. Обед и впрямь был царским, но банк почему-то заупрямился.

Бальзак - госпоже Ганской, 20 марта 1836 года: “Никогда еще я не чувствовал себя столь одиноким, никогда еще я так ясно не сознавал, что трудам моим не будет конца. Здоровье мое сильно

пошатнулось, я уже не надеюсь вновь обрести тот моложавый вид, которым я

имел слабость гордиться. Словом, теперь все ясно. Раз уж человек в моем

возрасте не успел вкусить полное счастье без всяких оговорок, то если даже

когда-нибудь в будущем ему представится возможность омочить губы в чаше

блаженства, натура этому воспротивится! Седые волосы вряд ли приблизят час

радости Как видно, жизнь сыграла со мной весьма горькую шутку. Мои

честолюбивые замыслы рушатся один за другим. Политическая власть? Какая

малость! Природа создала меня для любви и нежности, а по воле судьбы мне

приходится только описывать свои желания, вместо того чтобы их

удовлетворять".

Да, все надежды Бальзака рассеивались одна за другой. Разве мог он

по-прежнему мечтать о близком триумфе, когда все вокруг него разбегались, точно крысы с тонущего корабля? После Даккета из газеты ушли оба молодых

секретаря. Бальзак теперь совсем один, он не знает, за что раньше

приняться. Все блестящие планы рухнули: газета "Кроник де Пари", новое

издание "Озорных рассказов", обводный канал на Луаре. Химеры, эти

капризные и свирепые чудовища, расправляли свои крылья. Один только

славный доктор Наккар сохранял мужество и ссужал Бальзаку небольшие суммы, которые позволяли писателю хотя бы не голодать. Врача тревожило

самочувствие его друга и пациента; постоянные заботы и недосыпание

подтачивали здоровье "милого Оноре", терзали его разум, портили характер.

"В отчаяние я не впал, но сильно удручен, и это сводит меня с ума".

Супруги Шенбург, австрийские друзья госпожи Ганской, на редкость

некстати поселили в доме Бальзака на улице Батай одного из своих сыновей; чтобы избавиться от их общества, писатель вновь переехал на улицу Кассини, в квартиру, которую освободил Сандо. Там 23 апреля он был задержан: Бальзаку уже давно угрожало тюремное заключение, которому его решили

подвергнуть "бакалейщики" из национальной гвардии и "этот подлый дантист, который соединяет свое свирепое ремесло с ужасными обязанностями старшего

сержанта", за то, что писатель отказывался выполнять "свой долг

солдата-гражданина". Бальзак был доставлен на набережную Бернарден в

особняк Базанкур, превращенный в арестный дом парижской национальной

гвардии. Сначала он был вне себя от гнева, и не без основания. Как? С ним, Бальзаком, которого отличал сам австрийский канцлер фон Меттерних, с

писателем, которого читают во всем мире, во Франции обращаются как с

преступником - и все это по милости генерального штаба лавочников?! Тюрьма

показалась ему ужасной: скученность, грязь. Но потом он довольно быстро

оценил живописность своего положения. Он добился свечей, отдельной

камеры, “откуда был виден клочок голубого неба”, стола, стула, кресла и принялся

за правку корректуры “Лилии долины”. Достаточно ему было погрузиться в

свои мысли, отгородиться от окружающей действительности, приняться за

работу, и он уже больше не страдал.

Верде, вызванный писателем в арестный дом, принес немного денег.

Бальзак оставил его обедать вместе с редактором газеты “Котидьен”. Трапеза

прошла очень весело. На следующий день Верде по просьбе Бальзака привел с

собою Сандо, Реньо, Гюстава Планша, Альфонса Карра. Теперь в камере

Бальзака было полным-полно снеди; поклонницы присылали розы. “An unknown friend” [неведомый друг (англ.)] передал через привратника белокурую прядь

волос, продетую в золотое кольцо. Бальзак писал “таинственной” Луизе: “Ваши цветы благоухают у меня в темнице; не могу даже выразить, какую

радость, они мне доставляют!” Впоследствии золотых дел мастер Лекуэнт

изготовил из драгоценностей, полученных необычным узником, седьмую трость

Бальзака. Обеды писателю приносили от Шеве и Вефура; платил за них Верде.

Бальзак пробыл в заключении три дня и потратил за это время 575 франков.

Тяжба с Бюлозом из-за “Лилии долины” все еще не была окончена. “Надо

ждать решения еще неделю, если только разбор дела опять не будет отложен.

С новым изданием “Озорных рассказов” также пока ничего не выходит; акции

“Кроник де Пари” продаются туго. Таким образом, трудности мои возрастают.

Два месяца я занимаюсь делами и почти ничего не пишу; целых два месяца

потеряны, иначе говоря, “курица, несущая золотые яйца”, вышла из строя. Я

не только совершенно обескуражен, я истощил свое воображение, и оно

требует отдыха”. Это было самым серьезным. Великолепный мозг Бальзака, единственный капитал, которым он владел, отказывался ему служить. Самое

большее, на что был в ту пору способен писатель, - это читать корректуры

“Лилии долины”. Бетюн, ведавший делами “Кроник”, бил тревогу. Новых

подписчиков не прибавлялось, а прежние не возобновляли свою подписку.

“Газета “Кроник де Пари” - дело обреченное, безнадежное”.

Бальзак - госпоже Ганской. 16 мая 1836 года: “За последние три дня во мне произошла очень большая перемена.

Честолюбивые устремления исчезли. Я больше не хочу добиваться влияния с

помощью палаты депутатов или журналистики. Отныне все мои усилия будут

направлены на то, чтобы избавиться от “Кроник де Пари”. К такому решению я

пришел, побывав на двух заседаниях палаты депутатов. Глупость ораторов, бессмысленность дебатов, почти полная невозможность одержать триумф среди

столь жалкого сборища посредственностей вынуждают меня отказаться от мысли

иметь дело с этой говорильней иначе как в качестве министра. Итак, через

два года я попробую пушечными выстрелами открыть себе двери в Академию, ибо академики могут стать пэрами; я постараюсь скопить достаточно большое

состояние, чтобы попасть в верхнюю палату и прийти к власти, опираясь на

власть”.

Все это было превосходно для Бальзака, оседлавшего новую химеру, но

отнюдь не для акционеров и кредиторов “Кроник де Пари”. Сотрудники газеты

донимали его просьбами о деньгах. Даккет угрожал, сделать его банкротом, и

Бальзак вздыхал: “Жизнь слишком тягостна; она не приносит мне никакой

радости”. Редкое признание в устах человека, настроение у которого так

быстро поднималось. Правда, в эти дни судьба позволила ему взять реванш.

Процесс, связанный с романом “Лилия долины”, кончился неудачно для Бюлоза.

Вынесенное решение осуждало журнал “Ревю де Пари”, который незаконно

воспользовался корректурами, не снабженными авторской пометкой “к печати”.

Бальзак был очищен от преследовавшей его клеветы, он получил множество

поздравительных писем. Шум, связанный с процессом, послужил превосходной

рекламой для книги. Верде за два часа продал 1800 экземпляров из

выпущенных им 2000 экземпляров.

Двенадцатого июня - новая неожиданность. Госпожа Беше, которой не

терпелось сменить книжную лавку на счастливый семейный очаг, вручила

писателю через судебного пристава предписание, обязывавшее Бальзака в

двадцать четыре дня представить два тома для “Этюдов о нравах”; за каждый

просроченный день ему угрожал штраф в размере пятидесяти франков. Это была

катастрофа, но вместе с тем и удача, ибо свирепость вдовы Беше была

великолепным предлогом для того, чтобы бежать из Парижа, от Бетюна и

“Кроник де Пари”, уехать в Саше и “там, в долине реки Эндр, написать за

двадцать дней два тома для этой особы и таким образом избавиться от нее…

Итак, я вновь вступаю в жестокую битву: надо выплачивать проценты по

обязательствам и писать книги! Я должен выполнить последний из моих

договоров, ублажить госпожу Беше и создать прекрасную книгу. В моем

распоряжении всего двадцать дней! И все же это будет сделано!
“Наследники

Наследники

Буаруж" и "Утраченные иллюзии" будут написаны за двадцать дней!"

"Наследники Буаруж" навсегда остались в "папке незавершенных замыслов", но "Утраченные иллюзии" (первая часть) действительно были созданы за двадцать дней, и Бальзак не написал ничего лучше этой книги. Невзгоды только обостряли его талант, и никогда-еще тема произведения не была ему так близка. Он мог выразить в нем свою горечь и печаль. Первоначальный замысел: сравнение провинциальных нравов с нравами столицы. Автор хотел развеять иллюзии, которые питают жители провинции относительно друг друга; он хотел описать молодого человека, считающего себя большим поэтом, и женщину, которая сначала поддерживает в нем эту уверенность, а затем, в Париже, бросает его без денег и покровителей. Но когда Бальзак вплотную приступил к работе, новые эпизоды и персонажи стали возникать с такой быстротой, что первая часть "Утраченных иллюзий" одна заполнила два тома, которые он обязан был представить госпоже Беше. Вторая часть романа должна была появиться позднее. "Когда автору удастся закончить свое полотно? - писал Бальзак в предисловии. - Он этого не знает, но непременно закончит его".

Первая часть "Утраченных иллюзий" - это история Люсьена Шардона, небогатого молодого человека из Ангулема, красивого, как ангел, который принимает девичью фамилию матери (урожденной Шарлотты де

принимает девичью фамилию матери (урожденной Шарлотты де Рюбампре); автор описывал необычайную преданность, которую выказывали этому очаровательному эгоисту сестра Ева и его будущий зять, типограф Давид Сешар; рассказывал о любви между Люсьеном и госпожой де Баржетон, о том, как эта дама увезла своего возлюбленного поэта в Париж, где вдали от родного города он будет добиваться успеха. Но Бальзак вскоре понял, что непременно напишет продолжение еще более значительное - “Провинциальная знаменитость в Париже”, книгу, которая станет “поэмой о его собственной борьбе и разбитых мечтах”, как назвал ее Антуан Адан; и все-таки “прежде всего он думал не о себе самом”, а о Жорж Санд и Сандо, которых горькое разочарование друг в друге так быстро разлучило. Бальзак, разумеется, многое смещал в романе. Анаис де Баржетон походила скорее не на Жорж Санд, по-настоящему талантливую писательницу, а на Розу де Сен-Сюрен, художницу и поэтессу с красивыми глазами, у которой был литературный салон в Ангулеме, позднее она разошлась с мужем и обосновалась в Париже.

Описывая любовь между юным Люсьеном и женщиной, которая старше

его на

пятнадцать лет (Рюбампре в начале произведения двадцать один год, Анаис де

Баржетон - уже тридцать шесть), Бальзак, должно быть, время от времени

вспоминал о госпоже де Берни. Но великий писатель всегда запутывает следы.

Внешне на самого Оноре похож типограф Давид Сешар, а не Люсьен: у Давида

полное смуглое лицо, толстая шея, широкий нос с ложбинкой на конце; лицо

его озарено сиянием гения, готового воспарить, но “близ вулкана приметен и

пепел”. Люсьен - блестящий юноша, дерзновенный, несмотря на мягкие манеры

и почти женские бедра. Его легко принять за переодетую девушку. “В этой

уже давней дружбе один любил до идолопоклонства, и это был Давид”.

Впоследствии он разорится из-за Люсьена.

Роман опирался на глубокое знание социальной жизни провинции. После

своего пагубного опыта Бальзак хорошо разбирался в типографском деле и

связанных с ним проблемах. Тайные пружины, управляющие жизнью Ангулема, обнажила перед ним умная и проницательная Зюльма. Интуиция помогла

писателю проникнуть в нравы, царившие в каждой части Ангулема, разделенного надвое - на верхний и нижний город. Старый город, построенный

из стратегических соображений на вершине скалы, еще с феодальных времен

стал средоточием дворянства, здесь размещаются также все присутственные

места. Однако крепостные валы, окружавшие верхний город, не позволяли ему

расширяться. У подножия скалы по берегам Шаранты выросло промышленное и

богатое предместье Умо - целый город с писчебумажными фабриками, орудийным

заводом, кожевенными заводами и прачечными. “Наверху знать и власть -

внизу купечество и деньги: два постоянно и повсюду враждующих общественных

слоя”. Люсьен, выходец из Умо, устремляется на приступ Ангулема, в этом

завязка драмы. Образы и воспоминания, собранные в кладовых памяти, возникают как раз тогда, когда художник нуждается в них, они стекаются к

нему из разных периодов его жизни, из всех мест, где он побывал.

Бальзак написал два этих томика в небольшой комнате в Саше, где прошли, по словам Жана Дютака, “самые возвышенные часы его духовной жизни; тут он

в свое время написал “Луи Ламбера”; грезил о “Серафите”, задумал “Отца

Горио”. Бальзак писал: “Я вновь вижу прекрасные деревья, на которые

столько раз смотрел, пытаясь выразить свои мысли. Сейчас, в 1836 году, я

недалеко ушел от 1829 года: я по-прежнему в долгах и неустанно работаю! И

по-прежнему чувствую в себе юношеские силы, а мое сердце - по-

прежнему

сердце ребенка”. Но нет! Он далеко ушел от 1829 года; теперь в его мозгу

жил целый мир созданных им существ, и он провидел их будущие судьбы. Ему

предстояло еще выполнить гигантский труд. Думая о громадной фреске, которую он замыслил написать, Бальзак испытал внезапное желание отказаться

от столичной жизни, поселиться в коттедже где-нибудь в Турени и там, в

покое, завершить свою эпопею. Лоре д’Абрантес, которая сетовала на его

молчание, он писал: “Вы ведь знаете, людям на поле боя некогда предаваться

беседе или сообщать своим друзьям, что они еще живы, еще не умерли”. Этот

бешеный труд убивал его. 26 июня, когда Бальзак прогуливался в парке Саше, кровь внезапно прихлынула к его голове и он упал у подножия дерева. Перед

этим он за несколько дней написал половину первой части “Утраченных

иллюзий”, и это чудовищное напряжение “послужило причиной кровоизлияния”.

На следующий день он почувствовал себя лучше, остался только шум в ушах.

Бальзак нашел в себе силы дописать нужное число страниц, чтобы утихомирить

вдову Беше, ставшую госпожой Жакийа. Наутро после приступа он написал

Эмилю Реньо чисто раблезианское письмо: “А теперь целую вас в глаз и

желаю, чтобы у вас все шло хорошо в нижних сферах, столь любезных вашему сердцу”.

Герой романа Люсьен де Рюбампре - поэт, и автору надо было привести несколько образцов его творчества.

Бальзак - Эмилю Реньо:

”Передайте, пожалуйста, милейшему Шарлю де Бернару, что мне понадобится для “Утраченных иллюзий” небольшая, весьма патетическая поэма в манере лорда Байрона… Будет очень мило, если он ее для меня напишет, потому что я совершенно не располагаю для этого временем. Мне потребуется также нечто в духе “Беппо” или поэм Мюссе “Намуна” либо “Мардош”, произведения в сотню стихотворных строк. Для первой поэмы нужно две песни”.

Шарль де Бернар был неплохой писатель, ученик и друг Бальзака, открывшего ему доступ на страницы “Ревю де Пари”. Вот почему Оноре с такой бесцеремонностью просил Шарля написать для него поэму из двух песен в духе Байрона или Мюссе. Но Шарль де Бернар мог, разумеется, писать только в своем духе, и Бальзак использовал для книги старое стихотворение

своем духе, и Бальзак использовал для книги старое стихотворение, которое

он сам написал еще в 1824 году для “цветка Бенгалии”, Жюли Кампи, родившейся от любовной связи госпожи де Берни и “свирепого корсиканца”.

Художник, подобно изобретателю, пускает в ход любой кусок железа, обнаруженный им среди обломков прошлого.

Бальзак просил Зюльму Карро побыстрее прислать ему подробное описание

того перекрестка, где он хотел расположить типографию Сешара, и особняка, где он намеревался поселить Наис де Баржетон. “Если бы майор начертил для

меня приблизительный план, было бы еще лучше… Я по-прежнему борюсь, барахтаюсь из последних сил, как тонущий, который боится вот-вот

захлебнуться”. 10 июля ему пришлось возвратиться в Париж, чтобы

ликвидировать дела “Кроник де Пари”. Когда газета перестала выходить, у

Бальзака было 18217 франков долга, который он должен был погасить в

кратчайший срок; кроме того, он остался должен 24000 франков госпоже

Делануа и 5000 франков дядюшке Даблену. Он упал на землю с позлащенных

облаков своей фантазии, и падение было весьма болезненным; но зато из

своего одинокого полета он возвратился с первой частью самого прекрасного

из его романов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

В общем, в той игре, какую я веду, три человека играют огромную роль: Наполеон, Кювье, О’Коннель, а я стану четвертым. Первый жизнью своей перевернул Европу, он сросся с армиями! Второй своими трудами объял весь шар земной! Третий олицетворял собою народ. А мне придется нести в своих мыслях целое общество.

Бальзак

XXI. LA CONTESSA - ГРАФИНЯ

Великие страсти столь же редки, как шедевры искусства.

Бальзак

Бальзак по-прежнему уверял мистическую супругу - божественную Еву - в своей непоколебимой верности и беспорочном целомудрии; однако с некоторых пор он поддерживал самые интимные, и на первых порах весьма тайные, отношения с другой женщиной, которая вполне могла польстить его самолюбию и своей красотой, и знатностью, и положением в свете. Чтобы выяснить, когда началась эта связь, надо вспомнить о рекомендательном письме

когда началась эта связь, надо вспомнить о рекомендательном письме, полученном Бальзаком в феврале 1834 года в Женеве от графини Марии Потоцкой к жене австрийского посла. Осенью следующего года он встретил на одном из больших приемов в посольстве молодую женщину лет тридцати, восхитившую его нежным румянцем, пепельно-белокурыми волосами, стройным гибким станом и очами, достойными принцессы Востока. “Ее вызывающая улыбка сладострастной вакханки” привлекла внимание Бальзака. Он спросил, кто она, и узнал, что красавица замужем за графом Эмилио Гидобони-Висконти, принадлежащим к одному из самых знатных в Милане семейств, а девичье имя его прелестной жены, англичанки по происхождению, - Френсис Сара Лоуэлл.

Некий версальский судья, Виктор Ламбине, дал в своих мемуарах обильные, но самые ложные сведения об этой супружеской чете. Если верить ему, в семействе Лоуэлл сила очарования соединялась с ужасными припадками безумия и назойливыми мыслями о самоубийстве. Мать утопилась, не желая стареть, один из сыновей перерезал себе горло, второй повесился.

”Младшая дочь, Юлия, - сообщает Ламбине, - создание сумасбродное и восхитительное, страдала истерией, гонялась за молодыми цирюльниками, совращала актеров, все больше опускалась, как ее старший брат, и погрязла в пьянстве. Эротизм ее несколько уменьшился под влиянием “божественной

бутылки”, и она вышла замуж за старого прусского ученого, доктора

Бидермана, который женился только для того, чтобы ему было с кем чокаться

за столом…”

В действительности же Френсис Сара Лоуэлл (домашние звали ее Фанни) принадлежала к старинной семье небогатых помещиков Уилтшира - Лоуэллов из

Коул-Парка. Мать графини была дочерью архидиакона англиканской церкви и

внучкой епископа Батского. Благодаря такому происхождению Фанни Лоуэлл еще

до своего замужества была принята в Англии в самых замкнутых кругах

общества. Никто из ее четырех братьев не кончал самоубийством: один умер

от рака печени, другой - от сердечного приступа, третий - от пневмонии.

Самый младший брат, который, по словам Ламбине, сократил распутством дни

своей жизни, скончался только в 1906 году, прожив восемьдесят пять лет, и

умер от воспаления легких. Среди россказней Ламбине есть только одна

правда: мать действительно утопилась, но в возрасте семидесяти двух лет -

она наложила на себя руки в 1854 году, то есть через двадцать девять лет

после замужества Фанни. Следовательно, нечего задаваться вопросом, знал ли

граф Гидобони-Висконти, женясь на Фанни Лоуэлл, “эти ужасающие истории”

истории", -

ведь их на самом-то деле не было. Как и все мужчины, он был очарован

божественной красотой девушки и ее серебристым голоском, "словно созданным

для задушевных бесед".

Очень быстро после свадьбы открылось, что Contessa не в силах

"противиться веленьям чувств". Ее пылкий темперамент требовал любовников, а совесть прекрасно мирилась с таким поведением. Она взяла себе за образец

графиню Альбани и Терезу Гвиччиоли и восхваляла ту и другую за смелость их

связи с гениальными людьми: одна была возлюбленной Альфиери, другая -

Байрона. Граф Гидобони-Висконти оказался marito [супругом (ит.)] еще менее

суровым, чем граф Гвиччиоли. Бедняга был человеком незлобивым и

бесхарактерным, и у него имелось только два пристрастия: музыка (он любил

играть в театральном оркестре среди музыкантов-профессионалов) и

аптекарские занятия. Смешивать целебные вещества, наливать лекарства в

склянки, вытирать эти пузырьки, надевать на каждый бумажный колпачок, приклеивать этикетку доставляло ему наслаждение. "Он отличался кротостью, держался в тени, был переменчив в расположении духа, скучноват, придирчив, совсем не глуп и даже с хитрецой, к которой примешивалась, однако, грубоватая наивность", - пишет Аригон. Словом, он как будто создан был для

роли обманутого мужа, который все знает и терпит.

Осмелев от таких характеристик, Бальзак попросил представить его.

Contessa читала его романы и очень охотно пригласила писателя в свой дом.

Ее несколько огорчил экстравагантный наряд Бальзака: белый жилет с коралловыми пуговицами, зеленый фрак с золотыми пуговицами, перстни, унизывавшие пальцы. Вероятно, она сказала об этом своим друзьям, а те предупредили Бальзака, и при второй встрече костюм на нем был скромный, темных тонов. Впрочем, нелестное впечатление, которое он вначале производил на женщин, всегда менялось очень быстро. Подруга “белокурой красавицы” Софья Козловская в письме к отцу дала прекрасное объяснение этой связи.

”Ты спрашиваешь: “Что это еще за новая страсть у госпожи Висконти к господину де Бальзаку?” Да все дело в том, что госпожа Висконти полна ума, воображения, свежих и новых мыслей. Господину де Бальзаку, тоже человеку выдающемуся, нравится беседовать с госпожой Висконти, и так как он многое написал и продолжает писать, то нередко заимствует у нее какую-нибудь оригинальную мысль, которыми она богата, и их разговор всегда необыкновенно интересен и занимателен. Вот вам и объяснение страстного увлечения…

Господина де Бальзака нельзя назвать красавцем: он низенький, тучный,

коренастый, широкоплечий; у него крупная голова, нос мясистый, тупой на конце; рот очень красивый, но почти беззубый, волосы черные как смоль, жесткие и уже с проседью. Но карие его глаза горят огнем, выражают внутреннюю силу, и вы поневоле согласитесь, что редко можно встретить такое прекрасное лицо.

Он добрый, добрый до глупости - для тех, кто ему по душе, ужасен с теми, кого не любит, и безжалостен ко всему нелепому и смешному. Зачастую его насмешка убьет не сразу, зато уж всегда засядет у вас в уме и преследует ever after [с тех пор (англ.)], как призрак. Воля и мужество у него железные; ради друзей он забывает о себе самом, дружба его не знает пределов. В нем сочетаются величие и благородство льва с кротостью ребенка…

Вот вам беглый набросок характера господина де Бальзака; я очень его люблю, и он очень добр ко мне. Ему тридцать семь лет…”

Бальзак получил от супругов Гидобони-Висконти приглашение бывать у них; они жили в Париже на авеню Нейи (позднее переименованное в Елисейские поля); на лето они переезжали в Версаль и занимали там так называемый Итальянский павильон. У Бальзака и графини Висконти нашлись в этом городе общие знакомые, которые рассказали ему о похождениях госпожи Висконти и о

том, что самым последним ее поклонником состоял Лионель де Бонваль.

Граф Лионель де Бонваль (родившийся в 1802 году) был тоже женат на англичанке, Каролине-Эмме Голвэй. Впоследствии его родственники говорили, что он сохранял верность своей жене только после ее смерти. Он отличался тонким вкусом, коллекционировал старинную мебель, бронзу, фарфор. Приведем пример, свидетельствующий о его страсти к изящному: обедая у себя дома в одиночестве, он ел всегда на тарелках севрского фарфора, достойных фигурировать в коллекции любителя. Может быть, с него-то и списаны некоторые черты Сикста дю Шатле из “Утраченных иллюзий”.

Бальзак не устрашился соперничества и оказался прав, ибо узы, связывавшие его с прекрасной англичанкой, вскоре стали теснее. Пополам с супругами Висконти он абонировал ложу в Итальянской опере и бывал там три раза в неделю. Все его друзья заметили, как настойчиво он ухаживает за белокурой Фанни. Герцогиня д’Абрантес писала ему: “Сержусь на вас за то, что не пришли обедать… Ну-ка, сделайте над собой усилие, приходите, а потом можете лететь на здоровье к своим Итальянцам…”

Любил ли он графиню Висконти? Ему нравились чувственные женщины, а Фанни, дававшая волю своему темпераменту, подарила бы ему блаженство; он

искал дружбы с женщинами знатного рода, это тешило его гордость и честолюбие, а Фанни была замужем за человеком, принадлежащим к старинному роду Висконти (по крайней мере по матери); и, наконец, писателю нужна была близость с женщинами, которые могли что-то дать ему для его творчества. А госпожа Висконти обладала богатым воображением и так же, как и леди Эленборо, прекрасно “позировала” для образа леди Арабеллы Дэдли из романа “Лилия долины”.

Как же относилась к нему Contessa? Несомненно, она привязалась к своему “великому человеку”, долгое время поддерживала Бальзака в затруднительных обстоятельствах его жизни; ей нравились его веселость, энергия, его весьма непринужденные анекдоты и почти женская тонкость его ума, благодаря которой он был не только любовником, но и поверенным женщин. Сент-Бев писал:

”Господин де Бальзак хорошо знает женщин, знает тайны их чувств или чувственности; он без стеснения задает им в своих рассказах чересчур смелые вопросы, равносильные вольности в обращении. Он ведет себя как доктор, еще молодой, имеющий доступ в альковы своих пациенток и

доктор, еще молодой, имеющий доступ в альковы своих пациенток и получивший право полунамеками говорить о некоторых тайных подробностях их семейной жизни, что очень смущает и вместе с тем приводит в восторг самых целомудренных дам…”

А какое же место занимает в этой новой мизансцене госпожа Ганская, обожаемая Ева? Бальзаку нравилось вести сразу несколько интриг, разделенных непроницаемыми перегородками. Это расширяло горизонты романиста. Разве не имеет право создатель целого мира прожить несколько жизней? С самого начала его романа с Эвелиной Ганской третьим действующим лицом была в нем Мари дю Френэ (Мария), но Ганская об этом не знала. Возвратившись из Вены, он поостерегся в своих письмах к Чужестранке говорить о графине. “В моей жизни не только нет места для неверности, а, скажу даже, нет и помыслов о ней… Вот уже месяц я не бывал в Опере… А ведь у меня, кажется, абонирована ложа у Итальянцев… Парижанки до того страшат меня, что, спасаясь от них, я сижу за работой с шести часов утра до шести вечера”.

К несчастью, госпожа Ганская достаточно хорошо знала Бальзака и могла быть уверена, что в разлуке с нею он не будет вести целомудренный образ жизни. Но если она готова была терпеть некую Олимпию Пелисье или ничтожных

ничтожных мещаночек, то о своей славе она заботилась и пришла бы в ужас от связи Бальзака с какой-нибудь светской дамой, известной в кругу той космополитической аристократии, к которой принадлежала и она сама. Она знала, что своей новой любовнице высокого ранга Бальзак тоже стал бы писать прекрасные письма, которые облетели бы весь Париж, и что автор их, гордясь своей победой, сам раструбил бы о ней.

Бальзак - Ганской:

"Госпожа Висконти, о которой вы пишете мне, - милейшая и бесконечно добрая женщина, наделенная тонкой красотой, и весьма элегантная дама. Она очень помогает мне нести бремя жизни. Она добра и полна твердости и вместе с тем непоколебима в своих воззрениях, неумолима в своих антипатиях. На нее можно положиться. Она не из богатых, вернее сказать, ее личное состояние и состояние графа не соответствуют его прославленному имени, - ведь граф представитель старшей ветви узаконенных отпрысков последнего герцога Барнабо, после которого остались только побочные дети - одни узаконенные, другие нет. Дружба с госпожой Висконти утешает меня во многих горестях. Но, к сожалению, мы видимся очень редко. Вы и представить

себе

не можете, на какие лишения обрекает меня мой труд. Что возможно для

человека при такой занятой жизни, как у меня? Ведь я ложусь в шесть часов

вечера и встаю в полночь… Мне некогда выполнять светские обязанности. Я

вижу госпожу Висконти в две недели раз и, право, очень сожалею, что бываю

в ее обществе так редко, потому что только у нее и у моей сестры я

встречаю душевное сочувствие. Сестра моя сейчас в Париже, супруги Висконти

- в Версале, и я их почти не вижу. Разве можно это назвать жизнью? А вы

где-то в пустыне, на краю Европы, никаких других женщин на свете я не

знаю…

Вечно мечтать, вечно ждать, знать, что проходят лучшие дни жизни, видеть, как у тебя волосок за волоском вырывают золотое руно молодости, никого не сжимать в объятиях и слышать, как тебя обвиняют в донжуанстве!

Вот ведь какой толстый и пустой Дон Жуан!”

Contessa не спешила сдаваться. Лионель де Бонваль старался высмеять в

ее глазах Бальзака, его дурной вкус, волосы, спускавшиеся на шею, кричащие

жилеты, его положение “бумагомараки”. Графине импонировал престиж Бонваля, “великого знатока в искусстве светской жизни”. Некоторое время Бальзак мог

опасаться повторения неудачи, постигшей его с кокетливой маркизой де

Кастри. Тщетно надеялся он, что белокурая красавица навестит его на улице

Кассини. На улице Батай он возобновил приготовления. Главным образом ради

нее он заказал знаменитый белый диван, как в будуаре “Златоокой девушки”.

Кто же присядет на этот диван? Маркиза де Кастри или Contessa? Разумеется, Contessa.

Весна 1835 года ускорила счастливую развязку. И конечно, роман “Лилия

долины” обязан своим названием госпоже Гидобони-Висконти, по-английски

lily of the valley означает ландыш. Несомненно, ему доставляло

удовольствие рисовать на одном и том же полотне бок о бок два контрастных

женских образа: госпожу де Берни и новую свою страсть - госпожу де Морсоф

и леди Дэдли.

Обладание не убило любви, наоборот. Любитель и знаток женщин, Бальзак

был опьянен великолепным типом англосаксонской красавицы, который ему дано

было наблюдать.

”Английская женщина, - писал он в “Лилии долины”, - …это жалкое

создание, добродетельное по необходимости, но всегда готовое пасть, обреченное вечно скрывать ложь в своем сердце, но полное внешнего очарования, ибо англичане придают значение только внешности. Вот чем объясняется особая прелесть англичанок: восторженная нежность, в которой для них поневоле заключена вся жизнь, преувеличенные заботы о себе, утонченность их любви, так изящно изображенной в знаменитой сцене “Ромео и Джульетты”, где гений Шекспира в одном образе показал нам сущность английской женщины. Что мне сказать вам - ведь вы столько раз им завидовали, - чего бы вы не знали сами об этих бедных сиренах, поначалу таких загадочных, а потом таких понятных; они верят, что любовь питается только любовью, и вносят скуку в наслаждения, ибо никогда их не разнообразят; в душе у них всегда звучит одна струна, голос повторяет один и тот же напев, но, кто не плавал с ними по океану любви, никогда не познает всей поэзии чувств…”

А дальше сказано так:

”И наконец, задумывались ли вы когда-нибудь о сущности английских нравов? Разве мы не видим у англичан обожествления материи, ярко выраженного эпикурейства, которому они предаются обдуманно и искусно? Что

бы англичане ни говорили, что бы ни делали, Англия материалистична, быть

может, сама того не сознавая. Ее религиозные и моральные принципы лишены

божественной одухотворенности, католической восторженности, того глубокого

очарования, которого не может заменить лицемерие, какую бы личину оно ни

надевало. Англичане в совершенстве овладели искусством жить, наслаждаясь

каждой крупицей материального мира; вот почему их туфли - самые

восхитительные туфли на свете, их белье обладает непревзойденной

свежестью, их комоды благоухают особыми духами; в определенные часы они

пьют умело заваренный ароматный чай; в их домах нет ни пылинки, они

устилают полы коврами от нижней ступеньки лестницы до самого дальнего

уголка а доме, моют стены подвалов, натирают до блеска молотки у входных

дверей, смягчают рессоры в экипажах; они превращают материю в питательную

среду или пушистую оболочку, блестящую и чистую, в которой душа замирает

от наслаждения, но из-за этого их жизнь становится ужасно монотонной, ибо

такое безоблачное существование не ставит перед ними никаких препятствий, лишает их непосредственности восприятия и в конце концов превращает в

автоматы…”

В натуре графини Висконти было нечто от этой комфортабельной

материальности, но, несомненно, она могла похвастаться также незаурядным

умом и характером. В ней не было ни подозрительности, ни придирчивости, ни

настороженности Эвелины Ганской. Когда она подарила Бальзаку свою

благосклонность, то сделала это от всего сердца, открыто. Она не находила

нужным считаться с мнением света и поэтому смело показывалась с Бальзаком

в ложе Итальянской оперы, но она не стремилась безраздельно завладеть им, она понимала, что художнику необходима свобода, и тихонько подсмеивалась

над его приключениями.

Известно, что 16 июня 1835 года Бальзак отправился в Булонь-сюр-Мер; его отсутствие длилось шесть дней. 28 августа он снова завизировал свой

паспорт для поездки в Булонь и выехал туда 31 августа в наемной коляске, а

через неделю возвратил ее каретнику Панару. Булонь - порт, из которого

корабли отплывают в Англию. Несомненно, Бальзак провожал графиню Висконти, отправлявшуюся на родину, где она собиралась провести два месяца. Весьма

вероятно, что в августе он в новом порыве страсти ездил в Булонь встречать

ее. Ему по-прежнему нравилось давать своей возлюбленной имя, предназначенное для него одного, и тут он получил разрешение называть госпожу Гидобони-Висконти Сарой (вторым ее именем), а не Фанни, как звали ее все. В 1836 году она произвела на свет сына. И хотя никаких доказательств тому не имелось, говорили, что отцом его был Бальзак. Ребенка нарекли при крещении Лионелем-Ричардом. Если бы Бальзак мог быть уверен в столь славном отцовстве, он, надо полагать, трубил бы о нем. Но недаром же новорожденный получил имя Лионель - в честь Бонваля!

Однако Сара долго оставалась любовницей Бальзака и всегда была к нему щедрой и доброй. Когда “Кроник де Пари” обанкротилась и Бальзаку настоятельно требовалось бежать из Парижа, госпожа Висконти придумала combinazione [хитрость, комбинация (ит.)], позволявшую затравленному писателю удалиться с честью.

Эмилио Гидобони-Висконти потерял мать. Он не имел ни малейшего желания расстаться со своей аптечкой и своим оркестром для того, чтобы поехать в Турин хлопотать о получении своей доли наследства. А дело было довольно запутанное. Оставшись вдовой после первого мужа, Пьетро Гидобони, от которого у нее было двое детей, госпожа Гидобони вышла замуж за француза, Пьера-Антуана Константена, и в этом втором браке у нее родился сын, названный Лораном. Таким образом, интересы наследников

столкнулись.

Contessa решила, что Бальзак, в юности служивший клерком в конторе стряпчего, прекрасно может защитить права ее мужа. Надо немедленно снабдить Оноре доверенностью на ведение дела и послать его в Турин. Он человек в высшей степени сведущий, и кто же, как не он, способен добиться скорого и справедливого раздела наследства? Этот идеальный посредник получит комиссионные с той суммы наследства, которую ему удастся отстоять.

А в сущности, поручение было деликатным способом прийти на помощь Бальзаку.

Небезынтересно будет отметить, что во время своей связи с Сарой Висконти Бальзак поддерживал таинственную переписку с какой-то женщиной, которую никогда не видел и знал только ее имя - Луиза. Она писала ему, как и многие другие, на адрес его издателя. С того времени как он столкнулся с дьявольским коварством маркизы де Кастри, Бальзак не очень-то доверял незнакомкам.

”Моя детская доверчивость не раз подвергалась испытанию, а вы, должно быть, замечали, что у животных недоверие прямо пропорционально их слабости… Но все же я иной раз пишу - так бедняга солдат, нарушая приказ, не возвращается к сроку в казарму и на следующий день бывает за

это наказан… Знайте, что хорошего во мне еще больше, чем вы предполагаете, что я способен на беспредельную преданность, что я отличаюсь женской чувствительностью, а мужского во мне только энергия; но мои хорошие черты трудно заметить, ведь я всегда поглощен работой… Я полон эгоизма, к которому вынуждает меня обязательный труд; я каторжник, к ноге которого приковано пушечное ядро, а напильника у меня нет… Я заточен в стенах своего кабинета, словно корабль, затертый во льдах…”

Он не отталкивал протянутую ему руку, но для него было невозможно вырваться из своей тюрьмы. “Оставьте меня в моем монастыре, где я обречен вкатывать на гору тяжелый камень, и поверьте, что, будь я свободен, я действовал бы иначе”. Лишь один раз в жизни, говорил Бальзак, он встретил самоотверженную любовь, которая мирилась с его сизифовым трудом; эта ангельская душа в течение двенадцати лет посвящала ему по два часа в день, отнимая их от света, от семьи, от исполнения долга, ей хотелось ободрить его и помочь ему. А больше уж никто не дарил ему такой любви. Ему нравилось рисовать в своем воображении облик незнакомки, с которой он переписывался: наверно, она молода, хороша собою, умна, и все же он

предпочитает, чтобы эта нежная дружба оставалась тайной. Да и незнакомка сама уклонялась от встречи. В конце концов таинственная Луиза оказалась в выигрыше: она получала прелестнейшие в мире письма и ничего не дарила взамен, так как он от всего отказывался. Правда, такое благоразумие отчасти объяснялось той ролью, которую играла в его жизни Сара Гидобони-Висконти.

XXII. НЕОБЫЧНАЯ ЭСКАПАДА

Раз уж в этом мире больше невозможно

похищать инфант, приходится работать

или умирать от скуки.

Эжен Делакруа

Бальзак отправился в Турин 25 июля 1836 года. Деловая поездка сопровождалась романтической эскападой. Через Жюля Сандо Бальзак познакомился с хорошенькой женщиной тридцати трех лет, Каролиной Марбути из Лиможа, и согласился напечатать в “Кроник де Пари” за подписью К.Марсель автобиографическую новеллу этой дамы. Госпожа Марбути принадлежала к старинному протестантскому роду, ее дед с материнской

стороны, Жан-Эме де Лакост, был депутатом от Ла-Рошели в Законодательном собрании, а затем членом Совета старейшин. Отец Каролины, Франсуа Петиньо, советник лиможского суда, умер в 1825 году. Еще в юности эта романтическая, порывистая и честолюбивая девица доставила немало беспокойства своим почтенным родителям, Она заявляла, что питает ужас к провинциальной жизни и презирает буржуазные предрассудки. “Провинциал, - писала она в новелле, напечатанной в “Кроник де Пари”, - ничего в жизни не изведал, ничего не перечувствовал, кроме убытков или наживы, а потому его отношения с людьми сухи, однообразны и существование его лишено поэзии”.

Слушая такие речи, советник суда решил, что Каролину нужно срочно выдать замуж. В мужья выбран был Жак-Сильвестр Марбути, секретарь суда, неказистое и чахлое существо, зато сын королевского прокурора и владелец имения. В 1823 году, ко времени бракосочетания, жениху было тридцать два года, невесте - девятнадцать. В девичестве Каролина сочиняла стихи, а теперь, неудовлетворенная своим супружеством, принялась писать романы. Так как в Лиможе у нее был открытый дом, то скоро там составился и литературный салон. После вкусных обедов гости, скромные поклонники

хозяйки дома, обычно просили ее прочесть свои стихи. Поэтессу осыпали похвалами и прозвали ее Лиможской Музой. Во время этих литературных чтений, совсем не лестных для супруга, так как Лиможская Муза описывала в стихах свои томления и разочарования, он всегда выходил из гостиной.

Королевский прокурор и его супруга язвительно упрекали невестку за то, что она “принимает всякий сброд”, “слишком нарядно” одевается и разыгрывает из себя “выдающуюся женщину”. Хотя за госпожой Марбути многие ухаживали, она до двадцати восьми лет оставалась верна секретарю, суда, что казалось героическим подвигом. Но в 1831 году в городе появился Гийом Дюпюитрен. Этот знаменитый врач, главный хирург самой старой парижской больницы, член Академии, получивший от Людовика XVIII титул барона, был родом из Лимузена. Великие люди, если их снедает политическое честолюбие, стараются извлечь для себя выгоду из своих провинциальных связей. Барон Дюпюитрен выставил в департаменте Верхняя Вьенна свою кандидатуру на выборах в парламент и провел месяц в Лиможе, в доме Марбути. Миловидная Лиможская Муза предложила приезжей знаменитости перезнакомить его со всей местной знатью и была ослеплена его умом. Он советовал ей, какие книги читать, и, как она говорила, “угадывал ее самые сокровенные думы”.

Дюпюитрен пользовался большим успехом у женщин, он без труда одержал победу над Провинциальной Музой. Что касается выборов, то он и тут был вполне уверен в успехе, так как его конкурентом оказался какой-то незаметный сельский лекарь. “Он наивно полагался на свои достоинства и на свою известность… - пишет о нем Анри Мондор. - Но, как водится, гениальный человек потерпел поражение - его победил “свой парень”.

Уязвленный Дюпюитрен уехал и больше уже не возвращался в Лимож. Каролина помчалась в Париж, якобы желая показаться врачам, и заглянула в Ла-Рошель (в окрестностях которой у ее родителей было имение), желая встретиться там с господином Сандо. Несчастный Жюль Сандо, носивший на перевязи свое сердце, разбитое Жорж Санд, удостоился милостей Лиможской Музы. Пример Авроры Дюдеван кружил тогда головы всем провинциалкам из породы “синих чулок”, мечтавшим о славе и любви. Каролина Марбути, боясь, что ее талант покроется ржавчиной в Лиможе в постоянном общении с невеждой супругом, в конце концов получила от этого благодушного человека разрешение жить в Париже под благовидным предлогом обучения дочерей. Она рассчитывала возобновить роман с Дюпюитреном, но тот твердо решил не

превращать мимолетное приключение в длительную связь, стесняющую его свободу; он дал понять Каролине, что порядочный человек не должен компрометировать замужнюю женщину. Пресыщение и лукавство богаты добродетельными оправданиями. Кто мог теперь утешить Музу? Жюль Сандо? Не велика фигура! Каролина оставила его при себе в качестве друга, но решила повести охоту на более крупную дичь. Сент-Бев, критик, к которому прислушивались, мог ей пригодиться. Она пригласила его к себе. “Он был низенький, хилый, тощий, неловкий, - вспоминала она впоследствии. - Подслеповатость и крайняя робость придавали его походке какую-то странную неуверенность. Словом, сущая карикатура…”

Оставался Бальзак, друг женщин и последняя их надежда. Каролина Марбути слышала о нем еще в Лиможе от своей приятельницы Люсиль Ниве (урожденной Туранжен), сестры Зюльмы Карро; его книги Каролина читала с восхищением. Она написала ему несколько писем, но не осмелилась послать их, а в 1833 году даже отправила ему послание, которое, однако, не дошло до него. Но после того как Сандо поселился у Бальзака, встретиться с великим человеком уже не представляло труда. Госпожа Марбути была приглашена к обеду на

улицу Кассини, а затем попала в число сотрудников “Кроник де Пари”. Она была болтлива, откровенна, вся как на ладони, и ее признания, которые она щедро расточала, забавляли Бальзака, интересовавшегося психологией провинциалов. Уезжая в Турень, он предложил госпоже Марбути взять ее с собой и обещал показать ей старинные замки на Луаре; она отказалась.

Бальзак - Эмилю Реньо, Саше, 27 июня 1836 года: “Настоящим сообщаю вам, старый воробей, что сотня франков или пятьдесят экю были бы весьма полезны вашему покорнейшему слуге, сидящему на мели, так как, закончив “Музей древностей”, а возможно, и завершив “Се человек”, я очень хотел бы насладиться путешествием и по дороге осмотреть Шенонсо и Шамбор… Как поживает Жюль? Не забывайте также о Бетюне и Левеле. Вы можете даже полюбоваться нежным пушком, который я заметил на свежих щечках прекрасной госпожи Марбути, при желании эта прелестная дама могла бы осмотреть вместе со мной замки Турени, и, право, ей не пришлось бы сожалеть, что она дала согласие на такое прекрасное путешествие”.

Через месяц ему представился превосходный предлог для эскапады в обществе Каролины: поездка в Турин в связи с хлопотами по делу о наследстве, доставшемся Гидобони-Висконти. На этот раз Лиможская Муза

согласилась. В ее распоряжении было пятьсот франков для участия в расходах. Во избежание скандала она должна была переодеться в мужское платье и выдавать себя за секретаря или пажа Бальзака.

Пример подобного переодевания опять-таки подала Жорж Санд. Каролина Марбути, очарованная владелицей Ноанского замка, решила во всем подражать ей. Портному Бюиссону, который шил на Бальзака в долг, заказали необходимое дорожное платье и для Каролины. В день отъезда она явилась на улицу Кассини с баулом, в котором лежало только одно женское платье и белье на неделю. Во дворе уже стояла карета, запряженная почтовыми лошадьми. Сандо и Бальзак ждали госпожу Марбути. Она поднялась наверх переодеться, а когда спустилась в мужском сюртуке, с решительным видом поигрывая хлыстом, оба нашли ее очаровательной. Жюль Сандо смотрел, как она уезжает с Бальзаком, и испытывал некоторое чувство ревности. Такова уж была его участь: завидовать чужому счастью, ибо природа создала его неудачником.

Каролина Марбути - госпоже Петиньо де Лакост, Турин, 2 августа 1836 года:

”Дата и место отправления моего письма, конечно, удивят тебя, дорогая матушка. Ты ведь и не подозреваешь, что я в Италии, в двухстах лье от моего обиталища. Сейчас я все объясню, но только тебе одной. Лишь ты одна будешь посвящена в тайну моего путешествия, и я рассчитываю, что ты не выдашь меня…

Итак, приступаю к рассказу. Через Жюля я, а также Нана [Анна де Массак (псевдоним Сидонии Гас) - близкий друг Каролины Марбути и Жюля Сандо; она вместе с ними жила в Ла-Рошели (прим.авт.)] получили приглашение Бальзака пообедать у него. Я замыслила так, что в тот день, когда мы встретимся с ним, я должна его обольстить. Вся моя воля была напряжена, и мне это удалось - я его магнетизировала.

Несколько дней спустя он (Бальзак) навестил меня; он собрался поехать в Турень, а по возвращении - в Италию… В Турени он жалел, что меня с ним нет, и, вернувшись в Париж, предложил мне поехать с ним в Турин, оттуда в Геную, а может быть, и во Флоренцию. Я долго колебалась, но уступила. Какое прекрасное путешествие! Выехать из Парижа в почтовой карете и через пять дней оказаться в Турине, перебравшись через Альпы в Мон-Сени и

спустившись к монастырю Гранд-Шартрез! Я думала о тебе. Ты ведь тоже совершила такое путешествие. Мне вспомнились твои рассказы о нем. И я поняла, какие восторженные впечатления оно оставило у тебя.

Я одна с Бальзаком, без слуги. Мне пришлось одеться мужчиной, и мужской костюм, который, кстати сказать, мне к лицу, восхищает меня. В нем никто меня не узнает, в нем чувствуешь себя бесконечно свободно и можешь позволять себе очаровательные вольности, которые нам, женщинам, в новинку. Все это мне, оригиналке, по душе. В Турине я слыву секретарем Бальзака. Он очень меня любит и окружает заботами. Но, к сожалению, я больна. Никогда счастье не бывало у меня полным. Мои печальные недомогания возвратились, да еще и усилились. Я их скрываю как могу, но в дороге они очень меня беспокоили. Уже месяц я страдала от них в Париже, и лишь свойственная мне храбрость побудила меня пренебречь этим противным состоянием, хотя от утомительной дороги все могло осложниться. Этого не случилось, мне даже стало немного лучше.

Как и все выдающиеся люди, Бальзак очень занят своими идеями и не отличается любезностью. Но у него столько внутренней силы, такой могучий ум, столько превосходства во всем его существе, что он мне нравится

ум, столько превосходства во всем его существе, что он мне нравится. Наружность у него нехороша, лицо красиво своей одухотворенностью, но очень странное.

Живем мы по-княжески. Бальзак рекомендован депешами из посольства, благодаря чему он завязал отношения с самым лучшим обществом. Сегодня он обедает у одного сенатора; к десяти часам я должна приехать за ним в коляске, это в двух лье от Турина, и я уже заранее радуюсь поездке в открытом экипаже прекрасным летним вечером. Впрочем, коляска всегда в моем распоряжении.

У меня великолепные комнаты, и уход за мной превосходный. Все это тем более замечательно, что у Бальзака нет ни гроша, что он весь в долгах и только ценою невероятного труда поддерживает свое положение на грани роскоши и финансового краха, ежедневно угрожающего ему.

Он находит, что у меня “много способностей”, как он говорит, и хочет попробовать привлечь меня к работе, которая может дать двадцать тысяч франков доходу. Но следует тебя предупредить, что он вообще полон всяких проектов и с ним нельзя строить расчеты на будущее! Я и рассчитываю очень мало. Он предполагает писать вместе со мной пьесы для театра…”

После смерти Бальзака госпожа Марбути сочинила рассказ об этом путешествии, заявив, что повествование это ей “продиктовано духом” умершего. В ее заметках есть некоторые дополнительные подробности. Оказывается, например, что в монастыре Гранд-Шартрез, куда они ездили на мулах, монахов не обмануло переодевание Каролины, и они впустили только одного Бальзака. Немного дальше ее взгляд привлек ручей. “Ах, как бы хорошо было в нем искупаться!” - воскликнула ока. И вот какими словами она в своем сочинении заставляет “тень Бальзака” рассказать эту сцену:

“Выбрали самое удобное место. Вас сняли с мула, и вы пробрались через кустарник к ручью, позлащенному длинными лучами солнца, проникавшего меж древесных стволов… Я мог наконец помочь вам позабавиться купаньем и сам принять в нем участие. Mia cara [моя милая (ит.)], вы отказывались войти в воду, пока я не удалюсь; а вы были так утомлены, купанье могло освежить вас: седло вашего мула дорогой причиняло вам страдания, как вы сказали. Но если б я не поклялся отойти подальше, вы отказались бы от купанья, столь вам необходимого… Воля ваша была непоколебима. Мне пришлось уступить. Не стану говорить здесь, как я не хотел расставаться с вами и какие дивные

мечты навевало мне воображение в минуты моего отсутствия! Я, по-видимому, напугал вас. Вы сняли только брюки и присели в быстро текущей воде, под защитой сюртука, оберегавшего вас от всех взглядов… вы оставались в воде лишь несколько мгновений. Я обещал отойти далеко, но как сдержать это обещание? Я поискал (и нашел) окольную тропку. Надеясь застигнуть вас врасплох, я потихоньку свернул на нее. Но вы опасались моего непослушания, лишь раза два вы погрузились в воду, и, когда я предстал перед вами, вы были уже одеты. Я опоздал”.

В Турине, прекрасном городе с величественными улицами, странная пара остановилась в гостинице “Европа”. Им отвели лучшее помещение. “Секретарь Марсель” занимала парадную спальню, где, к удивлению Каролины Марбути, кровать, отличавшаяся королевской роскошью, возвышалась на подмостках. Более скромная спальня Бальзака сообщалась с этим покоем, но интимных посещений меж соседями не было, и Каролина так объясняла это матери: “Я оговорила себе право на свободу. Нас должна связывать только простая и чистая дружба. Остальное будет зависеть от прихоти, если мне вздумается. Я почитаю себя счастливой, что сумела внушить любовь такого рода, которая редко встречается вообще, а тем более в наше время. Лишь художники

могут

понять ее; а кроме них, никто во всей нации и не подозревает, что она

возможна. Достаточно ли свободы у женщины, наделенной художественной

натурой, для того, чтобы искать и встретить такую любовь?

Во мне нет восторженности. Мои взгляды на любовь очень изменились с тех

пор, как я узнала действительность, а также характер, потребности и натуру

выдающихся людей. Любовь вызываешь только в том случае, когда умеешь

подавлять свои чувства и сохранять ясность ума. Как раз это и произошло со

мною в нынешних обстоятельствах. Но буду ли я всегда достаточно владеть

собой? Вот вопрос.

У Бальзака добрая душа, ровный характер и порядочность, присущая

выдающимся людям, но он больше занят будущим и больше поглощен

честолюбием, чем любовью и женщинами. Любовь для него - физическая

потребность. А вне этого вся его жизнь в труде. Всегда ли мне будут

приятны такие условия? А главное - удовлетворят ли они мою жажду любви?

Боюсь, что нет. Но такова жизнь, и надо принимать ее такою, какая она

есть…”

Через шесть лет после этой эскапады, когда Бальзак напечатал в 1842 году “Гренадьеру”, он посвятил этот рассказ Каролине. Поэзии путешествия признательный путешественник. Госпоже Ганской он писал: “Поэзия путешествия была только поэзией, и ничем иным. Я вам простодушно расскажу все, что было, а когда вы приедете в Париж, покажу вам ее - в наказанье. Право, никогда меня не привлекали женщины, подобные госпоже Ламартин, при виде которых приходят на память стихи из старой комедии:

Ах, кавалер, будь плут я продувной,

Коль этот длинный нос не сизо-голубой.

Этими стихами я насмешил всю гостиную, когда у меня спросили мое мнение.

Кстати сказать, cara diva [божественная (ит.)], это близкая подруга госпожи Карро. С тех пор я не видел ее. Должен признать, что у нее прелестный ум”.

Чужестранке редко сообщалась правда, но Бальзак и Каролина, каждый в своем кругу, весьма решительно утверждали, что за время их путешествия, длившегося двадцать шесть дней, они не стали любовниками. Быть может, эта “сципионова воздержанность”, как говорит Бальзак, объяснялась

"Сципионова воздержанность", как говорит Бальзак, объяснялась недомоганием мнимого Марселя. Как бы то ни было, они остались приятелями и весело вспоминали о своей поездке.

”Помните наши очаровательные завтраки в нижней столовой, где огромные, широко открытые окна выходили на балкон, уставленный цветами?.. Яркое солнце Италии играло на наших приборах, на прекрасно сервированном столе. Все кушанья уже были приготовлены и поданы заранее, для того чтобы слуги не мешали нам. Превосходная рыба, смоквы, итальянское белое винцо, такое легкое, приятное, великолепные фрукты…”

Бальзак действительно жил на широкую ногу в роскошной гостинице и пользовался вниманием высшего пьемонтского общества. Он заранее принял меры к тому, чтобы с ним обращались как с важной особой, привез рекомендательные письма от графа Аппоньи, австрийского посла в Париже, и от маркиза Бриньоля, посланника Сардинии. В Турине граф Федерико Склопи ди Салерано, весьма образованный человек, почувствовал к нему большую симпатию и через свою мать ввел его в самые приятные салоны. Таким

симпатию и через свою мать ввел его в самые приятные салоны. Таким образом Бальзак познакомился с маркизой Сен-Тома, со знаменитым аббатом Гадзера, известным археологом [аббат Константино Гадзера (1779-1859) - библиограф, археолог и литературный критик (прим.авт.)]; с маркизой Бароль, урожденной Кольбер, которая дала приют Сильвио Пеллико, когда он вышел из казематов Шпильберга; познакомился он также с графиней Сансеверино, урожденной Порчиа, - словом, с очень многими образованными, весьма изысканными и приятными людьми. Бальзак попросил графиню Сансеверино сообщить ему несколько итальянских бранных слов XVI века для его рассказа “Тайна Руджери”.

Что касается Каролины, то, вопреки опровержениям Бальзака, Турин принял ее за Жорж Санд, и она пользовалась почетом. В прощальном письме графа Склопи Бальзаку говорится о ней: “Прошу вас, не позабудьте, пожалуйста, передать от меня привет вашему прелестному спутнику. Мужской пол не посмел бы строго потребовать его в свой стан, боясь потерять его в другом лагере”.

Бальзак ответил:

”Что касается моего спутника, то он посылает вам тысячу поклонов… Эта

прелестная, умная и добродетельная женщина… воспользовалась возможностью удрать на двадцать дней от домашних неприятностей и положилась на меня, веря, что я нерушимо буду хранить ее тайну… Она знает, что я люблю другую, и видит в этом чувстве самую верную гарантию…”

Однажды вечером Марсель-Каролина сбросила свой сюртук и появилась у маркизы Сен-Тома “в восхитительном женском наряде, простом, элегантном и вполне парижском”. Она имела полный успех. “Все на ней было изящно, вплоть до маленькой шляпки “бебе”, которую тогда носили”. Серьезный и благочестивый Сильвио Пеллико провел весь вечер подле Каролины.

Однако Бальзак не терял из виду цели этой поездки, то есть наследства графа Гидобони-Висконти, который финансировал столь приятное путешествие. Склопи свел его со стряпчим Луиджи Колла, ученым-юристом и большим любителем ботаники. “У него был сад в Риволи, где он выращивал редкие растения, посвящая садоводству каждое мгновение, которое мог похитить у суровых обязанностей судейского чиновника”, - писал Анри Приор. Колла пригласил Бальзака посмотреть его теплицы. Госпожа Марбути, одетая в мужской костюм, сопровождала писателя. Исследователи справедливо

полагают, что это посещение использовано Бальзаком для одной из сцен “Музея

древностей”, в которой герцогиня де Мофриньез в костюме “светского льва”, с хлыстом в руке, прогуливается со старым судьей Блонде “среди милых его

сердцу цветов, кактусов и пеларгоний”. В нужную минуту романисту

вспомнилась картина, которую ему понадобилось нарисовать.

Луиджи Колла и его сын Арнольдо, тоже стряпчий, приложили немало

усилий, чтобы претензии Гидобони-Висконти восторжествовали. Дело оказалось

сложным, у графа был единоутробный брат (Лоран Константен) и

несовершеннолетний племянник, родившийся от брака его покойной сестры

Массимиллы с бароном Франческо Гальванья. Бальзак еще долго вел переписку

с отцом и сыном Колла, которые усердно боролись с медлительностью

пьемонтского судопроизводства. Чета Гидобони-Висконти выбрала деятельного

посредника. Бальзак с удовольствием продлил бы свое пребывание в

прелестном городе Турине, но все же Склопи получил от него рассудительную

и грустную записку: “Двадцать дней - срок волшебства хрустальной туфельки

Золушки - истекли. Марселю пора снова надеть диадему женщины и расстаться

с хлыстом студента…” Возвратившись в Париж через озеро Лаго-Маджоре

и

Женеву, он в письме поблагодарил своих итальянских друзей.

Бальзак - графу Склопи де Салерано, 1 сентября 1836 года: “Дорогой граф, мы с Марселем совершили очень утомительное путешествие, ведь нам так много надо было посмотреть: озеро Лаго-Маджоре, озеро Орта, Симплонский перевал, Сьонскую долину, Женевское озеро, Веве, Лозанну, Вальселину, Бурк и его прекрасную церковь; у нас просто времени не хватало, и мы лишали себя сна. Мы тщетно искали вас в Женеве. Бродили для этого в обычных местах прогулок. “Нигде нет Склопи!” - восклицал Марсель…

Я опять зажил жизнью литературного каторжника. Встаю в полночь, ложусь в шесть часов вечера. Восемнадцать часов работы, но даже этого мало для моих Обязательств. Контраст между таким прилежанием и рассеянной жизнью, которой я позволил себе жить двадцать шесть дней, производят на меня странное действие. В иные часы кажется, что все это мне приснилось. И думается: да уж существует ли на свете Турин, а потом вспомню, как вы радушно принимали меня, и говорю себе: нет, то вовсе не был сон.

Умоляю вас во имя начавшейся нашей дружбы, которая, надеюсь, в дальнейшем возрастет, понаблюдать за procillon [маленьким процессом (ит.)] и за нашим славным адвокатом Колла, которому прошу передать привет не столько от его клиента, сколько от почитателя его прекрасных и

столько от его клиента, сколько от почитателя его прекрасных и благородных

качеств. Пусть он прислушивается левым ухом [Луиджи Колла был глух на

правое ухо (прим.авт.)] к тому, что говорят интересы супругов

Гидобони-Висконти.

Если будете писать мне, вложите” письмо в двойной конверт, адресуйте

письмо вдове Дюран, Париж, Шайо, улица Батай, 13. Это мой уединенный и

тайный уголок - национальная гвардия (в мое отсутствие они приговорили

меня к десятидневному тюремному заключению), да и никто другой не знает, что я там нахожусь, и не докучает мне. Ах, как бы я хотел через полгода

снова спуститься по перевалу Мон-Сени! Но надо произвести на свет много

томов пагубных сочинений, мучительных фраз… Addio [прощайте (ит.)]”.

Интерлюдия была короткой, но дала радостное отдохновение. Луч солнца

меж двумя бурями…

Версия, придуманная для госпожи Ганской, получила слащавый привкус.

”Я воспользовался предложением поехать в Турин, так как хотел оказать

услугу человеку, с которым абонирую ложу в Итальянской опере, - некоему

господину Висконти. У него судебный процесс в Турине, а поехать туда сам он не мог… Возвращался я через Симплонский перевал, попутчицей моей была приятельница госпожи Карро и Жюля Сандо. Вы, конечно, догадываетесь, что я жил (в Турине) на пьяцца Кастелло, в вашем отеле, и что в Женеве… я вновь увидел Пре-Левек и дом Мирабо… Только вы и воспоминания о вас могут утешить мое скорбящее сердце…”

Эскапада превратилась в паломничество.

XXIII. СМЕРТЬ ГОСПОЖИ ДЕ БЕРНИ

Ни одна женщина, поверьте мне, не
пожелает соседствовать в вашем сердце
с умершей, чей образ вы там храните.
Бальзак

Возвратившись в Париж, он узнал печальную новость: 27 июля 1836 года умерла госпожа де Берни. Александр де Берни написал Бальзаку: “Шлю скорбное известие, дорогой Оноре: после десятидневных, очень острых

нервных болей, приступов удушья и водянки матушка скончалась сегодня в девять часов утра…” Но если мы даже знаем, что дорогие нам люди обречены и конец их близок, мы всегда надеемся, что они проживут столько же, сколько и мы. Бальзак привык к тревоге, которую давно уже вызывала серьезная болезнь госпожи де Берни. Теперь, в час печали, он упрекал себя за то, что не был возле нее. Но когда она потеряла своего сына Армана, умершего 25 ноября 1835 года в Булоньере, она запретила Бальзаку появляться там. Он послал ей самый первый экземпляр “Лилии долины”, отпечатанный для нее. В рукописи она уже читала роман. Она изведала последнюю радость в жизни, перечитывая строки, которыми он воздал ей высокую честь.

”Она стала для меня не только возлюбленной, но и великой любовью… Она стала для меня тем, чем была Беатриче для флорентийского поэта и безупречная Лаура для поэта венецианского, - матерью великих мыслей, скрытой причиной спасительных поступков, опорой в жизни, светом, что сияет в темноте, как белая лилия среди темной листвы… Она наделила меня стойкостью доблестного Колиньи, научив побеждать победителей, подниматься после поражения и брать измором самых выносливых противников… Большинство моих идей исходят от нее, так исходят от цветов волны

благоухания…”

Она узнавала себя в каждом мелком штрихе этой книги. “Назидательное письмо” содержало самую суть тех правил, которые она долго пыталась внушить ему: “Все прекрасно, все возвышенно в вас, дерзайте же… Я… хочу, чтобы вы стали простым и мягким в обращении, гордым без надменности, а главное - скромным…”

Лора де Берни, приговоренная докторами и знавшая это, однако несколько раз подтверждала Бальзаку, что она запрещает ему приезжать в Булоньер. Она хотела, чтобы он видел ее только красивой и здоровой. Она притворно выказывала безмятежное душевное спокойствие, которое обманывало Бальзака, и он не думал о надвигавшейся опасности. Как раз в это время у него было по горло всяких хлопот: ликвидация “Кроник де Пари”, переговоры с вдовой Беше, подготовка к путешествию в Италию. Он думал, что еще успеет побывать в Булоньере.

А между тем Лора хотела призвать его в последний свой час. Она держала роман “Лилия долины” у себя в постели и перечитывала сцену смерти госпожи де Морсоф. Ее Феликс де Ванденес приедет к ней, он тоже облегчит своей любимой тяжкий путь к могиле… В романе Анриетта де Морсоф умирала

любимой тяжкий путь к могиле… В романе Анриетта де Морсоф умирала, сожалея о радостях жизни, которые она отвергла; Лора де Берни не жалела о тех радостях, которые она дарила и получала. Она открыла, полюбила и сформировала гениального писателя. И она гордилась этим. Почувствовав, что конец близок, она попросила своего сына Александра предупредить Оноре и привезти его в Немур. Поездка Александра заняла двое суток. Лежа в своей спальне, откуда она видела только деревья и небо, она потребовала зеркало и убрала свои волосы. Она знала, что очень изменилась, но вспомнила, как Бальзак рисовал волнующее, трогательное очарование умирающей женщины.

Врачу она сказала: “Я хочу дожить до завтра”. Но на следующий день Александр возвратился один. Он не мог найти Бальзака. Где же он? Скрывается в одном из своих тайных убежищ? Нет, уехал в Италию. Лора де Берни чувствовала, что силы ее иссякли и она не доживет до его возвращения. Все кончено, больше она не увидит своего Оноре; теперь можно умереть. Она велела позвать аббата Грасе, приходского священника из Гретца, и вечером он причастил ее.

Своему сыну Александру она сказала: “Найди в моем секретере сверток, несколько раз перехваченный грубой шерстяной ниткой. В нем письма Оноре. Сожги их…” Сын обещал сделать это, и на следующее утро, лишь только

Сожги их…" Сын обещал сделать это, и на следующее утро, лишь только госпожа де Берни скончалась, он бросил в огонь любовную переписку, длившуюся пятнадцать лет. Можно себе представить, как должен был сожалеть Бальзак, что таким образом исчезли лучшие свидетельства его творческих усилий в годы юности. Он писал Луизе, своей таинственной корреспондентке: "Женщина, которую я потерял, была для меня больше, чем матерью, больше, чем подругой, больше всего, чем один человек может быть для другого. Во время сильных бурь она поддерживала меня словом и делом и своей преданностью. Если я живу, то благодаря ей; она была всем для меня. Хотя уже два года как болезнь и время разлучили нас, мы и на расстоянии видели друг друга, и она воздействовала на меня: она была моим нравственным светочем. Образ госпожи де Морсоф в "Лилии долины" - лишь бледное отражение самых малых достоинств этой женщины и лишь отдаленно напоминает ее, ведь для меня ужасно осквернять свои волнения, выставляя их перед публикой; никогда не будет известно то, что происходило со мной. И вот среди новых бедствий, обрушившихся на меня, пришла еще и смерть этой женщины…"

А на него действительно напали новые беды. Во-первых, семейные горести: сын Лорансы, Альфред де Монзэгль, явился к ним голодный, без башмаков, без одежды; госпожа Бальзак, отдавшая остатки своего состояния Анри,

возопила: “Оноре, сын мой, хлеба!” Сюрвили боролись против чиновников, как Бальзак

против газет, в штыки встретивших “Лилию”. Несчастной Лоре, “своей милой

еретичке”, мать давала советы искать утешения в религии.

Госпожа Бальзак - Лоре Сюрвиль, 3 мая 1836 года: “Да, верующие люди счастливее и лучше неверующих, следовательно, религия, раз она приводит к такому результату, необходима и является

благом… Большое число и разнообразие религий доказывает, что у людей

всегда была потребность иметь религию… Да, ангел мой, ты вступила в

такую полосу своей жизни, когда моральная поддержка необходима… Да, да, любимая моя, ты знаешь молитвы, но ты не ведаешь счастья молиться… Душа

твоя еще не удостоилась благодати… Телесное спокойствие и чувство

благополучия, которые ты испытываешь, когда я магнетизирую тебя, могут

дать тебе лишь слабое представление о силе молитвы…”

Казалось бы, сравнивать гипнотические пассы с благодатью совсем не

благочестиво. Но госпожа Бальзак делала это с самыми благими намерениями.

При всей своей бедности она все еще стремилась побаловать дочку: “Как

только Оноре вручит тебе пятьсот франков (для меня), будь добра, уговори

одну хорошенькую даму, которую я люблю больше жизни, взять из этой суммы

сто франков и доставить мне удовольствие, купив себе в подарок от меня восемь метров кружев. Я этого хочу, это мать тебе приказывает…” Она говорила, что ненавидит всех противников сооружения каналов и, не будь она христианкой, свернула бы им шею.

А Бальзак заклинал госпожу Ганскую занять теперь место его умершей советчицы Лоры де Берни, которая проявляла столько мудрости и столько любви к своему Оноре.

”Ее наследницей я делаю вас, вас, в которой так много благородства, вас, которая могла бы написать письмо, оставленное госпожой де Морсоф, да что говорить о нем - ведь это лишь несовершенное отображение постоянного влияния моей умершей вдохновительницы, а ее дело вы могли бы довершить.

Только прошу вас, cara, не увеличивайте моих горестей постыдными сомнениями; поверьте, что человеку, обремененному тяжкими заботами, нетрудно снести клевету, и теперь мне надо на все махнуть рукою - пусть говорят обо мне что угодно. А из ваших последних писем видно, что вы поверили таким вещам, которые несовместимы со мной, а ведь, казалось бы, вы должны меня знать”.

И он добавлял: “Не думаю, что я совершил кощунство, запечатав свое письмо к вам той печатью, которой пользовался в своей переписке с

госпожои

де Берни”. Быть может, это не было кощунством, но, несомненно, оказалось

ошибкой. Недоверчивая Эвелина не могла взять на себя ту роль, которую

играла великодушная Dilecta. Гораздо больше способна была на это Зюльма

Карро. Она горячо сочувствовала утрате Бальзака.

Госпожа Карро - Бальзаку, 7 октября 1836 года: “Я понимаю, какая глубокая рана в вашей душе, и вместе с вами оплакиваю

ангельское создание, самых больших страданий которого вы и не ведали.

Оноре, оказала ли ее смерть влияние на вас, на ваш образ жизни? У меня нет

ее прав говорить с вами так, как говорила она, но нет у меня и ее

стыдливой щепетильности, так часто заставлявшей ее молчать. Несмотря на

вашу просьбу не касаться таких предметов, я все же спрошу вас; разве в тот

день, когда судьба нанесла вам столь жестокий удар, вы не поняли, что в

жизни есть нечто более важное, чем перочинный нож ценою в восемьсот

франков или трость, обладающая лишь тем достоинством, что она привлекает к

вам взгляды прохожих? Подумаешь, какая слава для автора “Евгении Гранде”!”

Стоическая обитательница Фрапеля журила своего друга Бальзака. До какого ослепления довели его эти облака фимиама, эти светские дамы, эти изысканные денди! Он жалуется, что совсем разорен? А разве не он сам в этом виноват? За восемь лет не раз бывало, что он зарабатывал целое состояние, но долгов у него сейчас больше, чем в начале его писательского пути. Зачем мыслителю проживать такие большие деньги? Зачем ему гоняться за материальными удовольствиями? Разве можно по-настоящему творить, когда тебе приставили нож к горлу? “Оноре, какую жизнь вы испортили, какому таланту не дали развиться!”

Что касается испорченной жизни, она была права, но о таланте думала неверно. “Когда же, dearest [дорогой (англ.)], я увижу, что вы трудитесь ради самого труда?.. Вы написали бы тогда такие прекрасные, такие замечательные вещи!” Да ведь он и писал их! Несмотря на помехи, бури и излишества, творческий гений не покидал его. Недаром же он сообщал Ганской 1 октября 1836 года: “Для того чтобы вы знали, до каких пределов доходит мое мужество, я должен открыть вам, что “Тайна Руджери” была написана за одну ночь. Подумайте об этом, когда будете читать рассказ. “Старая дева” написана за три ночи. “Разбитая жемчужина”, которой завершилась наконец повесть “Проклятое дитя”, написана за одну ночь. Это мои битвы при

повесть "Проклятое дитя", написана за одну ночь. Это мои битвы при Бриенне, Шампобере, Монмиреле, это моя Французская кампания”.

”Старая дева”, предназначенная для газеты “Ла Пресс”, должна была скрепить одно довольно прохладное примирение. Жирарден писал Бальзаку 1 октября 1836 года: “Вы же знаете, дорогой Бальзак, что наш разрыв ни на минуту не поколебал давней дружбы, которую мы питали друг к другу… Я искренне привязан к вам и, мне кажется, доказал свою привязанность; а если я в чем-нибудь неправ перед вами, я охотно готов признать это…” Тут сквозит благоразумие редактора газеты, не желающего лишиться сотрудничества автора, который имеет успех, а ведь как раз в это время газета “Ла Пресс” первая решила печатать у себя романы. Журналы уже давно публиковали романы по частям, но теперь пометкой “продолжение следует” задумали привлечь читателей и ежедневные органы печати, чтобы увеличить таким образом число своих подписчиков. Мысль эта принадлежала Жирардену. Бальзак был ему нужен как автор, любимый публикой, автор плодовитый.

Замысел романа зародился у Бальзака уже давно. Писатель, как зоолог, заинтересовался “особым видом животного мира - старой девой”. Ему представлялось, что они, старые девы, мучительно переносят безбрачие, потому что женщины, нарушившие нормальное призвание своего пола, чувствуют

чувствуют себя обездоленными. Лучшие из них заглушают благотворительностью свои подавленные желания и сокровенные сожаления. Другие же становятся злыми, как Софи Гамар в “Турском священнике”. Роза Кормон, богатая обывательница Алансона, жестоко страдала от своего “затянувшегося девичества”. В сорок два года она мечтала о браке, о детях, и по утрам горничная удивлялась, что постель ее хозяйки “вся сбита, перевернута”.

Роман откровенно физиологичен. Старая дева, томимая смятением чувств, колеблется в выборе между двумя претендентами на ее руку, которых привлекают ее богатство и пышный бюст. Один из женихов, шевалье де Валуа, престарелый дворянин и большой распутник, еще не прочь пошалить с хорошенькой прачкой Сюзанной; отличительная черта его внешности - огромный нос; достаточно было бы Лафатеру взглянуть на этот нос, чтобы признать в его обладателе склонность к любострастию. Второй претендент, дю Букье, бывший поставщик провианта для наполеоновской армии, в молодости “злоупотреблявший наслаждениями”, облысел и истрепался. Бедняжку Розу Кормон, ничего не понимавшую в таких делах, обманули широкие плечи и накладной хохол господина дю Букье. Сгорая на огне желаний и надежд, она вышла за него замуж, и ее постигло разочарование. А ведь она пренебрегла третьим поклонником, Атаназом Грансоном, молодым человеком двадцати трех

трех лет, непонятым талантом, искренне влюбленным в Розу Кормон, очарованным ее мощными прелестями. Атаназ Грансон - это Бальзак до встречи с госпожой де Берни, но Роза Кормон не пожелала играть роль вдохновительницы Грансона. Он покончил с собой - утопился в реке, орошающей Алансон. Госпожа дю Букье, святая женщина, “осталась глупа до последнего своего вздоха”.

Бальзак писал “Старую деву” в тяжелых условиях. В сердце у него не стихала скорбь о Лоре де Берни; вдова Беше яростно преследовала его за долги; в работе у него было несколько вещей одновременно: “Тайна Руджери”, фрагмент книги “О Екатерине Медичи” и повесть “Проклятое дитя” - трагическая история юноши, которого ненавидел родной отец, считая его приблудным ребенком своей жены (для этого рассказа Бальзак использовал некоторые собственные наброски). Однако Жирарден не давал ему покоя. Начало “Старой девы” было напечатано в “Ла Пресс”, когда конца романа не было еще и вчерне. Целомудренные подписчики жаловались в редакцию газеты, протестуя против слишком смелого проникновения Бальзака в область физиологии. Огромная грудь Розы Кормон их шокировала. Даже Лора Сюрвиль, казалось, была смущена. Ганская ничего не говорила и отказывалась заменить госпожу де Берни в роли литературной совести Бальзака. Критики насмехались

над его верой в теорию Лафатера и над притязаниями этой “науки” разгадывать сердце человеческое и пылкий темперамент по внешним признакам.

Другие газеты, которым романы, печатавшиеся Жирарденом в виде “фельетонов с продолжением”, грозили убытками, так как отнимали у них подписчиков, набросились на автора. Сам Бальзак был уверен, что он написал хорошую книгу, дал яркую, правдивую картину провинциального общества, оригинальные живые образы Розы Кормон и ее поклонников. Но в этой своей Французской кампании, в которой им было проявлено столько таланта, он оказался один, без союзников.

Зато какие блестящие арьергардные бои он вел на улице Батай, заново отделывая свою квартиру! Как будто не желая упускать случая поупражняться в мотовстве, он приказал изящно декорировать мансарду, чтобы там получилась комната “беленькая и кокетливая, как шестнадцатилетняя гризетка”; убранство же рабочего кабинета выполнено было в черных и красных тонах, и для этой комнаты он заказал “круговой диван” с двенадцатью белыми подушками. В том году Антуан Фонтана встретил его в мастерской художника Луи Буланже - Бальзак позировал в белой сутане, скрестив руки на груди, и оживленно разговаривал. В дневнике Фонтана имеются следующие заметки:

”Описание его белых сутан. Дома он не носит другого костюма, с тех пор как побывал в монастыре Шартрез. Он отдает сутану в стирку только один раз. Он никогда не сажает на них чернильных пятен. Вообще он очень опрятен в работе. Надо, кстати, посмотреть, как гармонируют эти сутаны с обстановкой его дома, там есть и розовые тона. Образцами кистей для гардин ему послужили церковные украшения. Церковь все делает на совесть. Он заказал себе свой знаменитый белый диван в ожидании визита некоей дамы из высшего света, и, уж понятно, ему нужен был красивый диван - дама привыкла к изяществу. И когда она очутилась на диване, то не выразила неудовольствия…”

Действительно, “дама” - Сара Гидобони-Висконти - не выразила недовольства и часто приезжала в Шайо посидеть на пресловутом диване. Для госпожи Ганской, которой ее зловредная и хорошо осведомленная тетушка сообщала об этой неверности Бальзака, он заказал (за счет господина Ганского) копию со своего портрета кисти Буланже, так как монашеское целомудрие созданного художником образа казалось ему успокоительным

целомудрие созданного художником образа казалось ему успокоительным. “Я

очень доволен, что Буланже удалось передать основную черту моего характера

- настойчивость в духе Колиньи и Петра Великого, смелую веру в будущее…”

Он не только хранил веру в будущее, но и не терял своей склонности

радоваться настоящему. Владелице Верховни он драматически описывал свою

жизнь: свора кредиторов и свора журналистов преследуют его, угрожающе

оскалив клыки, он полон скорби душевной, он изнурен. Все это было, увы, правдой. Однако рядом с этим пассивом нужно поместить в графе “актив”

неизменную жизнеспособность Бальзака: он проигрывает ставку за ставкой, но

инстинкт подсказывает ему, что все утрясется. Разве жизнь его не роман?

Значит, он выправит его в корректуре. В тот самый день, когда ему пришлось

занять на еду у доктора Наккара и у старика рабочего, “более доверчивого, чем светские люди”, он покупает себе в долг новую трость за шестьсот

франков. Чем больше его прижимают к стене, тем больше он покупает, желая

создать иллюзию своего могущества. А впрочем, была ли это иллюзия? Бальзак

знал, что, как Вотрен, он найдет в себе силы бросить обществу вызов - и

победить.

В начале 1837 года финансовое положение Бальзака кажется

катастрофическим. Он должен на 53000 франков больше, чем в 1836 году, - это отчасти объясняется крахом “Кроник де Пари”. Впрочем, долги никогда его не пугали. Куда более опасным казалось его положение со стороны юридической. Он, человек, столь сведущий в судебной казуистике, допустил неосторожность - дал Даккету в уплату за его пай в “Кроник де Пари” векселя Верде. Однако Даккет, безжалостный делец, знал, что Верде обанкротился; он мог взыскать долг только с Бальзака, а так как Бальзак числился некогда “коммерсантом” (в те времена, когда был хозяином типографии и словолитни), то Даккет имел право потребовать, чтобы его, как несостоятельного должника, арестовали и посадили в долговую тюрьму. Таков был тогда закон. Бальзак видит опасность, но что ему делать? У него нет необходимой суммы, чтобы расквитаться с Даккетом. А кроме того, он болен: в городе холера и грипп. Несмотря на лихорадку, он заканчивает и правит первую часть “Утраченных иллюзий”. Это еще только прелюдия к большому роману, однако Бальзак должен немедленно ее опубликовать - ему нужны деньги. Но какое это имеет значение? Он-то уже видит свою мозаику завершенной. Не беда, что несчастья и бедность заставляют его слишком рано положить краеугольный камень. В тот день, когда он снимет леса и откроет

все свое творение целиком, обнаружится великолепное здание, кладка которого поражает единством рисунка.

А пока что приходилось скрываться от судебных исполнителей, преследующих его по иску Уильяма Даккета. По требованию безжалостного кредитора уже описаны знаменитое тильбюри и подушки с цветочным узором. Самого Бальзака приставу не удается захватить. Где он? На улице Батай? Швейцар не знает господина Бальзака, квартиру снимает не он, а почтенная вдова, госпожа Дюран, но ее сейчас нет дома. Судебный пристав ломится в дверь, швейцар грозит притянуть его к суду за насильственное вторжение в чужое жилище, приставу приходится отступить, и тогда швейцар дает ему адрес: улица Прованс, дом 22. Оказалось, что Бальзак снял в этом доме комнату с мебелью, но не живет там. Пристав делает вывод: “Все с очевидностью доказывает, что господин Бальзак стремится избежать преследований своих кредиторов… и для того снимает квартиры на чужие фамилии”. Это несомненно, и господин Бальзак с чистой совестью оправдывает свое поведение. Разве не потому у него долги, что он хотел спасти нуждающихся людей? Разве он не помог когда-то бедному фактору типографии, а после него - слабохарактерному Жюлю Сандо, и вот совсем недавно - этому жалкому Верде? Разве он виноват, что постоянно наталкивался на тупиц и

бездарностей? Бальзак забывает о своих нелепых тратах: тут и белый будуар, и трости, инкрустированные драгоценными камнями, и ливрея для кучера. Он искренне верит, что разорился на типографском деле, потому что хотел помочь фактору Барбье. Декламируя в свою защиту перед зеркалом, Бальзак видит в нем отражение ни в чем не повинного человека, которого эксплуатировали неблагодарные люди.

Эта охота с гончими, в которой Бальзак оказался дичью, изнурила его. Он чувствует, что у него “нет ни мыслей, ни сил, в душе тоска”, он не может работать. Куда бежать от своры лающих псов? Приходит мысль попросить паспорт в Россию и поискать у Ганских “убежища на два года, бросив свою репутацию на растерзание глупцам и врагам”. И вновь на помощь пришло благодетельное вмешательство супругов Гидобони-Висконти. Их претензии по наследству все еще разбирались в Италии, но теперь уже в Милане. Получив от Висконти доверенность на ведение дела, Бальзак спешно выехал, на этот раз один. Его доверители оплачивали ему дорогу, а в случае успеха он должен был получить некоторую часть выигранной в суде суммы.

По одну сторону Альп он - преследуемый должник, а по другую - триумфатор. В Милане его встретили как литературного льва. Правда, женщины, обожавшие писателя, но никогда его не видевшие, были несколько

удивлены, что у него красное лицо, “бычья шея, повязанная какой-то скрученной ленточкой, изображавшей галстук, густая шевелюра, осененная широкополой фетровой шляпой”, но его “взгляд укротителя хищных зверей” производил обычное свое впечатление. Бальзаку предшествовала легенда о нем. В миланских гостиных только и было разговоров, что о его необыкновенных тростях, о его белой сутане, о его желтых перчатках, а главное - о его романах. Италия умеет чтить художников. Вся итальянская аристократия приветствовала Бальзака.

Он прибыл 19 февраля 1837 года и остановился в гостинице “Прекрасная Венеция”. Графиня Сансеверино рекомендовала его своему брату Альфонсо Порчиа и своей приятельнице Кларе Маффеи, а княгиня Бельджойозо - своим родственникам Тривульдзо, Литта и Аркинто, семейство Аппоньи - австрийским властям, и таким образом он тотчас получил столько приглашений, что не все мог принять. Графиня Клара Маффеи, совсем еще молодая и очень образованная женщина, собирала у себя и светских людей, и людей искусства и науки; Бальзаку доставляло удовольствие осматривать дворцы и музеи в обществе изящной, тоненькой, миниатюрной и грациозной cara contessina [милой графинечки (ит.)]. Он не мог видеть хорошенькой и приветливой женщины, чтобы не попытать счастья, и стал таким частым гостем у

“маленькой

Маффеи”, что ее супруг прочел ей нотацию, хотя сам жил по-холостяцки.

”Все глаза устремлены на этого знаменитого иностранца; всем известно, что он проводит в нашем доме целые часы и утром, и вечером… Ты читала

его романы и должна понять, как хорошо он знает женщин и тонкое искусство

обольщать их… Добавь к этому, что в Париже он вел весьма рассеянную

жизнь и был известен как распутник и безнравственный человек. Не думай, что его безобразное лицо может послужить тебе ко спасению, ты слишком

неопытна… Вспомни, моя крошка Клер, что ты кумир всего Милана…”

На самом же деле ничего серьезного между ними не было, этот легкий

флирт скрасил жизнь писателю в Милане.

Кроме Клары Маффеи, любимцами Бальзака в Милане были князь Порчиа и его

возлюбленная графиня Болоньини. Почти супружеская нежная привязанность

этих любовников трогала Бальзака. “Ах, если бы мне выпало счастье быть

настолько любимым женщиной, чтобы она согласна была жить со мной!” - писал

он в поучение Евы Ганской. Князь Порчиа старался сделать для него приятным

пребывание в Милане, предоставил в его распоряжение свою коляску и ложу в

Ла Скала. Стендаль описывал, каким раем был тогда этот театр. Все знатные семьи имели там абонемент, и на спектаклях зрители наносили друг другу визиты, переходя из ложи в ложу. Естественность, добродушие, короче говоря, искусство быть счастливым, придавали удивительную прелесть миланской жизни. Можно себе представить, как наслаждался Бальзак этой жизнерадостностью после парижского злопыхательства.

Пресса приняла его превосходно: “Видели вы северное сияние? А господина Бальзака вы видели?” Вот два вопроса, которые неизбежно задает вам всякий в эти дни. Но северное сияние почти уже позабыто, а имя господина Бальзака у всех еще на устах…” Хвалили его остроумие, живость в разговоре и даже его скромность! Был только один неприятный случай: какой-то вор, притворяясь, что обнимает Бальзака, украл у него часы с репетицией и золотой ключик, которым они заводились. Но друзья Бальзака энергично повели кампанию в защиту его интересов, злоумышленник был схвачен в тот же вечер, и Бальзаку возвратили его прекрасные часы. Миланский ваятель Алессандро Puттинати в знак приязни к нему сделал статуэтку - скульптурный портрет писателя. Все хорошенькие женщины приносили ему свои альбомы, и он великодушно писал в них. Кларе Маффеи он начертал: “В двадцать три

года

все будущее впереди!” Его повели к великому Мандзони. Свидание вышло неудачным: Бальзак не читал “Обрученных” и говорил с их автором о криминологии. Гении рождаются под одним и тем же знаком Зодиака, а посему не привлекают друг друга.

Что касается судебного процесса Гидобони-Висконти, то тут перспективы были не блестящие. После госпожи Константен осталось три наследника: сын ее от первого брака - граф Эмилио Гидобони-Висконти, друг Бальзака; внук ее Гальванья (мать которого умерла раньше бабушки) и Лоран Константен - сын покойной от второго брака. В завещании она разделила половину своего состояния между тремя наследниками; а вторую половину завещала целиком своему последышу и любимцу - Лорану. Спорная часть наследства была невелика - 73760 миланских ливров. Бальзак, достойный ученик нотариуса Гийоне-Мервиля, доказывал в суде, что, став по второму браку французской подданной, госпожа Константен должна была уважать французские законы о правах наследования и, значит, ее завещание недействительно. В конце

концов он добился мировой сделки и отвоевал 12000 ливров, каковую

концов он добился мировой сделки и отвоевал 13000 ливров, каковую сумму

надлежало разделить между графом Эмилио и несовершеннолетним Гальванья. Да

еще надо было вычесть из нее 4000 ливров на оплату путевых издержек

Бальзака и на гонорар стряпчему.

Для того чтобы соглашение утвердили, нужно было получить согласие

барона Гальванья, зятя госпожи Константен и отца несовершеннолетнего

наследника. Он - жил в Венеции. Бальзак рассудил, что путем переписки дела

никогда не закончить, и сам отправился в город дожей. Он приехал туда в

унылый, дождливый день и остановился в гостинице “Альберто Реале” (в наши

дни она называется “Отель Даньели”), где в роскошную обстановку номеров

входило даже фортепиано. Бальзак занимал, не зная этого, те самые

апартаменты, в которых в 1834 году жили Жорж Санд и Мюссе. Бальзак писал

Кларе Маффеи: “Если позволите мне говорить искренне… признаюсь вам без

фатовства и пренебрежения, что Венеция не произвела на меня такого

впечатления, какого я ожидал”. Художники-жанристы, добавлял он, столько

раз преподносили нам и la Piazza [площадь (ит.); так называют в Венеции

площадь Святого Марка] и la Piazzetta [примыкающая к ней небольшая

площадь], изображенные в настоящем или выдуманном свете, “что подлинная их картина меня не взволновала и мое воображение можно было уподобить кокетке, которая устала от всевозможных видов головной любви и, когда сталкивается с настоящей любовью - той, что обращается к голове, к сердцу и к чувствам, - причудницу нисколько не затрагивает эта святая любовь…”.

Он пишет также (ибо и в венецианском путешествии он занят был ухаживанием за contessina Маффеи): “Я отдал бы всю Венецию за один славный вечерок, даже за один час, за четверть часа удовольствия посидеть у вашего камелька… Я видел здесь целую уйму contessina Маффеи в виде великого множества статуэток… но не всякой статуэточной красавице удается походить на Клару Маффеи, и, только когда мраморная головка мне очень понравится, я “маффеизирую” ее…” Он и в самом деле разыгрывал страсть к piccola [маленькой (ит.)] Маффеи, но ведь разыгрывать страсть - это значит и немного чувствовать ее, не правда ли? Говоря о таком чудесном изобретении, как венецианская гондола, он добавляет: “Но, признаться, я в отчаянии, что не могу прокатиться в гондоле с дамой моего сердца…” А дамой его сердца была тогда не версальская Contessa, а миланская Contessina. Luomo e mobile [мужчина изменчив (ит.)].

Два дня спустя засверкало солнце, и Венеция наконец привела Бальзака в восхищение. Однако тут его встретили далеко не так тепло, как в Милане. Газеты отзывались о нем иронически, почти враждебно, потому что он не счел нужным поухаживать за мелкими литераторами, и граф Туллио Дандоло послал в “Gazzetta di Venezia” неприличную статейку об одном обеде с Бальзаком. Зато возложенное на Бальзака поручение было выполнено с успехом. Барон Гальванья дал согласие на полюбовную сделку, и Бальзак выплатил ему долю его сына - 4500 ливров. На следующий день он выехал в Милан.

Представления Бальзака об Италии и об итальянцах очень изменились за время его второго путешествия в эту страну. Прежде он изображал итальянок женщинами легкомысленными. После 1837 года он будет видеть в них образец верности, если не супружеской, то по крайней мере верности в любви. Его друзья - красавицы Клара Маффеи и Евгения Болоньини - вызывали у него чувство восторга и уважения. “Француженка невероятно серьезно относится к вопросам приличия, а итальянка мало о них заботится, не защищается ни малейшей чопорностью, так как знает, что находится под покровительством

единой своей любви, священной как для нее, так и для других…” В этом Бальзак согласен со своим другом Бейлем.

Он рассчитывал вернуться во Францию через Геную. Но в Генуе он неожиданно попал в карантин, и ему пришлось выдерживать срок в ужасном помещении, которое “не годилось бы даже быть тюрьмой для разбойников”. Там Бальзак встретился с генуэзским коммерсантом Пецци, который рассказал ему о деле, сулящем сказочное богатство: древние римляне, разрабатывавшие серебряные рудники в Сардинии, оставили в отвалах целые горы породы, которую они при тогдашнем уровне техники не могли использовать. В выброшенной среброносной свинцовой руде дремали миллионы. Бальзака привела в восхищение мысль об этой исторической и романтической спекуляции, и он решил в самое ближайшее время пробудить спящие миллионы. Путешествие освежило его душу и дало отдых мозгу. Теперь его уже тянуло к перу и чернильнице. Пробыв некоторое время во Флоренции, где он упивался живописью, он вернулся на почтовых в Милан, затем в двадцатипятиградусный мороз перебрался через перевал Сен-Готард, где снег лежал сугробами в пятнадцать футов высотой. “Хотя у нас было одиннадцать проводников, я не раз подвергался смертельной опасности и едва не погиб”. Надо, конечно

раз подвергался смертельной опасности и едва не погиб”. Надо, конечно, учитывать склонность Бальзака к преувеличениям, а может быть, это была просто “страшная сказка”, предназначенная для Евы Ганской…

Бальзак - госпоже Ганской. 10 мая 1837 года: “Вот я и вернулся к своим трудам. Одно за другим опубликую теперь “Цезаря Бирото”, “Выдающуюся женщину” и “Гамбара”, закончу “Утраченные иллюзии”, потом “Всесильный банк” и “Художников”. А затем полечу на Украину, где мне, может быть, улыбнется счастье написать пьесу, которая положит конец плачевному положению моих финансов. Таков мой боевой план, cara contessina”.

Он и в самом деле задумал написать пьесу, и, казалось, пьесу многообещающую. Действие этой пьесы, которую он хотел назвать “Старшая продавщица”, должно было происходить в предместье Сен-Дени, в лавке такого же типа, как “Дом кошки, играющей в мяч”. “Старшая продавщица”, своего рода Тартюф в юбке, становится любовницей хозяина, царит в доме своего любовника, преследует его жену и дочерей. Сюжет был выбран удачно, тем более что, как говорил Бальзак, Тартюф женского рода куда более опасен, чем мужчина, ибо располагает более действенными способами утверждения

своей власти. Героем второй задуманной пьесы должен был стать господин

Прюдом - образ, целиком и без стеснения заимствованный у Анри Монье, Жозеф

Прюдом, олицетворение луи-филипповской буржуазии, национальных гвардейцев, среднего класса, казался Бальзаку еще более комичным, чем Фигаро и

Тюркаре. Пьесе он хотел дать название “Замужество девицы Прюдом”. Интрига

была задумана искусно, оставалось только выполнить замысел. Но в глубине

души Бальзак предпочитал романы. Он обращался к театру лишь в надежде

(которая всегда бывала обманута) поправить свои денежные дела. Однако в

мае 1837 года у него еще было немного денег - маленький гонорар, выплаченный ему из наследства Гидобони-Висконти. Не могло быть и речи о

том, чтобы умиротворить кредиторов с помощью этой суммы. Ведь деньги, уплаченные заимодавцам, потеряны для радостей жизни. Но несчастная мать

Бальзака поистине патетически вопияла о своей нужде. Надо признать, что он

уже два года очень мало заботился о ней. На улице Батай его ждало письмо

от нее, адресованное на имя вдовы Дюран.

Госпожа Бальзак - Оноре, Шантильи, апрель 1837 года: “Затянулось твое путешествие в Италию, милый мой Оноре, а я уже так

давно не видела тебя и не получала от тебя весточки. Не могу привыкнуть к

таким порядкам.

Вопреки своему обещанию ты не пишешь мне уже более двух лет, и только

по газетам, которые приносят мне знакомые дамы в Шантильи, я узнаю, где ты

и что делаешь. Если не жаловаться, ты сочтешь меня бесчувственной, а

жаловаться - пожалуй, буду тебе докучать. Ох, как печально, сын мой, стать

ненужной или не очень-то любимой…

Милый сын, раз ты мог тратиться на каких-то приятелей вроде Жюля Сандо, на любовниц, на оправы для тростей, на перстни, на столовое серебро, на

мебель, то твоя мать может со спокойной совестью потребовать, чтобы ты

исполнил свое обещание. Она ждала до последней крайности, но вот крайность

эта пришла…”

Богатство - последний оплот нелюбимых стариков. Эта фиктивная сила

заменяет им все, что они потеряли. “О Боже мой, почему ты не дал мне

богатства!” - наивно жалуется матушка Бальзака. У нее больше ничего нет, она уже не обладает умением пугать своих детей пристальным взглядом, она

едва сохранила способность растрогать их. Сюрвили помогали ей сколько

могли, но они сами нуждались. Генерал Померель и его супруга не раз

проявляли щедрость к Сюрвилю, строителю каналов, финансируя его проекты.

Они беспокоились, потом стали возмущаться, видя, что работы все не начинаются. “Самое печальное то, что даже перспектива денежной выгоды никого не привлекает”, - наивно писала Лора. Такого же мнения держался и генерал Померель. Пытаясь задобрить его, Лора бралась покупать в Париже для генеральши баронессы Померель “платья, шали, ткани, ночные чепчики, кружевные наколки, которых не найдешь в магазинах Фужера”.

Лора стойко переносила превратности судьбы и радовалась, что ее муж “нисколько не утратил бодрости…”. И все же ее мучили заботы. Две дочери… их надо вырастить, воспитать… Денег нет… Мать разорена… Брат - расточитель… В 1836 году Лора заболела от тоски и печали. Анри причинял своим родным столько неприятностей, что они поручили Оноре избавить их от него, убедив младшего брата возвратиться на остров, куда он наконец и отправился в декабре 1836 года. Но из Пембефа, где Анри ждал прибытия корабля, он написал, что ему нечем заплатить за номер в гостинице: “Помоги мне, добрая моя сестричка!” А “добрая сестричка” сама бедствовала и нуждалась в помощи. Сюрвиль старел, от забот его голова поседела. “Он все в хлопотах, все бегает, пишет, ночами не спит… “Как я благодарен господину Померелю и его супруге за их доверие”, - все твердит

твердит

он”. Доверие, однако, сильно поколебалось. Баронесса Померель даже стала сомневаться в таланте Оноре Бальзака. Тогда семейные чувства взяли верх надо всем, и Лора вступилась за своего брата: “Оноре намерен нарисовать полную картину нашего времени… Судить о его творении в целом мы сможем, лишь когда оно будет завершено…” В этой мужественной отповеди выражена верная мысль. И все-таки с марта 1837 года госпожа де Померель перестала отвечать на письма Лоры. Нужно обладать душевным величием, чтобы сохранить дружбу к тем, кто нанес ущерб нашим материальным интересам.

Лору связывала с братом нежная и неизменная дружба - их великое утешение. В сентябре 1836 года Лора в день своих именин решила доставить себе удовольствие навестить брата.

”Дела ее мужа идут неважно, - писал Бальзак Ганской, - да и жизнь у Лоры не ладится, вяло течет где-то в сумраке, и прекрасные силы этой женщины иссякнут в никому не ведомой, бесславной борьбе. Какой алмаз пропадает в житейской грязи!.. В день ее именин мы вместе поплакали. Да еще бедняжка держала в руке часы - она могла побыть у меня лишь двадцать минут. Муж ревнует ее ко мне. Подумайте! Прибежала навестить брата тайком!

Точно на любовное свидание!”

Ждать помощи от Сюрвилей матери уже не приходилось, они сами сидели на

мели. На ее сетования сын отвечал так:

”Дорогая матушка, я как на поле битвы, сражение идет ожесточенное. Не

могу ответить тебе подробным письмом, но я хорошо взвесил и обдумал, как

нам лучше поступить. Полагаю, что тебе надо прежде всего приехать в Париж, потолковать со мной часок и мы договоримся. Мне гораздо легче беседовать

устно, чем писать, и думается, все может устроиться так, как того требует

твое положение. Приезжай, куда тебе захочется, на улицу Батай или на улицу

Кассини, и там и тут тебя ждет комната сына, у которого сейчас от каждого

слова твоего письма все переворачивается внутри. Приезжай как можно

скорее. Прижимаю тебя к сердцу. Хотел бы я сейчас быть на год старше, тогда тебе не пришлось бы беспокоиться за меня: ты бы увидела, что передо

мной самое надежное будущее…”

Письмо было сердечное и полное доброты, но, как сказал бы сам Бальзак, от него не прибавлялось “наличных” у старухи, сидевшей без хлеба и без

огня.

XXIV. СИЗИФОВ ТРУД

И настал час, когда Сизиф уже не мог
больше ни плакать, ни улыбаться, ибо
натура его уподобилась тем каменным
глыбам, которые он вечно перетаскивал.
Бальзак

Возвращение из Италии после трех месяцев dolce vita [сладостной жизни (ит.)] было ужасным. В отсутствие Бальзака на улице Батай накопилась груда неоплаченных счетов. А он в 1837 году был беднее, чем в 1828-м; несмотря на то, что он трудился девять лет и достиг известности, у него было долгов на 162000 франков, и он не мог рассчитывать на поступление денег в ближайшее время, так как романы, за которые уже заранее был выплачен гонорар, только еще зарождались в его воображении. И вдобавок он натолкнулся на свирепого кредитора в лице Даккета, желавшего во что бы то ни стало добиться его ареста. Неужели же писатель, который был триумфатором в Милане и в Венеции, гостем итальянских князей, закончит

свою жизнь в долговой тюрьме: “Оставьте, оставьте эту бездну скорбей! Ведь я же говорил вам, не подступайте к ней близко! - писал он таинственной Луизе. - Принимать во мне участие - это значит страдать”.

Прежде всего нужно было ускользнуть от судебных приставов. Они уже знали о двух его квартирах. Где укрыться? Во Фрапеле, у преданной ему Зюльмы Карро? Там его тотчас обнаружат. Ах, если бы его бывший секретарь из “Кроник де Пари”, де Беллуа, мог обеспечить ему “комнату, тайну, хлеб и воду”! Беллуа подсказал ему сюжет для рассказа “Гамбара”, но комнаты не мог предоставить. Оставалось прибегнуть к неизменным друзьям - Гидобони-Висконти. Contessa великодушно приютила Бальзака в своих апартаментах - она жила тогда на Елисейских Полях, в доме номер 52. Поступок героический: они с мужем “совсем обнищали”, кроме того, она бросала вызов общественному мнению и рисковала очень многим. Она не побоялась этого. “Как и многие англичанки, она любила все блестящее и экстравагантное. Ей хотелось перцу, остроты в сердечных утехах, вроде того как многие англичане добавляют в пищу жгучие приправы, чтобы подстегнуть свой аппетит…” [Бальзак, “Лилия долины”]. Все романтическое, трудное, эксцентричное страстно увлекало Сару Лоуэлл. Бальзак тайком поселился в ее

доме и тотчас принялся за работу.

Одной из самых удивительных черт бальзаковского творчества надо считать то, что, работая под гнетом неотложной необходимости, он никогда не забывал о своей основной задаче и уверенно воздвигал колоссальный монумент, стройный, соразмерный во всех своих частях. В 1837 году он должен был, согласно договору, написать несколько рассказов, чтобы дополнить “Философские этюды”, закончить роман “Выдающаяся женщина”, который ждала газета “Ла Пресс”, и дать Альфонсу Карру, новому издателю “Фигаро”, роман “Цезарь Бирото”. И как не восхищаться, что, работая “на хозяев” как батрак, он создавал одну за другой чудесные книги.

Из своих путешествий по Италии Бальзак привез образы и сюжеты для новых рассказов. Больше чем когда-либо его преследовала мысль, что слишком страстная любовь художника к искусству может убить его произведение. Когда музыкант пытается воспроизвести ангельскую музыку, люди перестают понимать его. Бальзак и сам изведал такую опасность и такую неудачу, создав “Серафиту” - неудачу благородную. Он уже пробовал в “Неведомом шедевре” изобразить слишком большого художника Френхофера, который в жажде совершенства губит свое творение, ибо отходит от природы. Но в первом варианте этого рассказа недоставало теории художественного творчества

варианте этого рассказа недоставало теории художественного творчества, которую мог бы создать себе художник. Теофиль Готье поделился с Бальзаком своим опытом художника-любителя и критика-искусствоведа, и это помогло Бальзаку превратить рассказ в философский этюд.

В повести “Гамбара” он берет тот же сюжет. Героем ее является гениальный музыкант, гениальный, но непонятный, потому что понять его невозможно. Огюст де Беллуа сделал набросок этого рассказа. Морис Шлезингер напечатал его в “своей музыкальной газете. Бальзак совершенно переделал рассказ и с помощью немецкого композитора Якова Штрунца добавил к нему два пространных анализа опер “Магомет” и “Роберт-дьявол”. Бальзак говорил себе, что он полнейший невежда в музыкальной технике.

”Музыкальная партитура мне неизменно представляется колдовской тарабарщиной, оркестр всегда кажется каким-то нелепым, странным скопищем уродливых деревянных инструментов, более или менее изогнутых труб, более или менее молодых физиономий оркестрантов с пудреными волосами или подстриженных в кружок, над лицами возвышаются грифы контрабасов, или их перечеркивают очки, или же физиономии приникают к медным спиралям и

кольцам, а то наклоняются над бочками, которые почему-то именуются барабанами; на всем этом сборище играют отблески света, отраженного рефлекторами, все оно усеяно нотными тетрадями, производит более или менее в лад какие-то странные движения, сморкается, кашляет”.

На самом-то деле Бальзак знал толк во всех искусствах, он восхищал самое Жорж Санд, когда высказывал свои взгляды на музыку. Яков Штрунц взял на себя техническую сторону в рассказе “Гамбара”, но оказался слишком многоречив.

Только Бальзак мог сделать приемлемыми для читателя эти длинные технические отступления: “Квартет гурий (ля мажор)… Модуляции (фа диез минор). Тема начинается на доминанте “ми”, затем повторяется в ля мажоре” - и так далее, на протяжении десяти страниц. Вписать в свой рассказ эти термины не представляло большого труда для автора. У всякого другого они были бы просто невыносимы, но в потоке захватывающего бальзаковского драматизма проходили незаметно.

В рассказе “Массимилла Дони”, опубликованном в 1839 году (написанном, однако, в 1837 году), Бальзак применил эти идеи и к любви, и к музыке.

Избыток страсти убивает искусство, так же как он убивает иногда мужскую

силу. Мужчина может “спасовать” перед обожаемой женщиной и проявить себя

темпераментным любовником с куртизанкой, которую он не любит; так и

прекрасный тенор может самым жалким образом сорваться в ту минуту, когда

он испытывает возвышенное музыкальное волнение.

”Если художник, на свою беду, полон страсти, которую хочет выразить, ему не удастся передать ее, ибо он сам воплощение страсти, а не образ ее.

Искусство идет от ума, а не от сердца. Если сюжет произведения властвует

над вами, вы становитесь его рабом, а не господином. Вы тогда подобны

королю, замок которого осажден народом. Чересчур сильно чувствовать в ту

минуту, когда надо осуществлять замысел, - это равносильно мятежу чувств

против дарования…”

Словом, воображение истощает силы человека, и он уже не способен

действовать. Мысль не только убивает, она лишает мужественности.

Этот рассказ Бальзака, один из самых лучших и самых “смелых”, развертывается в двух планах. Эмилио, князь Варезский, безумно влюбленный

в Массимиллу Дони, герцогиню Катанео, знает, что его ждет неизбежное

фиаско, если он попытается овладеть ею; Дженовезе, первый тенор оперы, великолепно поет, когда на сцене нет его партнерши Клары Тинти (которую он

любит, тогда как она любит Эмилио); но возле Клары он ревет, как осел.

Один французский врач подсказывает спасительный выход. Массимилла Дони, чистая и непорочная красавица, для спасения Эмилио должна сыграть

неприглядную роль куртизанки (которая согласна на этот подлог), лечь в ее

постель и таким образом обмануть своего возлюбленного с ним самим. “Только

и всего? - с улыбкой отвечает она врачу. - Если нужно, я превзойду Клару

Тинти, чтобы спасти жизнь своему другу…” Быть может, роман Стендаля

“Арманс” подсказал писателю этот скользкий сюжет. Бальзака всегда

преследовали мысли о физиологии любви. Гениальной выдумкой было уподобить

бессилие любовника бессилию художника и приписать их неудачи избытку

страсти. Рассказ был подкреплен прекрасными тирадами об искусстве Россини, которыми Бальзак вновь обязан был Якову Штрунцу. Как того требовал принцип

перехода персонажей из одного произведения в другое, рассказ был связан с

другим рассказом, “Гамбара”, где Массимилла Дони, перескочившая из одного

повествования в другое, спасает жизнь старому музыканту.

Бальзаку всегда было достаточно нескольких часов, чтобы понять характер

города или общества. В рассказе “Массимилла Дони” он описал венецианское

дворянство, когда-то первое в Европе, а теперь, увы, вконец разорившееся.

Среди гондольеров встречаются потомки былых дожей, принадлежащие к более

древней знати, чем нынешние властители. “Знатные люди Венеции и Генуи, -

писал Бальзак, - не носили титулов. Самым высокомерным гордецам достаточно

было называться Квирини, Дориа, Бриньоле, Морозини, Мочениго…” Он

описывает, как грустит его герой Эмилио Мемми, который оплакивает старую

Венецию и не может не думать “о прежних днях, когда из всех окон

старинного дворца Мемми лились потоки света, когда у столбов его причала

на канале теснились сотни привязанных гондол; когда на лестнице, которую

лобзали волны, толпились нарядные маски; когда в большой зале, уставленной

накрытыми столами, раздавались веселые голоса пирующих, а в окружавшей зал

ажурной галерее звучала музыка и, казалось, вся Венеция стекалась в дом, оглашая смехом мраморные лестницы…”.

”А ныне голые стены, лишившиеся прекрасных гобеленов, потемневшие

потолки безмолвно льют слезы. Больше нет в покоях турецких ковров, нет

красивых люстр, убранных гирляндами цветов, нет статуй, нет картин, нет

больше ни веселья, ни денег - могущественного посредника веселья! Венеция, этот Лондон средневековья, падала камень за камнем, человек за человеком.

Мрачная зелень, которую лагуна поддерживает и ласкает у подножия дворцов, казалась князю черной каймой, которую провела природа в знак траура. И вот

наконец обрушился на Венецию, как ворон на труп, великий английский поэт и

прокаркал ей в лирической поэзии, которая служит первым и последним языком

человеческого общества, стансы мрачного De Profundis! [Из глубины

(воззвал) (лат.) - погребальный псалом] Английская поэзия, брошенная в

лицо городу, который породил итальянскую поэзию!.. Бедная Венеция!..”

Быстро угадывая интуицией чувства своих друзей, Бальзак понял гордую

печаль угнетенной Италии. Рассказывая в повести “Массимилла Дони” о

представлении в театре Феличе оперы Россини “Моисей”, он показал, насколько эта тема - стремление порабощенных евреев вырваться из неволи -

была созвучна тайным страданиям слушателей. “Не возносится ли музыка ближе

к небу, чем все другие искусства, раз она может в двух музыкальных фразах

сказать, что значит родина для человека?” Когда раздаются первые аккорды

арф в прелюдии к молитве освобожденных евреев, Массимилла Дони замирает и, облокотившись на бархатный барьер ложи, слушает, подпирая голову рукой.

Зрительный зал бурными аплодисментами требует повторения молитвы.

”Мне кажется, будто я присутствовал при освобождении Италии”, - думал обитатель Милана.

- Эта музыка заставляет поднять склоненную голову и порождает надежду в самых унылых сердцах! - воскликнул римлянин…

- Пойте! - шептала герцогиня, потрясенная последней строфой, исполнявшейся так же, как ее слушали, с мрачным энтузиазмом. - Пойте! Ведь вы свободны…”

Нельзя не восхищаться тем, что Бальзак, когда дела его были так расстроены, когда его преследовали кредиторы и издатели, нашел в себе силы столь замечательно воплотить свои итальянские впечатления. Он всегда любил музыку; в Италии он почувствовал, как много музыка говорит душе, пробуждая в ней воспоминания и смутные, быть может, никогда еще не изведанные волнения.

Бальзак - Ганской:

”Вчера пошел послушать бетховенскую симфонию до минор. Бетховен - единственный человек, вызывающий у меня зависть. Я скорее хотел бы быть Бетховеном, чем Россини или Моцартом. Есть у этого человека дивное могущество… Нет, дарование писателя не дает таких радостей, ведь мы рисуем что-либо законченное, определенное, а Бетховен бросает нас в беспредельность!..”

Кроме итальянских рассказов, он написал за один месяц (а не за четыре дня, как надеялся) “Выдающуюся женщину” (“Чиновники”); роман занял в газете “Ла Пресс” семьдесят пять столбцов.

”В этом проклятом месяце я провел почти без сна тридцать ночей - вряд ли я спал больше шестидесяти часов за все это время. Мне некогда было бриться, и при всем моем отвращении ко всякой рисовке я все-таки хожу с козлиной бородой, как члены “Молодой Франции”. Лишь только закончу это письмо, приму первую за месяц ванну; думаю об этом с некоторым страхом, боюсь, что ослабеют все фибры моего существа, ведь я дошел до предела, а надо снова впрячься в работу, чтобы закончить “Цезаря Бирото” - он

становится просто смешным из-за постоянных отсрочек. К тому же “Фигаро”

уже десять месяцев тому назад уплатила мне за него деньги”.

Сначала Бальзак намеревался придать героине романа “Выдающаяся женщина”

некоторое сходство со своей сестрой Лорой Сюрвиль, написав историю

привлекательной и честолюбивой женщины, пытающейся добиться продвижения по

службе мужа, человека более скромного, чем она, и протолкнуть его к

труднодоступным вершинам. В романе Селестина Рабурден вышла за чиновника, правителя канцелярии в министерстве финансов. Так же как и Сюрвиль, Рабурден не знал своего отца, этот невидимый и влиятельный сановник помог

Рабурдену в начале его карьеры, а затем перестал о нем заботиться, вероятно потому, что умер. Селестина, порядочная и красивая женщина, с

трудом сводит концы с концами. Утром, в капоте, в старых шлепанцах, кое-как причесанная, она сама заправляет лампы, сама ставит кастрюли на

огонь (портрет усердной хозяйки, застигнутой врасплох среди ее тайных

утренних хлопот, Бальзак списал с Лоры Сюрвиль). И вот на сцену выступает

Клеман де Люпо, секретарь министра, который насильно врывается к Селестине

и находит, что в небрежном одеянии она прелестна, что плохо застегнутая

ночная кофточка заманчиво приоткрывает грудь. Де Люпо, от которого зависит

карьера Рабурдена, ведет себя дерзко.

Селестине Рабурден хочется и сохранить добродетель, и добиться для мужа повышения по службе. К несчастью, Рабурден наделен своего рода административным талантом. Дарование весьма опасное для чиновника, Бальзак хорошо знал чиновничий мир. Этот мир описывали ему и Эмиль Жирарден, и Лоран-Жан, и Анри Монье. Он вывел на сцену министерство и создал из этого блестящую комедию. Образу Рабурдена недостает выпуклости и силы, но второстепенные персонажи - Бисиу, Дюток, Пуаре и десяток других фигур - набросаны рукою мастера, показаны и в служебной обстановке, и в частной жизни.

Бальзак не может только затронуть сюжет, он всегда идет вглубь, и роман, который должен был нарисовать семейную драму, стал широким историческим полотном. При Наполеоне всевластие императора отсрочило развитие бюрократии, задержало “тяжелый занавес, который, опустившись, должен был отделить осуществление полезных замыслов от того, по чьему приказу они осуществляются”. При конституционном правительстве у министров положение шаткое, они заняты борьбой за свое существование, защищаются от

нападок палаты, поэтому повсюду царят чиновники канцелярии, сотворившие себе из косности кумир, который именуется “докладной запиской” и убивает любое мероприятие. “Самые прекрасные деяния в истории Франции совершались тогда, когда не существовало еще никаких докладных записок и решения принимались немедленно”, - говорится в “Чиновниках”. Бюрократия, сплошь состоявшая из посредственных умов, обратилась в препятствие к процветанию страны; бюрократия по семь лет мариновала в своих папках проект какого-нибудь канала (намек на мытарства Сюрвиля), старалась увековечить различные злоупотребления, надеясь тем самым увековечить собственное существование.

Такие размышления привели Рабурдена (и Бальзака) к мысли о необходимости коренной перестройки административного аппарата. Число министерств сократить до трех, держать в них поменьше чиновников, зато удвоить и даже утроить им оклады - вот что требуется. Надо установить личный налог и налог на движимое имущество, косвенные же налоги, по мнению Бальзака и Рабурдена, необходимо отменить. “Во Франции о личном состоянии человека вполне можно судить по его квартире, по количеству слуг, по

лошадям и роскошным выездам, и все это поддается обложению”. Налоги будут тяжелыми. Но это не страшно. “Бюджет нельзя представлять себе в виде несгораемого шкафа, он, скорее, подобен лейке: чем больше она зачерпывает и выливает воды, тем больше земля процветает”. Надо отметить, что эти идеи, весьма новые в ту пору, противоречили взглядам легитимистской партии. Автор романа, так же как его герой, плыл против течения. Ксавье Рабурдена ждет неминуемая опала, но в несчастье его утешит верность жены, красавицы Селестины. А кто утешит Бальзака?

Пока он разрабатывал финансовые планы Рабурдена, пристава коммерческого суда, на которых возлагалась обязанность заключать в тюрьму несостоятельных должников, ухитрились добраться до Бальзака даже в квартире супругов Гидобони-Висконти. Последние приказали своим слугам говорить, что господин де Бальзак тут не живет. Но в дело замешались предательство и хитрость. Некая “ревнивая Ариадна” выдала тайну писателя. Пристав коммерческого суда, переодетый в форму служащего почтовой конторы, заявил, что он пришел не для того, чтобы требовать деньги с господина де Бальзака, наоборот, он сам принес ему посылку и 6000 франков. Такой уловки оказалось больше чем достаточно, чтобы выманить волка из леса. Бальзак

прибежал. Мнимый почтовый агент схватил его за полу халата и сказал: “Именем закона арестую вас, господин де Бальзак, если только вы не уплатите мне сейчас же 1380 франков и сумму новых судебных издержек”. Дом уже успели оцепить. Надо было выполнить требование или идти в тюрьму. Госпожа Гидобони-Висконти заплатила, хотя и сама находилась в стесненных обстоятельствах.

Эти схватки с кредиторами и эти волнения убивали Бальзака, и все же он мог гордиться выполненной работой. “Гамбара”, “Массимилла Дони”, “Выдающаяся женщина”… “Надеюсь, дровосек достаточно нарубил дров? Надеюсь, чернорабочий не сидит сложа руки?!” И тем не менее, когда Бальзак осмеливался выйти из своего тайника, еще находились парижане, которые спрашивали у него: “Ну что? Ничего новенького не собираетесь выпустить?” На бульваре он встретил Джеймса Ротшильда, и тот осведомился; “Что вы сейчас поделываете?”, хотя роман “Выдающаяся женщина” уже две недели как печатался в газете “Ла Пресс”! Ах, как изнурял его этот сизифов труд, как мучительно было непрестанно вкатывать на гору каменную глыбу! В письмах к госпоже Ганской он все перебирал свои вечные обиды: “Неужели мне надо в пятый или шестой раз объяснять вам причины моей нищеты?..” И вновь начинались жалобы: в 1828 году родные отказали ему в куске хлеба;

начинались жалобы: в 1828 году родные отказали ему в куске хлеба; позднее

его закабалил скаредный Латуш, потом обанкротился Верде; ростовщики, давая

деньги в долг, драли по двадцать процентов; потом случился пожар на улице

По-де-Фер; потом произошел ужасный крах “Кроник де Пари”! Эвелина упрекает

его за расточительность? Но ведь для человека, у которого каждый час стоит

пятьдесят франков, траты на лошадь и экипаж - сущая экономия; да и если

писатель не имеет вида богатого человека, издатели будут его обирать.

”Если в вас не вызывает восхищения человек, который, неся бремя такого

долга, одной рукой пишет, другой сражается, никогда не совершает подлости, не унижается ни перед ростовщиком, ни перед журналистами, никого не

умоляет - ни кредитора, ни друга, не падает духом в самой недоверчивой, самой эгоистичной, самой скупой в мире стране, где дают взаймы только

богачам, где писателя преследовали и преследует клевета, где говорят про

него, что он сидит в долговой тюрьме, тогда как он в это время был возле

вас в Вене, - если такой человек не вызывает в вас восхищения, значит, вы

ничего не знаете о делах мира сего!..”

Ева Ганская и в самом деле ничего не знала о делах парижского мира, и Бальзак втайне жалел, что больше нет у него драгоценной советчицы - великодушной Лоры де Берни, которая вселяла в него бодрость в дни его юности, помогла стать писателем, воспитала его вкус… Никогда она не боялась написать на полях рукописи: “Плохо!.. Фразу надо переделать…” Ему так хотелось, чтобы Эвелина Ганская заменила умершую.

“Cara carina [милая душечка (ит.)], поймите же своим светлым умом, озаряющим сиянием ваше прекрасное чело, поймите, что я полон слепого доверия к вашим суждениям о литературе; в этом отношении я считаю вас наследницей ангела, утраченного мною; все, что вы мне пишете, тотчас становится предметом долгих моих размышлений. И поэтому я жду “с обратной почтой” вашей критики по поводу “Старой девы”. Как хорошо умела все подмечать та, что была мне очень дорога, та, которую я считал своей совестью и голос которой все еще звучит в моих ушах! И вот прошу, перечтите роман и страница за страницей делайте свои замечания, отмечая точно, какие образы, какие мысли вас коробят, указывая, следует ли их убрать и заменить другими или только внести в них поправки. Говорите без всякой жалости и снисхождения. Смелее, дружочек!”

Госпожа Ганская отнюдь не была глупа или недостаточно образованна

для

того, чтобы стать “литературной совестью” Бальзака, ей недоставало того, что отличало Лору де Берни, - бескорыстного восхищения писателем и вместе

с тем ласковой откровенности в своих суждениях. В переписке Бальзака с

Чужестранкой, да и во всех их взаимоотношениях, несмотря на любовные

воспоминания, не чувствуется душевного согласия. Эвелина порицала, проповедовала, рассуждала, а он все вздыхал, что их разделяют и взгляды, и

расстояние.

И снова он пускался в жалобные сетования. Поток фраз, где глаголы

поставлены в настоящем времени, напоминал порою монолог из “Женитьбы

Фигаро”.

”В 1827 году я хочу оказать услугу фактору типографии, а из-за этого в

1829 году оказываюсь обремененным долгами на сумму в сто пятьдесят тысяч

франков и остаюсь без куска хлеба в жалкой чердачной каморке. Мимоходом я

уподобляюсь Дон Кихоту, защитнику слабых, надеюсь поднять дух в Жюле Сандо

и трачу на это слабое существо четыре-пять тысяч франков, которые могли бы

спасти кого угодно, но уж только не его!.. Мне тридцать восемь лет, я

погряз в долгах… Уже седина серебрится в моих волосах… Ах, Эвелина, Эвелина, как ты мучаешь меня!”

К началу лета 1837 года Бальзак мечется, как раненый зверь.

Великолепный мозг отказывается работать. В одном легком при выстукивании

слышна целая симфония хрипов. Добряк доктор Наккар, неустанный спаситель, встревожен и посылает своего пациента в Саше, предписав ему не работать, развлекаться, совершать прогулки. Разумное предписание! Не работать! Да

ведь нужно закончить “Цезаря Бирото” и написать “Банкирский дом

Нусингена”!

Развлекаться, совершать прогулки? Но ведь он кашляет “по-стариковски”!

Бывают минуты, когда у него пропадают все силы, вся энергия. И он жалуется

в письме к Ганской:

”Я дошел до того, что больше не хочу жить; надежды у меня слишком

отдаленные, достигнуть спокойствия я могу только ценою непомерного труда.

Если б можно было поменьше работать, я безропотно подчинился бы своей

участи; но у меня еще столько горестей, столько врагов! Поступила в

продажу третья книга “Философских этюдов”, а ни одна газета ни словом не

обмолвилась об этом…”

обмолвилась об этом…

Главное же - его приводит в ужас Париж. Париж - это кредиторы. Париж - это мерзкая национальная гвардия, которая все-таки разыскала его и пишет ему с коварной насмешкой: “Господину де Бальзаку, именуемому также “вдова Дюран”, литератору, стрелку первого легиона…” Но ведь Париж - это еще и бесподобное зрелище, покрытые асфальтом бульвары, освещенные фигурными бронзированными фонарями, в которых горит газ. Нет, Бальзак не может обойтись без этой царицы всех городов, без ее непрестанной и пестрой ярмарочной суеты; только надо укрыться от драконовских требований национальной гвардии, поселившись в трех лье от грозной властительницы.

По возвращении из Саше его мечта принимает определенную форму. Он решил купить скромный домик в одном из пригородов, достаточно близко от Парижа, чтобы можно было вечером, когда захочется послушать музыку, за час доехать до Итальянской оперы, но эта “хижина” должна находиться и достаточно далеко от столицы, чтобы служить убежищем от приставов коммерческого суда и от старших сержантов буржуазного воинства. А чем же человеку, погрязшему

в долгах, заплатить за купленный дом? Но когда Бальзак чего-нибудь страстно хочет, он не желает заниматься подсчетами. Жизнь представляется ему тогда романом, в котором он придумывает один эпизод за другим. Прежде всего затевается великолепное дело: скоро начнут издавать полное собрание его сочинений с виньетками и премией для подписчиков; издание будет основано на тех же началах, что и тонтина Лафаржа, столь любезная сердцу Бернара-Франсуа Бальзака. Кто же откажется подписаться, когда лица, дожившие до конца издания, получат вместе с собранием сочинений Бальзака еще и тридцать тысяч франков дохода? Затем он напишет для театра две, три, пять комедий, а ведь каждому известно, сколько денег приносят пьесы. А потом может умереть Венцеслав Ганский, и тогда Бальзак женится на его вдове, станет владельцем Верховни и у него будут полны карманы золота. И наконец, в Сардинии высятся целые горы отходов на серебряных рудниках Древнего Рима, и отвалы эти ждут только Бальзака, чтобы из них заструилось серебро. Раз у него столько возможностей, он должен купить дом.

Но какой дом? Он знал очаровательную, утопающую в зелени деревню Виль-д’Авре на дороге в Версаль. Олимпия Пелисье часто принимала его там.

Живя в этой деревне, он находился бы близ Версаля и, следовательно, близ супругов Гидобони-Висконти и за полтора часа мог бы на “кукушке” доехать до Итальянской оперы. Сначала Бальзак снял тут квартиру (разумеется, на имя Сюрвиля), а в сентябре 1837 года он нашел в местности, именуемой Жарди, участок земли и лачугу, принадлежавшие ткачу по фамилии Варле. Цена владения - 4500 франков плюс издержки. На следующий же день он купил и соседний участок, заплатив 6850 франков. И в конце концов в 1839 году он уже владел сорока акрами земли. Стоимость всего приобретения - 18000 франков. “Называется мой скромный уединенный уголок Жарди, и на этот клочок земли я забрался, как червяк на лист салата…” Бальзак задумал предоставить домик ткача своим друзьям Гидобони-Висконти, финансировавшим покупку, для себя же построить флигель, поручив это дело Сюрвилю, который был инженером, а следовательно, и архитектором. Живя в Жарди, он был бы, в сущности, в Париже и вместе с тем не жил бы там. Ему не пришлось бы платить ни ввозных пошлин, ни чрезмерных налогов; он бы укрылся здесь от нахального любопытства маленьких газет. Постройка дома обошлась бы в 12000, а с земельным участком и меблировкой - 40000 франков. Квартирная

плата и то бывает больше. Правда, у Бальзака не имелось 40000 франков. Но, получив задаток в 1500 франков, подрядчик согласился начать работы. Что ж, оставалось только закончить роман “Цезарь Бирото” и написать “Банкирский дом Нусингена”. Сизиф засучил рукава и ухватил свой обломок скалы.

XXV. ОХОТА ЗА СОКРОВИЩЕМ

Бальзак был воплощением желания, вечно возрождающегося

желания, устремления к будущему, уверенности, что в силах

преодолеть любые препятствия, с которыми он непрестанно

вынужден бороться: вся жизнь его обращена к будущему.

Гаэтан Пикон

Еще в 1833 году Бальзак рассказывал Зюльме Карро о “Цезаре Бирото”, а в 1834 году он писал Ганской: “У меня в работе капитальное произведение - “Цезарь Бирото”; его герой - брат того Бирото, которого вы знаете; так же как и первый, он жертва, но жертва парижской цивилизации, тогда как старший брат (“Турский священник”) - жертва лишь одного человека… ангел, которого попирают ногами, затравленный честный человек. Замечательная получится картина!” Тогда он рассчитывал дать этот роман Верде для тома своих “Философских этюдов”. Затем он написал другие книги,

путешествовал, а тем временем Верде обанкротился, и "Бирото" был отложен. Верде уступил

за 63000 франков компании книгоиздателей эксплуатацию будущих произведений

Бальзака. Консорциум согласился выдать Бальзаку аванс в сумме 50000

франков и, кроме того, платить ему ежемесячно по 1500. Писатель должен был

получать не авторский гонорар, а половину прибылей. В 1836 году газета

“Фигаро”, которая перешла в руки другого издателя, купила “Бирото” у

консорциума, чтобы дать роман своим подписчикам в качестве премии. Газета

поместила “уведомление”: “При трехмесячной подписке на “Фигаро” (20

франков) подписчикам бесплатно высылается премия: “История величия и

падения Цезаря Бирото”, владельца парфюмерной лавки, кавалера ордена

Почетного легиона, помощника мэра второго округа города Парижа, новая

“Сцена Парижской жизни”, написанная господином де Бальзаком, еще ни разу

не издававшаяся, в двух томах, в одну восьмую листа”.

Бальзак - госпоже Ганской, 14 ноября 1837 года: “Мне предлагают двадцать тысяч франков за “Цезаря Бирото”, если он

будет готов к 10 декабря; у меня написано только полтома, остается

написать еще полтома, но нужда заставила меня обещать. Придется работать

двадцать пять ночей и двадцать пять дней...”

двадцать пять ночей и двадцать пять дней…

В это время Бальзак уже получил корректурные оттиски романа, но поправкам предстояло разрастись во всех направлениях. Горькая нужда заставила писателя обещать, а счастье творчества побудило развернуть сюжет. “Бирото” был этюдом, посвященным парижской торговле, сначала носившей семейный характер, какой ее знали господа Саламбье и владелец лавки скобяных товаров Даблен, затем такой, какой она стала в те времена, когда перемещается центр ее тяжести, который, по словам Мориса Бардеша, “постепенно удаляется от улицы Сен-Дени и осторожно приближается к

Фобур-Сент-Оноре, когда крупный торговец уже не называется купцом, но еще

не именуется негоциантом… когда над витринами с выставкой товаров

красуются живописные вывески с развевающимися флажками; когда приказчики

обедают в комнате за лавкой, а ночуют в мансарде; когда старший приказчик, прослужив десять лет, женится на хозяйской дочке, - словом, торговле, соответствующей гибридной фазе французской экономики, ибо торговля еще

сохраняла свои патриархальные привычки, а на улицах уже появлялись чудовища и чудеса, возвещающие об успехах капитализма, великолепные омнибусы, особняки, занятые коммерческими банками или акционерными обществами…”

Цезарь Бирото - крестьянин, который “подался” из деревни в Париж и

преуспел в кустарной парфюмерии. Но его ждало разорение, когда он бросил свое дело и пустился в спекуляцию, ставшую язвой нового времени. В те годы менялись прежние нравы. Бирото и его жена, их друзья - Рагон, Пильеро, их приказчик Ансельм Попино в глазах Бальзака люди добродетельные, Добродетель их весьма относительна. Цезарь Бирото, например, знает, что его “кефалическое масло” не оказывает никакого влияния на волосяной покров; чтобы выпустить свое снадобье на рынок, он пользуется невежеством покупателей, молчанием ученых и глупостью лысеющих стариков. Позднее он выдает так называемые “дружеские” векселя, что, по мнению судьи Попино, представляло собою “начало мошенничества”. Бальзак прощает ему такие приемы. Дела - это дела. Но банкротство остается в глазах героя романа и в глазах автора нестерпимым позором. Родители Бальзака разорились ради того, чтобы избавить сына от такого несчастья. Цезаря Бирото, рыцаря буржуазных понятий чести, позор банкротства убил, подобно выстрелу из пистолета.

Роман этот с полным основанием отнесен к “Этюдам о нравах”, ибо он рисует среду, прекрасно знакомую Бальзаку, который и сам вышел из нее, рисует тот мир, “где невидимые нити связывают две вывески: “Королеву роз” и “Кошку, играющую в мяч”; а вместе с тем это “Философский этюд”, поскольку лавка

противопоставлена банку, архаическая “чистота нравов” - современной развращенности, а главное - здесь анализируется сила навязчивой идеи, которая послужила причиной смерти Цезаря Бирото, сраженного чрезмерной радостью нежданного оправдания.

Самая большая беда Цезаря Бирото состоит в том, что он прост, как и его брат, турский священник; он наивно доверился Нусингену, Клапарону и дю Тийе, так же как аббат Франсуа Бирото доверился вероломному Труберу. Цезарь Бирото не предвидел возможности разорения, к которому его привело собственное тщеславие, зато он благородно реабилитирует себя, отдав в уплату долгов весь имеющийся у него актив, вместо того чтобы нажиться на своем банкротстве, как это сделали бы на его месте Гранде или Нусинген. В романе возникает также, говорит Ален, “тень Катона Старшего в образе москательщика Пильеро”, прототипом которого Бальзаку послужил дядюшка Даблен. “Не нашлось бы, пожалуй, другого состояния, нажитого более достойным, более законным, более честным путем, чем состояние Пильеро. Никогда он не запрашивал цену, никогда не гонялся за покупателями”. Таков был и Даблен, “торговец скобяными товарами, человек большой души” и верный

друг.

Итак, с одной стороны - Катон из скобяной лавки и античные добродетели, а с другой - банкиры, дельцы, дисконтеры, ростовщики. Замечательная книга!

Какое в ней превосходное знание предмета (Бальзак мог вложить в нее и

пережитые им самим треволнения должника, преследуемого кредиторами, свой

опыт по части просроченных векселей и быстро надвигающегося краха)! Какое

широкое историческое полотно и какая строгость построения! Медленному

восхождению Цезаря к вершинам успеха противопоставляется симметрически

построенная картина его постепенного упадка. Величие и падение. Первая

часть кончалась балом, который дают супруги Бирото, желая отпраздновать

награждение парфюмера орденом Почетного легиона, и, несомненно, отдаленным

образцом этого празднества явился бал, данный Дабленом по случаю

бракосочетания своей племянницы, девицы Пепен-Леалер. Бальзак писал тогда

Ганской: “Нынче вечером иду на бал! Я - и вдруг бал! Ничего не поделаешь, придется пойти, любовь моя. Дает этот бал единственный мой друг, с

готовностью оказывавший мне услуги”.

Чтобы выразить счастье Цезаря Бирото, Бальзак в романе обратился к

Бетховену, к торжественному финалу его симфонии до минор, и передал ее

в

зрительных образах. В конце второй части романа Цезарь, добрая слава

которого восстановлена благодаря его честности и стараниям преданных

друзей, вдруг слышит, как у него в голове и в сердце отдаются могучие

звуки симфонии. “Эта возвышенно-прекрасная музыка заискрилась, засверкала, запела трубными звуками в его усталом мозгу, для которого ей суждено было

стать трагическим финалом…” Никогда французская литература не создавала

такую великолепную буржуазную эпопею, картину до мелочей точную и

величественную. Но автор порой сомневается в своем творении. “Не знаю, как

у меня получится “Цезарь Бирого”, - пишет он Ганской. - Скажите свое

мнение до того, как мне удастся его издать и прочесть в напечатанном виде.

Сейчас я питаю к нему глубочайшее отвращение и могу только проклинать его

- так он меня утомил”.

Рядом с “Бирото” Бальзак рисует другую створку диптиха - “Банкирский

дом Нусингена”, или искусство наживать богатство, поставив себя выше

законов; агнцу, обреченному на заклание, каким оказался Цезарь Бирото, противостоит хищный волк: банкир Нусинген нарочно прекращает платежи, желая напугать кредиторов и выкупить по дешевке свои векселя; этот

финансист возвысился не путем усердного труда, а благодаря своей смекалке.

Нусинген не страшится волнений на бирже, как моряк не страшится бури. Он

знает, что курс ценных бумаг повышается и понижается, как морской прилив.

Волны прилива и отлива несут его. Вокруг Нусингена теснятся честолюбцы, понявшие суть игры: Растиньяк и дю Тийе обогащаются; жертвы - Боденор и

Рагон - разоряются, следуя глупым мнениям советчиков. Всю эту историю

рассказывают в отдельном кабинете ресторана четыре циничных кондотьера

прессы и финансового мира: Андош Фино, Эмиль Блонде, Жан-Жак Бисиу и

начинающий, но уже посвященный в стратегические маневры, банкир Кутюр. Эти

свидетели, насмехаясь над Бирото, утверждают, что в тех обстоятельствах, при которых Бирото умер от волнения, Нусинген стал бы пэром Франции и

получил бы офицерский крест Пометного легиона. Блонде в заключение

приводит слова Монтескье: “Законы - это паутина; крупные мухи сквозь нее

прорываются, а мелкие застревают”. Что касается Бальзака, мы его находим

повсюду в этих двух пророческих книгах: он был Цезарем Бирото, но он

понимает и психологию Нусингена; он хотел бы стать Растиньяком и оживляет

своим остроумием реплики Бисиу и Блонде. И разве сам Бальзак не является

одним из тех “дерзких бакланов, рожденных в пене, венчающей гребни

изменчивых волн” его поколения? Но долги захлестывают его, он боится, что кончит так же, как Бирото, и в утешение себе создает фигуру Нусингена.

Очень тяжел был 1837 год. Огромная правка в корректурных листах “Цезаря Бирото”, которые нужно было сдавать в определенные сроки, заставляла Бальзака работать день и ночь, и он работал, поставив ноги в горчичную ванну, чтобы избежать опасности кровоизлияния в мозг. Седины в волосах у него еще прибавилось - он чувствует, что силы его иссякли. Первого января 1838 года он пишет Зюльме Карро: “Привет 1838 году, что бы он нам ни принес! Какие бы горести ни скрывались в складках его одеяния, не стоит сетовать! От всего есть лекарство, этим лекарством служит смерть, и я не боюсь ее”. Спасаясь от таких мыслей, Бальзак ищет убежища во Фрапеле. Он надеется поработать там над продолжением “Утраченных иллюзий”, но он так устал, что чувствует непреодолимое отвращение к писательскому труду. И уж очень обидна ему несправедливость критики! Напрасно он создает шедевр за шедевром, критика отказывается поставить его в один ряд с Шатобрианом, Ламартином или Виктором Гюго. Ему предпочитают Эжена Сю - на литературном

горизонте уже поднималась, поблескивая фальшивыми камушками, звезда этой новой знаменитости.

Зачем же ему убивать себя таким неблагодарным трудом, когда он видит перед собою огромные богатства - протяни руку и бери - серебряные рудники в Сардинии? Стоит только приобрести концессию, и он достигнет свободы, он будет богат. Но Бальзак не решается поговорить о своих замыслах с финансистами - какой-нибудь дю Тийе украдет у него идею. Он открылся только майору Карро, славному и ученому человеку, инженеру, окончившему Политехническое училище, проект Бальзака не показался ему нелепым, однако он не захотел участвовать в изысканиях или финансировать предприятие. Карро не отличался энергией, он обладал “огромным умом математического склада”, принадлежал к числу людей, которые судят о жизни без всяких иллюзий и, “не видя в ней логической цели, спокойно ждут смерти, чтобы быть в расчете со своей эпохой”. Как же сколотить необходимые для путешествия деньги? Бальзаку пришлось прибегнуть к последним оставшимся ему верными друзьям - доктору Наккару и портному Бюиссону. “Матушка и одна небогатая родственница тоже пришли на помощь, отдав последние крохи”.

Перед отъездом из Фрапеля Бальзак, находившийся так близко от Ноана, решил повидать Жорж Санд. Некоторое время у них были довольно холодные отношения из-за Жюля Сандо, но теперь Бальзак разделял те чувства, которые великая Жорж питала к “маленькому Жюлю”. “Это конченый человек”, - говорил он. К тому же госпожа Ганская коллекционировала автографы, а ей хотелось получить автограф писательницы. В феврале 1838 года Бальзак из Фрапеля написал Жорж Санд, прося у нее разрешения совершить “паломничество в Ноан… Я не хотел бы уехать, не увидев львицу Берри в ее логове или соловья в его гнездышке”. Жорж Санд тоже не любила ссориться с гениальными людьми, она тепло пригласила Бальзака. Он приехал 24 февраля.

Бальзак - Ганской:

”Я добрался до замка Ноан в субботу на масленице, в полвосьмого вечера; Жорж Санд я нашел в огромной одинокой спальне, она была в домашнем костюме, курила после обеда сигару у камелька. На ней были красивые домашние туфли из желтой кожи, отделанные бахромой, ажурные чулки и красные шаровары. Нравственный ее облик все тот же. Зато отрастила двойной подбородок, словно каноник. На голове ни одного седого волоска, несмотря

на ужасные ее несчастья; все такое же смуглое лицо, все так же блестят прекрасные глаза; по-прежнему у нее глупый вид, когда она задумывается; изучив ее хорошенько, я ей говорил когда-то, что у нее весь ум сосредоточен в глазах. Она живет в Ноане уже год, живет печально, очень много работает. Ведет приблизительно такой же образ жизни, как и я. Ложится спать в шесть утра, встает в полдень, а я ложусь в шесть часов вечера и встаю в полночь. Но я, разумеется, приноровился к ее привычкам, и мы с ней в течение трех суток разговаривали; начинали после обеда, с пяти часов вечера, и кончали в пять утра, и за эти три дня наших бесед я лучше узнал ее (да и она меня), чем за четыре года, когда она приходила ко мне ради Жюля Сандо, которого тогда любила, и потом, когда была близка с Мюссе. Мы встречались и в ее доме, так как я изредка бывал у нее.

Для нас полезно было увидеться, так как мы откровенно поговорили о Жюле Сандо. Я меньше всех осуждал ее за то, что она покинула Жюля. Могу лишь глубоко сочувствовать ей, так же как и вы посочувствуете мне, узнав, с каким человеком нам пришлось иметь дело - ей в любви, а мне в дружбе…

Все глупости, которые она натворила, могут только послужить к ее славе в глазах людей прекрасной и высокой души. Она была обманута Мари Дорваль, Бокажем, Ламенне и т.д. Из-за той же доверчивости она обманулась в Листе и госпоже д’Агу, но только теперь она поняла свое заблуждение как в

отношении этой четы, так и в отношении Дорваль - ведь Жорж Санд блещет умом только у себя в рабочем кабинете, а в реальной действительности ее легко надуть…”

Два великих человека, столь опытные в женской психологии, проговорили всю ночь о браке, о любви, об условиях существования женщины. Бальзак полагал, что он обратил Жорж Санд в свою веру и убедил ее в социальной необходимости брака. Из Ноана он привез сюжет для романа “Каторжники любви” (история Франца Листа и Мари д’Агу, которую Жорж Санд рассказала Бальзаку и отдала ему этот сюжет, так как сама воспользоваться им не могла). Кроме того, она заразила его модным пороком. “Она научила меня курить кальян и латакию, - писал Бальзак госпоже Ганской. - Это сразу стало моей потребностью. Новое увлечение позволило мне отказаться от кофе, разнообразить возбуждающие средства, необходимые мне для работы…” Когда Бальзак курил, мысли его текли легко, он не чувствовал усталости.

”Прекраснейшие надежды рождаются в душе, и уж не как иллюзии - они воплощаются в живые образы, порхают, как Тальони, и не уступают ей в грации! Вам ведь это знакомо, курильщики! Глаза ваши видят в природе дивные красоты, трудности бытия исчезают, жизнь становится легкой

дивные красоты, трудности бытия исчезают, жизнь становится легкой, голова

ясной, серая атмосфера умственного напряжения делается голубой. Но вот

странное явление: занавес этой чудесной оперы сразу опускается, как только

угаснет кальян, сигара или трубка…”

[Balzac. Pathologie de la vie sociale. Traite des excitants modernes (Бальзак. Патология социальной жизни. Трактат о современных возбуждающих

средствах)]

По правде говоря, ему не нужен был кальян, для того чтобы надежды его

становились уверенностью. История с серебряными рудниками в Сардинии

лишний раз показывает, каков был Бальзак в столкновении с

действительностью. Странное явление! Человек такого большого ума, так

прекрасно разбиравшийся во всяких хитростях делового мира, умевший угадать

с точностью прокурора все уловки какого-нибудь Нусингена, не способен был, едва он сам делал какие-нибудь шаги в практической жизни, принять

простейшие меры предосторожности. Он обладал самым проницательным умом

своего времени и проявлял столько здравого смысла в отношении создаваемых

им персонажей и их действий, но не в отношении самого себя и своих дел, “подобно тем великим адвокатам, которые плохо ведут в суде свои

собственные дела”! А ведь сколько было оснований проявить недоверчивость и

недоверчивость и осторожность в задуманной авантюре!

Встреченный в Генуе итальянский негоциант Джузеппе Пецци заронил искру в легко воспламеняющееся воображение Бальзака, Пецци обещал прислать образцы горной породы. Он их не прислал. А где же, собственно, находятся горы отходов, о которых шла речь? Бальзак этого не знает. Да как же ему, профану, определить ценность руды и ценность обвалившихся копей? У него нет никаких специальных инструментов, он не ведает, к кому обратиться за получением разрешения на разработку; он очень плохо знает итальянский язык и не может поэтому собрать сведения на месте.

Он просто воплощает в жизнь романтическую историю, которую уже написал в 1836 году для “Кроник де Пари”, дав ей название “Фачино Кане”. В этой новелле рассказчик встречает старика музыканта, играющего на кларнете; музыкант называет себя последним потомком старинного венецианского рода, давшего Республике многих сенаторов, и говорит, что он якобы знает, где спрятаны сокровища прокураторов, где хранятся миллионы, принадлежащие Светлейшей Республике. Но Фачино Кане слеп и не может отправиться один на поиски клада. Ошеломленный такой тайной, рассказчик взволнованно смотрит

на седовласого старика музыканта, считая несчастного сумасшедшим, и ничего

не отвечает ему. Схватив свой кларнет, Фачино Кане “заиграл печальную

венецианскую песенку - баркаролу, для которой вновь обрел талант своей

молодости, талант влюбленного патриция. Мне пришло на память “На реках

Вавилонских”…

- Мы поедем в Венецию! - воскликнул я, когда он встал.

- Наконец-то я встретил настоящего мужчину! - вскричал он, весь

вспыхнув”.

Но Фачино Кане умер, проболев два месяца, и рассказчик забывает о

венецианском кладе. Бальзак-романист считает Фачино Кане помешанным, Бальзак-человек поддается, как Фачино Кане, безумной мечте о реках

серебра. “Он теперь только и грезит что о потоках золота, о горах

алмазов”, - говорит Теофиль Готье. Он просит своих “ясновидящих” искать

зарытые сокровища: он уверяет, что ему известно, где Туссен-Лувертюр после

восстания на Сан-Доминго зарыл свою добычу. Он так хорошо описал все

обстоятельства дела и место действия, что просто заворожил Теофиля Готье и

Жюля Сандо. Было условлено, что они купят кирки, зафрахтуют бриг и втайне

отплывут на нем. Словом, целый роман. “Надо ли говорить, - замечает Готье, - что нам не удалось откопать клад Туссен-Лувертюра… У нас едва хватило

денег на покупку кирок…”

Рассказчик в “Фачино Кане” не едет в Венецию. Бальзак же отправляется в Сардинию с такими ничтожными средствами, что должен спешить. Из Марселя он пишет 20 марта Зюльме Карро: “Наконец-то я в двух шагах от цели и могу вам сказать, вы плохо знаете меня, полагая, что мне необходима роскошь. Пять ночей и четыре дня я ехал на империале, выпивал молока на десять су в день; сейчас пишу вам из марсельской гостиницы, где номер стоит пятнадцать су, а обед - тридцать су! Но вот увидите, при случае я буду ненасытным…” В Марселе он узнает, что оттуда в Сардинию суда не отплывают, надо плыть через Корсику. “Через несколько дней у меня, к сожалению, одной иллюзией станет меньше - ведь всегда, когда дело подходит к развязке, вдруг перестаешь верить. Завтра еду в Тулон, а в пятницу буду в Аяччо. Из Аяччо постараюсь пробраться в Сардинию”. Матери он пишет: “Я остановился в отвратительной гостинице - просто дрожь берет; но с помощью бань выкручиваемся…”

На Корсике ему пришлось пробыть пять дней в карантине из-за холеры, вспыхнувшей в Марселе. В утешение себе он осматривает дом Наполеона - “жалкую лачугу” - да читает в библиотеке Аяччо английские романы

“Грандисон” и “Памела”, “ужасно скучные и глупые”. Но Корсика - великолепная страна - ему понравилась, так же как и первобытные нравы ее обитателей: “Здесь нет ни гулящих девок, ни театров, ни читальных залов, ни общества, ни газет, зато нет и никаких мерзостей, свидетельствующих о цивилизации. Женщины не влюбляются в иностранцев; мужчины целый день прогуливаются и покуривают. Леность невероятная! В городе восемь тысяч душ, кругом нищета, крайнее невежество в вопросах самых злободневных. Я пользуюсь здесь полнейшим инкогнито…” - сообщает он в письме к Ганской.

Но один офицер и один студент узнали его: “Увы! Какая досада! Теперь уж людям невозможно вести себя плохо или хорошо так, чтобы это не стало достоянием гласности!” Наконец ловцы кораллов переправили его на Сардинию, причем все питались только рыбой, пойманной в пути.

Добраться до копей оказалось тяжким делом. В Сардинии тогда не было ни дорог, ни экипажей, ни постоялых дворов. Бальзаку пришлось ехать верхом, а он не садился в седло уже четыре года. Девственные леса, гигантские вечнозеленые дубы; никакой еды. А прибыв в Арджентьеру, он узнал, что некая марсельская фирма, вошедшая в компанию с генуэзцем Пецци, уже произвела анализ отходов, нашла там подтверждение надежд Бальзака и выхлопотала через местных властей королевский декрет, разрешающий

возобновить разработку копей. Как и во всех своих деловых предприятиях, Бальзак проявлял зоркость взгляда, но терпел поражение, едва только приступал к осуществлению своих замыслов. Компания Арджентьерских серебряных копей в скором времени принесла ее основателям прибыль в миллион двести тысяч франков, которой так жаждал Бальзак. Но и Бальзак получил возмещение за свои труды и убытки. Пока негоциант Пецци осаждал префектуры, романист Бальзак писал “Цезаря Бирото”. Два творения были несовместимы: второе, более высокое, приводило к неудачам в житейских делах. Госпоже Ганской он сообщал: “Не очень браните меня, когда будете отвечать на это мое послание, написанное в дороге, помните, надо утешать побежденных. Я очень часто думал о вас во время своего путешествия, полного приключений, и воображал, что вы всего только один раз скажете: “Кой черт понес его на эту галеру!”.

Он возвратился во Францию через Геную и Милан, где мог рассчитывать на банкира супругов Висконти. Второе пребывание в Милане было менее приятным, чем первое. Однако братская приязнь князя Порчиа избавила его от гостиницы - в его распоряжение была предоставлена комнатка, где он мог спокойно работать. Гостеприимному князю Порчиа и графине Болоньини он позднее посвятил один из лучших своих романов - “Блеск и нищета куртизанок” и повесть “Дочь Евы”, где в посвящении он говорит: “Французов обвиняют в легкомыслии и забывчивости, но, как видите, постоянством и верностью

воспоминаниям я сущии итальянец´´.

Роман “Блеск и нищета куртизанок” со временем станет одной из самых широких фресок Бальзака, но в 1838 году еще не было ни заглавия, ни плана этого произведения. В Милане, немного скучая о парижских бульварах, он набросал первый эпизод - “Торпиль”. То была история любви красавца Люсьена де Рюбампре из “Утраченных иллюзий” и Эстер Гобсек, проститутки в доме терпимости, прозванной Торпиль, то есть электрический скат, из-за того, что ее небесная прелесть наэлектризовывала мужчин и приводила их в оцепенение. Однажды в свой свободный день она встретила Люсьена в театре Порт-Сен-Мартен и сразу влюбилась в него до безумия. Она вырвалась на волю и прожила с ним счастливо три месяца. Но на бале-маскараде в Опере ее в домино узнали и разоблачили жестокие насмешники. Чувствуя, что для нее все погибло, Эстер попыталась покончить с собой; ее спас некий священник и, поняв, как глубока и смиренна ее любовь, решил отдать Торпиль в монастырский пансион, превратить проститутку в благовоспитанную девицу.

Повесть должна была появиться в 1838 году в газете “Ла Пресс”, но Жирарден убоялся возмущения подписчиков, и без того уже шокированных романом “Старая дева”. Просто возмутительно! Воспитанница монастырского пансиона

пансиона

была в недавнем прошлом обитательницей дома терпимости! Повесть “Торпиль”

была напечатана Верде в том же томе, что и “Выдающаяся женщина” и

“Банкирский дом Нусингена”. В Милане у князя Порчиа Бальзак отделал только

первую ее половину.

Радушные хозяева предоставили ему, однако, полную возможность работать.

Милан, в котором австрийскому императору в скором времени предстояло

короноваться как королю Ломбардии, на этот раз уделял Бальзаку мало

внимания, и он затосковал по родине. При виде безоблачного лазурного неба

у него сжималось сердце, по контрасту вспоминались мглистые небеса

Франции. У него как будто отняли душу, отняли жизнь, он мечтал вновь

очутиться “в своем дорогом аду” - в неблагодарном и жестоком Париже.

Двадцатого мая ему исполнилось тридцать девять лет. “Начинается для меня

год, в конце которого я буду принадлежать к большой армии смирившихся душ, - писал он Ганской, - ведь в дни моей несчастной юности, тяжких мук, сражений, веры в будущее я дал себе клятву прекратить всякую борьбу, когда

достигну сорокалетнего возраста…” Никогда еще так, как на этом роковом

рубеже, приближаясь к сорока годам, он не испытывал столь острой

потребности где-то прочно обосноваться, иметь, наконец, собственный домик

домик

и жить в нем с “женщиной своих грез”.

Но кто бы мог стать теперь “женщиной его грез”? Те, которые его поддерживали в дни молодости, ушли из жизни одна за другой. В 1836 году, вернувшись из Италии, он узнал о смерти Лоры де Берни, а возвратившись из поездки в 1838 году, узнал, что умерла Лора д’Абрантес. “Парижская наставница” кончила, бедняжка, весьма печально. После нескольких лет литературного успеха она изведала горечь неудач. Бальзак больше не работал на нее. Она знала, что должна потерять его как возлюбленного, к этому она была готова, но ей хотелось сохранить его как друга и правщика ее произведений. “Моя старая дружба не обидчива. Бог мой! Старая дружба и молодая любовь - радость душе”. Госпожа д’Абрантес сняла на улице Ларошфуко нижний этаж дома и попробовала вновь создать у себя салон. Многие друзья откликнулись на приглашение: Жюльетта Рекамье, Брольи, Ноай, даже Виктор Гюго, верный воспоминаниям о временах Империи. Теофиль Готье прозвал хозяйку салона “герцогиня Абракадабрантес”. Она руководила у графа Жюля де Кастеллана труппой актеров-любителей, принадлежавших к светскому обществу, но в число актрис приняла слишком много дам почтенного возраста. Маленькие газетки назвали эту затею “театром Полишинелей”. Игра старости и

случая всегда печальна.

Потом пришла нужда. Книгоиздатель Лавока отказывался от рукописей герцогини и не давал ей субсидий. Пришлось выехать из красивых апартаментов, удовольствоваться крошечной квартиркой. Наступил день, когда кредиторы продали с молотка всю обстановку на глазах у герцогини, которая болела желтухой и была прикована к постели. Больную положили в клинику, а так как денег у нее не было, поместили ее там в мансарде. В больнице она и умерла в возрасте пятидесяти четырех лет. За гробом ее шли Гюго, Шатобриан, Дюма, госпожа Рекамье. Друзья умершей хотели похоронить ее на кладбище Пер-Лашез и поставить там памятник, но муниципалитет отказался отвести участок для могилы, а министр внутренних дел отказал в глыбе мрамора для памятника. Почему? Виктор Гюго выразил свое возмущение в прекрасных стихах с плавным ритмом:

У мрачного пророка и у музы

Прославленной - у нас одни права.

Вовек нерасторжимы наши узы:

Я - сын солдата, а она - вдова.

И так же, как взывал я к Вавилону,

Целуя знамя легендарных дней:

Верните Императору колонну! -

Кричу теперь: “Могилу дайте ей!”

В ночь смерти Лоры д’Абрантес Бальзак ехал при лунном свете через перевал Сен-Готард, занесенный снежными сугробами. Два месяца спустя он написал Ганской: “Из газет вы, вероятно, узнали о печальной участи бедной герцогини д’Абрантес. Она кончила так же, как кончила Империя. Когда-нибудь я расскажу вам об этой женщине. Мы проведем с вами славный вечерок в Верховненской усадьбе”. Какое забвение! Какой урок! Жизнь возлюбленной, когда-то страстно желанной, станет предметом уютной беседы в “славный вечерок”. Но ведь Бальзак никогда не любил Лору д’Абрантес так, как любил Лору де Берни. Первая пользовалась его услугами, вторая преданно служила ему. С какой грустью вспоминал он в письме к Ганской дорогого своего друга.

“15 ноября 1838 года.

Душевное мое состояние менее удовлетворительно, чем телесное; я

старею, чувствую потребность в дружеском обществе и каждый день с грустью

вспоминаю обожаемое создание, которое спит вечным сном на сельском

кладбище близ Фонтенбло. Моя сестра очень меня любит, но никогда не сможет

приютить брата. Всему преградой неистовая ревность мужа. Мы с матерью

совсем не подходим друг другу. Единственной опорой мне остается труд, если

только не будет возле меня родной семьи, а я очень хотел бы, чтобы она

была у меня. Добрая жена, счастливое супружество - увы! Я уже не надеюсь

на это, хотя кто больше меня создан для семейной жизни”.

Полное счастье в любви всегда оставалось для Бальзака только надеждой, только мечтой. Конечно, Dilecta, существо совершенное, ангельское сердце, сама грация и изящество, подарила ему много счастливых часов, давала ему

драгоценные советы. “Но ведь она была на двадцать два года старше меня, -

писал Бальзак Ганской, анализируя свое чувство. - И если нравственный мой

идеал был превзойден в ее лице, то телесная сторона, которая много значит, оставалась непреодолимой преградой. И вот беспредельная страстная любовь, жажда которой живет в моей душе, до сих пор еще не нашла утоления. Мне

недоставало половины всего ее блаженства…” У Зюльмы Карро, конечно, прекрасная душа, но дружба не заменяет любовь, “ту простую, повседневную

любовь… когда тебе доставляет бесконечное удовольствие слышать в твоем доме ее шаги и ее голос, шелест ее платья - словом, все то, что я, хоть и не в полной мере, изведал несколько раз за последние десять лет”. Вот что Ева Ганская могла бы дать ему, если бы верила в него. Но она недоверчива, она преувеличивает любую опасность, вместо живого Оноре Бальзака выдумывает какое-то воображаемое существо, журит его, наставляет, обвиняет.

“Cara, объясните мне, пожалуйста, чем я заслужил нижеследующие относящиеся ко мне слова в вашем последнем письме: “Природное легкомыслие вашего характера…” В чем же состоит мое легкомыслие? В том, что уже двенадцать лет я без отдыха тружусь над огромным литературным творением? Или в том, что уже шесть лет у меня в сердце только одна привязанность? Или в том, что уже двенадцать лет я работаю день и ночь, чтобы уплатить огромный долг, который мать навязала мне из-за самых нелепых расчетов? Или в том, что, несмотря на все свои мучения, я не повесился, не пустил себе пулю в лоб, не утопился? Или в том, что, непрестанно работая, я делаю хитроумные, хотя и неудачные попытки сократить срок своих каторжных работ? Объясните же мне! Может быть, в том мое легкомыслие, что я избегаю

всяких развлечений, всякого общества и всецело отдаюсь своей страсти, своей работе и уплате долга? Или в том, что я написал двенадцать томов вместо десяти? Или в том, что книги эти не выходят регулярно? Или в том, что я пишу вам с неизменным упорством и постоянством и всегда посылаю вам чей-нибудь автограф? В этом мое невероятное легкомыслие?.. Ради Бога, скажите, не бойтесь…

Легкомыслие характера! Право, ваше суждение подобно мнению добропорядочного буржуа, который, видя, как Наполеон озирает поле битвы и поворачивается направо, налево, во все стороны, изрек бы: “Этот человек не может спокойно постоять на месте. Удивительное непостоянство характера!”

Сделайте мне удовольствие, пойдите в ту комнату, где вы повесили портрет бедного своего мужика, взгляните на него. Посмотрите, какие у него широкие плечи, широкая грудь, широкий лоб, и скажите себе: “Вот человек самый постоянный, совсем не легкомысленный и очень положительный!” Это будет вам наказанием…”

Совсем не легкомысленный человек?.. Может быть, но человек, которого очень нелегко удовлетворить. Он живет такими обширными замыслами, что

что

никакие силы, даже сверхчеловеческие, не могут их осуществить. Чего же он

хочет? Всего. “Он был безрассуден, - говорит Гозлан, - и так естественно, по самой природе своей, был существом всеобъемлющим; он не хотел иметь

дело с каким-нибудь отдельным фактом, для него этот факт связан был с

другим фактом, а тот, другой, - с тысячью других… Все, что он писал: статьи, книги, романы, драмы, комедии, - было только предисловием к тому, что он рассчитывал написать…” И потому он мог сказать о своей жизни то

же, что говорил о каждом своем произведении, - она была лишь предисловием

к его жизни. Охота за сокровищем была для него только эпизодом в его

поисках абсолюта.

XXVI. В ЖАРДИ

Жизнь терпима лишь при условии, что ты всегда отстраняешься от нее.

Гюстав Флобер

”Маленький домик… женщина моих грез…” В отсутствие Бальзака

каменщики построили ему маленький домик, и Бальзак лирически описал его

“женщине своих грез”. С возвышенности Виль-д’Авре открывался великолепный

вид, внизу простирался Париж, “мой дорогой ад”, как называл его Бальзак; повисшая над городом дымка затушевывала очертания знаменитых медонских холмов. “Удивительная красота и такой чудесный контраст”, - писал он Ганской. В конце владения Бальзака находилась железнодорожная платформа ветки Париж - Версаль, так что за десять су он в десять минут мог доехать от Жарди до центра Парижа, тогда как с улицы Батай ему для этого нужно было потратить по меньшей мере час и заплатить сорок су. По этой причине участок всегда будет представлять огромную ценность. “Я тут останусь до тех пор, пока не составлю себе состояния… И тут я в тишине и покое кончу свои дни, отказавшись втихомолку от надежд, от честолюбия и от всего…”

На доме - черная мраморная доска, и на ней вырезано золотыми буквами: ЖАРДИ. В воображении Бальзака это было Марли, это был Версаль. В глазах его критически настроенных друзей, да и в его собственных глазах, когда он смиренно соглашался видеть правду, это было шале с зелеными ставнями, узкое двухэтажное строение, с тремя комнатами на каждом этаже, с наружной весьма неудобной лестницей, которую называли парадным входом, “маленький и мрачный уголок”, где зеленый участок, скорее надел, круто спускался к дороге и весь состоял из многоярусных террас, готовых весело сползти

одна

на другую при первом же грозовом ливне. Сделанные с большими затратами

опорные стенки, которые должны были удерживать эти скользящие террасы, удивляли опытных людей своим упорным стремлением обрушиться. Ни одно

дерево не могло укорениться в этих диагональных пластах почвы. Бальзак

хотел выписать из Венеции сваи и балки из негниющего дерева, на которых

покоятся великолепные венецианские дворцы. Разумный подрядчик отговорил

его от этого фантастического намерения. Садовники потратили несколько

месяцев на то, чтобы с помощью своего искусства и каменной кладки удержать

от оползания столь неудобный глинистый пик. Актер Фредерик Леметр, приехав

посмотреть Жарди, все время, пока прогуливался там, держал в руках два

камня и, как только хозяин останавливался, тотчас подкладывал их себе под

ноги для опоры.

Лишь один Бальзак был невозмутим и не скользил на дорожках. Его

поддерживала вера. По его мнению, он владел лучшим в мире земельным

участком: на нем когда-то был прославленный виноградник, крутой склон

благоприятствовал действию солнечных лучей. Поэтому Бальзак собирался

разводить в Жарди тропические растения. Он намеревался посадить в

теплицах

сто тысяч саженцев ананасов. Ананасы продавались тогда в Париже по 20 франков, ну что ж, он будет отдавать свои ананасы по 5 франков, то есть получать на каждом урожае доход в 500000 франков. Расходы на рамы для теплиц, на уголь, на обработку земли составят 100000 франков. Следовательно, чистого дохода за год - 400000 франков. И ни малейшего риска! Верное дело!

Вместе с Теофилем Готье он искал на бульваре Монмартр лавку для продажи своих будущих ананасов. Помещение нужно будет выкрасить в черный цвет, по черному пустить золотую сетку, а на вывеске огромными буквами написать: “Ананасы из Жарди”.

”В воображении Бальзака, - писал Теофиль Готье, - сто тысяч ананасов уже вздымали под огромными хрустальными сводами зеленые султаны из зубчатых листьев над крупными золотыми конусами с квадратными наростами; он их видел, он наслаждался тепличной жарой, он вдыхал тропические ароматы, жадно раздувал ноздри и, когда, возвратившись домой, стоял у окна и смотрел, как бесшумно падает снег на голые склоны Жарди, с трудом расставался со своей иллюзией…”

Первым жилищем, построенным в Жарди, был крестьянский домик прежних его владельцев, он стоял в той же ограде, что и шале Бальзака, в шестидесяти футах от него. В домике поселилась графиня Висконти со своей семьей. Бальзак поставил там самую лучшую свою мебель и часть библиотеки - разумная предосторожность на случай возможной описи имущества. А в его коттедже, кроме кровати, стула, рабочего стола, не было никакой обстановки. На голых стенах он написал углем: “Здесь - облицовка из паросского мрамора. Здесь - резная панель из кедра. Здесь - роспись на потолке кисти Эжена Делакруа. Здесь - обюссоновский гобелен. Здесь - камин из полированного мрамора. Здесь - двери по трианонскому образцу. Здесь - мозаичный паркет из самых редкостных пород тропических деревьев…” - рассказывает Леон Гозлан. На полках были расставлены переплетенные в отдельные тома рукописи и корректурные оттиски произведений Бальзака во всех стадиях - от первой корректуры до окончательно выправленного текста.

Около этих томов Готье заметил мрачного вида книжицу в черном переплете.

“Возьмите ее, - сказал Бальзак, - это неизданные произведения, имеющие, однако, некоторую ценность”. На титульном листе значилось: “Грустные расчеты” - там были собраны списки векселей с указанием сроков уплаты

процентов и всеи суммы долга, счета поставщиков, перечень долгов. Этот “сборник”, стоявший рядом с “Озорными рассказами”, “отнюдь не являлся их продолжением”, как, смеясь, пояснил Бальзак.

Да, он по-прежнему смеялся, он не утратил своей “могучей жизнерадостности”. Все счета из “грустного сборника” скоро будут оплачены - он примется писать пьесы для театра. Правда, драматургия не была его призванием: бальзаковский гений меньше блистал в диалогах, чем в описаниях, в анализе характеров или в широких исторических картинах. Но ведь пьеса, имеющая успех, приносила автору сто и даже двести тысяч франков, то есть в десять раз больше, чем роман, и он, Бальзак, конечно, быстро научится ремеслу драматурга, как научился он мастерству романиста.

К тому же в пьесах очень мало текста, писать их можно гораздо быстрее. Он живо состряпает три-четыре пьесы при содействии подручных и вместе с тем будет продолжать свое главное творение.

В запасе у него было множество драматических сюжетов. В тетради “Мысли и фрагменты” их перечню была посвящена целая страница. Он набрасывал планы: например, “Оргон” - продолжение “Тартюфа” (первый акт был задуман неплохо); набросок “Ричард Губчатое Сердце”, представлявший собою

неплохо), набросок “Ричард Губчатое Сердце”, представлявший собою канву

многообещающей драмы из времен Консульства. Необходимость вынуждала его

быстро осуществлять свои замыслы, он решил тотчас же написать пьесу

“Старшая продавщица” - буржуазную трагедию, происходящую в торговом мире

квартала Марэ; Бальзак рассказал сюжет госпоже Ганской, у которой он не

встретил одобрения, а потом - Жорж Санд, и та пришла в восторг; пьеса

получила название “Школа семейной жизни”. Первоначальный замысел -

обольщение хозяина лавки старшей продавщицей и ярость его возмущенной

родни - казался Жорж Санд превосходным. В работе все изменилось.

Продавщица, которую Бальзак собирался изобразить неким Тартюфом в юбке, стала в пьесе чистой девушкой, “приказчицей с нежным сердцем”, искренне

полюбившей негоцианта, и Бальзаку пришла злосчастная идея использовать в

развязке пьесы историю, которую ему рассказал Меттерних: двое разлученных

влюбленных сошли с ума и не узнавали друг друга! Буржуазная комедия

заканчивалась плохой мелодрамой. А в первоначальном замысле были зачатки

бальзаковского театра.

Бальзак пригласил в Жарди для совместной работы над “Школой семейной

жизни” Шарля Лассайи, молодого, совершенно бездарного писателя, которого

он почему-то считал “подающим надежды”. У Лассайи был, по словам Алеви, “огромный рост и огромный нос. Вперед! Шагом марш! Нос предшествовал, дурак за ним шествовал”. Помощник ужаснулся, когда увидел, какими темпами

работает его наниматель. В час ночи слуга в ливрее будил его: “Барин

просит вас встать”. Потом Лассайи вели в столовую подкрепиться, на стол

подавали отбивные котлеты, шпинат, очень крепкий черный кофе. Затем

являлся Бальзак в монашеской сутане и уводил его в другую комнату. “Ну, пишите… Школа семейной жизни”. И он принимался диктовать наброски сцен.

Диктовал до семи часов утра. Такова была жизнь в Жарди. Перепуганный

Лассайи, так же как некогда Сандо, как Борже, обратился в бегство. Простые

смертные не могут сосуществовать со сверхчеловеком.

Зато прекрасным помощником оказался остроумный Лоран-Жан, который был

на девять лет моложе Бальзака; настоящее его имя было Жан Лоран. Длинный, худой, сутулый, хромой, он ходил подпрыгивая и опираясь на палку. “Серые

глаза его метали пламя”, а язык - сарказмы. Он был рисовальщик и писатель, но рисовал мало и ничего не писал. Гаварни смеялся: “Бальзак держит его

при себе для того, чтобы говорить людям при случае: “У меня в Жарди есть

бесплодная смоковница”. Но Бальзак главным образом “держал” Лоран-Жана за

то, что этот представитель богемы умел развлечь его и был ему предан. Так

же как и Леон Гозлан, он входил в ту веселую компанию, которая пировала на

улице Кассини, когда Бальзак, забывая своих герцогинь, “с удовольствием и

с пользой для себя якшался со всяким сбродом”. Лоран-Жан со свойственной

ему фамильярностью говорил Бальзаку “ты”, называл его “миленький” или

“дорогуша” и в конце письма ставил: “Прижимаюсь к твоей толстой груди”.

Матушка Бальзака обижалась, когда Лоран-Жан называл ее “дитя мое”, и

недовольно ворчала: “Разговаривай он с папой римским, и то назвал бы его

“дитя мое”. Однако этот чудак, фантазер и острослов был воплощением

преданности. Он потихоньку платил мелкие долги Бальзака у Фраскати, выпроваживал неприятных посетителей. Взяв на себя обязанности посредника, он предложил “Школу семейной жизни” в Комеди-Франсез, но управляющим

театра стал в это время Бюлоз, и Бальзак не мог ждать ничего хорошего от

своего личного врага. Затем пьеса была предложена театру Ренессанс и после

долгих переговоров отвергнута им. Однако ж она имела свои достоинства.

Жерара де Нерваля восхищало то, что в этой буржуазной трагедии возродилась

неистовая ярость Атридов. Бальзак читал “Школу семейной жизни” писателям

(Стендалю, Готье), посланникам и светским людям - сначала у госпожи Кутюрье де Сен-Клер, а затем у маркиза де Кюстина. Он не пал духом и нисколько не удивился, что первые шаги в драматургии оказались для него столь же трудными, как и на поприще романиста.

В Жарди он закончил роман “Музей древностей”, начатый в Женеве. Местом действия, так же как и в “Старой деве”, был избран Алансон. Центральной фигурой вместо мадемуазель Кормон стала мадемуазель д’Эгриньон; Бальзак любил сочетать симметрии и контрасты. Когда он описывал, как Диана де Мофриньез в мужском костюме, с хлыстом в руке посетила старого судью, любителя цветов, ему пригодились воспоминания о Каролине Марбути, которую он в Турине водил в оранжерею адвоката Луиджи Колла. Большой мастер мизансцен, он прекрасно знал, какая бутафория скопилась у него на складе аксессуаров, и, порывшись там, отыскивал под слоем пыли полезную подробность и нужный образ.

В превосходном предисловии автора указана основная тема романа: все провинциальные знаменитости устремляются в Париж.

”Музей древностей” - это повесть о небогатых молодых людях, носителях знатного имени, которые приезжают в Париж и гибнут там: одного разоряет

азартная игра, другого - желание блистать, того затягивает омут

наслаждений, а этого - попытка увеличить свое состояние, кто пропадает

из-за любви, счастливой или несчастной. Граф д’Эгриньон - прямая

противоположность Растиньяку, другому типу молодого человека из провинции.

Растиньяк ловок и дерзок, он добивается успеха там, где д’Эгриньон терпит

поражение”.

Настала полоса творческих удач: после “Музея древностей” Бальзак тотчас

взялся за вторую часть “Утраченных иллюзий” - “Провинциальная знаменитость

в Париже”. Он вложил в этот роман воспоминания о начале своего

литературного пути, о жадных и нищих репортерах, о своем стремлении всех

ослепить, о желчной злобе продажной прессы. Сонеты Люсьена де Рюбампре он

попросил написать своих друзей - Дельфину де Жирарден, Готье, Лассайи. (“Я

вижу в этом, - говорит Ален, - своего рода презрение профессионала”.) Фатовство Люсьена (трости, украшенные драгоценными камнями, бриллиантовые

запонки, тонкие обеды и ужины) напоминает образ жизни самого Бальзака в

1835 году и приводит героя романа к такой же катастрофе. Но не мешает

лишний раз напомнить, что хороший роман никогда не бывает автобиографией.

“Утраченные иллюзии” - это “жестокое крещение” любого провинциала, двинувшегося в поход на завоевание Парижа. Конечно, Бальзак думал о Ле

Пуатвене, о Рессоне, о Жюле Сандо, когда писал роман; конечно, он

вспоминал Лавока, Рандюэля, Верде, рисуя книгоиздателей, которым Люсьен

предлагал свои стихи. Чтобы создать образ Люсьена, он взял некоторые черты

Жюля Сандо (послужившего ему также натурой и для Лусто), одного из

подопечных Зюльмы Карро, молодого Эмиля Шевале, да еще уроженца Гренобля, некоего Шодзега, “приехавшего в Париж, - как пишет Антуан Адан, - с

глубокой верой в свои таланты и неотразимую свою красоту, бешено

закружившегося в вихре света, влюблявшегося в маркиз и в один прекрасный

день, когда он отрезвел, обнаружившего, что он остался без гроша и стоит

на пороге самоубийства”. Итак, живых натурщиков кругом было достаточно.

В рукописи романа можно напасть на кое-какие следы, которые потом были

нарочно запутаны. Газета Фино сначала носила действительно существовавшее

название: “Курье де Театр”. Сам Фино похож на доктора Верона, на Амедея

Пишо, на Виктора Боэна, но Бальзак постарался, чтобы в образе Фино не было

портретного сходства с этими людьми. Блонде, Лусто, Натан, Рюбампре - его собственные создания, более живые, чем живые люди. Д'Артез, великий писатель Содружества, походил на сен-симониста Бюше. Создавая этот характер, Бальзак и в нем слил черты нескольких реально существовавших людей, но главное - в д'Артезе запечатлено лучшее, что было в самом Бальзаке. В предисловии к "Музею древностей" он писал: "Наблюдение это чудесно выражает итальянская пословица: "Это хвост от другой кошки" ("Questa coda non e di questo gatto"). Литература пользуется приемом, применяемым в живописи, когда для создания прекрасного образа берут руки одной натурщицы, ноги - другой, грудь - у этой, плечи - у той. Задача художника - вдохнуть жизнь в тело, воссозданное им, и сделать изображение правдивым. Если же он вздумает всего лишь скопировать реальную женщину, то его произведение ни в ком не вызовет интереса…"

"Утраченные иллюзии", пожалуй, лучший из романов Бальзака. Сюжет был ему очень близок. Лусто руководил Люсьеном де Рюбампре в его хождениях по лавкам книгоиздателей, так же как Латуш посвящал Бальзака в тайны книжного рынка. Колебания Люсьена между Содружеством и низкой журналистикой

отражали колебания самого Бальзака, смутно надеявшегося примирить

республиканцев с легитимистами (как сблизились Мишель Кретьен и Даниель

д’Артез) для борьбы против буржуазного индивидуализма. Любовь Корали к

Люсьену, картина ее смерти, та сцена, где любовник умершей пишет рядом с

ее трупом веселую песенку, чтобы заплатить за похороны, исполнены высокой

поэзии.

А в уме Бальзака уже созревали замыслы других романов: “Сельский

священник”, “Кто с землей, тот с войной”, “Дочь Евы”, “Беатриса”. Каждая

из этих книг должна была стать (и остается до сих пор) предметом

восхищения и восторженного удивления. Этот человек знал все. Ему ведомо

было соперничество, разгоравшееся вокруг богатой невесты в Алансоне, подоплека жизни в Лиможе, среда куртизанок, журналистов и книгоиздателей, любовные увлечения женщин и укоры их совести. Он встречал в жизни светских

львов Парижа и почти не отличал их от персонажей своих романов. Кто это, Делакруа или Бридо? Дюпюитрен или Деплен? Жорж Санд или Камилл Мопен?

Гюстав Планш или Клод Виньон? Пуповина, соединявшая мир живых людей с

творчеством писателя, не была перерезана. Он был полновластный господин

существ, которые жили в нем, и ему оставалось только выбирать среди них

персонажей для нового произведения. Их прошлое порождало их будущее. В выборе им руководило не только личное желание, но и требования газет или необходимость дополнить том, и он находил это вполне естественным. Он возмущался тем, что казалось ему лицемерием Тартюфа, когда такой писатель, как Астольф де Кюстин, который получил большое наследство, позволявшее ему пренебрегать состоянием, какое он мог бы составить себе пером, когда этот богатый человек восхвалял бедность и гордость Руссо и осуждал “людей, жадных до денег, торгующих своим талантом”! Подождите-ка, отвечал Бальзак, но ведь Руссо в своей “Исповеди” весьма подробно рассказывает о переговорах, которые обеспечили ему шестьсот франков пожизненной ренты, а Расин и Мольер так же, как и Буало, принимали денежные милости короля.

В 1837 году любой писатель вынужден был под страхом нищеты считаться с капризными законами вкуса читателей и с требованиями книгопродавцев. Такая-то газета, такой-то журнал требуют, чтобы авторский текст был не слишком длинен и не слишком короток… Автор роется на своем складе и говорит: у меня есть “Банкирский дом Нусингена”! Но вот досада - “Банкирский дом Нусингена”, хоть он и подходит по размерам в длину и в ширину, подходит и по цене, но говорит о вещах слишком щекотливых, совсем не соответствующих политической линии газеты. Автор опять заглядывает

на склад и предлагает роман “Выдающаяся женщина” и повесть “Торпиль”. “Ну что? Вы смеетесь над таким положением вещей? Вам кажется, что оно наносит ущерб искусству? Но искусство может приноровиться ко всему, может ютиться повсюду, оно забивается в уголки пекарной печи, в изгибы каменных сводов; оно может блистать во всем, какую бы форму ему ни придали…” Случай - превосходный мастер. Леонардо да Винчи и Микеланджело сто раз это доказали. Голая стена послужила поводом для создания “Тайной вечери”; из бесформенной глыбы мрамора изваян был “Скованный раб”.

Учитывая положение, существовавшее тогда в издательском деле, автор должен был начинать несколько вещей сразу из опасения, что иначе не пристроит ни одну. В голове у него была настоящая мастерская художника. Посмотрите: в углу - группа “Утраченные иллюзии”… Не удивляйтесь, что ее участники стоят, выдвинув одну ногу вперед, как контрфорсы в каменных стенах парижских домов: дело в том, что издатель пожелал взять только один том, а не два. Второй выпустят в свое время. Если “Торпиль” что-то долго не появляется, то в задержке виноваты газеты: они боятся романов о любви проститутки. Вот почему в мастерской некоторые картины повернуты

лицом к стене. Раз художнику не отпускают средств из государственного бюджета, раз ему не дают пособий из собственной “шкатулки короля” и нет у него наследственного поместья (стрела в адрес Кюстина), он вынужден кормиться своим творчеством. Что поделаешь, если те статуи, какие он принялся лепить, несколько меняются в его руках. В “Выдающейся женщине”, над которой он стал работать по возвращении из Италии, много чиновников и мало выдающихся женщин. Дело в том, что фигуры чиновников уже были готовы, закончены, отделаны, а выдающуюся женщину еще нужно было вылепить. Между тем газета “Ла Пресс” ждет этот роман; “Фигаро” заранее заплатил двадцать тысяч франков за “Цезаря Бирото”, да еще нужно написать несколько рассказов и новелл, чтобы дополнить “Философские этюды”. Все эти работы приходится вести одновременно, и художник бегает от мольберта к мольберту.

Что бы ни говорил Бальзак, а все же искусство порой страдает от рабского подчинения фельетону. Подписчики ежедневных газет берут на себя роль цензуры над произведением писателя на том основании, что газета “валяется повсюду и может попасть в руки женщин и детей”. Читатели “Ла Пресс” жалуются, что роман “Выдающаяся женщина” (“Чиновники”) слишком

жалуются, что роман “Выдающаяся женщина” (“Чиновники”) слишком серьезное произведение. А подписчики газеты “Сьекль” хотели бы выхолостить содержание “Беатрисы”. Эти свободомыслящие пуритане боятся слова “грудь” и слова “сладострастие”. “Экое шутовство и глупость”, - пишет Бальзак госпоже Ганской.

Однако он не меняет своих приемов работы. В уме у него всегда много сюжетов, сформулированных в нескольких словах: “Любовь человеческая, которая приводит к любви божественной” (сюжет так и не написанного романа “Сестра Мария от ангелов”). “Славный старик, всего себя лишивший ради дочерей, умирает как собака” (сюжет “Отца Горио”). “Для “Сцен политической жизни”: министр ради политической комбинации приносит в жертву свою дочь, зятя и своих друзей” (роман остался ненаписанным). Иногда Бальзак пишет два произведения на один и тот же сюжет, но с разными концовками. В “Беатрисе” выведена графиня д’Агу, бросившая мужа и маленькую дочку, пожертвовавшая своим блестящим положением в свете ради великого музыканта Франца Листа; в “Дочери Евы” Мари де Ванденес подвергается такому же соблазну, но дипломатическая ловкость мужа вовремя спасает ее от грехопадения.

Сюжеты романов живут в его мыслях, как форели в садке, и по мере надобности он вылавливает их. Иной раз это не сразу удается. “Цезарь

Бирото”, например, долго не поддавался. Если книга “шла плохо”, Бальзак отбрасывал ее в садок и переходил к другой вещи. Зачем упорствовать? Его мир богат. Иногда он по-новому перерабатывает сюжет. Рассмотрим роман “Беатриса”. Зерно замысла заронила Жорж Санд, описывая Бальзаку чету Лист - Мари д’Агу. Тотчас же он задумал написать роман “Каторжники любви” (или “Любовь поневоле”). Но нужно было транспонировать тему, чтобы обеспечить себе творческую свободу. Роли уже определены: чета любовников и образ Жорж Санд, гениальной женщины, которая наблюдала это любовное приключение и рассказывает о нем. Кому же дать эти роли? И где развернуть действие?

Бальзак сделал два наброска. В первом он местом действия выбрал Париж и начинал роман картиной легитимистских кругов после революции 1830 года. Баронесса Эмма де Резо, молодая дама из хорошего дворянского рода, “тоненькая и стройная женщина с овальным личиком и острым подбородком… со светло-голубыми глазами, которые нередко бывают окружены темной тенью, с изящным носиком, украшенным горбинкой, с запавшими ноздрями; она хранила вид гордой принцессы, что очень ей шло” (это портрет Мари д’Агу); она

любит писателя Натана (одну из привычных марионеток Бальзака, приятеля

Растиньяка, Блонде и Максима де Трай) и намеревается убежать с ним. Здесь

фрагмент обрывается (замысел был использован в “Дочери Евы”). Бальзак

нашел более интересный зачин: ему представит чету любовников некая

писательница, подобие Жорж Санд, и, будучи гениальной женщиной, она лучше

всех расскажет начало этой знаменитой связи.

Но Бальзак не может описывать Ноан или Берри. Это значило бы снять

маску с Жорж Санд, а ведь сама она не захотела написать роман, чтобы не

ссориться с Листом. Тогда Бальзак вспомнил о своем путешествии в Геранду, которое он совершил в 1830 году в обществе Лоры де Берни. Почему бы не

подарить воображаемой Жорж Санд какую-нибудь усадьбу на побережье Бретани?

Так создан был бретонский Ноан, старинный замок господ де Туш. Жорж Санд

будет называться Камилл Мопен; в этом кроется ирония - ведь Теофиль Готье

наделил героиню своего романа “Мадемуазель де Мопен” некоторыми

чувственными наклонностями, приписываемыми Жорж Санд, а имя Камилл - одно

из трех имен этого литературного гермафродита. Наконец, Мопен походит на

Дюпен, девичью фамилию Авроры Дюдеван. Камилл Мопен одевается в

мужское

платье, любит долгие верховые прогулки, обожает музыку. В юности она росла

дичком, на полной свободе, так же как Жорж Санд; так же как и Жорж Санд, она маленького роста, у нее смуглый цвет лица, черные волосы, иной раз

глуповатый вид, а в минуты страстного волнения - дивный взор. В общем, внешность Камилл Мопен так пленительна, что Жорж Санд не могла обидеться.

Возле нее нарисован ее возлюбленный, знаменитый критик Клод Виньон.

Прототипом его является Гюстав Планш, но Клод Виньон значительно его

превосходит. Какой чудесной силой обладает писатель! Зачем чрезмерно

тревожиться из-за того, что творится в обыденной жизни, когда можно так

легко все поставить на свое место в мире романических вымыслов?

Геранда, древний укрепленный город, вызывает в воображении картины

феодального мира. Бальзак производит оттуда старинный род барона дю Геник.

Сам барон появляется во всеоружии благородных качеств, которые сразу можно

угадать по системе Лафатера. Фигура кажется скорее вымышленной, чем

списанной с натуры. Это воплощение рыцарства Бретани. Что касается

баронессы, то она ирландка, и многое в ее образе взято у графини

Гидобони-Висконти. Госпожа дю Геник (все еще красивая в сорок два года) старше, чем Contessa, родившаяся в 1804 году, но обе они обладают “жаркой

красотой августа, богатого красками”, обе отличаются прелестной белизной, у обеих глаза голубые, как бирюза, и обе носят имя Фанни. В “Беатрисе”, так же как это было в “Лилии долины”, сразу можно разгадать алхимию романиста. Он берет из действительности, из реального любовного приключения (хорошо ему знакомого благодаря Жорж Санд) множество подробностей. Все создавать путем вымысла было бы напрасной тратой сил, к тому же не всегда выдуманное звучало бы правдиво. Но задача была не в том, чтобы попросту перенести в роман действительность в чистейшем ее виде, нет, надо было по-своему подать ее: тут усилить свет, там сгустить тени, поднять изображаемые характеры до высот типов и, наконец, связать отдельный случай со всей картиной, показав, как современный мир разрушил патриархальный мирок Геранды. Может, впрочем, случиться, что на некоторых стадиях работы действительность не даст художнику нужной ему натуры. Тогда Бальзак откладывает свое полотно в сторону до тех пор, пока вдохновение или случайная встреча не помогут ему закончить работу. “Беатриса” ждала развязки пять лет - пять лет, в течение которых Мари д’Агу и ее двойник постарели. И тогда мы увидим, как другая женщина станет прототипом Беатрисы и как Каллист дю Геник, наивный бретонец, который бросил свою юную супругу ради распутной любовницы, “будет исцелен от иллюзий” и возвращен к семейному очагу благодаря добродетельному заговору, в который

вошли его теща (герцогиня де Гранлье), умудренный жизнью кюре и авантюрист Максим де Трай. В труппе Бальзака имелись актеры на любые амплуа.

Но каким бы счастьем ни было для Бальзака “носить в голове целый мир”, ему, увы, приходилось иногда спускаться на глинистые дорожки Жарди, и это становилось настоящей катастрофой. Долги, которые он сделал для покупки и благоустройства этого дома, в 1839 году уже достигли пятидесяти тысяч франков. Бальзак должен всем своим приятелям, должен и привратнице дома в Шайо, и садовнику Бруэту (привезенному из Вильпаризи), и даже полевому сторожу в Виль-д’Авре. Этот низший блюститель закона неосторожно дал взаймы писателю шестьсот франков, и Гозлан застал Бальзака, когда тот “прятался в своем садике, как затравленный заяц, не смея погулять в лесу” из страха столкнуться со своим кредитором. Этот долг фигурирует в списке “неотложных”, в конце которого Бальзак наивно добавляет: “забыл, кому сколько, но всего 4000”. Затем следовали долги “спокойные”, из них десять тысяч графине Гидобони-Висконти. В бухгалтерии Бальзака сумма этой деликатной денежной помощи сопровождается пометкой: “Уплатить еще до конца года, без процентов”. Он подарил прекрасной англичанке переплетенные оттиски корректуры “Беатрисы”, а в самой книге напечатано в

посвящении: “Саре”, что вызвало ревнивые опасения госпожи Ганской.

Однако Бальзак надеется и даже питает уверенность расквитаться со всеми своими долгами, если он станет писать пьесы для театра. Перед тем как начать в 1839 году новую драму “Вотрен”, взятую им из своих романов, он смело предложил Арелю, директору театра Порт-Сен-Мартен, эту еще не написанную пьесу. И совершилось чудо: Арель согласился - ему до зарезу была нужна новая пьеса, а иллюзиями он обольщался, пожалуй, не меньше самого Бальзака. “Никакого риска, - уверял себя Арель, - герой пьесы известен публике по “Отцу Горио”; играть его будет Фредерик Леметр; успех обеспечен”.

Теофиль Готье, честный и дружелюбный свидетель, описал, какие невероятные приемы применял Бальзак в качестве драматурга. Романы свои он переделывал и отделывал по десять раз, но совсем не обрабатывал свои пьесы. Накануне того дня, когда он должен был читать “Вотрена” в театре Порт-Сен-Мартен, он созвал Готье, Беллуа, Урлиака и Лоран-Жана; собрал он их у портного Бюиссона на улице Ришелье, в доме сто четыре. У Бальзака было там пристанище - кокетливо и со вкусом убранная мансарда, со штофными обоями, с ковром в синих и белых разводах. Готье так описывает эту сцену:
“- Ну, наконец и Тео пришел! - воскликнул Бальзак, увидев нас. -

Ленивец, тихоход, аи, унау! Поторапливайтесь! Вы должны были пожаловать час назад… Завтра я читаю у Ареля большую пятиактную драму.

- И вы хотите знать наше мнение? - спросили мы, с удобством располагаясь в креслах, как оно и подобает, когда люди готовятся слушать долгое чтение.

Угадав по этим позам нашу мысль, он сказал с самым простодушным видом: - А драма еще не написана.

- Вот дьявол! - воскликнул я. - Придется отложить чтение на полтора месяца.

- Нет, мы живо смастерим драмораму, чтобы получить денежки. У меня как раз подошел срок векселям на солидную сумму.

- Но ведь к утру невозможно сочинить пьесу. Переписать и то не успеют.

- Мы вот как устроим: вы напишите первый акт, Урлиак - второй, Лоран-Жан - третий, де Беллуа - четвертый, я - пятый, и завтра в полдень я прочту пьесу, как было условлено. В одном действии бывает не больше четырехсот или пятисот строк; пятьсот строк диалога прекрасно можно сделать за сутки - за день и ночь.

- Ну, рассказывайте сюжет, намекните план, обрисуйте в нескольких словах действующих лиц, и я примусь за работу, - ответил я, порядком испугавшись.

- Ах, так?! - воскликнул Бальзак с великолепными интонациями

удрученности и гордого презрения. - Вам еще сюжет рассказывать?.. Этак мы

никогда не кончим…”

Из всех приглашенных за дело взялся только незаменимый Лоран-Жан. Может

быть, он даже сделал больше, чем Бальзак. Конечно, на следующий день читка

не могла состояться, разумеется нет! Пьеса была представлена в цензуру в

январе 1840 года и сначала была отвергнута по соображениям морального

характера: обнаружено было сходство главного героя с Робером Макаром, торжествующим вором и насмешником; в конечном счете Вотрен оставался

безнаказанным. После некоторых незначительных поправок автор получил

разрешение на постановку. Премьера состоялась 14 марта, и атмосфера в зале

была враждебной. Из страха перед журналистами (затаившими злобу на него за

“Утраченные иллюзии”, где Бальзак дал беспощадную картину их нравов) он

вздумал рассадить их вперемешку с платными зрителями. Но его противников

оказалось в зале большинство. Три первых акта были встречены холодно. В

четвертом акте появление на сцене Фредерика Леметра в мундире

мексиканского генерала, с хохлом на голове, как у Луи-Филиппа, вызвало

бурю возмущения. Герцог Орлеанский демонстративно вышел из ложи и, вернувшись во дворец, разбудил короля. “Батюшка, - сказал он, - вас выводят на театре в карикатурном виде. Неужели вы это потерпите?” На следующий день пьеса была запрещена. Бедняга Бальзак очутился, как Перетта в басне, перед разбитым кувшином! Эта басня преследовала его.

Провал “Вотрена” был тяжелым ударом для всего “небесного семейства”. Из-за безденежья Сюрвиль не может ни прокладывать каналы, ни строить железные дороги, и от этого он совсем теряет голову, становится все более раздражительным и вспыльчивым. Он “со всеми на ножах и рычит как лев”, - пишет теща своим живописным слогом. Жен”, которую он оскорбляет, в утешение себе говорит дочерям, что у него “мостовое настроение”. После резких выходок Сюрвиль чувствует угрызения совести и готов просить прощения, но характер у него гордый, а Лора обидчива, “так что лед все не тает”. Бедняжка Лора! Ей уже не двадцать лет, она постарела, красота увяла; ее одолевают печальные мысли об ушедшей молодости, о потерянных возможностях. По счастью, ее дочь Софи так мила и нежна с матерью. Она тоже твердит: “Это все мост виноват!” И в самом деле, инженер Сюрвиль достоин жалости. Он работает день и ночь, и все же он на грани разорения. У зятя госпожи Бальзак и шурина Оноре Бальзака положение трудное. Лора это

прекрасно понимает; она признает, что ее муж - славный человек, но не блещет талантами, больше всех дарований он наделен сердечным жаром. После очередной супружеской стычки она говорит служанке: “Вот они, прелести супружеского счастья!” Она отказывается от балов, от вечеров, от спектаклей; она начинает беспокоиться о замужестве дочерей. Словом, Лора Сюрвиль становится такой же, какой была когда-то в Вильпаризи ее мать.

Оноре доставил им обеим много беспокойства. После запрещения “Вотрена” Лора дала ему взаймы шестьдесят франков из той скромной суммы в пятьсот франков, которую муж выдавал ей ежемесячно “на стол”. Если бы Сюрвиль узнал об этом, какую сцену ревности он устроил бы! А когда Бальзак заболел от неудачи в театре, Лора храбро приняла его в свой дом, уложила в постель, обеспечила ему хороший уход, но зачастую слышала за это укоры мужа: “Я же тебе говорил, что так и будет!” Госпожа Бальзак пишет: “Ты и представить себе не можешь, сколько “Вотрен” причинил мне горя (о деньгах я уже не говорю)! Репутация Оноре погибла! Теперь он конченый человек, если только новой своей пьесой не завоюет блестящего успеха”. Можно подумать, что дело происходит в Байе в 1820 году. Мать величайшего в мире

романиста портит себе из-за него кровь, как и во времена “Наследницы Бирага” или “Арденнского викария”.

XXVII. АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ

Одно из несчастий высокого ума состоит
в том, что он неизбежно понимает все - и
пороки и добродетели.
Бальзак

Вполне естественно, что великий писатель, страдающий оттого, что у него нет морального и общественного престижа, на который он имеет право, иной раз мечтает об апофеозе Вольтера. В 1839 году Бальзак, казалось ему, нашел свое “дело Каласа”. Спасти невиновного - задача не менее славная, чем создать образ бандита. Дело Пейтеля привлекло внимание Бальзака, потому что он знал обвиняемого. Он встречался с ним в Париже в 1831 и 1832 годах, когда Пейтель, тогда еще очень молодой человек, приобрел пай в журнале “Волер” и вел в нем театральное обозрение. Пейтель казался ему человеком тщеславным, горячим, вспыльчивым, но добрым. Расставшись с Парижем

тщеславным, горячим, вспыльчивым, но добрым. Расставшись с Парижем, Пейтель работал у нотариуса в Лионе, потом в Маконе и наконец устроился нотариусом в Бела. 7 мая 1838 года он женился на креолке Фелиси Алькасар, “бесспорно привлекательной особе, - пишет Перрод. - Она была смуглянка, как все женщины, родившиеся на Антильских островах, где в минуты страстного волнения девичьи щеки пылают, скрадывая матовую бледность, свойственную этим хрупким созданиям. Она была капризна и переменчива”.

Даже в родной семье ее считали “лживым и очень опасным существом”.

В ночь с 1 на 2 ноября 1838 года Пейтель внезапно разбудил практикующего в Белэ врача Мартеля - он привез к нему из Макона свою молодую жену, смертельно раненную, и умолял врача оказать ей помощь. Он заявил, что его слуга Луи Рей выстрелил из пистолета по фаэтону; увидев, что госпожа Пейтель ранена, нотариус бросился преследовать убийцу. Как всегда во время поездок, он был вооружен шахтерским молотком и этим молотком ударил Луи Рея. “Не знаю, сколько ударов я нанес ему По голове, пока он не упал у моих ног”.

Жандармерия и судебные власти не поверили объяснениям Пейтеля. Общественное мнение Белэ настроено было крайне враждебно по отношению к этому нотариусу, чужаку, недавно поселившемуся в городе. На судебное следствие оказали влияние политические страсти. Обвинительный акт создал некую воображаемую фигуру Пейтеля, человека скрытного, лицемерного, который вел в Париже распутную жизнь, промотал свое состояние и

который вел в Париже распутную жизнь, промотал свое состояние и женился на очень богатой дурнушке (что было неверно), желая раздобыть таким образом деньги на покупку нотариальной конторы. Бальзак и Гаварни, которые знали Пейтеля, не могли поверить, что он был таким чудовищем, каким изображала его прокуратура. Когда суд присяжных в Бурке приговорил Пейтеля к смертной казни, оба друга поехали навестить его в тюрьме, а Бальзак, встав на его защиту, написал длинное “Письмо о процессе Пейтеля, белэйского нотариуса”.

Он попытался нарисовать более верный портрет осужденного: “Пейтель получил такое же воспитание, какое обычно дают детям в порядочных семьях; родители оставили ему состояние в сто тысяч экю; как нотариус, он принадлежит к той буржуазии, которая теперь почти что полновластно царит во Франции; в молодости он занимался литературой, работал в парижской прессе; разве мы не обязаны защитить его?” Проявляя большую осведомленность в юридических вопросах, Бальзак доказывал, что Пейтелю совсем не нужно было приданое Фелиси для того, чтобы заплатить за нотариальную контору, что недвижимое имущество в Маконе, доставшееся ему по наследству, осталось нетронутым и, наконец, что Ламартин, великий

по наследству, осталось нетронутым и, наконец, что Ламартин, великий Ламартин, прислал “единодушное свидетельство людей, знавших Пейтеля и подтверждавших чистоту его прошлого и безупречность жизни”.

Все усилия были тщетными и, быть может, только раздражали судей. Луи-Филипп не забыл, что Пейтель как журналист “лез в политику” и однажды опубликовал под псевдонимом Луи Бенуа, садовник, “Физиологию Груши”, где крайне непочтительно говорилось об очертаниях королевской физиономии, да еще эта статейка сопровождалась иллюстрациями Анри Монье. Роже де Бовуар написал ядовитую песенку:

Увы, увы! Никак
Не подыщет Каласа Бальзак.

Манеры и внешность Бальзака не понравились судейским чиновникам Бурка. “Ну да, Бальзак, - говорил Гаварни, - почему у вас нет приятеля, какого-нибудь тупоголового и преданного буржуа, который вымыл бы вам руки и завязал как следует галстук…”

Пейтеля казнили 28 октября 1839 года. Кажется, он действительно был виновен, но иначе, чем об этом говорилось в обвинительном акте, и

преступление его носило менее гнусный характер. Пейтель не захотел открыть, что его жена была в связи со слугой (быть может, связь эта существовала еще до брака, так как Луи Рей состоял в услужении у маркизы де Монришар, сестры Фелиси). Убийство из ревности все же было не так омерзительно, как убийство ради денег. Бальзак писал Чужестранке, что “этот бедный малый” мог бы “спасти свою голову, если б сказал всю правду.

”Да, у Пентеля имелись обстоятельства более чем смягчающие, но ссылаться на них было невозможно. Люди ведь не хотят верить некоторым благородным чувствам. Ну, теперь уж все кончено. Я вам когда-нибудь дам прочесть то, что он написал мне перед тем, как взойти на эшафот… Он был мучеником своей чести. За такие чувства, обуревающие героев Кальдерона, Шекспира и Лопе де Веги, театр рукоплещет, а в Бурке за них человеку отрубили голову”.

Бальзак великодушно отдавал ради защиты обвиняемого и свое время, и свое перо, и деньги. Хлопоты по делу Пейтеля, поездки в Бурк, напечатание “Письма” обошлись ему в 10000 франков и, как он наивно говорил, принесли еще убытку на 30000 франков, замедлив его работу. И произошло это в

такое

время, когда ему нужно было мобилизовать все средства. В июне 1840 года

общая сумма его долгов, поднимающаяся, как морской прилив, достигла 262000

франков, среди этих долгов на 115000 франков было “дружеских” долгов

(госпоже Бальзак, госпоже Делануа, доктору Наккару, портному Бюиссону и

т.д.) и на 37000 - неоплаченных, но “спокойных” векселей (как, например, супруги Висконти). Но был по крайней мере один весьма “неспокойный

кредитор”, некий Фуллон, домовладелец, своего рода Гобсек, который под

ростовщические проценты дал Бальзаку 5000 франков под залог его авторских

прав на “Вотрена”: не получив долга, он пустил в ход, как это делал

некогда Даккет, все средства судебного воздействия, включая и наложение

ареста на имущество должника. В Жарди эта комедия возобновилась. Садовник

Бруэт сказал судебному приставу, что флигель со всею находящейся в нем

мебелью принадлежит графу Гидобони-Висконти; в доме Бальзака нет никаких

вещей, пригодных для продажи с молотка, кроме китайской вазы с щербатыми

краями и разрозненных книг. Тогда безжалостный Фуллон добился наложения

ареста на недвижимое имущество, то есть на оба флигеля. Бальзаку надо было

спешно продать Жарди и переселиться в другое место. Улица Батай была

спешно продать Жарди и переселиться в другое место. Улица Батай была окружена, красивая мебель, поставленная у Бюиссона на улице Ришелье, вывезена по постановлению суда, в который обратился свирепый кредитор.

Даже госпожа Бальзак держала себя не так спокойно, как того хотелось ее сыну. Вот что она писала ему 22 октября 1840 года: “Нынче, дорогой и любимый сын мой, мне исполнилось шестьдесят два года… Я начала этот день молитвой за вас, дети мои, и мысленно благословила вас… Каждый день молю Провидение, чтобы оно поддержало тебя в твоей борьбе…” Она хранила молчание “более двух лет” и не виделась с сыном из страха, что ей “будет оказан холодный прием”, но как она страдала из-за того, что живет на средства зятя. Не мог бы сын дать ей приют? Эта мысль привела Бальзака в ужас. Если под одной кровлей с ним будет жить такая неуравновешенная женщина, как его мать, это будет жестокой угрозой его душевному покою! А ведь ему еще так много надо написать! Чем больше он продвигался по своему пути, чем больше создавал, тем больше цель как будто отдалялась от него. Однажды он написал Зюльме Карро: “Будущее начинает приближаться”, а через несколько месяцев уже сообщал: “Все одно и то же: бесконечные ночи, ночи и по-прежнему впереди целые тома! То, что я хочу построить, так высоко, так

обширно!” По правде сказать, раз он хочет соперничать с самим Богом, то ему не закончить своих произведений, проживи он хоть сто лет.

А кто, кроме Зюльмы Карро, понимает его? Его отношения с Гидобони-Висконти становятся менее теплыми. Хотя Contessa и любит Бальзака, она устает от этой беспокойной жизни, от этих постоянных долгов, от этих судебных исполнителей, осаждающих его со всех сторон. Да, кажется, и Бальзак уже исчерпал все радости этой любовной связи. Сара никогда не требовала и не обещала верности. Она втайне применяла в жизни свои собственные, британские принципы морали. Ей было известно о романе Бальзака с Ганской, и он ее не смущал. Впрочем, переписка Бальзака с его Евой стала более вялой. Надежды неизменно сменялись разочарованием, и их затягивал туман забвения. Появлялись другие женщины, ибо Бальзак не умел противиться соблазну любовного приключения, которое могло стать сюжетом романа.

В апреле 1839 года он напечатал в “Ле Сьекль”, директором которого был его приятель Дютак, первую часть “Беатрисы”. По поводу этого романа Бальзак получил письмо. Его корреспондентка была, как она сообщила, молодая девица, уроженка Геранды, а посему поклонница, вдвойне заинтересованная книгой: во-первых, история, описываемая там, развертывалась в ее родных краях, а во-вторых, героиню романа зовут так

же, как и ее, - Фелисите. Странная причина для восхищения глубоким произведением, но находятся и такие читательницы. Бальзаку доставляла удовольствие эта переписка, потому что “юная солеварка” выступила в роли боязливой влюбленной, очарованной великим и недоступным человеком. Зная, что он находится в Жарди и выздоравливает там, после того, как вывихнул себе ногу, барышня послала ему вышитый коврик с цветочным узором, и Бальзак подтвердил получение посылки.

3 июля 1839 года:

”Мадемуазель! Я еще не могу ходить, и этим плачевным обстоятельством объясняется запоздание в присылке моих жалких цветов риторики взамен ваших прелестных букетов, которые стоят безумного труда и прекрасны, как творение волшебницы, заточенной в темницу.

Чувства, выраженные в вашем письме, конечно, извинят меня за то, что я бегу из Парижа в деревню, ибо Париж губителен для некоторых душ. В конце недели я вышлю книги, если они к тому времени будут переплетены, по адресу, указанному вами.

Поскольку вы подражаете Господу Богу и дарите смертным свои щедроты, не

показываясь им, я выражу в письме то, что хотел бы сказать вам устно: меня

растрогали чувства, которым я обязан вашим письмом, и я ответил на него

лишь потому, что чувства эти отличаются, на мой взгляд, от любопытства, которому дают волю авторы других посланий ко мне.

То, что вы говорите на прощанье, показывает, какая у вас поэтическая

душа. Искренние порывы сердца всегда красноречивы, и, когда я думаю обо

всем, что мне пришлось потерять, я нахожу, что вы поступаете хорошо. Но

смею уверить вас, не увидев вашего таинственного личика, я больше и думать

не стану ни о Бретани, Ни о тех прекрасных краях, где вы живете.

Я подал повод к некоторым сплетням обо мне, но если ваша крестная

мамаша, может быть, и права в своих утверждениях, умоляю вас поверить мне, мадемуазель, что не только среди писателей, но и вообще среди мужчин я

принадлежу к числу тех, кто может лишь бескорыстно восхищаться вами, даже

если б я не оказался предметом, как вы говорите, романтической

направленности вашего ума. Наш брат больше, чем все прочие вместе взятые, знает, как редко встречается это благородное чистосердечие, которое

выгодно отличается от пошлых условностей. Прошу вас, гоните от себя мысль, которая была бы для меня горькой. Позвольте мне выразить вам свою

признательность и поблагодарить за все ваши знаки внимания…”

Письма этой новой незнакомки представляли собой весьма любопытную смесь подлинных фактов и бесстыдной лжи. Хвастаясь тем, что она принадлежит к старинному дворянству, Элен-Мари-Фелисите де Валет говорила правду. И тут же она лгала, сообщая, что мать ее “жива и находится при ней”. Госпожа де Валет умерла за двадцать один год до этого.

Элен называла себя бретонкой и говорила, что она не замужем. Она действительно по происхождению бретонка, так как родилась в Рошфор-сюр-Мер и воспитывалась в монастырском пансионе в Ванне. Но то, что она никогда не была замужем, - чистейшая ложь. Она была единственной дочерью морского офицера, который, овдовев, постригся в монахи, и вышла замуж рано, в семнадцать лет, за пятидесятилетнего вдовца-нотариуса, у которого был юноша сын. В 1839 году, когда Элен задумала завоевать Бальзака, ей было тридцать лет, она заказывала гравировать на своей почтовой бумаге графскую корону и больше уж не желала, чтобы ее называли “вдова Гужона”.

Ее супружеская жизнь была недолгой: замуж она вышла 18 января 1826 года, а 25 ноября 1827 года овдовела. По завещанию покойный муж оставил ей

в полную собственность четвертую часть своего движимого имущества, которую

она могла передавать и по наследству. Он оставил ей также, но лишь в

пользование, четвертую часть недвижимого имущества; все остальное ваннский

нотариус назначил своему сыну от первого брака. Особым пунктом завещания

оговаривалось, что молодая вдова, достигшая всего лишь девятнадцати лет, теряет право на пользование недвижимым имуществом, если выйдет замуж

второй раз. Элен Гужон не хотела признаваться Бальзаку ни в том, что она

вдова, ни в том, что у нее есть любовник и внебрачный сын. Она состояла в

постоянной связи с дворянином, владельцем замка на берегах Шера, графом

Мулине д’Ардемаром, и от него у нее в 1831 году родился мальчик, нареченный Эженом. С графом она обращалась, как с супругом, то есть питала

к нему больше уважения, чем любви, и бессовестно изменяла ему.

В ее жизни был еще и второй покровитель - барон Ипполит Ларэ, военный

врач (так же как его знаменитый отец) и “самый обаятельный человек на

свете” питал к ней глубокую привязанность, длившуюся всю его жизнь. В 1839

году Прекрасная Солеварка жила то в Бретани, то в Париже, где у нее было

пристанище - “простая мансарда художника” в доме номер 12 по улице

Кастильон. В конце осени она получила от Бальзака разрешение посетить его

в Виль д’Авре. Когда она явилась туда, писателя не было в Жарди. Она смело проникла в дом и даже дерзнула взять там какую-то вещь на память. “Я чувствовала все неприличие воровства, которое я позволила себе совершить у вас. Но я была как безумная, да, я как безумная плакала от радости, от счастья, что я вдруг оказалась в тех местах, которые вам нравилось устраивать по своему вкусу, которые вы любили. Простите же мне, как прощают безумцам…”

Должно быть, Элен присвоила себе чернильницу Бальзака, потому что “взамен” подарила ему ту чернильницу, которую ей завещала ее крестная мать, госпожа де Ламуаньон. Из письма в письмо смелая мистификаторша продолжала сочинять историю своей жизни. Вот она сообщает, что вышла замуж. Ей приходится расстаться с Бретанью, и на прощание она раздарила приятельницам “все свои девичьи безделушки”… “Буду ли я счастлива? Одному Богу это ведомо! Мне жаль расставаться с родным краем, и, однако ж, единственная радость, которую я там изведала, исходила от вас. Я найду ее повсюду…” Такое восторженное поклонение, предметом которого оказался Бальзак, не могло не соблазнить его. В начале 1840 года Элен явилась к нему собственной персоной, великодушно предложила денежную помощь и не проявила неприступной добродетели. В марте Бальзак уже называет ее “

¨моя дорогая Мари” (симптом безошибочный), занимает у нее десять тысяч франков - тоже разоблачающая примета; обещает вернуть деньги после торжества “Вотрена” и, так как не может расплатиться, дарит ей корректурные оттиски “Беатрисы”, собственноручно правленные им.

”Моя дорогая Мари! Вот отработанные корректурные оттиски “Беатрисы”, книги, к которой я благодаря вам питаю такую привязанность, какой никогда не чувствовал ни к одному своему произведению, и которая оказалась связующим звеном, породившим нашу дружбу. Я дарю такие вещи только тем, кто любит меня… и среди тех, кому я дарил их, не знаю сердца более чистого, более благородного, чем ваше… Шлю тысячу поцелуев. Addio, cara”.

Эти излияния, это подношение рукописей составляют в глазах Бальзака доказательство любви. И они ни к чему не обязывают. Однако ему приятно было думать, что его любит ангел чистоты, дочь первобытной Бретани. Через месяц он сообщает Элен, что пишет новую пьесу, “Меркаде”, и из доходов за нее заплатит долги, которые не мог погасить “Вотрен”. “В октябре я заплачу по своей театральной закладной… Пишу об этом наспех, чтобы успокоить

по своей театральной закладной… Пишу об этом наспех, чтобы успокоить вас, бесценное мое сокровище. Спасибо за письмо, милая душечка…”

Но “очень скоро бретонскому ангелу подрезали крылышки”. Некий Эдмон Кадор (кажется, это был не кто иной, как Роже де Бовуар, журналист, писавший под разными псевдонимами) сделал Бальзаку неоспоримые и неприятные разоблачения: Элен де Валет - вдова, фамилия ее по мужу Гужон; она признала своим незаконного ребенка, рожденного ею вне брака; ее открыто содержат два богатых человека; у нее было много мимолетных увлечений, и в числе ее любовников состоял и сам доносчик. Бальзак, жертва мистификации, написал мистификаторше (которая проводила то лето в Бретани), потребовал от нее объяснений. Она потеряла самообладание.

Элен де Валет - Бальзаку, Бати, 29 июля 1840 года: “После вашего письма моя жизнь стала сплошным кошмаром, и когда я отвечала вам, то сама не знала, что делаю! Мне важна было одно: уверить вас, что я никогда не любила господина Кадора. Теперь вы просите меня рассказать подробно и правдиво обо всем… Я никогда не принадлежала этому человеку… Он забавлял меня, я терпела его возле себя из страха и из кокетства. В первый же день, как мы познакомились, он мне заявил, что был любовником Жорж Санд и что он стегал ее хлыстом! Это привело меня в

ужас… Дорогой, вот и все, больше мне нечего об этом сказать… Кадор - тщеславное существо. Вы могли бы вырвать у него мои письма, но не можете помешать ему болтать. Он почитал бы счастьем для себя оказаться замешанным в приключении, где его имя будет связано с именем такого человека, как вы. А мне этого совсем не хочется, я готова нести последствия своего преступного легкомыслия, но вы, мой любимый, должны оставаться в стороне…”

Элен де Валет, мистификаторша, опьяневшая от своей поэтической лжи, продолжала сочинять себе подкрашенную жизнь.

Элен де Валет - Бальзаку, август 1840 года: “Мне следовало понять вас и питать к вам больше доверия. Мы с вами побеседуем, раз вы так добры, что проявляете интерес к моему положению. Я буду благоразумна… Я хотела сохранить свою независимость. Я бываю свободна десять месяцев в году. Я живу одна… Мне приходится иметь дело с честнейшим в мире человеком; ради меня он принес огромные жертвы как по части состояния, так и своего положения в обществе… У меня есть обязательства по отношению к нему. Ни за что на свете я не согласилась

бы причинить ему хоть малейшее горе, и поэтому я трепетала, как бы этот гнусный Э.К. не скомпрометировал меня!.. У меня нет к графу тех чувств, которые я так желала бы иметь, но я знаю, что мне нужно окружать его доказательствами моей нежности к нему. Я хотела молчать обо всем и быть для вас видением, навсегда остаться для вас дикаркой, дочерью дикой Бретани… Но вот явился некий Кадор, назвал вам мое имя, рассказал о моем ребенке, и вы пожелали, чтобы я все открыла вам. Теперь вы все знаете обо мне - и хорошее, и дурное…”

В конце концов и сам Бальзак никогда не был образцом верности и не выказывал чрезмерного уважения к добродетели. Два актера нуждались друг в друге - для реплик. Элен была приятной подругой в путешествии, Бальзак должен был ей деньги. Зачем разрывать? В апреле 1841 года он съездил с Элен в Бретань, чтобы еще раз посмотреть на Геранду, на Круазик и Батц, которые осматривал когда-то с госпожой де Берни. Он задумал закончить роман “Беатриса”, последняя часть которого еще не была написана. 16 июля 1841 года Бальзак писал Ганской: “Душевная и телесная усталость заставили меня совершить маленькое путешествие по Бретани, занявшее две недели в апреле и несколько дней в мае. Я вернулся совсем больным. Весь конец мая

мая

провел в ванной, ежедневно сидел в ванне по три часа, чтобы избежать воспаления". Тогда ходили неприятные слухи о состоянии здоровья Элен де Валет.

В последней части романа "Беатриса" в образе героини гораздо больше воплощена Элен де Валет, чем Мари д'Агу. Бальзак рисует неуравновешенную особу, обезумевшую от жажды мести, женщину, у которой жестокость внезапно берет верх над кокетством. "И может быть, Элен де Валет имеет отношение к этой метаморфозе", - пишет Морис Регар в своем предисловии к "Беатрисе".

Она талантливо умела играть комедию любви, и слова Максима де Трай в беседе с герцогиней де Гранлье выражают собственные мысли Бальзака: "Подлинная любовь говорит: "Я люблю ее, пусть она низкое существо, пусть обманывает меня и будет обманывать впредь, пусть она видала виды, пусть она прошла огонь и воду!" И все-таки бежит к ней и видит синеву небес, райские цветы…" В 1841 году Бальзак посвятил "Сельского священника" Элен. Но в рабочем экземпляре, по которому он в 1845 году готовил роман к переизданию, он вычеркнул это посвящение. Любовники поссорились, и госпожа де Валет весьма резко требовала, чтобы Бальзак возвратил ей с процентами

десять тысяч франков, которые она ему дала в долг. Жалкое и некрасивое любовное приключение!

А благородная Зюльма Карро, казалось, совсем была принесена в жертву новым увлечениям. Оноре не только не приезжал больше во Фрапель, но, даже когда госпожа Карро жила в Версале - так близко от Жарди, - он не находил времени хоть на минутку заглянуть к ней. Высокими душами всегда пренебрегают, потому что они никогда не жалуются, им противно плакаться.

”Вы, конечно, понимаете, что, если я не мог приехать в Версаль повидаться с вами, значит, я был связан неотложной работой; я едва сумел вырваться посмотреть диву. У меня в моих кампаниях нет ни времени, ни места для привалов и бивуаков. Вот я и тружусь. Написал “Дочь Евы”, “Беатрису”, “Провинциальную знаменитость” - всего пять томов in octavo [в восьмую долю листа (лат.)] - и печатаю сейчас “Сельского священника”. Судите сами, какова моя жизнь…”

Зюльма Карро больше винила любовные интриги Бальзака, чем его труд.

“My dear, - писала она, - вы счастливы, я это знаю и не хочу, чтобы какие-нибудь посторонние мысли примешивались к теперешнему вашему

какие-нибудь посторонние мысли примешивались к теперешнему вашему

блаженству… Узнав, что “Провинциальная знаменитость” вышла в свет, я

раздобыла книгу. Это произведение, целиком продиктованное умом, но умом

очень здравым, простое, без претензий. Давно уже ни одна из ваших книг не

доставляла мне такого удовольствия… Мы идем с вами разными дорогами, и

неудивительно, что нам не удается протянуть друг другу руку…”

Бальзак - Зюльме Карро, ноября 1839 года: “Вы считаете меня счастливым? Боже мой! А ко мне пришло горе, тайное, глубокое горе, о котором и сказать нельзя. Что касается материальной

стороны жизни, то написанных шестнадцати томов и созданных в этом году

двадцати актов театральных пьес оказалось недостаточно! Сто пятьдесят

тысяч франков, заработанные мною, не принесли спокойствия!.. Жарди должно

было составить мое счастье во многих отношениях, а оно разорило меня.

Больше не хочу иметь сердце. Поэтому я весьма серьезно подумываю о

женитьбе. Если вам встретится девушка лет двадцати двух, богатая невеста с

приданым в двести тысяч или хотя бы в сто тысяч франков, лишь бы ее

приданое можно было употребить для моих дел, вспомните обо мне. Я хочу, чтобы моя жена могла приноровиться к любым обстоятельствам моей жизни, могла бы стать женою посла или усердной хозяйкой в Жарди. Но никому не

никому не

говорите - это секрет. Она должна быть девушкой честолюбивой и умной…”

Зюльма Карро - Бальзаку, 2 декабря 1839 года: “Я не знаю ни одной девицы, отвечающей поставленным вами условиям, да

если бы и знала такую, то меня остановили бы ваши слова: “Больше не хочу

иметь сердце и поэтому подумываю о женитьбе”. В моих глазах, еще больше, чем прежде, брак - дело серьезное. Я много размышляла над вашей

“Физиологией брака”, и как же мне оказались знакомы все несчастья и

бедствия, которые мужья сами насаждают в семье. И у меня теперь слезы

подступают к горлу, всякий раз как я бываю на свадьбах. Позвольте же мне

не принимать никакого участия в деле, которое, может быть, станет для вас

мучением всей жизни”.

Как могла госпожа Карро, прекрасно зная своего друга, принимать всерьез

его мимолетные настроения? Он больше и не думал об этом “деле”, так как

весь был поглощен “Сельским священником” и многими рассказами. Бальзак уже

давно обещал Ганской написать роман “Католический священник”. И теперь он

исполнил обещание, но действие романа развертывалось на мрачном фоне

трагической любви и преступления (воспоминание о деле Пейтеля), о

котором

проницательный священник Бонне догадывается только во второй части романа.

Первая часть - это история Вероники Граслен, жены богатейшего лиможского

банкира, которой противен ее муж, человек отталкивающей внешности и грубый

деспот; от всех скрыта ее любовная связь с рабочим фарфорового завода

Жаном-Франсуа Ташероном. Любовь приводит его к тому, что он

непредумышленно совершает убийство. Он арестован, приговорен к смертной

казни и, боясь скомпрометировать Веронику, притворяется сумасшедшим до

того дня, когда аббату Бонне, приходскому священнику вымышленной деревни

Монтеньяк, удается тронуть его суровую душу. Ташерон идет на казнь, как

христианин.

Читателю ничего не известно об этой трагически завершившейся связи, он

только становится свидетелем раскаяния Вероники. Овдовев, она удаляется в

Монтеньяк, феодальное владение, проданное герцогом Наваренским банкиру

Граслену. Из окон замка она видит могилу своего казненного любовника.

Руководимая аббатом Бонне Вероника пытается добрыми делами искупить свою

вину. Край гибнет из-за отсутствия воды и стародавних способов обработки

земли. Вероника заручается содействием молодого инженера Грегуара Жерара, окончившего Политехническое училище, человека, которому надоели парадные

мундиры студентов училища и высокое начальство и который счастлив был

посвятить себя великому начинанию (в образе Жерара есть черты Сюрвиля).

Католицизм и деятельность спасут Веронику, а на смертном своем одре она

всенародно покается в своем грехе. Ни один из романов Бальзака, даже

“Лилия долины” и “Сельский врач”, не показывает так ясно, чем была для

него религия. Он не верит в формальные истины догматов, но думает, что

милосердие таких священников, как аббат Бонне, возрождает надежду в людях, которые считают себя бесповоротно погибшими и потому бывают озлоблены.

Душа священнослужителя - смиренная душа, полная любви и самоотверженности, - может возродить к новой жизни даже преступников при том условии, чтобы

“они тоже участвовали в жертвоприношении”.

Эту возвышенную идею Бальзак проводит в “Сельском священнике” с

неослабной ясностью мысли и слога. Лесные пейзажи, каменистые пустоши, картины сельских красот чередуются с удивительными техническими докладами

о совместных благих делах аббата Бонне и инженера Жерара. В длиннейших и

скучных тирадах Бальзак подробно излагает способы распашки целины и методы ирригации: “Это “Георгики” молодого инженера”. Сельский священник, так же как и сельский врач, верит в спасительное воздействие труда. “Вашими молитвами должны быть труды ваши”, - говорит Бонне. Здесь Бальзак недалек от заключительной мысли второй части “Фауста”, где превозносятся те же моральные принципы, какие выдвигает инженер Жерар. Бальзак всегда был ближе к Гете, чем он думал.

Еще раз он пустился в практическую деятельность, основав “Ревю паризьен”. Как будто уж достаточным уроком должен был оказаться для него крах “Кроник де Пари”, но вот в 1839 году Альфонс Карр основал боевой политический и литературный ежемесячный журнал “Ле Геп”; первый номер его тотчас был распродан в количестве двадцати тысяч экземпляров, а затем его стали раскупать и по тридцать тысяч экземпляров. У Бальзака было больше таланта, чем у Карра, больше работоспособности и не меньше смелости. Почему же ему одному не взяться за журнал? Во вступительной статье он определил свои задачи: описывать “комедию управления”, показывать, что делается за кулисами политической жизни, говорить правду в области

литературы, где критике зачастую “недостает искренности”, и, наконец, публиковать фрагменты своих собственных романов. “Журнал не ограничится обещанием привлечь самых знаменитых писателей. Он уже привлек их”. В действительности же к услугам журнала имелось перо лишь одного писателя, зато отточенное на славу.

Журналу нужен был администратор, за это дело взялся Дютак, и он же занялся технической стороной. Доходы решено было делить пополам. Бальзак надеялся, что, став владельцем журнала, он завоюет прежнюю независимость. В ежедневной прессе у него были опасные соперники: Александр Дюма, Эжен Сю, Фредерик Сулье. Они не отличались такой глубиной ума, как он, но им легче было применять рецепты газетной кухни: отрывки, фельетоны с продолжением. Бальзак еще фигурировал среди “маршалов фельетона”, но уже с трудом удерживал в своей руке маршальский жезл. И вот “Ревю паризьен” должно было стать линией отступления.

В журнале Бальзак напечатал прекрасную новеллу “З.Маркас” - это имя он нашел, читая вывески в квартале Сантье. “Хоть это имя странно и дико, у него все права на то, чтобы сохраниться в памяти потомства; оно звучит стройно, оно легко произносится, ему присуща та краткость, которая подобает прославленным именам…” Черт возьми, оно походит на

фамилию

Бальзак! Что касается изломанной линии буквы “З”, то “не отображают ли

очертания этой буквы неверный и причудливый зигзаг бурной жизни”? Маркас -

республиканец, патриот; у Маркаса, как у Бальзака, большая, голова, крупные черты лица, широкий нос, раздвоенный на конце, как у льва, почти

что грозное лицо, которое озаряют черные, бесконечно ласковые глаза, спокойные, глубокие, полные мысли. Бальзак любит своего героя так же, как

любит он Мишеля Кретьена. “Подобно Питту, которому Англия заменяла жену, Маркас носил в своем сердце Францию: она была его кумиром”. Надо отметить, что восхищение, которое у Бальзака вызывает З.Маркас, не противоречит его

монархизму. И Бальзаку, и З.Маркасу противны были “медиократия” и

“геронтократия”. Политический строй, порожденный Революцией, которую

совершили молодежь и интеллигенция, отстранил молодежь и интеллигенцию.

“Сейчас всю молодежь толкают к республиканским идеям…” Она вспоминает

молодых делегатов Конвента и молодых генералов 1792 года. При Луи-Филиппе

в парламенте нет тридцатилетних депутатов. Вот что возмущает и Бальзака, и

его героя.

Бальзак вел также в своем журнале литературную критику, и это была

критика громовая, блестящая, несправедливо суровая по отношению к бедняге

Латушу и к Эжену Сю, чудесным образом угадавшая, однако, гений Стендаля, тогда еще мало известного. Бальзак писал о Латуше в номере своего журнала

от 25 июля 1840 года: “Неистовую пляску невозможных преступлений и

глупостей - вот что покажет вам жалкий неволшебный фонарь под названием

“Лео”… “Лео” доказывает, что… искусство подготавливать сцены, намечать

характеры, создавать контрасты, поддерживать интерес автору совершенно

неведомо” [Бальзак, “Письма о литературе, театре и искусстве”].

Латуш и Бальзак не только были в ссоре, они терпеть не могли друг

друга. Латуш давал Бальзаку слишком много советов - это трудно простить.

Бальзак не следовал этим советам - это невозможно простить. “Берегитесь, -

говорил о нем Бальзак Жорж Санд, - вот увидите, в одно прекрасное утро он

неизвестно почему окажется вашим смертельным врагом”. А все дело было в

том, что Латуш любил своих молодых лошадок лишь до тех пор, пока они не

начинали брать призы на скачках, на которых сам он всегда проигрывал. Но

надо сказать, что лошадки безжалостно кусали своего учителя.

Бальзак жестоко ополчился против Сент-Бева, всегда отзывавшегося о нем пренебрежительно. Статья Бальзака о “Пор-Рояле” была просто ужасна: “…Г-н Сент-Бев возымел удивительную идею возродить скучный стиль… Когда читаешь г-на Сент-Бева, скука порой поливает вас, подобно мелкому дождику, в конце концов пронизывающему до костей… В одном отношении автор заслуживает похвалы: он отдает себе должное, он мало бывает в свете… и распространяет скуку лишь с помощью пера… Стихи г-на Сент-Бева всегда казались мне переведенными с иностранного языка человеком, который знает этот язык поверхностно” [Бальзак “Письма о литературе, театре и искусстве”]. “Пор-Рояль” - хорошая книга, и критика Бальзака несправедлива.

Единственным оправданием этой сосредоточенной злобы было то, что тут пример подал сам Сент-Бев. Он называл Бальзака врачом, специалистом по тайным болезням. “Да, да, он позволяет себе фамильярности, как эти доктора, заглядывающие за полог алькова, и допускает такие же вольности, как торговки-старьевщицы, как маникюрши, как кумушки-сплетницы”. И Сент-Бев еще добавляет: “Самому плодовитому из наших романистов понадобилась навозная куча высотою с дом, чтобы вырастить на ней несколько болезненных и редких цветков”. В “Ревю паризьен” Бальзак в отместку сравнивает Сент-Бева с моллюсками, у которых нет “ни крови, ни сердца…

чья мысль, если только она есть, скрывается под противной беловатой оболочкой”. Что касается стиля, то его “вялые, беспомощные и робкие фразы, соответствующие сюжетам произведений, плохо раскрывают идеи автора”

[Бальзак, “Письма о литературе, театре и искусстве”].

Но этюды Бальзака о Бейле (Фредерике Стендале) могут порадовать благородные умы. Знаменитый романист бросил весь авторитет своего имени на весы литературной критики, чтобы поставить в первые ряды писателей мало известного публике автора, написавшего за десять месяцев до появления статьи “Пармскую обитель”, не удостоенную благосклонного внимания ни одного журналиста, - никто не понял, никто не исследовал этот роман.

”Я - а я думаю, что кое-что в этом понимаю, - прочел на днях это произведение в третий раз: я нашел его еще более прекрасным и испытал чувство, похожее на счастье, возникающее в душе человека, когда его ждет доброе дело… Господин Бейль написал книгу, прелесть которой раскрывается с каждой главой. В том возрасте, когда писатели редко находят значительные сюжеты, и после того, как им написано уже два десятка в высшей степени умных книг, он создал произведение, которое могут оценить только души и люди поистине выдающиеся. Он написал современную книгу “О князе” -

роман, который написал бы Макиавелли, живи он, изгнанный из Италии, в девятнадцатом веке… Я знаю, сколько насмешек вызовет мое восхищение” [Бальзак, “Письма о литературе, театре и искусстве”].

А госпоже Ганской он сообщал в письме: “Бейль недавно опубликовал, по-моему, самую прекрасную книгу из всех, какие появились за последние пятьдесят лет”.

Бальзак был знаком со Стендалем, он встречался с ним около 1830 года в салоне художника Жерара, а потом у Астольфа де Кюстинг. В 1840 году Анри Бейль, занимавший пост французского консула в Чивита-Веккиа, поблагодарил Бальзака: “Это удивительная статья, такую еще никогда писатель не получал от другого писателя; могу теперь признаться вам, что, читая ее, я хохотал от радости. Всякий раз, как я наталкивался на чересчур сильную похвалу, а они попадались на каждом шагу, я представлял себе, какие физиономии состроят мои приятели, читая эту статью”.

В 1857 году Сент-Бев (это было через пятнадцать лет после смерти Стендаля), вероятно, все еще удивлялся, отчего придают столь “важное значение этим неудавшимся романам - ведь, несмотря на отдельные интересные страницы, они в целом отвратительны”. Однако ж два человека ясно увидели, что представляет собой Стендаль: Гете (в “Беседах с Эккерманом”) и

Эккерманом”) и

Бальзак, выступление которого было тем более благородно, что Стендалю

удалось в картинах битвы при Ватерлоо сделать то, о чем Бальзак мечтал уже

десять лет, замыслив создать “Битву” - наполеоновский роман, так и

оставшийся ненаписанным. Испытываешь живую и чистую радость, видя такое

взаимопонимание у трех великих писателей, столь различных, но прекрасно

понявших друг друга, несмотря на выпады мелочных натур. К несчастью, “Ревю

паризьен” скончалось в отроческом возрасте, просуществовав лишь три

номера. Двое компаньонов разделили между собою убытки, довольно, впрочем, маленькие - 1800 франков. Бальзак лишний раз потерпел неудачу в

журналистике, так же как в коммерческих делах и в политике.

А как обстояли его любовные дела? Чужестранка жила так далеко и почти

безмолвствовала. Он дерзнул пожаловаться на ее молчание.

”Вот уже три месяца нет писем от вас… Ах, как это мелко с вашей

стороны! Я вижу, что и вы обитаете на нашей грешной земле. Ах так! Вы не

писали мне потому, что мои письма стали приходить редко? Ну что ж, скажу

откровенно: письма мои приходили редко, потому что у меня не всегда

бывали

деньги на оплату почтового сбора, а я не хотел вам этого говорить. Да, вот

до какой степени доходила моя нищета, а бывало и хуже. Это ужасно, это

печально, но это правда, как и то, что существует Украина и вы там живете.

Да, да, бывали дни, когда я с гордым видом обедал грошовым хлебцем на

бульварах… Господи Боже, прости ее, ведь она-то ведает, что творит…”

Эвелина Ганская корила его за связь с госпожой Висконти и за посвящение

романа “Беатриса”: *Саре*. А он утверждал, что равнодушен к красавице

англичанке.

”Дружба, о которой я вам говорил и над которой вы смеялись по поводу

посвящения, совсем не то, чего я ждал. Английские предрассудки ужасны и

лишают англичанок всего, что приятно художникам: непосредственности, беспечности. Никогда я так хорошо не видел, что в “Лилии” очень верно

обрисованы в нескольких словах женщины этой страны…”

Тут многое следует отнести за счет осторожности, но надо также

признать, что Contessa все больше уставала, да и его утомила. “Дикарка, дочь Бретани” (Элен де Валет) была воплощением лжи и двуличности. Ганский

казался бессмертным, а Эвелина Ганская ускользала из рук. Решительно все

не ладилось. А Бальзаку уже было сорок лет. Сорок лет страданий. “Я

вздыхаю о земле обетованной, о тихом супружестве, я больше не в силах

топтаться в безводной пустыне, где палит солнце и скачут бедуины…” -

писал он Ганской. Он совсем пал духом и собирается “сложить свои кости в

Бразилии в каком-нибудь безумном предприятии”. Ему нужны были деньги, женщины, слава. У него нет денег, больше нет женщин, а глупцы оспаривают

его славу.

”Я сожгу все свои письма, все свои бумаги, сохраню только мебель, Жарди

и уеду, оставив безделушки, которыми дорожу, дружеским попечениям моей

сестры. Она будет самым верным драконом, стражем этих сокровищ. Дам

кому-нибудь доверенность вести мои литературные дела, а сам поеду на

поиски богатства, которого мне недостает. Или я вернусь богатым, или же

никто не будет знать, что со мною сталось. Этот план я зрело обдумал и

нынешней зимой непременно приведу его в исполнение. Трудом своим мне не

уплатить долгов. Нужно подумать о другом…”

Это был очередной роман, каких Бальзак замышлял много, и “Путешествие в Бразилию” так и осталось ненаписанным и не осуществленным в жизни.

XXVIII. УЛИЦА БАСС

Писатель не все доверяет своим заветным дневникам и

своей переписке; только его произведения рассказывают

истинную историю его жизни - не той, какую он прожил, но

какую хотел бы прожить.

Франсуа Мориак

Жить в Жарди становилось невыносимо. Напрасно Бальзак, имея надежную опору в лице своего стряпчего мэтра Гаво, старался выиграть время. Главные кредиторы, особенно же отвратительный Фуллон, преследовали его. Маленькие люди - садовник Бруэт, прачка, мясник, полевой сторож - терпели. Богатые безжалостно дергали его. Но у Бальзака было в запасе много уловок. Недаром он написал новеллу “Деловой человек”, в которой говорится, как Максим де Трай, самоуверенный, самодовольный и надменный денди, принимал у

себя

одного из своих кредиторов: “Если вам удастся обокрасть меня на сумму этого векселя… я вам буду весьма признателен, сударь… вы меня научите кое-каким новым предосторожностям… Ваш покорный слуга”.

Как и его герой, Бальзак считал борьбу между должником и кредитором войной без стыда и совести. По совету Гаво он пустил Жарди в продажу с торгов, и владение продано было за 17550 франков, хотя с постройками, земляными работами и насаждениями оно обошлось Бальзаку в 100000 франков.

Но покупка была произведена подставным лицом, неким архитектором по фамилии Кларе, действовавшим по поручению Бальзака. Фиктивная продажа была невыгодным делом для кредиторов; они могли разделить между собой лишь скудную сумму пропорционально доле каждого в их расчетах между собой, а Бальзак втайне оставался владельцем Жарди.

За два года до этого он написал Ганской: “Итак, теперь, и еще надолго, моим адресом будет: Севр, Жарди, господину де Бальзаку. Надеюсь, что я проживу здесь в спокойствии до конца своих дней”. В ноябре 1840 года все переменилось: “Пишите мне по следующему адресу: Насси, близ Парижа, улица Басс, N_19, господину де Бреньолю”. Пасси было тогда парижским пригородом, известным своими целебными источниками и красивейшим имением барона Дельсера, построившего там сахарный завод. Бальзак рассчитал, что

Дельсера, построившего там сахарный завод. Бальзак рассчитал, что, поселившись в Пасси, он будет ближе к Парижу, чем в Жарди, а главное - окажется неуловимым для кредиторов, так как домик, скрытый в зелени на обрывистом склоне холма, он снял на чужое имя. Финансист, который когда-то воздвиг для себя особняк на улице Басе, пристроил к нему на задах, среди садов, разбитых уровнем ниже по склону холма, двухэтажный флигель, для которого нижний этаж особняка служил третьим этажом, - в этой пристройке должны были находиться бальный зал и оранжерея. Кровля флигеля, позднее разделенного на пять комнат, как бы увенчивала собою службы (из-за разницы в уровне двух строительных площадок); двор с конюшнями выходил на узкую улицу Рок. Через потайную лестницу дом, снятый Бальзаком, сообщался с этим двором. Как человек затравленный, всегда державшийся настороже, он был в восхищении, что живет в квартире с двумя выходами. Если какой-нибудь судебный пристав заявился бы с улицы Басе, Бальзак мог бежать через улицу Рок и по крутой таинственной тропинке спуститься к площадке, откуда ходил дилижанс до Пале-Рояля.

Феликс Солар, директор газеты “Эпок”, описал свое посещение

Бальзака, к

которому он пришел, чтобы попросить у него фельетон. Назначив Солару

свидание, писатель сообщил ему пароль. Нужно было позвонить у двери на

улице Басе, спросить у привратницы госпожу де Бреньоль, затем спуститься

на два этажа вниз. Госпожа де Бреньоль действительно существовала - не то

что воображаемая вдова Дюран. И она действительно носила фамилию Бреньоль, звали ее Луизой, она родилась в 1804 году в Арьеже и происходила из семьи

горцев-крестьян. Деятельная, умная, проворная, она обычно вела хозяйство

пожилых и одиноких писателей - это сделалось ее профессией. До того как

поступить к Бальзаку, которому ее рекомендовала Марселина Деборд-Вальмор, она была экономкой у Латуша - экономкой, а может быть, и чем-то еще.

По словам Феликса Солара, это была “особа лет сорока, с полным и

гладким свежим лицом, похожая на сестру-привратницу в монастыре”.

Разумеется, после госпожи де Берни, герцогини д’Абрантес, графини

Гидобони-Висконти, госпожи Ганской это была убогая добыча. Но Бальзак

устал от сложных женских натур и полагал, что он обретет мир душевный с

этой женщиной, которую Марселина Деборд-Вальмор прозвала “ньюфаундлендом”.

Впрочем, он прибавил к ее имени дворянскую частицу, унаследовав от своих

родителей упорное пристрастие к этому.

Госпожа де Бреньоль играла в жизни Бальзака более значительную роль, чем это говорилось. Она не только по-хозяйски вела дом, в котором Бальзак был “гостем”, не только бегала по его поручениям в типографии, в издательства, в редакции газет, выторговывала каждый франк в договорах, но она дарила своему хозяину и любовные утехи. Он даже возил ее с собою путешествовать, как она вспоминала об этом в 1860 году (через десять лет после смерти Бальзака) в письме к стряпчему Фессару, написанном во время ее паломничества в Баден-Баден, куда она некогда ездила со своим незабвенным великим человеком. “Я слышала, как вокруг меня говорили: “Вы его видели?” - “Я? Ну, конечно, видел”. - “Смотрите, вот он!” Бедный дружок мой! Ему так докучало это любопытство. Но я была молода и гордилась своим счастьем. В Баден-Бадене меня вдруг охватила ужасная грусть, когда я пошла взглянуть на дом, который мы с ним почти что сняли и в котором предполагали закончить свои дни…” Луиза де Бреньоль долго была всецело предана Бальзаку; он надавал ей обещаний, на которые был так щедр: она воображала, что всю жизнь останется служанкой-госпожой.

Солар рассказывает, что госпожа де Бреньоль сама провела его в

рабочий

кабинет Бальзака.

”Я вошел в святилище; взгляд мой прежде всего устремился на колоссальный бюст создателя “Человеческой комедии”, великолепно выполненный из прекраснейшего мрамора; он стоял на цоколе, в который вставлены были часы.

Из застекленной двери, которая выходила в садик, заросший жиденькими кустами сирени, свет падал на стены кабинета, сплошь увешанные картинами без рам и рамами без картин. Напротив двери высился большой книжный шкаф. На полках в живописном беспорядке стояли “Литературный ежегодник”, “Бюллетень законов”, “Всемирная биография” и “Словарь” Беля. Налево - еще один книжный шкаф, по-видимому, отведенный для современников, среди них я заметил томик Гозлана между Альфонсом Карром и госпожой де Жирарден.

Посреди комнаты стоял небольшой стол, несомненно рабочий, так как на нем лежала лишь одна книга - словарь французского языка.

Бальзак, закутанный в просторную монашескую сутану некогда белого цвета, вооружившись полотенцем, бережно вытирал чашку из севрского фарфора.”

фарфора…´´

Вскоре Бальзак подумал о том, что, поскольку мать находится на его иждивении, более экономно было бы съехаться, несмотря на опасности совместной жизни.

Бальзак - Лоре Сюрвиль:

”Скажи маме, пусть она соберет свои вещи, находящиеся у тебя: перину, стенные часы, канделябры, две пары простынь, нательное белье; я пришлю за всем этим 3 декабря… Если она захочет, то может жить счастливо; только скажи ей, чтобы она сама помогала счастью, а не отталкивала его. На нее одну будет выдаваться сто франков в месяц; к ней будет приставлена экономка и, кроме того, служанка. Уход за ней будет, какой только она пожелает. Ее комната обставлена так изящно, как я умею обставлять. На полу у нее тот персидский ковер, который был в моей спальне на улице Кассини”.

Намерения с обеих сторон были благие, но опыт продлился только полгода. Между матерью Бальзака и домоправительницей не могло быть мирной жизни. А что касается самого писателя, то неровный характер госпожи Бальзак мог, по

по

его словам, “свести с ума любого человека, склонного к такому состоянию по множеству мыслей, осаждающих его, по множеству своих трудов и неприятностей”. И в начале июля 1841 года мать сама поспешила уехать.

Госпожа Бальзак - Оноре:

”Когда я согласилась, дорогой мой Оноре, жить у тебя, я думала, что могу быть счастлива в твоем доме. Вскоре я убедилась, что мне не под силу переносить ежедневные мучения и бури твоей жизни; однако я терпела до тех пор, пока думала, что страдаю только я одна. Но насколько мне стало тяжелее, когда твоя холодность показала мне, что мое присутствие ты терпишь лишь по необходимости, что оно не только не доставляет тебе удовольствия, но почти неприятно тебе! Из-за таких обстоятельств у меня и вырвались слова, огорчившие тебя. После этой минуты я приняла решение покинуть твой дом. Пожилым людям трудно ужиться с молодыми!”

Госпожа Бальзак - Лоре Сюрвиль:

”Хочу еще сказать тебе, что я никого не виню. Госпожа де Бреньоль по природе своей добрая женщина. Если она, случится, и заденет, то невольно.

Она воплощенная честность и деликатность. Я без опасений уступаю ей свое место. Она любит Оноре и будет хорошо заботиться о нем… Думаю, что близость ее с Оноре никогда не окажется опасной. Эта бедная женщина была так несчастлива, испытала столько мучений и превратностей судьбы… Право, она достойна сожаления; надеюсь, что, как только Оноре сможет, он обеспечит ее… Это будет вполне справедливо, так как она удерживает Оноре от лишних расходов и многих сумасбродств”.

Ошибка госпожи Бальзак состояла в том, что ей хотелось принимать участие в жизни своего сына. А у него не было, как он твердил ей, иной жизни, кроме работы: “Работать - это значит вставать ежедневно в полночь, писать до восьми часов утра, потратить четверть часа на завтрак, работать до пяти часов вечера, пообедать, а в полночь начать все сначала!.. Такая работа дает за сорок дней пять томов!”

Каких томов? Он писал несколько романов одновременно, бросал, снова за них принимался. В письмах, относящихся к этому периоду, он чаще всего приводит следующие названия: “Воспоминания двух новобрачных”, “Мнимая любовница”, “Урсула Мируэ”, “Баламутка” (“Жизнь холостяка”), “Темное

дело”. Как иных называют “сверхчеловек”, так некоторых можно назвать “сверхписатель”. Бальзак был “сверхроманист”. Его изобильные писательские запасы, казалось, неисчерпаемы. Долгие годы он накапливал сюжеты. Например, “Наследство”, которое стояло в его планах уже в 1833 году и называлось тогда “Наследники Буаруж”, породило впоследствии во флигеле на улице Басе два романа - “Баламутка” и “Урсула મируэ”.

Выбрав сюжет, Бальзак связывал его с хорошо знакомой ему средой и обстановкой. Затем он населял его задуманными действующими лицами. Так, например, местом действия романа “Баламутка” он избрал Иссуден, город, с которым познакомился во время своих поездок во Фрапель. Там во времена Реставрации шайка отставных наполеоновских офицеров, получавших половинную пенсию, и распущенные повесы - “рыцари безделья” - терроризировали местных обывателей. Но для того чтобы “заинтересовать читателя”, нужно было ввести в круг этих бесцветных повес энергичное “чудовище”, зловредную и смелую личность. Бальзаку нетрудно было извлечь из своего ящика с марионетками Филиппа Бридо, брата художника Жозефа Бридо. Роман рассказывает историю

влюбленного старого холостяка Жан-Жака Руже, дядюшки Филиппа, раба

красавицы Баламутки, Флоры Бразье, и ее любовника, шалопая Макса Жиле.

Полковник Филипп Бридо, приехавший в Иссуден защищать свое наследство, убивает на дуэли Макса Жиле, похищает у дядюшки Руже Флору, всецело

подчиняет их обоих своей власти, разоряет родную мать и брата, но чересчур

злоупотребляет своей силой и, когда полный его триумф уже совсем близко, терпит крах, “потому что перешел границы терпимого”. Оставалось только

расположить вокруг братьев Бридо художников и писателей, друзей Жозефа, актрис и лореток, плененных Филиппом (и уже вылепленных Бальзаком). Эта

“смесь” имела успех, удививший самого автора. Он боялся, что его “ужасный

роман”, где атмосфера любви отсутствует, оттолкнет читателей. Однако нет, свирепый характер Филиппа, старческое слабоумие дядюшки Руже, его

ежедневная потребность в продажных ласках, пышные прелести Флоры, сочная

яркость всех сцен привлекли публику. Для нас важна также историческая

ценность романа. Отставные вояки, лишние люди, оказавшиеся не у дел, - это

типы, появляющиеся при всех крупных политических кризисах. Во времена

Реставрации Филиппа Бридо снова зачисляют в армию, и он становится графом

де Брамбургом, кавалером ордена Почетного легиона и ордена Святого Людовика - еще один урок истории.

Самому Бальзаку больше нравится роман “Урсула Мируэ” - еще одна история о наследстве, к которой он примешал ясновидение и оккультизм - он верил в эти измышления. Добрый доктор Миноре, находясь вдали от своей воспитанницы Урсулы, узнает через “ясновидящую” о любви Урсулы к красивому соседу и вместе с тем убеждается, что девушка чиста и целомудренна. Вскоре он умирает в твердой уверенности, что обеспечил будущее Урсулы. Один из наследников, смотритель почтовой станции, Миноре-Левро, мошенническим образом завладевает состоянием доктора. Но умерший является во сне Урсуле и разоблачает преступление! Виновник, гигант с бычьей шеей, чувствуя, что все открылось, чахнет и находится на краю гибели. Все кончается возвращением похищенного и свадьбой. Во многих местах история кажется невероятной, но она так хорошо вписывается в реальную действительность, в ней так жизненно переплетаются все эти родственные связи господ Миноре-Левро, Кремьер-Миноре, Миноре-Миноре, так четко изображена работа

почтовой станции в Немуре и так хороша картина сада (“Урсула Мируэ” - роман, развертывающийся под открытым небом”, - говорит Ален), что невольно начинаешь верить в описываемые чудеса. “Невероятности Бальзака, - по словам Марселя Бутерона, - это чаще всего вполне вероятные явления, которые наш взгляд, недостаточно проницательный, менее проницательный, чем взгляд гения, не может постигнуть. Ведь и в другой области о явлениях, имеющих ныне научное объяснение, раньше подозревали лишь избранные умы или так называемые ясновидящие”. Тут нужно верить, но Бальзак требует от нас веры и заслуживает ее.

Сюжет “Темного дела” подсказан ему воспоминаниями детства. Родители Бальзака хорошо знали через префекта генерала Помереля о приключении сенатора Клемана де Ри, таинственно похищенного во времена Консульства. Герцогиня д’Абрантес, прекрасно осведомленная об этом деле, тоже сообщила Бальзаку ценные подробности. Полиция Фуше сделала вид, будто она нашла виновных, и заставила казнить трех молодых дворян, нисколько не повинных в похищении. Для чего оно было совершено? Некоторые говорили, что сама полиция состряпала это дело, чтобы найти документы, которые доказали бы

сообщничество Клемана де Ри с Пишегрю и другими заговорщиками, готовившимися во времена Маренго сменить Бонапарта, если он потерпит

поражение. Сюжет для романа нашелся, но Бальзаку хотелось внести в него

романтическую струю. Он обработал и удобрил неблагодарную, сухую почву.

Чтобы оправдать молодых дворян - Поля-Мари и Мари-Поля де Симез, братьев-близнецов, - он придумал, что Мален де Гондревиль (так называется

в романе Клеман де Ри) заставил присудить ему якобы из фондов

“национального имущества” родовое поместье господ Симезов. И все они

смотрят на него как на узурпатора, укравшего их земли; этим объясняется и

ярая ненависть к Малену де Гондревилю всех, кто любит Симезов, особенно

ненависть их управителя Мишю, верного слуги, который сложит голову на

эшафоте. В романе мы вновь находим атмосферу “Шуанов” - тьма, кони, скачущие в ночи, и зловещий Корантен с лицом желтым, как лимон. Вся эта

история непонятна для действующих в ней лиц, она так же темна, как поле

битвы для солдат. Время от времени, как при вспышке молнии, возникают те, кто все знает: император накануне сражения под Иеной, а в самом конце

министр Анри де Марсе, который рассеивает несколькими фразами все еще

густую тьму, по-прежнему окружающую это ужасное дело. На заднем плане

драмы любви и верности выступают всесильные интересы “спекуляторов” эпохи

Революции, желающих присвоить себе поместья эмигрантов. Таким образом, реальная история управляет вымышленной, и становится ясным, как даже в

этом провинциальном захолустье наполеоновская Империя, по словам Алена, “находит путь к сердцам не столько своей мощью, сколько умением обеспечить

порядок и признаками своей долговечности”. Приверженность подогревалась

прочностью.

В “Темном деле” лишний раз утверждается идея “естественной политики” -

единственной, в которую верит Бальзак, извечной политики, диктуемой

инстинктами человека, а в “Воспоминаниях двух новобрачных” он подтверждает

свои воззрения на брак и ополчается против романтизма. Подруги по

монастырскому пансиону Луиза де Шолье и Рене де л’Эсторад ведут переписку

и решают, “одна - жить, предавшись безумной страсти, а другая - следуя

правилам благоразумия”. Рене выходит замуж “по рассудку” за человека, уязвленного жизнью, доброго, но такого, что полюбить его трудно. Однако

постепенно в силу существующих нравственных законов в сердцах супругов

развивается взаимная привязанность, основанная на отношениях

физиологических, экономических и политических, на отказе от мечтаний, на

любви к родившемуся у них ребенку, на совместном управлении имением. Под влиянием жены муж перерождается, преодолевая свои слабости. Тут нет, конечно, безумной любви, но это счастье, если считать, как Рене, что напутствие к супружеской жизни заключено в словах “смирение и самоотверженность”. Это грустно, но во времена Бальзака это было правдой.

Вторая участница переписки - Луиза де Шолье - выходит замуж по любви за некоего таинственного испанца; брак этот, сперва считавшийся безрассудным, затем оказывается блестящей партией. Жена проявляет себя страстной любовницей и губит мужа; затем она влюбляется еще раз, выходит замуж вторично, безумно ревнует мужа и, замученная своей нелепой ревностью, кончает самоубийством. Обе трагедии отражены в переписке Рене и Луизы (некоторые из посланий написаны были Лорой Сюрвиль).

Мораль романа сводится к следующему: семейные узы и общие интересы - вот прочная основа брака. Правда, Бальзак писал романтичной Жорж Санд по поводу этой книги: “Будьте спокойны, мы с вами придерживаемся одного и того же мнения. Я бы предпочел быть убитым Луизой, нежели жить долго в супружестве с Рене”. Можно было бы также сказать, что Бальзак в своей личной жизни искал страсти, но разве это верно? Никогда бы он не

согласился быть убитым Луизой. С госпожой де Берни его связывала и разумная и страстная любовь, но ведь Лоре де Берни были близки и его творчество, и его борьба, и даже его практические дела. Его романы с Мари дю Френэ, госпожой Висконти, Элен де Валет скорее можно назвать увлечениями, чем истинной страстью. Сколько раз он говорил Каролине Марбути, что считает любовь, если это не физическая связь, пустячной игрой. С 1833 года он стремился к браку с Эвелиной Ганской и неоспоримому вступлению в “хорошее общество”, на что ему не давало право ни его происхождение, ни его гениальность. Его жизнь не противоречила его воззрениям. Вернее сказать, он никогда не жил той жизнью, о которой мечтал и которая соответствовала бы его взглядам.

Откровенно говоря, в Бальзаке было два существа. Одно из них - тучный человек, живущий, казалось бы, как все люди: он ссорится с матерью и с сестрой, делает долги, боится судебных приставов, занят эпистолярной любовью с польской графиней, заводит шашни с экономкой. А другое существо - творец целого мира; его возлюбленные - молодые красавицы с белоснежными плечами и сверкающим взором, актрисы или герцогини; ему ведомы и понятны самые тонкие чувства; не думая о жалких денежных вопросах, он ведет

роскошную жизнь. Бальзак - обычный смертный, терпит компанию мелких буржуа, своих родственников. Бальзак - Прометей, частый гость прославленных аристократических семейств, которые он сам и создал. Он всецело поглощен творениями своей фантазии, и ему некогда думать о живых людях. Он не отдал последнего целования ни Лоре де Берни, ни Лоре д'Абрантес, хотя любил обеих в часы своей земной жизни; но он неутомимо бодрствует у смертного одра Анриетты де Морсоф, Эстер Гобсек и Корали, которые были дочерьми его гения. В обычной обстановке он мог порою казаться неблагодарным или нечутким; в своем мире, единственном, в который он верит, он будет нежным и страстным, ибо только там живет он умом и сердцем, только там развертывается его напряженная деятельность.

Удивительнее всего то, что обыденный Бальзак, который уединенно живет в Пасси и сочиняет по роману в месяц, а потом, весь перемазавшись чернилами, лишая себя сна, держит корректуру, - что этот занятой человек довольно часто урывает время на то, чтобы добежать по крутым спускам до парижского дилижанса. Пятнадцатого декабря 1840 года он ездил смотреть на перенесение праха Наполеона в Дом Инвалидов. Он писал Ганской: “Начиная от Гавра до Пека, берега Сены были черны от теснившегося на них народа, и все опускались на колени, когда мимо них проплывал

корабль. Это величественнее, чем триумф римских императоров. Его можно узнать в гробнице: лицо не почернело, рука выразительна. Он - человек, до конца сохранивший свое влияние, а Париж - город чудес. За пять дней сделали сто двадцать статуй, из которых семь или восемь просто великолепны; воздвигнуто было сто триумфальных колонн, урны высотою в двадцать футов и трибуны на сто тысяч человек. Дом Инвалидов задрапировали фиолетовым бархатом, усеянным пчелами. Мой обойщик сказал мне, объясняя, как все успели: “Сударь, в таких случаях все берутся за молоток”.

Чувствуется, что Бальзак в этот знаменательный день счастлив; он до безумия любит величественные зрелища, императора Наполеона и пышные траурные драпировки.

Двадцать пятого марта 1841 года он провел у Дельфины де Жирарден очаровательный вечер в обществе Ламартина, Гюго, Готье и Карра. “Никогда я так не смеялся со времени встреч в доме Мирабо”. Третьего июня он присутствовал на торжественном приеме Виктора Гюго в Академию. Гюго выступал под ее куполом с царственным величием, высоко подняв свое пирамидальное, изрядно обнажившееся чело, ко речь его Бальзаку не понравилась. “Поэт отрекся от своих солдат, отрекся от старшей ветви, он

понравилась". Поэт отрекся от своих солдат, отрекся от старшей ветви, он пожелал оправдать Конвент. Вступительной речью он глубоко огорчил своих друзей", - жаловался Бальзак Ганской. И напрасно Гюго так поступил - ведь "этот великий поэт, этот творец героических образов получил удар хлыстом - от кого? От Сальванди!", историка и политического деятеля, о котором Тьер говорил: "Это спесивый павлин". Сальванди, не скупясь, пускал традиционные стрелы по адресу нового академика: "Мы были вам благодарны за то, что вы мужественно защищали свое призвание поэта от всех соблазнов политического честолюбия". Коварные слова, поскольку Сальванди обращал их к человеку, чье политическое честолюбие было всем хорошо известно.

Бальзак и сам стремился сесть в одно из кресел этого ученого сообщества. Еще в 1836 году он говорил: "Я попробую пушечными выстрелами открыть себе двери в Академию". Сто раз он подсчитывал, сколько это принесло бы ему денег: две тысячи франков жалованья, шесть тысяч франков за работу в Комиссии по составлению словаря, а вслед за званием академика ему, разумеется, дадут и титул пэра Франции - это ведь вполне естественно.

В 1839 году он было выставил свою кандидатуру, но снял ее, уступая дорогу

Виктору Гюго. Поэт приехал к нему в Жарди. Бальзак повел его прогуляться

по скользким садовым дорожкам. Стараясь удержать равновесие на опасных

скатах холма, Гюго шел молча, пока не натолкнулся на ореховое дерево. Вот

как описывает эту сцену Гозлан:

”- Ну наконец-то дерево в саду! - сказал он.

- Да, и притом замечательное! Вы знаете, что оно приносит?

- Поскольку это ореховое дерево, я полагаю, что оно приносит орехи.

- Ошибаетесь. Оно приносит полторы тысячи франков в год.

- На полторы тысячи франков орехов?

- Нет, полторы тысячи без орехов.

И Бальзак объяснил, что по старому феодальному обычаю жителям Виль

д’Авре полагалось сносить все отбросы и нечистоты к подножию этого дерева.

Скапливаясь ежедневно, здесь, пожалуй, образуется целая гора удобрений, и

Бальзак, если пожелает, может Продать его соседним фермерам, виноградарям

и огородникам.

- У меня тут, можно сказать, чистое золото. Скажем попросту - гуано.

- Гуано-то гуано, только без птичек, - заметил Гюго с обычным своим олимпийским спокойствием".

Зазвонил колокол, приглашавший к завтраку. За столом говорили об Академии. Гюго не расточал посулов, в дальнейшем будет, однако, видно, что он сделал больше, чем обещал. Когда Жарди было продано, Бальзак продолжал время от времени принимать на улице Басе академиков. "Сколько хлопот! - писал он Ганской. - А все для того, чтобы помнили, что я добиваюсь избрания. Вот какой праздник я подготовлю для моей Евы, лучше сказать - для моего волчонка".

Академия - социальное установление; реалист, пусть он даже мечтатель, признавал его существование.

Много драгоценного времени поглотило у него другое объединение писателей - Общество литераторов. Бальзака уже давно занимали профессиональные интересы его собратьев. Еще в 1834 году он опубликовал "Письмо французским писателям XIX века". "Закон охраняет землю, - писал Бальзак, - он охраняет дом пролетария, который проливал пот; он же конфискует работу поэта, который мыслил". Парижские театры делают ежегодно

сборы на десять миллионов франков. А в какой сумме выражается ежегодный бюджет “большой литературы”? Бюджет Гюго, Мюссе, Сулье, Эжена Сю? По всей Франции он не составит и миллиона. У десяти тысяч богатых семей не находится ни одного свободного франка, чтобы приобрести двадцать замечательных книг, которые создает ежегодно наша нация! Богачи берут книги по абонементу в читальных залах или же покупают заграничные контрабандные перепечатки книг.

Бальзак требовал, чтобы литературные произведения признавались собственностью наравне с другими ее видами (в те времена авторские права истекали через десять лет после смерти писателя), он требовал также, чтобы закон ограждал литературную собственность от грабительских действий заграничных книгоиздательств (бельгийские контрафакции лишали писателя значительной части доходов) и, наконец, чтобы он имел моральное право распоряжаться своим произведением, которое никому не дозволялось бы переделывать без разрешения автора. Требования ясные, несомненно справедливые, в дальнейшем они вошли в хартию авторских прав. Но надо было повести долгую борьбу, чтобы преодолеть равнодушие к этим вопросам со стороны законодателей. Наконец в 1838 году было учреждено Общество

литераторов. Среди первых членов, вступивших в него, были Виктор Гюго, Александр Дюма и Фредерик Сулье. Бальзак в то время отсутствовал, его приняли в декабре 1838 года. В следующем году он был избран президентом Общества, а заместителем его - Вильмен, ставший министром народного просвещения.

Сент-Бев, заядлый недруг Бальзака, воспользовался случаем, чтобы высмеять “промысловую литературу” и “демона литературной собственности”, являвшейся, по его мнению, “некой пляской святого Витта, пиндарической болезнью”. “У каждого сочинителя гордость бьет фонтаном и ниспадает золотым дождем. Этак легко дойти до миллионов. Сочинители не стыдятся выставлять их напоказ или клянчить их”. Сент-Бев издевался над Обществом литераторов, настоящей “цеховой ремесленной организацией”, и над “маршалами французской литературы” (выражение Бальзака), над “людьми, которые, - с презрением заявлял Сент-Бев, - обладают известной коммерческой жилкой и намереваются эксплуатировать свое творчество”. По правде сказать, Сент-Беву легко было пренебрежительно говорить о контрабандных заграничных изданиях, о риске и о чести, ведь он-то никогда не подвергался такому риску и не стяжал подобной чести.

XXIX. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ (I)

”Человеческая комедия” - это

подражание Богу-Отцу.

Альбер Тибоде

Только в 1841 году Бальзаку удалось наконец подписать договор с группой

книгоиздателей (Дюбоше, Фюрн, Этцель и Полен) на публикацию всех его

произведений под таким необычайным названием - “Человеческая комедия”. Он

уже не раз давал своим произведениям объединяющие их наименования.

Благодаря этому усиливалось впечатление, которого он хотел достигнуть: он

как бы воздвигал монументальное сооружение. Поэтому и появились “Сцены

частной жизни”, “Сцены парижской жизни”, “Сцены провинциальной жизни”, “Этюды о нравах”, “Философские этюды”, которые Бальзак собирался дополнить

“Аналитическими этюдами”, к сожалению, оставшимися, кроме “Физиологии

брака”, лишь в стадии замысла. Классификация была несколько произвольной, что доказывает переброска некоторых романов из одной рубрики в другую.

Одно время Бальзак думал дать своим сочинениям общее название “Социальные

этюды”. Затем “Божественная комедия” Данте подсказала ему другое

наименование - “Человеческая комедия”; в первый раз оно упоминается в 1839 году в письме к Этцелю.

Это не было издательской уловкой. Бальзак стремился дать в своих многочисленных произведениях полный обзор человеческих типов. Успеет ли он завершить свой труд? Бальзак этого не знает, но уже то, что существовало к 1841 году, представляет собою организованный мир, который, как мир реальный, сам себя порождает - иногда по закону симметрии (“Провинциальная знаменитость в Париже” внушает автору желание написать роман “Парижская знаменитость в провинции” - сюжет, который намечен в “Модесте Миньон” и в “Провинциальной музе”), иногда по закону сходства (“Брачный контракт” порождает неосуществленный замысел написать “Раздел наследства”). Этот метод самооплодотворения чудесным образом увеличивал творческую мощь писателя, Морис Бардеш показал, что внутренняя история “Человеческой комедии” становится еще яснее, когда исследователь принимает во внимание планы, оставшиеся в записях Бальзака. Роману “Луи Ламбер”, где показан гениальный человек, которого убила мощь собственной мысли, должен был

соответствовать роман “Кретин”, в котором отсутствие способности мыслить обеспечивает герою долголетие.

Шпельбер де Лованжуль опубликовал названия пятидесяти трех романов, задуманных и не написанных Бальзаком. Некоторые из них оставили кое-какие следы: “Наследники Буаруж”, “Знать”, “Дома призрения и народ”, “Среди ученых”, “Театр как он есть”, “Жизнь и приключения одной идеи”, “Анатомия педагогической корпорации”. К этому списку надо прибавить сто набросков в виде коротких заметок. Когда в мозгу писателя бурлит целый мир, сюжеты возникают один за другим, рвутся к жизни. Примеры набросков: девушка, не имеющая состояния, хочет поймать мужа, делая вид, что она очень богата, а выходит она за бедняка, прибегнувшего к такой же хитрости… Девушка, обманутая вниманием молодого человека, думает, что он влюблен в нее, но она ошибается и, убедившись в этом, начинает ненавидеть его, а тогда он влюбляется в нее… Словом, перед нами две превосходные сцены частной жизни. “Подумать только, сколько в воображении Бальзака кишит названий, сколько персонажей, вырастающих, словно грибы, сколько сюжетов, - право, тут есть что-то от плодовитости, расточительности и равнодушия самой природы”, - говорит Морис Бардеш. Как грустно, что Бальзак жил так мало; доживи он до семидесяти лет, у нас были бы великолепные романы о старости

его героев.

К изданию, венчавшему титанический труд писателя, длившийся десять лет, Этцель попросил его написать предисловие. Измученный Бальзак предложил

перепечатать предисловия Давена. Этцель рассердился: “Да мыслимое ли это

дело, чтобы полное собрание ваших сочинений, самое большое, на которое еще

никто не осмеливался до сих пор, предстало перед публикой без краткого

вашего обращения к ней”.

Бальзак уступил и в длинном “Предисловии” попытался рассказать, как

зародился его план. Впервые мысль об этом колоссальном сооружении возникла

у него в ту пору, когда он изучал труды Жоффруа Сент-Илера. Как вы, помните, Бальзака осенила догадка, что существуют не только зоологические

виды, но и виды социальные. Различия между рабочим, торговцем, моряком и

поэтом столь же характерны, как и различия между львом, ослом, акулой и

овцой.

Но “Человеческая комедия” бесконечно сложнее “комедии животного мира”.

Во-первых, у животных самка принадлежит к тому же зоологическому виду, что

и самец. Лев живет со львицей. В человеческом обществе лев может

сожительствовать с овцой или с тигрицей. Кроме того, преобразование и

усложнение животных видов совершаются лишь в тысячелетние сроки, тогда как

лавочник может в несколько лет стать пэром Франции, а герцог - опуститься

на самое дно. Наконец, человек, искусно, владеющий своими руками и умом, производит орудия, инструменты, одежду, строит жилища, которые “меняются

на каждой ступени цивилизации”. Следовательно, натуралист, изучающий род

человеческий, должен изображать мужчин, женщин и мир вещей.

Вальтеру Скотту удалось возвысить роман до уровня истории, но ему и в голову не приходило связать друг с другом свои произведения. И вот тут выступает на сцену вторая идея, озарившая Бальзака: написать полную историю нравов своего времени - историю, каждая глава которой будет романом. Соперничая с актами гражданского состояния, Бальзак пустил в свет

две-три тысячи персонажей и связал их между собой узами их социального положения и профессии. Единство всего творения просто изумляет, и надо прочесть все целиком, чтобы почувствовать его колдовское действие.

Только тогда увидишь, как широки пределы этого мира, где свет разума не

меркнет никогда. Энгельс говорил, что из произведений Бальзака “узнал больше… чем из книг всех специалистов - историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых” [К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. т.37. с.36]. “Человеческая комедия” остается и Самым правдивым

изображением извечных свойств человеческой натуры, и лучшей историей

нравов времен Реставрации. Вы все найдете тут: дворянство и буржуазию, чиновничество и армию, механизм кредита и механизм торговли, транспорта, прессы, картину жизни судейских, политических и светских кругов. И все это

дано не в виде поверхностных эскизов, но разобрано, разложено и выставлено

для обозрения, как части гигантского организма, ясно показывающие его

строение.

Всезнание автора "Человеческой комедии" охватывает и дома, и города, он

знает все кварталы Парижа. "Ночной Гомер, - говорит о нем Анри Фосийон, -

он освещает адским пламенем склепы и подземные галереи горящего

лихорадочным возбуждением города, где развертывается зловещая эпопея". Он

проникает в студенческие кухмистерские, за кулисы театров, в будуары

герцогинь, в альковы куртизанок. Своим персонажам он дает имена

действительно существовавших в его время поставщиков: Люсьена де Рюбампре

одевает портной Штаубе, а Шарля Гранде - портной Бюиссон (который шил на

самого Бальзака). Ювелирная лавка Фоссена, находившаяся в доме номер 76 по

улице Ришелье, доставляет красивой даме, госпоже Рабурден, модный убор -

гроздья винограда из агата. Бальзаку известны все круги провинциального общества в Ангулеме, в Гавре, в Лиможе, в Алансоне. Никто лучше его не понял мелочную и неумолимую вражду, рождавшуюся во всех этих городах, судороги, сотрясавшие их с 1789 по 1830 год. Франция периода Реставрации осталась бы непонятой, если бы читатель не видел, какими корнями она уходит в прошлое. “Подлинная жизнь обусловливается определенными причинами”. Прием, который применяет Бальзак - появление повторяющихся персонажей, - дает его вымышленным фигурам четвертое измерение - время.

Но описать какое-нибудь общество для Бальзака еще недостаточно. То, что, на его взгляд, делает писателя равным государственному деятелю, а может быть, и возвышает над ним, - это “определенное мнение о человеческих делах”. Бальзак знает, что он величайший из романистов, но не только потому, что он дал жизнь такому множеству персонажей (можно представить себе какого-нибудь трудолюбивого, но малодаровитого писателя, который придумал бы еще больше действующих лиц с различными характерами); он видит свое величие в том, что сумел воплотить в созданном им мире человеческих существ свою заветную идею: показал могущество воли, направленной на одну-единственную цель. Воля эта ограничена известными пределами. У наций, так же как у отдельных людей, есть свой лоскуток шагреневой

кожи. Народы

можно сделать долговечными, только умерив их жизненный порыв. Поэтому

Бальзак высказывается в пользу устойчивых политических режимов и законов.

“Я пишу при свете двух вечных истин: религии и монархии”, - говорит он.

Рассуждая о делах государственных, он проявлял мефистофельскую

язвительность. “В политике честный человек, - заявляет он, - похож на

машину, вдруг вздумавшую чувствовать, или на лоцмана, который, стоя у

руля, предался бы нежной страсти, - корабль пойдет ко дну”. Но Жорж Санд, хорошо его знавшая, замечает: “Перед грустной укоризной, перед сердечной

тоской все его дьявольское могущество рушилось, уступая место наивности и

инстинктивной доброте, жившим в глубине его души. Он пожимал вам руку, умолкал или переводил разговор на другую тему”. Макиавеллизм шел у него от

ума, а великодушие - от сердца.

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ

Лучшим политическим строем, по мнению Бальзака, является тот строй, который порождает наибольшую энергию. И он полагает, что максимальное

количество энергии достигается путем сосредоточения всей государственной

власти в руках правителя. Вспомним вымышленный им разговор между Екатериной Медичи и Робеспьером. Бальзак приемлет обоих этих ревнителей государственной пользы; по той же причине он восхищается Наполеоном. Как и большинство людей его поколения, он был “дитя Аустерлица”, и он не забыл свои первые восторги.

Перечитайте славословие Наполеону во “Втором силуэте женщины”. Человек, “которого изображают со скрещенными на груди руками и который совершил столько дел… Кто обладал более славной, более сосредоточенной, более разъедающей, более подавляющей властью?.. Человек, который мог всего достичь, потому что хотел всего… То воплощенный произвол, то сама справедливость, смотря по обстоятельствам! Настоящий король!” Вот вам чистейший Бальзак! Добавьте, говорит он, капельку произвола, иначе справедливость невозможна. Если не можешь защитить свое дело и если законы предают тебя, дойди до самого короля или же проси помощи у Тринадцати.

После революции 1830 года он, может быть, и принял бы режим, возглавляемый королем-буржуа, обладай король силой. Но вот беда: “Мы совершили большую революцию, а власть попала в руки нескольких ничтожных людишек… Наихудшая ошибка Июльской революции в том, что она не дала

Луи-Филиппу диктатуры на три месяца для того, чтобы он мог укрепить как следует права народа и трона”. Если стремиться к благосостоянию масс, абсолютизм (то есть наибольшая возможная сумма власти) - единственное средство достигнуть этой цели. “То, что мы называем Представительным правлением, - пишет Бальзак в своих заметках, - порождает вечные бури… А ведь основное качество правительства - устойчивость”. Через два года после установления конституционной монархии, на вялость и бездеятельность которой Бальзак сетовал, он в 1832 году стал близок к легитимизму не из чувствительной преданности, как Шатобриан, не из светского тщеславия, как это полагала бдительная Зюльма Карро, а потому, что, по мнению Бальзака, абсолютизм законного короля будет принят лучше.

Позднее эти политические взгляды Бальзака возмущали Флобера и Золя. “Он был католиком, легитимистом, собственником… Этакий великанище, но второго сорта”. Бальзака отнести ко второму сорту! Какое безумие! Ален, больше республиканец, чем Флобер, лучше понимал политические взгляды Бальзака. Говорили: “Бальзак поддерживает трон и алтарь, не веря ни в то, ни в другое”. Сказано правильно, если понимать слово “верования” в отвлеченном смысле, и ошибочно, если речь идет о практическом их значении. Бальзак отстаивает традиции, семью, монархию потому, что они существуют, и

потому, что они сохраняют энергию нации. То и дело менять главу государства, переносить в практическую деятельность текучесть мысли - это значило в его глазах ослаблять государство. Бальзаку казалось, что прочность уже сама по себе является благом. Это может с одинаковым успехом привести нас и к диктатуре народа, и к легитимизму, к Наполеону или к Марату и к Людовику XIV. Единственная ошибка Наполеона состоит в том, что он не сумел упрочить свою власть. Подлинный монарх может прийти и снизу и сверху. Бальзаку ненавистно непрочное правление посредственностей. Порой он мечтал о коллективной диктатуре. “Если полтора десятка талантливых людей во Франции вступили бы в союз, имея при этом такого главу, который стоил бы Вольтера, то комедия, именуемая конституционным правлением, в основе коей лежит непрестанное возведение на престол какой-нибудь посредственности, живо бы прекратилась”. Энергия способствует и могуществу, и законности.

Это не значит, что энергия всегда должна исходить только из одного лагеря. Бальзак понимает Мишеля Кретьена и З.Маркаса так же хорошо, как графа де Фонтана или Анри де Марсе. Орас Бьяншон, один из любимых его

его персонажей, говорит о маркизе д’Эспар: “Я ненавижу эту породу людей! Хоть бы произошла революция и навсегда избавила нас от них!” Бальзаку и самому приходилось испытывать минуты подобной ярости в гостиной маркизы де Кастри. Но в нем говорило уязвленное тщеславие, а не подлинная нищета. Его можно было назвать революционером, потому что он изображал прогнившее общество и пробуждал желание преобразовать его. Однако он изображал это общество как буржуа и как сын буржуа, мечтающий о том, чтобы занять там заметное место.

Итак, монархия и религия… Какая же религия? В предисловии к “Мистической книге” он отвечает; мистицизм, то есть христианство в его чистейшем виде. Он считает Апокалипсис Иоанна Богослова аркой моста, перекинутого между мистицизмом христианским и мистицизмом индусских, египетских, иудейских и греческих религий. Это вероучение было передано через Иакова Беме госпоже Гийон и Фенелону. В XVIII веке приверженцем его был Сведенборг - фигура столь же колоссальная, как и Иоанн Богослов, Моисей и Пифагор; во Франции его апостолом явился Сен-Мартен. Такова была религия Луи Ламбера и та, которую защищал Бальзак. В 1832 году в письме к

письме к

Шарлю Нодье он возвратился к философским исканиям своей юности, когда он

на двадцатом году жизни читал в своей мансарде Лейбница и Спинозу. К чему

его привело это чтение? К следующей дилемме: или Бог и материя существуют

одинаковое время, и тогда Бог не является всемогущим, раз он допускал

одновременное с ним существование силы, чуждой ему; или же Бог

предшествовал всему, а значит, он извлек мир из собственной своей

сущности, и, следовательно, ни в человеческом обществе, ни во Вселенной не

может быть зла. “В битвах Бог находится, - говорит Беме, - в обоих

сражающихся лагерях и разит самого себя”. Всякая схоластика заходит в

тупик.

Тогда… как же тогда быть? Надо склониться к пирронизму или с любовью

погрузиться в христианство, ни о чем не допытываясь. В юности ум Бальзака

склонялся к пирронизму. В 1824 году он писал: “У каждого своя мания; религия - это только самая возвышенная из всех”. В 1837 году он говорил: “Я не принадлежу ни к числу обращенных, ни к числу тех, кого можно

обратить, у меня нет никакой религии”. Он решил “погрузиться” в

христианство. Какого толка? В католичество? Бальзак связан с католической

церковью воспоминаниями детских лет; в защиту ее он писал прекрасные

церковью воспоминаниями детских лет, в защиту ее он писал прекрасные рассказы, в “Сельском враче” он восславил ее цивилизаторскую силу, а в “Лилии долины” - ее евангельскую кротость. Но всего этого еще недостаточно, чтобы считать его правоверным католиком. “Католическое вероисповедание, - говорит он, - это ложь перед самим собой”.

Однако глазам писателя, желавшего вести за собою людей, церковь предстает в качестве хранительницы нравственных и социальных истин. Чтобы понять, какую роль этот неверующий отводит религии, надо вспомнить, что за общество он описывает, какой свирепый мир он рисует - мир, где владычествуют деньги, где слабых попирают ногами, зато осыпают почестями преступление, если оно сумело насмеяться над правосудием. “Какою стала Франция в 1840 году? Страной, целиком поглощенной чисто материальными интересами, страной, где нет ни патриотизма, ни совести и где власть не обладает силой…” Торжествующему Злу Бальзак противопоставляет католицизм как “целостную систему подавления порочных стремлений человека”. В своих воззрениях Бальзак не приписывает христианским догмам безоговорочной ценности, он считает их возвышенными и живительными мифами. А что может понять человек, если не мифы? “Нельзя же заставить всю нацию изучать

Канта”. Вера и привычка ценнее для народа, чем занятия науками и рассуждения.

”Я не забываю, - пишет Франсуа Мориак, - что если Бальзак и был католиком, то из соображений политических и прагматических, подобно всяким Бональдам и де Мэстрам, а это не самый лучший способ веры. Но истинное религиозное настроение прокладывало себе путь в глубинах его жизни я в глубинах его творчества… Достаточно перечесть “Луи Ламбера”, “Сельского врача”, чтобы увидеть, что, если Бальзак и далеко зашел в познании Зла… он познал также и сущность Добра…” Речь идет не только о куцем католицизме, полезном какому-нибудь буржуа из квартала Марэ для внушения своей жене уважения к супружескому долгу и для охраны своей собственности.

В романах, которые должны были дополнить “Человеческую комедию”, Бальзак предполагал отвести большое место христианскому милосердию. Спасение души должно происходить в тишине и в тайне, а милосердие совершает явные чудеса. Добрые дела искупят грехи не только Вероники Граслен, но и доктора Бенаси.

Верующего может покоробить снисходительность в рассуждениях этого

защитника веры. Однако, хоть Бальзак и не все принимает, он относится ко многому с уважением. В прекрасном рассказе “Обедня безбожника” хирург Деплен, который не верит ни в Бога, ни в черта, ежегодно заказывает мессу за упокой души своего благодетеля - бедняка водоноса. На удивленные вопросы своего ученика Бьяншона Деплен отвечает: “Я… говорю с искренностью скептика: “Господи, если есть у тебя обитель, где пребывают после смерти люди праведные, вспомни о добром Буржа…”. Вот, мой милый, все, что может разрешить себе человек моего образа мыслей. Бог, вероятно, славный малый, он не обидится, черт возьми! Клянусь, я отдал бы все свое состояние, чтобы вера Буржа вместилась в моем мозгу…” И Бьяншон, ухаживавший за своим учителем во время его последней болезни, не посмел утверждать, что знаменитый хирург умер атеистом. В Бальзаке к агностицизму Деплена примешивалось кое-что от образов благородных священников, которых он создавал.

Была ли у него своя философия? Очевидно, ведь он не считал, что механический детерминизм способен объяснить все на свете. Бальзак и материалист и спиритуалист одновременно. Он полагает, что дух проникает в материю. Все существующее во Вселенной поднимается по ступеням лестницы - от минерала, который мыслит едва-едва, до человека, у которого душа связана с телом, а затем и до бесплотного ангела, который является только

связана с телом, а затем и до бесплотного ангела, который является только душой. У Бальзака были какие-то смутные верования, что эволюция, которая привела от мрамора к святому, приведет человека к ангелу. Он знает, что еще не разгадана великая загадка мироздания и что в основе жизни лежит нечто более могущественное, чем сама жизнь. Эту загадку мироздания, эту основу жизни он согласен именовать Богом. Человек хотел бы их постигнуть. Но они постижимы для нас лишь через аллегории, символы, знамения. Бог безмолвствует, но на живые существа и неодушевленные предметы возложена передача таинственных вестей. Между материей и человеком есть сокровенная связь. То, что действительно важно во Вселенной, обнаруживается в бесконечно малом. Отсюда эти старания как можно тщательнее описать меблировку, одежду, шляпу, жест. Все - во всем. Перед лицом абсолюта коммивояжер не менее значителен, чем император.

Мир един. Единая субстанция порождает и мир физический, и мир духовный. Бальзак любит напоминать об этом единстве, показывая воздействие физиологии на движения души. Обманутые любовные желания преобразуются в отцовское чувство, в нравственную энергию, в милосердие, как тепло превращается в свет, в электричество. Мы все обладаем жизненной силой; одни направляют ее на благую цель, другие - на преступление. Отказ от

удовольствий укрепляет волю, этот мощный флюид, который позволяет человеку

воздействовать на мир. Мечта Бальзака? Сосредоточить волю, чтобы она стала

магической, даже божественной силой.

Стать богом, создать свой собственный мир - вот к чему стремятся, не

отдавая себе в том отчета, Луи Ламбер, Валтасар Клаас, Френхофер -

персонажи, родственные самому Бальзаку. Но силы человеческие имеют свои

пределы, и Прометея подстерегает безумие. Бальзак и сам порой признавался, что страшится этого. Его спасли труд и несколько женщин. Ведь единство

природы человеческой и ее равновесие проистекают из слияния двух начал: мужского начала, которое стремится к движению, к борьбе, и женского

начала, требующего прочности, наследования жизни. Сен-симонисты, а позднее

Огюст Конт тоже придерживались этой доктрины. Бальзак - мыслитель столь же

глубокий, как и Конт, но сверх того еще и поэт - выражает свою философию в

мифах. Платон не так уж далек и от Данте, и от Шекспира.

ЛЮБОВЬ. БРАК

Бальзак говорит о любви то как мистик, то как физиолог. Лексикон его всегда остается целомудренным, нет никаких описаний наготы, мало сладострастных сцен, но всюду смелость какого-то медицинского характера: от телесных порывов зависят порывы сердца. При первой же встрече с Диной де ла Бодрэ, героиней романа “Провинциальная муза”, Бьяншон по тону одной из реплик этой дамы разгадал ее интимную жизнь: ее супруг, щуплый господин де ла Бодрэ, - импотент, и Дина осталась девственницей. И она будет принадлежать Лусто, когда он того пожелает, именно Лусто, второстепенному журналисту, а не Бьяншону, прославленному врачу. “И вот почему: женщины, которым хочется любить… чувствуют бессознательную неприязнь к мужчинам, всецело поглощенным своим делом; такие женщины, несмотря на свои высокие достоинства, всегда остаются женщинами в смысле желания преобладать”. Наблюдение, сделанное занятым человеком, для которого время - деньги. Бальзак с большим знанием дела описывает “жгучий взгляд” влюбленных, которых влечет друг к другу. Он знает, какую роль играет чувственность, в каких ласках отказывает любовнику герцогиня де Ланже, почему тайная порочность Беатрисы, зрелой женщины, берет верх над прелестью и молодостью Сабины; на которой женился Каллист; как Валери Марнеф или куртизанка Торпиль удерживают при себе стариков. Разве сам он не обожал госпожу де

Берни, которая была старше его матери, разве он не пылал бешеным

вожделением к маркизе де Кастри и не вкушал с пышнотелой Эвелиной восторги

страсти в “незабываемый день”? Ему были известны все рецепты “любовной

кухни”.

Но всякая любовь, не встречающая поддержки общества, кажется ему

обреченной на печальный исход. Нередко он описывает ужасы тайной любви.

Человек стремится удовлетворить в любви требования и своей чувственности, и гордости, и выгоды. Когда мужчина полюбит женщину, он любит в ней все: ее тело, ее душу, ее красоту, ее кружева - все, что ее окружает в жизни.

Госпожа Ганская привлекала Бальзака тем, что она была “создана для любви”, но ему нравились также и ее начитанность, и то, что у нее три тысячи

мужиков, что она носит графский титул, живет в настоящем замке, что она

верующая. Он защищал против своего друга Жорж Санд самый принцип брака, так как лишь в браке любовники все делят друг с другом - и супружеское

ложе, и успех, и состояние, только в браке опорой их союза становятся

религия, общество и семья. Разумеется, брак по рассудку, если только он не

превращается в брак по сердечной склонности, не дает подлинного счастья.

Бальзак желает как для своих героев, так и для себя самого, замечает

Фелисьен Марсо, не “хижину и любящее сердце, но дворец и возлюбленную”.

Стремление прямо противоположное мечтам романтиков. В любви, как и в политике, Бальзак идет против течения.

Он всегда подчеркивал разницу между увлечением и любовью. “Увлечение - это надежда, которая, возможно, окажется обманутой… И мужчины и женщины могут, не видя в том позора, пережить несколько увлечений, ведь так естественно стремиться к счастью! Но любить можно только раз в жизни”. Он сам подавал пример увлечений, сменявших одно другое. Однако ж он упорно воспевает, по крайней мере в теории, религию сердца. “Человек не может любить два раза в жизни, возможна только одна любовь, глубокая и безбрежная, как море”. Жизнь эротическая и мистическая жизнь должны устремляться к единому существу; два земных создания, “вознесясь на крыльях блаженства”, преобразятся в ангела. “Серафита” - это только символ: Серафита в глазах Камилл Мопен - образ возможного совершенства; для Бальзака это символ надежды, которую он сулит Эвелине Ганской. Но если он и рисует ангельские восторги, то отнюдь не переживает их, он слишком поглощен своим творчеством. Великий человек не может позволить себе великой любви, он не должен всецело принадлежать женщине. Он мог бы любить, но ведь прежде всего он должен созидать. Однако такие истины он не

сообщает своей любимой.

Иногда он выводил на сцену страстную любовь. Евгения Гранде любит своего двоюродного брата; Луиза де Шолье и Урсула Мируэ любят своих мужей; Анриетта де Морсоф питает к Феликсу де Ванденесу чувство, в котором смешались любовь, страсть и материнское покровительство; Диана де Кадиньян после многих приключений всем сердцем привязалась к д’Артезу и скрывает от света свое счастье; Эстер любит Люсьена де Рюбампре страстной любовью, омраченной грязью жизни; Дина (“Провинциальная муза”) способна на бескорыстную преданность своему любовнику. Но большинство женщин “Человеческой комедии” ищут или богатства, или утех тщеславия; Розали де Ватвиль хочет потешить свою гордость и отомстить за обиду; Модеста Миньон играет своими поклонниками, передвигает их, как пешки на шахматной доске судьбы; Рене де л’Эсторад удивляет мужа своими расчетами. Все эти девы знают, что они будут принесены в жертву Золотому Тельцу. Женщины становятся тогда рабынями, и их продают на невольничьем рынке: одни продаются в постоянную собственность (замужество), другие отдают себя во временное пользование (проституция). Брак без любви - это узаконенная проституция. “Мы воспитываем своих дочерей как святых, - говорит Жорж

Санд, - а выводим на рынок, как молодых кобылиц”. Но общество скрывает эти горькие истины: “Мы стремимся всячески украшать наши кушанья, подаем их на золоте, на серебре и фарфоре, повинуясь тому же самому чувству, которое заставляет нас расцвечивать любовь узорами и окутывать ее туманным покрывалом”.

Бальзак и его героини принимают любые сделки. Красавицы девушки с готовностью выходят замуж за дряхлых пэров Франции, лишь бы сохранить свое положение в обществе, или идут за старых банкиров, чтобы добиться богатства. Не уступают им и молодые люди, которые ради денег и власти продаются женщинам зрелого возраста. Растиньяку устраивает гнездышко Дельфина де Нусинген, Максима де Трай содержит графиня де Ресто. Люсьен де Рюбампре сначала ждет богатства от Корали, а затем от Эстер. Ла Пальферин (“Принц богемы”) принимает от своей любовницы “значительную сумму”. Как же тут Бальзаку возмущаться? Он брал взаймы у своих любовниц еще более значительные суммы. Мужчина в “Человеческой комедии” иногда женится из честолюбия и почти всегда из корысти.

”Где коммерция, там и конкуренция, - пишет Андре Вюрмсер. - Богатая наследница, прежде чем стать средством успешной карьеры для победителя, бывает ставкой в ожесточенной борьбе; идут упорные сражения де Крюшо с де Грассеном - кому достанется Евгения Гранде; дю Букье сражается с шевалье де Валуа - кому достанется мадемуазель де Кормон; Филипп Бридо дерется с Максансом Жиле - кто завладеет Баламуткой… Мужчина ведет бой с мужчиной из-за приданого невесты. Женщина ведет бой с женщиной, чтобы подцепить мужа… А раз есть коммерция, конкуренция, борьба корыстных интересов в браке, то существует и кодекс его законов. “Видишь, дорогая моя сумасбродка, - пишет Рене де л’Эсторад, - мы хорошо изучили гражданский кодекс и его взаимоотношения с супружеской любовью!..” Супружеские отношения - это отношения собственности”.

Если иной критик удивится, что женщине отведено так много места в “Человеческой комедии”, значит, он недостаточно поразмыслил, говорит Бальзак, над тем, как трудно создать творение более длинное, чем “Тысяча и одна ночь”, включающее в себя более ста различных произведений. Поскольку

женщин на Востоке держат в заточении, то рассказчик мог описывать только

базар, дворец калифа и мастерскую башмачника. Арабским сказочникам для

поддержания интереса у слушателей нужны были чудеса, волшебники, талисманы. В средневековой Европе пружиной эпического действия служили

войны, борьба раба против господина, духовенства против королевской

власти. Единственно возможный роман о прошлом исчерпан Вальтером Скоттом.

“Во Франции, да еще в XIX веке, - писал Кюстин, - различные слои общества

уже не имеют в себе более ничего живописного. Каста уже не накладывает

свой отпечаток на физиономию каждого своего члена. Раз внешний облик

человека не отличался своеобразием, сочинителям пришлось пуститься в

изображение его внутренней жизни и искать самых утонченных волнений

человеческого сердца…” Бальзак вполне способен испытывать и угадывать

эти утонченные волнения. Он заглядывает во все изгибы женской души, не

задевая ее; он беспощадный наблюдатель, и никогда комедия любви и денег не

может обмануть его; стоит ему захотеть, и он передаст тончайшие оттенки

чувств. Женщины всегда останутся его верными читательницами, потому что ни

один писатель не понимал их так хорошо, как он. Многие из них видят” как

он срывает с них маску, но в глубине души находят в этом удовольствие.

Хорошо зная куртизанок, Бальзак считал, что они способны на беззаветную страсть. Ему нравятся их прелести, их роскошь и то, что они наизусть знают мужчин, их дерзкая готовность идти на риск и, наконец, своеобразная поэзия, порожденная эфемерностью их жизни. Куртизанки составляют в его произведениях особый мирок, в котором свой язык, свои законы, свои молодые любовники, богатые старики-“покровители” и свои трагедии (смерть Корали, жертва, принесенная Эстер). Для мужчины “любовь всегда будет только голодом, только жаждой, приукрашенной воображением” или надеждой на поддержку в поединке с обществом. Растиньяку нужно, чтобы Дельфина де Нусинген помогала ему в его игре. Блонде обязан своим спасением госпоже де Монкорне. “Любовь, - говорит Блонде, - это единственная для глупцов возможность возвыситься”. Но почему же “для глупцов”? А кем был бы Бальзак без Лоры де Берни? Разве не рассчитывал он, что союз с графиней Ржевусской поднимет его в собственных глазах и в глазах других? И почему же это “единственная” возможность? Тем, кто не умеет внушить любовь, остается дружба, сообщество. Не меньше, чем о женской любви, бальзаковские герои мечтают о верном товарище или о целой группе безоговорочно преданных

друзей. Высший свет влечет их тем, что это замкнутый клан, который продвигает своих. В начале жизни Бальзак был очень одинок, и одиночество страшило его. Он искал соратников в борьбе. Приятели, которых молодые люди, персонажи его романов, заводили в кухмистерской Фликото, сообщество Тринадцати, “Красный конь”, Вотрен и его шайка - все это стремление к таинственному содружеству, заменяющему любовь.

ДЕНЬГИ

Деньги, способы их приобретения, погоня за приданым, за наследством, торговля, банк, ростовщики, подделка завещаний, мошенничества занимают в “Человеческой комедии” столько же места, как и любовь. Даже больше. Во многих романах Бальзака любовь совсем не фигурирует, и он удивляется, что в “Пармской обители” (восхищавшей его) “среди стольких событий” никогда и речи нет о деньгах. Причины первостепенной роли, которую играет в книгах Бальзака Властитель мира - Золото, - надо искать в самом авторе и в эпохе.

Обратимся сначала к автору. Бальзак родился в семье, где преклонялись перед деньгами. Вспомним слова его матери: “Богатство, большое богатство -

это все”. Вокруг него у всех недоставало денег: у Сюрвилей, у Монзэгля, у его родителей, да и у него самого. Разве это было по их вине? Да, родителям Бальзака было на что жить; Сюрвили могли бы прилично существовать на жалованье инженера. Бальзак не знал бы нужды, не будь он расточителен. Конечно, но зачастую расточительствовал он для отвода глаз.

А где начал он свою деятельность? В конторе стряпчего. Там ему ударил в нос мерзкий запах дурно приобретенных денег. Там он узнал истинные отношения между Законом и Правосудием; там он увидел одураченных честных людей, торжествующих мошенников, снисходительных судей. Там ему открылось пристрастие суда, который стремится спасти юного д’Эгриньона, подделавшего векселя, и вызволить его, раз этого требует красивая дама из знатной семьи; исход процесса предрешен угодливым вмешательством госпожи Камюзо де Марвиль, супруги судебного следователя. Бальзак со знанием дела рассказывает о таких подлостях, ведь все это совершалось у него на глазах.

А видел он такие дела, потому что жил в растленное время. При старом режиме поступками людей руководили и честь, и алчность; в годы Революции и Империи играли роль энтузиазм и жажда славы. Но покупка “национального

имущества”, военные поставки, гигантская спекуляция на переменах режима, приобретение по дешевке государственной ренты привели к власти класс новых господ, для которых имело цену только обогащение. Там, где отец Бальзака, мозг которого кипел замыслами, потерпел неудачу, молчаливый Гранде нажил огромное состояние. Тайфер поднялся благодаря преступлению, другие - путем злостного банкротства, а кое-кто - посредством позорного брака. Кругом безнравственность, заразившая все общество. Филипп Бридо, который показал бы себя храбрым солдатом, если б война продолжалась, убивает, чтобы заполучить наследство. Цезарь Бирото спекулирует. Пожалуй, Гобсек еще честнее других, поскольку он самый откровенный. “Если я умру, оставив малолетних детей, - говорит стряпчий Дервиль, - он будет их опекуном”. А это означает, пишет Вюрмсер, “что имущество несовершеннолетних Дервилей управлялось бы честнейшим образом, за счет всех тех, кого во имя сирот стал бы эксплуатировать Гобсек”.

Июльская монархия - исторический период, когда воздвигается здание капитализма (самый термин был еще не известен, хотя слова “капитал” и “капиталист” уже были в употреблении). Цена на земельные участки в Париже невероятно подскочила. Плодятся и множатся акционерные общества. Ротшильд

финансирует строительство железных дорог на севере Франции, и Бальзак

финансирует строительство железных дорог на севере Франции, и Бальзак, веря в их будущее, вовлекает (как всегда, слишком рано) в эту спекуляцию и госпожу Ганскую. Стремительно развивается дешевая пресса, и Бальзак приветствует ее организаторов. Издательское дело, до того времени переживавшее пору детства, требует новых методов, которые предугадывал Бальзак. “Обогащайтесь”, - бросает лозунг Гизо. Бальзак охотно принял бы участие в погоне за добычей, но нельзя одновременно писать “Человеческую комедию” и разыгрывать ее в жизни. Деньги властвуют в мире; Бальзак описывает мир.

Он описывает, но не судит. Его упрекают за это; молчание писателя превращают в сообщничество. Но он инстинктивно чувствует, что слишком явно выраженное суждение автора портит произведение искусства. Роль искусства - дать беспристрастную картину. Если писатель проповедует и порицает, произведение теряет свою красоту. “Моралист должен искусно прятаться под плащом историка”. Бальзак знает, что не его дело выносить приговоры. “Пусть этим займутся суды”, - скажет впоследствии Чехов. Бальзак взял на себя роль историка и секретаря общества, он не выступает с обвинением против него. Единственный упрек, который можно ему сделать, - то, что он постиг не все общество. В “Человеческой комедии” очень мало, почти совсем

совсем

нет рабочих, а что касается крестьян, то Бальзак описывает их такими, какими их мог бы увидеть Венцеслав Ганский или генерал де Монкорне. На

свою беду, художники, которые любят богатство, замечают повсюду лишь

богатых людей. Виктор Гюго обязан своими “Отверженными” Жюльетте Друэ.

Госпожа де Берни и госпожа Ганская, герцогиня д’Абрантес и маркиза де

Кастри осветили для Бальзака лишь половину сцены.

XXX. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ (II)

Иной раз нам случается проклинать условия человеческого существования по сравнению с неким отвлеченным несуществующим совершенством. А ведь нам, наоборот, надо исходить из самих этих условий, каковы они есть, и прислушиваться, о чем вопиет человечество. И если это не украшает мир в наших глазах, остается одно: пойти и утопиться. Бальзак излечивает от мизантропии - вот чем он хорош.

Ален

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

Как он работал? Какие материалы употреблял? Он охотно повторял: “All is true” (“Тут все правда”), говорил о своей “устрашающей точности” и добавлял: “Ужасам, которые романисты, как нам кажется, сочиняют, далеко до подлинной действительности”. Разумеется, природа богаче, чем искусство, но правда в природе не то же, что правда в искусстве. В природе ее нельзя ни исчерпать, ни до конца постичь. Правда редко кажется правдоподобной. Ей недостает гармонии и единства. Великий писатель ищет единства композиции.

Бальзак любил называть себя поэтом, то есть человеком, воссоздающим сущность вещей. “Что такое искусство? Это концентрированная природа”. Воображаемое опирается на реальное, но упорядочивает его. Художник должен стремиться к простоте, воплощать свои идеи в образы людей, но при этом создавать фигуры, которые для читателя были бы живыми. У Бальзака стержнем романа является какая-либо страсть; роман показывает нарастание этой страсти, волна ее поднимается, все сметает на своем пути и, захлестнув человека, способна убить его.

Романист бальзаковского склада: бальзаковские персонажи и правдивы, и вместе с тем крупнее заурядных людей. “Мне нравятся существа

исключительные, - говорит Бальзак в письме к Жорж Санд, - я сам один из них. Мне и надо быть таким, чтобы выдвинуть на авансцену моих заурядных героев, и я никогда без необходимости не жертвую ими. Эти заурядные герои интересуют меня гораздо больше, чем вас. Я их возвеличиваю, я их идеализирую - только в обратном смысле, преувеличивая их безобразие или их глупость. Я придаю их уродствам ужасающие или комические пропорции”. Этим приемом преувеличения Бальзак как будто приближается к романтикам, но в то время как они любят украшать водосточные трубы страшными мордами чудовищ, ничуть не заботясь о правдоподобии, Бальзак, давая правдивые подробности, стремится быть верным человеческой природе.

В процессе создания Бальзаком его персонажей можно различить три стадии. Сначала он исходит из образа известного ему человека или из книжных характеров. Например, рисуя Пильеро, он думает о Даблене, а рисуя Беатрису, видит перед собой Мари д’Агу. Затем он все меняет и обогащает портрет чертами, заимствованными у других моделей. Во второй стадии им руководит “уже не стремление к литературной транспозиции, а внутренние требования самого произведения”. Как художник, который, отойдя немного от своей картины, лучше видит ее и добавляет лишний мазок или новый оттенок, Бальзак, окинув взором все, что уже нарисовано, стремится придать картине

придать картине

больше выпуклости. И наконец, в третьей стадии он “деформирует созданную

фигуру, словно в приступе галлюцинации”, чтобы сделать ее воплощением

определенной идеи. И тогда Гобсек становится олицетворением могущества

золота, Бирото - воплощением честности, а Горио - отцовской любви. Но даже

в переходе к отвлеченному он твердо ступает по земле. Как интересно в его

книгах обнаруживать маленькие черточки, являющиеся следами его

повседневной жизни. Гранде называет свою жену “мамочкой”, как называла

свою мать Лора де Сюрвиль, и говорит о Великом Моголе, как отец Бальзака.

В зеленых папках Рабурдена мы находим каналы, прокладываемые Сюрвилем.

Основа разорвана на кусочки, и они собраны по-новому. Разумеется, Бальзак

прежде всего обращается к самому себе, к своим воспоминаниям, к пережитым

горестям. Многие из его романов как бы вознаграждают его за то, в чем ему

было отказано судьбой: де Марсе приносит ему красоту и силу; Растиньяк

женится на богатой женщине и делает блестящую карьеру; д’Артез дарит ему

чистоту. Или же, прибегая к колдовству, старому как мир, он освобождается

освобождается

от преследовавших его неудач, обрушивая их на одного из своих персонажей.

Так, Люсьен де Рюбампре избавляет его от тяжелых переживаний юных лет, Цезарь Бирото - от воспоминаний о крахе его начинаний в типографском деле, а Натан - от мучений писателя. Бальзак знает, что сам-то он выше этих

горемык своей изумительной работоспособностью и силой своего гения, знает, но ему приятно сказать это самому себе и показать другим. З.Маркас, Альбер

Саварюс - вот кто достоин его, и оба они могут считаться его братьями по

гениальности, однако ж, оба гибнут: на них возложена автором роль

искупительной жертвы. “Каждый бальзаковский персонаж является, таким

образом, двойником своего создателя: в них он торжествует или терпит

поражение и гибнет - чтобы отвратить от себя приговор судьбы”, - пишет

Пикон. Эти вымышленные существа в его глазах - живые, а “реальные люди

даже казались ему бледной копией его собственных героев”. Прочно

утвердившись в этой второй реальности, он мог вместе с героями делать

скачки во времени. Он объявляет читателю: “Здесь же вы видите внушительный

образ де Марсе, который становится премьер-министром, а в “Брачном

контракте” описаны его первые шаги в обществе; позднее… он предстает то

восемнадцатилетним юношей, то тридцатилетним пустейшим денди, легкомысленным бездельником” [Бальзак. Предисловие к “Дочери Евы” и

“Массимилле Дони”]. Не так ли бывает и в нашем обществе? Вы встречаете человека, которого потеряли из виду; он был беден, а теперь стал богат; вы идете в другой уголок гостиной, и там какой-нибудь искусный говорун за полчаса расскажет неизвестную вам историю двадцати лет жизни вашего знакомого. Бальзаку превосходно удаются такие разговоры, где при каждом повороте светской болтовни открывается какая-либо тайна. Зачастую история рассказывается по частям, в несколько приемов: “Нет ничего цельного в нашем мире, все в нем мозаично… Образцом для автора служит XIX век, век крайне подвижный, когда ничто не стоит на месте” [Бальзак. Предисловие к “Дочери Евы” и “Массимилле Дони”]. Автору приходится иной раз ждать три года, чтобы узнать развязку романа (“Беатриса”), или же забыть прошлое своих персонажей, а порою игнорировать его. “Торпиль”, написанная раньше “Провинциальной знаменитости в Париже”, показывает нам друзей и врагов Люсьена де Рюбампре, и они говорят о нем так, словно совсем потеряли память. В дальнейшем автор все уладит, если у него хватит времени.

Волшебство всех этих приключений заключается в том, что Бальзак чувствует

себя в созданном им мире как в реальной жизни и ждет, чтобы какая-нибудь встреча или доверенная ему тайна натолкнули его на продолжение того или иного романа, а когда он возвращается к житейской действительности, то всюду видит там своих героев и углубляет свое знакомство с ними.

У него и приемы, и тон историка. Если ему нужны примеры, чтобы пояснить ситуацию, он их ищет и находит в самой “Человеческой комедии”. Если он хочет заполнить гостиную на вечере, он созывает туда своих собственных героев то из буржуазного, то из чиновничьего круга, то из светского общества. Воспоминания действующих лиц какого-нибудь романа естественным образом затрагивают его предшествующие произведения. “Человеческая комедия” - это история внутри Истории. В предисловии к “Дочери Евы” он шутливо обещает, что позже к “Этюдам о нравах” будут составлены биографические указатели, и в качестве образца пишет справку о Растиньяке. Ему кажется, что он шутит, а на деле он лишь опережает события.

Теперь понятно, почему он так легко соглашается на просьбу какого-нибудь издателя срочно написать рассказ в шестьдесят страниц, когда бывает нужно увеличить объем выпускаемого тома.

Ведь Бальзаку достаточно для этого собрать свою труппу и выбрать в

ней

нескольких требующихся ему актеров. Его многочисленные статьи и

монографии, опубликованные то тут, то там, дают ему “зарисовки”: Чиновник, Лавочник, или тирады, которыми он “затыкает дыру”, а в один прекрасный

день выбрасывает их при переиздании (например, вычеркивает тираду о

Булонском лесе, имевшуюся в первом издании “Прославленного Годиссара”, а

затем исчезнувшую из этого рассказа). Требованиям ремесла, связывающим

авторскую свободу, он придает не больше значения, чем режиссер в театре

придает значение прожектору, который то зажигают, то гасят по ходу

действия. Он без стеснения позаимствует в техническом журнале доклад

инженера-путейца, закажет стихотворение Дельфине Гэ или Теофилю Готье.

Какую роль играют эти чужеродные элементы, раз единство произведения

достигается могучей личностью автора и раз действие быстро развертывается

дальше?

Бодлер находит, что в стиле Бальзака есть “что-то расплывчатое, скомканное, черновое”. Это неверно: Бальзак - автор эпистолярной прозы, Бальзак-журналист пишет очень хорошо, его стиль полон энергии и движения; Бальзак - историк нравов, Бальзак-географ в описаниях проявляет и ум и

точность. Идет ли речь о бочаре или о парфюмере, о театральных кулисах или

о лаборатории химика, его технический язык непогрешим. Бальзак-моралист небрежно разбрасывает в тексте своих произведений афоризмы, достойные Ларошфуко или Шамфора: “Только у стариков есть время любить… Смирение - это ежедневное самоубийство… Корыстные интересы зачастую пожирают друг друга… Пороки всегда столкуются меж собой…” Чувствуется, что он воспитывался на классиках XVII и XVIII веков. Помимо гениальных находок (а у него их множество), он и машинально пишет прекрасным слогом. Он великолепный подражатель - то подделывается под Рабле, то под Сент-Бева. Он блестяще может изложить какую-нибудь научную и философскую систему. Его никак не назовешь “претенциозным фельетонистом”, уснащающим свой рассказ “благомыслящими” общими местами, наоборот, он с юных лет мыслит оригинально и глубоко.

Правда, приходится признать, что у него не всегда хороший вкус, и случается, что он впадает в смешную напыщенность, когда старается выразить что-либо возвышенное или создать красивый образ. “Она позлатила бы даже грязь своей небесной улыбкой…” “Целомудренная ограда их затаившихся

сердец…” “Так, значит, и ты тоже в пропасти, ангел мой?..” Его романы изобилуют “ангелами”. Конечно, надо помнить, в какое время это писалось, помнить о риторике романтиков и о том, какие книги читал Бальзак. Стиль проповедей Массильона, пусть он даже и хорош сам по себе, может испортить любовную переписку. Анриетта де Морсоф, так же как и ее создатель, слишком много читала Сен-Мартена. Поскольку Бальзак верит в единство мироздания, он позволяет себе смелые сравнения, иногда удачные, иногда комические: госпожа Матифа - “эта Екатерина II прилавка”; Нусинген - “этот слон финансового мира”; Горио - “Христос отцовской любви”. Это мания Бальзака, но разве у Лабрюйера нет своей мании - стремления к финальному штриху, а у Пруста - мании плести гирлянды прилагательных и изысканных метафор?

А кроме того, у больших мастеров свои права. “Им-то не нужно изощряться в стиле, они сильны, несмотря на все свои ошибки, а иногда и благодаря ошибкам, - замечает в одном из своих писем Флобер. - Но нас, малых писателей, ценят лишь за безупречно отделанные произведения… Я осмелюсь выразить здесь мысль, которую не решился бы высказать где-нибудь в другом месте: я скажу, что великие писатели нередко пишут плохо. Тем лучше для них. Искать искусство формы нужно не у них, а у второстепенных писателей

(Гораций, Лабрюйер)…”

Но, сказав все это, заметим также, что ни один писатель не работал

столько, сколько работал Бальзак. “Он вкладывал бесконечно много труда в

поиски выразительных средств”, - говорит Теофиль Готье. Однако он

добавляет, что “у Бальзака был свой стиль, притом превосходный стиль, неизбежно необходимый, с математической точностью соответствующий мысли

автора”. Как Шатобриан, он подбирал архаические слова, чтобы вернуть им

былой почет, или же редкие слова, или же фамилии, чудесные фамилии

“Человеческой комедии” - Гобсек, Бирото, Серизи, которые он вылавливал на

вывесках, в различных ежегодниках или находил в своих воспоминаниях. В

“Турском священнике” он изобрел “разговор с подтекстом” - прием, который

состоит в том, чтобы искусно вписывать потаенные мысли собеседников, скрывающиеся за произносимыми вслух фразами. Можно сказать также, что его

письма (особенно письма к Ганской) дублируются таким “подтекстом”.

Читателю надо представить себе, какая смесь искренности, наивных хитростей

и романтических тирад кипела в его уме, когда он писал своей возлюбленной.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, ИЛИ “ЯСНОВИДЯЩИЙ”

В предисловии к “Человеческой комедии” Бальзак изложил целую систему мироздания, представлявшую собою трамплин для полета его гения. “Он хочет, - писал Мюссе, - уцепиться за нить, которая может все соединить и все сосредоточить… Этот честолюбец питает лестную для себя мысль, что единственно он обладает ключом к своей эпохе…” Это правда, для Бальзака жизнь - это система причинных связей, но гениальность жила в нем до всяких систем и вне их. Великий художник не знает, как он работает, он пробует понять это, вглядываясь в созданное им творение; он пытается объяснить системой то единство, которым обязан своему темпераменту. Бальзак аранжировал окружающий мир, чтобы сделать из него свой собственный, бальзаковский мир. Хотя ему необходима реальная основа, обеспечивающая крепкую жизненность его персонажей, никакого ключа не подберешь к их характерам. Растиньяк - вовсе не Тьер, Жозеф Бридо - не Делакруа, маркиза де Кастри - не герцогиня де Ланже, госпожа де Берни - не госпожа де Морсоф. Но отдельные черты Тьера, братьев Делакруа находят отражение в образах Растиньяка и братьев Бридо. Растиньяк, так же как и Тьер, женится

на дочери своей любовницы. Жюль Сандо - отнюдь не Лусто и не Рюбампре, но каждый из этих двух персонажей обязан ему искоркой жизни. Камилл Мопен не существовала бы, если б не было Жорж Санд, но Камилл Мопен не Жорж Санд, и, хотя Бальзак высказывает Эвелине Ганской противоположное мнение, он просто недооценивает силу своей фантазии. Подлинное правило всякого искусства, говорил Андре Жид, состоит в том, что “Бог предлагает, а человек располагает”. Натура предлагает элементы, художник располагает их по-своему.

Случаются, однако, чудесные встречи, когда сама жизнь дает писателю готовые персонажи для его произведений, фигуры, которые без всяких изменений или с едва заметными штрихами поправок могут прямо войти в роман. Анна-Мария Мейнингер доказала, что многие подробности, касающиеся брака и любви Корделии де Кастеллан (подруги Шатобриана), точь-в-точь соответствуют приключениям Дианы де Мофриньез, с которой мы познакомились в “Музее древностей” и которая стала в дальнейшем героиней повести “Тайны княгини де Кадиньян”. Та же среда высшей знати - Кастелланы, так же как и Кадиньяны, были некогда владетельными князьями. Те же материальные обстоятельства - разорение; Корделия де Кастеллан, разойдясь с мужем

обстоятельства - разорение: Корделия де Кастеллан, разойдясь с мужем, который служил в дальних гарнизонах, жила в маленьком особняке в Фобур-Сент-Оноре; Диана де Мофриньез в романе поселилась в нижнем этаже дома на улице Миромениль. То же очарование, та же ангельская красота, тот же небесный взор голубых глаз и та же развращенность - у обеих целая коллекция блестящих любовников, и обе нарочито афишируют свои романы. Обе обладают неслыханным искусством “облачать свою душу и тело в дивные туалеты”; та же сила ума и та же отвага в затруднительных положениях.

Все говорит о сходстве. У княгини Кадиньян есть опасная подруга - маркиза д’Эспар, а графиня де Кастеллан была тесно связана со своей соперницей герцогиней Дино. “Конечно, они знали друг о друге слишком важные тайны и не стали бы ссориться из-за какого-то одного мужчины или оказанной услуги… Когда две приятельницы способны убить друг друга, но каждая видит в руке у соперницы отравленный кинжал, они являют трогательное зрелище гармонии, нарушаемой лишь в тот миг, когда одна из них нечаянно это оружие обронит”. Эти слова Бальзака столь же применимы к двум реально существовавшим женщинам, как и к двум вымышленным героиням.

Фамилия де Кадиньян, по-видимому, переделана Бальзаком из фамилии

Фамилия де Кадиньян, по-видимому, переделана Бальзаком из фамилии княгини де Кариньян (той, у которой на балу загорелось платье, так же как у Корделии де Кастеллан). Диана де Мофриньез хранит письма Люсьена де Рюбампре, как хранила Корделия письма Шатобриана. Среди окружения Корделии встречались люди, подобные Мишелю Кретьену, Анри де Марсе и Даниелю д’Артезу. Короче говоря, здесь сама жизнь создала произведение искусства. Гений Бальзака сумел открыть этот шедевр.

Но такие счастливые случаи чрезвычайно редки. Когда Бальзак опубликовал роман “Златоокая девушка”, его спросили, правда ли то, что там рассказано. Он ответил: “Эпизод правдив… Историк нравов обязан брать действительные факты, порожденные одной и той же страстью, обуревавшей многие лица, и сшить вместе эти происшествия, чтобы получить законченную драму”. Это верно, но романист, поэт преображает наброски с натуры, сделанные историком нравов. Подобно тому как Рембрандт бросал в самые темные углы мрачных лавок трепещущий рыжеватый луч света, Бальзак, накидывая золотистую дымку на гнусные, пошлые драмы, создавал могучие контрасты

света и тени! Его называли то реалистом, то фантазером. Оба эти определения ошибочны, вернее сказать, они правильны при условии, что одно дополняется другим. Шарль Бодлер говорил: “Меня часто удивляло, что Бальзака прославляли главным образом за его наблюдательность; а мне всегда казалось главным его достоинством то, что он фантазер, и фантазер страстный. Все его герои наделены горячей жизненной силой, которая воодушевляла и его самого. Все его вымыслы красочны, как мечты. От верхушки аристократии и до самых низов плебса все актеры “Комедии” больше цепляются за жизнь, более энергичны и хитры в борьбе, более терпеливы в несчастье, больше жаждут наслаждений, проявляют больше ангельской доброты и преданности, чем мы видим это в комедии реального мира. Короче говоря, в произведениях Бальзака каждый персонаж, даже привратница, наделен талантом. Все они натуры волевые, право, воли у них хоть отбавляй. Да ведь это же сам Бальзак…”

Можно с этим согласиться, но при одном условии: надо добавить, что фантазер Бальзак обязан был своими образами реальной действительности. “Чересчур много твердили, что господин де Бальзак наблюдатель и аналитик, на самом деле (не знаю, лучше это или хуже) он был ясновидящим”, - заявил Шарль. Фраза стала знаменитой, но она требует оговорок. Бальзак видит

то, что за пределами действительности, но он видит также и действительность.

Он прислушивался к разговорам прохожих на улицах, расспрашивал военных, завтракал с палачом, был в приятельских отношениях с каторжником и

выслушивал исповеди дам из хорошего общества. Он читал все и нередко

находил отправную точку для одного из прекрасных своих романов в

какой-нибудь неудавшейся, по его мнению, книге. Корни его произведений

глубоко уходят в плодородную почву, где смешались классическая культура, бесконечное чтение и поразительное знание своего времени. Оставалось

только создавать из этого сверхизобилия произведения искусства. Это

превращение оставалось таинственным даже для него самого. Переплавка

происходила в бессонные ночи, в часы труда и творческого экстаза, “возвышенного пароксизма разума, подстегнутого волнением, когда муки

рождения исчезают, сокрытые радостным и непомерным возбуждением ума”.

Мелькнет, как молния, мысль, зацепится за знакомый человеческий силуэт или

за какой-нибудь лафатеровский тип - и вдруг образ обретает жизнь, перед

глазами встает Мишю и видится бороздка на его шее, как будто ожидающая

ножа гильотины; а вон там Вотрен с рыжей шерстью на груди, Корантен в

буром паричке, точно сделанном из пырея.

Дома и города “Человеческой комедии” - это соединение камня и мысли.

Для каждого сюжета нужна своя декорация. Бальзак пользуется картинами

Для каждого сюжета нужна своя декорация. Бальзак пользуется картинами знакомых ему городов: Тура, Безансона, Сомюра, Ангулема, Иссудена, Геранды, Алансона, Лиможа, Фужера, и, если ему нужно, он, не колеблясь, рисует тот Сомюр, который подходит для его романа, пользуясь чертами, подмеченными в Туре или Вуврэ. Он берет с собою и своих актеров. Труппа переезжает с одного места на другое. Филипп Бридо, парижанин, вносит смятение в Иссуден; Бьяншон, уроженец Сансера (как и Лусто), делает карьеру в Париже. Начиная с 1842 года бальзаковский мир живет столь интенсивной жизнью, что порождает свою собственную игру случая.

Некоторые рассказы будут “перекрестками”, где встречаются персонажи, уже хорошо знакомые читателю и на время рассказа замешанные в новую интригу. К новеллам типа “перекрестка” принадлежат “Принц богемы”, “Деловой человек”, “Комедианты неведомо для себя”. Сделаны эти вещи без особого старания: в центре забавная история, к которой присоединены бегло набросанные этюды о нравах, и все связано с “Человеческой комедией” повторяющимися именами. Государственного советника Клода Виньона мы раньше знали как литературного критика; знаменитый художник Леон де Лора был когда-то мальчишкой на побегушках - Мистигри. Бальзак, не колеблясь, пишет в скобках: (см. “Беатриса”), (см. “Музей древностей”). В “перекрестках” почти нет сюжета, но они дороги почитателям Бальзака, потому что в них встречаются обычные его персонажи. Итак, “Человеческая комедия” идет

встречаются обычные его персонажи. Итак, "Человеческая комедия" идет, как жизнь, - день за днем. Автор, будучи в рабстве у издателей и газет, не может возводить здание, как ему вздумается, - он должен бегать от одних строительных лесов к другим. Да так, пожалуй, и лучше. Случайные принуждения воспроизводят закономерности жизни. Вначале приходилось подтасовывать, менять имена, подправлять даты, чтобы в единые рамки вошли противоречивые элементы. Но вот бальзаковское общество уже существует и само определяет свои драмы. Целое стало бесконечно больше суммы слагаемых.

Несмотря на сдержанность парижской прессы, для которой Бальзак оставался излюбленной мишенью, его Прометеево творение мало-помалу стало внушать уважение и своей грандиозностью, и красотой. Как человек, Бальзак по-прежнему изумлял, а зачастую и шокировал своих поклонников. Если Бодлер не говорил, как Сент-Бев, о “промысловой литературе”, он все же удивлялся, что в этом поэтическом уме повсюду цифры, как в кабинете финансиста.

”Это действительно был он, человек, терпевший легендарные банкротства, пускавшийся в гиперболические и фантасмагорические предприятия, где он неизменно забывал засветить фонарь во мраке неизвестности; это он

неизменно забывал засветить фонарь во мраке неизвестности, это он, великий мечтатель, непрестанно предающийся “поискам абсолюта”… Да, это он, чудак, столь же невыносимый в жизни, сколь обворожительный в своих произведениях, толстый ребенок, надутый гениальностью и тщеславием, существо, у которого столько же достоинств, сколько и недостатков, причем последние не решаешься отмести, боясь потерять первые”.

Да, недостатки Бальзака являются также и его достоинствами. Если он превратил роман о нравах, “такой мещанский жанр, в изумительные произведения, всегда любопытные, а зачастую возвышенные, то произошло это потому, что он вложил в них все свое существо”. Если он умел придать сражению между двумя нотариусами значительность битвы между враждующими нациями, то могло так получиться лишь потому, что он сам не раз попадал в клещи адских дробильных машин финансовой системы и юрисдикции, писал Ален. “Его гениальность как раз состоит в том, что он брал сюжетом обыденное и, ничего не меняя в нем, делал его высоким”.

Лишь тот, кто сам не пережил “Человеческой комедии”, может находить в ней преувеличения. Для Бальзака она чересчур правдива; она убивает его. Он видит вокруг себя три тысячи персонажей, а за ними Апокалипсис.

видит вокруг себя три тысячи персонажей, а за ними Апокалипсис, ожидающий нас в далеком будущем, “когда земной шар перевернется, как больной во сне, и моря станут континентами”, обнажив кости двадцати миров, в том числе и нашего. Какой человеческий мозг мог бы еще вынести подобные усилия и подобные видения? Знал ли Бальзак в своем разгуле безмерного труда, что он отдает свою жизнь в обмен на силу творчества? Как Рафаэль в “Шагреневой коже”, он не мог отказаться от желаний, не мог не творить. Подошвы башмаков его увязали в грязи будничной жизни, а мысли обнимали весь мир, демиургом которого он был.

МУДРОСТЬ БАЛЬЗАКА

Практическая мораль “Человеческой комедии” имеет две стороны, одна сквозит в прощальном письме Анриетты де Морсоф Феликсу де Ванденесу. Она, как вы помните, советует ему уважать правила общества и строго блюсти свою честь. Но мы видим у Бальзака и другую философию жизни, весьма отличную от этих поучений; она выражена в уроках, которые Вотрен дает Люсьену де Рюбампре и Эжену Растиньяку. Есть две истории, поучает Вотрен. История официальная, которая вся состоит из лжи, все поступки человеческие объясняются в ней благородными чувствами; и есть история тайная,

единственно верная, в которой цель оправдывает средства… Люди в совокупности своей - фаталисты: они поклоняются совершившемуся событию, они присоединяются к победителю. Итак, добейтесь успеха - вас во всем оправдают. Ваши поступки сами по себе ничто, все зависит от того мнения, которое составят о них другие. Соблюдайте приличия, скрывайте изнанку вашей жизни и выставляйте напоказ свои достоинства. Все дело в форме.

И вот Бальзак наделяет Вотрена таким же убедительным красноречием, как и ангельскую Анриетту де Морсоф. Приходит час, и он вкладывает весь свой пыл в агрессивную критику общества. Разумеется, по законам диалектики в споре всякая мысль вызывает мысль противоположную, и, конечно, каждый персонаж должен говорить сообразно своему характеру.

Но эта двойственность объясняется также и конфликтом между врожденными свойствами Бальзака и опытом его жизни. По натуре он был великодушен и нежен. В такой оценке сходятся все свидетели, не принадлежавшие к числу завистников, - все, от Готье до Гозлана. А в “Человеческой комедии” даже циники любят принимать облик мстителей. Надо согласиться с Жорж Санд, что Бальзак был “наивен и добр”. Но у него имелись серьезные причины, чтобы стать пессимистом: одна - личная (его несчастья), а другая - историческая

(пороки его времени).

Поэтому нарисованная им картина общества должна была стать мрачной. Да он и хотел, чтобы она была мрачной. “Великие установления держатся лишь благодаря страстям”. А страсть - “это чрезмерность, это зло”. От времени до времени он утверждает, что в “Человеческой комедии” грехи и преступления всегда бывают наказаны. Но зачастую в его романах торжествует зло. “Надо признать, - пишет Пьер Лобрие, - что ужасные картины, созданные Бальзаком, и некоторые его персонажи, служители зла, достигают такого величия, что вызывают в нас смешанное чувство восхищения и ужаса, какое Улисс испытывал при встрече с Циклопом или Синдбад-Мореход - с чудовищами странных островов, к берегам которых приставал его корабль”. И писателю нравится освещать свой зверинец адским пламенем. Иной раз он в своих произведениях терзает ангелов столь же сурово и, пожалуй, даже более сурово, чем демонов, но ведь он видел, как жизнь безжалостна к самым лучшим людям. Счастливая развязка в его глазах - один из видов “лицемерия прекрасного”. Госпожа д’Эспар задумала установить опеку над своим мужем, превосходным и добродетельным человеком; эта злая женщина находит

недобросовестного судью и выигрывает процесс. Растиньяк и де Марсе, у которых под честолюбием скрывается пустая и жестокая натура, будут управлять Францией, а высокие и серьезные умы - Луи Ламбер, д’Артез и Рабурден - обречены на неудачи.

Молодая и благородная душа Лорансы (“Темное дело”) полна негодования оттого, что ни в чем не повинного Мишю отправили на эшафот. Наполеон на поле битвы под Иеной указывает этой молодой женщине на армию, готовую к сражению: “Вот триста тысяч человек, они тоже не виновны. И что же, тридцать тысяч из них завтра умрут, умрут за родину!.. Знайте же, мадемуазель, что надо умирать во имя законов своей страны так же, как здесь умирают во имя ее славы”. Бальзак отнюдь не осуждает, он констатирует. Измените форму общества - сменятся индивидуумы, стоящие у власти, но социальные виды останутся неизменными. По-прежнему будут в нем труженики, чиновники и наглецы в паланкинах. Будут новые наглецы, вот и все, а паланкины превратятся в изящные кареты.

Можно ли ненавидеть Перада и Корантена? Глупый вопрос! “Зачем, - говорит Наполеон, - негодовать на шпиона? Он уже не человек, у него больше не должно быть человеческих чувств; он просто колесико машины. Он лишь

выполнил свой долг. Если бы подобные инструменты не были такими, какими

они стали, управлять государством оказалось бы невозможно”. У Бальзака

даже честные люди вроде знаменитого стряпчего Дервиля снисходительны к

мошенникам. Дело художественного произведения не осуждать, а верно их

изобразить; надо хорошо их знать, чтобы уберечься от них или пользоваться

ими, если вы человек действия. “Есть добродетели, от коих следует

отвыкнуть, когда стоишь у кормила власти”. Впрочем, нравственность книги

зависит от нравственности читателя. Если какой-нибудь молодой человек, прочитав “Человеческую комедию”, не порицает таких персонажей, как Лусто и

Рюбампре, он сам себе выносит приговор такой снисходительностью.

Удивительно, что Бальзак, более чем другие романисты способный вдохнуть

жизнь в страшных чудовищ, глубоко разбирается в социальной значимости

своих персонажей. Он задумывает образы лишь таких чудовищ, которые находят

поддержку в каком-либо кругу общества. Отдельная личность существует для, него только как порождение определенной среды, определенного

экономического положения, и вот почему, несмотря на то что Бальзак

объявляет себя защитником трона и алтаря, марксисты относятся к нему

благосклонно. Он льет воду на их мельницу. Бальзака, роялиста и реалиста, они предпочитают Эжену Сю, республиканцу и утописту, взывающему к

“чуткости добрых богачей”. Лучше уж Гобсек и Вотрен, чем князь Родольф из

“Парижских тайн”. Чтобы изобразить на сцене социальную бурю, писал

Бальзак, нужны “гиганты, вздымающие волны, скрытые в самых глубоких

театральных люках”.

А как автору удается примирить столько противоречивых нравственных

принципов? Он очень мало заботится об их примирении. У него в руке кисть, и он рисует, как это должен делать каждый художник. Позднее критика

займется философией Бальзака, подобно тому как аббат Берто возьмет на себя

заботу о спасении его души. “Истинный поэт должен оставаться сокрытым, как

Господь в центре своих миров, и быть видимым лишь через свои творения”.

Бальзак возвышает свои персонажи, и в лучшие минуты они могут подняться

над человеческими слабостями, которые им быстро прощают, и становятся

поистине величественны. Это умение подняться над предрассудками и

страстями делает его произведения, несмотря на темные стороны жизни, которые в них показаны, источником силы и душевной умиротворенности. “Я

заметил, - говорил Ален, - для того чтобы правильно понимать людей, нужно

любить их той суровой любовью, которой учит нас Бальзак”.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Ласки женщины изгоняют Музу и ослабляют

яростную, грубую силу труженика.

Бальзак

XXXI. ТАНТАЛОВЫ МУКИ

Ты непрестанно в моих мыслях, когда

я бываю один; ты во мне - как мое горе, мой труд и кровь моя.

Бальзак

Разлука способствует кристаллизации любви, если воспоминания еще полны жизни; долгая разлука иногда отнимает у любви всю ее сущность. До 1841 года Бальзак по пять-шесть раз в год читал акафисты своей Еве, посылал ей свои книги и писал с некоторыми предосторожностями, так как Ганский мог потребовать, чтобы ему показали переписку. Госпожа Ганская читала книги и письма, отвечала с большими промежутками (раз в полгода, в десять месяцев) и, по-видимому, отдалилась от Бальзака и умом и сердцем. Не думая о возлюбленном, ставшем почти мифическим, она занималась воспитанием

возлюбленном, ставшем почти мифическим, она занималась воспитанием своей обожаемой дочери Анны - она хотела сделать девочку очень набожной и для этого изучала вместе с ней Массильона и Франциска Сальского. Бальзак с грустью чувствовал, что Чужестранка все больше отходит от него в недосягаемые дали. “Ничего не понимаю в вашем молчании, - писал он. - Вот уже сколько дней я напрасно жду ответа…” В тревоге он обратился за советом к “ясновидящей”, затем к “прославленному колдуну” Балтазару - тот нагадал, что жизнь его клиента до этой поры была долгой, но победоносной борьбой и что через полтора месяца он получит письмо, от которого изменится вся его судьба.

Колдуны не всегда ошибаются. 5 января 1842 года с Украины пришло письмо с черной печатью: Венцеслав Ганский скончался 10 ноября 1841 года. Бальзак был потрясен. Известие было счастливым для него, но вдове он писал со всей доступной ему тактичностью:

”Что касается меня, дорогая, обожаемая Ева, то, хоть случившееся событие и дает мне возможность достичь того, чего я горячо желаю вот уже

уже

скоро десять лет, я могу перед вами и перед Богом отдать себе

справедливость и сказать, что никогда в сердце у меня не было ничего, кроме полной покорности, и я ни разу не запятнал душу злыми пожеланиями.

От иных невольных порывов невозможно удержаться. Часто я говорил себе: “Как легко бы мне жилось с нею!” Невозможно сохранить свою веру, свое

сердце, все свое существо, не питая надежды. Два эти чувства, которые

церковь считает добродетелями, поддерживали меня в борьбе. Но я понимаю

сожаления, выраженные вами в письме…”

Однако он - человек, который столько угадывал, - не мог угадать, что

Ева искренне жалела о старике муже. Он был для нее заботливым

покровителем, понятливым супругом. После его смерти ей предстояло

столкнуться с ужасными трудностями. В имущественных ее делах далеко не все

шло гладко. При заключении брачного контракта Ганский предоставил жене в

пожизненное пользование все свое состояние, но родня мужа протестовала

против этого. Грозный дядюшка, которого Бальзак называл “дядя Тамерлан”, некое подобие феодального Гранде, сразу воспротивился вводу во владение.

Император всея Руси не любил крамольное украинско-польское дворянство.

Достаточно было какого-нибудь промаха, чтобы госпожа Ганская впала в немилость и лишилась всего имущества. Итак, Бальзаку (писала она) нельзя приехать к ней. Несвоевременный его приезд мог привести в ярость и родню Ганской, и царя.

Ганская с тревогой спрашивала Бальзака, где письма, которые она писала ему. Будет ли эта объемистая переписка в безопасности, если адресат внезапно умрет? Он поклялся, что на ларец, где хранятся письма, он наклеил обращение к своей сестре Лоре, в котором отдал ей распоряжение “бросить все в огонь, ничего не просматривая”. Но почему столько беспокойства, когда уже никто не имеет права ревновать? Их жизнь может быть теперь совсем простой; они были бы вместе до конца дней, как Филемон и Бавкида. Седовласая чета, муж и жена, обожающие друг друга, сидящие рядышком у камелька… “И при одной только мысли о таком блаженстве” он “плакал от умиления”. Чего она боится? Того, что ей придется разделять с ним нужду? Напрасная боязнь. Он закончил одно за другим столько произведений, что мог теперь позволить себе совершить за свой счет четырехмесячное путешествие в Россию. В браке с ним ее ждет не одна лишь слава. Ведь для того чтобы

стать членом трех Академий, быть избранным в парламент, ему недостает только “материальной независимости”, и он добьется состояния своим трудом.

Но в январе 1842 года, первого года вдовства госпожи Ганской, он, хоть и был связан договорами, работал мало и плохо, потому что Ева в этот важнейший для них момент, Ева, уже свободная от всякого контроля, не подавала о себе вестей! “Вот уже скоро месяц, как я получил счастливое письмо, а вы ни разу не написали мне за это время…” “Счастливое” письмо… Вероятно, она подумала, что у него нет такта. Он теперь давал ей, как супруг, советы о том, как ей управлять имуществом, уговаривал поскорее выдать замуж Анну (которой едва исполнилось тогда четырнадцать лет) “за человека с головой и главное - богатого” и взамен определенной пожизненной ренты уступить дочери в собственность имение.

Пока почта не приносила вестей с Украины, Бальзак тревожился, но когда 21 февраля он получил долгожданное письмо, то был сражен. “С ледяным спокойствием” Чужестранка сообщала ему: “Вы свободны”. Уже и речи не было о браке, она намеревалась всецело посвятить себя воспитанию единственной дочери. Ужасная тетушка Розалия предостерегала ее против французов. “Париж? Никогда!” Тетушка Розалия (кстати сказать, дальняя родственница) имела основания ненавидеть Францию и бояться ее. Ее матери, княгине

матери, княгине

Любомирской, там отрубили голову в 1794 году, и сама тетушка Розалия

сохранила страшные воспоминания о нескольких неделях, проведенных в тюрьме

в период якобинской диктатуры. Но главное - эта надменная семья порицала

“вульгарную” связь. У старшей сестры Евы, Каролины Собаньской, тоже были

любовники, но иметь возлюбленным Пушкина, принадлежавшего к подлинному и

старинному русскому дворянству, казалось более приличным, чем сохранять

связь с Бальзаком, буржуа и богемой - самое мерзкое сочетание в глазах

Ржевусских.

Если б Эвелина Ганская сказала: “Я питаю те же надежды, что и вы, но

придется подождать год-другой”, Бальзак смирился бы. “Бескорыстие, преданность, вера, постоянство - вот четыре краеугольных камня моего

характера, а между ними - только нежность и доброта… И вот даже после

этого жестокого письма я буду ждать… Я всегда втайне думал, что Петрарка

выше Лауры. Если бы Гуго де Сад оставил ее свободной, она нашла бы

основание оттолкнуть автора “Сонетов”; соображения опекунства и у нее были

бы подобны тенетам паутины, нити которых она превратила бы в бронзовые, а

по поводу этих соображений она тоже созывала бы собрания

родственников…”

Тон писем становился горьким; любовнику, будущему мужу, были нанесены

болезненные удары.

В чем она могла его упрекнуть? При их встрече в Вене в 1835 году она

сказала: “Не заводите никаких связей. Мне нужно только ваше постоянство и

все ваше сердце”. Этому требованию (как он говорил) ему было легче

следовать, чем она полагала. Да будет Еве известно, как он ответил одному

глупцу, который вздумал расспрашивать о его любовных приключениях:
“Сударь, в нынешнем году я написал двенадцать книг и десять актов

театральных пьес; это значит, что из трехсот шестидесяти пяти ночей в

году, которые даровал нам Бог, я триста ночей провел за письменным столом.

Так вот, 1841 год во всех отношениях подобен десяти предшествующим годам.

Я не отрицаю, что женщины влюблялись в воображаемого Бальзака и приходили

к тучному и толстощекому солдафону, который имеет честь отвечать вам. Но

все женщины (как самые знатные, так и самые простенькие, и герцогини, и

гризетки) хотят, чтобы занимались только ими; они взбунтуются, они и

десять дней не потерпят мужчину, поглощенного великим делом. Вот почему

женщины любят дураков. Дурак отдает им все свое время, занимается

только ими, тем самым доказывая своим дамам, что они любимы. Пусть гениальный человек отдаст им свое сердце, свое состояние, но если он не посвящает им все свое время, самая благородная женщина не поверит, что он любит ее”.

Да, “самый нежный человек на свете” жил после смерти Лоры де Берни “в одиночестве сердца и чувств”. Правда, на короткое время пришла надежда найти немного покоя и ласки близ госпожи Висконти, но тут его ожидало (как он заявлял) разочарование не менее жестокое, чем то, которое доставила ему маркиза де Кастри. Впрочем, он и не желал заводить себе любовниц, он стремился к браку, к надежному, нерасторжимому союзу, к уверенности жить и умереть вместе. “Умоляю вас, подумайте об этом, у вас еще вся жизнь впереди”.

В ту пору он писал Ганской прекраснейшие письма, искренне уверяя ее в своей любви. Великий романист увлекся своей игрой. Могла ли она поверить в его искренность? Она знала, что вера и постоянство не всегда были “краеугольными камнями характера” Бальзака. Лишившись всякой поддержки

после смерти мужа, она должна была считаться с мнением родни, восставшей

против “неравного брака”, и главное - Чужестранка боялась, что, если она

вступит во второй брак, у нее отнимут дочь, а эта насильственная разлука

убьет ее; наконец, она постарела со времени свидания в Вене, и через семь

лет не была уверена, что будет еще нравиться возлюбленному, который, казалось, по-прежнему был исполнен пылкой чувственности. Из осторожности

она послала ему сделанный карандашом портрет, где была нарисована в

профиль. “Право же, - отвечает Бальзак, - присылка этого портрета, моя

дорогая, обожаемая Ева, просто кокетство - ведь можно подумать, что видишь

перед собою молодую девушку”.

Весьма важная причина недоразумений: Бальзак, так хорошо знавший

французское общество, плохо представлял себе сложную обстановку в

славянском мире. Поляки на Украине испытывали на себе тяжелый гнет - и как

мятежные подданные царя, и как католики. Киевский генерал-губернатор

действовал как властелин и мог в случае конфликта простым распоряжением

наложить арест на все имущество, оставленное Ганской мужем. А ведь

Киевская судебная палата отказалась признать действительным завещание, столь выгодное для вдовы. Ганская подала апелляцию в Сенат, а через него -

и самому императору. Совсем растерявшись и зная, что она может

рассчитывать только на поддержку своего брата, генерала Адама Ржевусского, который состоял адъютантом царя и жил при дворе, она решилась поехать в

Санкт-Петербург и защищать там свои права. Бальзак одобрил в письме это

путешествие: “Поезжайте в Санкт-Петербург, направьте весь свой ум и все

усилия на то, чтобы выиграть процесс. Употребите все средства, постарайтесь увидеться с императором, воспользуйтесь, если это возможно, влиянием вашего брата и вашей невестки. Все, что вы мне написали по этому

поводу, весьма разумно”. Что касается его самого, то он готов ее

поддержать. “Я стану русским, если вы не возражаете против этого, и приеду

просить у царя необходимое разрешение на наш брак. Это не так уж глупо”.

Стать русским! Почему французскому писателю, французскому до мозга

костей, пришла в голову эта новая и странная химера? Во Франции он только

что потерпел серьезнейшую неудачу. Уже два года он лелеял надежду быстро

составить себе состояние с помощью театра. Гюго любезно перечислил ему “с

вкрадчивостью старика Гранде и уверенностью чиновника казначейства

финансовые преимущества драматургии”. Бальзак слушал с жадностью. Он

представил в театр Одеон комедию в испанском духе, полную больших

достоинств, - “Надежды Кинолы”. В ней были показаны страдания Альфонсо

Фонтанареса (испанца, который задолго до Фултона изобрел пароход) и хитрости его лакея Кинолы, некоего подобия Фигаро. Бальзак прочел пьесу актерам, вернее, превосходно прочел четыре первых акта. Затем он сказал будущим ее исполнителям, что пятый акт еще не написан, но он сейчас его расскажет. Импровизация не удалась, усталый автор спотыкался. Лишь только он кончил. Мари Дорваль, на которую он рассчитывал, заявила, что не видит тут роли для себя.

Бальзак - Мари Дорваль:

”Когда я написал вам об условиях, которые я вырвал у товарищества Второго театра, моя дорогая Фаустина [Фаустина Бранкадори - героиня пьесы “Надежды Кинолы”, роль которой Бальзак предназначал для Мари Дорваль (прим.авт.)], Мерль [Жан-Туссэн Мерль - муж Мари Дорваль (прим.авт.)] сказал мне несколько слов, из-за которых я и пишу вам. “Я полагаю, - заявил Мерль, - что госпожа Дорваль не даст согласия, пока не прочтет всю роль!” Следовательно, окончательное решение должно быть отложено до вашего возвращения, то есть на десять дней. Если у вас нет такого доверия ко мне, как у меня к вам, откладывать бесполезно, потому что в Одеоне ждать не могут…

Итак, я прошу вас написать мне, что вы принимаете мои условия и что в случае успеха вы непременно будете играть роль Фаустины до тех пор, пока длится этот успех. Будьте верны мне! Если б речь шла о вашем сердце, я не позволил бы себе сказать такую глупость, но ведь речь идет о вашем таланте.

В общем вы получите в случае успеха около 10000 франков, если будем иметь в среднем сбор в 2500 тысяч франков в течение ста представлений. А если мы провалимся, вы вернетесь к голландцам, о которых Мерль говорил мне. Дело это больше не может висеть в воздухе. Поэтому жду от вас записки. Напишите мне на улицу Ришелье, 112.

Вы сказали мне: “Я пойду с вами повсюду, куда вы пойдете”, и я рассчитывал на ваше слово - не какой-нибудь светской дамы, а цыганки, и вы сами видите, что я добился для вас превосходных условий. Шлю тысячу поклонов”.

Несмотря на неудачную читку пьесы, несмотря на измену Мари Дорваль, Лире, директор Одеона, принял пьесу к постановке, расхвалил ее, говорил о Кальдероне, о Лопе де Вега и заявил, что тотчас же начнутся репетиции. Бальзак выставил свои требования, они оказались необычайными. Отказаться

от наемных клакеров. Все места на три первых представления

от наемных клакеров. Все места на три первых представления предоставить в

его распоряжение, он сам их продаст. Гозлан так описывает этот разговор: “- В партере пусть сидят только кавалеры ордена св.Людовика… В

креслах - только пэры Франции. Посланники - в литерных ложах, депутаты и

крупные чиновники - а бенуаре.

- А в бельэтаже?

- Видные финансисты.

- А в третьем ярусе?

- Богатая, избранная буржуазия.

- Ну, а журналистов вы куда посадите?

- Пусть платят за свои места, если билеты останутся. Но билетов не

останется”.

Между журналистами и Бальзаком со времени “Утраченных иллюзий” шла

беспощадная война. “Они хотят снять с меня скальп, - говорил Бальзак, - а

я хочу пить вино из их черепов”. Премьера пьесы рисовалась в его

воображении как сцена из романа: ослепительный зал, какого Париж еще не

видел, триумф сценический, светский, денежный успех. Он не только сам

распродавал билеты, но и бесцеремонно спекулировал ими.

”Если кто-нибудь приходил купить ложу бенуара, - пишет Гозлан, - он отвечал сквозь решетчатое окошечко: “Слишком поздно! Слишком поздно! Последнюю ложу продали княгине Агустино Агустини Моденской”. - “Но, господин Бальзак, мы готовы заплатить бешеную цену!..” - “Да хотя бы и бешеную, все равно ложу в бенуаре вы не получите - все распроданы!” И покупатель удалялся, не получив ложи. В первые дни продажи билетов эта игра удавалась, платили очень дорого за места, достававшиеся с большим трудом. Но затем горячка утихла. Все успокаивается в этом мире, помехи в приобретении билетов надоели, и в последнюю перед премьерой неделю Бальзак рад был отдавать билеты по номинальной цене, тогда как вначале мечтал распродать все по сказочным ценам, взвинченным его могучей фантазией”.

19 марта 1842 года пьеса была наконец сыграна, но почти перед пустым залом. Рассерженные необычными маневрами парижане не пожаловали на спектакль. Немногие явившиеся зрители награждали пьесу лаем, свистом, ржанием. Это было крушение. “Напрасно господин де Бальзак отдал избранной им публике (за весьма высокую цену) большую часть зала, общим для всех чувством было возмущение и обида за литературу, оскорбленную одним из самых видных писателей”, - негодовал в своей рецензии Ипполит Люкас, но в действительности оскорблена была не литература, а сам рецензент

действительности оскорблена была не литература, а сам рецензент.

Бальзак - Ганской, 8 апреля 1842 года: “Кинола” стал предметом достопамятного сражения, подобного тому, какое происходило на представлении “Эрнани”. Семь спектаклей подряд пьесу освистывали от начала и до конца, не желая слушать ее. Нынче идет семнадцатое представление, и Одеон делает сборы… Сборы очень маленькие. “Кинола” не даст мне и пяти тысяч. Все мои враги, а их на спектаклях было большинство, обрушились на меня… Все газеты, за исключением двух, принялись оскорблять меня и на все лады поносить пьесу”.

Положительно театр совсем ему не подходил, и, быть может, этот провал был уготован самим Провидением. Бальзак вновь принялся за обычную свою работу - “для того чтобы жить, чтобы выполнять договоры”, - как говорил он, а в действительности потому, что для него создавать прекрасные романы было так же естественно, как яблоне приносить яблоки. “Словом, буду делать то, что делаю уже пятнадцать лет: погружусь в бездну труда и замыслов, которые имеют то преимущество, что, всячески мучая человека, заставляют его забыть обо всех прочих муках. Мне нужно в течение ближайшего месяца заработать пером тринадцать тысяч франков”. Он не признается, что

заработать пером тринадцать тысяч франков”. Он не признается, что искусство приносит ему радость, напротив, изображает себя сущим каторжником: “Творить, всегда творить! А ведь сам Бог и то творил только шесть дней!” - пишет он Ганской.

Он мечтает, и притом совершенно искренне, расстаться с этим существованием затравленного-писателя и жить где-нибудь в тихом уголке в России или во Франции вместе со своей любимой, не слышать больше ни о кредиторах, ни об издателях, ото подлинный крик отчаяния, но что Бальзак стал бы делать в “тихом уголке”? Все равно продолжал бы творить. Однако же темп работы был даже для него чересчур напряженным. “Вчера я закончил “Путешествие на кукушке”… Дописываю “Альбера Саварюса”; от меня неистово требуют “Крестьян”, а “Ла Пресс” просит дать конец “Двух братьев”, - начало романа напечатано два года тому назад. Просто голову можно потерять…”

Но он не терял головы и не бросал начатую вещь незаконченней. Сюжет “Путешествия на кукушке” (“Первые шаги в жизни”) ему подсказала сестра Лора, вернее даже, его племянницы - Софи и Валентина Сюрвиль. Он всегда интересовался, как идут их занятия, просил показывать ему их школьные сочинения. Иногда он хвалил их и говорил тогда, что одобрение такого

знаменитого человека, как он, должно вполне вознаградить обеих девочек за

труды. А еще будет больше чести для них, если он обработает какую-нибудь

тему их сочинений. Сюжет “Первых шагов в жизни” был взят из маленькой

новеллы, написанной Лорой по рассказу дочерей (позднее она опубликовала

первоначальный ее вариант).

В рассказе говорится о молодых людях, пассажирах дилижанса, которые

думают, что в дороге позволительно безнаказанно мистифицировать своих

спутников; не зная, что один из путешественников - могущественный

сановник, который может разбить все их будущее, они обращают его в мишень

своих неосторожных шуточек. Первые шаги в жизни делает Оскар Юссон, хвастливый молокосос, он по глупости и из тщеславия сразу губит свою

карьеру. Черты Оскара были в юности и у Бальзака, да они есть и во всяком

юнце. Этому нравоучительному рассказу для школьников Бальзак придал

глубину, расширил его и включил в число действующих лиц новые фигуры, судьбы которых нам известны: графа де Серизи, пэра Франции, стряпчего

Дероша, художника Жозефа Бридо. Тусклый анекдот Лоры приобрел вес, обогатился связями с прежними произведениями Бальзака. Кроме того, писатель ввел туда историю. Все эти жизни оказались спаяны друг с другом

благодаря важным историческим событиям. Бальзаку сослужило большую службу

то обстоятельство, что он родился в 1799 году. Его тесное знакомство с тремя политическими режимами не раз позволяло ему внезапно освещать, словно лучом прожектора, то будущее, то прошлое страны. Услуги, оказанные в трудные времена, оправдывают (как это прекрасно знал Бернар-Франсуа Бальзак) поразительную снисходительность. Отец управителя Моро спас во время Революции родовое имение графа Серизи. Воспоминание об этом позволяет сыну Моро почти безнаказанно обкрадывать графа. Позднее Оскар Юссон примет участие в июльских баррикадных боях 1830 года, а в дальнейшем, воюя в Алжире, он лишится руки. Герой заставляет забыть о лгунишке; романист привлек к своей игре музу истории Клио.

Бальзак посвятил рассказ Лоре: “Должен воздать честь блестящему и скромному уму той, которая дала мне сюжет этой “Сцены”! Ее брат”.

В сущности, этот короткий рассказ имел ценность лишь как один из камней воздвигавшегося монумента. Но его можно назвать любопытной, прекрасно отделанной капителью колонны, вдобавок тут заключен кодекс бальзаковской морали: “Труд, честность, скромность”. Оскар Юссон несколько поздно узнает, что в трех этих словах секрет всякого успеха. В работе Бальзак мог поспорить с кем угодно; на честность у него были свои особые взгляды;

скромностью природа его не наделила.

Если в Оскаре Юссоне есть некоторые черты Бальзака-юноши, часто делавшего промахи в доме Лоры де Берни, то в “Альбере Саварюсе” выведен на сцену Бальзак зрелых лет. Тут (так же как и в “Луи Ламбере”, в “Лилии долины” и в нескольких новеллах) вымысел тесно связан с личной жизнью автора. Зодчий воздвигал свой храм, не имея иных законов, кроме законов искусства, но порой ему случалось оставить потомкам в дар свое изображение на одном из витражей. Право же, Альбер Саварюс - это сам Бальзак, каким он был в 1842 году, с отчаянием взывавший тогда к Чужестранке: “Среди тысячи мук, порожденных вновь разгоревшимся сражением, сердце мое пронзила мысль: “А что, если она устала!” - и от этой мысли мне стало больно, куда больнее, чем от всех камней, которые бросают в меня… В жизни моей есть иная, чудесная жизнь, но у меня нет иного наперсника, кроме листа бумаги”.

Нет наперсника? Это ошибка, наперсник есть, и притом самый покорный: создаваемый роман.

”А что, если она устала!..” - вот сюжет “Альбера Саварюса”. Некий гениальный и честолюбивый человек после горьких разочарований поселяется в Безансоне, замкнутом городе, который Бальзак благодаря своему чудесному дару проникновения разгадал за несколько часов, когда приезжал туда для

дару проникновения разгадал за несколько часов, когда приезжал туда для покупки бумаги 24 сентября 1833 года. Портрет Саварюса - это облик самого автора в сорок три года, каким он видел себя тогда: “…у него необычное лицо: черные, кое-где подернутые сединой волосы, как у апостолов Петра и Павла на картинах, ниспадающие густыми блестящими прядями, но жесткие, точно конские; шея белая и круглая, как у женщины; великолепный лоб, прорезанный той мощной складкой, какую оставляют на челе незаурядных людей грандиозные планы, великие мысли и глубокие размышления”.

Альбер любит, безумно любит знатную итальянку, герцогиню Аргайоло, урожденную княгиню Содерини. Чтобы создать любимой достойное положение, Альбер хочет добиться триумфа на политическом поприще. Он замечательный адвокат и завоевывает Безансон; он понимает всю сложность обстановки в городе, получает поддержку со стороны главного викария, мудрого старика, другом которого он стал, и, несомненно, восторжествовал бы над соперниками, если б, на свою беду, не внушил чисто головную любовь молодой жительнице Безансона Розали де Ватвиль, заинтересовавшейся тайнами загадочной жизни Альбера Саварюса. Альбер даже не замечает ее, Розали отвергнута, и тогда эта злая, упрямая, скрытная девица мстит ему, перехватывает его письма и подделывает его почерк, чтобы рассорить с ним итальянку, уже ставшую вдовой. Разгневанная красавица вдруг выходит

замуж

за герцога де Реторе. Саварюс в отчаянии идет в монахи; постригается в

монастыре Гранд-Шартрез, в царстве безмолвия. Он слишком устал, у него уже

нет желаний, нет воли, он отрекается от всего и отдает себя в руки

настоятеля. Fuge, tace, late [беги, молчи, терпи (лат.)]. Бальзак любит

рисовать внезапные крушения, когда человек вдруг губит всю свою жизнь.

Сколько раз в минуты отчаяния он сам желал для себя такого конца!

Роман о Саварюсе - это зашифрованное послание, адресованное Еве

Ганской, и его нетрудно расшифровать: “Силы мои иссякают, если вы мне

измените, я так или иначе погибну”. В письмах к Эвелине Ганской он не

скрывает своего духовного родства с героем этого романа. Начало любви

разыгрывается в Швейцарии - автор чтит дорогие ему воспоминания. Любовники

встречаются в Женеве, но “я не хочу, чтобы княгиня Гандольфини

останавливалась в доме Мирабо, на свете найдутся люди, которые вменили бы

нам это в преступление”, - пишет он Ганской. Еще менее возможно поселить

ее у Диодати. Это было бы Слишком прозрачно, а ведь до сих пор, стоит ему

услышать эти четыре слога - Ди-о-да-ти, у него сильно колотится сердце.

Так же как у Бальзака, у Саварюса всегда перед глазами портрет его

Чужестранки и вид, где изображен ее замок. Жестокую девицу де Ватвиль,

разлучившую любовников, зовут Розали, как и роковую тетушку Ржевусскую.

Все в этой книге помогает заклятиям, которыми автор отгоняет от себя черных дьяволов. В романе есть и второй план, и Бальзак обратил на него внимание Ганской:

”Я намереваюсь дать в первом томе “Человеческой комедии” важный урок для мужчин, не примешивая к нему урока для женщин, я собираюсь также показать, как, придавая сначала слишком большое значение жизни в обществе, утомляя в ней и ум и сердце, люди в конце концов приходят к отказу от того, что им казалось некогда смыслом жизни. То будет “Луи Ламбер”, однако в другой оболочке”.

Наставление годится не только для Альбера Саварюса, но и для Бальзака - ведь он и сам иной раз Корит себя за то, что намечает слишком обширную программу жизни. Зачем желать всего? “Моих сил и способностей хватит лишь на то, чтобы быть счастливым; и если мне не удастся возложить на голову венок из роз, то я перестану существовать… Достигнуть цели умирая, как античный гонец! Не быть в силах наслаждаться, когда право быть счастливым

наконец приобретено!.. Это было уделом уже стольких людей”. Так говорит

Альбер Саварюс. И человек, создавший этот роман, вторит ему: “Боюсь, что я

буду совсем опустошен, когда ко мне придет счастье”.

Это предупреждение Чужестранке, но она, По-видимому, не поняла ни

наставления, ни романа.

”Удивляюсь, что вам не понравился “Альбер Саварюс”, - печально говорит

в письме Бальзак. Правда, Эвелина Ганская могла угадать в княгине

Гандольфини некоторые черты графини Гидобони; правда также, что муж

(Эмилио Гандольфини) носит то же имя, что и граф Гидобони. По этой ли

причине или по другой, но она раскритиковала книгу, столь дорогую автору.

Она говорила, что это “мужской роман”. В этом она не ошибалась. Это

действительно было произведение встревоженного зодчего, подсчитавшего, что

он выполнил лишь половину обширнейшего строительства; человека, знающего, как ему еще много надо сделать, чтобы закончить свои дворцы; человека, который видит, что каждый день уносит “частицу его личной жизни”, сокращает самое жизнь; человека, который чувствует, как у него в жилетном

кармане все больше сжимается лоскуток шагреневой кожи; творца, который

мечтает отбросить свои сверхчеловеческие планы, отдохнуть наконец после

тяжких трудов близ любовницы, исполненной материнской заботы о нем, и боится, что, если эта надежда будет отнята, у него уже не хватит больше силы жить.

XXXII. ВСТРЕЧА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Надежда - это память и желание.

Бальзак

У каждого в жизни бывает полоса ожидания. Человек ждет какого-нибудь события, решения; жизнь продолжается; счастье жизни где-то в воздухе. Со времени смерти Венцеслава Ганского Бальзак был воплощенным ожиданием. “Я теперь очень не доверяю жизни и боюсь, что со мной должно что-то случиться”, - тревожно писал он своей Еве. Эта северная любовь, которая тлела несколько лет, вдруг разгорелась под ветром надежды. Но неистовый труд изнурил Бальзака. “У меня непрестанно подергиваются веки, и я очень беспокоюсь, так как вижу в этом признак какого-то надвигающегося нервного заболевания”, - писал он Ганской. Доктор Наккар, сторонник натуральных методов лечения, еще раз уложил своего пациента в постель на две недели

методов лечения, еще раз уложил своего пациента в постель на две недели.

“Подумайте, лежать две недели, ничего не делая! И это мне, когда я полон жажды деятельности! Приходится утешаться мыслями о нас с вами, строить планы, проекты, “раскидывать карты”, как говорят гадалки”.

Лежа в постели, он в лихорадочном состоянии пытался вообразить прекрасное будущее. Его стряпчий и подставной покупатель сохранят для него Жарди; он все устроит там для Евы. Немного времени, терпения, денег - и получится очаровательный уединенный уголок. “А кроме того, дом в самом Париже, двадцать четыре тысячи франков дохода по государственной ренте - вот прекраснейшая в мире жизнь, так как я буду получать пятнадцать тысяч в Академии; к тому же мое перо, если я даже стану работать только шесть часов в день, всегда будет приносить мне двадцать тысяч франков в год в течение еще десяти лет, и это позволит мне скопить кое-что…” Строитель счастья в царстве миражей! Стряпчий Гаво не только ничего не делал, чтобы спасти Жарди, а добивался разрешения продать его, и на этот раз бесповоротно.

”Это сущий разор, говорит он, и обязуется найти мне что-нибудь

получше

за те деньги, которые выручит от продажи… Гаво искренне любит меня… Он

оберегает мое самолюбие куда больше, чем я сам, но он ужаснейший копуша.

Ему очень хотелось бы заплатить кое-какие вопиющие долги, и я плачу эти

страшные долги - из тех денег, которые хотел оставить себе на жизнь. А

ведь чтобы заработать денег, надо творить, всегда творить. Я уже начинаю

бояться, как бы не утратить обычной своей работоспособности”.

Но этого он напрасно страшился. Несмотря на разочарования и болезни, продукция его была все так же обильна и достойна его таланта. Повесть

“Онорина”, которую, по его словам, он написал в три дня (он любил так

пококетничать), оказалась новеллой чистой по тону и вместе с тем смелой по

сюжету, такой же изящной, такой же очаровательной, как “Покинутая женщина”

и “Дочь Евы”. Онорина оставила мужа, благороднейшего из мужей, графа

Октава де Бован, ради недостойного любовника, который тотчас же ее бросил.

Она живет одиноко, пытаясь зарабатывать на жизнь ремеслом цветочницы, хотя

муж только о том и мечтает, чтобы она вернулась к нему. Но у нее

физическое отвращение к мужу, и она предпочитает трудную, одинокую жизнь

положению царицы светского общества, которое обрекло бы ее терпеть ласки ненавистного человека. Он издали опекает ее и тайком ей помогает, по дорогой цене скупая через магазин искусственные цветы, которые она делает.

В анализе любви Октава к непокорной беглянке Онорине сквозят страхи Бальзака, который жаждет близости с Евой Ганской и не знает, вернется ли она когда-нибудь. Он описывает ей (через посредство Октава) свои мучительные ночи:

”Разве вы можете видеть, как я усмиряю самые жестокие приступы отчаяния, любуясь миниатюрой, на которой мой взгляд узнает овал ее лица, мысленно целую ее лоб, ее улыбающиеся уста, впиваю аромат ее белой кожи; я смотрю, вглядываюсь, и мне кажется, я ощущаю и могу погладить шелковистые локоны ее черных волос. Разве вы знаете, как я трепещу от надежды, как ломаю руки от отчаяния, как брожу по грязным парижским улицам, чтобы хоть усталостью укротить свое нетерпение?.. Иногда по ночам я боюсь сойти с ума, меня ужасают внезапные переходы от вспышек слабой надежды, рвущейся ввысь, к полному отчаянию, низвергающему меня в такие бездны, глубже которых не найти… За три дня до прибытия Марии-Луизы Наполеон в Компьене

в нетерпении катался по брачному ложу… Все великие страсти на один лад.

В любви я поэт и император!..”

Рассказ написан проникновенно. Однако Бальзак сомневался в успехе: “Онорина” сама по себе хороша, беспокоит только сдержанность стиля - пока она беспокоит лишь меня одного, есть люди, которые находят, что это великолепно. Но может быть, это убого!..” - делится он с Ганской своими опасениями. Неудивительно, что Бальзак сомневается в себе, ведь на пего так яростно нападают. Критики плохо приняли “Альбера Саварюса”: “Слог тяжелый, неповоротливый… от него отдает усталостью”. Появился новый бог романа-фельетона - Эжен Сю. Вся Франция ждет продолжения “Парижских тайн”.

В журнале “Ревю де Де Монд” критик заявил, что автор “Луи Ламбера” и “Евгении Гранде” пережил себя. А ведь это было несправедливо до нелепости.

Неужели можно сказать о писателе, что он “пережил себя”, когда его ум почти одновременно вынашивает столько произведений: конец “Утраченных иллюзий”, “Провинциальная муза”, “Эстер”, или “Торпиль”, “Изнанка” современной истории”! И все это создается отрывками, наспех, потому что журнал “Мюзе де Фамий” или какая-нибудь газета требовали немедленно

представить рукопись, а Бальзаку нужно было в это время мчаться в Ланьи, читать и перечитывать в провинциальной типографии корректуру “Человеческой

комедии” - по двести часов в месяц. Ведь как ни был задерган Бальзак, а он

по десяти, по одиннадцати раз выправлял текст своих произведений, чего не

делали ни Дюма, ни Эжен Сю.

Он жил тогда, словно каменщик, которому пришлось бы строить четыре-пять

домов сразу, или как шахматист, играющий десять партий одновременно и все

их выигрывающий. Он с легкостью принимается за роман, прерванный несколько

лет назад. Так, например, “Провинциальная муза” долго “доходила на слабом

огне” невидимого очага Бальзака. В 1832 году был задуман рассказ “Большая

Бретеш”. В 1837 году в “Сценах провинциальной жизни” мы находим новеллу

“Большая Бретеш, или Три мести”, где говорится о живущей в Сансере

добродетельной и несчастной супруге карлика, которую любит королевский

прокурор и которой два парижанина, доктор Бьяншон и журналист Лусто, желая

напугать красавицу, рассказывают три ужасных случая мести обманутых мужей.

Тут был использован, хотя и не полностью, бурный поток доверительных

сообщений Каролины Марбути; но вместо Лиможа, фигурирующего в

“Провинциальной музе”, Бальзак описал здесь Сансер, маленький городок, который он знал по рассказам своего друга доктора Эмиля Реньо.

В 1843 году ему пришла мысль по-своему перевернуть роман Бенжамена

Констана “Адольф” и показать такую же драму, но с точки зрения женщины; и

тогда он опять извлекает из склада своих аксессуаров Каролину Марбути и

превращает ее (при помощи примесей и переделок) в “Провинциальную музу”.

Героиня романа Дина Пьедефер, принадлежащая (как и Каролина Марбути) к

протестантской семье, выдана была родителями замуж за богатого и похожего

на насекомое уродца Ла Бодрэ. У нее (так же как у Каролины Марбути) литературный салон, где она читает свои стихи местной знати, своим

восторженным поклонникам или завистливым соперницам. Так же как и Каролина

Марбути, Дина Пьедефер, хотя за ней очень ухаживали, долго оставалась

верна своему карлику.

Однажды в Сансер приезжают (как приехал в дом Марбути доктор Дюпюитрен) в связи с предстоящими парламентскими выборами два уроженца Сансера, ставшие в Париже знаменитостями: доктор Орас Бьяншон и фельетонист Этьен

Лусто, лентяй и хвастливый болтун. Дина, ослепленная краснобайством Лусто, становится его любовницей и после его отъезда узнает, что беременна. “В

характере Дины есть черты “женского донкихотства”, что и определяет ее

судьбу, - пишет Бардеш. - Она потеряла десять лет жизни, разыгрывая роль странствующего рыцаря в сфере интеллектуальной… И такую же ошибку она совершает в любви…” Она ринулась в Париж, решив жить там с Лусто, и тут роман становится жестоким. Женщина большой души натолкнулась на человека недостойного, который, призвав на помощь шайку лореток и таких же, как он, шалопаев-приятелей, разыгрывает фарсовую сцену, чтобы избавиться от любовницы. Дина, благородное создание, верит всему, ничего не понимает и отвечает на издевательства чудесной преданностью. Но через шесть лет, когда перед ней открывается вся подлость ее любовника, она отказывается играть роль Элеоноры из романа “Адольф”, который внимательно прочла. Вместо того чтобы стонать и плакать, она возвращается к своему насекомообразному мужу, и тот принимает ее вместе с двумя сыновьями от Лусто. Эта книга, полная горького и сильного чувства, показывала (что весьма характерно для Бальзака) неизбежное вырождение всякой любви, не считающейся с законами общества.

Каролина Марбути возмущалась “Провинциальной музой” и со страхом ждала, какую реакцию роман вызовет в Лиможе: там, пожалуй, заподозрят, что и она, Каролина, тайком произвела на свет незаконнорожденных детей. Чего доброго, ее девочки прослывут дочерьми Жюля Сандо! Да еще ее, бежавшую из дому Музу, обвинят в том, что она содержит на мужнины деньги какого-то

второстепенного писателя. Но ее опасения не оправдались. В Лиможе мало кто

читал книги.

Каролине следовало бы восхититься характером Дидины, как ее называл

Лусто, ибо эта мужественная женщина, преодолев горькую неудачу, остается

госпожой положения и даже после разрыва великодушно приходит на помощь

Лусто, который остается для нее человеком, открывшим ей “жгучее пламя”

желания. Но нет, Каролина Марбути сочла нужным написать под псевдонимом

Клэр Брюнн роман в свою защиту, назвав его “Ложное положение”. Там она

нарисовала себя в двух видах: сначала тоскующей провинциалкой, не нашедшей

счастья в замужестве, а потом оторвавшейся от своего буржуазного круга

парижанкой. Героиня романа Камилла, под именем которой Каролина Марбути

живописала себя, - “избранная натура”. В Париже эта провинциалка проникает

в литературный мир и там знакомится с Ульриком (двойником Бальзака), которого сочинительница не щадит в своем произведении. “Выдающийся, но

грубый и до того опьяненный своим поздно пришедшим успехом, что он уж и не

знал, как нести это бремя, он тешил себя мечтами, планами и надеждами, которые стали гигантскими так же, как и его самомнение. Тщеславие в

конце

концов сделало Ульрика смешным маньяком, порождало у него надуманные

потребности… Как человек гениальный, Ульрик шел в ногу со своим веком.

Он все оценивал на вес золота, определял с помощью золота, во всем исходил

из значения золота. Но он простодушно признавался в этом… оттого у него

было много врагов…” Из-за романа “Ложное положение”, опубликованного в

1844 году, Каролина Марбути лишилась дружбы всех, кто узнавал себя в ее

злобной книге и воспринимал ее выпады как оскорбления. Она больше уж

никогда не виделась с Бальзаком. Он даже снял свое посвящение ей рассказа

“Гренадьера”. Но к благородной Дидине, героине “Провинциальной музы”, читатели до сих пор хранят уважение. Портрет оказался бесконечно выше

натуры. Никогда еще Бальзак не проявлял такого мастерства. А все же…

А все же недовольство и глубокая усталость закрались в его душу.

Когда-то он писал Ганской: “Мои произведения - вот великие события моей

жизни…” Теперь происходит странный поворот. Уже не вся его жизнь

посвящена литературному творчеству; ею завладели, твердит он Чужестранке, сердце, потребность встретить чувство столь же горячее, как у него, воспоминания о блаженных минутах: “Я вновь вижу перед собою тропинку на

вилле Диодати или камешки на аллее у дома Мирабо, по которой мы

прогуливались; мне вспоминается какая-нибудь особая интонация голоса, пожатие руки… когда мы рассматривали гравюры. И многое, многое другое, от чего я сейчас бледнею!..”

И вдруг - взрыв долго сдерживаемой любви: “Боже мой! Когда-нибудь, дорогая, вы узнаете мою детскую, правдивую, искреннюю натуру, мою неисчерпаемую нежность, постоянную сердечную мою привязанность и убедитесь, что я до конца дней своих буду цепляться за вашу юбку. Знаете ли вы, чего я боюсь? Мне страшно наскучить вам, услышать: “Убирайся!”, как говорит хозяин собаке, которая всегда ложится у его ног…” Он часами вдыхает аромат духов, исходящий от писем Евы; он работает только для нее.

Una fides [единая вера (лат.)].

Он умел “убедить других во многом, а самого себя - в чем угодно” и поэтому твердо был уверен, что с 1832 года у него была лишь одна вера, одна любовь и одна надежда. Кто, кроме Евы, его любил? “Если бы вы знали, - пишет он ей, - что представляет собою моя мать! Это чудовище и сущее уродство! Сейчас она убивает мою сестру, после того как убила мою бедную Лорансу и мою бабушку… Я едва не порвал всякие отношения с матерью. Это было просто необходимо. Но я предпочел страдать. Эту рану ничто не может исцелить. Мы думали, что наша мать сошла с ума. Посоветовались с врачом, с которым она дружит уже тридцать три года, и он ответил нам: “Увы! Она

не

сумасшедшая, она злая!” В этих яростных обвинениях есть доля правды, большая доля неблагодарности и неутолимая потребность жаловаться. “У меня

не было ни матери, ни детства”. Он забыл веселые дни жизни в Вильпаризи, шутки “небесного семейства” и преданность бедной старухи.

Госпожа Де Берни? Да, она заменила ему мать, она его сформировала, но

разве могла она дать ему то, о чем он мечтает, - любовь молодой и

прекрасной женщины? Графиня Гидобони-Висконти? “Версаль? Живите спокойно, не тревожьтесь… Версаль уже давно и навсегда проклят. Неблагодарность и

легкомыслие - вот история Версаля. Людовику XIV пришла фантазия избрать

своей резиденцией Версаль, место холодное и бездушное…” Эти

несправедливые слова имели единственной своей целью успокоить ревность

Эвелины Ганской. На деле же Бальзак продолжал подписываться “Балли” под

своими ласковыми письмами к графине Висконти и даже в качестве высшего

доказательства дружбы все еще занимал у нее деньги. Но с любовью к

“англичанке” покончено, торжественно заверял он Ганскую. Каролина Марбути?

Он ее неизменно отталкивал, когда она пыталась увидеться с ним. “Господин

де Бальзак не забыл прелестей госпожи Марбути. Но госпожа Марбути, вероятно, позабыла условия существования несчастных писателей, участь

которых - писать для того, чтобы жить”, - писал он Каролине.

Нет, никто в мире для него не существует, кроме его ангела, его дорогой милочки, его светозарного цветка. Он называл Эвелину Ганскую “госпожа Скромница”, потому что она не желала ни славы, ни известности. Но он все-таки заставит ее разделить с ним его славу и почести. Ведь его наверняка выберут во Французскую Академию. Он виделся в библиотеке Арсенала с Шарлем Нодье, весьма влиятельным академиком, и тот сказал ему: “Дорогой Бальзак, в Академии за вас большинство. Но Академия охотно примет какого-нибудь политического злодея, который в анналах истории будет пригвожден к позорному столбу. Академия выберет даже мошенника, сумевшего благодаря огромному своему богатству увернуться от суда присяжных, но она падает в обморок при мысли о неоплаченном векселе, из-за коего должника могут посадить в тюрьму Клиши. Она безжалостна, бессердечна по отношению к гениальному человеку, если он беден или дела его идут плохо… Итак, постарайтесь приобрести положение путем женитьбы, или докажите, что у вас нет никаких долгов, или купите собственный дом, и вы будете избраны”.

А ведь как только меня выберут, я буду назначен членом Комиссии по составлению словаря, эта должность - несменяемая, с окладом в шесть тысяч

франков, да еще я буду получать как академик две тысячи франков и, несомненно, буду назначен в Академию надписей и изящной словесности и

стану постоянным секретарем”.

По своему обыкновению он переводил глаголы из будущего времени в

настоящее.

”Итак, у меня, помимо политической деятельности, несколько несменяемых, ни от кого не зависящих должностей на четырнадцать тысяч франков.

Выигрывайте же свой процесс! Вы выиграете и мой…”

Чужестранка со своей стороны слала ему доверительные письма, полные

жалоб одинокой женщины, удрученной сложными хлопотами. “Три года ожидания

- это смерть”, - писала она, и это казалось многообещающим. Не бойтесь, отвечал ей Оноре, “ручаюсь за будущее, ничто не заставит меня измениться, да и вас также. Ну и вот, положимся на милость Божию”. Впрочем, два этих

раненых голубка весело влачили вдали друг от друга подшибленные крылышки.

Бальзак, весьма довольный, обедал у герцогини де Кастри с Виктором Гюго и

Гозланом, радуясь пиршеству с участием тонких умов. Госпожа Ганская в

Санкт-Петербурге принимала ухаживания господина Балка, любезного, оригинального и образованного старика. Этот перезрелый Адонис возымел

некоторые надежды и даже мечтал о браке. Госпожа Ганская ласково успокоила его, дав ему почувствовать, что союз их невозможен, и постаралась “привести его к Богу”. Бальзак признался, что всякий раз, как ему выпадает счастье провести близ нее несколько минут, он становится лучше, набожнее.

Ловкая тактика, которую применял в “Опасных связях” Вальмон, осаждая благочестивых дам. Госпожа Ганская указала ему путь к мистицизму и рассказала всю историю Бальзаку. Он испугался. “Боже мой! Не смею сказать вам, как я страдаю из-за того, что вы дарите кому-то счастье, даже этому бедному старику, который вам пишет…”

С поразительной неосторожностью писатель, который так хорошо знал и мужчин, и женщин, и всякие неожиданности в любви, совершил безрассудный поступок: написал Листу, уезжавшему в Санкт-Петербург, где этот знаменитый виртуоз должен был дать концерт, рекомендательное письмо к своей возлюбленной.

”Дорогой Франц… если хотите оказать мне дружескую услугу, проведите вечер у той особы, которой передадите от моего имени эту записку. Сыграйте

что-нибудь для маленького ангела, мадемуазель Анны Ганской, которую вы, конечно, очаруете…”

Вся Европа знала, какую власть над женскими сердцами давали Листу его гениальное дарование, его красота и рассказы о его победах. Госпожа Ганская, которая вела дневник, признается в нем, что визит прославленного музыканта взволновал ее. Она присутствовала вместе с дочерью на первом концерте и была опьянена. Лист несколько раз навещал ее, а перед отъездом в Москву простился с нею так проникновенно, что она растрогалась. Повинуясь пылкому темпераменту, свойственному Ржевусским, толкавшему их на риск, верная своему культу знаменитостей и стремлению проповедовать, она написала Листу письмо. Переписка с ним могла бы завести ее далеко, но этот музыкант и донжуан вернулся из Москвы, по уши влюбленный в некую молодую женщину, совершившую там ради него множество безумств. Раздосадованная госпожа Ганская напомнила ему уроки прошлого, заговорила о его бегстве с Мари д’Агу и их разрыве. “Не беспокойтесь, - важно ответил Лист. - Я стал рассудительнее. Если мне вздумается похитить чью-нибудь жену, то я

прихвачу с ней и мужа”. Лист готов был сочетать свое московское

приключение с петербургской интрижкой. Он принялся настойчиво ухаживать за

Эвелиной, и она почувствовала, что не очень уверена в себе. В дневнике она

писала:

”Лист среднего роста… У него прямой нос красивого рисунка, но лучше

всего у него рот - в нежных его очертаниях есть что-то удивительно милое, я бы сказала даже - ангельское. Он натура необыкновенная, и мне интересно

изучать его. В нем много возвышенного, но есть у него и черты, достойные

сожаления, ведь человеческая душа - отражение природы во всем ее величии, но увы, и в ужасах ее. Ему доступны возвышенные порывы, но тут же его

подстерегают пропасти, черные бездны… и впереди у него еще не одно

крушение, в которое он вовлечет и других… В общении с Листом есть весьма

опасная сторона. Он украшает то, что достойно осуждения, и, когда он ведет

речи по сути своей ужасающие, безнравственные, люди невольно улыбаются и

думают, что такой гениальный художник имеет право совершать

безрассудства… и его извиняют, ему даже рукоплещут, любят его…”

Очень скоро эти жеманные любезности сменились настоящим любовным поединком. Ева старалась держать Листа на почтительном расстоянии, он упрекал ее в чопорности. Когда настало время уезжать из России, он пришел проститься. “Он взял мою руку, поцеловал ее и долго не выпускал. Я тихонько приняла руку, сказав ему: “Поверьте мне, Лист, лучше вам больше не приходить. Пусть это будет наша последняя встреча”. Поведение весьма благоразумное, но Бальзак все же пришел в ужас и теперь уж, если и говорил своей любимой о Листе, то только как о “бедном Листе”, которому госпожа д’Агу после десятилетней связи и рождения троих детей предпочла Эмиля де Жирардена. “Будь осторожна в письме к Листу, если будешь писать ему, ты и представить себе не можешь, как он упал во мнении общества…” Великий исследователь любви порою проявлял поразительную наивность.

Ничто так не привязывает, как ревность. Более чем когда-либо Бальзаку хотелось поехать в Санкт-Петербург, прежде всего для того, чтобы увидеться со своей Евой, которую он опять страстно желал, зная, что теперь она свободна и доступна для него; а кроме того, он собирался помочь ей выиграть судебный процесс. Бальзак знал, что он знаменит в России, считал

себя хорошим адвокатом и вообразил, будто его ходатайство перед царем может иметь решающее значение. Эвелина Ганская совсем не желала, чтобы он хлопотал по ее делу. “Сидите себе спокойно, никуда не ездите и предоставьте все делать мне самой”. Ганская, гораздо больше полька, чем русская, отнюдь не была в восторге от тирании императора и в тайном своем дневнике писала об “уклончивом взгляде раба”.

В понедельник 16 мая 1843 года Бальзаку исполнилось сорок четыре года. Он писал Ганской:

”О пресвятой Оноре, ты, коему посвящена в Париже на редкость безобразная улица, охраняй меня как можно лучше в нынешнем году! Постарайся, чтобы не взорвался корабль!.. Сделай так, чтобы пред лицом мэра или французского консула я распростился со званием холостяка, ибо ты знаешь, что в душе я женат вот скоро уже одиннадцать лет”.

Он крайне нуждался в опеке своего небесного покровителя. Чрезмерная работа убивала его. Ему приходилось ездить в Ланьи, жить там на бивуаке в типографии, спать на походной койке, потом, перед поездкой в Россию, срочно выполнять свои договора с издательствами и зарабатывать деньги

на дорогу.

”Я пью теперь только по три чашки черного кофе в день, но колики в желудке все продолжаются, и жилы набухают, и цвет лица стал землистым! О, как же я хорошо отдохну, как буду ходить дурак дураком, ни о чем не думая, превращусь в петербургского кокни и ровно ничего не буду делать четыре блаженных месяца: июль, август, сентябрь и октябрь! Четыре месяца без газет, без книг, без корректурных оттисков - словом, никаких трудов, кроме тех, которые вы мне приберегли! Но я хотел бы пожить тихонько, поменьше видеть людей, быть где-нибудь возле вас, не ведать беспокойств и существовать, как устрица…”

В июне 1843 года он закончил третью часть “Утраченных иллюзий” - “Страдания изобретателя”. “Мне надо показать великолепный контраст между жизнью Давида Сешара в провинции с его женой Евой Шардон и существованием Люсьена, который в это время совершал, в Париже ошибку за ошибкой. Тут несчастья, постигшие добродетельных людей, противопоставлены несчастьям порока”. Работа необыкновенно трудная. Бальзак надеялся заинтересовать

порока”. Работа необыкновенно трудная. Бальзак надеялся заинтересовать читателя судебным поединком между Давидом Сешаром, изобретателем нового способа изготовления бумаги, и ретроградами братьями Куэнте, богатыми типографами. Писатель не был уверен, что ему это удалось. Красота чистых душ, воплощенная в двух провинциалах, бледнела перед картиною Парижа, нарисованной во второй части книги. Недаром Бальзак пятнадцать-шестнадцать раз выправлял корректурные оттиски третьей части романа “Давид Сешар”, позднее названной “Ева и Давид”, а в окончательном варианте получившей название “Страдания изобретателя”.

Продолжение - “Торпиль” - было картиной ужасающей (фигура влюбленного Нусингена, обезумевшего от страсти обманутого старика), но ведь нужно было показать “подлинный Париж”, и к тому же, как всегда у Бальзака, ужасное имело свои комические стороны (смешное ухаживание тучного банкира, который глотает возбуждающие средства и млеет перед Эстер) и черты возвышенные (внезапное пробуждение у старика Нусингена юношеских иллюзий). “Любовь тогда, как позабытое зернышко, пустила ростки, из которых солнце исторгает поздние великолепные цветы”. Бальзак даже не мог теперь жаловаться на

усталость: “Я превратился в машину для выделки фраз и как будто стал

железным”. Наборщики “в этом проклятом Ланьи” едва были живы после правок

Бальзака, но автор держался твердо, и к июлю все было закончено. Однако

две газеты, опубликовавшие фельетонами - одна “Давида Сешара”, а другая

“Торпиль”, были на краю банкротства, и Бальзак рисковал не получить

гонорара. “Жить своим пером - это чудовищный и просто безумный замысел”, -

жаловался Чужестранке Бальзак. Наконец благодаря заботливому вмешательству

стряпчего Гаво он добыл деньги на поездку. Пришлось идти в русское

посольство просить визу. Его принял секретарь посольства Виктор Балабин.

Вот что записано в “Дневнике Балабина”: “Пригласите сюда”, - сказал я служителю. Тотчас передо мной предстал

низенький, толстый, жирный человек, по лицу пекарь, грацией сапожник, шириной в плечах бочар, манерами приказчик, одет, как трактирщик. Не

угодно ли! У него ни гроша, и поэтому он едет в Россию; он едет в Россию, значит, у него ни гроша…”

Сент-Бев, всегда несправедливый, когда речь шла о Бальзаке, писал Жюсту

Оливье:

”Бальзак разорился, и больше чем разорился - он уехал в Санкт-Петербург, сообщив через газеты, что едет туда только для поправленья здоровья и решил ничего не писать о России. Гостеприимством этой страны столько раз злоупотребляли, что он, вероятно, рассчитывает с помощью такого обещания добиться благосклонного приема и маленьких милостей со стороны повелителя. Но разве кто-нибудь верит теперь обещаниям этого романиста?..”

Русский поверенный в делах в Париже П.Д.Киселев информировал свое правительство:

”Так как этот писатель всегда в крайности, а сейчас нуждается еще больше, чем обычно, то весьма возможно, что целью его поездки является какая-нибудь литературная спекуляция… В таком случае, может быть, стоило бы пойти навстречу денежным затруднениям господина де Бальзака, чтобы прибегнуть к перу этого писателя, который еще пользуется здесь, да и во всей Европе, популярностью, и предложить ему написать опровержение клеветнической книги господина де Кюстина”.

Но это был лишь совет Киселева, никто не приступал к Бальзаку с таким предложением. Он приехал в Санкт-Петербург 17(29) июля 1843 года. В тетради, где Ева вела дневник, он записал: “Я приехал 17 июля (по польскому стилю) и около полудня уже имел счастье видеть и приветствовать свою дорогую графиню Еву в доме Кутайсова на Большой Миллионной, где она живет. Я не видел ее со времени свидания в Вене, но нашел, что она так же прелестна и молода, как тогда. Семь лет разлуки она провела в своей пустыне, среди хлебов, а я - в обширной парижской пустыне, среди чужих людей. Она приняла меня как старого друга, и я вижу, какими были несчастными, холодными, унылыми все те часы, которые я провел вдали от нее. С 1833 по 1843 год протекло десять лет, в течение которых мои чувства к ней вопреки общему закону возросли от всех горестей разлуки и перенесенных разочарований. Нельзя изменить ни свое прошлое, ни свои привязанности”.

Для приличия он помещался не в доме Кутайсова, где жила его любимая, а в доме Титрова. Ему там плохо спалось из-за клопов. Что за важность! Он вновь встретился со своей Евой, наконец готовой любить его без всяких оговорок. Вернулись счастливые дни, пережитые в Женеве и в Вене, даже

более счастливые, так как само положение Ганской, овдовевшей, свободной женщины, благоприятствовало интимной и пламенной близости. Судебный процесс, казалось, шел хорошо, и теперь она уже не трепетала за свои земельные владения. Записки, которые приносили от Бальзака в дом Кутайсова, исполнены нежности и свидетельствуют о его счастье. “Дорогая кисонька… Обожаемый мой волчишка… Волчок тысячу раз целует своего волчишку… Буду у тебя через час…” Близость любимой так бодрит его, что сейчас он мог бы писать и не подхлестывая себя крепким кофе!

Он приходил к Ганской каждодневно около полудня. Никто на свете его больше не интересовал. Однако же знаменитый французский писатель вызывал любопытство. Княгиня Разумовская написала Эвелине из Петергофа, что узнала от императора о приезде “человека, который лучше всех понял и обрисовал женское сердце”. Другая знакомая задавалась в письме вопросом: “Сумеют ли у нас оценить и принять знаменитого писателя? Дай Бог, чтобы он вынес благоприятное мнение о России”. Все дамы умоляли Ганскую привезти к ним ее великого человека. Граф Бенкендорф распорядился пригласить его на парад в Красное Село. Там он видел царя в пяти шагах от себя. “Все, что говорят и

пишут о красоте императора, правда: во всей Европе не сыщешь… мужчины, который мог бы сравниться с ним”. На параде Бальзак получил солнечный удар

- и настоящий, и метафорический.

Через неделю после приезда Бальзака жена канцлера Нессельроде написала своему сыну: “Бальзак осуждает Кюстина, это в порядке вещей, но не надо верить в его искренность”. В русской газете “Северная пчела” напечатано было: “Россия знает себе цену и очень мало заботится о мнении иностранцев”. Короче говоря, власти ничего не требовали от Бальзака, да и сам он больше не собирался опровергать Кюстина. Он не добивался в Санкт-Петербурге ни казенных субсидий, ни почестей, тешивших его тщеславие. Для него было таким счастьем видеть Эвелину, вести с ней бесконечные разговоры за чайным столом, где шумел самовар, этот “нелепый слон”, или у камина, перед которым лежал коврик, стояли экран в стиле Людовика XIV и кресло, где, раскинувшись, отдыхала дорогая, смотреть на “глянцевый плющ” - листочек плюща он увез с собою, считая это растение символом их судьбы: “Где привяжусь, там и умру”. В гостиной были козетка с двумя валиками и голубой диван, такой удобный для far niente [отдых, безделье (ит.)]; на этом диване он ждал, когда же скрипнет дверь и зашуршит ее платье - звуки, от которых он вздрагивал всем телом. А как ему

запомнилось то платье, что было на ней в первый день, - синее, с желтой отделкой!

Позднее Анна Мнишек вспоминала в письме к матери, как Бальзак читал вслух в их гостиной “Дочь Евы” - изящный роман, где он показал, что опасная мысль, неотвязно преследующая мужчину, побуждает его к некоему замыслу и к действию, а у женщины она принимает форму любовной мечты. Мари де Ванденес, жена Феликса де Ванденеса (героя “Лилии долины”), влюбляется до безумия в талантливого и очень некрасивого писателя Рауля Натана. Но Феликс, испытавший на себе в юности влияние Анриетты де Морсоф, женщины прекрасной души, оказывается прозорливым мужем и предотвращает назревавшую драму. Обе Ганские, и мать и дочь, были очарованы этой превосходной повестью, трогательной и смелой, обе одинаково восхищались Волшебником и его чудесными рассказами. Бальзак вновь завоевал свою Эвелину. Незадолго перед их встречей она прочла переписку Гете с Беттиной Брентано (вышедшей замуж за Иоахима фон Арнима). Восторженная девица, писавшая к знаменитому поэту, с которым она не была знакома, напомнила госпоже. Ганской, как она

сама, молодая романтическая женщина, когда-то завязала переписку с Бальзаком. Эта головная любовь даже вдохновила ее на новеллу, которую она сожгла, но ее содержание рассказала Бальзаку, и тот пожелал прочесть письма Беттины. “Дайте мне, пожалуйста, первый том книги “Гете и Беттина”. А прочитав его, написал суровый отзыв. “Эта книга для добрых, а не для злых”, - указывает в своем предисловии госпожа Арним, иначе говоря: “Позор тому, кто дурно об этом подумает”. Бальзак оказался в лагере “злых”. Почему? Потому что “это выходит за пределы литературы и относится к области фармацевтики”.

”В самом деле, чтобы изображение любви (я разумею литературное изображение) сделалось произведением, и к тому же произведением возвышенным (ибо в этом случае допустимо лишь возвышенное изображение), любовь, повествующая о себе, должна быть совершенной, она должна выступать в своей тройственной форме, захватывая мозг, сердце и тело; она должна быть одновременно духовной и чувственной, и изображать ее следует умно и поэтично…”

Беттина (говорит Бальзак) не любит Гете; для нее он лишь предлог для

писем; она вышивает ему теплые жилеты, домашние туфли. “Я надеялся, что попытки одеть Гете приведут… Но нет! Жилеты, так же как и проза, оказались малозажигательными…” Таким образом, внушает Бальзак Эвелине, настоящая и прекрасная любовь только у нас с вами, потому что мы любим и душой и телом. Но, высмеивая Гете и Беттину, он все-таки запомнил сюжет, который попыталась использовать его умная возлюбленная, и позднее вернулся к нему.

”Ваша новелла так мила, что, если вы хотите доставить мне огромное удовольствие, напишите ее еще раз и пришлите мне. Я ее выправлю и опубликую под своим именем. Вы, таким образом, не станете “синим чулком” и потешите свое авторское самолюбие, видя то, что я сохранил из вашего занимательного и прелестного рассказа.

Надо сперва описать провинциальное семейство, в котором среди грубой обыденности выросла восторженная, романтическая девица, а затем с помощью приема переписки перейти к характеристике поэта, проживающего в Париже. Приятель поэта, который будет продолжать вместо него переписку, должен быть человеком умным, но одним из тех, кто становится только спутником знаменитости. Может получиться любопытная картина, изображающая этих

услужливых поклонников, которые добывают для своих кумиров похвальные отзывы в газетах; исполняют всякие их поручения и т.д. Развязка должна быть в пользу этого молодого человека - надо нарисовать поражение “великого” поэта и показать мании и недостатки большой души, пугающей мелкие души. Сделайте это, вы мне окажете помощь. Благодаря вам я получу несколько тысячефранковых билетов. А какая слава!..”

Из этого сотрудничества в скором времени (в 1844 году) получился роман “Модеста Миньон”, последняя “Сцена частной жизни”. “Это борьба между поэзией и житейской действительностью, между иллюзиями и обществом; это последнее наставление перед тем, как перейти к сценам зрелой поры…”

Желание одержать верх над другим писателем нередко вдохновляло Бальзака. “Лилия долины” была написана в противовес роману Сент-Бева “Сладострастие”, “Провинциальная муза” - в противовес “Адольфу”. Бальзак считал, что в умении жить и любить он превосходит Гете: ведь вместо того чтобы принимать с олимпийским самодовольством поклонение юной девушки, он, Бальзак, постигал радости любви ценою страданий. Прометей вдохнул огонь в убогие наброски Ганской, и они ожили. Прототипами Модесты Миньон

стала

сама Эвелина в девическую пору своей жизни и отчасти ее кузина Каллиста

Ржевусская.

Свою героиню он наделяет чертами Евы, говорит, что “почти мистической

поэзии, сияющей на ее челе, противоречило сладострастное выражение рта”.

Отец Модесты Миньон называет ее “моя мудрая крошка” - прозвище, которое

граф Ржевусский дал своей дочери Эвелине. Модеста Миньон, как некогда

Эвелина Ганская, хочет быть подругой художника, поэта. Она пишет Каналису, поэту и государственному деятелю (не Ламартин ли это?), как Эвелина писала

Бальзаку. Письма ее несколько педантичны, как и письма Эвелины. Замысел

романа принадлежит Ганской, и это ослабило бальзаковскую силу, драма

местами обращается в салонную комедию. Но, как говорит Ален, теперь

Бальзак уже не мог плохо написать роман, и фигура Каналиса столь же

реальна, как и образ д’Артеза; Жан Бутша, Таинственный карлик - клерк

нотариуса, оберегающий Модесту, - похож на Тадеуша, родственника Эвелины

Ганской, всегда окружавшего ее преданностью и заботами. Фоном, на котором

разыгрывается действие, является Гавр, в котором, как и в Ангулеме, есть

“верхний” и “нижний” город. Все использовано, и все преобразовано

"верхний" и "нижний" город. Все использовано, и все преобразовано.

Госпожу Ганскую обидел разговор между Модестой Миньон и ее отцом, в

котором тот упрекает дочь за ее переписку с незнакомым человеком. “Как же

твой ум и здравый смысл не подсказали тебе за недостатком стыдливости, что, поступая таким образом, ты бросаешься на шею мужчине? Неужели у моей

Модесты, у моей единственной дочери, нет гордости, нет чувства

достоинства?” Ева усмотрела в этих упреках критику ее собственного

поведения. Бальзак защищался искусно: романист должен перевоплощаться во

всех своих героев, понимать и чувства отца, и чувства дочери. Но это были

просто ссоры влюбленных. Ганская сохранила чудесные воспоминания о приезде

писателя в Россию. В “заветном дневнике” она писала: “Как сладостны, как быстролетны те минуты нашей жизни, когда волны

радости затопляют нас, когда душа ширится и отражает чистую синеву неба, сияющего бессмертной молодостью! Но как долго тянулись годы, предшествовавшие этим мгновениям, и какими тяжкими становятся часы, следующие за ними, какой острой болью пронизывают они сердце!.. Кажется, приснился тебе дивный сон, а меж тем это была жизнь, чудесная, счастливая, полная жизнь, райское блаженство, ибо сердце, свободное от пошлой корысти, чувствовало, как его мягко убаюкивают где-то высоко, в самых чистых сферах

эфира, и ему так хорошо, так спокойно, словно в невинные дни детства…

Восторги, очарование, подлинное счастье, преклонение перед идеалом, радости чистые, радости наивные, внутренние голоса, волшебные

воспоминания, как эхо пробуждающиеся в душе, взволнованные, трепетные звуки любимого голоса, утешьте меня в одиночестве и укрепите мою надежду…”

Она удостоила признать, что ее возлюбленный - один из самых великих людей всех времен. А он на обратном пути в Париж - через Берлин и Франкфурт - все вспоминал о санкт-петербургских вечерах. “В душах, на редкость нежных и страстных, царит культ воспоминаний, и воспоминание о милых сердцу чертах всегда со мной, оно живет во мне, оно просится на уста…” В разлуке какая-то вялость овладела его умом, “в сердце закралась тоска”, стало “трудно жить”. По приезде в Париж он почувствовал себя так плохо, что обратился за советом к доктору Наккару, и тот по обыкновению поставил диагноз, что у Бальзака воспаление мозга. А это, скорее, была “грусть о милых сердцу чертах”, думал Бальзак.

”Я был как оглохший Бетховен, как ослепший Рафаэль, как Наполеон без солдат при Березине; я оказался отторженным от своей среды, от своей жизни, от сладостных привычек сердца и ума. Ни в Вене, ни в Женеве, ни в Невшателе не было этого постоянного излияния чувств, этого долгого обожания, часов задушевной беседы…”

Из своего безмятежного пребывания в России он вынес радостную уверенность, что вся его жизнь могла бы стать такой же приятной и полной очаровательных чувственных радостей. В газетах сообщалось, что готовятся преследования католиков на Украине. Хоть бы Эвелина поскорее подписала полюбовную сделку, закончила судебную тяжбу и приехала к нему!

Разумеется, в Париже продолжали болтать о том, как царь щедро заплатил Бальзаку за то, чтобы он ответил на книгу “этого чертова французского маркиза”. В письме к Ганской от 7 ноября 1843 года мы читаем: “Прошел слух, чрезвычайно для меня лестный, что мое перо оказалось необходимым русскому императору и что я привез с собой богатые сокровища в качестве платы за эту услугу. Первому же человеку, который сказал мне это, я ответил, что, как видно, люди не знают ни вашего великого царя, ни меня”. А немного позднее (31 января 1844 года) он пишет Ганской: “Говорят, что я отказался от огромной суммы, предложенной мне за то, чтобы я написал некое опровержение… Вот глупость! Ваш государь слишком умен, чтобы не знать, что купленное перо не имеет ни малейшего авторитета… Я, понятно, и не думаю писать ни за, ни против России. Да разве в мои годы человек, чуждый

всяких политических взглядов, станет создавать такие прецеденты?”

В Париже его ждала Луиза де Бреньоль, вышивая диванную подушку, предназначенную ему в подарок. На что она надеялась? Эта служанка-госпожа жила в добром согласии с “небесным семейством”, переносила от одних его членов к другим взаимные упреки и обостряла и без того уже напряженные отношения. Больше, чем своим родным, Бальзак уделял внимания Анриетте Борель, так называемой Лиретте. Бывшая гувернантка Анны Ганской, протестантка, обратившаяся в католичество, хотела поступить в монастырь во Франции. Так как она уже перешагнула предельный возраст, для этого требовалось специальное разрешение архиепископа Парижского. Бальзак взял на себя необходимые хлопоты.

А как с Жарди? На Жарди еще не нашлось покупателя. Бальзаку снова улыбнулась мысль благоустроить дом и участок для своей любимой. Несмотря на коварную глину, Жарди имело свои достоинства. По железной дороге можно было за четверть часа доехать до Шоссе д’Антен. Когда-нибудь Жарди стало бы давать молоко, масло, фрукты. И вдобавок ко всему оно позволило бы Бальзаку говорить академикам: “Видите, у меня есть недвижимое имущество, я

могу быть избранным”. Ведь он опять стал делать визиты академикам и объяснял это Эвелине Ганской следующим образом: “Я стараюсь только для того, чтобы знали, что я хочу быть избранным, - это будет праздник, который я держу в запасе для моей Евы, для моего волчонка. Я нахожусь вне стен Академии, зато стою во главе литературы, которую туда не допускают, и, право, мне приятнее быть такого рода Цезарем, чем сороковым бессмертным. Да и добиваться подобной чести я не стану раньше 1845 года…”

Его друг, Шарль Нодье, умирал.

”Он мне сказал: “Ах, друг мой, вы просили меня отдать за вас свой голос, а я отдаю вам свое место. Смерть подбирается ко мне…”

Другие академики по-прежнему выставляли нелепые возражения, указывали на его долги, как будто богатство наделяло писателей талантом.

”И вот я обдумал, какое письмо послать каждому из четырех академиков, у которых я побывал. Заниматься прочими тридцатью шестью трупами глупо с моей стороны, мое дело закончить монумент, воздвигаемый мной, а не

гоняться за голосами! Вчера я сказал Минье: “Я предпочитаю написать книгу, чем провалиться на выборах! Мое решение принято. Я не хочу попасть в

Академию благодаря богатству. Мнение, которое царит в Академии на этот

счет, я считаю оскорбительным, в особенности с тех пор, как его

распространяют и среди публики. Когда я разбогатею - а я этого добьюсь сам

по себе, - я ни за что не выставлю своей кандидатуры!”

Он написал четыре письма своим сторонникам: Виктору Гюго, Шарлю Нодье, Дюпати и Понжервилю; письма были исполнены гордости, чувства собственного

достоинства. Он вычеркнул слово “Академия” из своей памяти на несколько

месяцев. И тут же купил себе (заплатив очень дорого) старинный ларь, принадлежавший, по заверениям антиквара, Марии Медичи. Парижская жизнь

пошла своим чередом. Но петербургские вечера были чудесной интерлюдией.

XXXIII. СИМФОНИЯ ЛЮБВИ

Если художник, на свою беду, полон

страсти, которую хочет выразить, ему

не удастся передать ее, ибо он сам -

воплощение страсти, а не образ ее.

Бальзак

Он предвидел, что по возвращении ему придется вести тяжелую борьбу. Нравы в “литературной республике” все больше проникались коммерческим духом. Писатели жили главным образом на то, что печатали свои романы в газетах фельетонами. Однако самая разбивка на фельетоны не соответствовала творческой манере Бальзака, его длинным вступлениям, описаниям, анализу. С тех пор как вознеслись под небеса Дюма и Эжен Сю, издатели газет уже не считали Бальзака необходимым для них человеком. Но, как пишет Рене Гиз, “свергнутый король” еще видит перед собою возможность “отвоевать свой скипетр”. Бертен, издатель солидной газеты “Журналь де Деба”, опубликовавшей “Парижские тайны”, подписал договор с Бальзаком на два его романа - “Модеста Миньон” и “Мелкие буржуа”. Это блестящая победа над соперниками. Ведь чтобы впервые появиться на страницах “Деба”, да еще в тот момент, когда его недруги считают, что Бальзак “выдохся”, он должен создать шедевр. И какая радость, что сюжетом для этого “победоносного романа” он обязан своей Еве! “Модесту Миньон” начали печатать в “Деба” с 4

апреля 1844 года. Роман был посвящен Чужестранке, и о ней в посвящении говорилось так: “Дочь порабощенной земли, ангел по чистоте любви, демон по безмерности фантазии, младенец по наивности веры… мужчина по силе ума, женщина по чуткости сердца… и поэт по полету твоей мечты…” и так далее. Тотчас же свирепый и плохо осведомленный Сент-Бев стал утверждать, что эта Чужестранка не кто иная, как княгиня Бельджойозо, а само посвящение возмутило его: “Виданное ли дело - такая галиматья! Разве не бичует сам себя писатель подобными смехотворными нелепостями? И как могла уважающая себя газета оказаться столь уступчивой, чтобы с такой готовностью предоставить к его услугам свои столбцы?..”

Надо признаться, что посвящение весьма высокопарное. Но когда речь заходит об Эвелине Ганской, Бальзак не может сдерживать поток лиризма. Воспоминания, которые он привез из России, воспламеняют его. Впервые он свободно наслаждался близостью с этой женщиной, подходившей ему по темпераменту. Он уверял Ганскую: “Я люблю так, как любил в 1819 году, люблю в первый и единственный раз в жизни…” Ганская прислала ему лоскуток от черного платья, которое она носила при нем. “Я плакал как дурак, думая о том, что буду вытирать свое перо тканью, которая сколько-то времени считала биения сердца, самого совершенного в мире, и которая облекала… Нет, надо очень любить, чтобы осмелиться на это. От такой

мысли будет трепетать душа, всякий раз как я стану пользоваться вашим подарком…” Это кажется наивным? Но Бальзак действительно наивен, когда он любит; в этом его сила и его очарование. Он пьянеет от вина собственной риторики. Что это? Только игра? Может быть, но при игре в безумную любовь игрок сам попадается в ловушку. Бальзак - фетишист, на столе у него миниатюрный портрет кисти Дафинжера, на стене пейзаж, где изображена Верховня; на безымянном пальце левой руки он носит перстень с гиацинтом и обручальное кольцо.

Лишний раз с восторгом, разгоревшимся после петербургских ночей, он затягивает акафист своей Еве: “Вы маяк, вы счастливая звезда… Вы дарите утехи любви и честь… Пресытиться вами невозможно…” Но пусть она не тревожится, его верность непоколебима: “Что касается бенгали, будьте спокойны, он проявляет похвальное благоразумие… Птицам тоже знакомо чувство признательности. Вы еще не знаете, что говорится в естественной истории об этом обитателе Индии. Он поет только для одной розы…” Это благоразумие ожидания. “О добрая и милая кисонька! Знает ли она, что стоило начать это письмо, как в сердце бенгали пробудились сладостные воспоминания о прошлом. А моя дорогая бедняжка, волнуется ли и она также?”

Иногда он жалуется на томление, в котором его держат целые ночи

напролет страстные мечты, мешающие ему работать. Ему трудно справиться с

начатыми произведениями. “Модеста Миньон” (единственный роман, который

писался быстро, потому, что сюжет был дан самой Ганской) не имела успеха, появившись в фельетонах. В ней было слишком мало событий! Подписчики

“Деба” приняли ее холодно, и газета, напечатав ее, тотчас начала

публиковать “Графа Монте-Кристо” Александра Дюма. Бальзак писал Ганской: “По моему убеждению, я создал шедевр, это верно для меня и для вас, а

какое значение имеет все остальное”. Но “Мелкие буржуа”, корабль

первостатейный, с экипажем в двадцать пять или в тридцать человек, сидит

на мели. Даже кофе больше не может придать бодрости писателю - кофе для

него стал теперь как вода. Роман “Крестьяне”, начатый шесть лет назад по

просьбе (еще более ранней) покойного Ганского, роман, который

первоначально должен был называться “Крупный землевладелец” и который

двадцать раз был запродан, выкуплен, заброшен, оказался работой огромной, неблагодарной и трудной. В первом варианте крупный помещик, маркиз де

Гранлье, принадлежал к ультрамонархистам, составлявшим оппозицию группе

либеральных буржуа. Бальзак отложил этот набросок, намереваясь позднее

вернуться к нему и придать ему совсем иную форму. Но прежде всего нужно было закончить “Блеск и нищету куртизанок”.

Как известно, сюжетом третьей части “Утраченных иллюзий” являлись страдания Давида Сешара, подобные мучениям Паллисси, но в наших глазах важнейшим эпизодом романа стала встреча на большой дороге Люсьена де Рюбампре, доведенного до отчаяния своим провалом в Париже и уже готового наложить на себя руки, с путешествующим духовным лицом, каноником Карлосом Эррера, под именем которого скрывался не кто иной, как беглый каторжник Вотрен. В душе мнимого аббата, пораженного красотою Люсьена, вспыхивает неистовая любовь к юноше, и он решает добиться для него блестящей победы над Парижем. Но для этого надо, чтобы Люсьен понял подоплеку жизни и перестал вести себя как ребенок. “Стоило вам предоставить Корали господину Камюзо, стоило вам не выставлять напоказ вашу связь с нею, и вы женились бы на госпоже де Баржетон, были бы префектом Ангулема и маркизом де Рюбампре”, - цинично говорит Вотрен.

”Блеск и нищета куртизанок” начинается темой реванша Люсьена. Этот

роман-река создавался и будет создаваться в промежуток времени от 1838 до

1847 года; одна за другой написаны были следующие части: “Как любят эти

девушки” (сюда включена была ранее написанная “Торпиль”), “Во что любовь

обходится старикам”, “Куда приводят дурные пути” (раньше эта часть

называлась “Преступное обучение”) и “Последнее воплощение Вотрена”. Все

вместе они составляют удивительную смесь романтических тем, мелодраматических нелепостей и верных наблюдений. В романтическом свете

нарисована куртизанка, которая очистилась любовью, а затем во имя любви

бросилась в бездну порока; в романтическом свете показано сатанинское

влияние Вотрена; романтически изображена двусмысленная любовь каторжника к

Люсьену; романтична задумчивость Вотрена, когда он проходит мимо дома, где

жил Рюбампре; мелодраматична сама идея союза одного из виднейших вельмож

королевства (герцога де Гранлье) с подозрительным выскочкой; мелодраматичен поединок каторжника Вотрена и полицейского Корантена; мелодраматична ненужная смерть полицейского Контансона; реалистична

мольеровская комедия старого банкира Нусингена, ослепленного вожделением; реалистичны сцены звериного отчаяния Леонтины де Серизи, когда она узнает

о смерти Люсьена; реалистично нарисованы аристократия каторги и двор

тюрьмы Консьержери. “Я пишу в чистейшей манере Эжена Сю”, - признается

Бальзак госпоже Ганской. И несомненно, маршал романа-фельетона намеревался

померяться силами с “генералами Дюма и Сю”; но главное - старея, он дает

волю своей склонности к необычным перипетиям, к тайнам, к парижским

сказкам “Тысячи и одной ночи”, к мрачным отсветам “Феррагуса”. Однако

основательность декораций, в которых развертывается действие его романа, суровое осуждение прогнившего общества ставят Бальзака гораздо выше его

соперников; он ясно видел узы, связывающие (через проституцию) темных

авантюристов с гордой знатью; он умел “так ударить бичом, что слетали все

покровы и все лохмотья, прикрывающие гнойные язвы”. Но в романе “Блеск и

нищета куртизанок” он обрушил на Люсьена такие катастрофы, которые были не

под силу этому слабому существу и которые волнуют нас гораздо меньше, чем

его первые и столь человеческие беды.

”Блеск и нищета куртизанок” позволили Бальзаку воплотить двойственность

своей натуры в двух персонажах романа: Люсьен де Рюбампре, олицетворявший

женственные черты в характере автора, был “один из тех неполноценных

талантов, которые способны желать, вынашивать замыслы, но лишены

силы воли

и не могут осуществлять их”; второй персонаж, Вотрен, “олицетворяющий

мужское начало, дополняет Люсьена. Вдвоем они, Люсьен и Эррера, образуют

политическую силу”. В письме, которое несчастный юноша пишет мнимому

аббату перед тем, как повеситься в тюремной камере, он с полной ясностью

сознания описывает их союз: “Есть потомство Каина и потомство Авеля… В

великой драме человечества Каина - это противоборство”. Сыновья Каина, злые и жестокие, господствуют над сыновьями Авеля: “Одаренные безмерной

властью над нежными душами, они притягивают их к себе и губят их. В своем

роде это величественно, это прекрасно!.. Поэзия зла… Ты дал мне пожить

этой жизнью гигантов, и с меня довольно моего существования. Теперь я могу

высвободить голову из гордиевого узла твоих хитросплетений, чтобы вложить

ее в петлю моего галстука…” Бальзак - потомок и Каина и Авеля. Если у

него и заметны некоторые слабости Люсьена, он обладает также гением Сешара

и силой Вотрена. Чтобы стать великим писателем, необходим не только талант

(у Люсьена он был), но нужна и сила воли. Закон труда всегда довольно

суров. Бальзак принял его, а Люсьен отверг. Поэтому и судьбы их разные.

План этого огромного произведения могучий мозг Бальзака вынашивал с 1843 года. Здоровье все не позволяло ему завершить эту вещь. Каким же недугом он страдал? По возвращении из России он заболел желтухой, потом начались ужасные головные боли. Наккар утверждал, что это не опасно. Но на Бальзака напали и другие болезни: желудочные колики, папулезная сыпь. Что касается его отношений с родными, то там его ждало “отвращение за отвращением”. Госпожа де Берни предсказывала ему, что Лора в конце концов будет похожа на мать. Бальзак в ужасе убеждался, что Dilecta оказалась, как всегда, права. Брат и сестра виделись теперь реже. Бальзак, впрочем, не огорчался этим охлаждением: оно должно было облегчить положение, когда графиня Эвелина Ганская станет его женой. Он признавался, что просто содрогается, думая о том впечатлении, которое произведут его близкие на владелицу замка в Верховне. Чувство не очень благородное, но Бальзак его испытывал, и семейные связи ослабевали.

Зато у него теперь на руках Анриетта Борель, первая сообщница его романа с Ганской. Вспомним, что Бальзак хлопотал за нее в канцелярии архиепископа Парижского. В июне 1844 года она приехала во Францию. Бальзак поселил приезжую на улице Басе и отдал ей свою собственную комнату -

неслыханная честь! Очень скоро он обнаружил, что эта женщина глупа. По рекомендации одного священника, аббата Эгле, состоявшего в управлении епархии, настоятельница общины визитандинок готова была освободить Лиретту от обычного вклада. “Но эта дура из смирения гордо отказалась”. А ведь не мешало бы приберечь кое-какие средства на тот случай, если ее призвание к монашеской жизни не подтвердится.

Наконец Бальзак, посоветовавшись с Джеймсом Ротшильдом, поместил в одно из предприятий деньги мадемуазель Борель и сообщил, что она сможет внести вклад в общину (восемь тысяч франков) из прибылей на свой капитал. Ее приняли как послушницу в орден, где не было строгого монастырского устава, и Бальзак часто навещал свою подопечную. Сама Лиретта его мало интересовала, но ведь она была хранительницей священных воспоминаний, от которых веяло очарованием его возлюбленной. Ах, когда же вернутся радости любви? Чужестранка выиграла процесс и была обижена равнодушием своего будущего мужа к такой великой победе. Он гордо ответил, что богатством желает быть обязанным только собственному своему труду. Благосклонное решение императора, очевидно, было любезностью с его стороны, говорил Бальзак.

”Помимо правосудия, это монаршья милость. Госпожа де Севинье вела тяжбу, и решение суда было представлено на утверждение Большого совета. Людовик XIV, которому его министры принесли на подпись ордонанс, начертал на нем: “Поскольку речь идет о госпоже де Севинье, постановление должно быть вынесено в ее пользу. Не хочу ничего рассматривать. С закрытыми глазами утверждаю решение”. Вероятно, прекрасная дама, столь родственная по уму вам, польской госпоже де Севинье, написала своей дочери, что Людовик XIV - величайший и самый деликатный из всех монархов мира. Так я думаю”.

Мнение это не понравилось. Польская госпожа де Севинье приписывала победу своим дипломатическим талантам, а не милостям двора. Затем Бальзак надавал ей всяких мудрых советов. Прежде всего надо просить Киевскую судебную палату о немедленном вводе в наследство. “Ну и влюбленные, эти два волчка!.. Пишут друг другу письма, нашпигованные цифрами и деловыми соображениями!.. Но, милый мой волчишка, ведь эти цифры - основа

нашего счастья!” Ганская возвратилась из Санкт-Петербурга в Верховню. Бальзак советовал ей самой управлять имением, стать француженкой, то есть не позволять себе никакой расточительности. Она должна сразу же проявить строгость.

”Людовик XVI, который не решился обстрелять чернь картечью в начале Генеральных штатов, сам же и является виновником всей резни, происходившей в годы Революции. Так вот, востребуйте не выплаченные вам суммы по праву вашего пользования доходами с имения. Пусть недоимку обратят в денежный капитал и точно установят его размер, хотя бы вам пришлось и не сразу получить этот долг, так же как и возмещение ваших расходов по ведению процесса и поездке в Санкт-Петербург. Встряхните вашего апатичного дядюшку. Чтобы подстегнуть его, сделайте все, что женщина и такая любящая мать, как вы, может сделать, не роняя своего достоинства. Он стар и, несомненно, перед смертью обратится к религии, вы не знаете, как-действует на этих неверующих запах могилы: они выкашливают тогда свои пороки и считают себя очищенными от грехов. Старик снова увидит своих мужиков и поймет, как он был виноват перед вами и своей внучатой племянницей. А

поймет, как он был виноват перед вами и своей внучатой племянницей. А

главное - обратите свои доходы в капитал и последуйте примеру той дамы, которая пристроила свои деньги в совершенно надежное предприятие. Будьте

скупой! Вот так страницу я написал вам!”

Но лишь только Ганская выиграла процесс, она поспешила бежать из

России. Паспорт для выезда во Францию получить было невозможно, она сразу

же уехала в Дрезден - город, где полно было польских беженцев, Наскучавшись по ней, Бальзак попросил, чтобы она сняла для него комнату в

Дрездене. Но прежде чем отправиться в Германию, ему нужно было во что бы

то ни стало закончить “Крестьян”. Газета “Ла Пресс” уже начала печатать

роман, а конец еще не был написан. После первых же помещенных отрывков

Бальзак сообщил Ганской о поразительном, превзошедшем все надежды успехе

его произведения. Но Теофиль Готье, преданный друг, наоборот, утверждает, что в редакцию газеты ежедневно поступали письма с требованиями прекратить

печатанье этого скучного романа. Роман был малопригоден для того, чтобы

ежедневно кромсать его на куски, и Бальзак работал над ним без увлечения.

Его мучила невралгия. “Я писал “Бирото”, поставив ноги в горчичную ванну, а “Крестьян” пишу, успокаивая головные боли опиумом”.

ванну, а “Крестьян” пишу, успокаивая головные боли опиумом”.

Шестого декабря 1844 года “Ла Пресс” объявила, что вскоре она начнет печатать роман Александра Дюма “Королева Марго” - Жирарден хотел занимательной интригой привлечь подписчиков в новом году. Когда срок возобновления подписки истек, газета потребовала от Бальзака продолжения “Крестьян” (за роман было заплачено заранее), но “пружина уже сломалась”. Первые отзывы в печати оказались откровенно “разносными”. “Вот еще одна книга, - говорил критик, - начатая для того, чтобы автор прервал ее, а закончил неизвестно когда и неизвестно как… В ней Фигаро клевещет на бедняков, вместо того чтобы злословить о богачах… Он упорно старается очернить всю сельскую жизнь… На крестьян он смотрит как на варваров, подкрадывающихся к вратам общества…” Сам Бальзак говорил, что ему опротивела эта книга. “Никогда не прощу себе, что сунулся писать “Крестьян”. Он знал, что Жирарден, как Шейлок, готов вырвать у него за долг фунт живого мяса, но всякий раз, как Бальзак садился за этот проклятый роман, лицо у него передергивалось гримасами, словно у обезьяны.

Ему так хотелось помчаться в Дрезден, вновь изведать счастье любви. Но Ева решительно воспротивилась его приезду. И тогда им овладело настоящее безумие. Почему она обрекает его на адские муки? Почему доводит его до

беспросветной тоски и желания покончить с собой? Почему ее так пугает мысль увидеться с ним в Дрездене? Боится, что окружающие враждебны к нему?

А разве не так же было и в Санкт-Петербурге? Какие еще “русские княгини отравили” сердце его Эвелины? И если Лиддида (слово, означающее на древнееврейском языке “возлюбленная”) не хочет, чтобы он приехал в Дрезден, то разве она не может встретиться с ним где-нибудь в другом месте?

Работал он мало и плохо и ежедневно долгие часы тратил на то, чтобы подыскать в Париже дом для “двух волчков”. (Со времени поездки в Россию он именовался “волчком”, она - “волчишкой”, а их состояние - “сокровищем волков”.) Он отбросил намерение украсить Жарди. Чтобы оказаться достойным владелицы замка в Верховне и ларя Марии Медичи, жилищу будущих супругов полагалось быть очень красивым, радовать взор садом, разбитым за домом, и возвышаться на земельном участке, стоимость которого в дальнейшем непременно возрастет. “Отчего такая страсть к спекуляции?” - спрашивала Ганская. Да ведь нужно большое состояние, чтобы Чужестранка могла и в Париже вести привычный для нее образ жизни. “Я тебе прощаю, волчишка, ведь

ты не ведаешь, что говоришь”. А какую обстановку он создаст для своей жены! Ведь один уж ларь Марии Медичи представляет собою целое состояние. Стоимость этого ларя с золотыми и перламутровыми инкрустациями может покрыть все его долги, но он согласился бы продать его только такому коллекционеру, как Ротшильд, или же знатоку-англичанину вроде сэра Роберта Пиля, и то за три тысячи фунтов стерлингов.

И вот он осматривает один дом за другим - в Пасси, в самом Париже, на улице Нев-де-Матюрен, в парке Монсо, на Вдовьей аллее, на Елисейских Полях (в квартале, у которого большое будущее, ибо, как предсказывает он, земельные участки там будут когда-нибудь цениться по сто тысяч франков за квадратную сажень). Общая стоимость будущего дома новобрачных, считая ремонт и переделки, составит около двухсот тысяч франков, и Бальзак производит оптимистические подсчеты: продажа Жарди, да “Крестьяне”, да “Человеческая комедия”, да вклад в двадцать тысяч франков со стороны волчишки… Можно уложиться. Но почему же она не привезла больше денег с Украины, где в один прекрасный день у нее конфискуют все ее владения? Почему она так недоверчиво относится к финансовым планам своего волчка?

Ведь в делах она как маленькая девочка, а он старый стреляный воробей.

Впрочем, почему бы ей не приехать в Париж и самой не посмотреть? Ничего нет легче. Анну и госпожу Ганскую он впишет в свой паспорт, одну - как сестру, а другую - как племянницу. Он снимет для них в Шайо или в Пасси маленькую квартирку с обстановкой. Обе путешественницы будут инкогнито ездить в город. К услугам Анны - выставка, дюжина театров, концерты в Консерватории и так далее. Двухмесячное пребывание в Париже обойдется не больше, чем по три с половиной тысячи франков в месяц, считая расходы на кухарку, горничную и мальчишку-грума. За всем надзирать будет госпожа де Бреньоль. Но когда же Лиддида решится наконец? Ведь в разлуке он тоскует, терзается и совсем отупел: “Я не могу извлечь из своего мозга ни строчки.

У меня нет больше ни мужества, ни сил, ни воли…” Чтобы не сойти с ума, он стал играть в ландскнехт и ходить на вечера! Несомненно, есть доля правды в этом рассказе об оцепенении и любовной тоске, которые его сковывают. Но он несколько преувеличивал свои бедствия. Он хотел разжалобить жестокую красавицу. Вряд ли Бальзак чувствовал себя отупевшим в тот день, когда, завершая “Беатрису”, где ему нужно было нарисовать страдания молодой женщины, которой изменяет муж, он отправился к Дельфине

де Жирарден и долго расспрашивал хозяйку дома о горестном начале ее

супружеской жизни. По неизменному своему инстинкту пчела повсюду собирает

мед: недавняя связь Жирардена с госпожой д’Агу дала Бальзаку

животрепещущий материал для развития образа Беатрисы.

Из Дрездена ничего не отвечали; отчасти молчание объяснялось семейными

делами. Анна, польская патриотка, решившая выйти замуж только за поляка, “отличила” графа Георга Мнишека, кроткого мистика с шелковистой русой

бородой, собиравшего коллекцию жесткокрылых насекомых, знатока искусств и

человека столь же богатого, как и сама невеста. Может быть, госпожа

Ганская опасалась, как бы молодой граф, пока он не связал себя с Анной

бесповоротным обещанием, не изменил своего решения, узнав, что его будущая

теща собирается выйти замуж за француза. Может быть, ее рассердили выпады

Бальзака, когда он позволил себе рьяно порицать предполагавшуюся помолвку?

“Дочь твоя богата, и к тому же она полька, - писал Оноре, - а поэтому

находится в исключительном и опасном положении”. Чего хочет император

России? Единства своей империи, а следовательно, уничтожения польского

национализма и влияния римско-католической церкви. На его месте Бальзак, поклонник макиавеллиевской политики, действовал бы точно так

же.

Следовательно, всех непокорных и богатых поляков возьмут на прицел. Эта участь ждет и молодых супругов Мнишек. Все мог бы спасти “смешанный” брак (с каким-нибудь немецким или австрийским аристократом). Анна находит, что ее жених хорош собой? “Она не знает, что в браке может проявиться физическое отвращение”, - говорит с уверенностью специалиста автор “Физиологии брака”.

Что касается его самого, то бесконечное ожидание и тягостная неуверенность губительны для него. “Право, состояние мое можно описать двумя словами: я чахну”. И хоть бы знать, что Эвелина остается верна их чудесному плану. Она пишет редко, коротенькие письма - едва черкнет несколько ласковых слов. Чтобы поговорить о ней, ему приходится вызывать Лиретту к решетке монастырской приемной. Если он осмелится в чем-нибудь упрекнуть Эвелину, та обижается. Однажды он назвал ее “казаком” (это не было такой уж нелепостью); она возмутилась, пригрозила, что тоже уйдет в монастырь, потом смилостивилась: “Я тебя прощаю”, и, по его словам, он поцеловал на листочке письма эти три слова, доказывающие ее милостивое великодушие.

Наконец 18 апреля 1845 года запрещение было снято. “Я хотела бы увидеть тебя”, - написала она, и Бальзак помчался в Дрезден. “Я приезжаю с флаконами духов, с целым облаком благоухания”. Она сняла для него комнату, не очень дорогую, в гостинице “Город Рим”, сама же с дочерью поселилась в “Саксонской гостинице”. Он истосковался по своей Еве: “Дрезден - это голод и жажда, это скудное счастье; это нищий, который накинулся на богатое пиршество богача”. В Дрездене он узнал, что в Париже официально сообщено о награждении его орденом Почетного легиона, но он, кажется, не обратил на это большого внимания. Кавалер ордена… Невысокая и запоздалая награда. Но разве он мог обидеть Вильмена отказом принять ее? Карикатуристы, у которых Бальзак был излюбленной мишенью, изображали, как он привязывает орден к набалдашнику своей исполинской трости.

Бальзак нашел, что у жениха Анны много хороших качеств, но он резковат. “Он не отличается ни учтивостью, достойной его имени и его звания, ни Приветливостью большого барина”. Следует, конечно, пожалеть об этом, но есть ли на земле совершенство, кроме Евы и Анны? “В Георге Мнишеке не чувствуется влияния женщины, одной из тех пожилых женщин, которые

учат

своих любимцев правилам света, законам жизни и формируют юношей". Но

теперь уж, когда Георг стал женихом, поздно искать для него некое подобие

госпожи де Берни.

Тотчас же "волчок" и "волчишка" решили убежать от дрезденских сплетен, отправились в Гамбург и Канштадт, на воды, прописанные Эвелине.

Последующие четыре месяца были временем безумной, рассеянной жизни - по

сравнению с обычным трудовым, одиноким существованием Бальзака. Жених и

невеста, Анна и Георг, приняли с искренней приязнью занимательного

спутника. Вдохновившись модной в ту пору клоунадой Дюмерсана и Варена

"Уличные акробаты", эта странствующая труппа дала Бальзаку прозвище

Бильбоке, Еве Ганской - Атала, Георгу Мнишеку - Гренгале и Анне -

Зефирина. В компании четырех "акробатов" благодаря Бальзаку постоянно

царило веселье. С тех пор как он снова обрел источник любовных восторгов в

женщине, "созданной для любви", к нему вернулись вся его жизнерадостность

и остроумие. Позднее он отмечал в письмах к Ганской оттенки любовных

воспоминаний, которые оставили в нем пребывание и объятия в каждом городе: "Канштадт - это тонкие лакомства, пригодные лишь для десерта,

слишком

тонкие для ненасытного обжоры. Карлсруэ - это милостыня, брошенная

бедняку. Но Страсбург - это уже любовь, искусство любви, сокровища

Людовика XIV, это уверенность во взаимном счастье…”

В Страсбурге он купил три места в дилижансе, отправлявшемся в Париж 7

июля. Георг должен был присоединиться к ним позднее, в Бельгии. Госпоже де

Бреньоль были даны точные указания, сопровождавшиеся похвалами по ее

адресу: “Я только что получил ваше письмо, такое же ласковое и доброе, как

ваша душа. Вы, как всегда, верны себе…” Неосторожная похвала, которая

могла пробудить опаснейшие надежды. Госпоже де Бреньоль было поручено

снять в районе церкви Мадлен (не больше, чем за триста франков в месяц) квартиру с мебелью, “но на ваше имя, - добавлял Бальзак, - так как у дам

не будет паспортов… Госпожа Ганская хочет теперь, чтобы там и для меня

была комната, в которой я мог бы временно поселиться… Надо все это

хранить в глубокой тайне… В будущем я во всех отношениях уверен… Анна

очень меня любит, и я не сомневаюсь, что в доме будет чудесное и самое

сердечное согласие…” Итак, служанка-госпожа с явной снисходительностью

принимала мысль о женитьбе Бальзака на богатой женщине и даже мысль о его

добрачной связи с ней. Ей поручалось постелить на пол в спальне приезжающих дам голубой ковер и подписаться на месяц на “Антракт” (на имя мадемуазель де Полини, улица де ла Тур, 18), чтобы Анна, большая театралка, была хорошо осведомлена о спектаклях.

Симфония любви и городов продолжалась.

”А Пасси, а Фонтенбло! Это гений Бетховена, возвышенные творения. Орлеан, Бурж, Тур и Блуа - это концерты, любимые симфонии, каждая со своим характером, то более, то менее веселым, но в каждую страдания влюбленного “волчка” вносят строгие ноты. Париж, Роттердам, Гавр, Антверпен - это осенние цветы. Однако Брюссель достоин Канштадта и нас с вами. Это триумф двух слившихся воедино сердец, исполненных нежности…”

Все эти музыкальные ласки стали вехами четырехмесячного путешествия, когда Бальзак был совершенно счастлив, если не считать нескольких столкновений в Голландии, - госпожа Ганская весьма горячо упрекала Бальзака за его разорительные покупки в антикварных лавках. Особенно ее возмутил шкаф черного дерева, Купленный в Роттердаме за триста семьдесят

пять флоринов. ¨Но ссоры двух волчков происходили только из-за шкафов”. По поводу Луизы де Бреньоль ссор не было, тут Чужестранка просто отдала приказ в самой своей казацкой манере. Будучи в Париже, она сочла весьма подозрительной фамильярность экономки с хозяином. Женщины друг другу не понравились, и госпожа Ганская потребовала увольнения “домоправительницы”. Бальзак обещал произвести по возвращении эту затруднительную для него экзекуцию. Чтобы успокоить Эвелину, он уже называл экономку “эта особа”, “эта дрянь”, “мегера” и “чертова тварь”. В сентябре Бальзак сообщил госпоже де Бреньоль, что ей следует самое большее через полгода подыскать себе другое место, и она заплакала.

Вдали от своих дорогих “акробатов” Бальзак впал в уныние, хотя разлука, так удручавшая его, предполагалась недолгой; уладив кое-какие дела, он должен был присоединиться к Ганской.

”Никогда еще мне не было так хорошо, я жил душа в душу с моей Эвелеттой; и вот оборвались все милые привычки, все нечаянные радости жизни, возникшие для меня. Я страдаю оттого, что прервано возрождение моей молодости, дивная супружеская близость, превосходившая все мои желания”.

Без всяких доказательств утверждали, что Эвелина Ганская совсем не любила его. У нас нет ее писем, но мы знаем по ответам Бальзака, что нередко они были очень нежными: “Три твоих последних письма - сокровище для сердца. Ты отвечаешь всем моим честолюбивым стремлениям, всем грезам любви, рожденным воображением. Как я счастлив, что внушил такую любовь…

В разлуке твои три письма приводят мне на память ту Еву, какой ты была в Бадене, тот чудесный порыв сердца…” А это восклицание: “Ах, волчишка, любовь, бурная и долгая любовь, неразрывно связала нас”.

Все “акробаты” держались одинакового мнения о Бальзаке, все относились к нему с дружеской симпатией. По возвращении в Париж он получил рисунок медали (произведение Георга Мнишека) с надписью: “Бильбоке - от признательных акробатов” и очаровательное письмо от Атала - Ганской. Итак, в любви у счастливого Бильбоке все шло прекрасно. Житейские дела оказались не так хороши. В Пасси разгневанная госпожа де Бреньоль потребовала в качестве возмещения за свое увольнение 7500 франков и патент на табачную лавочку. Вмешался доктор Наккар, приятель главного директора табачной монополии, но, когда Наккар уже почти добился успеха, норовистая

домоправительница не захотела держать табачную лавочку. (“Это как-то низко”, - заявила она.) Она пожелала продавать гербовые марки. Госпожа Бальзак и Лора жалели и поддерживали ее, и она сделала последнее усилие, чтобы остаться в доме. “Но я сказал ей: “Если вы произнесете то имя, которое я чту наравне с именем Господа Бога, вы тотчас покинете дом. Я дам вам денег, чтобы вы поселились в другом месте, а есть я буду в трактире”. Она умолкла и с тех пор ничего не говорит”, - сообщал Бальзак Еве Ганской. Быть может, ему она и не говорила ничего, но его родным жаловалась. Матушка писала Лоре: “Госпожа де Бреньоль мне сказала, что с Оноре столковаться невозможно. Я ответила ей: “Да ведь он всегда такой, когда много работает; голова у него забита всякими мыслями, не стоит на него обижаться”.

Стряпчий Гаво тоже впал в немилость: “ужасно вялый человек” и никуда больше не годится. Ликвидировать долги поручено было теперь Огюсту Фессару, и этот делец совершил чудо - добился, чтобы кредиторы согласились на уплату лишь пятидесяти процентов, все, кроме портного Бюиссона, крепко верившего в будущность своего гениального заказчика: он попросту переписал вексель. Весьма трудной задачей было найти дом “для волчка и волчишки”. Казалось просто невозможным подыскать в Париже резиденцию, достойную Евы

достойную Евы.

Однако Атала и Бильбоке могли бы найти средства на покупку красивого дома.

Бальзак еще раз делает свои гибкие арифметические подсчеты. У Ротшильда

хранится "сокровище волчишки". Доход от "Человеческой комедии" колеблется, в выкладках Бальзака, от ста тысяч франков до нуля в зависимости от

продажи книг и настроения счетчика. Написать еще предстоит очень много.

Хландовский, польский издатель, мечет громы и молнии, требуя поскорее

представить ему "Мелкие невзгоды супружеской жизни", но эта работа надоела

Бальзаку, совсем ему не по душе. Его вполне можно понять - этот сборник

очерков куда ниже "Физиологии брака", написанной им в юности.

К черту работу! Вот уже полгода, как "Человеческая комедия" выброшена

за борт. Почему в конце концов создатель такого множества картин адских

мучений не имеет права на свою долю райского блаженства? "Я думаю только о

тебе; мой ум уже не повинуется мне". Страстная любовь стимулирует гений

художника, чрезмерное желание приводит к оцепенению. В октябре 1845 года

Бальзак мчится на почтовых в Баден-Баден и после краткой встречи, измученный, возвращается в Пасси. Ганская пожелала провести зиму в Италии

с Анной и Георгом. Решено было, что Бальзак присоединится к ним в Шалоне-сюр-Сон, а оттуда они все вместе поедут на пароходе в Марсель. Из Марселя “бродячие акробаты” отправятся в Неаполь на французском корабле “Леонид”. Эта поездка была кульминационной точкой в любви Бальзака. “Но Лион, ах, этот Лион! Там я увидел, как мою любовь превзошли прелесть, очарование, нежность, совершенство ласк и сладость твоей любви, обратившей для меня слово “Лион” в некое волшебное заклинание, которое в жизни человеческой становится священным, ибо стоит произнести его - и перед тобой отверзается небо…”

В эти полгода он впервые за свою литературную жизнь ничего не написал, кроме конца “Беатрисы”, нескольких страниц “Крестьян” и наброска последней части романа “Блеск и нищета куртизанок”. “Я все живо сварганю. Зачем мне деньги? Мне нужно счастье, и поэтому я вернусь к тебе”. Бедняга! Великий писатель позабыл, что счастье - роковой дар для художника, что великие люди принадлежат только своим творениям.

XXXIV. ПЕРЕТТА И КУВШИН С МОЛОКОМ

Мы, женщины, должны восхищаться

талантливыми людьми, смотреть на них, как на увлекательное зрелище, но жить

с ними? Никогда!

Бальзак

В 1845 году Бальзак несколько раз уезжал из Пасси: в первый раз - с мая до сентября; второй раз, в конце сентября, - “прыжок в Баден-Баден” и третий раз - с октября по ноябрь, когда он совершил незабываемое путешествие из Шалона в Неаполь. Чудесный год любви, праздности и посещений антикварных лавок! Как Бальзаку хотелось остаться в Италии вместе с “бродячими акробатами”, не иметь никаких обязательств, только ласкать свою Еву да бегать по антикварам, но нужно было возвращаться в Париж, бороться с финансовыми опасностями, следить за стараниями Фессара, успокоить издателя Хландовского, продолжать “Человеческую комедию”, восстановить свое положение в прессе и подыскать наконец дом.

Двенадцатого ноября он прибыл в Марсельский порт после “недельного плавания по ужасному морю”. На борту все были больны, кроме него и матросов, - классическая формула. Возвратился он еще более влюбленным, чем прежде; спутником его оказался марсельский поэт Жозеф Мэри, знавший Ганскую, и Бальзак с восторгом говорит с ним о своей любимой, чье невозмутимо прекрасное чело запечатлело сияние божества, ангела и таит в

себе нечто демоническое.

”Душенька моя, целую твои красивые веки, приникаю устами к твоей белой шейке, к той впадинке, которую я называю “гнездышком для поцелуев”; беру в руки твои бархатные лапки и чувствую их запах, такой чудесный, что от него с ума можно сойти, в, наслаждаясь в мыслях этими сокровищами (а их у тебя тысячи, и притом таких, что одного хватило бы для самомнения какой-нибудь дурочки), говоря: “О волчишка, о моя Эвелетта, всего дороже мне твоя душа, и я люблю тебя всей душой…”

Разумеется, он повел Жозефа Мэри к торговцу всякими диковинками и купил там для владычицы своих мыслей великолепный коралловый убор тонкой индийской работы “Это багряный цвет победы, пурпур счастливой любви!.. У меня слезы на глазах, когда я пишу тебе. Все существо мое переполнено благодарностью, как у юноши, которого сжигает любовь…”. Последнее пламя любви так же сладостно, как первые лучи славы.

Возвращение из поездок всегда для него катастрофично. В Париже он снова

сталкивается с житейскими трудностями. На некоторое время денег у него достаточно. Ганская доверила ему значительную сумму (около 160000 франков золотом) на покупку и меблировку дома. Это “волчишкино сокровище” будет священным. Но “неисправимый спекулятор”, считая себя вправе увеличить его, решает купить на эти деньги акции Северных железных дорог, которые непременно должны подняться. Барон де Нусинген мог бы его осведомить, что биржа уже сыграла на повышении этих бумаг, но в политику банкиров Нусингенов не входит забота об интересах держателей акций. И все же в конце 1845 года можно видеть определенное улучшение в материальных делах Бальзака. Под влиянием госпожи Ганской и Фессэрз он приступил к методическому погашению своих долгов: было выплачено 40000 франков; славный старик Даблен соглашается переписать свой вексель с 8000 франков на 5000. Бальзак заявлял, что этот добрый друг готов был даже дать ему взаймы 200000 франков, чтобы предоставить возможность полностью рассчитаться с кредиторами, но госпожа Бальзак и Лора Сюрвиль отговорили его; это кажется маловероятным.

Матушка утверждала, что Оноре должен ей (считая и наросшие проценты) 57000 франков. “Фантастические счеты!” - ответил сын. “Черная неблагодарность с твоей стороны!” - возразила мать. Вмешался кузен

Седийо

и добился полюбовной и справедливой сделки. Госпожа Делануа никогда не

преследовала его. Супруги Гидобони Висконти не только не потребовали

уплаты взятых Бальзаком 10000 франков, но в 1846 году дали ему еще 12000, что не мешало ему в письмах к Ганской сжигать то, чему он поклонялся, и

называть Сару Висконти “старухой англичанкой”. Правда, ему пришлось дать

ей в качестве залога под ссуду акции Северных железных дорог

(принадлежавшие, впрочем, Ганской) и главное - всячески успокаивать

ревнивую польку. Случай двойной бухгалтерии.

С помощью Ганской и Фессара денежный вопрос мог бы стать менее острым, чем прежде, будь Бальзак благоразумнее. Но он как будто нарочно навлекал

на себя беду. Стоило ему услышать о какой-нибудь спекуляции, хотя бы самой

рискованной, ему не терпелось пуститься в нее. Некий судовладелец решил

дать своему новому пароходу имя “Бальзак”, и тотчас Оноре подписался на

два пая в его транспортном предприятии, то есть на 10000 франков. Это

принесет сорок процентов прибыли, уверял он. А на деле о внесенной сумме

больше и речи не было. Целыми днями он приторговывает дома и земельные

участки, а так как предполагаемое обиталище нужно обставить с восточной

роскошью, он покупает старинный сервиз китайского фарфора: "Я заплатил за

него триста франков, а Дюма за такой же сервиз отдал четыре тысячи, да и

шесть тысяч было бы не жалко отдать". Он нарочно едет в Руан посмотреть на

резные панели черного дерева, "которые просто даром отдают". Он

приобретает "по случаю" стулья для маленькой гостиной во втором этаже, которую заранее называет "зеленой гостиной" (хотя ее еще не существует), покупает красивое бюро для "своей дорогой" и два очаровательных шкафа

наборной работы с цветочным узором.

"Я бродил три часа и купил: primo, желтую чашку (заплатил пять франков, а она наверняка стоит все сто, такая прелесть). Secondo, купил чашку, преподнесенную кем-то Тальма, - голубой севрский фарфор, стиль ампир: богатейшая чашка, по фарфору от руки нарисован букет цветов, что, вероятно, стоило двадцать пять луидоров (луидоры - по двадцать франков).

Tertio, купил шесть стульев роскошнейшей отделки, великолепной наборной

работы - из дерева выложены цветы и букеты: это для зеленой гостиной.

Четыре стула оставляю, а из двух закажу сделать козетку. Дельные покупки!"

Да и стоит ли говорить о расходах? Кто может продержать у себя один год

акции Северных железных дорог, а "это как раз наш случай, получит по

триста франков прибыли на каждую акцию. На сто пятьдесят акций это

составит сорок пять тысяч франков прибыли…” Одних уж этих денег хватит и на оплату дома, и на обстановку.

Остается все же несколько черных пятен. Во-первых, “эта особа”, то есть госпожа де Бреньоль. Она сама не знает, что ей надо: подавай ей теперь мужа, она желает выйти замуж за Эльшота, довольно известного скульптора! Торговать гербовыми марками она уже не хочет, дайте ей приданое. Будущую госпожу Эльшот Бальзак окрестил Совой (воспоминание об ужасной мегере из “Парижских тайн”). Но Сова еще раз переменила мнение. Не надо ей “этого проклятого скульптора”, заявила она, такой урод - просто чудовище, и к тому же любит девочек моложе тринадцати лет! Сова возвращается к намерению торговать гербовыми марками, а получить патент на такую торговлю было очень трудно. Бальзак обращается за поддержкой к Джеймсу Ротшильду.

”Ротшильд кривлялся по обыкновению. Спросил, хорошенькая ли она и обладал ли я ею. “Сто двадцать один раз, - ответил я, - и, если хотите, уступлю ее вам”. “А дети у нее есть?” - вдруг задал он вопрос. “Нет, но вы можете подарить ей ребеночка”. - “Очень жаль, но я, знаете ли, покровительствую только тем женщинам, у которых есть дети”. Нарочно сболтнул, чтобы увильнуть. Будь у нее дети, он сказал бы, что не может

поощрять безнравственность. “Ах так! - ответил я. - Вы воображаете, барон, что можете поспорить в хитрости со мной! Я же акционер компании Северных

железных дорог! Я сейчас представлю вам счет, и вам придется заняться моим

делом так же, как железнодорожной веткой с прибылью в четыреста тысяч

франков”. “Вот как! - процедил он. - Если вы сумеете нажать на меня, я еще

больше буду восхищаться вами”. “Я и нажму на вас, - ответил я, - напущу на

вас вашу супругу, а уж она возьмет вас под надзор”. Он рассмеялся и, раскинувшись в кресле, сказал: “Я изнемогаю от усталости! Дела просто

убивают меня. Предъявляйте ваш счет…”

Итак, претензии Совы не были удовлетворены, и разъяренная

домоправительница грозилась отомстить.

Вторая неприятность - семейные дела. Лора убедила Сюрвиля поехать в

Испанию разобраться на месте, выгодное ли дело ему предлагают, а в его

отсутствие снесло разливом мост через реку Ду, который Сюрвиль строил!

Лора, эта “выдающаяся женщина”, из честолюбия совершала ошибку за ошибкой.

Первого января 1846 года - вторая драма, на этот раз микроскопическая. По

установившемуся обычаю в первый день Нового года госпожа Бальзак, Лора и

две ее дочери, Валентина и Софи, всегда приезжали в гости к Оноре. На

этот раз его навестили только племянницы.

”Я догадался, что это фокусы моей матушки, и, одевшись, поехал к ней, как полагается. Принят я был весьма нелюбезно… Ей хотелось сделать меня во всем виноватым. Вчера она сто раз говорила Лоре: “Вот увидишь, твой брат не приедет меня поздравить”. И она встретила меня чуть ли не с ненавистью из-за того, что ее предвидения не оправдались… Что касается меня, то я твердо решил заезжать к матери только на Новый год, на ее именины, в День рождения и дольше десяти минут у нее не оставаться. А тебе достаточно лишь обмениваться с моей матерью и сестрой визитными карточками…”

В-третьих - Лиретта Борель. Она требует свой вклад в общину и желает, чтобы Бальзак присутствовал при ее пострижении в монахини. А ведь это очень долгая церемония, времени на нее уйдет не меньше, чем на четыре страницы рукописи. “Эти мошенницы монашки воображают, будто весь мир вращается вокруг них”. Но он смирился. Надо ведь, чтобы “его дорогая жена” и Анна были представлены на “похоронах Анриетты Борель”. Впрочем, он не пожалел, что пришел.

пожалел, что пришел.

”Поскольку я никогда не видел обряда пострижения, - писал он Ганской, - я смотрел во все глаза, все изучал, все наблюдал с таким вниманием, что меня, вероятно, принимали за человека весьма благочестивого… Церемония, кстати сказать, внушительная и крайне драматическая… Я и сам взволновался, когда три постригающиеся бросились наземь, а их закрыли погребальным покровом, прочли над этими тремя существами, отрекающимися от мира, заупокойные молитвы, а вслед за тем они появились в подвенечном наряде, в венках из белых роз и принесли обет быть невестами Христовыми…”

После “пострижения” Бальзаку разрешили поговорить с Лиреттой; она была очень весела. “Ну вот, теперь вы невеста!” - сказал он ей смеясь.

В-четвертых, работа. Раньше она была счастьем, теперь воображение сдало. “Мне крайне трудно писать, - жалуется Бальзак в письме к Ганской, - мысль не свободна, она больше не принадлежит мне… Вчера весь день на душе была такая ужасная тоска… А ведь надо кончить шесть листов, чтобы дополнить один из томов “Человеческой комедии”…” Глаза все время

моргают, зрение так ослабело, что, работая ночью, Бальзак свой подсвечник на три свечи заменял пятисвечным канделябром. “Так я за две ночи сжигаю свечей на полтора франка. Понятно, сударыня? Да дров выходит на два франка и на пятьдесят сантимов кофе - в общем, расходов на четыре франка за ночь. Вот как подорожали сказки “Тысячи и одной ночи”!..”

С “Крестьянами” дело застопорилось. Бальзак попробовал взяться за “Последнее воплощение Вотрена” - четвертую часть “Блеска и нищеты куртизанок”. Раз двадцать он начинал первую страницу, но она все не удовлетворяла его. Кстати сказать, книга разбухла - в ней уже не три, а четыре части, третья часть вначале называлась “Судебное следствие”, чтобы ее написать, автору приходится заглянуть в тюрьму Консьержери. Читатели будут восхищаться красотами, которыми изобилует конец романа, но они созданы были позднее. В 1846 году дело продвигалось трудно. Газетные хроникеры заявляли даже, что Бальзак позабыт. “Что сталось с господами Сулье и де Бальзаком?” - спрашивал 15 сентября 1846 года некий репортер в журнале “Юнивер” в статье “Новости литературного мира”. Талант вернется ко мне, писал Бальзак в Неаполь даме своего сердца, но вернется в тот день,

когда женитьба избавит меня от неуверенности. "Это не любовь, это наваждение". Во всяком случае, можно сказать, что мысль о союзе с Ганской всецело завладела им и лишала его воображение творческой свободы.

Да если б эта женитьба была твердо решена! Но переписка между влюбленными полна ссор и упреков. Сестра Ганской, Алина Монюшко, написала Еве, что Бальзак - "расточитель, сумасброд, любитель свежего мясца".

Ганская жеманно пишет Бальзаку, что ей страшно оказаться слишком старой для него. Она спрашивает: "Тебе нужны молодые девушки?" Он отвечает: "Право, это уж чересчур! Ведь я боюсь только одного - что я уже недостаточно молод для тебя! Я хотел бы, чтобы мне было двадцать пять лет. Будь старой сколько хочешь, только люби меня…" Сова тоже изощряется в колкостях.

"Домоправительница моя сказала: "Ах, вы любите, вы любите… Вы любите только самого себя (на прощание она старается выставить меня эгоистом), и, если бы вам предложили в невесты двадцатилетнюю девушку, у которой есть и титул и сто тысяч франков годового дохода, вы бы с удовольствием женились на ней…" "Прежде всего, - ответил я, - такой девушки нет". Весьма об этом сожалею, так как дальнейшие мои слова останутся недосказанными

этом сожалею, так как дальнейшие мои слова останутся недосказанными. А я

хотел бы сказать, что, если бы такая невеста существовала, будь она столь

же хороша собой, как мадемуазель де Дино (ныне госпожа де Кастеллан), и

будь она, как сия красавица, урожденная Талейран, да имей она даже сто

пятьдесят тысяч франков годового дохода, я все равно бы на ней не женился, так как за двоеженство ссылают на каторгу, а то и вешают…”

Влюбленный бенгали утратил пылкость.

”Она угасла от множества трудов, мечтаний, хлопот, тревог и выпитых

чашек кофе. Впрочем, как всегда бывает у животных: сначала великий бунт, период пения у птиц, а когда зверьки увидят, что все бесполезно, они

затихают и уже не подают голоса, как те собаки, которые в отсутствие

любимого хозяина сперва поднимают адский шум, а потом скорбно умолкают…”

В феврале 1846 года Ганская пишет Бальзаку: “Приезжайте в Рим; оттуда направимся во Флоренцию; из Флоренции проедем

через нашу милую Швейцарию, через Женеву и Невшатель; устройте нас в

Бадене и возвращайтесь в Париж, заканчивайте свои дела, пока мы будем

лечиться на водах…”

Как же не ответить на такой призыв! Но увы! Когда Бальзак принял решение отправиться в Италию и сказал себе: “Всегда успеется написать книгу, которую не можешь сейчас начать”, в тот самый день (верх незадачливости!), выйдя от знаменитого портного Вюиссона, на углу улицы Ришелье и бульвара он, перепрыгнув через канавку, разорвал себе связки на ноге. Ужасная боль, поездку пришлось отложить на две недели. Наконец около 20 марта он благодаря заботам доктора Наккара, своего преданного друга, уже мог ходить. При помощи барона Ротшильда и других влиятельных лиц Сова получила патент на торговлю марками. Труппа “бродячих акробатов” могла возобновить свое турне. Бильбоке, обзаведясь новым гардеробом, мчится в Рим; едет с друзьями на Борромейские острова, а оттуда в Швейцарию, Гейдельберг и Франкфурт; вместе с надеждой вновь возвращается к нему страсть, и теперь он строит “с женой” множество планов на будущее. Ганская как будто уже окончательно решила выйти за него замуж. Они купят замок в Турени, будут жить в деревне большую часть года, снимут в Париже квартиру в предместье Сен-Жермен и зиму будут проводить в столице.

Возвратившись из поездки, он приступает к выполнению планов. Вот что он

намеревается сделать: купить на 80000 франков, взятых из “сокровища волчишки”, акций Северных железных дорог; поехать в Вуврэ с Жаном де Маргонном и приобрести там имение, временно обставить дом кое-какой мебелью, которой он пользовался в своем холостяцком обиходе, а все недавно купленные старинные вещи приберечь для парижской квартиры. Итак, у него будет имение и двести акций Северных железных дорог! “Прочитав о таком достижении, разве ты не восхитишься своим волчком?” Ах, если бы удалось приобрести в Вуврэ замок Монконтур, он как раз продается!.. Монконтур, о котором он мечтает уже тридцать лет, очаровательный замок с башенками, красиво расположен на двух террасах над Луарой и весь отражается в ее водах. “Монконтур, прекрасные виды, тенистые аллеи для прогулок, и фрукты, и река у наших ног…” И Бальзак уже создает новую картину счастья: шесть лет супруги ради экономии проживут в Монконтуре, но, чтобы не заплесневеть в деревне, зимы будут проводить в Париже. Платформа Турской железной дороги находится у Ботанического сада, следовательно, поселиться надо в конце Бульваров. Само собой напрашивается мысль о площади Руаяль. Бальзак поищет там квартиру, где окна выходили бы на юг и имелись бы три комнаты

для слуг. Ах, какие благоразумные планы, сколько у него рассудительности!

Из Германии пришли две вести, обрадовавшие его. Умер отец Георга Мнишека. Упокой Господи его душу! А все-таки после его кончины легче будет соединить браком жениха с невестой, и даже срочно надо это сделать. Пусть Ева поторопится!.. Тогда ведь и она окажется свободной. Вторая весть переполнила его радостью и гордостью. “Дорогая графиня” беременна, и он - виновник этого события. Итак, у Бальзака будет сын; его назовут Виктор-Оноре. Несомненно, ребенок был зачат в Солере, между двадцатым и тридцатым мая, когда путешественники проезжали через Швейцарию. Бальзак возносит благодарственный гимн: “Дети любви не вызывают у матерей тошноты, беременность протекает легко. Но берегись всяких осложнений. Бедненький крошка Виктор-Оноре…” Какое мужество обретет Бальзак теперь, когда ему надо работать для “трех волков”, для своего “малыша”! Вспомним, какое огромное место он всегда отводил в своих произведениях отцовскому чувству.

Долги? Благодаря успеху он с ними справится. “Я внимательно обдумал, что можно сделать в отношении романов, и считаю, что долги я перекрою

рукописями”. Скажем, нужно отдать 2500 франков - на это достаточно рассказа. Нужно 7500 - сочиним роман и напечатаем в “Ла Пресс”. Профан может счесть неприличным манеру создавать произведения в зависимости от требований кредиторов и газет. Бальзак придерживается иного мнения. Какие могут быть претензии к гению? “Разве станешь думать о таких вещах, когда нужно составить себе состояние, заработать на кусок хлеба? Разве Россини думал о славе, когда за сто экю писал “Севильского цирюльника”? Так же как я, когда писал “Физиологию брака”, Россини думал о куске хлеба. И мы сами себе в том признавались…”

Итак, Виктор-Оноре существует, следовательно, родителям нужно вовремя пожениться, если они желают иметь законнорожденного ребенка, а не побочное дитя, узаконенное последующим браком. Но по многим причинам (предполагаемое время родов, опасность, угрожавшая поместью Ганской на Украине, сплетни) надо было совершить бракосочетание втайне. Потом можно было бы утверждать, что оно произошло до беременности. Оноре пришла следующая мысль: префект департамента Мозель - его однокашник по Вандомскому коллежу, Жермо, а пост главного прокурора в Метце

Вандомскому коллежу, Жермо, а пост главного прокурора в Метце занимает его друг Делакруа. Если найти в Лотарингии какого-нибудь несведущего или снисходительного мэра, можно было бы скрыть вывешенное “оглашение брака” под чужими свадебными объявлениями. Но необходимо было достать метрические свидетельства жениха и невесты. Бальзак тотчас запросил в Туре свои документы. У Ганской было при себе только одно удостоверение личности - паспорт, составленный на русском языке. Пусть она побыстрее под предлогом скорой свадьбы Анны выпишет себе свидетельство о смерти своего мужа Венцеслава Ганского.

”Свидетельства о смерти твоего отца и матери совершенно излишни, - пишет ей Бальзак, - но твоя метрика необходима. Надо ее затребовать и во что бы то ни стало добиться ее присылки. Ни в одной стране без этого документа нельзя пожениться”. Однако Ганская родилась в 1800 году, а она молодилась - уменьшала свой возраст на шесть лет. Она не хотела признаться в этом Бальзаку. В сорок шесть лет женщине неприятно признаваться в таком обмане, если только она не отличается веселым цинизмом - черта, не свойственная Эвелине Ганской. Она предпочла окольный путь: решила родить

родить втайне, доверить ребенка Бальзаку и уехать в Верховню.

Метрика была не единственной причиной такого решения. Когда настала минута соединить на радость и на горе свою судьбу с судьбой великого писателя, у Эвелины Ганской возникли прежние опасения. Несомненно, любовник был ей по душе, но она боялась безумств будущего своего супруга.

“Не правда ли, я хороший счетовод?” - твердил он ей. Нет, он был плохой счетовод. Он столько говорил, что вверенное ему “волчишкино сокровище” священно, а между тем делал из него большие заимствования. Он хвастался своими биржевыми операциями с акциями Северных железных дорог, а между тем эти акции катастрофически падали. Он гордо заявлял в письме, что все его долги погашены, а в следующем письме они возрождались.

Большой расточительный ребенок утверждал, что все будет уплачено из его доходов и что “волчишкино сокровище” увеличится на 50000 франков за счет прибылей с акций Северных железных дорог. А если акции будут упрямо понижаться, он их скупит по дешевке и в конечном итоге выиграет. Граф Эрнест Ржевусский уже давно должен своей сестре Эвелине 25000 франков; в конце концов он заплатит, и “волчишкино сокровище” возрастет на эту сумму.

А зимой Бальзак погасит все свои долги, и у него еще будет своих собственных денег 20000 франков. Словом, по мнению этого дотошного бухгалтера, все идет прекрасно. И тут же он в минуту прозрения добавляет: “О славный Лафонтен! Как хороша твоя басня “Перетта и кувшин с молоком”!”

Признание очень милое, но неутешительное. Напрасно он заклинал: “Умоляю тебя, гони всяческие свои беспокойства и из головы, и из сердца. Никогда я не заключу ни одной сделки, о которой ты не могла бы сказать: “Это мне подходит”, а то, право, твое письмо доставило мне огорчение - очень уж ты меня боишься. Я так уверен в будущем, что смеюсь над этими страхами, но я страдаю из-за твоих напрасных страданий…”

Напрасно или не напрасно, но Эвелина страдает. И пожалуй, она права. Ведь в августе он благоразумно сказал: “Надо отложить всякое приобретение недвижимой собственности”, а в сентябре купил дом N_14 на улице Фортюне в квартале Руль. Понравившееся ему название улица получила по имени Фортюне Амелен, когда-то красавицы и законодательницы мод, владевшей на паях земельными участками, по которым была проложена улица. Особняк этот Бальзаку продавал некий Пьер-Адольф Пеллетро. Бальзака восхитила возможность сделки “из-под полы”.

”Если мы с господином Пеллетро сойдемся на сумме 50000 франков, то в договоре поставим только 32000, а 18000 я заплачу ему через три месяца. Для обеспечения суммы, не включенной в договор, я дам ему в залог пятьдесят акций Северных железных дорог”.

Пусть Ева воздержится от сердитой критики, ведь он заключил превосходную сделку! Ремонт будет стоить 10000 франков, следовательно, дом обойдется в 60000, а через четыре года цена ему будет 150000 франков! Впрочем, говорит он с притворной скромностью, ведь это всего лишь “хижина для влюбленных”. В действительности же это особняк в девять окон по фасаду. Обставлен он будет по-царски.

”Ты сможешь спокойно принимать в нем свою кузину княгиню де Линь. У нее не найдется такой обстановки ни в одном из замков, во всех поместьях княжеского рода де Линь. Эта мебель из ряда вон выходящая…”

Дом, построенный позади часовни Сен-Никола (принадлежавшей к приходу Сен-Филипп-дю-Руль), составлял часть загородной резиденции Божона

Сен-Филипп-дю-Руль), составлял часть загородной резиденции Божона. Там в

царствование Людовика XVI генеральный откупщик Никола Божон, богач, финансист, распутник и филантроп, уже имевший дворец на Елисейских Полях, построил себе павильон и мавзолей с куполом. Павильон предназначался для

галантных празднеств; в часовне, посвященной небесному покровителю Божона, откупщик готовил себе усыпальницу, его там и похоронили. Бальзак писал

Эвелине Ганской:

”Весь Париж устремляется на Елисейские Поля. Если протянуть еще

полгода, то дом, который я ныне покупаю за пятьдесят тысяч, поднимется в

цене до ста тысяч, особенно если Луи-Филипп будет жив. Так что колебаться

нечего… Я осмотрел часовню, она очень красива. Это Пантеон в миниатюре.

В ней покоится Божон…”

”Новый квартал Божона” начал застраиваться на территории парка, разрезанного на участки. Художников Гюдена, Жиро, Лемана привлекали туда

тень и прохлада. Будущий “особняк Бильбоке” отличался довольно странной

архитектурой. Фасад двухэтажного дома был вытянут вдоль замкнутого оградой

двора, на улицу же выходила только торцовая стена в два окна. Потолки были

низкие, садик - маленький. Но Бальзака прельщал романтический вид этого

хорошо укрытого “гнездышка”.

”Оно такое же таинственное, столь же спрятанное, как моя квартира в

Пасси. Тут при желании может жить инкогнито женщина, так как Божон устроил

в доме потаенные апартаменты, специально предназначенные для дамы. Она

может тут жить невидимая для всех и все видеть, все слышать…”

Откупщик Божон охотно переходил от дел мирских к религиозным. Павильон

его именовался Каприз, а спальня хозяина сообщалась с хорами часовни, так

что Божон, встав с постели, мог слушать мессу, которую служил священник.

Бальзак не преминул указать своей набожной возлюбленной на это небесное

преимущество.

”Могу тебе сказать, что именно заставило меня купить этот особняк: хотелось сделать тебе сюрприз. Твои религиозные привычки и твое

благочестие - самое для меня прекрасное в твоем внутреннем мире, моя

любимая, а дом, который я купил, примыкает к часовне Сен-Никола, приписанной к приходу Сен-Филипп-дю-Руль. Построил ее Божон и по завещанию

передал приходу, оговорив для своих людей право входить в часовню через

нижние двери, а для себя - пользование великолепными хорами, куда можно

попасть прямо из комнат. Ты будешь проходить из своей спальни на церковные

хоры.

Вот, ангел мой, что побудило меня купить этот особняк. Перед ним разбит

сад, а позади него - красивая часовня. Право пользования ею оговорено в

купчей, и другого такого дома не найдешь во всем Париже…”

Поспешная покупка особняка, когда долги еще не были уплачены, дорогостоящий ремонт запущенного дома, а котором его прежний хозяин, спекулянт Пеллетро, никогда не жил, необходимость установить (с большими

издержками) калорифер для борьбы с сыростью, вредившей прелестной стенной

росписи; отсутствие конюшни, сарая и помещения для привратника (службы, имевшиеся в этом загородном доме Божона, были еще раньше проданы художнику

маринисту Теодору Гюдену) - все эти “нелепости” очень раздражали Ганскую.

Для успокоения своей Eva furiosa [разгневанной Евы (ит.)] Бальзак опять

заговорил о часовне. Бесподобные церковные хоры стали повторяющейся

темой

в его письмах к Чужестранке.

4 октября 1846 года:

”После проверки оказалось, что ты будешь единственной в Париже (помимо

королевской семьи), кто имеет в своем распоряжении церковные хоры. Нужны

были миллионы Божона, чтобы предоставить ему это королевское право.

Госпожа де Маргонн при жизни своей заплатила бы за такое преимущество сто

тысяч франков”.

8 декабря 1846 года:

”Подумать только! Моя прелестная жена сможет приходить из своих комнат, верхних и нижних, на свои собственные хоры в часовне и слушать там

богослужение. Я просто ошеломлен! Ведь это единственный в Париже дом, пользующийся подобным королевским или княжеским правом”.

Бальзак признавал, что снаружи дом довольно неказист, “смахивает на

казарму”, а поэтому он намеревался собрать там столько” диковинок, что его

особняк станет похож на дворец из “Тысячи и одной ночи”. Он уже посылал

Ганской, приходившей в ужас от его намерения обставить десять комнат, планы архитектора Санти и бесконечные списки с перечнем необходимых гобеленов, стенных часов, китайских ваз, люстр, картин. “Это все фантазия некоего Оноре, которому хочется, чтобы все вокруг него было прекрасно, достойно тех чувств, какие воссияли в его душе, достойно красоты его Евы, которая уже четырнадцать лет является его грезой…”

Осторожней! Как страшно взять в мужья человека, принимающего такие разорительные и несвоевременные решения. Да еще будет ли он хранить супружескую верность? Он ведь не всегда ее соблюдал. И возлюбленная удивляется, почему Сова все еще живет на улице Басе. Бальзак оправдывается. Сова ведет его хозяйство, вот и все; она проявляет ловкость во всех сделках, служит подставным лицом. Но совершеннейшая правда, что она угрожает ему всякими неприятностями. Следует ее выгнать, однако для этого нужно бросить ей в физиономию 7500 франков, а у Бальзака таких денег нет. “Я из-за вас никогда замуж не выйду! Вы меня за самую последнюю считаете”, - плакалась Сова. Потом она заболела холерой, оттого что объелась дыней, это вызвало у нее кровавую рвоту. Бальзаку пришлось ухаживать за больной. Жизнь холостяка бывает иной раз ужасна. Но со стороны Евы несправедливо попрекать его экономкой. Ведь он работал день и ночь и поневоле оказался в положении ребенка, которому нужна няня. Вот

почему ¨эта дрянь˝ стала незаменима, а вовсе не по тои причине, которую подразумевает Эвелина. “Я очень хотел бы, чтоб она вышла замуж и убралась из моего дома; это так и будет, когда я вернусь”.

Когда он вернется… Ведь он считает нужным отправиться в Германию, чтобы присутствовать на свадьбе Гренгале и Зефирины, но уехать из Парижа он сможет лишь после того, как напишет множество страниц, которые ждет столько газет. В “Ла Пресс” он обещал дать продолжение “Крестьян”, и, чтобы добиться отсрочки, ему приходится ухаживать за толстой Дельфиной де Жирарден. Она приглашает его на обед в обществе Ламартина, и Бальзак делает поэту комплименты по поводу его политической деятельности. “Но какая же он развалина с физической стороны! Ему пятьдесят шесть лет, а на вид по меньшей мере восемьдесят. Полное разрушение! Конченый человек! Едва ли он проживет несколько лет. Его пожирает честолюбие, а дела идут плохо…” - пишет Бальзак Эвелине Ганской. После этой встречи Ламартин прожил двадцать три года, а Бальзак - только четыре.

Работа, которую он должен был закончить прежде, чем поехать в Германию, испугала бы любого другого писателя.

”Вот что я собираюсь написать. “История бедных родственников”: “Старик

Понс” - это составит два-три листа для “Человеческой комедии”; потом “Кузина Бетта” - шестнадцать листов; потом “Злодеяния королевского прокурора” - шесть листов; всего же двадцать пять листов, или двадцать тысяч франков, считая газеты и книжные издательства. Потом закончу “Крестьян”. Все это покроет мои долги… Впрочем, сюжеты, которые я буду разрабатывать, мне нравятся, и работа пойдет чрезвычайно быстро. Мне нужны сейчас деньги. В книжных издательствах дела застопорились…”

Надо было также выполнить некоторые обязательства по отношению к родным. Столкновений с матушкой больше не было, с тех пор как добропорядочный стряпчий Седийо стал буфером, предотвращающим ссоры. Бальзак встретил мать на улице Вивьен, и она с необычайным для нее жаром расцеловала сына. Лора навестила брата и рассказала, что для Софи нашли жениха - просто идеальную партию.

”В качестве приданого суженый готов удовольствоваться акциями компании по постройке того моста, который Сюрвиль заканчивает сейчас на Юрской возвышенности. Жених богатый человек, он находит, что его Софи - красавица. Он владелец крупного предприятия по поставке балок и прочих

красавица. Он владелец крупного предприятия по поставке балок и прочих лесных материалов, у него и земли, и дома, и капитал. Я сказал: “Соглашайтесь. В наше буржуазное время в Палату скорее пошлют лесоторговца, чем Ламартина. Только смотрите не тяните. Будете тянуть, свадьба расстроится, так всегда случается” …Это будет четвертый брак. Первый - Сова; второй Анна; третий - мы с тобой; четвертый - Софи, Ну и год!”

Ну и год! Богатый свадьбами, скудный трудами. Молчание Бальзака радовало его врагов. А у него всегда их было достаточно! Одни ненавидели его, потому что завидовали; других возмущали его манеры, а некоторые не могли ему простить его гениальности. Затишье в творчестве Бальзака недруги приписывали оскудению его таланта, а также газетным фельетонам. “На эту неблагодарную и банальную работу господин де Бальзак истратил весь свой талант и наблюдательность, свой дар смелого проникновения в жизнь, благодаря которым ему прощали все его безвкусицы и все недостатки в стиле; но вот он совсем выдохся…” - писал в 1846 году некий де Мазад в журнале “Ревю де Де Монд”. Единственным неопровержимым ответом мог бы оказаться новый шедевр. Но есть ли еще у Бальзака силы создать шедевр?.. Сил бы хватило, если бы только…

XXXV. ВНЕШНИЙ МИР

Мир - это бочка, усаженная

изнутри перочинными ножами.

Бальзак

Долгое время Бальзак способен был на многие недели забывать о внешнем мире и отдаваться своим писательским замыслам. В самые трудные дни он укрывался от житейских забот то в Саше, то в Булоньере, то во Фрапеле и вновь обретал там счастье творчества. Но к концу 1846 года и уединение уже не помогало. Бурный поток мыслей иссякал, чистые листы бумаги лежали нетронутыми. “Нам нужно наконец быть вместе, - писал Бальзак Эвелине Ганской. - На душе у меня тоскливо”. Павильон Божона, отданный в распоряжение архитекторов и подрядчиков, требовал надзора. Будущее существование Виктора-Оноре возлагало на отца обязанности. “Когда становишься отцом семейства, ничего нельзя делать вслепую”. Поэтому Бальзак посвящает целые дни, отнятые им у “Человеческой комедии”, изучению планов, чертежей и смет. В конечном итоге на отделку особняка потребуется

12000 франков. Прибавить к этому сумму, заплаченную за дом, стоимость обстановки - и все вместе составит 77000 франков. Ничтожная сумма за такой особнячок, самый лучший во всем Париже - по внутреннему убранству, разумеется, так как снаружи у него так и останется “несколько казарменный вид”. Но года через четыре цена ему будет огромная. Слава Богу, убыток с Жарди покроется.

Иметь собственный дом - это еще далеко не все. Нужно его обставить и украсить. На это Бальзак решил употребить всю мебель, все вазы, все фаянсовые блюда, которые он накупил во время своих путешествий… “Все, что ты называла моим сумасбродством, оказалось мудростью”, - убеждает он Ганскую. Он “слишком рассудителен” и не станет заказывать красивые библиотечные шкафы, но считает себя “вынужденным” купить смирнские ковры. “Всегда гораздо экономнее покупать хорошие и прочные вещи, и я это прекрасно понял”. Экономия, благоразумие, рассудительность - теперь у него только эти слова на языке, и они служат оправданием безумных трат. “Нам нужно повесить занавески на девятнадцать окон; считая по триста франков на каждое окно, подумай, куда это нас приведет! Но если сделать временные занавески, это обойдется в две трети той суммы, которой будут стоить хорошие гардины”. Итак, нужно купить гардины на веки вечные. Что это,

безрассудство? Ведь деньги тратятся тут не на кокоток, не на табак, не на кутежи. Как же не купить постельных принадлежностей и белья? “Если ты найдешь красивые наволочки, не забудь, что нужно по дюжине наволочек на каждую постель. Наволочки желательно украсить вышитой каймой и вышивкой по углам. В Германии вышивают лучше, чем во Франции. А для тебя наволочки здесь отделают кружевами”. Простыни, салфетки, тряпки - этот почтенный отец семейства беспокоится обо всем, все предусматривает, все покупает, все копит. “Рукоятки к цепочкам для спуска воды в наших уборных сделаны из богемского хрусталя зеленого цвета”, - сообщает он Ганской.

И он никак не может понять, почему его кумир тревожится. Да почему же? Через полтора месяца они поженятся и поселятся в своем доме. Он успел съездить в Метц, повидался с префектом, все идет хорошо. Подыскали скромного, послушного мэра. Бракосочетание произойдет в его мэрии, в ночное время. Свидетелями будут сын доктора Наккара и префект Жермо, а затем супруги получат благословение церкви от епископа в Метце или от приходского священника в Пасси. “Мы спасены! Но если бы ты знала, какие трудности пришлось преодолеть и сколько славных людей я встретил! Нарушения установленных правил будут ничтожны, и нам выдадут

превосходное

свидетельство о браке". Разумеется, если бы она могла устроить так, чтобы

бракосочетание произошло в Висбадене либо в Майнце, тайна сохранилась бы

еще лучше. Чего боится Эвелина? В ее письмах чувствуется какое-то смутное

недовольство всеми его хлопотами. И от этого ему ужасно грустно. Неужели

ее беспокоит денежный вопрос? Да стоит ему месяц поработать, и все

уладится.

Бальзак по-прежнему верит в будущее, но факты - упрямая вещь, и с ними

трудно спорить. Книги его не закончены, издатели требуют показать им

рукописи, прежде чем оплатить их; подрядчики не желают ждать; матушка

жалуется, а Сова вопит. Чтобы купить дом, пришлось тронуть "волчишкино

сокровище". А оно уже состояло только из акций Северных железных дорог.

Если бы курс акций поднялся до тысячи франков, какое было бы счастье? Но

курс, наоборот, падает с дьявольским постоянством, он уже на двести

франков ниже номинала, и Бальзак не хочет продавать акции с убытком.

Конечно, было бы лучше продать их по семьсот пятьдесят франков и снова

купить по шестьсот франков. И дело тут не в том, что "непогрешимый

провидец" ошибся, а просто Северные железные дороги, предприятие само

по

себе превосходное, захвачены общим экономическим кризисом. Люди боятся

войны, боятся, что Луи-Филипп умрет. Бальзак не очень-то любил этого

короля, однако ж он полагает, что для финансовых дел в стране смерть

Луи-Филиппа была бы катастрофой. К тому же за акции еще полностью не

уплачено - остается еще внести 28000 франков или же продать их с убытком.

Бальзак умоляет Эвелину помочь ему предотвратить удар, послав необходимую

для взноса сумму. Она довольно грубо отвечает, что ни сейчас, ни в

дальнейшем это для нее невозможно. Как же быть? Он занимает деньги у

Ротшильда под залог акций! Жизнь печальна.

Увы? Эвелина Ганская потеряла доверие к нему. Она пишет: “Делай что

угодно с теми деньгами, которые я тебе дала, милый Норе, но не разоряй

меня”. Какая несправедливость! Он не видит оснований жалеть о какой-нибудь

из своих финансовых операция. “Брани меня, когда я виноват, и не брани, когда я поступаю хорошо”.

Но она только и делает, что бранит его. Теперь ее страшит мысль

вступить с ним в брак - все равно где, в Метце или в Майнце. Она хочет

отсрочить свадьбу по крайней мере на год. Виктора-Оноре она родит втайне, и в случае нужды родители признают его в брачном договоре своим ребенком.

Какой удар! “Твое решение странным образом меняет мои планы. Я мечтал о счастье, а оно отдаляется по меньшей мере на год, а то и на пятнадцать месяцев…” Отчего же принято это жестокое решение? Помимо затруднений, связанных с законами, с семейными и светскими связями, Еве страшно соединить свою судьбу с судьбой человека, который считает себя воплощением здравого смысла, но так часто кажется совсем лишенным его. Разве Бальзак не сообщил ей в самый разгар своих финансовых бедствий, что хочет купить за 24000 франков прекраснейшую коллекцию книг о театре? Выгоднейшее приобретение, и оплатить его можно с рассрочкой в четыре года, что составит всего лишь 6000 франков в год - сущий пустяк. Но ведь этого пустяка у него нет. Когда он просит свою “дорогую графиню” привезти из России для их брачного ложа с колонками горностаевое покрывало, она наотрез отказывает. Крупная помещица возмущена, видя такие безумства. “Знаешь, - пишет он ей, - у меня скоро будет фонтан, который Бернар Палисси сделал для Генриха II”. А на кой черт этот музей? - спрашивает Лиддида, То Екатерина Медичи, то Генрих II. К чему эти выдумки?

Все как будто вступает в заговор против немедленного заключения брака. Пятого октября Бальзака посещает господин Жермо, префект Метца, и старается доказать ему, что бракосочетание, совершенное в департаменте

старается доказать ему, что бракосочетание, совершенное в департаменте Мозель, не удастся долго держать в тайне. Несомненно, префект настроен дружески, но, как человек осторожный, вероятно, поразмыслил над тем, что он и сам кое-чем рискует при этих нарушениях Гражданского кодекса. К тому же ввиду опасностей, грозивших украинскому поместью в том случае, если бы парь узнал о тайном браке его подданной с иностранцем, все юристы полагают, что лучше подождать, когда госпожа Ганская вернется в Польшу и вступит во владение наследством, оставшимся после ее покойного мужа; по возвращении она сможет свободно заключить второй брак. Бальзак в конце концов и сам с этим согласился: “Раз ты держишься такого мнения, то и я теперь так думаю”.

А у себя на родине она для упрощения дела пусть передаст свои земельные владения Анне Мнишек.

”Что касается меня, то я меньше всего на свете думаю об этих землях… Повторяю тебе, я своими собственными трудами составлю состояние, достаточное для нас обоих. В 1847 году я заработаю сто тысяч франков, написав следующие вещи: во-первых, окончание “Вотрена”; во-вторых, “Вандейцы”; в-третьих, “Депутат от Арси”; в-четвертых, “Солдаты Республики” и, в-пятых, “Семья”. “Человеческая комедия” будет

Республики” и, в-пятых, “Семья”. “Человеческая комедия” будет переиздана.

За шесть лет труда я сделаю столько же, сколько сделал в Пасси. Это даст пятьсот тысяч франков”.

Однако ж надо было прервать на несколько дней этот грандиозный труд и поехать в Висбаден, чтобы присутствовать в качестве свидетеля на свадьбе Георга и Анны. Поездка дала ему возможность провести во Франкфурте незабываемую ночь любви с “белоснежной и пышной чаровницей”. Он сам составил сообщение о браке молодых Мнишеков и, вернувшись в Париж, отнес его в “Мессаже” и в редакции пяти других газет.

”Нам пишут из Висбадена.

Сегодня, 13 октября, в католической церкви города состоялось бракосочетание одной из богатейших в Российской империи невест графини Анны Ганской с представителем старинного и знаменитого дома Вандалиных графом Георгом Мнишеком. В числе свидетелей был господин де Бальзак…

По линии матери, урожденной графини Ржевусской, новобрачная является праправнучкой королевы Франции Марии Лещинской, а граф Георг

Мнишек -

правнуком последнего короля Польши и прямым потомком знаменитой и несчастной царицы Марины Мнишек, жизнь которой описана герцогиней д’Абрантес”.

Эта заметка, весьма лестная для самолюбия одного из свидетелей бракосочетания, рассердила сестру Ганской Алину Монюшко, когда та прочла ее в Париже, и вызвала ироническую отповедь с ее стороны: “Она мне сказала, что род ваш вымерший, разорившийся, пришедший в упадок и т.д. и заметка не соответствует действительности… Просто ужасно, как твои близкие походят на моих…” Эта “снотворная Алина” все допытывалась, правда ли, что ее сестра собирается в скором времени второй раз выйти замуж. Бальзак осторожно ответил, что он очень хотел бы этого, но что ничего еще не решено, а впрочем, если бы это произошло, то его личное состояние, свободное от всяких долгов, составляло бы триста тысяч франков, да сто тысяч в год он зарабатывает своим пером. На это Алина, помрачнев, ответила с тяжким вздохом: “Так, значит, моя сестра сделала бы в смысле денег превосходную партию?” Настоящая сцена из комедии. Однако “богатый жених” ума не приложит, как и где ему достать денег, чтобы заплатить за особняк, за его ремонт, за мебель, за реставрацию резных панелей, росписи

и обоев из тисненой кожи. А курс акций Северных железных дорог все понижается!

В небе, затянутом черными тучами, иной раз возникали просветы. Георг и Анна писали Бальзаку письма, и их счастье умиляло его.

Графу и графине Мнишек. 23 октября 1846 года: “Мои чудесные, прелестные, миленькие, дорогие мои влюбленные акробатики, папаша Бильбоке подает в отставку: ведь Гренгале подрос, да и Зефирина стала самостоятельной особой. В пьесе она выходит замуж за отвратительного Дюканталя; но мы все это переменили, как говорит Мольер. Зефирина обрела счастье с Гренгале, с Гренгале сфинксокрылым - чешуекрылым - жесткокрылым - допотопным, но надеюсь, не ископаемым…

Хочу сказать вам, как меня трогает свидетельство дружеской приязни, которым служит ваше письмо, ибо оно написано в ту пору, когда у двух таких очаровательных супругов, как вы, недостает времени и для самих себя…”

Еще один луч солнца: Ротшильд дал взаймы восемнадцать тысяч франков для уплаты за дом. И наконец (а это самое главное), Бальзак снова может работать на полную мощность. Романы “Кузина Бетта” и “Два музыканта”

продвигаются быстро, а за ними последуют “Крестьяне” и “Мелкие буржуа”.

Силы ему придает радостная надежда, что скоро он расквитается с кредиторами, заплатит за дом и “спасет кассу”. Но какой это адский труд!

”Ах, мой волчишка, ты не знаешь, что значит сочинять книгу за книгой! Хорошо читать их, если они хороши, но написать восемь книг подряд - это труднее, чем выиграть сражение под Йеной!.. Помолись за меня Господу Богу, попроси, чтобы всегда у меня на кончике пера были мысли, как постоянно будут на нем чернила. А ведь мне нужны не только мысли, нужен еще и стиль!..”

Будут у него и мысли, и стиль. Массовое издание “Человеческой комедии” поможет ему вновь завоевать публику. Он испытывает подъем, оттого что “Судебное следствие” имеет успех. Подул попутный ветер. А тут еще начала печататься фельетонами “Кузина Бетта”, и раздаются единодушные восторженные крики: “Вот шедевр!” Бальзак и сам удивлен: “Я и не думал, что “Кузина Бетта” так получится. Ты увидишь там сцены, лучше которых я еще не создавал за всю свою литературную деятельность… Впечатление у публики огромное - в мою пользу. Я победил!..”

Теперь все пойдет прекрасно. Волчок и волчишка будут счастливы и богаты. “О, 1847 год будет потрясающим!” Уже несколько месяцев Бальзак поглощен исправлениями и переделками “Человеческой комедии”. Теперь, когда он может посвятить творчеству все свое время, он напишет за год двадцать романов и три-четыре театральные пьесы.

И вдруг грянул гром! Эвелина тяжело заболела и слегла в Дрездене. Доктора предписали ей лежать неподвижно, если она хочет сохранить ребенка.

Бальзак в ужасе бежит к доктору Наккару. Тот успокаивает его. Конечно, госпожа Ганская напрасно тронулась в путь до истечения пятого месяца беременности. Но все еще может обойтись. Увы, не обошлось. Ребенок, родившийся до срока, тотчас умер. Бальзак-Горио, обманутый в своих надеждах, плачет. Первым его побуждением было помчаться к ней. Но разве это возможно? Пришел срок нового взноса за акции Северных железных дорог, значит, сиди за письменным столом. Рухнули великие надежды.

”Я уже так полюбил своего ребенка, который родился бы от тебя! В нем была вся моя жизнь. Поверь мне, крушение материальных дел - сущий пустяк… А вот теперь наше соединение, награда за жизнь, исполненную труда и лишений, едва начавшееся счастье - все теперь остановлено, отсрочено и, может быть, погибло! Но в конце концов, ты мне осталась, ты по-прежнему любишь меня. Вот за что я должен благодарить Бога, опять

взяться за работу и ждать. Снова ждать!..”

Он ждал уже тринадцать лет. А теперь еще и думал, что сам оказался невольным виновником большого несчастья, сначала в Солере, когда зачал ребенка, а затем в Висбадене, посоветовав своей Еве поехать в Дрезден вместе с молодыми супругами Мнишеками.

”Никогда себе этого не прощу! Ведь, несомненно, эта тряска, толчки в поезде и вызвали ужасную беду, убившую столько надежд и счастья, не говоря уж о твоих страданиях. Лечись хорошенько, ведь эти болезни очень коварны, так как приводят к страшным последствиям, с которыми трудно справиться! Слушайся доктора, не выходи из дому, не волнуйся, не тревожь себя никакими заботами…”

Никакими заботами? Почему же он сам-то не следует своему совету? “Ничто меня больше не занимает, ничто не радует, ничего мне больше не хочется. Вот уж не думал, что можно так полюбить зачаток существования! Но ведь в нем была ты, в нем мы были оба”. Мрачные мысли стирают все остальные, и, сказав себе: “Я не могу съездить в Дрезден, иначе я потеряю двенадцать дней труда”, он проводит эти двенадцать дней, отдавшись черным думам.

дней труда", он проводит эти двенадцать дней, отдавшись черным думам. Мозг его подобен теперь измученному, загнанному коню, который упал и лежит без сил, не чувствуя ни хлыста, ни шпор. Эвелина поручила Анне написать ему, что “волнение встречи с ним было бы для нее роковым”. В два часа ночи он смотрит на огонь, тлеющий в камине, и, думая о ней, спрашивает себя: “Почему нет писем?” Наконец письмо приносит ему некоторое облегчение: Виктора-Оноре не было, родилась и умерла девочка.

”Ты не ослабила моего горя из-за тех мук, которые причинило тебе ужасное несчастье, но мои сожаления уменьшились, потому что я очень горячо хотел Виктора-Оноре. Уж Виктор-Оноре не покинул бы свою мать и был бы возле нас двадцать пять лет. Весь оставшийся нам срок жизни…”

Лиддида поговаривает теперь о том, что ей пора вернуться в Верховню, чтобы навести там экономию и восстановить “волчишкино сокровище”. Нет! Единственное сокровище - это она сама. Если они не поженятся в июле 1847 года, Бальзак за себя не ручается: “Горе меня сгложет, или я сам наложу на себя руки, чтобы покончить с такой жизнью”. Тоска в самом деле подтачивает его здоровье, и он теперь так похудел, что на него страшно смотреть.

Помимо душевных мук есть и еще беда: его упорно преследовали парижские завистники, угрожавшие их счастью. Свет оказался “бочкой, усаженной изнутри перочинными ножами”, о которых говорится в сказках Перро. Герцогиня де Кастри, хоть она и “стоит на краю могилы и похожа на разубранную покойницу”, поворачивает один из этих ножей в сердечной ране Бальзака. Она коварно заводит разговор о некой графине Мнишек, польке, задававшей балы в годы Наполеоновской империи и кокетничавшей с герцогом де Майе. Знаком ли с ней Бальзак? Он делает вид, что не знает такой дамы, а когда упоминается имя госпожи Ганской, восклицает: “Но ведь ей пятьдесят восемь лет, и она уже бабушка!” Тогда Анриетта де Кастри начинает расспрашивать его об особняке Божона.

”Говорят, это безобразный дом”. “Просто ужасный, - ответил я. - Форменная казарма, а перед ним садик - в тридцать футов шириной и в сто футов длиной. Двор похож на тюремный. Но что поделаешь! Меня прельстили уединенность, тишина и дешевизна…” И когда она поверила, что я устроился очень плохо, что я никогда не женюсь и что я опять пушусь во всякие безрассудства, она стала обворожительно любезна. Вот тебе и старый друг!..”

Что касается Дельфины де Жирарден, у той ходившие о Бальзаке слухи вызвали приступ кокетства. Победа над Чужестранкой подняла в ее глазах престиж Бальзака. Когда он пришел к ней в гости и по чисто писательской заинтересованности завел с ней долгую беседу о трудном начале ее супружеской жизни, она вообразила, что он питает к ней нежные чувства. Она попыталась разыграть сцену из его рассказа “Силуэт женщины”. Бальзаку нужны были лишь материалы для романа “Беатриса”, а Дельфина де Жирарден решила, что он ухаживает за ней. Ева может быть совершенно спокойна: как ни соблазнительны донжуанские замашки, но госпожа де Жирарден стала просто отвратительна. Однако ж он сопровождал ее в театр, и она тоже заговорила с ним о его женитьбе на Ганской.

”Вот что я ответил ей; “Это было бы для меня так прекрасно, что я могу лишь надеяться, но не верить в это. Четырнадцать лет я люблю только одну эту особу благородной, чистой любовью. Я прежде всего ее друг, и до такой степени, что готов проехать полторы тысячи лье ради того, чтобы выполнить

какой-нибудь ее каприз, и желал бы, чтобы у нее побольше было капризов. Я знаю, что, если мы не поженимся, она ни за кого не выйдет замуж. Быть ее другом - этого достаточно для меня, я гордился бы этим всю жизнь. Но если б она мне сказала (а я узнал бы это только от нее самой): “Я выхожу замуж за такого-то князя”, я бы через десять дней умер… И тщеславие тут ни при чем, ведь четырнадцать лет она - вся моя жизнь. Вот и все. Уже давно ни состояние, ни имя, ни прочие вульгарные приманки, пленяющие мужчин, не играют тут никакой роли. Я питаю рыцарское, высокое чувство любви и надеюсь, мне отвечают взаимностью. Тому порукой глубокое благочестие этой дамы. Если б она лгала мне в ответ на мою дружбу, я потерял бы веру в Бога. Вот истинная правда о том романе, который сочиняют в свете; мне известно, что болтают обо мне, ровно ничего не зная”.

По-видимому, мои слова ошеломили ее, она смотрела на меня странным взглядом.

”Я кажусь очень веселым, остроумным, даже легкомысленным, если хотите, но все это ширма, скрывающая душу, неведомую свету, ибо ее знает только она. Я пишу для нее, я ищу славы ради нее. Она для меня все - и публика, и будущее!”

”Вы объясняете мне, как была создана “Человеческая комедия”.

Подобный

монумент можно воздвигнуть только так…”

Несомненно, писатель старательно выправил подлинный текст разговора для показа его своей возлюбленной. Однако ж Дельфина и газета “Ла Пресс” строили против него козни в Академии, и ему приходилось держать себя осторожно с супругой Жирардена. А кроме того, он боялся нескромной болтовни, которая могла бы разжечь претензии его кредиторов. Теофилю Готье, восхищенному великолепным убранством особняка Божона, он с лицемерным, ханжеским видом сказал: “Я теперь еще беднее, чем прежде; все это мне не принадлежит. Я обставил дом для одного друга, который-должен приехать. Я только сторож и привратник этого особняка”.

С тех пор как Ева задумала возвратиться на Украину, начался спад его творческой энергии - Бальзак больше не может написать ни строчки; он сидит целый день за столом, как наказанный школьник, не в силах извлечь из своей головы ни единой мысли, хоть и пьет черный кофе чашку за чашкой. Вместо того чтобы писать романы, он читает чужие романы, и среди них ему попадается настоящий шедевр - “Чертова лужа” Жорж Санд. “Я все

надеюсь, -

пишет он Ганской, - что вот с минуты на минуту выскочит пробка, остановившая поток мыслей в мозгу…” Погода (декабрь 1846 года) стоит

ужасная - дождь, снег. На сердце тяжело. Ничего на ум не идет, Бальзак все

мечтает о “своем гнезде”; и ему кажется, что во всем Париже не найдется

гостиной, которая своим убранством могла бы сравняться с гостиной в “доме

Бильбоке” - “стены в ней обшиты великолепнейшими резными панелями”, покупка которых избавила его от расходов на штофные обои. “У нас с тобой, двух безумцев, будет очень скромный домик. Зато обстановка в нем будет

восхитительная…”

”Тебе, должно быть, смешно, что великий твор-р-рец гр-р-рандиозной

“Человеческой комедии” до такой степени пристрастился к меблировке своего

дома и прочим подобным делам, что непрестанно о них думает и говорит да

вновь и вновь принимается за одни и те же подсчеты, как лафонтеновский

башмачник, прикидывавший, куда он истратит свою сотню экю. Но что

поделаешь, волчишка! Ведь это для нас с тобой…”

”Для нас с тобой…” Однако для этого надо, чтобы Ева вернулась в

Париж. Жить в особняке Божона ей пока неприлично, но Бальзак снимет для

нее меблированную квартиру с садом в районе Елисейских Полей. Она может, если захочет, не раскрывать своего инкогнито, только пусть приезжает!

Разлука с ней - для него смерть. Но Ганская все продолжает жаловаться на безумные расходы. Когда Бальзак получает из Дрездена "грозное письмо касательно бережливости", он задается вопросом, кто эти злые и глупые люди, чьим советам об осторожности следует его Ева.

"Ах, волчишка! Если б ты не была в своем письме такой прелестной, такой любящей матерью, я мог бы пожаловаться, что ты проявляешь оскорбительное недоверие ко мне. А ведь мне сорок восемь лет, у меня уже пробивается седина. Я хочу иметь состояние, я ищу способов к этому. Я не желаю, чтобы повторилась история с Жарди и никакая другая ошибка, а ты воображаешь, будто я очертя голову пущусь в прежние глупости! Ты превращаешь меня в старого ребенка, в поэта, полного иллюзий!.. Будь спокойна, дорогой мой волчонок, больше найдется людей, которые считают меня скупым, чем таких, которые видят во мне расточителя…"

Ему не удалось убедить ее. "После Божона будет Монконтур, все начнется сызнова. Я полюбила неисправимого расточителя!" Он отвечает: "А я полюбил

милейшую особу, которая очень легко верит всему дурному и быстра на расправу! Но я уверен, что будущее отомстит за меня, когда ты увидишь, что я сделался скопидомом…” Впрочем, если она возвратится на Украину, он последует за ней. Что его может удержать во Франции? Уж, конечно, не слава и не меблировка дома. Он за месяц все ликвидирует и уедет с огромной радостью, с глубоким равнодушием ко всему, что не имеет отношения к ней.

“Я даже не закончу “Крестьян”, Боже мой, да я не напишу больше ни единой строчки. Я стану мечтателем и счастливейшим человеком в мире, буду собакой или мужиком моего волчонка, всегда буду близ тебя, не расставаясь с тобой…” Чего она ждет? Чтобы он состарился? А все-таки жаль, что она не увидит особняк Божона.

”Все принимает достойный вид: закончили мостить двор, проложили тротуар, заасфальтировали дорожки в саду; ставят теперь на фасаде лепные украшения… Мы и снаружи не будем такими уж безобразными, как я полагал.

Скоро начнем сажать, сеять, подстригать газон; устроим на стенах трельяжи для зелени - пусть в раю моей Евы все будет в полном порядке; пусть она не

говорит, что Оноре упустил то или другое. Художник подкрашивает купол; Эдуэн освежает стершуюся роспись. Через три недели особняк будет

неузнаваем.

А если б ты знала, сколько я накупил белья! Просто ужас! Четыре дюжины

простыней для прислуги, сто тряпок, двенадцать дюжин салфеток и т.д. и

т.д."

И пусть ее не мучает мысль, как оплатить все эти чудеса. В

Санкт-Петербурге она говорила ему с лукавым и гордым видом: "Будь спокоен, ты женишься не на какой-нибудь бесприданнице". Прекрасно, он теперь может

ей ответить. "Будь спокойна, ты выйдешь замуж не за какого-нибудь

голодранца". В 1850 году он заплатит все свои долги, и "волчишкино

сокровище" будет в целости; купленный особнячок поднимется в цене до

трехсот тысяч франков; у Бальзака будет шестнадцать тысяч франков дохода, из которых шесть тысяч ему предоставит Французская Академия. Частенько

бывало, что Ева покачивала головой и смеялась над его финансовыми

мечтаниями, но на этот раз все высчитано с ма-те-ма-тиче-ской точностью.

"Сьекль" скоро переиздаст самые его знаменитые романы; в свою очередь и

"Конститюсьонель" собирается еще раз напечатать его произведения, имевшие

успех: "Человеческая комедия" расходится очень хорошо, это настоящий

триумф. Есть только одно препятствие: в разлуке с любимой он больше не может работать, у него даже выпадают из памяти слова. Неуверенность приносит ему бесчисленные муки. “Хотелось бы мне знать: я ли буду жить в России или ты согласишься жить в Париже?”

И вдруг неожиданный поворот в планах госпожи Ганской: она обещает приехать на два месяца в Париж, а уж потом вернется на Украину, чтобы посвятить свою дочь и зятя в обязанности крупных помещиков. Бальзак сразу выздоровел. Два месяца обожаемая женщина будет возле него! “Два месяца, целая жизнь!.. Ах, только это и существует сейчас для меня! А потом пусть я погибну. Все мне безразлично, только бы на два месяца воплотилась в жизнь моя мечта! Я буду работать, я на твоих глазах допишу “Крестьян”!” Целебное средство тотчас подействовало. Бальзак пишет по двадцать - тридцать страниц в день. “Последнее воплощение Вотрена” закончено. К 25 января закончен “Кузен Понс” - роман, который, по мнению Верона, “тр-р-ребовательного Верона”, оказался даже выше такого шедевра, как “Кузина Бетта”. “Ах, волчишка, это все совершилось твоими милостями, твоими чудесами”.

”Ну, ясно тебе, как много счастья ты подарила мне? Не бойся, ты не разоришься, не узнаешь никаких мучений, если последуешь моим советам, то

есть поселишься в снятой мною меблированной квартире на Елисейских Полях, будешь выходить из дому и прогуливаться со мною, лишь когда стемнеет, будешь вести жизнь, подобную той, которую вела Эстер в дни ее счастья, когда она жила на улице Тетбу, но, конечно, я с нею тебя не сравниваю, какие же могут быть сравнения, когда подобная любовь возгорается в чистом

сердце! Это рай земной, рай еще пустынный, но созданный искусно…”

К началу февраля 1847 года путь свободен. Бальзак едет во Франкфурт

встречать Ганскую. Он снял на улице Нев-де-Берри квартиру на срок с 15

февраля по 15 апреля. Квартира находится в нижнем этаже великолепного

особняка: прихожая, гостиная, столовая, три спальни, комната для прислуги, все покои расположены анфиладой, окна выходят в сад. Ганская будет иметь в

своем распоряжении “превосходный наемный выезд”.

”Не могу свыкнуться с мыслью, что в субботу вечером буду держать

любимую в своих объятиях, у сердца своего. Все кажется мне сном. И как то

бывало, когда я шел в театр, становится страшно - а вдруг я опоздаю. Даже

дрожь пробирает при такой мысли. Будем вместе два месяца! Два месяца

брачного союза, будем жить в укромном уголке, втайне от всех, счастливые, ни с кем не видясь, совершая лишь вылазки в Консерваторию, в Оперу, к

Итальянцам и т.д. Право, твой Норе с ума сойдет от счастья.

Будь спокойна: квартира стоит 330 франков в месяц; на стол - 370

франков, а всего - 700 франков, как раз столько, сколько получено от твоей сестры. Клади 500 франков на удовольствия, на экипаж и т.д. Общая сумма - 1200 франков, а за два месяца - 2400 франков. Считай еще 2400 франков на обратный путь, всего, следовательно, 5000 франков. Возьми с собой из осторожности еще 2000 франков. Итого 7000 франков - на февраль, март, апрель и май. Ну разве это так уж много? Ты ведь считала вдвое больше. Боже мой, как я изголодался по тебе, как жажду тебя!..”

XXXVI. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Любовь и ненависть - два чувства, которые сами себя питают, но из них ненависть живет дольше.

Бальзак

Великий писатель, томимый неутоленной жаждой любви, преследуемый навязчивой мыслью о браке, ребяческим стремлением собирать диковинки, страстями, тормозившими его работу, поистине уподоблялся героям своих романов. Однако творческая его мощь не угасла, и ум оставался светлым. Лишь только он немного успокоился за будущность своей любви и поверил в возможность приезда любимой к нему в Париж, сразу разгорелся пламень вдохновения и вызвал к жизни новые шедевры. Бальзаку даже удалось снова

снова

взяться за своих неподатливых “Крестьян”, придать роману подлинно широкий

размах.

Как мы уже говорили, замысел этого произведения подсказан был Бальзаку

в 1834 году Венцеславом Ганским, но автор отбросил первый свой набросок.

Надо остановиться на “Крестьянах” более подробно, так как роман, бесспорно, имеет огромную историческую значимость. У Бальзака было много

случаев наблюдать мир земледельцев - в Турени, у Жана де Маргонна и Жозефа

де Савари, в Лиль-Адане - у Вилле-Ла-Фэ; в окрестностях Вильпаризи; да, быть может, и в Жарди. Он разгадал, где коренится одна из важнейших

социальных проблем. Французская революция успокоила часть буржуазии, открыв ей доступ к власти; однако она не удовлетворила крестьянство.

Крупные поместья были вскоре восстановлены, зачастую владельцами их

становились генералы наполеоновской Империи, а позднее, при Реставрации, -

и бывшие сеньоры. Деревенский люд не принимал этого возврата к прошлому; Бальзак, историк нравов, видел, какие многочисленные узы связывали между

собой мелкую сельскую буржуазию - нотариусов, торговцев земельными

участками, управляющих имениями, мэров - и крестьянство, которое эта

буржуазия натравливала на новых феодалов.

Хотя книгу заказал ему Ганский, хотя будущая жена Бальзака сама была “крупной помещицей”, писатель умел глубоко проникать в чувства своих персонажей и понимал недовольство крестьян. “Богатый ворует, сидя дома возле печки, - говорит один из героев романа, дядюшка Фуршон, - так оно много спокойней, чем подбирать, что валяется где-то в лесу… Видел я прежние времена, вижу и теперешние, дорогой вы мой ученый барин. Вывеску, правда, сменили, а вино осталось все то же!” А если помещиком становится не бывший сеньор, но буржуа? “…Вы все еще не расчухали, - говорит Фуршон, - что нынешние буржуа будут почище прежних господ… Что с ними бы сталось, кабы мы все разбогатели?.. Сами они, что ли, стали бы пахать? Сами стали бы хлеб убирать?..” Бальзак предсказал в “Крестьянах”, что масса недовольных, порожденных Революцией, “когда-нибудь поглотит буржуазию, как буржуазия в свое время пожрала дворянство”.

Если помещик податлив и позволяет соседу браконьерствовать на своих землях, его терпят. А если нет… Бальзак нарисовал воображаемое имение Эги близ Виль-о-Фэ (название скопировано с фамилии Вилле-Ла-Фэ, а поместье находилось где-то в Бургундии около Жуаньи, где супрефектом был Латур-Мезрэ). Купленное сперва “прелестницей” времен Директории, красивой оперной дивой Софи Лагер, имение Эги перешло в годы Империи в руки генерала графа де Монкорне, героя битвы при Эслинге, вспыльчивого

генерала графа де Монкорне, героя битвы при Эслинге, вспыльчивого великана, хрупкая супруга которого становится любовницей журналиста Эмиля Блонде, смазливого и остроумного разбойника пера. Управляющий имением Гобертен сначала думал, что ему можно будет и в царствование генерала продолжать выгодные махинации, которыми он занимался при жизни певицы. Но генерал Монкорне, не знающий обычаев края и в качестве образцового солдата возлагающий все свои надежды на благодетельную силу дисциплины, намеревается строго следовать закону.

”- Вы кормитесь моей землей, - заявил ему граф.

- А по-вашему, мне надо было кормиться воздухом? - с усмешкой возразил Гобертен.

- Вон, убирайтесь отсюда, негодяй!”

Уволенный Гобертен будет заменен честным Мишо. Но генерал неосторожно разворошил опасное гнездо термитов. Гобертен, продававший и скупавший земельные наделы, связан родством и свойством со всей округой и держит ее в руках. Председатель суда - его двоюродный брат и союзник. Ни о каких

законах не может быть речи в этих деревнях, где царит грубое вожделение

(алчущее клочка земли или насилия над девушкой) и где полевой сторож

знает, что ему надо на все смотреть сквозь пальцы. Крупный помещик, личность праздная, всегда окажется побежденным. Он выиграет дело в

окружном городе и все проиграет на своих землях, запутавшись в сетях

корыстных интересов своих противников. Благородного Мишо убьют, и убийца

так и останется ненайденным, ибо свидетели будут держать язык за зубами.

Это преступление напоминает убийство Поля-Луи Курье, происшедшее близ Тура

в 1825 году, его подоплека была известна Бальзаку. Супрефект советует

генералу Монкорне продать имение и вложить деньги в ренту.

”- Чтобы я отступил перед крестьянами, когда я не отступил даже на

Дунае!

- Да, но где ваши кирасиры? - спросил Блонде”.

Через неделю после этого странного разговора по всему департаменту и

даже в конторах парижских нотариусов были расклеены огромные объявления о

продаже по участкам имения генерала Монкорне. Местный ростовщик Грегуар

Ригу приобретает всю землю, оставляет за собой виноградники, отдает леса

Гобертену, а замок - “черной шайке” спекулянтов. Вывеску переменили еще раз, но вино осталось все то же.

Проходит много времени после этих событий; Блонде, дошедший до последней степени нужды, хотя она и скрыта была под оболочкой блестящей светской жизни, уже близкий к самоубийству, получает письмо с черной сургучной печатью. В письме графиня де Монкорне извещает его о смерти своего мужа, после которого она осталась единственной наследницей. Сорокалетняя женщина дружески протягивает свою руку и предлагает значительное состояние человеку, который был ее возлюбленным в дни молодости. Эмиль Блонде становится префектом, женится на Виржини де Монкорне (дочери виконта де Труавиля и русской княгини Шербеловой). Легко представить себе, что, создавая такой конец книги, Бальзак думал о желанной для него развязке собственного романа: о женитьбе на русской аристократке, уже давно избравшей его своим возлюбленным.

Но, чтобы прийти к этой счастливой концовке своего произведения, писателю надо было преодолеть тысячу трудностей. Ему нелегко было проникнуть в крестьянскую среду, еще более скрытную, более замкнутую, чем общество Сен-Жерменского предместья. Правда, он уже изучал сельский мир, как это видно по романам “Сельский врач” и “Сельский священник”. В

"Социальном катехизисе" он рассматривал проблему цен на продукцию

сельского хозяйства и утверждал, что Франции выгодно поддерживать их на

очень низком уровне, "для того чтобы ее промышленность могла бороться с

английской, которая является главным регулятором". Бальзак полагал, что

процветание Франции могло основываться только на "крайней воздержанности"

французских крестьян - этим эвфемизмом, фарисейским выражением

прикрывалась ужасающая нищета деревни. В глазах Бальзака это был

социальный факт, равносильный наличию в зоологии видов животных, обреченных на вымирание. В действительности же не было никаких оснований

для того, чтобы земледелец соглашался приносить подобную жертву. Бальзак

сознавал, что должен глубже изучить этот вопрос, чрезвычайно важный для

мыслителя, желавшего быть историком своего времени.

Но ему все не удавалось в "Крестьянах" найти правильный угол зрения.

Газета "Ла Пресс" заплатила Бальзаку девять тысяч франков в счет гонорара

за обещанный ей конец романа, который она хотела напечатать фельетонами.

Но конец так и не был написан, и Бальзаку пришлось возвратить часть

полученного аванса. "Крестьяне" - посмертное произведение, оно появилось

только в 1855 году. Эвелина Ганская, став женой, а затем вдовой Бальзака, пыталась прибегнуть к помощи Шанфлери, потом привлекла к сотрудничеству

Рабу, чтобы дописать незаконченный роман. Оба они отказались; тогда

Эвелина де Бальзак, безуспешно попытавшись сделать это собственными

силами, удовлетворилась тем, что опубликовала наброски, сделанные

Бальзаком еще в 1838 году, добавив к ним “лишь несколько своих песчинок и

зернышек гравия”. Вдова Бальзака поступила правильно. Книга эта - одна из

прекраснейших в мировой литературе, полная глубокой правды, столь же

верной ныне, как и в XIX веке. Она все так же ясно показывает, что нельзя

командовать ни крестьянами, ни целыми народами с помощью юрисдикции, основанной на отвлеченных рассуждениях. Какой-нибудь Монкорне всегда

столкнется в полях с противником, подобным Гобертену. Тут Бальзак, так же

как и всюду, хочет, чтобы законы имели в виду живых людей, таких, каковы

они в действительности. Правда, многие его упрекали за то, что из-за

политических предрассудков он исказил (и даже оклеветал) крестьянство.

Лебединой песнью Бальзака, еще не старого годами, но преждевременно

изнуренного тревогами, разочарованиями и бессонными ночами, оказался его

диптих “Бедные родственники”. Он знал, что делает решающую ставку.

Бальзак - госпоже Ганской, 16 июня 1846 года: “Настало время, когда мне необходимо создать два или три значительных произведения, чтобы свергнуть ложных кумиров ублюдочной литературы и доказать, что я моложе, свежее и сильнее, чем прежде. “Старый музыкант” [“Кузен Понс” (прим.авт.)] - это бедный родственник, угнетенный, оскорбленный, но человек большого сердца. “Кузина Бетта” - это бедная родственница, униженная, оскорбленная женщина, которая служит интересам трех-четырех семейств и в конце концов мстит им за все свои обиды…”

Это симметрическое разрастание темы нравилось писателю. Вначале он собирался написать две новеллы. Основой для одной из них - “Кузен Понс” - послужил рассказ Альберика Секона “Два фаготиста Гранд-Опера”. “Вот увидите, что я извлеку из вашего сюжета”, - сказал Бальзак молодому писателю. И он столько вложил своего, разрабатывая эту тему, что новелла превратилась в большой роман.

Такой коллекцией, как у старика Понса, Бальзак хотел бы обладать (и даже воображал, что составил ее). Так же как Понс, он обожает рыться в старинном хламе у антикваров; подобно Понсу, боится, как бы посетители не осквернили его сокровищ, взирая на них глазами профанов. Кроме самого

себя, у Бальзака тут было достаточно прототипов: Даблен, щупленький

торговец скобяными товарами, собирал старинные ценные вещи; у Соважо, первой скрипки в оркестре Оперы, любовь к музыке сочеталась, как у Понса, с интересом к старинным вещам, а этот Соважо переписывался с Бальзаком.

Воплощаясь в жизнь, тема "бедных родственников" отодвинулась на второй

план. Подлинный сюжет романа - страстная дружба Шмуке, трогательного

учителя музыки барышень де Гранвиль ("Дочь Евы"), с Сильвеном Понсом; трагедия Понса, лакомки и прихлебателя, внезапно лишенного вкусных трапез, изгнанного и опозоренного своей родственницей госпожой Камюзо (как изгнан

был аббат Бирото вероломной девицей Гамар); злобные хитрости привратницы, желтоглазой старухи Сибо, и ужасного Ремонанка, похожего на чудовище

морских глубин; незаслуженное состояние, полученное супругами Камюзо, которые так преследовали своего родственника Понса, а когда он умер, захватили оставшееся после него наследство, ограбив беднягу Шмуке, -

словом, темой романа является драма невинных душ, на которых нападают со

всех сторон, запугивают их, опутывают сетями интриг. Драма маленьких и

беззащитных людей! Нельзя не восхищаться, видя, как гениальное дарование

писателя, его проникновенный взгляд на мир обогатили скудную новеллу

Альберика Секона. "Мне по крайней мере кажется, - писал Бальзак, - что это

один из шедевров, где все так просто и вместе с тем все говорит сердцу

человеческому. Суть здесь так же глубока, как в "Турском священнике", но

более ясна и столь же печальна, как там. Я в восторге от этой вещи”. И Бальзак имел право говорить так. Роман “Кузен Понс” до сих пор глубоко волнует читателя.

Книга эта остается значительной и как картина, рисующая жизнь мелкой буржуазии и типы простолюдинов, весьма отличные от той парижской среды, какую чаще всего описывал Бальзак, - среды обитателей богатых кварталов, на которые он около 1822 года с жадностью взирал с холма кладбища Пер-Лашез и куда в конце концов ему удалось проникнуть. В “Человеческой комедии” мы чаще встретим герцогинь, чем гризеток. “Цезарь Бирото”, “Чиновники”, “Мелкие буржуа” являются исключениями. Журналисты и художники, фигурирующие в “Утраченных иллюзиях”, связаны через газету, театр и мир куртизанок со “сливками общества”, живут в преддверии высшего света времен Реставрации. Роман “Кузен Понс” относится ко временам Луи-Филиппа, действие в нем начинается в 1843 году на Ганноверской улице, у Камюзо де Марвиля, но очень быстро перемещается на Нормандскую улицу, в квартал Марэ, где в жалкой квартирке на четвертом этаже живет. Пояс, создавший у себя настоящий музей - чудесное собрание шедевров. Этот облезлый, облупившийся дом - опасные джунгли, и перед нами мелькают бегло набросанные угрюмые фигуры их обитателей: гадалка с ее ассистенткой, жабой Астартой; продажный стряпчий, ходатай по делам бедняков. Но каким чудесным

светом поэзии озаряет эту мрачную историю нежная человеческая дружба (о которой так мечтал Бальзак)! Да, он доказал своим хулителям, Что “никогда еще не был так велик”.

Роман “Кузина Бетта” тоже необыкновенно разросся в процессе его создания. Первоначальную идею Бальзаку дала, как это уже случалось, Лора Сюрвиль своим рассказом “Кузина Розали”, напечатанным в 1844 году в “Журнале для детей”. Брата и сестру с детских лет соединяли родственные черты воображения. Но там, где Лора бесхитростно рассказывала “простую ясную историю, исполненную благонравия и добрых чувств”, Бальзак создал, по словам Пьера-Жоржа Кастекса, “сложную, не слишком пристойную и жестокую книгу”. Бетта - “инфернальная личность”, сжигаемая пламенем ненависти, как “виноградная лоза”, обратившаяся в изогнутый огненный прут. Страшный характер Бетты как будто сам собою создавался под пером писателя. Бальзак вновь переживал экстаз стихийного творчества, к действующим лицам “Человеческой комедии” прибавились новые персонажи: Лизбета Фишер, Валери Марнеф, бразилец Монтес, Аделина и Гектор Юло.

Приемы письма остались те же, что и в “Утраченных иллюзиях”: идея

опиралась на реальную действительность, элементы которой воображение расширяло, создавая незабываемые чудовища. Так нарисован был и образ самой кузины Бетты: Бальзак писал, что это и его собственная мать (у которой он, конечно несправедливо, открыл, как ему кажется, под внешней оболочкой материнской привязанности тайную ненависть к нему), это и Марселина Деборд-Вальмор, и тетушка Розалия, его заядлый враг в семье Ржевусских. Можно предположить, что и госпожа де Бреньоль, “взбесившийся ньюфаундленд”, тоже дала некоторые штрихи для этого образа. Лизбет Фишер, некрасивая, бедная, униженная, строит дьявольские планы, чтобы разорить и опозорить семейство Юло, восстает против него, так же как Сова ополчилась против Эвелины Ганской.

Барон Юло (родной брат маршала Юло, с которым мы познакомились в “Шуанах”), военный интендант, член Государственного совета, командор ордена Почетного легиона, оказался старым распутником и все глубже опускался в адскую бездну похоти. Высказано было предположение, что для супругов Юло могли быть взяты черты реальной супружеской пары: Виктора Гюго (Гектор Юло) и Адель Фуше (Аделина Фишер). Кроме удивительного звукового сходства имен, Гюго, пэр Франции, за год до написания романа был

уличен в любовной связи с Леони Биар, как Юло - с Валери Марнеф. Надо сказать, что отношение Бальзака к Гюго всегда было двойственным; Гюго восхищался им, Гюго поддерживал его кандидатуру в Академии; Бальзак восторгался Гюго как поэтом, но довольно несправедливо осуждал его как человека. Возможно, что инцидент с Леони Биар был использован в романе "Кузина Бетта", как и многое другое.

Бернар Гийон полагает, что и в самом себе Бальзак, которого преследовали тогда неотвязные эротические мысли, мог найти кое-какие черты для создания образа Юло. Говорили также, что прототипом Юло послужил отчасти некий граф д'Ор, член Государственного совета, умерший за год до написания романа. В области художественного творчества все возможно. Мужчины, женщины, друзья, любовницы, распутство, наслаждения и сам автор становятся материалом, который бросают в горнило. Говорит ли Бальзак о себе или о Гекторе Юло, когда пишет: "Ежедневно, разглядывая себя в зеркале, в конце концов, по примеру барона Юло, люди приходят к заключению, что они мало изменились и все еще молоды, тогда как другие видят, что наша шевелюра уже напоминает мех шиншиллы, на лбу треугольниками врезались над бровями морщины, а живот выпятился, как большая тыква". Центральной темой книга напоминает романы "Отец Горио", "Евгения Гранде", "Поиски абсолюта", ибо и там и тут говорится о

разрушении семьи и ее достояния из-за всепожирающей страсти (в данном случае - старческого эротизма). Семья Юло долго и упорно борется с безумцем; но страсть, восставшая против природы, нахлынула чудовищной волной и все затопила.

После смерти Валери Юло живет с фигуранткой театра, с работницей и, наконец, с очень юной девушкой, почти ребенком, которую ему продали родители. Напрасно домашние пытаются держать его взаперти. Он убегает по ночам к безобразной неряхе служанке, живущей в мансарде их дома. Не только он сам становится слабоумным и гнусным стариком, он увлекает за собою и свою жену, святую женщину, тянет ее на тропу, ведущую к бездне. “Скажи мне, - молит она, - что они делают, эти женщины, чем они так влекут тебя? Я постараюсь…”. Однако “бесноватые счастливы на своем гноище”. Из всех произведений Бальзака это самое жестокое и самое прекрасное. Но сверхчеловеческие усилия, которых оно стоило ему (книга написана была за два месяца), окончательно подорвали его здоровье.

Ева наконец извещает о скором своем прибытии. Бальзак должен ехать во Франкфурт встречать ее. Благодаря вспышке работоспособности у него есть немного денег. Идет переиздание “Человеческой комедии”; он продал

“Кузена

Понса” и “Последнее воплощение Вотрена” и даже едва начатый роман “Депутат

от Арси”. В Париже Ганская возьмет на себя расходы по хозяйству, Бальзак

должен предоставить постельное и столовое белье и серебро. Однако нужно

внести вперед квартирную плату за два месяца (шестьсот шестьдесят

франков), нанять кухарку, уволить Сову и рассчитаться с ней. Но все это

неважно! “Как мало значат деньги в сравнении с любовью!” Будущее

прекрасно!

И он пишет Ганской:

”Теперь я живу только той мыслью, что на этой неделе увижу тебя, я уже

впиваю твое дыхание, сжимаю тебя в объятиях, ощущаю ткань твоего платья!

Думается, я по меньшей мере полдня не буду сводить с тебя глаз, наслаждаясь счастьем смотреть на тебя…”

Он добавляет:

”В первый раз мы будем вместе, и одни, совсем одни. Нам ни перед кем не

придется сдерживаться, и мы оба дадим волю своему дурному характеру. Я

тебя стану колотить, а ты - бранить меня…”

Четвертого февраля 1847 года он поехал во Франкфурт и привез оттуда “добрую, пышную, нежную и сладострастную Еву”. Сладострастную? Да, несомненно. Нежную? Не всегда. Она истерзала ему сердце, когда он показывал ей особняк на улице Фортюне. Он ждал восторженных возгласов, а она все раскритиковала. Слишком много столов наборной работы, слишком много бронзы, слишком много мрамора, слишком много шкафов, инкрустированных медью и черепахой. Зачем он потратил целое состояние на убранство такого, “мрачного и нелепого” дома? Хороша награда за все его труды и любовную заботу! Да и как она может судить об этом особняке, когда он весь в лесах и еще не закончили свою работу штукатуры?

На то время, пока Ганская гостила у него, он забросил почти всю работу, чтобы водить свою Еву в Пале-Рояль к Вери (где Люсьен де Рюбампре, приехав в Париж, дерзнул пообедать и заплатил за обед столько, что мог бы прожить на эти деньги в Ангулеме целый месяц); водил он ее и в другие модные рестораны, на Выставку изящных искусств, в Варьете, где она превесело хохотала. Дома они держали очень скромный стол. “Целых два месяца, - читаем мы в его письме к Ганской, - я видел, как очаровательная женщина

ежедневно ест рагу из остатков вчерашнего жаркого, а свежие бифштексы оставляет своему волчку, и ни разу я не сказал ей нежного спасибо! Но я это видел и был этим тронут…”

Прошло два с половиной месяца жизни с глазу на глаз, и Ева уехала из Парижа; он проводил ее до Франкфурта и вернулся один, “как тело без души”.

”Прощай, моя дорогая, любимая, сокровище мое! Вверимся надежде, как ты говоришь. Это последняя буря, последние наши невзгоды… Тысячу раз обнимаю, тысячу раз целую тебя, мой миленький Эвелино. Люблю тебя еще больше, чем прежде. Хочу, чтоб ты стала моей женой, а без тебя и жить мне не хочется…”

Произведения, созданные Бальзаком после расставания с его Евой, подернуты дымкой грусти. С 1829 по 1842 год его несла волна воспоминаний, он рассказывал о своей юности и радовался своим удачам. После смерти Венцеслава Ганского мир воображаемый потускнел. Вместо туманных мечтаний о славе и любви, которые его вдохновляли и поддерживали, существовало одно-единственное и четкое желание, неотвязно преследовавшее его, - брак с любимой женщиной. В некоторых написанных тогда романах (“Онорина”

любимой женщиной. В некоторых написанных тогда романах ("Онорина", "Альбер

Саварюс") отражена тоска мужчины, сомневающегося в том, что его любят, или

же пессимизм разочарованного человека ("Крестьяне", "Бедные

родственники"). Бальзак надеется закончить свое грандиозное творение. "Вот

уже шестнадцать лет я работаю над ним, и мне надо еще восемь лет, чтобы

его завершить", - пишет он Зюльме Карро. Этот моралист хотел бы придать

"Человеческой комедии" (с помощью "Аналитических этюдов") глубокий смысл, не оставить свой монумент непонятым. Хватит ли у него на это сил и

времени?

XXXVII. ТЕЛО БЕЗ ДУШИ

Видали вы когда-нибудь, как лев

зевает в зоологическом саду? Это

грустное зрелище.

Бальзак

Надо признать, что в отчаянии Бальзака, лишившегося своей любовницы, есть нечто от барона Юло. Возбуждающие, чувственные воспоминания мешают

ему работать. Пребывание любимой в Париже не дало ему того, о чем он

мечтал: Ганская устраивала ему такие тяжелые сцены, что он помнил их до конца жизни. Но он уже не может обойтись без нее. “Мой милый волчишка, если б я не любил тебя до обожания, меня уже давно не было бы на свете. Я все делаю только ради тебя и только благодаря тебе! У меня больше нет своего собственного существования…” Он чувствует себя глубоко одиноким - нет у него ни друзей, ни семьи. Как-то раз, перебирая свои вещи, он нашел вышитые домашние туфли и записку, написанную карандашом: “Я вышила эти туфли в те часы, когда оставалась одна, а вы где-то бегали”. Он вдруг разразился слезами и два часа плакал, запершись в своем кабинете. Рассказал он об этом Ганской не для того, чтобы растрогать “грефин” (как он говорил, передразнивая немца-лакея, всегда так называвшего Ганскую), - нет, это душевная реакция изнуренного, больного человека, ставшего крайне чувствительным.

И все же ему приходится бегать по всему Парижу. Во-первых (Бальзак по-прежнему любил такие перечисления), Сова, перед тем как убраться с улицы Басе, украла любовные письма Эвелины к Бальзаку и соглашалась вернуть их только за весьма большой выкуп. Она грозилась написать дочери и зятю госпожи Ганской (вернувшимся в Польшу) и послать им копии

похищенных

писем. Для матери это было бы ужасным унижением. Стряпчий Гаво советовал

пойти на мировую и выкупить компрометирующие письма. Бальзак вступает в

переговоры, предлагает пять тысяч франков - сумма для него огромная, так

как он кругом в долгах. Прокурор и комиссар полиции тоже уговаривают

Бальзака взять обратно его жалобу в суд по обвинению госпожи де Бреньоль в

воровстве и в шантаже. Судебный процесс обошелся бы не в пять тысяч, а

дороже, да еще дело получило бы отвратительную огласку. Непомерно дорого

обходится и правосудие, и нарушение законов.

Встречи с этим ядовитым созданием, переговоры с ней приводят Бальзака в

лихорадочное, нервное состояние. Наконец в июле госпожа де Бреньоль

возвратила письма в обмен на плату чистоганом. Разумеется, она попыталась

сохранить одно-другое письмо, касающиеся Виктора-Оноре. Бальзак со своей

стороны хранил письмо, в котором негодяйка признавалась, что украла

переписку, а на основе этого признания она всегда могла быть привлечена к

суду. Лишь только письма были возвращены, он сжег их, в последний раз

взглянув на дорогие пожелтевшие листочки, приходившие с Украины, из

Швейцарии, из Италии, Германии, потом посмотрел на пепел и снова заплакал: “Я затрепетал, увидев, как мало места занимают пятнадцать лет жизни. Что ж, огнем души они написаны, огнем земли погублены!..” После тягостного эпизода с Совой Эвелина потребовала уничтожения всех своих писем.

Во-вторых, пришлось переселиться на улицу Фортюне и там самому расставлять по полочкам и по этажеркам статуэтки из саксонского фарфора, вазочки с бледно-зеленой глазурью, большие китайские вазы. Эта механическая работа утомляла его, зато спасала от отчаяния. Да и что могло сравниться с тишиной, царившей на улице Фортюне: там он чувствовал себя совсем как в деревне. Он обещал Еве больше ничего не покупать и старался сдержать обещание. Но ведь что надо, то надо! Кухня, да и буфетная тоже не оборудованы. А тут представляются “потрясающие случаи”. Как же их упустить! Например, он нашел комод, творение Ризнера, с выдвижным верхом наборной работы - верх очень пригодится, из него можно сделать прекрасный стол. К сожалению, этот великолепный комод, кажется, стоит тысячу, а то и две тысячи франков. Бальзак входит в магазин, спрашивает цену: “Триста сорок франков!” Как тут устоять? Было бы безумием отказаться от него! К тому же, приобретя комод, покупатель обнаружил (как он говорит), что

вещь

эта принадлежала сестре Наполеона, Элизе Бонапарт. “Вещь уникальная, оригинальная, королевская”, - восхищался Бальзак в письме к Ганской.

Но пусть Ева не тревожится. Он стал рассудительным и осторожным.

Пожалуй, даже чересчур. Видел, например, две замечательные вазы, которые

очень подошли бы к его кабинету, но отказался от мысли купить их. Зато он

приобрел портрет, по-видимому, набросок, сделанный Тицианом; старинную

китайскую вазу темно-синего цвета; консоль работы Буля; кариатиду в виде

скульптуры из дерева. “Вы, конечно, полагаете, что я совсем разорился, погубил себя? - оправдывается он перед Ганской. - Но я заплатил за все

лишь триста пятьдесят франков!” А удовольствия от этих покупок он получил

на шесть тысяч франков. “Нужно еще приобрести три-четыре вещицы для

ватерклозета, превосходного ватерклозета…” Ох уж этот ватерклозет!

”Пришлось купить для этого потайного уголка, во-первых, хорошенькую

кушетку; во-вторых, за пятьдесят франков угловой шкафчик; чтобы убирать в

него известный вам предмет, а на него ставить кувшин; в-третьих, полочку

для подсвечника; в-четвертых, три консоли палисандрового дерева для

вазочек с цветами. Вы меня спросили в Майнце, что я собираюсь делать с

купленной чашей из китайского фарфора. Ее употребляют на то, чтобы стряхивать в нее воду со щетки. Надо, чтобы в этом уголке было приятно находиться, и у меня там красиво, как в будуаре, но видите, сколько это стоило!”

Из Верховни он получает суровую отповедь. “Довольно!” - восклицает Eva furiosa. Хорошо. Однако нужно купить будильник, старый испортился, не ходит; Бальзак видел в лавке добротный красивый будильник, стоивший только сто франков, но не решился приобрести его. “Я теперь не куплю и за десять су то, что стоит тысячу франков… С тратами покончено”. Раз его божество полагает, что у Бильбоке страсть к покупкам, что это своего рода порок, а не благоразумие и осторожность, то он вернется к строжайшей, “квакерской простоте”. Он не заглянет ни в одну лавку.

”Ваше величество, не снимете ли вы запрет с приобретения ларя, самого обыкновенного рундука красного дерева, в каковой рундук буду ставить мои башмаки и сапоги, а также запрет с приобретения комода для хранения моего белья в гардеробной? Ежели сии покупки являются нарушением закона, я по-прежнему буду засовывать свои башмаки в жардиньерки на лестнице - в

пустующие жардиньерки, поскольку покупать цветы мне не по карману: я ведь

ничего не пишу, ничего не зарабатываю, а потому не имею права тратить

деньги”.

В-третьих, с финансами дело обстоит очень плохо. Акции Северных

железных дорог все падают, несмотря на чудодейственные биржевые рецепты.

Бальзак (вернее, Ева Ганская) потеряет на них 60000 франков. Чтобы покрыть

убыток, нужно было бы прикупить еще двести семьдесят пять акций по низкому

курсу, и, когда он поднимется до 650 франков (сейчас он 560 франков), получится выигрыш в 25000 франков вместо потери в сумме 50000. Вот что

могут сделать богатые люди. Но несчастные волчки и волчишки, не обладающие

капиталами, получат одни только убытки. С ума сойти! “У меня нет

философического отношения к таким делам”. Эта операция с акциями Северных

железных дорог, считая и предстоящие взносы, обойдется им в 130000

франков. “Неудивительно, что я жалею, зачем связался с несчастным домом, за который еще надо платить и платить”. Однако ж этот особняк, такой

маленький, такой скромный, полон прекрасных произведений искусства. “Нам

необходимо приобрести два горностаевых покрывала для постелей… Только горностай и гармонирует с этой артистической, вавилонской и даже восточной пышностью убранства…” Понадобится десять “Лилий долины”, чтобы оплатить столько чудес. Он их и напишет будущей зимой в Верховне.

Он дает себе слово потрудиться как следует на Украине, а в особняке Божона работа у него не спорится. “Мой ум ни на чем не может сосредоточиться; я затрагиваю множество сюжетов, и все они становятся мне противны… Целыми часами я предаюсь воспоминаниям и, право же, совсем отупел”. Его гложет тоска, на него нападает хандра, и напрасно он пытается “подхлестнуть обессилевший мозг”. Мозг работает вяло… А ведь у Бальзака есть обязательства, он дал обещания и должен их выполнить: докончить “Крестьян”, написать роман “Депутат от Арси”.

”Как трудно засесть за работу! Однако нужно добыть 18000 франков ренты и выплатить 55000 долгу - на все это требуется капитал в 600000 франков. Работай, несчастный автор “Человеческой комедии”, пиши “Воспитание государя”, сочиняй романы, сочиняй… грошовые пьесы. Плати за свою

роскошь, искупи свои сумасбродства и жди свою Еву в аду мучений перед чернильницей и девственно чистой бумагой…”

Надо отослать “Крестьян” в “Ла Пресс”, но его тошнит, когда он пробует перечесть рукопись. Единственный труд, доставляющий ему теперь удовольствие, - это сочинение писем, длиннейших писем к своей “далекой принцессе”. “Ну что ж вы хотите! Мысли мои следуют за сердцем, и как же мне писать “Крестьян”?..” У него теперь другая идея: написать пьесу “Оргон” - продолжение мольеровского “Тартюфа”, но в комедии Бальзака весь дом будет жалеть о Тартюфе, и в ней будет показано торжественное возвращение лицемера, которого приветствуют и Мариана, и Эльмира, и госпожа Пернель. Но пьесу надо написать в стихах, а Теофиль Готье отказывается сотрудничать с Бальзаком. “И вот мне пришла в голову мысль дать один акт Шарлю де Бернару, два акта - Мэри, а еще два акта распределить между двумя другими поэтами”.

Выясняется, однако, что тут коллективный метод работы непригоден. Рассчитывать можно только на самого себя. Бальзак вновь принимается за черный кофе. В неделю у него ушло полкилограмма кофе. Не написал ни строчки. Даже под потоками мокко мозг отказывается работать. Он буквально угасает от какой-то непонятной болезни, вызванной тем, что рушится

угасает от какой-то непонятной болезни, вызванной тем, что рушится надежда на счастье, которое было так близко. Лоран-Жан, встревоженный бездействием Бальзака, принес ему Диккенса (“Сверчок на печи”), чтобы развлечь друга. Бальзак делится с Ганской своими впечатлениями: “Эта книжечка - настоящий шедевр, без малейшего изъяна. За нее Диккенсу заплатили сорок тысяч франков. В Англии платят лучше, чем у нас!..” И вот жестокий удар - дерзкое письмо Жирардена, где говорится, что если газета “Ла Пресс” и настаивает на опубликовании последней части “Крестьян”, то лишь потому, что за Бальзаком числится недоимка - он возвратил не всю сумму полученного им аванса. “Если бы вы могли расквитаться с нами полностью, я охотно отказался бы от “Крестьян”. Бальзак взвился на дыбы, как от удара хлыстом: “Вопреки вашему мнению я считаю свою книгу превосходной”. Грубость Жирардена он объясняет опубликованием в “Ла Пресс” фельетона Даниеля Стерна (псевдоним госпожи д’Агу), “синего чулка”, питающей ненависть к Бальзаку со времени выхода в свет “Беатрисы”. Единственным неопровержимым ответом хулителям могла быть только новая прекрасная книга. Но “дом мой омерзителен, литература глупа, и я сижу сложа руки, когда мне нужно работать”.

Чем объясняется это долгое, бессилие? Прежде всего тем, что для литературного творчества необходима глубокая сосредоточенность. Раньше, когда Бальзак столько создавал и на улице Кассини, и на улице Батай, и на улице Басе, а еще больше - в Саше, во Фрапеле, в Булоньере, он забывал весь внешний мир. Теперь же душу его томит тревожная, почти болезненная любовь, и, помимо того, особняк на улице Фортюне налагает на него множество докучных обязанностей. Приходится, например, самому нанимать прислугу. Он дает расчет Милле и заменяет его эльзасцем Франсуа Мюнхом, будущим кучером “дорогой графини”. Занелла, вошедшая в милость, предлагает ему превосходную горничную, набожную бельгийку, которая умеет шить, стирать и гладить. Трое слуг - значит, 90 франков в месяц на жалованье им, да еще надо прокормить их; следовательно, хозяин должен иметь 12000 франков годового дохода. Во времена Бальзака, при его славе, жить на широкую ногу считалось вполне естественным. Но едва он решил, что подобрал себе надежную прислугу, как вдруг оказалось, что вероломная Занелла предает его. Она пообещала его соседу, художнику Гюдену, показать весь дом в отсутствие Бальзака, как привратница Сибо показывает Ремонанку коллекцию, собранную кузеном Понсом. Лишний раз мы видим, что жизнь повторяет литературные произведения. Бальзак удручен печальным и мерзким

опытом! “Я верю теперь только Богу и моей дорогой девочке”.

Потом является и отнимает у него время свирепая Алина Монюшко, сестра и враг Евы Ганской, которой она в детстве кулаком разбила нос. Дама эта, загостившаяся в Париже, находит, что Бальзак очень любезен, когда около него нет Евы. Ее Ржевусское величество сама приказала ему: “Ослепите мою сестру”. Алина больше чем ослеплена - она поражена, потрясена, ошеломлена.

Осматривая “гнездышко” на улице Фортюне, она будто бы произнесла слова, достойные кузины Бетты.

”Она пришла в ярость при мысли, что этот, как она выразилась, дворец (где решительно все, вплоть до самого обыкновенного гвоздя, говорит о том, что это жилище обставлено для обожаемой женщины) будет принадлежать ее сестре, которую она колотила в детстве. “Ну что такое Верховня в сравнении с этим очаровательным особняком? - заявила она. - Я нигде не видела ничего подобного. Верховня, господин де Бальзак, - это образец безвкусицы, ибо мой дорогой зять как раз и грешил отсутствием вкуса”.

Знаешь, дорогая, я не мог удержаться и захохотал при этих словах, полных посмертной мести, ибо сразу все понял по злобному тону этого замечания. Разве мог человек, который Еву предпочел Алине, проявить в чем-нибудь хороший вкус?

Добравшись до библиотеки, она сказала: “Но ведь одна эта комната, должно быть, обошлась в сто тысяч франков! Библиотека в Нейи и в Сен-Клу -

ничто перед ней”. “В этом доме любят книги”, - ответил я. Она удалилась, ошалев от восхищения и прекрасно поняв, что раз у меня такой дом, то уж по

одному этому ясно видно, что я миллионер”.

Алина в ужасе отпрянула от кровати Бальзака, увидев на ней две подушки.

Всем его близким знакомым было известно, что он спит высоко и поэтому

подкладывает под голову две подушки. Но Алина полагала (и надеялась), что

он прячет у себя женщину. “А почему две подушки?” - спросила она. “Ну, это

в предвидении будущего”.

И все же домашними хлопотами, посетительницами, покупками и мечтаниями

нельзя в полной мере объяснить полное бездействие Бальзака. Истинная

причина в том, что он чувствует себя больным, да он и в самом деле болен.

Его друг Фредерик Сулье умирает от гипертрофии сердца, кровообращение у

него нарушено и ноги очень распухли. “Это меня поразило, - пишет Бальзак, - мне кажется, что и у меня гипертрофия сердца”. Его поверенный, стряпчий

Гаво, видя, как он томится, посоветовал - ему уехать из Парижа. “Уезжайте, - сказал Гаво, - иначе вы конченый человек”. Конченый

человек? Нет еще. Но бодрости духа, несомненно, уже нет, а Бальзак всегда утверждал, что состояние духа влияет на телесное состояние. Все он видит теперь в мрачном свете. Буржуазная монархия, установившаяся во Франции, кажется ему шаткой, в скором времени в Италии вспыхнет восстание, и этот пожар охватит всю Европу. “Вы не представляете себе, - пишет он Еве, - какой путь проделал коммунизм - учение, которое требует все перевернуть, все подвергнуть разделу, даже съестные припасы и товары, распределив их между всеми людьми, почитая их братьями друг другу…” Ева знает, что он думает об этом, но нельзя же вставать поперек дороги своему веку!

Чтобы встряхнуться, Бальзак попробовал совершить паломничество в Лиль-Адан, куда ездил в юности, к Вилле-Ла-Фэ. Возвращение к истокам жизни иной раз бывает благодетельным.

”Через тридцать лет я вновь увидел знакомый лес и долину, но эти любимые края, почти что моя родина, в восемнадцать лет возвратившие мне здоровье, теперь не помогли мне. Все было как во сне. Я отправился по Северной железной дороге. Потом шел-семь часов, как солдат в походе, с этапа на этап; обратно я вернулся по железной дороге. Ничто меня не захватило. На все я смотрел без волнения, не испытывая тех движений

захватило. На все я смотрел без волнения, не испытывая тех движений души, которых ждал. Ах, если б рядом со мною была ты, моя Лина, и если б я мог

сказать тебе: “Вот под этим деревом я мечтал о славе; здесь я думал о

женщине, которая меня полюбит; а там искал исцеления от тирании моей

матери и т.д…” Все тогда обрело бы смысл!..”

Он вновь становится ребенком, которому хочется приникнуть к матери и

положить ей голову на плечо. В разлуке с возлюбленной он мечтает о ней, надеется найти у нее и любовь и сочувствие, какие дарила ему Dilecta. Увы!

Ева ведет себя как суровый, да еще и малосведущий судья, не знающий

законов нужды. Бальзак чувствует, что она уязвлена, горько обижена и почти

враждебна к нему. Он так хотел бы разорвать путы всяких деловых и денежных

обязательств и поспешить к ней. “-А подумаю и вижу, что я вовсе не нужен

вам, и тогда отчаяние вдвойне терзает меня: из-за того, что меня уже никто

не ждет, и из-за того, что я не написал ни строчки… О дух мой, где ты? В

Бердичеве, на равнине русской Босы, которую я так ясно представляю себе, хотя никогда ее не видел!” И он стонет: “Будьте милостивы к

отсутствующему, постарайтесь понять его лучше, чем понимали до сих пор”.

Ну зачем она журит его за леность, вызванную избытком любви? “Сдавайте

рукопись, рукопись, милостивый государь”, - насмешливо говорит

рукопись, рукопись, милостивый государь", - насмешливо говорит волчишка.

Да, рукопись, подписанную Скорбью и Горькой Тоской, - “двумя союзниками, сокрушающими жизнь”.

Почему же та, которую он обожает, запретила ему приехать на Украину? Потому что она боится общественного мнения, потому что погрязла в материальных делах и потому что она стара (по ее словам), а ему будто бы нужны красивые и свежие женщины, потому что Сам (то есть царь) косо посмотрел бы на его приезд? И Бальзак в отчаянии ищет помощи у “милочки Анны”.

”Ваша дорогая матушка пишет мне очень мало и запрещает приехать на Украину. Такое положение я считаю противоестественным.

Я привык к вам троим, без вас жизнь мне стала невыносима. И ничто не может меня развлечь. Я теперь как собака, потерявшая хозяина и жаждущая найти его”.

Это смирение, этот печальный взгляд ласковой собаки, которую гонят прочь, раздирает душу! Эвелина все-таки любит его и не лишена доброты, в конце концов она преодолела свои страхи и склонилась на его мольбы. Пусть

он приезжает! Тотчас он стряхивает с себя оцепенение, спешит завизировать паспорт и готовится к путешествию. Издатель Суверен даст ему необходимую сумму, или же он заработает ее, опубликовав несколько новелл. “Я возьму с собой шестнадцать ржаных, хлебцев и копченый язык для своего пропитания от Кракова до Верховни”. Ах, как он счастлив, что едет! Без любимой нет ему жизни. “Все возможно с моим волчишкой. Без него все невозможно, и я все бросаю тут. Мое мужество иссякло в ожидании. Заметьте, я не жалуюсь, потому что ни один человек на свете не был счастливее меня… В вас таится бесконечность…”

И как он спешит к этой бесконечности! Нельзя ехать быстрее. Он отправился 5 сентября 1847 года по Северной железной дороге, стоившей ему так дорого, затем мчался на почтовых - скорой почтой, экстра-почтой, трясся в кибитке и в понедельник, 13 сентября, прибыл в Верховню. Ему предсказывали, что его ждут всяческие неприятности в этом путешествии по чужим странам, языка которых он не знает. Он благоразумно запасся корзинкой с провизией - морскими сухарями, сгущенным кофе, сахаром, копченым языком и бутылкой анисовой водки. Но оказалось, что его знаменитое имя повсюду обеспечивало ему радушный прием. Начальник таможни

на границе, господин Хакель, чиновник с очень приятным и умным лицом, сам вышел ему навстречу и пригласил закусить с ним “чем Бог послал”. А Бог послал ему великолепную трапезу, которая привела Бальзака в восхищение.

Разумеется, благодаря высокому покровительству начальника с Бальзаком обращались самым почтительным образом во всех грозных таможнях, которыми его пугали. Русская дисциплина произвела на путешественника благоприятное впечатление. Зато ему очень не понравилась кибитка - экипаж с плетенным из лозняка кузовом, “в котором у седока болят все косточки от дорожной тряски… Ночь была чудесная; небо походило на синий покров, прибитый серебряными гвоздиками. Глубокую тишину оживлял лишь колокольчик, непрестанно звеневший на шее лошади, серебристый и однообразный его звук в конце концов становится бесконечно милым…”

Наконец, проехав через “знаменитейший” город Бердичев, Бальзак прибыл на Украину. “Это пустыня, царство хлебов, это прерии Купера с их безмолвием. Тут начинается украинский чернозем, слой черной и тучной почвы толщиной в “пятьдесят футов, а зачастую и больше, ее никогда не удобряют…” Бальзак заснул глубоким сном, а пробудившись от чьего-то

громкого возгласа, “увидел подобие Лувра, греческий храм, позолоченный заходящим солнцем”. То была Верховня.

XXXVIII. У МАРКИЗЫ КАРАБАС

Весьма знаменательно… что мы нередко

подчиняем свои чувства собственной воле, берем своего рода обязательства перед

собою и сами творим свою судьбу.

Бальзак

Он лелеял большие надежды. Все исполнилось. Воздушные замки, которые он строил так долго, стали вполне реальным замком на Украине.

Бальзак - Лоре Сюрвиль:

”Дом у них - настоящий Лувр, а поместье величиной с наши департаменты.

Невозможно представить себе, какие тут просторы, как плодородна земля, которую никогда не удобряют, а засевают хлебом каждый год. У молодого графа и молодой графини вдвоем имеется около двадцати тысяч крестьян мужского пола, то есть в общем у них тысяч сорок “душ”, но, чтобы обработать все эти земли, понадобилось бы четыреста тысяч душ. И засевают

засевают

тут лишь столько, сколько можно убрать…”

Целых тридцать лет Бальзак мечтал о счастье стать маркизом Карабасом, и

вот он оказался будущим супругом маркизы.

Волшебные дни. Атала, Зефирина и Гренгале встретили Бильбоке с

искренней радостью. Ему отвели прекрасное помещение, состоявшее из

спальни, гостиной, и кабинета. Серебро, фарфор и ковры, особенно ковры, пушистые, королевские, вполне удовлетворяли этого требовательного

ценителя. Из всех окон, его покоев открывался вид на беспредельные хлебные

поля Украины. Таких апартаментов “для приезжих друзей” во дворце было пять

или шесть!

”Эта страна удивительна тем, что наряду с величайшей роскошью тут

недостает самых обыкновенных предметов, необходимых для комфорта. Здешнее

поместье единственное, где употребляют карселевскую лампу и где устроена

больница. В доме видишь зеркала в десять футов высотой, а стены не оклеены

обоями… Мы отапливаемся здесь соломой (а ведь Верховня - сущий Лувр). За

неделю в печах сгорает столько соломы, сколько ее бывает на рынке Сен-Лоран в Париже…”

Но радушие хозяев заставляло забывать я об отсутствии комфорта, и о суровой русской зиме. Эти боги живут на своем Олимпе по-семейному. Анна читает марсельского историка Капефига, автора десятитомного сочинения “Европа во времена Луи-Филиппа”. Сидя рядом с нею, мать вышивает. Бильбоке беседует с графом Георгом, именуемым Гренгале, о грандиозной спекуляции, ибо он видит на Украине, как и повсюду, возможность заняться выгодными деловыми операциями.

По этому поводу он обращается за консультацией к Сюрвилю. Вот в чем дело. Георгу Мнишеку принадлежит в нераздельном владении с его братом Андреем поместье Вишневичи, одно из лучших в Российской империи; в этом поместье, находящемся около Брод, имеется двадцать тысяч десятин дубовых лесов. А во Франции тогда был большой спрос на дубовую древесину, которая шла на железнодорожные шпалы. Требовалось узнать, по какой цене можно было бы продавать вишневичские дубы французским железным дорогам, учитывая

стоимость перевозки, 1) гужом от Брод до Кракова и 2) по железной дороге от Кракова до Парижа, включая и сплав бревен плотами через Рейн у Кельна и через Эльбу у Магдебурга, так как мосты-виадуки еще не построены и переправа речным транспортом неизбежна. “Возьмем приблизительные цифры. Если дубовое бревно обойдется в десять франков, да двадцать франков положить на перевоз, а всего тридцать франков, за какую цену можно продать в Париже шестьдесят тысяч бревен? Если барыш составит лишь двадцать франков с бревна, между компаньонами придется делить миллион двести тысяч франков. Да еще останется бесчисленное количество дров для топлива” Расчеты, достойные Феликса Гранде.

Удивительно, добавляет Бальзак, что такое выгодное дело еще никем не начато, но это объясняется беспечностью русских помещиков, их можно назвать своего рода креолами, на которых вместо негров работают “мужики”. Пусть Сюрвиль отвечает немедленно, так как госпожа Ганская хочет повезти своего гостя в Крым и на Кавказ - до самого Тифлиса.

”Нельзя и представить себе, какие огромные богатства накопились в России, но их сводит на нет отсутствие путей сообщения… На днях я был в

Верховенском фольварке, где молотят хлеб машинами, и на одно это селение приходится двадцать ометов высотою в тридцать шесть футов, длиною в пятьдесят, а шириною в двенадцать футов… Но воровство управителей и всякие траты намного уменьшают доходы… В Верховне приходится налаживать в усадьбе все ремесла: там есть и кондитер, и обойщик, и портной, и сапожник, и прочие мастера из числа домашней челяди. Теперь я понимаю слова покойного господина Ганского о его дворне, он говорил мне в Женеве, что у него триста слуг и даже создан из них целый оркестр…”

Хозяева Верховни завели у себя суконную фабрику, выделывавшую очень хорошие сукна - по десять тысяч “штук” в год. Француза привели в смятение эти “колоссальные богатства”.

Все земельные владения Эвелина Ганская собирается отдать своей дочери Анне в обмен на пожизненную ренту. “Я знал о ее намерениях, - пишет Бальзак Лоре Сюрвиль. - И кстати сказать, восхищен тем обстоятельством, что счастье моей жизни свободно от всякой корысти”. По правде говоря, только эта передача имения и делала возможным для Ганской вступление в новый брак. Но оставалось еще преодолеть много препятствий: получить дозволение царя, победить сопротивление родственников Ганской. “Только приехав сюда, я понял, сколько всевозможных трудностей стоит на пути к

осуществлению моих желаний”.

Ходили слухи, что в Верховне две легкомысленные женщины мешали Бальзаку писать. Факты доказывают обратное. Бальзак закончил там в декабре 1847 года второй эпизод “Изнанки современной истории”; но он еще работал и над романом “Депутат от Арси” - большим произведением с огромным количеством действующих лиц (на сцену выводится сто персонажей), работал он также над “Мелкими буржуа”, над “Театром, каков он есть” и над “Женщиной-писательницей” - начало этого многообещающего произведения позволяло надеяться, что писатель покажет “эволюцию бальзаковского общества, параллельную эволюции французского общества”. Клод Виньон, который в романе “Кузина Бетта” выступает в роли секретаря маршала Виссембургского, военного министра, а в “Комедиантах неведомо для себя” занимает кафедру в Сорбонне и ведет фельетон в “Журналь де Деба”, в романе “Женщина-писательница” становится академиком, оставаясь в то же время членом Государственного совета, и получает “по совместительству” пятнадцать тысяч франков жалованья. Жозеф Леба, бывший приказчик торговца сукнами Гильома, а затем хозяин лавки под вывеской “Кошка, играющая в

мяч”, пять лет занимает пост председателя коммерческого суда, а затем делается пэром Франции. Прославленный Годиссар, банкир и директор железнодорожного акционерного общества, уже и позабыл, что он был когда-то простым коммивояжером. Андош Фино, фигурирующий в записной книжке Бальзака как граф Фино де ла Кайери [под этой фамилией Бальзак поставил: “г-н де Савари” (прим.авт.)], несомненно, больше и не вспоминал о тех временах, когда молодые пираты журналистики дерзко обращались с ним. Ведь способность забывать наблюдается не только у отдельных лиц, но и у целого общества. Тот мир, который Бальзак носит в своей голове, писал Морис Бардеш, “живет своей самостоятельной жизнью, и вместе с тем верен исторической правде”.

Ганская не только не мешала ему продолжать работу, но побуждала к ней Бальзака. На обратном пути в Париж он писал ей: “Не упрекайте меня за то, что я мало работал. Скажите себе, что я совершил чудо - написал “Посвященного”. Речь идет о втором эпизоде романа, повествующем о филантропии; Бальзак хотел озаглавить его “Братство утешения”, а затем дал ему название “Изнанка современной истории”. Это произведение задумано было как противоположность “Истории Тринадцати”; в нем сообщество могущественных и очень богатых людей посвящает себя служению добродетели

добродетели.

Первый фрагмент, “Гнев святого”, появился в 1842 году в благомыслящем журнале “Мюзе де Фамий”. Он написан в том же духе, что и “Сельский врач” и “Сельский священник”; за эту книгу автор мог бы удостоиться Монтионовской премии Создать ее оказалось нелегко. “Сделать интересную драму без единого волка, забравшегося в овчарню, - трудная штука”.

Выход найден: ввести в овчарню раскаявшегося волка. Годфруа, молодой разорившийся денди в желтых перчатках, обретает на улице Шануанес, в тени Собора Парижской Богоматери, покровительницу, старую баронессу де ла Шантери, которую окружают четыре незнакомца, бесстрастные, словно бонзы, и пользующиеся глубоким уважением как архиепископа, так и самой высокой знати. Таинственное сообщество располагает огромными капиталами и употребляет их на то, чтобы спасать несчастных. Заговор добродетели должен быть для читателей занимательным, как похождения распутницы Торпиль. Чтобы этого достигнуть, Бальзак вспоминает историю (подлинную) шуанского мятежа.

В годы Империи старую маркизу де Комбре приговорили в Руане к

двадцати

двум годам тюремного заключения в кандалах да еще выставили у позорного

столба за то, что она скрывала у себя заговорщиков. Ее дочь, Каролина Ане

де Фероль, погибла на эшафоте. Бальзак сделал из госпожи де ла Шантери

двойник действительно существовавшей женщины, некую mater dolorosa [скорбящую мать (лат.)], над которой тяготеют жестокие воспоминания. Через

Вимара, секретаря руанского апелляционного суда, Бальзак достал текст

обвинительного акта и, передавая в романе этот документ, мало отдалялся от

подлинника. Зачем тут выдумывать? Это обычный прием романистов. Но

множество подробностей показывают, что книга писалась под крылышком

Эвелины Ганской. Незнакомцы с улицы Шануанес все читают “Подражание

Христу”. Почему? Потому что экземпляр “Подражания” был в 1833 году первым

подарком Евы Бальзаку. Писатель хранил в нем свои любовные сувениры -

засушенные цветы и обрывки лент. И эту же благочестивую книгу госпожа де

ла Шантери дает неофиту Годфруа. “Ведь в произведениях Бальзака религия, так же как и политика, зачастую носит сентиментальный и романтический

характер”, - писал Морис Регар. По вечерам Бальзак читал у камелька

хозяевам Верховни страницы, написанные днем. Даже Георг Мнишек, больше

любивший собирать коллекции насекомых, чем читать романы, казалось, был

увлечен книгой, что можно считать “одной из крупных побед Бильбоке”.

Хотя эпизод “Посвященный” написан был ослабевшей рукой, в нем есть свои

достоинства. Ради драматического эффекта та семья, которую Посвященному

(Годфруа) поручено спасти, оказывается семьей главного прокурора Бурляка, а он выступал когда-то в суде как обвинитель госпожи де ла Шантери и ее

дочери и добился для последней смертного приговора. У Бурляка имеется

вполне реальный прототип - барон Шапе-Мариво, главный прокурор при

уголовном и особом суде в Руане; имя этого человека - Бернар - писатель

дал и барону Бурляку. Роль трогательной жертвы, необходимой во всякой

мелодраме, играет Ванда, дочь Бурляка, страдающая таинственной болезнью -

польским колтуном. У доктора Кноте, состоявшего лейб-медиком в Верховне, Бальзак мог получить сведения об этой странной болезни и взять некоторые

его черты для образа доктора Альперсона, который в романе излечивает

больную Ванду. А сама Ванда, “веселое избалованное дитя, музыкантша, страстная любительница чтения, поглощающая романы, расточительница и

кокетка”, напоминает Анну Мнишек - Бальзак был гостем в чисто польском

доме и использовал знакомство с новой средой.

Рукоделие, которым занималась госпожа Ганская, в романе становится

портьерой, вышитой юной Вандой. Бальзака восхитила мысль изобразить Бурляка, несмотря на его неумолимую прокурорскую суровость, неким подобием Горио - страстно любящим отцом, который создает для своей дочери иллюзию роскоши, тогда как соседняя комната обставлена нищенскими, развалившимися вещами. Этой мыслью он, несомненно, обязан был недавно прочитанному рассказу Диккенса “Сверчок на печи”. У себя дома на улице Батай он с удовольствием вел своих посетителей по обшарпанному коридору и комнатам с голыми стенами, а затем открывал перед ними дверь в будуар, подобный чертогу из “Тысячи и одной ночи”. Конец книги одни могут счесть мелодраматическим, а другие - возвышенным, это зависит от настроения читателя. В ту минуту, когда бывший прокурор, потрясенный добротой своих спасителей, почти без чувств падает на пол, появляется, как призрак, госпожа де ла Шантери, и Бурляк, подняв на нее глаза, шепчет: “Так мстят за себя ангелы”. Сама религия принимает у Бальзака магический характер и становится орудием в руках могущественной оккультной силы. Но в плане “Человеческой комедии” сюжетом романа является не столько личная драма его героев, сколько картина парижского милосердия, столь же сокрытая от посторонних взоров, как и его пороки.

Можно представить себе, что при литературных чтениях, происходивших в гостиной верховненской усадьбы, слушательницами было пролито немало слез, и эти женщины, которые порою обращались со своим другом Бильбоке как с веселым забавником, признали, что ему доступны все виды величия. Для него прощать было вполне естественно - люди таковы, каковы они есть. Надо изображать их без всякой снисходительности, что зачастую делал Бальзак, но следует уважать в них благородные черты, которые найдутся даже у самых плохих людей.

Хозяйки Верховни повезли своего гостя в Киев.

Бальзак - Лоре Сюрвиль:

"Ну вот, я видел Северный Рим, татарский город с тремястами церквей, с богатствами Лавры и святой Софией украинских степей. Хорошо поглядеть на это разок Приняли меня чрезвычайно радушно. Поверите ли, один богатый мужик прочел все мои произведения, каждую неделю он ставит за меня свечку в церкви св.Николая и обещал дать денег слугам сестры госпожи Ганской, если они сообщат ему, когда я приеду еще раз, так как он хочет увидеть меня".

Госпожа Бальзак прислала новогоднее поздравление и сообщила, что произвела инспекционный осмотр в его доме на улице Фортюне.

”Я все нашла там в образцовом порядке, везде такая чистота, что самой рачительной хозяйке не к чему было бы придраться. У тебя два хороших сторожа, я считаю их честными людьми: им хочется, чтобы ты поскорее вернулся. Они сказали мне, что их не раз уверяли, будто ты вот-вот приедешь, но они видели, что говорится так для того, чтобы они не ослабляли усердия в работе. Твой архитектор бывает в доме, как мне сказали, раз в неделю.

Я, дружочек, всегда в твоем распоряжении, и ты знаешь, что я очень рада

бываю, когда могу быть чем-нибудь полезной тем, кого я так люблю. Можешь

рассчитывать на меня во всем и для всего в любой час моей жизни.

По старому обычаю скажу тебе, как провела я первый день Нового года.

Прежде всего сходила в церковь и, помолившись в храме Господнем, обратила

все мысли свои к вам, просила у Бога только одного: счастья для моих милых

детей…”

Бальзак наслаждался обществом своих любимых “акробатов” и,

чувствуя, как он изнурен и устал, хотел бы подольше побыть в тихой гавани, которой была для него Верховня, но необходимость сделать очередной взнос за акции Северных железных дорог заставила его уже в январе, в самые морозы, тронуться в обратный путь. Ганская дала ему лисью шубу, но холода были такие, что поверх шубы пришлось укутаться еще в теплую крылатку. Бальзак вез с собою 90000 франков, которые ему дала Чужестранка на оплату акций и на прочие деловые расходы.

Хочется думать, что, гостя на Украине, Бальзак был счастлив. Впервые в жизни он оказался в одном из тех дворцов с бесчисленной челядью, о которых мечтал с детских лет. Его не возмущало, что неизменная почтительность вышколенных слуг поддерживалась суровыми наказаниями, ожидавшими их за малейшие нарушения дисциплины. Тщетно Зюльма Карро упрекала его за бесчувственность к страданиям народа. Она была вправе удивляться, что воображение писателя, такое могучее, когда он рисовал людей своего класса, оказалось бессильным представить себе нищету и угнетение. Но будем снисходительны, ведь в течение трех месяцев он впервые чувствовал себя свободным от повседневных забот, от необходимости срочно готовить к сдаче рукописи, от мучительных тревог из-за неоплаченных векселей и счетов.

Он испытывал облегчение, как человек, но его творческая деятельность ослабела. Если он не работал в Верховне в том темпе, которого требовала прежняя горячка, то отчасти потому, что в “польском Лувре” на него не давила необходимость; к тому же продолжение “Человеческой комедии” ставило перед ее творцом новые проблемы.

Созданные им персонажи постарели вместе с ним; многие из них умерли. На кладбище Пер-Лашез уже был великолепный памятник, под которым покоились Эстер Гобсек и Люсьен де Рюбампре. Вотрен стал префектом полиции, Растиньяк вторично получил министерский портфель. Разумеется, было бы очень хорошо, если бы поэт мог оживить эти тени, которые, как мертвые герои Гомера, жаждали собраться вокруг него. Персонажи, ищущие своего создателя, теснятся в прихожих его незаконченных романов. Бальзак принимает их, он знает, что можно было бы сделать с ними, но боится, что у него не хватит сил завершить свою эпопею. Вот о чем он думал, когда, кутаясь в мех, наброшенный ему на плечи Евой Ганской, ехал в санях по унылой заснеженной равнине.

XXXIX. РЕВОЛЮЦИЯ, ПОТРЯСЕНИЯ, НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

О народ, совершающий Революцию, О море, глухое, слепое от ярости.

Виктор Гюго

Февраль 1848 года. Возвратившись, Бальзак увидел Францию, кипевшую страстями. То было время “банкетной кампании” сторонников Реформы, когда за десертом ораторы требовали всеобщего избирательного права. Тьер сравнивал кабинет министров с кораблем, который дал течь и с каждой минутой все глубже погружается в воду, Ламартин возвещал, что после революции во имя свободы произойдет революция, вызванная презрением к монархии. Даже национальная гвардия кричала: “Да здравствует Реформа!” Охлаждение буржуазии к королю было серьезной угрозой для буржуазного режима. Бальзак никогда не питал симпатии к Июльской монархии, он желал более сильной власти. Но он боялся конвульсий, сопровождающих всякий переворот.

Двадцать второго февраля он обедал у Маргонна, у которого была квартира в Париже. Из-за восстания половина гостей отсутствовала. Домой Бальзаку пришлось возвращаться пешком, так как перепуганный хозяин наемной кареты отказался прислать за ним экипаж. Толпы народа при свете факелов носили

отказался прислать за ним экипаж. Толпы народа при свете факелов носили по

улицам трупы убитых. Двадцать третьего февраля Бальзак, забыв о революции, был полон “сладостных мыслей”. “Бенгали” мечтал “о розах своего сада”.

Садом называлась его “милая киска”. Вечером он узнал, что король уступил и

пожертвовал своим министерством. “Это первый шаг Луи-Филиппа к изгнанию, или к эшафоту”, - писал Бальзак госпоже Ганской. Опасения толкали его в

лагерь ультрароялистов. “Политика должна быть безжалостна для того, чтобы

государства были крепки, и признаюсь, после всего, что я сейчас видел, я, как и прежде, одобряю и австрийский carcere duro [тюремный карцер (ит.)], и Сибирь, и прочие методы абсолютизма. Моя доктрина абсолютизма с каждым

днем приобретает все новых сторонников; к числу их принадлежит теперь и

мой зять”. Бедняга Сюрвиль! Ему тоже было страшно.

Двадцать четвертого февраля Бальзак из любопытства последовал за

колонной повстанцев и видел, как они в Тюильри разбивали зеркала и люстры, рвали красные бархатные гардины с золотой бахромой, жгли книги. Эти

сатурналии, говорил он, внушают ему отвращение. Однако ж он унес с собою

часть украшений и драпировки трона, а также школьные тетради маленьких

принцев, внуков Луи-Филиппа. Коллекционер утешил консерватора.

Виктор Гюго и его друзья желали бы спасти династию установлением регентства герцогини Орлеанской, умной женщины либеральных взглядов. Но вооруженный народ осадил Палату. Рождалась Республика. Начнется анархия, думал Бальзак, нищета, грабежи. Его не успокаивало то, что во временное правительство вошел его друг Ламартин. Бальзак считал поэта очень порядочным человеком, но опасался его лирических восторгов. Деньги утекали; акции Северных железных дорог упали еще ниже; трехпроцентные облигации падали с каждым днем. Старик Гранде скупал бы их сейчас. Бальзак написал Мнишекам, чтобы они прислали для этого деньги во Франкфурт и передали их в его распоряжение; Мнишеки этого не сделали. Паника была так велика, что невозможно было напечатать статью или фельетон. Издатели и газеты не решались рисковать.

Двадцать четвертого февраля в Тюильри Бальзак встретил Шанфлери, молодого писателя-фельетониста, принадлежащего к парижской богеме. Двадцать седьмого февраля он пригласил Шанфлери к себе на улицу Фортюне и принял его, облачившись в свою знаменитую белую сутану. Гость нашел, что Бальзак очень хорош собою.

”Живые черные глаза, могучая шевелюра с пробивающейся сединой, яркие краски лица, в которых резко перемежались желтоватые и красные тона на щеках, какая-то странная щетина на подбородке придавала ему вид веселого вепря… Он смеялся часто и громко, от смеха у него колыхался живот, за приоткрытыми полными румяными губами виднелись редкие зубы, крепкие, как клыки…”

Бальзак продержал у себя Шанфлери три часа и надавал ему много советов. Молодой литератор писал маленькие рассказы. “Рассказики ни к чему не приведут, - говорил Бальзак. - Ваши новеллы слишком коротки; если долго заниматься сочинением таких вещей, это должно сузить кругозор”. Он вспомнил, что знал одного человека, по фамилии Берту, уроженца Камбре, который каждую неделю печатал новеллу в газете “Ла Пресс”. “Года два он имел успех. А потом что с ним сталось?.. Сочиняйте новеллы и рассказы, раз это вам нравится, но не больше трех в течение года. И смотрите, пишите их только для своего удовольствия; за десять лет вы опубликуете тридцать новелл, считая по три в год. Если вам удастся создать двадцать шедевров из числа этих тридцати новелл, вы должны почитать себя счастливым. Зато

десять месяцев в году пишите пьесы для театра, чтобы зарабатывать деньги, много денег, потому что художник должен вести роскошную жизнь”.

Присоединяя к наставлениям пример, он показал гостю свою галерею и заявил, что Ротшильд очень завидует ему. Осматривая коллекцию, молодой литератор с

удивлением думал: “Я же знаю эту галерею! Где я видел ее?” И вдруг он

узнал ее: это была галерея кузена Понса.

Шанфлери выпала удача встретиться с Бальзаком, когда тот был в хорошем

расположении духа, но очень скоро события вновь повергли его в тревогу.

Казалось неизбежным столкновение между буржуа и рабочими. Люди в блузах

против людей в сюртуках. Выборы на основе всеобщего избирательного права

были назначены на апрель. Бальзак написал в газету “Конститюсьонель”, что

он готов баллотироваться. Никто, говорил он, не имеет права уклониться “в

тот момент, когда Франция призывает всех, олицетворяющих ее силы и разум”.

Он не обольщался относительно своих шансов на успех. “Большинство людей -

посредственности, - сказал он Александру Вейлю, встретив его на бульваре, - а потому они в общем и голосуют за подобных себе посредственностей… Вы

верите, что Ламартин может быть главой Республики? Только до тех пор, пока

он будет позволять, чтобы вожаки тащили его за собой на буксире. Но в тот

день, когда ему вздумается самому навязать им хотя бы одну из своих идей, одного из своих приверженцев, его раздавят, как стеклянный стакан". А что

касается его, Бальзака, то, если его не выберут, он уедет из Франции. Но

возможно ли будет уехать? Революция уже перекинулась в Германию, в Австрию

и в Польшу.

Его не оставляла мысль вернуться в Верховню. Ну что ему делать в

Париже? Две его кормилицы - литература и театр - теперь плохо питают его, к тому же он не желает быть гражданином Республики. Пока Ламартин состоит

министром, нетрудно будет получить заграничный паспорт. Но до отъезда

необходимо расплатиться с долгами. Где найти денег? Ему предложили

возобновить постановку когда-то запрещенного "Вотрена", однако предложение

сопровождалось бесчестными, по мнению Бальзака, требованиями - чтобы актер

Фредерик Леметр передразнивал низложенного короля. "Это гнусно, и я не

соглашусь на это даже за восемьдесят тысяч франков". Но вот маленькая

удача в его жизни: Луиза де Бреньоль, именовавшаяся "дрянью", вышла замуж, но не за скульптора Эльшота, а за богатого промышленника Шарля-Исидора

Сего - неожиданный брак, обращавший эту интриганку в невестку пэра

Франции! "Не сошел ли с ума этот человек? - пишет Ганской Бальзак… -

Какая, однако, удача! Она дает мне уверенность, что уж теперь эта оса не ужалит моего дорогого волчишку!..” Можно было надеяться, что, после того как Луиза де Бреньоль сделала такую хорошую партию и стала светской дамой, она больше не будет заниматься шантажом и вернет наконец последние из украденных ею писем.

Резкие повороты парижской жизни поражают своей внезапностью. Уже в начале марта Жирардены дали блестящий вечер. Вокруг Бальзака все - и буржуа и финансисты - спекулировали, покупали по низкой цене земельные участки и дома. Денежные люди - все игроки, они всегда верят, что следующий кон принесет им удачу: “Так как Республика не продержится больше трех лет (это самый долгий срок), надо постараться не упустить выгодных случаев… У нас неизбежно будет какой-нибудь диктатор или диктатура, и мы возвратимся к монархии, лицемерно именуемой конституционной…” - писал Бальзак Ганской. Но пока что нужно было найти себе работу.

Возрождалась надежда на театр. Мари Дорваль искала пьесу для Театр-Историк, где руководителем был Гоштейн. У Бальзака лежали в его папках наброски драмы “Мачеха”, которая подошла бы театру, и автор мог быстро ее дописать. В издательском деле и книжной торговле был застой,

театр оставался последней надеждой, а Бальзак переживал такую полосу безденежья, что приготовленное на обед жаркое приказывал растянуть на целую неделю.

Госпоже Ганской:

”Чувствую, как постарел. Работать становится трудно, в светильнике остается немного масла, лишь бы он в силах был осветить последние рукописи, которые я собираюсь завершить. Пять-шесть пьес для театра все могут уладить, а мозг мой еще достаточно живо работает, чтобы я мог их написать. Но последние вещи я пишу со слезами - это моя прощальная дань.

Да, я уже больше не жду для себя ничего хорошего… Есть люди, которые словно созданы для того, чтобы знать в жизни только горести, тогда как другим все улыбается. Но я смиряюсь. Благодарю вас, благодарю Господа Бога

за все счастье, которое вы мне подарили”.

Ах, если бы Бальзак мог достигнуть в театре того же, что и в литературе, он был бы спасен и богат. Но как работать среди беспорядков? “Скоро произойдет сражение, и Республика проиграет его”. А тогда поднимутся все ценные бумаги. Вот если б Жоржи (Георг Мнишек) доверил ему

100000 франков! Сейчас на 27000 франков можно было бы купить столько

акций

Северных железных дорог, сколько раньше на 120000! Контрреволюция, несомненно, победит: “Мы не только на вулкане, мы в самом жерле вулкана”.

Когда Бальзак писал эти строки, он слышал, как на улице толпа пела

“Марсельезу”.

Хотя у Бальзака расстроилось зрение (у него двоилось в глазах, и Наккар

опасался паралича зрительного нерва), драма “Мачеха” двигалась вперед. Он

надеялся прочесть пьесу актерам 9 апреля. “Мы сыграем ее 29 апреля… Если

мне повезет в театре, все спасено. Я стану Скрибом в драме и буду

зарабатывать по сто тысяч франков в год”. Но как писать в такой атмосфере?

Баронесса Ротшильд, барометр политического давления, полна “мрачного

спокойствия, предшествующего буре”. Бальзак думал, что после выборов в

Национальное собрание вспыхнет гражданская война. Однако он не снял своего

имени из списка выдвинутых кандидатов в депутаты - раз объявлена лотерея, он не мог оказаться безучастным свидетелем и не взять билеты. Он оставался

пессимистом. Может быть, через полтора месяца в Европе не уцелеет ни

одного трона. “И знаете ли, не следует обольщаться. Король был символом

собственности. Боюсь, что через некоторое время нападут и на

собственность…” Это уж было бы концом всего. Пусть госпожа Ганская

хорошенько запомнит, что даже в России собственность окажется под угрозой.

Если придется бежать с Украины, Еву ждет убежище в Париже, так как через

три месяца Париж будет самым надежным городом в мире. Мятеж породит там

диктатуру.

Девятого апреля он прочел два акта “Мачехи” Мари Дорваль и Гоштейну, и

они, казалось, были восхищены. Шестнадцатого апреля, хотя глаза у него

болели, он прочел третий акт. Директор Ипполит Гоштейн, состоявший в связи

с актрисой Маргаритой Лакресоньер, умолял Бальзака дать ей роль. Какие

интриги! Какие неприятности! “Писать для театра, знаете ли, - это значит

согласиться вести безумную жизнь”. И подумать только, у него в работе

шесть пьес! “Но в театре я заработаю необходимые мне пятьсот - шестьсот

тысяч франков, или же я сдохну!” Кстати сказать, совершая эти Геркулесовы

подвиги, он учится драматургическому ремеслу, и вскоре ему будет так же

легко писать пьесы, как и романы. Что касается политики, в Париже, гул

стоит от всяческих слухов. Дураки карлисты вообразили, будто “старая

англичанка” госпожа Ламартин, “дочь купца, торговавшего сыром”, посадит на

престол Генриха V. “Можно лопнуть от смеха”. А впрочем, как знать! Всякое

бывает. Тогда Бальзак станет по меньшей мере префектом Эндры-и-Луары или

же директором департамента изящных искусств или же получит патент на

табачную лавочку.

А пока что Париж остается угрюмым; на Елисейских Полях теперь проезжает

пятьдесят экипажей вместо десяти тысяч, дефилировавших там в прошлом году.

Правительство затыкало рот прессе. “Нам дана свобода умирать с голоду, равенство в нищете, братство в трущобах”. По бульвару проходили процессии

землекопов. Девятнадцатого апреля, как раз перед выборами, Бальзак

поместил в газете “Конститюсьонель” письмо, в котором ратовал за

устойчивую власть.

”Начиная с 1789 года и до 1848 года Франция, или, если угодно, Париж, каждые пятнадцать лет меняли характер своего правительства. Не пора ли

ради чести нашей страны найти, создать прочную форму государства, господство длительной власти для того, чтобы наше благоденствие, наша

торговля, наши искусства, дающие жизнь торговле, кредит, слава - одним

словом, все достояние Франции не ставилось бы периодически под вопрос? По

правде сказать, наша история за последние шестьдесят лет могла бы

объяснить историческую проблему исчезновения тридцати Парижей, от которых

остались лишь обломки в нескольких точках земного шара, где их откроют путешественники и украсят свои музеи памятниками прежних времен, породивших нынешний Париж.

Да будет новая Республика могущественной и мудрой, ибо нам нужно правительство, которое подпишет договор на более долгий срок существования, чем пятнадцать или восемнадцать лет, да и то по воле второй договаривающейся стороны! Вот мое пожелание, равносильное исповеданию веры…”

Двадцать третьего апреля Франция голосовала. Бальзак получил десятка два голосов, не больше! А за Ламартина голосовало (в одном только Париже) 259800 человек. Откровенно говоря, вполне естественно, что монархические убеждения Бальзака не принесли ему голосов избирателей. Хотя в результате выборов прошли “умеренные”, будущее в глазах Бальзака оставалось тревожным. Париж, как он полагал, не примет того состава Национального собрания, который ему посылала провинция. Больше чем когда бы то ни было Бальзак хотел уехать из Франции. Ламартин обещал ему выдать заграничный паспорт; оставалось только получить русскую визу. Пока что Бальзак заканчивал “Мачеху”, обедал у герцогини де Кастри (“Она просто ужасна, настоящий труп”) и принимал у себя свою бывшую свояченицу Алину

настоящий труп*) и принимал у себя свою будущую свояченицу Алину Монюшко.

Она привезла к Бальзаку свою дочь Полину, очень красивую девушку.

Третьего мая он видел у герцогини де Кастри пьесу Мюссе “Каприз”, поставленную любительской труппой. Роже Альденбург (внебрачный сын герцогини и Виктора Меттерниха) был “смешон” в роли Шавиньи; госпожа де Контад очень плохо сыграла роль Матильды. “Отчего получается, что светская женщина, изображающая на сцене светскую женщину, теряет всю свою прелесть и становится отвратительной?.. Как это возвышает настоящих актеров и доказывает их талант!..” С улицы Бак на улицу Фортюне он возвращался пешком. Хорошая прогулка! Всю дорогу он мечтал о Верховне: “С какой радостью я отдал бы все свои драмы за то, чтобы попить с вами чайку за большим, покрытым клеенкой столом в вашей столовой, а я должен ждать, когда поставят мою пьесу и подымется занавес в угоду бестолковой публике, которая меня освищет!..”

В день святого Оноре (16 мая) на улицах Парижа забили общий сбор. Мари Дорваль (у которой только что умер ее внук Жорж Люге) отказалась от роли Гертруды в “Мачехе”, и роль эта по желанию Гоштейна была передана его любовнице. И все же пьеса имела блестящий успех - первый успех, достигнутый Бальзаком в театре. Наконец-то ему удалось вложить в драму силу, присущую его романам.

Сюжет пьесы таков. Гертруда де Мейлак служит гувернанткой в доме графа де Граншан, старого наполеоновского генерала, ставшего при Реставрации фабрикантом-суконщиком в Лувье (довольно странный конец военной карьеры); ей удалось женить на себе этого генерала, достославного обломка Империи, дочь которого, Полину, она воспитала. Гертруда любит Маркандаля, молодого управляющего графа, и, узнав, что в него влюблена и Полина, пытается отравить свою падчерицу. Бальзак сам указал истоки пьесы. Как-то раз, будучи гостем в одном семействе, с виду очень дружном, он заметил, какими свирепыми взглядами обменивались мачеха и падчерица, и угадал, что они ненавидят друг друга. Он не стал добиваться сведений об этих двух женщинах, как полагается делать писателю-реалисту, а предпочел довериться своей интуиции. К семейной драме он примешал картину эпохи, написанную в лучших традициях "Человеческой комедии". Молодой Маркандаль, претендент на руку Полины, - сын генерала, изменившего Наполеону в 1815 году, Граншан, ярый бонапартист, наказывает клятвопреступника даже во втором поколении - он не отдаст Маркандалю свою дочь. Это вражда Монтекки и Капулетти.

Теофиль Готье написал восторженную статью: "Театр-Историк вопреки неблагоприятным обстоятельствам и летней жаре только что достиг успеха, которому мы очень рады, потому что он побудит гениального писателя

посвятить драме и комедии редкие качества, которые он проявил в романе".

Готье задается вопросом, почему самый глубокий знаток сердца человеческого

раньше не проявил в театре поразительного своего таланта, делавшего его

литературным феноменом, столь же удивительным для физиологов, как и для

поэтов, и дает такой ответ: "Цензура, сейчас фактически уничтоженная, была

в данном случае самой малой помехой, тут надо говорить о трудностях

внутреннего порядка, о скрытых ловушках, о тайном отвращении, о нарочито

воздвигаемых преградах, о всяческих препятствиях, отделяющих замысел

произведения от его осуществления перед рампой…" Гордость гения

возмущается этими западнями: "Директор, режиссер, актеры мужского и

женского пола, статисты… машинисты, декоратор и осветитель одержимы

одной мыслью: навязать вам не ту драму, которую вы написали, а другую…

Вы уступаете их требованиям, и публика освистывает все те глупости, которые они всем скопом нагородили".

На этот раз у Бальзака руки были развязаны, и критика единодушно

отнеслась к нему благожелательно. Теофилю Готье, дружественному судье, вторил Жюль Жанен, зачастую враждебный Бальзаку в своих отзывах. "Мачеха", - писал он, - вполне удавшаяся пьеса; лишний раз этот замечательный

романист показал, что он умеет сочетать высшую степень изящества и

силу…

естественность, искусство и талант”. К несчастью, политические бури оказались роковыми для спектакля. Париж горел в лихорадке восстания. Многие не решались выйти из дому. Со второго представления театр на две трети пустовал. Гоштейн уведомил автора, что увозит свою труппу в Англию. Пьесу возобновят позднее, когда волнения стихнут. “Мачеха” не принесла Бальзаку и пятисот франков! Но похвалы действовали ободряюще, побуждали и дальше идти по этому пути. У Бальзака были замыслы других пьес: “Мелкие буржуа”, “Меркаде”, “Оргон”, “Безумное испытание”, “Ричард Губчатое Сердце”, “Петр и Екатерина”. Ганской он сообщал, что напишет все эти пьесы “для очистки совести”. “Если же до декабря этого года положение не изменится ни для моей жизни, ни для моего сердца, я больше не стану бороться, пусть течение потихоньку уносит меня, как утопленника. Вы больше ничего не услышите о Бильбоке…”

Этот элегический тон порожден новыми тревогами, вызванными Евой. Она была внимательна и нежна к своему любовнику, пока тот гостил в Верховне, а лишь только он вернулся в Париж, стала как будто равнодушной и

черствои.

Эта чувственная женщина испытывала потребность в непосредственной близости, тогда как у Бальзака с его богатым воображением любовь кристаллизовалась на расстоянии. Он писал Ганской целые тома, в ответ получал записочки. Она советовала ему жениться на молоденькой. Алина Монюшко, которой он показал это невероятное письмо, сразу же предложила ему в жены свою дочь Полину, и он счел это еще более невероятным. Бросить красивую юную девушку в объятия пятидесятилетнего мужчины… Но сестры были врагами друг другу.

Маргонн, видя, что он печален и одинок, обычным своим холодным и изысканно вежливым тоном пригласил его к себе в Саше, где писатель мог спокойно поработать. Бальзаку хотелось закончить роман “Мелкие буржуа”, и, кроме того, его угнетало необъяснимое молчание Чужестранки - он принял приглашение.

Сначала Саше хорошо подействовало на него, он вновь увидел родную Турень, ее леса, ее прекрасные долины, маленькие замки, описанные в “Лилии долины”. Вспоминая день за днем счастье, пережитое в Верховне, он сравнивал себя с Луи-Филиппом, который в своем изгнании в Клермоне наверняка с тоской вспоминал о Тюильри. Февральская революция нисколько не

нисколько не

изменила жизни в замке. Госпожи де Маргонн, унылой горбуньи, уже не было в

живых; все так же яростно после завтрака и после обеда Маргонн и его гости

сражались в вист с соседними мелкими помещиками. Вино из виноградников

Вуврэ бросалось в голову, а работа над “Мелкими буржуа” совсем не

двигалась. Несмотря на строгую бережливость Маргонна, ели в его доме

хорошо, слишком хорошо для Бальзака, у него усилились одышка и перебои в

сердце. Ему трудно было подниматься в гору, а еще труднее взбираться по

ступенькам лестницы - он задыхался. Он думал, что у него отек легких, что

разбухшее сердце “переполнено кровью”.

К этому надо добавить тяжелые потрясения: кровавые июньские дни в

Париже; двадцать пять тысяч убитых, Ламартин навлек на себя “глубочайшее

презрение”, закрылись театры. Маргонн готовился уехать из Саше, считая его

не очень надежным убежищем в случае всеобщего восстания. Хотя Бальзак

находил Париж еще менее надежным, у него не оставалось другого выхода, как

вернуться на улицу Фортюне. Все же он радовался, что его не было в Париже

в дни восстания, ведь ему пришлось бы в рядах национальной гвардии

атаковать баррикады повстанцев; его плотная фигура представляла бы собой отличную мишень. К счастью, он уехал в Саше своевременно и в штабе не могли заподозрить, что он дезертировал, сознательно нарушив обязанности солдата-гражданина.

В Париже его ждал чудесный сюрприз: несколько длинных писем от любимой. Значит, он напрасно обвинял ее, думал, что она забыла его. Виновата во всем оказалась почта, а не равнодушие. О, эти любовные письма! “Уже полдень, а я их читаю с десяти часов утра!.. Это райское блаженство. Видели вы когда-нибудь дрозда, опьяненного виноградным соком, когда идет сбор винограда?.. Он как в раю. Вот и я упиваюсь, пью без передышки из источника вашей души, переживаю за два часа два месяца вашей жизни. Это неописуемо…” Тотчас же он отвечает на “распекание”. Ну как она могла встревожиться по поводу нелепой выходки Алины, предложившей Бальзаку в жены собственную дочь? Уже семнадцать лет, с тех пор как он увидел в Невшателе некую даму в фиолетовом бархатном платье, он мечтает только об одной женщине. “Полноте, мы будем вместе жить и вместе будем покоиться in aeternum [в вечности (лат.)] - пусть даже и в вечности меня распекает моя неизменная спутница. И сейчас в угрюмом и обезлюдевшем Париже, из

которого

выехала треть его населения, мне весело - вы знаете отчего. Ведь я вижу, что вы любите меня так же, как я вас люблю…”

А в доме у него полный беспорядок. Занелла стряпает плохо и не

прибирает как следует: “Ах, если б вы знали, как мне нужна “жи-ина”! В

ожидании того счастливого времени, когда его жена возьмет в свои руки

бразды правления в доме, он возлагает на мать и на своих племянниц Софи и

Валентину обязанность сделать инвентарную опись всего имущества. Когда он

поедет на Украину, мать, всегда готовая к услугам сына, поселится на улице

Фортюне. К счастью, есть кое-какие денежные поступления. Комеди-Франсез

дает ему аванс в сумме пяти тысяч франков под будущую пьесу “Мелкие

буржуа”, а театр Одеон предлагает пять тысяч франков за “Ричарда Губчатое

Сердце”. Как знать может быть, он еще проживет достаточно долго, чтобы

перевести “Человеческую комедию” в драматургический план. Это было бы

замечательное предприятие! Кроме того. Ганская прислала десять тысяч

франков, что позволило сделать новый взнос за акции Северных железных

дорог - акции нужно сохранить во что бы то ни стало, так как строительство

железнодорожной сети скоро будет завершено и курс акций поднимется до

тысячи франков. Сколько приятных новостей! От них исчезли перебои в сердце. Любимая прислала в письме цветок розового подснежника. Сразу Бальзак чувствует себя молодым и гонит прочь все сомнения.

Четвертого июля умер Шатобриан. “Пережив июньские дни, Париж как будто отупел, в ушах у него все еще стоял шум ружейных перестрелок, гул набата, пушечных залпов, и он не услышал того торжественного молчания, что сопровождает кончину великих людей…” - писал Виктор Гюго. Бальзак участвовал в погребальном шествии. Вокруг него парижане болтали о своем. “Эти похороны были уроком. Все было холодно, рассчитано, бездушно. Пришли словно на биржу”, - писал он Ганской. Вечером Бальзак обедал у Сюрвилей и играл в вист. На улицах слышалось: “Проходи! Стой! Кто идет?” Глухих или рассеянных, помедливших с ответом, убивали.

Бальзак тотчас решил выставить свою кандидатуру в Академию, чтобы занять освободившееся кресло Шатобриана. Разве не нужно было для славы Академии, чтобы умершего великого писателя заменил великий живой писатель? Гюго, с которым Бальзак говорил, обещал ему свой голос. Он восхищался Бальзаком и через Вакери просил его написать фельетон для газеты

“Эвенман”, которую он основал. Редкостная удача в эти дни хаоса! Между

Огюстом Вакери и Бальзаком завязалась дружба. Вакери, готовившийся

поставить на сцене свою драму в стихах “Трагальдабас”, пригласил Бальзака

на репетицию. Возвращались они вместе пешком от театра Порт-Сен-Мартен до

Фобур-Сент-Оноре. “Трагальдабас” совсем не нравился Бальзаку

(“Отвратительная пьеса из породы “под Гюго”), но он охотно вел

доверительные разговоры со своим молодым спутником. Он начинал верить в

воцарение Генриха V; тогда ему, Бальзаку, можно будет попросить, чтобы его

назначили послом в Лондон или в Санкт-Петербург. “Как жаль, - говорил он, - что Виктор Гюго скомпрометировал себя, присоединившись к Республике!..

Не будь этого, любые честолюбивые притязания стали бы для него дозволены”.

Вакери робко заметил, что ведь и Бальзак также добивался избрания в

депутаты. “О, это большая разница, - ответил Бальзак, - меня же не

выбрали”.

Семнадцатого августа он прочел в Комеди-Франсез свою пьесу “Меркаде”

(по-новому называвшуюся “Делец”). Читал он изумительно. Теофиль Готье, слышавший эту пьесу раньше, восхищался актерским талантом Бальзака.

”Его чудище тявкало, мяукало, ворчало, рычало, вопило на все лады, возможные и невозможные. Незаплаченный Долг сначала пел соло, и его арию поддерживал мощный хор. Кредиторы вылезали отовсюду: из-за печки, из-под кровати, из ящиков комода, из камина; одни проскальзывали сквозь замочную скважину; другие забирались через окно, как любовники; иные выпрыгивали из чемодана, как игрушечные чертики из шкатулки с сюрпризом, а прочие проходили сквозь стену, будто через люк. Такая сутолока, такой галдеж, такое нашествие, словно волны морского прилива. Меркаде тщетно пытался стряхнуть их с себя, на приступ шли другие, и до самого горизонта смутно виднелось мрачное кишенье марширующих кредиторов, целые полчища термитов спешили пожрать свою добычу”.

”Никогда, - сказал Жюлю Кларети один из актеров, слушавших чтение, - никогда еще ни один человек не создавал у меня такого ощущения. Гений - это непреодолимая сила”. Пьеса была принята единогласно, но Бальзак, рискуя потерять все шансы на удачу как в театре, так и в Академии, стремился лишь к одному - вновь уехать на Украину. В нем говорил не столько страх перед революцией, сколько потребность быть возле любимой.

”Я верховничал весь день, и в мечтах я настолько переношусь в Верховню, что вижу даже самые незначительные мелочи ее обихода. Мысленно я открываю

шкаф со сластями, тот, что стоит у окна в твоей спальне рядом с дверью

красного дерева, которая ведет в туалетную комнату, пересчитываю пятна

воска от свечей, оплывавших на бархатную скатерть того стола, за которым

мы играли в шахматы… Раскрыв большой шкаф, смотрю на носовые платки

моего любимого волчишки… сижу за чаем, который подавали в половине

девятого в спальне мадам Эвелины. Клянусь честью, любовью к тебе - я живу

там…”

Да, это действительно любовь. У далекой возлюбленной уже нет огромного

состояния; ей сорок восемь лет. “И если меня томит неодолимая жажда быть

возле своего волчонка, если я живу лишь для того, чтобы чувствовать свою

киску, если меня гложет желание услышать шелест твоего платья, сомненья

нет, это настоящая любовь…”

Он уже готовился к путешествию и к свадьбе. Разыскав священника своей

приходской церкви Сен-Филипп-дю-Руль, который был с ним очень любезен, Бальзак получил от него demissiorium - разрешение на бракосочетание в

одной из польских епархий. Русский посол дает ему визу, но киевский губернатор направляет секретные инструкции военному губернатору Одессы: “Его императорское величество соблаговолили милостиво разрешить французскому литератору Бальзаку, приезжавшему в Россию в прошлом году, снова приехать… Честь имею просить ваше превосходительство держать его под строгим надзором и аккуратно уведомлять меня о результатах таковою”.

Решив все бросить и в случае нужды принять русское подданство, если царь этого потребует, Бальзак 19 сентября поехал к своей “полярной звезде”. Он оставил Лоран-Жану доверенность, дав ему полномочия блюсти его литературные и театральные интересы. Госпожа Бальзак назначалась правительницей особняка на улице Фортюне. С этим “гнездышком”, хоть оно и “достойно было двух ангелов”, он расстался без сожаления. Он чувствовал себя чужим новому миру, рождавшемуся в Париже и во всей Франции. Для того чтобы описать преобразовывавшееся общество, ему не хватало дистанции во времени и свободы мысли. Да и как работать, когда он горит желанием поскорее вступить в брак, который был бы для него спасением! Больной всегда бывает немного ребенком. Измученный, задыхавшийся, он чувствовал потребность положить голову на плечо ласковой матери. Пусть мать-

любовница

иной раз и пожурит расточительного сына - это не убивает любви. Наоборот.

А кроме того, если мощь его воображения и уцелела (об этом свидетельствуют наброски - начальные отрывки романов, написанные в то время), у него не хватает теперь физических сил, чтобы построить и закончить эти произведения; он надеялся, что в украинском уединении здоровье вернется к нему.

XL. ЛАДЬЯ В ТУМАНЕ

Я состою в оппозиции, которая

называется жизнью.

Бальзак

Конец 1848 года и весь 1849 год Бальзак прожил в Верховне. После парижской сутолоки и тревожной сумятицы он попал в тихую заводь. Ему отвели прекрасные комнаты, к нему приставили слугу - великана Фому Губернатчука, который иной раз кланялся ему в ноги. Утром, когда он входил в свой рабочий кабинет, прислуживавший ему мужик разводил жаркий огонь в

огонь в

камине. Бальзак, обутый в меховые домашние туфли, кутался в халат из

термоламы, черкесской ткани, удивительно теплой и легкой. Казалось, будто

он “облачен в солнечное сияние”. На письменном столе горели свечи в

серебряных канделябрах. Бальзак не спеша работал над несколькими вещами -

“Мадемуазель дю Виссар, или Франция во времена Консульства”, “Женщина-писательница” - или принимался за “Театр, как он есть”. Но это

уже не был тот каторжный труд, когда просроченный вексель заставлял его

писать по новелле за ночь. Во время пребывания Бальзака в Верховне, если в

Париже вдруг срочно требовались деньги, он обращался к своей хозяйке, и

она через посредство русского банкира пересылала нужную сумму Ротшильду.

Легкость убивает плодовитость.

Нельзя сказать, что владелица усадьбы всегда благожелательно принимала

просьбы о деньгах. Свои поместья она отдала дочери, выговорив себе только

пожизненную ренту, что ограничило ее средства. Оставалась последняя

надежда - граф Георт Мнишек, но молодая его жена, графиня Анна, была

мотовкой, и сам Мнишек увяз в долгах. Огромные имения давали супругам

смехотворно малый доход. Обоих тревожил брак их матери с расточительным

французом, обремененным тяжелым пассивом. Они с радостью дали у себя приют

гениальному гостю, оживлявшему дом, но опасались, что Эвелина Ганская

возьмет на себя во Франции непосильные денежные обязательства. Прекрасный

особняк на улице Фортюне, о котором с такой гордостью рассказывал Бальзак, не был еще полностью оплачен, большие деньги Бальзак оставался также

должен и за обстановку. Да и не придется ли будущей госпоже де Бальзак

содержать на свои средства всю семью своего супруга? У свекрови не

осталось ни гроша; госпожа Ганская уже обещала выдавать ей на содержание

по тысяче двести франков в год. Зять Сюрвиль тоже жаловался - дела его, как всегда, шли плохо, жених Софи ретировался, и Лоре предстояло дать

приданое двум дочерям. Узы сердца и ума, соединявшие Бальзака с его

“полярной звездой”, оставались прочными, но Ганская все еще колебалась, не

решаясь скрепить их браком. Во всяком случае, следовало подождать, пока

Бильбоке расквитается со всеми своими долгами. А как можно доверять

человеку, который никогда не умел отличать подделку от настоящих

ценностей?

Эти сомнения, которые он угадывал и которые Ганская зачастую откровенно

высказывала, терзали Бальзака. Ведь он выбился из сил, и лишь этот

феерический брачный союз мог, как ему казалось, восстановить его

положение

и дать ему счастье. Академия? Он поручил матери развезти его визитные

карточки всем “бессмертным”, но разве карточки заменяют” личное посещение?

“Ты мне в обрез отсчитал карточки для академиков. Скоро будет

баллотировка. А не нужно ли было бы предпринять еще какие-нибудь шаги?” -

робко спрашивала матушка. Одиннадцатого января должно было решиться, кто

из кандидатов займет кресло покойного Шатобриана. Когда Виктор Гюго в этот

день сел на свое место, Ампи и Понжервиль (два “бессмертных”, обреченных

на самое смертельное забвение) наклонились к нему и прошептали: “Бальзак, не правда ли?” Гюго ответил: “Ну конечно!” Было только два кандидата: герцог де Ноай и Бальзак. Герцог де Ноай получил двадцать пять голосов, Бальзак - четыре; два бюллетеня признаны были недействительными, один

оказался пустым. Через неделю состоялись новые выборы на место умершего

Вату. Бальзак получил два голоса - за него голосовали Гюго и Виньи. Если

бы учитывали голоса по их весомости, то Бальзак был бы выбран; но их

просто подсчитывали, и поэтому прошел граф де Сен-При. Автор “Истории

завоевания Неаполя” одержал верх над автором “Человеческой комедии”.

“Всякое собрание - это народ”, - сказал кардинал де Ретц. Лоран-Жан писал

Бальзаку: “Подсчет был плох, зато академики уж очень хороши”.

Тем временем матушка царила на улице Фортюне над Франсуа и Занеллой и выдерживала атаки нотариуса, сборщика налогов и поставщиков. Ей дано было предписание подгонять обойщика, приобрести хрустальные розетки для канделябров, выкупить из ломбарда и доверить в качестве образца ювелиру Фроман-Мерису серебряное блюдо, по которому тот должен сделать несколько мелких тарелок, чтобы пополнить сервиз; заказать очень красивые консоли наборной работы в духе изделий Буля, украшенные химерами (красноречивый герб), на консоли водрузить две китайские вазы, которые при переноске следует поддерживать снизу - ведь если ухватить их сверху, они могут надломиться. Словом, на мать возложено сто поручений, требующих множества хлопот и волнений, утомительных для старухи семидесяти двух лет, но она успешно со всем справляется. Сын дозволяет ей разъезжать по его делам в наемном экипаже (а не в омнибусе, хотя этот вид транспорта стоит всего шесть су). Она хорошо питается, живет в тепле и наслаждается в этом очаровательном доме комфортом, тем более для нее ощутимым, что перед этим она находилась в стесненных обстоятельствах, граничивших с нуждой.

Почти всегда она просыпается около четырех часов утра и прежде всего возносится душой к Господу Богу, затем нежится в постели до шести

часов. Она одевается одна, без помощи Занеллы, идет к мессе, дает затем распоряжения слугам, говорит Франсуа: “Нынче сыро, нужно калорифер затопить”; заказывает Занелле обед: “Суп, вареные каштаны, немного рыбы”. Вечером читает “Подражание Христу” и вяжет покрывало на постель для своей внучки Софи. Разумеется, жизнь довольно однообразная - хоть бы разочек сыграть в трик-трак или в шашки, но, “живя в твоем волшебном дворце, где мне так хорошо прислуживают, я все вспоминаю прежние счастливые дни. Проживи отец еще хоть несколько лет, я пользовалась бы теперь если и не такой роскошью, то, во всяком случае, удобствами, соответствующими моему возрасту и положению!.. Но я за все Господа благодарю, да будет воля его…” - пишет она сыну.

Оноре проявляет к ней некоторое внимание, вполне ею заслуженное, поскольку она немало трудится ради него; зато он сурово выговаривает ей, если она совершит какую-нибудь ошибку. Он добился от своей Евы, чтобы она послала его матери 31000 франков на очередной взнос за акции Северных железных дорог и на уплату некоторых долгов. Ротшильд обязан был выплатить присланные деньги на дому, по адресу получательницы: улица Фортюне, дом N. 14, госпоже Саламбье. Почему указана девичья фамилия матери? Да

N_14, госпоже Саламбье. Почему указана девичья фамилия матери? Да потому, что Бальзак сам должен деньги этому банку и боится, как бы какой-нибудь не в меру усердный кассир не перехватил в уплату долга часть поступившей суммы, увидев имя “Бальзак”. Но когда служащий банка явился в “волшебный дворец”, слуги заявили, что они знать не знают госпожи Саламбье! Разумеется, банк Ротшильда, которому сообщили: “Госпожа Саламбье? Таковая не известна”, поднял тревогу в русском банке Гальперина, через который Ганская переводила деньги. Гальперин запросил в Верховне новых указаний. Какое унижение для Бальзака! “Ну просто нож в спину! - жаловался он матери. - Да еще сколько раз его повернули в ране. Как я страдал!”

И зачем его мать допускает такую неосторожность, что открыто говорит в своих письмах о денежных неприятностях Лоры? Как она осмелилась написать, что Сюрвиль будет разорен, если не удастся дело с Капестаном (речь шла об осушении болота в департаменте Эро)? Госпожа Бальзак и понятия не имеет, что значит прибытие почты в таком далеком углу, как Верховня! Приезжает верхом из Бердичева казак, привозит почту. Его нетерпеливо ждут, сообщают друг другу содержание писем, свежие новости. Бальзак неосмотрительно начал читать вслух столь неудачное послание матери. И ему пришлось признаться, что Сюрвиля, так же как и самого Бальзака, вот уже двадцать

признаться, что Сюрвиля, так же как и самого Бальзака, вот уже двадцать лет травят

кредиторы. И тогда в Верховне пошли бесконечные сетования: “Если бы мы не

затеяли постройку дома на улице Фортюне, который обойдется так дорого, у

нас были бы теперь наличные деньги и мы могли бы облегчить страдания

изобретателя”. Мать не имела также права говорить о заемном письме, выданном господином Гидобони-Висконти, а уж если говорить, называть его

господином Фессаром. Ну как это у нее не хватает сообразительности

избежать таких промахов!

Несчастная старуха тоже вспылила: “Когда вы будете полюбезнее с вашей

бедной матерью, она вам скажет, что любит вас и молится за ваше

спокойствие. А наше спокойствие весьма гадательно…” В ответ Бальзак

разражается гневом:

Верховня, 22 марта 1849 года:

”Дорогая матушка! Если кто-нибудь бывал когда-либо изумлен, то, конечно, тот пятидесятилетний мальчик, к которому было обращено твое

письмо, где перемешаны “вы” и “ты”, - письмо от 4 марта, полученное мною

вчера… Не желая получить другое письмо в том же духе, скажу тебе, что я

посмеялся бы над ним, если б оно не принесло мне глубокого огорчения, ибо

я вижу в нем полное отсутствие справедливости и полное непонимание нашего с тобой положения. Тебе, однако, следовало бы знать, что если мух не ловят на уксус, то уж тем более не привлечешь этой неприятной кислотой женщину. По воле рока твое письмо, нарочито сухое и холодное, попало мне в руки как раз в ту минуту, когда я говорил, что в твои годы тебе следует жить в достатке и что Занелла должна оставаться при тебе, что я не успокоюсь до тех пор, пока ты не будешь иметь, кроме 100 франков пенсиона ежемесячно, еще и оплачиваемую мною квартиру и 300 франков на Занеллу… И вот надо же! Когда я, как ты сама признаешь, говорил по поводу этих вещей совершеннейшую правду… мне подают твое письмо - в моральном плане оно произвело на меня впечатление того пристального и злобного взгляда, каким ты устрашала своих детей, когда им было по пятнадцать лет. Но, к сожалению, в пятьдесят лет подобные приемы уже не действуют на них.

Кроме того, особа, которая может составить мое счастье, единственное счастье жизни бурной, трудовой, тревожной, полной превратностей, той жизни, которую я с юности и до сей поры веду в постоянной нищете, - это ведь не ребенок, не восемнадцатилетняя девочка, ослепленная славой, или

прельстившаяся богатством, или покоренная чарами красоты. Ничего этого я не могу ей дать. Этой особе уже за сорок лет, и она перенесла много испытаний. Она очень недоверчива, и обстоятельства жизни усилили ее недоверчивость… Вполне естественно, что при том расположении мыслей, в каком я знаю ее уже десять лет, я сказал ей, что она ведь не вступает в брак с моими родными, что в полной ее воле будет видеться или не видеться с ними, а сказать так меня побудили честность, деликатность и здравый смысл.

Я не скрыл этого условия ни от тебя, ни от Лоры. Однако даже это обстоятельство, вполне естественное, показалось вам подозрительным, и вы сочли его только предлогом или каким-то дурным замыслом с моей стороны, желанием возвыситься, аристократничать, бросить своих близких и т.д. …А между тем это чистейшая и единственная правда… Неужели ты думаешь, что твои письма, где ты наспех бросишь мне несколько ласковых слов, мне, который должен бы стать для тебя предметом гордости, а особенно письма, подобные тому, какое я получил вчера, могут привлечь к новой семье женщину такого характера и такой опытности?..

Я, конечно, не прошу тебя притворно выражать чувства, которых у тебя нет, - ведь только Богу да тебе известно, что с самого моего рождения ты

отнюдь не душила меня поцелуями. И ты хорошо делала, ведь если бы ты любила меня, как своего обожаемого Анри, я, вероятно, стал бы таким же, как он, и в этом смысле ты была для меня хорошей матерью. Но я хотел бы, чтобы у тебя появилось сознание своих интересов, которого у тебя никогда не было, и чтоб ты хоть ради них не мешала бы моему будущему, я уж не говорю - моему счастью…”

Бальзак дивился слепоте своих родных. Как! У него такие серьезные шансы жениться на богатой и знатной женщине чудесной доброты, женщине, которой восторгается вся Россия и которая в Париже пользовалась бы большим весом и, занимая в свете видное положение, помогла бы выдать замуж обеих девиц Сюрвиль, а мать в угоду своему высокомерному характеру все готова испортить? Неужели Лора не понимает, что для госпожи Ганской ничего нет проще, как распроститься с Бальзаком и с его августейшей фамилией? Не делает этого госпожа Ганская потому, что ее дети и она сама все больше восхищаются Бальзаком. И неудивительно, что их возмущает, отчего его собственные родные не выказывают ему такого же уважения.

Бальзак - Лоре Сюрвиль:

”Не поворачивай в дурную сторону все, что я тебе говорю. Я говорю от чистого сердца и хочу тебе разъяснить, как вам надо себя вести в вопросе о моей женитьбе. Так вот, дорогая детка, надо действовать осторожно, обдумывать каждое слово, каждый свой поступок. В общем, если я окажусь в чем-либо неправ в этом длинном письме, не надо за это на меня сердиться; прими из моих советов то, что сочтешь верным, и главное - сожги письмо, и больше о нем говорить не будем. То же самое я рекомендую сделать и маме…

Пожалуйста, запомни хорошенько, что у меня нет ни малейшего желания помыкать своими родными, быть самодержцем, требовать повиновения… Я хотел бы только, чтобы мои близкие не делали ошибок; если мои советы идут наперекор здравому смыслу, не станем больше говорить об этом… Я жажду лишь одного: полного спокойствия, семейной жизни и более умеренного труда, чтобы завершить “Человеческую комедию”.

Думается, все теперь ясно, и, если вдруг мои планы здесь осуществятся, я надеюсь создать, как говорится, хорошую семью. Если же меня постигнет полная неудача, я заберу библиотеку и все, что мне принадлежит на улице Фортюне, и как философ построю по-новому свою жизнь и свое будущее… Но на этот раз я поселюсь где-нибудь на полном пансионе, сниму одну меблированную комнату, чтобы иметь независимость во всем, не связывать

себя даже обстановкой… Для меня в нынешнем деле, оставив в стороне чувство (неудача меня морально убила бы), возможно лишь одно решение - все или ничего, орел или решка. Если я проиграю, я жить не стану, я удовлетворюсь мансардой на улице Ледигьер и сотней франков в месяц. Мое сердце, ум, честолюбие стремятся только к тому, чего я добиваюсь вот уже шестнадцать лет; если это огромное счастье мне не достанется, мне больше ничего не надо, ничего я не хочу.

Не следует думать, что я люблю роскошь; я люблю роскошь, собранную на улице Фортюне, но при условии, что ей будут сопутствовать прекрасная женщина знатного рода, жизнь с нею в достатке и прекрасные знакомства; сама же по себе роскошь не вызывает во мне никаких нежных чувств. На улице Фортюне все создано лишь во имя Ее и для Нее…”

Была и другая обида, правда, маленькая. В начале своего пребывания на Украине он получил несколько писем от своих племянниц, и эти девичьи письма, полные “кошачьей” ласковости и остроумия, очень забавляли графиню Анну. А затем Софи и Валентина перестали писать из-за того, объясняла госпожа Бальзак, что дядя Оноре перестал им отвечать. “Как! Ты, моя мать, находишь, что твой пятидесятилетний сын обязан отвечать племянницам! Да

мои племянницы должны считать для себя честью и радостью, если я черкну им несколько слов…” Матери пришлось смириться перед такой бурей. Софи и Валентина снова принялись подражать госпоже де Севинье. Очаровательная Софи вела также дневник. В этом семействе всех тянуло к перу. Первого января 1849 года Софи описывала обед, который они с Валентиной устроили на улице Фортюне “у бабуси”…

”Бедная бабуся! Какая радость для нее принимать нас, изображать из себя важную даму, какой она была когда-то… В большом камине с лепными украшениями пылал яркий огонь… а какой был славный обед - все любимые наши кушанья! Франсуа и Занелла усердно хлопотали вокруг нас! Один лишь папа был печален и мрачен… Дядя в России! Он даже не написал нам! Живет он там в роскоши, в богатстве и думать позабыл о своих бедненьких племянницах”.

Софи влюбилась в сына Зюльмы Карро - любовь оказалась без взаимности. Что касается дядюшки Даблена, то он, явившись с обычным своим

новогодним

визитом, не принес подарка.

”Фи, какой гадкий! Старый холостяк, у которого сорок тысяч франков

годового дохода, одержим страстью ко всякому старинному хламу и мог бы, кажется, подарить хотя бы китайскую чашку за два франка. Впрочем, в его

годы скряжничать простительно.

Дядя Оноре написал наконец. Письмо грустное. Он еще не уверен, что

состоится его женитьба на красивой и знатной графине Ганской. А будет ли

Он счастлив? Она очень гордая и при всей дядюшкиной знаменитости будет

ставить его ниже себя. Может быть, я ошибаюсь. Поэтому я горячо желаю, чтобы все вышло по его желанию. А все-таки это разлучит нас. Мы будем

унижены. Но какое это имеет значение? Буду нынче вечером молиться о

женитьбе дядюшки… Я хочу любить его таким, каков он есть… Он сообщил

бабушке, что назначает ей содержание сто франков в месяц. Какое счастье!

Надо признать, что близ важной дамы чувства его облагораживаются и сердце

возрождается. Он добрый человек. Он любит по-настоящему…”

Юная Софи - умница, она уже понимает, что настоящая любовь порождает

доброту. Она жалеет своих родителей и прощает им, что они неудачники в жизни: “Боже мой, как мучительно видеть, что отец, такой мужественный человек, утратил мужество! Он столько работал!.. Он ложится спать, но не спит…” И вот, чтобы развлечь папу, Софи возит его в Тюильри или в Нейи.

“Как хорош Париж! Как прекрасно солнце! Как воздух свеж и мягок!..”

Натуралисту любопытно наблюдать у Софи и Валентины черты “небесного семейства”, проявившиеся и у нового поколения. В обеих девушках заметна склонность писать, легкое тщеславие, природная доброта. И тон и манеры у них мещанские, от деда и бабки они унаследовали инстинктивное почтение к знатности и презирают торговцев. Даблен несколько отличается от обычных торгашей. Он любит красивые, художественные вещи, с удовольствием слушает, как Софи играет на пианино.

”Я уважаю его, но из гордости не показываю ему этого. Он богат, и я не хотела бы смешиваться с тем сбродом, который метит на его наследство…” Впрочем, когда Даблен “окружен своими приспешниками, в нем проступают вульгарные черты, он позволяет себе топорные шутки и смеется, как лавочник…” Все Бальзаки, как известно, артистические натуры. Они забывают, что кое-кто из их предков тоже держал лавку в квартале Марэ.

Мама закончила пьесу “Счастливая женщина”. Папа прочел ее и раскритиковал.

“Создавая произведения искусства, - говорит Софи, - никогда не надо слушать суждения своих родных, близкие судят то слишком мягко, то слишком строго”. Право, можно подумать, что мы в Вильпаризи, в 1820 году.

Бальзак - Лоре Сюрвиль, 25 июня 1849 года: “Письма твоих девочек доставляют здесь несказанное удовольствие. По их слогу, по почерку и по содержанию наши читатели уже угадали характер обоих авторов, склад ума и тип красоты, свойственный каждой. Их писем громогласно требуют здесь, когда приходит славный толстый пакет, на котором я узнаю твой почерк. Если когда-нибудь графиня Анна приедет в Париж, она часто будет давать девочкам билеты к Итальянцам, в Оперу и в Опера-Комик. Но возможно, отъезд в Капестан похитит у Парижа этих двух крошек. Ты мне пролила целебный бальзам на душевную рану своими словами о Капестане. Сюрвиль привел наконец к цели свою ладью…”

Но ладья самого Бальзака еще плыла в тумане. Энергичному сумасброду Лоран-Жану было поручено вести переговоры с издателями и редакторами газет. Госпожа Бальзак должна была подписывать договоры, но не

обсуждать

их. Поверенный в делах проявил много рвения и ума, но все же не мог

добиться постановки “Дельца”. Он сообщал в Верховню театральные новости.

Гоштейну удавалось делать полные сборы в его театре - благодаря

“вековечным “Мушкетерам”. Из всех театров на Бульварах только он

ухитряется в настоящее время выколачивать деньги. Успех имел еще один

театр, который ставил маленькую пьесу, нападавшую на Республику. Лоран-Жан

находил, что эта пьеса - большая низость. “Целый год терпеть

правительство, которое ты ненавидишь, каждый день кланяться ему, платить

ему, как дурак, и воображать, что твоя честь спасена, если ты по вечерам

будешь помаленьку высмеивать его, - это полная потеря смелости”. Лоран-Жан

торопил Бальзака, просил поскорее прислать ему шедевр: “Не хочу тебя

упрекать, но вот уже полгода как Франция овдовела, утратив своего гения, и

я не вижу, чтобы ты готовил что-то великое… Твой лакей Лоран-Жан”.

Госпожа Ганская, Анна и Георг Мнишек по-прежнему проявляли “беззаветную

привязанность” к нему, нежность, стремились вырвать сорняки, которыми

поросла дорога его жизни, но самое главное дело - свадьба - все

откладывалось, и эти отсрочки раздражали Бальзака. “Надежды

застопорились”. Графиня Эвелина зависела от царя; чтобы узаконить передачу имения Анне Мнишек, учредить пожизненную ренту и даже на то, чтобы заключить церковный брак, требовалось разрешение императора, которое еще не было получено, несмотря на мольбы и хлопоты.

Бальзак - Его Сиятельству графу Уварову, министру народного просвещения, Санкт-Петербург, 5 января 1849 года: “Скоро уже шестнадцать лет, как я люблю благородную и добродетельную женщину… Особа эта является русской подданной, и полнейшая ее преданность не подлежит сомнению. Разумеется, высокие качества ее оценены по достоинству, ибо вам все в России известно… Она не хочет выйти замуж за иностранца без согласия августейшего повелителя. Однако ж она удостоила меня права просить об этом согласии. Я отнюдь не ропщу на покорность госпожи Ганской, ибо нахожу это естественным. Соответственно своим политическим убеждениям я никогда не критикую и тем более не иду против законов любой страны. Если б я давно уже не исповедовал таких принципов, меня привела бы к ним судьба тех людей, которые их не придерживаются.

Впрочем, меня не страшит то, что счастье моей жизни ныне зависит

исключительно от Его Величества императора Российского, и мое ожидание

счастливого исхода становится почти что радостной убежденностью в этом, настолько я верю в рыцарскую доброту Его Величества, равную его

могуществу…”

В молодости Бальзак промурлыкал бы: “Та-та-та”.

Но доживет ли он до дня свадьбы? Он тяжело заболел. Уже давно сердце

беспокоило его. В 1849 году беспокойство сменилось жестокой тревогой. Он

не мог ни ходить, ни поднять руку, чтобы причесаться, - сразу начиналось

удушье. Несколько раз приступы были так сильны, что могли привести к

смерти. Обитателей Верховни лечили два врача - доктор Кноте и его сын, ученики знаменитого немецкого доктора Франка, пользовавшегося европейской

известностью и практиковавшего в Санкт-Петербурге. Бальзак считал, что оба

доктора очень хорошо его лечат. Их диагноз - гипертрофия сердца. Они

стремились “восстановить затрудненное кровообращение в венозной системе” и

очистить загустевшую кровь. Но когда больного заставляли съедать натощак

целый лимон, у него поднималась такая рвота, что ему казалось, будто он

сейчас умрет. “Однако при моем бычьем организме властительнице

человечества придется еще повозиться со мной. Я состою в оппозиции, которая называется жизнью”. Мать напоминала ему, что в семействе

которая называется жизнью”. Мать напомнила ему, что в семействе Саламбье ни она сама, ни бабушка не переносили лимонов.

В таком состоянии невозможно было отправиться в обратный путь. Сначала Бальзак назначил отъезд на сентябрь 1849 года, но в это время он чувствовал себя слишком плохо для подобного путешествия. “Нужно лечиться еще шесть или восемь месяцев для того, чтобы клапаны сердца вновь приобрели эластичность…” - писал он родным. Ему нравился доктор Кноте - гофмановский персонаж, составлявший секретные порошки и коллекционировавший скрипки. Молодые супруги Мнишеки без всякого неудовольствия и даже с радостью приняли эту затяжку пребывания у них больного Бильбоке (он уже прожил в Верховне больше года). Однако у них самих были свои беды: два пожара, три судебных процесса, рухнувшие постройки, неурожай. Граф Георг, который до сих пор сам управлял имением, где трудилось пятьсот хлеборобов, подумывал о том, чтобы сдать всю землю в аренду, оставив себе только усадьбу и парк.

Бальзак почти каждую зиму страдал бронхитом. В 1850 году он сильно простудился, ему казалось, что он умрет, выкашливая свои легкие. Он писал родным:

”Пришлось безвыходно сидеть в своей комнате и даже лежать в постели, но

наши дамы по великой своей доброте приходили составить мне компанию, не

брезгуя моим страшным кашлем и харканьем, ведь меня всего выворачивало, как при морской болезни. Меня бросало в пот, словно я заболел потницей.

Словом, намучился я, но теперь распростился с недугами и даже

акклиматизировался”.

Что касается “великого дела”, то все тут могло еще устроиться в

желанном смысле. Со стороны госпожи Ганской было бы настоящим

самопожертвованием согласиться выйти замуж за тяжело больного человека, который уже физически не мог быть ее возлюбленным, а как писатель, по всей

видимости, впредь работать будет очень мало. Вдобавок политическая

ситуация во Франции оставалась тревожной и смутной. Луи-Наполеон стал

президентом Второй республики; Бальзак и его матушка не ждали добра от

этого бесхарактерного человека.

”Что касается бедняги президента, из всего видны его умственная

усталость и озабоченность. Он, по-видимому, не способен носить

непроницаемую маску и всегда так встревожен, что зачастую отвечает да

вместо нет и по большей части не понимает того, что ему говорят. А в воздухе уже вновь повеяло недовольством. Каждый спрашивает себя: “Чем все это кончится?”

Благоразумно ли было для Эвелины Ганской расстаться с украинским имением, с положением владетельной особы, чтобы подвергаться в чужой стране опасностям восстания и исполнять обязанности сиделки при больном?

Зима 1849/50 года прошла очень тяжело. Три недели Бальзак не выходил из спальни, бессменной сестрой милосердия состояла при нем госпожа Ганская, а единственным его развлечением было смотреть, как Анна Мнишек, разодетая с царственной пышностью, собирается на балы в соседние поместья. Наконец в марте 1850 года пришли все разрешения от императора, все бумаги были в порядке, и Бальзак мог отправиться в Бердичев, где должно было состояться его бракосочетание. До последней минуты он все сомневался в своем счастье. Однако он засыпал госпожу Бальзак подробнейшими указаниями относительно его возвращения домой, на улицу Фортюне, вместе с “дорогой супругой”. Он

просил, чтобы в жардиньерках стояли “красивые-красивые цветы”, а в вазах - кустики капского вереска. До приезда новобрачных требовалось переплести все книги. Хозяйственные распоряжения Бальзака отличались такой же подробностью, как и описания в его романах.

За три дня до свадьбы он еще не был уверен, что она действительно состоится. Одиннадцатого марта он писал матери: “Все готово для известного тебе дела, но я напишу о нем, только когда все кончится. Здесь, как и повсюду, эти вещи можно считать совершившимися, лишь когда выйдешь после церемонии”. Стрелки весов, на которых Эвелина взвешивала все за и против, колебались до последнего мгновения. Наконец жалость, любовь и слава взяли верх, и она решилась.

Свадьба состоялась четырнадцатого марта, в семь часов утра, в Бердичевском костеле св.Варвары, где, как писал Декав, “с крыши стекала вода от тающего снега, а на колокольне трезвонили колокола”; обряд совершал аббат граф Озаровский, присланный епископом Житомирским. Одним из свидетелей был Георг Мнишек. “Графиня Анна сопровождала мать, и обе сияли от радости”, - пишет Бальзак. После бракосочетания все семейство поехало обратно, в Верховню, и прибыло туда только в десять часов вечера; все

были

измучены. Азиатские ветры сотрясали дом. Бальзак задыхался.

Пятидесятилетняя новобрачная страдала от приступа подагры: “Руки и ноги у

нее так распухают, что она не может шевелить пальцами, не может ходить…”

Доктор Кноте назначил страдающей артритом помещице любопытное и садистское

лечение: “Она ежедневно погружает ступни в утробу молочного поросенка, которого режут и вскрывают при ней, так как нужно, чтобы ступни спутались

еще трепещущими внутренностями животного. Нечего и рассказывать, как

пронзительно визжит поросенок, не понимая, что ему оказывают великую

честь, и стремясь избавиться от нее…” Ни муж, у которого сердце

отказывалось служить, ни жена, больная ревматизмом, не в силах были

совершить путешествие. Отъезд отложили до конца апреля. “Надеюсь, что еще

в апреле я вернусь в Париж… Увы! Для моего здоровья очень нужен воздух

родины, надеюсь, что он поможет и моей жене, здоровье которой тоже в

плачевном состоянии…”

Женившись, Бальзак написал четыре торжествующих письма: своей матери, сестре, доктору Наккару и другу тяжелых дней Зюльме Карро.

Бальзак - госпоже Карро, 17 марта 1850 года: “Мы с вами такие старые

друзья, что вы только от меня должны узнать о счастливой развязке великой и прекрасной драмы сердца, длившейся шестнадцать лет. Итак, три дня тому назад я женился на единственной женщине, которую любил, которую люблю еще больше, чем прежде, и буду любить до самой смерти. Союз этот, думается мне, - награда, ниспосланная мне Богом за многие превратности моей судьбы, за годы труда, за испытанные и преодоленные трудности. У меня не было ни счастливой юности, ни цветущей весны, зато будет самое блистательное лето и самая теплая осень…”

Доктору Наккару он сообщил о своих ослепительных родственных связях и о плачевном состоянии своего здоровья. Что теперь скажут завистники, узнав, что он стал мужем правнучки Марии Лещинской, зятем адъютанта русского царя, племянником первой статс-дамы императрицы? Но что скажет доктор Наккар, увидев, что его пациент не в силах подняться по двадцати ступенькам, что его мучит удушье, что он не может стоять и все присаживается? Бальзак опьянен полным успехом своих планов, но не питает никаких иллюзий относительно будущего. Бедук даровал ему этот союз, о котором он мечтал всю жизнь, но он знает, что брачное ложе будет для

него

ложем смерти. Подобно Мари Верней в “Шуанах”, он мог бы сказать: “Жить

осталось только шесть часов”. В 1834 году он написал: “Вот было бы

любопытно, если бы автор “Шагреневой кожи” умер молодым”. Любопытно? Нет, неизбежно. Разве возможно прожить до старости, когда еженощно сжигаешь

свою жизнь? Но “во что бы то ни стало умереть надо в своем гнезде”.

Бальзак торопится привести жену на улицу Фортюне.

Но надо еще съездить в Киев, чтобы там вписали госпожу де Бальзак в

паспорт мужа и выдали визу на выезд из Российской империи. Во время этой

поездки он получил воспаление глаз. Он не может ни читать, ни писать: какое-то черное пятно застилает бумагу. После нового лечения доктор Кноте

отпускает супругов, и 25 апреля они трогаются в путь. Они ехали через

Краков и Дрезден, и путешествие их было ужасным. Дороги развезло, карета

увязала в грязи по самые дверцы. Задыхающемуся, почти слепому Бальзаку

приходилось вылезать из берлины и сидеть на размокшей земле, пока

крестьяне, вооружившись самодельным домкратом, вытаскивали из грязи

карету. Бальзак хватался за сердце и дышал с трудом.

Ева де Бальзак - своей дочери Анне, Броды, 30 апреля 1850 года: “Меня очень беспокоит его здоровье: приступы удушья у него случаются

все чаще, да еще крайняя слабость, совсем нет аппетита, обильный пот, от которого он все больше слабеет. В Радзивилове нашли, что он ужасно переменился, что его с трудом можно узнать… Я его знала семнадцать лет, а теперь каждый день замечаю какое-нибудь новое его качество, которого я не знала. Ах, если бы вернулось к нему здоровье! Прошу тебя, поговори о нем с доктором Кноте. Ты и представить себе не можешь, как он мучился эту ночь. Я надеюсь, что родной воздух пойдет ему на пользу, а если надежда обманет меня, поверь, участь моя будет печальна. Хорошо женщине, когда ее любят, берегут. С глазами у него, бедного, тоже очень плохо. Я не знаю, что все это значит, и минутами мне очень грустно, очень тревожно…”

А в заключение: “Бильбоке говорит, что он поправится, как только вступит на французскую землю”. Десятого мая они прибыли в Дрезден. Бальзак, не видя букв, которые выводил на бумаге, написал Лоре Сюрвиль: “Наконец-то мы здесь, живы, но больны и устали. Подобное путешествие сокращает жизнь на десять лет; сама посуди, каково это было: бояться, что мы в дороге опрокинемся и задавим - она меня, или я ее, или оба умрем, задавив друг друга. А ведь мы друг друга обожаем…” Бальзак настоятельно просил и Лору, и госпожу Бальзак, чтобы старуха мать не дожидалась супругов на улице Фортюне. Ведь это было бы неприлично. “Моя жена должна поехать к ней и засвидетельствовать ей свое почтение. Когда это будет

сделано, мать может по-прежнему выказывать свою преданность; но она унизит свое достоинство, если останется и будет помогать нам распаковывать вещи”.

Госпожа Бальзак-старшая (вежливая замена эпитета вдовствующая) должна была вручить ключи слуге-эльзасцу Франсуа Мюнху и отправиться ночевать к дочери в Сюрен.

Путешественники задержались на несколько дней в Дрездене, где их радушно приняли друзья Евы. Супруги ходили по магазинам. Бальзак купил себе превосходный дорожный несессер, а его жена - “жемчужное ожерелье, которое святую и то бы свело с ума”. Своим детям госпожа де Бальзак написала: “Метр Бильбоке целует вас”. Супруги казались счастливыми, насколько можно быть счастливыми, когда вблизи во мраке бродит смерть.

Наконец в тихий майский вечер они прибыли в Париж. Утром этого самого дня старуха мать покинула дом и уехала в фиакре, предварительно украсив, по приказанию сына, жардиньерки цветами и поставив в вазы кустики капского вереска. В сумерки на улице Фортюне остановилась дорожная карета. Из нее, задыхаясь, вылез почти слепой мужчина, изнуренный двухдневным перегоном и бессонницей, а за ним - все еще красивая женщина. Кучер позвонил. Никакого ответа. В доме, однако, жили, в окна видно было, что все комнаты освещены

'

и украшены цветами. Несмотря на долгие и громкие звонки, никто не вышел

отворить дверь. Прибытие, которое Бальзак хотел обставить столь

торжественно, походило на дурной сок. Среди ночи кучеру пришлось идти к

слесарю Гримо, проживавшему на улице Фобур-Сент-Оноре в доме N_175. Когда

же наконец супругам удалось войти в особняк, так любовно убранный, они

убедились, что на Франсуа Мюнха, их слугу, внезапно напало буйное

помешательство. Он все разгромил в доме, потом забаррикадировался. Чтобы

сдать его в больницу, надо было дождаться рассвета. Расплатившись со

слесарем, с кучером и отпустив обоих, Ева ушла к себе, в красную спальню, а Оноре к себе, в голубую спальню. Последний лоскуток шагреневой кожи, лежавший в его жилетном кармашке, стал совсем маленьким - не больше

лепестка розового подснежника.

XLI. НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ

Когда дом построен, в него входит Смерть.

Турецкая пословица

"Бильбоке доехал в таком ужасном состоянии, в каком ты никогда его не

видела. Он ничего не видит, не может ходить, то и дело теряет сознание”, -

писала Ева своей дочери Анне. Бальзак не в силах был подняться с постели, жена сидела возле него. На следующий же день после его возвращения доктор

Наккар навестил своего пациента и друга. Испуганный состоянием больного, он тотчас потребовал созвать консилиум, который и состоялся 30 мая. Врачи

предписали пустить кровь или поставить кровососные банки, давать

слабительное и мочегонное; предписали избегать всяких волнений, говорить

мало и вполголоса.

В заметках доктора Наккара говорится и о его личном впечатлении. У него

уже не было никакой надежды. Бальзак внешне так изменился, что эта

перемена ни от кого не могла укрыться. “А уж тем более от врача, который

пользовал, изучал и любил больного с детских его лет. Каким зловещим

признаком была для него эта перемена!” Наккар установил, что болезнь

сердца развилась и приняла новый, роковой характер. Бальзак задыхался, говорил отрывисто, прерывающимся голосом. Однако в течение нескольких дней

надеялись, что лечение и отдых улучшат - хотя бы временно - его состояние.

Госпожа де Бальзак сохраняла олимпийское спокойствие, очень подходившее

к ее челу Юноны. В письме от 7 июня к “возлюбленной дочери, дитяти своего

сердца” она со странным равнодушием сетует, что не может “избавиться от бивуачных порядков в доме, отчего уходит так много времени, и притом досаднейшим образом”.

Бальзак, почти совсем потерявший зрение, диктовал жене свои письма. Эта работа, медицинский уход, домашние хлопоты так поглощали хозяйку дома, что она едва урывала в сумерки минутку, чтобы походить в садике “между кустами цветущей сирени и отцветающего ракитника” и подумать о своих детях, “погружаясь мыслями в даль грядущего”.

Когда Ева де Бальзак говорила в письмах о своем желании “жить в уединении с двумя своими дорогими детками”, была ли у нее уверенность, что ее мужу недолго осталось жить? Такого впечатления не создается. “Лечение, - говорит она, - дало прекраснейшие результаты. Бронхит прошел, глаза начинают видеть, обмороки прекратились; припадки удушья случаются все реже”. Но госпожа де Бальзак не может отойти от своего больного. Ей даже некогда съездить в монастырь, навестить Лиретту Борель, в монашестве именуемую сестрой Марией-Доминикой. Ева - преданная сиделка.

Преданная и мужественная. Она стойко переносит перемену в условиях жизни, усталость и тревогу.

”Никогда я не чувствовала себя так хорошо. Воздух Франции очень полезен для моего здоровья… Я наконец познакомилась со свекровью; так как обязанности сиделки не дают мне выходить из дому, она сама приехала навестить сына; здоровье ее совсем поправилось, а что касается ее самой, то, между нами будь сказано, это elegantka zestarzala [престарелая щеголиха (польск)], вероятно, она была очень хороша собой… К счастью, она не так уж часто будет требовать от нас внимания и почтения, ибо на лето уехала в Шантильи. Дочь мне больше нравится, очень маленькая, кругленькая, как шарик, но у нее есть и ум и сердце. Муж ее прекрасный человек, а девочки просто прелесть”.

Между Евой де Бальзак и Лорой Сюрвиль завязалась дружеская переписка.

Ева - Лоре Сюрвиль, 1 июня 1850 года: “Бедному Оноре нынче утром пускали кровь… Наш чудесный доктор Наккар навещал его… Мы много говорили о вас нынче утром, и он был так растроган… Конечно, для вас не окажется новостью, что доктор Наккар - одна из прекраснейших душ, какие вышли из рук Создателя”.

Доктор Наккар у нее в большой милости: “Невозможно найти человека более ученого и вместе с тем более простого, более любезного и обаятельного”.

Софи Сюрвиль уже готова полюбить свою новую тетку, называет ее (в подражание дяде) “прелестная”; племянницы считают, что она оказывает благотворное влияние на своего гения. “С тех пор как дядя заболел, а потом женился, он стал такой милый и ласковый со своими”. Все “небесное семейство” пьянеет от гордости, и все приятели чванятся оттого, что принц-президент Республики (Луи-Наполеон) приказал справиться о здоровье Бальзака.

Но Ева находит, что жизнь очень печальна “в этом несчастливом доме… Да неужели Господь Бог не сжалится наконец над нами? Неужели мы еще мало настрадались?” Но Бальзак хранит веру в будущее. Еще блестят его прославленные карие глаза с золотыми точечками, хотя лицо, покрытое могильной бледностью, опровергает этот уцелевший признак молодости. “Он стал лишь тенью самого себя…” - пишет Лоран-Жан, которого ужаснул облик друга. А Готье писал потом: “Нет ничего опаснее, как осуществленное желание… Совершился долгожданный супружеский союз; гнездышко для счастливой жизни выстлано пухом; “Бедные родственники” получили всеобщее признание. Это было слишком хорошо; ему оставалось только умереть… Но никто не ждал роковой развязки… Мы были твердо убеждены, что он

никто не ждал роковой развязки… Мы были твердо убеждены, что он переживет всех нас”. Бальзак так часто и так убедительно говорил о долголетии, которое сулил ему колдун Балтазар, что и друзья в конце концов уверовали в это предсказание.

Добрый Тео, собравшийся ехать в Италию, 19 июня пришел на улицу Фортюне проститься. К несчастью, больного не было дома: он поехал в коляске (безумная неосторожность) в таможню выкупать свои дрезденские приобретения. Как у кузена Понса, коллекционер в нем бросал вызов болезни, только бы защитить свои сокровища. Он был в отчаянии, что разминулся с Готье, и продиктовал жене короткое письмо к нему: “Хоть вы и не застали меня дома, это не значит, что мне стало лучше. Я лишь кое-как дотащился до таможни - вопреки запрещениям врачей… Мне подают большие надежды на выздоровление, но я навсегда должен оставаться на положении бессловесной и недвижимой мумии. Я хочу хоть этим письмом ответить на вашу дружбу, она мне стала еще дороже в одиночестве, в котором держит меня медицина”. В конце письма больной собственноручно нацарапал” каракулями, которые почти невозможно было прочесть: “Я больше не могу ни читать, ни писать”. С какой

силой он описал бы в одном из своих романов эту смерть заживо и эту трагическую беспомощность!

Несколько раз у больного и его жены появлялась иллюзия выздоровления. Доктор Наккар, приходивший каждый день, поставил диагноз - острое белковое мочеизнурение; он видел в кажущемся улучшении лишь временное ослабление болезни. У старика врача сложилось наилучшее впечатление о госпоже Ганской: “благородное, великодушное и возвышенное сердце”. Бальзака навестили Поль Мерис и Огюст Вакери; больной принял их в халате, полулежа в глубоком кресле. Посетители пожали ему руку, пытаясь скрыть свою печаль. “Побеседуйте с моей женой, - сказал им Бальзак. - Мне сегодня запрещено разговаривать, но я буду вас слушать”.

Побывал у больного и Виктор Гюго, полный важности и дружелюбия, пышущий здоровьем. Он пришел в хороший день: Бальзак был весел, полон надежды, не сомневался в своем выздоровлении, смеясь, показывал свои отеки. Впоследствии Гюго рассказал об их беседе.

”Мы много говорили и спорили о политике. Он упрекал меня за мою

"демагогию", а я его - за легитимизм. Он мне говорил: "Как вы могли так безмятежно отказаться от звания пэра Франции, самого прекрасного после титула короля Франции!" И еще он говорил мне: "Я приобрел особняк Божона без сада, но зато с хорами в маленькой часовне, что стоит на углу улицы. У меня на лестнице есть дверь, ведущая в часовню. Один поворот ключа - и я могу слушать мессу. Для меня эти хоры дороже сада". Когда я уходил, он, с трудом передвигаясь, проводил меня до этой лестницы, показал эту дверь и крикнул жене: "Главное - пусть Гюго посмотрит все мои картины!"

Случалось, что, говоря о Гюго, Бальзак отзывался о нем сердито и несправедливо, но в глубине души любил его и восхищался им. Они были самыми великими людьми своего времени, и оба знали это.

Письма, приходившие из России от Анны Мнишек, по-видимому, были откликами на успокоительные вести из Парижа: "Слава Богу! Да будет тысяча раз благословенно имя Господне за то, что в драгоценном здоровье моего милого отца наступило заметное улучшение… О улица Фортюне, радость души моей, миллион раз счастливая! Улица, так удачно названная!.." [Фортюне (fortunee) - по-французски означает "счастливая"] Анна Мнишек передает, что доктор Кноте сказал ей; "Ах, если бы я мог еще месяц полечить господина де Бальзака, а главное - если бы мне удалось убедить его съедать

ежедневно по лимону, он бы теперь выздоровел…” Святая простота!

В июле дела пошли плохо. Один из участников консилиума, доктор Луи, сказал Виктору Гюго: “Он проживет месяца полтора, не больше”. Отеки стали чудовищными. Лора писала матери:

”Доктор смело назначил поставить больному водянкой на живот сто пиявок, в три приема… Но несмотря на веселость, никогда не покидающую супругов, несмотря на каламбуры Оноре, на его шутки под самым носом у смерти, он так походил на умирающего, что моя невестка спокойно сказала” Софи в ту ночь, когда обнаружился перитонит; “Я думала, что потеряю его”. Но чудесная надежда, которая не оставляет ее, вскоре взяла свое, и утром она не моргнув глазом без страха поставила последние тридцать пиявок… Моя невестка кажется мне загадкой. Знает ли она об опасности?” Или не знает? Если знает, то ведет себя героически”.

Несомненно, она знала об опасности. Наккар не стал бы обманывать эту женщину, стойкость которой была для него очевидна. Он одобрял в ней твердость души. Чему послужили бы стоны и сетования? Гораздо лучше было с ее стороны старательно ставить пиявки и не подрывать веру в благополучный исход, не иссякавшую у Бальзака, к которому в минуты просветления

возвращалась вся сила ума. Он говорил о будущих своих романах.

Подсчитывал, сколько времени понадобится, чтобы их написать. “Один лишь

Бог знает, - читаем мы в заметках доктора Наккара, - как много потеряно

из-за того, что не собрали последних высказываний Бальзака, его замечаний

о созданных им характерах, о его планах и замыслах… которые впервые его

перо уже не могло запечатлеть”.

”Среди тяжких органических разрушений господин де Бальзак, всегда

понимавший до конца участь человеческую, пожелал побеседовать с достойным

священнослужителем, для коего религия была лишь высшим выражением

вселенского разума. Каким горестным зрелищем было душевное спокойствие

человека, еще молодого, видящего, как обрывается поток славы, достигнутой

его трудолюбием, ценою тридцатилетней деятельности, бессонных ночей и

высоких познаний, как исчезает надежда увидеть завершенным свое творение, а более всего этого - надежда на семейное счастье, завоеванное им…”

Священник, о котором идет речь, аббат Озур, был настоятелем церкви

Сен-Филипп-дю-Руль, он отправлял службы и в пресловутой часовне

Божона.

Бальзак в своих романах часто описывал смерть: смерть отца Горио, смерть госпожи де Морсоф, смерть Понса, смерть Валентины Граслен и многих других своих героев. Можно быть уверенным, что его последние беседы со священником были возвышенны и достойны великого писателя. Доктора отказались делать пункцию. Водянка в форме сальной, казалось, превращала мышечные ткани в жировые. И все же, когда больной пятого августа поранил себе догу, ударившись о стол, из раны хлынула вода. В тот же день жена написала под диктовку Бальзака письмо Фессару: “У меня новая болезнь - нарыв на правой ноге. Вы поймете, как это увеличило, мои мучения. Я думаю, все это цена, назначенная небом за огромное счастье моего брака”. Он подписался собственноручно, а под его подписью Ева добавила: “Вы, вероятно, спрашиваете себя, дорогой господин Фессар, как у горемычного секретаря хватило силы написать это письмо; но ведь для этого несчастного существа все кончается, он в таком состоянии, когда человек становится лишь механизмом, действующим до-тех пор, пока Провидение по милосердию своему не сломает его пружину…”

Итак, у нее не оставалось иллюзий. А были ли у нее иллюзии, когда она шла под венец в Бердичеве? Маловероятно. Решение она приняла поздно, но, как говорила Лора, это было героическое решение - ведь госпожа

но, как говорила Лора, это было героическое решение - ведь госпожа Бальзак знала, что ей придется ходить за больным, за умирающим и что, вторично оставшись вдовой, она окажется в бедственном положении. Несколько раз, "но еще не очень часто" бред ненадолго затуманивал высокий разум Бальзака, и "это удивляло самого больного, так как, очнувшись, он все озирался вокруг". Затем обнаружилась гангрена, вызванная артериитом, и запах разлагающихся тканей стал ужасным. В последнем своем распоряжении доктор предписал больному полный покой, велел давать ему отвар белены и наперстянки, посоветовал открыть двери и окна и "поставить в комнате умирающего в нескольких местах глубокие тарелки с раствором карболки". Раз уж Наккар говорил "в комнате умирающего", хотя его друг еще дышал, значит, он считал, что все кончено. Красная, сухая и палящая рана не оставляла никакой надежды. Рассказывают, что Бальзак перед тем, как он потерял сознание, произнес: "Только Бьяншон мог бы меня спасти". Вероятно, в смутном, затуманенном сознании, в бреду, предшествовавшем агонии, он жил лишь в мире "Человеческой комедии".

В воскресенье, 18 августа, в девять часов утра, Ева позвала аббата Озура. Бальзака соборовали, он слабыми знаками показал, что понимает это

это.

В одиннадцать часов началась агония. Госпожа де Бальзак, измученная трехмесячной бессонницей, пригласила сиделку. Во второй половине дня приехала справиться о состоянии больного жена Виктора Гюго. А вечером сам Виктор Гюго, хотя он был приглашен в тот день на ужин к своему дяде Луи Гюго, нанял фиакр и велел отвезти себя на улицу Фортюне проститься с единственным писателем, равным ему.

”Я позвонил. Светила луна, затененная облаками. Улица была безлюдна. Никто не вышел отворить. Я позвонил еще раз. Дверь отперли. Появилась служанка со свечой.

- Вам что угодно, сударь? - спросила она.

Она плакала. Я назвал себя. Меня провели в гостиную, находившуюся в нижнем этаже; напротив камина стоял на подставке огромный мраморный бюст Бальзака работы Давида. Посреди комнаты горела свеча на богатом овальном столе, ножками которому служили шесть позолоченных изящных изваяний. Вышла другая женщина, которая тоже плакала. Она сказала мне: - Он умирает. Барыня ушла к себе. Со вчерашнего дня доктора уже бросили его…”

Ева Бальзак ушла, чтобы отдохнуть несколько часов. Агония могла продлиться долго, а умирающий уже не нуждался в уходе. Сиделка сказала Гюго:

”- Сегодня с девяти часов утра он перестал говорить… С одиннадцати часов он начал хрипеть и уже ничего не видит. Он не протянет ночь. Если хотите, сударь, я схожу за господином Сюрвилем, он еще не ложился.

Женщина ушла. Я подождал немного. Свеча едва озаряла великолепную обстановку гостиной и чудесные полотна Порбуса и Гольбейна, висевшие на стенах. Смутно виднелся в этом полумраке мраморный бюст, словно призрак того человека, который умирал наверху. Трупный запах наполнял дом.

Вошел господин де Сюрвиль и подтвердил все то, что говорила сиделка. Я сказал, что хотел бы взглянуть на господина де Бальзака.

Мы прошли по коридору, поднялись по лестнице, устланной красным ковром и украшенной произведениями искусства - вазами, статуями, картинами, поставцами с эмалями; потом прошли еще один коридор, и я заметил отворенную дверь, услышал громкий зловещий хрип. Я вошел в спальню Бальзака.

Посреди спальни стояла кровать, кровать красного дерева, у которой в головах и в изножии были какие-то перекладины и ремни - приспособления, предназначенные для того, чтобы поднимать больного. На кровати лежал господин де Бальзак, голова его опиралась на целую гору подушек, к которым еще добавили две диванные подушки, крытые красным узорчатым шелком. Лицо у Бальзака было лиловое, почти черное, склоненное вправо, небритые щеки; поседевшие волосы коротко острижены, широко открытые глаза смотрели куда-то застывшим взглядом. Я видел его в профиль - так он походил на Императора.

По обе стороны кровати стояли старуха сиделка и слуга. За изголовьем горела на столе свеча, другая зажжена была на комоде около двери. На ночном столике стояла серебряная миска. Мужчина и женщина, стоявшие у постели, молчали и с каким-то ужасом слушали громкий хрип умирающего. Свеча на столе ярко освещала висевший над камином портрет молодого и румяного, улыбающегося человека.

От постели исходил невыносимый запах. Я приподнял покрывало и взял руку Бальзака. Она была влажная от пота. Я пожал ее. Он не ответил на пожатие… Сиделка сказала:

- На рассвете он умрет.

Я спустился по лестнице, унося в памяти лицо умирающего; проходя через гостиную, я еще раз увидел неподвижный и надменный, смутно белевший мраморный бюст, и мне пришло на ум сравнение: смерть и бессмертие.

Вернувшись домой (это было в воскресенье), я застал у себя нескольких человек, поджидавших меня; среди них были Риза-бей, турецкий посланник, испанский поэт Наварет и итальянский изгнанник граф Арривабене. Я сказал им:

- Господа, Европа сейчас теряет гения".

Бальзак умер ночью. Прибежал сумасбродный и преданный человек - Лоран-Жан. Ева Бальзак не любила его, считая "богемой"; терпеть не могла его неряшливый вид, его манеры "дурного тона". Но в эти тяжелые часы он оказал ей множество услуг: отправился в мэрию сделать заявление о смерти, составил некролог, который должен был появиться в газетах, привел художника Эжена Жиро, который написал пастелью портрет Бальзака на смертном одре. На этом портрете, сделанном талантливо и любовно, четко выступает голова, красивая, мощная, умиротворенное выражение лица. Пришел некий скульптор-формовщик, по фамилии Марминиа, сделал слепок с руки умершего и представил счет за свою работу госпоже Бальзак. Такова слава.

Жизнь Бальзака завершилась подобно роману "Человеческой комедии".

Сколько раз он рассказывал, как человек всю жизнь мечтал о любви и вот наконец, кажется, достиг счастья, но лишь только он протягивает руку, чтобы схватить его, счастье ускользает. Так кончились “Шуаны”, “Луи Ламбер”, “Альбер Саварюс”.

”Достигнуть цели, умирая, как античный гонец! Видеть, как счастье и смерть одновременно вступают на твой порог! Завоевать любимую женщину, когда любовь уже гаснет! Не быть в силах наслаждаться, когда право быть счастливым наконец приобретено! Это было уделом уже стольких людей!”

Бальзак давно предчувствовал, что такая судьба уготована и ему, и в предсмертные дни он своим светлым умом, который так любил и умел определять тайные причины событий, увидел во всей ее суровой простоте самую суть прожитой жизни. Он умирал, сгорев в огне своих желаний, истратив все силы в воображаемых действиях своих героев, умирал жертвою своего творчества. Несчастное детство и юность породили у него сверхчеловеческое честолюбие. Он хотел всего: любви, богатства, гениальности, славы. Несмотря на расстояние, казалось бы непреодолимое, между отправной точкой и целью, он всего достиг. В воскресный вечер 18 августа 1850 года он лежал, простертый, в украшенном им самим доме, убранство которого походило на-его мечты о чудесах “Тысячи и одной ночи”; волшебница Чужестранка ради него покинула свой дворец и океаны хлебов; он стал средоточием того мира, который сам населил, в который вдохнул

душу и

которому суждено было пережить его. Но смерть, уже годы ходившая за ним по

пятам, одновременно с ним подошла к конечной точке.

ЭПИЛОГ

Дружба и слава - единственные

обитатели гробниц.

Бальзак

Священник приходской церкви Сен-Филипп-дю-Руль разрешил выставить гроб

на два дня в часовне Божона. Так мертвый Бальзак прошел в дверь, один уж

ключ которой был для него “дороже всех райских садов бывшего генерального

откупщика”. Отпевание состоялось в среду 21 августа, и служба не

отличалась особой парадностью; величайший романист века не имел никаких

прав на торжественную официальную церемонию. Царствие его было не от мира

сего. Ни знаков отличия, изображенных на черном сукне траурных драпировок, ни обвитых черным крепом барабанов, ни мундиров, ни расшитых золотом

фраков; но с одиннадцати часов все, “кто мыслит и поклоняется литературе”, теснились вокруг церкви и часовни Сен-Никола. В толпе было много

типографских рабочих, которые столько работали с Бальзаком и для Бальзака.

Правительство представлял министр внутренних дел Барош. Дорогой от часовни

до церкви шнуры катафалка держали министр и Виктор Гюго, Александр Дюма и

Франсис Вэй от Общества литераторов. В церкви, сидя рядом с Гюго перед

помостом с гробом Бальзака, министр сказал поэту: “Это был выдающийся

человек”. Гюго ответил: “Это был гений”.

Путь похоронного кортежа, двигавшегося по бульварам, казался

бесконечным. Дюма и Гюго прошли его пешком. На кладбище Пер-Лашез

добрались под вечер. Виктор Гюго, которого едва не раздавил катафалк, прижав к монументальному памятнику, произнес у могилы речь, которую

провожавшие слушали с волнением в благоговейной тишине. “Пока я говорил, -

записал он в своих заметках, - солнце спускалось к горизонту. Сквозь

золотистую закатную дымку вдали виднелся весь Париж. Почти у самых моих

ног осыпалась в могилу земля, и я невольно останавливался, когда комки ее

с глухим стуком падали на гроб”. С высоты этого кладбищенского холма

Растиньяк бросил вызов Парижу. Париж в этот день воздавал честь творцу

Растиньяка.

”- Господин де Бальзак, - сказал Виктор Гюго, - был одним из первых среди великих, один из лучших среди избранных… Все его произведения составляют единую книгу, полную жизни, яркую, глубокую, где движется и действует вся наша современная цивилизация, воплощенная в образах вполне реальных, но овеянных смятением и ужасом. Изумительная книга, которую ее автор назвал Комедией и мог бы назвать Историей; книга, в которой сочетаются все формы и все стили, которая затмевает Тацита и достигает силы Светония, перекликается с Бомарше и может сравниться с Рабле… где щедро и правдиво показано все самое сокровенное, мещанское, пошлое, низменное и где порою внезапно… выступают самые мрачные и самые трагические идеи…

Вот то творение, которое он нам оставил, - возвышенное и долговечное, мощное нагромождение гранитных глыб, основа памятника, творение, с вершины которого отныне будет сиять его слава! Великие люди сами сооружают себе пьедестал, статую воздвигнет будущее… Увы! Этот неутомимый труженик, этот философ, этот мыслитель, этот поэт, этот гений жил среди нас той жизнью, полной бурь, распрей, борьбы и битв, которою во все времена

живут

великие люди. Теперь он обрел покой. Он ушел от раздоров и ненависти. В

один и тот же день для него раскрылась могила и засияла слава. Отныне его

имя будет блистать поверх туч, нависших над нами, блистать среди звезд

нашей родины!”

В этот же самый день Барбе д’Орвильи писал: “Эта смерть - подлинное бедствие в нашей интеллектуальной жизни, и

среди всех утрат, постигших нашу эпоху, с ней можно сравнить только смерть

лорда Байрона Действительно, Байрон, как и Бальзак, умер, вступив в пору

зрелости и полного расцвета своего дарования, оставив, как и Бальзак, свое

творение незавершенным. Не закончена поэма “Дон Жуан”, не закончена и

другая, быть может, более великая поэма - “Человеческая комедия”, написана

только половина ее. Вальтер Скотт угас спокойно, как солнце, закатившееся

после ясного и долгого дня… Гете, этому любимцу судьбы, при жизни

ставили мраморные статуи в годы его старости, которая была как бы

предвестником его бессмертия. Но Бальзак был сражен на середине жизненного

пути, в расцвете творческих сил и замыслов…”

Самый заядлый его враг, Сент-Бев, 2 сентября в “Беседах по понедельникам” в первых же строках заявил, что отныне в его суждениях о творчестве Бальзака не будет никакого личного неприязненного чувства.

”Кто лучше его изображал стариков и красавиц времен Империи? А главное - кто дал более очаровательные портреты герцогинь и виконтесс последних лет Реставрации, этих “тридцатилетних женщин”, которые уже появились в обществе и в смутной тоске ждали своего художника?.. Кто, наконец, лучше него ухватил в натуре и передал во всей его полноте тип буржуа, восторжествовавшего при Июльской монархии?.. Каким бы быстрым и великим ни был успех господина де Бальзака во Франции, успех его, пожалуй, был еще больше и бесспорнее в Европе… В Венеции, например, одно время в обществе люди брали себе имена главных персонажей Бальзака и даже хотели играть их роли. Целый сезон там видали только Растиньяков, герцогинь де Ланже, герцогинь де Мофриньез, и нас уверяют, что некоторые актеры и актрисы этой комедии стремились сыграть до конца взятую на себя роль…”

Считая, что для очистки совести вполне достаточно этих похвал, Сент-Бев

не мог отказать себе в удовольствии вытащить из потайного шкафчика несколько различных ядов, правда, в растворах несмертельной концентрации.

Вскоре после смерти Бальзака он заявляет, что не может принять “его стиль, жеманный и вызывающий, нервирующий, подрумяненный, с подрисованными жилками всех оттенков, стиль чарующий и развращающий, чисто азиатский, как говорили наши мастера”, а также не может он принять и явную слабость господина де Бальзака ко всякого рода Сведенборгам, Месмерам, Калиостро.

По словам Сент-Бева, он считал нужным сказать все это ради того, чтобы “само наше восхищение и наша дань уважения и скорби по отношению к писателю такого чудесного таланта не переходила бы дозволенных границ”.

Мимоходом он утверждал, что Жорж, Санд гораздо крупнее как писатель, чем Бальзак. Можно надеяться и верить, что-эти слова покоробили Жорж Санд.

Надо коротко указать, что сталось с второстепенными действующими лицами этой драмы. Госпожа Бальзак-старшая (“бабуся”, как ее звали внучки) могла еще четыре года баловать свою дорогую Лору и высмеивать Сюрвиля, своего зятя. Она любила навещать дочь, когда обязанности инженера удерживали

Сюрвиля где-нибудь далеко - на канале, который он прокладывал, на каких-нибудь прудах, которые он рыл, у моста, который он строил. “Старый кот ушел, старой мыши раздолье”, - писала она своим образным языком. Она по-прежнему “портила себе кровь”, играла в вист, лакомилась засахаренными дольками апельсинов, поздравляла родственников с годовщинами, именинами и всякими праздниками и умоляла сноху: “Скажите мне, что вы всегда будете любить свою бедную свекровь в память о том, кто был нам так дорог… Мне нужно заплатить доктору, купить дров, отдать за квартиру, а денег у меня только-только чтобы протянуть до 1 февраля…” Надо отметить, что вдова Бальзака не допускала, чтобы его мать в чем-нибудь нуждалась.

У Лоры по семейной традиции нередко “бывали расстроены нервы”. На ее красивые сказки совсем не было спросу в книжных лавках; ее муж, слишком “инженеристый инженер”, больше замышлял, чем осуществлял. В последнем своем коротком письме “дорогая бабуся” писала, что она “от всего материнского сердца целует в лоб свою милую дочь”. 1 августа 1854 года госпожа Бальзак-старшая сошла со сцены мира сего. Финансовые дела

семейства Сюрвилей все больше приходили в расстройство. Эжен Миди де ла Гренере, именуемый Сюрвиль, умер в 1867 году, оставив после себя актив в 111918 франков, но, несомненно, пассив превосходил эту сумму, так как вдова и дочери отказались от наследства. Прелестная Софи вышла замуж за Жака Малле, вдовца, который был старше ее на двадцать лет; вскоре он исчез из дому и больше не подавал признаков жизни; брошенной жене пришлось поступить гувернанткой в семейство Мартен дю Нора, бывшего депутата парламента. Валентина Сюрвиль, вышедшая замуж за адвоката Луи Дюамеля (который стал секретарем президента Жюля Греви), умерла в 1897 году. Злополучный Анри де Бальзак так и не узнал, что его незаконный отец завещал ему в наследство 200000 франков золотом; Анри умер в нищете в военном госпитале Дзаудзи 11 марта 1858 года, за два месяца до смерти своего отца Жана Маргонна.

Даблен, бывший торговец скобяными товарами, щуплый старичок с большим сердцем, до конца своих дней оставался другом Сюрвилей. Он завещал Лоре серебряную суповую миску и пятьдесят миниатюр. Софи - шкатулку саксонского фарфора и (как она и предвидела) китайскую чашку, Валентине - две

эмалевые

вазы, которые очень нравились Бальзаку. Быть может, они предпочли бы

получить "немного наличных денег", но Даблен подумал обо всех: о бедняках

своего квартала и о неимущих в Рамбулье, о своих старых слугах, о

многочисленной родне, о бесчисленных друзьях и о музее Лувра. До тех пор

пока люди будут читать книги, его имя останется связанным с именем

Бальзака, особенно с романом "Шуаны" ("Первому другу - первое

произведение").

Молчаливый и серьезный майор Карро умер в 1864 году. Зюльма Карро, обеднев после смерти мужа, вынуждена была расстаться с Фрапелем; она

переехала в Ноан-ан-Грасе, поселилась в "маленьком коттедже", писала книги

для детей; "Бабушкин полдник", "Маленькая Жанна, или Невыученный урок" и

другие пользовавшиеся успехом произведения для "Розовой библиотеки". Она

прожила до 1889 года, пережив двоих сыновей: Йорика, капитана стрелкового

полка, убитого в 1870 году под Седаном, и Ивана, главного инспектора

Департамента вод и лесов, скончавшегося в 1881 году. Мадлена Карро, дочь

Ивана, вышла замуж за Жоржа Пейеля, который стал первым председателем

Счетной палаты; от этого брака родился Раймон Пейель, известный в

Счетной палаты, от этого брака родился Раймон Пенель, известный в литературе под псевдонимом Филипп Эриа.

По завещанию Бальзак сделал жену единственной своей наследницей и признал за собой долг перед ней в сумме 130000 франков. Она дала ему взаймы вдвое больше. Мари дю Френэ Бальзак завещал “Голову Христа” работы Жирардона, которая не была работой Жирардона, в раме работы Брюстолона, которая не была работой Брюстолона. Различные вещи он оставил доктору Наккару, Александру де Берни, Зюльме Карро - в знак признательности за их верную дружбу.

Вдова Бальзака могла бы отказаться от наследства, обремененного большим пассивом. Она, наоборот, сочла себя обязанной уплатить все долги. Благодаря ей мать Бальзака не знала нужды, но порой Чужестранка безжалостно давала ей почувствовать тяжесть своих благодеяний. На просьбу свекрови увеличить назначенный ей пенсион она сухо ответила: “Я, кажется, не давала вам иных обещаний, кроме обещаний аккуратно выплачивать вашу ренту, и уверяю вас, что это мне нелегко. Вы лучше, чем кто-либо другой, знаете, что все мое состояние ушло в руки кредиторов вашего сына…”

Ева де Бальзак - мэтру Делапальму, нотариусу: “Четыре месяца я была не женой, а сиделкой господина де Бальзака.

Ухаживая за неизлечимо больным своим мужем, я подорвала свое здоровье и потеряла свое личное состояние, согласившись принять от него наследство, обремененное долгами и всякими неприятностями…”

Все это верно.

Скорбь Эвелины де Бальзак была искренней, горячей и недолгой. Она писала доктору Наккару, что теперь она только тело без души - выражение, унаследованное ею от покойного. “Нет, дорогой доктор, несмотря на свой высокий и огромный ум, вы не можете себе представить, что во мне происходит. Вы не знаете, сколько надо мужества, чтобы жить, когда жизнь стала сплошным страданием…” В память об умершем вдова подарила доктору Наккару знаменитую трость с инкрустациями из бирюзы.

Супруги Мнишек были потрясены смертью их дорогого Бильбоке. “О моя любимая, моя несравненная, обожаемая мамочка! Какой ужасный и нежданный удар! - писала Анна. - Всю свою жизнь мы употребим теперь на то, чтобы смягчить для вас тяжесть этого страшного горя”. Зефирина и Гренгале продали большую часть своих владений в России и, оставив за собой только Верховню, доверили управление ею доктору Кноте. Приехав к Эвелине, они

решили обосноваться в Париже и построили себе рядом с “несчастливым домом” на участке, купленном у художника Гюдена, роскошный особняк. В застекленных витринах там нашли себе приют коллекции жесткокрылых, собранные Георгом.

В пятьдесят лет вдова Бальзака оставалась привлекательной и пылкой женщиной. “Ради нее, какова она есть, - говорил Барбе д’Орвильи, - стоило пойти на всякие безумства… Она отличалась величественной и благородной красотой и, хотя, располнев, стала несколько грузной, все же сумела при всей своей дородности сохранить большое очарование. Особую пикантность придавали ей прелестный иностранный акцент и весьма волнующие томные манеры…”

Она действительно взволновала против его воли молодого литератора Шанфлери. Когда умирал Бальзак, его не было в Париже, и, вернувшись, он пришел с визитом к вдове. Она приняла гостя хорошо, слишком хорошо, и попросила помочь ей разобрать бумаги ее знаменитого супруга.

”- У меня болела голова, - рассказывает он, - и в разговоре я несколько раз прижимал руку ко лбу.

- Что с вами? - спросила она.

- Не знаю… Невралгия.

- Я вылечу вас, сейчас все пройдет.

И, встав позади меня, она положила мне на лоб обе ладони. В подобных положениях возникают некие магнетические флюиды, и тогда уж люди на этом не останавливаются…”

Так началась эта связь. Шанфлери был на двадцать лет моложе “прекрасной сарматки”, которая 13 мая 1851 года писала ему: “Каждый вечер хожу в кафе-шантаны и очень веселюсь!.. Позавчера смеялась до упаду. Никогда еще так не хохотала. Ах, до чего ж приятно, что я никого не знаю, что мне ни с кем не надо считаться, что я совершенно независима и свободна, как в горах, и вместе с тем сознавать, что я в Париже…” Очевидно, парижская жизнь пришлась ей по вкусу, раз она больше не возвращалась на родину.

Долг предписывает каждой вдове писателя усердно заботиться об увековечении памяти мужа. Ева поручила Дютаку подготовить к изданию полное собрание сочинений Бальзака, а вернее, дополненное собрание сочинений, так как настаивала на включении в него “Депутата от Арси” и “Мелких буржуа”, хотя оба романа были в набросках. Чтобы их закончить, она хотела дать

покоиному мужу в качестве анонимного и посмертного сотрудника своего любовника. Но Шанфлери отказался от этой работы, так как не одобрял ее. Тогда, чтобы волей-неволей удержать при себе возлюбленного, Чужестранка прибегла к иным средствам.

Ева де Бальзак - Шанфлери:

”Хочу тебе сказать, что вчера у меня было небольшое денежное поступление, совсем для меня неожиданное, и там оказалось несколько новеньких республиканских золотых, таких нарядных, таких блестящих, что я их отложила в сторону, найдя, что они слишком молоды и веселы для меня”.

Оттиск печатки, которой пользовался Бальзак, запечатывая свои письма к Чужестранке, в 1851 году оказался на оборотной стороне письма Шанфлери! Итак, даря луидоры, Ева добавила к ним и эту реликвию великого человека. Несомненно, она охотно стала бы играть в жизни Шанфлери ту же роль, какую некогда Dilecta, уже достигшая зрелых лет, играла в жизни молодого Бальзака. Но “казацкая” смесь мистицизма и чувственного пыла, так нравившаяся Бальзаку, быстро отпугнула Шанфлери. Ева показала себя

нравившаяся Бальзаку, быстро отпугнула Шанфлери. Ева показала себя бешено ревнивой и весьма властной. Шанфлери чудилось, что у него любовницей состоит Екатерина Великая, и ему хотелось удрать от нее. При каждой попытке к бегству она удерживала его под тем предлогом, что он должен хотя бы привести в порядок неизданные вещи Бальзака. Наконец в ноябре 1851 года бурная сцена ревности привела к желанному для Шанфлери разрыву.

За неимением Шанфлери Ева прибегла к Шарлю Рабу и доверила ему миссию завершения “Человеческой комедии”.

Ева де Бальзак - Арману Дютаку:

”Скажите, что я выбрала господина Рабу для окончания этого творения единственно по той причине, что такой выбор указан был мне самим моим мужем в беседах, которые у нас с ним были в дни его последней роковой болезни по поводу завершения его прерванного творения…”

Свидетельства из-за могилы представляют собою неоспоримые аргументы, и ими нередко злоупотребляют вдовы - хранительницы распоряжений, которые только одни они слышали от умершего.

Бальзак опубликовал фельетонами в “Юнион монаршик” (с 7 апреля по 3 мая 1847 года) семнадцать первых глав романа “Депутат от Арен”. После его смерти продолжения романа в ящиках не нашли, но Ева взялась рассказать Рабу, каково должно быть окончание романа, которое наметил ее муж.

”Сказать ему, - записывает она, - все, что я знаю о замыслах господина де Бальзака относительно “Депутата от Арси”… Я больше жила с персонажами “Человеческой комедии”, чем с людьми реального мира, и, когда понадобится узнать подробности о привычках, нравах, знакомствах, фактах и поступках кого-нибудь из членов многочисленной нетленной семьи, созданной этим великим умом и этой сильной волей, следует всегда обращаться ко мне…”

Вдохновляясь указаниями, оставленными Бальзаком через его жену, Рабу принялся за работу. Роман разросся до такой степени, что когда он в 1852 году был напечатан в газете “Конститюсьонель”, то занял в ней 101 фельетон, из которых 31 был опубликован при жизни автора в газете “Юнион монаршик”, представляя собою пролог к роману. Эта первая часть (только она одна и написана Бальзаком) была названа им “Выборы”. В газете

“Конститюсьонель” этот роман-река появился под заглавием “Депутат от Арси”

и был разделен на три части: “Выборы”, “Граф де Сальнов”, “Семейство

Бовизаж”. О сотрудничестве Рабу упомянуто не было.

В письме к Дютаку Ева говорит о “Мелких буржуа”: “Я очень довольна, что господин Рабу согласен их закончить, так как

глубоко убеждена, что для завершения этой книги господин де Бальзак выбрал

бы именно его. Это не предположение, а уверенность, ибо он говорил мне в

дни болезни: “Я хотел бы повидаться с Рабу; может быть, он возьмется

закончить “Мелких буржуа”…”

Первая часть романа (опубликована в 1856 году) разделена на двадцать

семь глав, из них двадцать две первые главы принадлежат Бальзаку. Вторая

часть “Мелких буржуа” (1857 год) целиком написана Рабу. Издатель де Потте, который выпустил первое издание “Депутата от Арси” (до предпринятого

Мишелем Леви “ударного” издания полного собрания сочинений Бальзака в

двадцати четырех томах в восьмую часть листа), имел мужество напечатать на

титульном листе: “Закончено Шарлем Рабу”.

В 1851 году художник Жан Жигу, уроженец Франш-Конте, сын кузнеца, выставлявший на всех выставках “огромные махины” - большие полотна

исторического и мелодраматического содержания, живописец; которого

газеты

расхваливали за “мужественный характер его таланта”, написал портрет

графини Мнишек. Анна привела в мастерскую Жана Жигу свою мать, и та в свою

очередь заказала ему пастель. Этот художник, который писал в манере

резкой, мужественной и полной условностей, покорил ее. Вероятно, в 1852

году они вступили в связь, оказавшуюся почти супружеством, так как она

продолжалась до самой смерти Эвелины, которая скончалась 10 апреля 1882

года. Жигу, “ветеран” с галльскими усами, “обремененный годами и славой”, пережил ее на двенадцать лет. Приютом этой странной четы, связанной такими

прочными узами, служил замок Борегар в Вильнев-Сен-Жорж, купленный

госпожой де Бальзак после того, как она овдовела.

Последние годы Чужестранки были омрачены несчастьями, постигшими ее

детей. Анна, у которой еще Бальзак подмечал непреодолимую страсть к

дорогим нарядам, к великолепным драгоценностям, поддалась парижским

соблазнам. Шали из кружев шантильи, наволочки на подушки, отделанные

алансонскими кружевами, платья от Ворта, ширмы китайских лаков, тончайший

китайский фарфор, бриллиантовые уборы разорили наследницу, владевшую

Верховной. В 1875 году у Георга Мнишека, которого она обожала, восхищаясь

его кротким, как у святого, лицом и ангельскими глазами, случилось первое кровоизлияние в мозг; он не оправился от удара и лишился разума. Милые его сердцу коллекции жесткокрылых были проданы; к тому времени брат Эвелины, граф Адам Ржевусский, уже давно купил Верховню.

После смерти сумасшедшего мужа (в 1881 году) и смерти матери (в 1882 году) Анна, совсем обеднев, продала замок Борегар и удалилась в монастырь женской общины Креста Господня, находившийся на улице Вожирар. “В дни бедствий она была такой же прелестной и доброй, как и в пору роскоши, такой же милой и ласковой, беспечной, как птичка, какою знал ее и любил Бальзак”. В 1915 году Анна, умирая, оставила экономке, ухаживавшей за ней, малахитовую шкатулку с инкрустациями из слоновой кости, подбитую бледно-розовым бархатом, - ту самую шкатулку, в которой Бальзак некогда хранил письма Ганской и на которой он заказал выгравировать буквы H.L. (Heva Liddida - Ева Возлюбленная по-древнееврейски). Экономка предложила шкатулку за высокую цену Марселю Бутерону, “папе бальзаковедов”. Сумма, которую запросили за этот ларец, была совсем не по средствам Бутерону, но он подбежал к шкафу, где держал свои скромные сбережения, схватил, не считая, пачку банковских билетов, сунул их в руки экономке и оставил у себя священную реликвию.

Каролина Марбути, “поэзия путешествия”, продолжала писать под

псевдонимом Клэр Брюн автобиографические романы. В романе “Ложное положение” она повествовала о горьких разочарованиях, пережитых в Париже провинциалкой, выдающейся женщиной. Связь с маркизом де Пасторе (дворянином, преданным претенденту на французский престол Генриху V, который сделал его своим поверенным во Франции), внушила писательнице замысел другого произведения: “Маркиз де Пресье, или Три эпохи”. Развязка этой авантюры была скандальной. Амедей де Пасторе доверил своей любовнице хранение ларца, в котором он держал под ключом компрометирующие его бумаги - неоспоримые доказательства его легитимистских происков. Не сделала ли Каролина в конце угасающей любви эти документы орудием своей мести? Многие тогдашние мемуаристы утверждают, что она продала ларец луи-филипповской полиции. В своем интимном дневнике, сумбурном и страстном, Клэр Брюн отвергает обвинение в шантаже. По ее словам, она хотела только взамен пылких писем любовника получить денежное возмещение за разрыв. Как бы то ни было, история с ларцом дискредитировала госпожу Марбути и обратила ее в авантюристку. Дидина в “Провинциальной музе” была куда благороднее.

Шестнадцатого февраля 1890 года Каролина Марбути (ей было тогда

восемьдесят семь лет), переходя через Елисейские Поля, попала под колеса омнибуса. Ее отнесли в больницу Божона, помещавшуюся в те годы в доме N_208 по улице Фобур-Сент-Оноре, в двух шагах от того места, где умер Бальзак; в тот же день пострадавшая умерла, не приходя в сознание, и была опознана лишь позднее. Так как она приобрела для погребения своей дочери (умершей в двадцать три года) "в вечную собственность" участок земли на кладбище Пер-Лашез, то ее и похоронили там же, где погребли Бальзака и Чужестранку. Она покоится недалеко от них.

Элен де Валетт, вдова Гужона, не изменила своего дурного поведения. Два снисходительных покровителя осыпали ее вещественными доказательствами своей привязанности к ней. Знатный владелец замка, с которым она прижила сына, узаконил его, и позднее этот молодой человек сделал очень хорошую карьеру. Элен поселилась в Париже, в доме N_91 по Лилльской улице у барона Ипполита Ларе, где и жила до дня своей смерти, последовавшей 14 января 1873 года. Маленькая "солеварка" всю жизнь ухитрялась искусно поддерживать равновесие в своем деликатном положении между графом и бароном. Поскольку она была (очень недолго) одной из "Мари" Бальзака, барон Ларе, ее

единственный наследник, принес в дар городской библиотеке Тура выправленную автором корректуру романа “Беатриса” и собственноручное его письмо, причем даритель принял тщательные и наивные предосторожности к тому, чтобы нельзя было установить, к кому обращено посвящение, адресованное Мари X***.

Так же как Бальзак и Чужестранка, как Анна и Георг Мнишек, как Каролина Марбути, Элен де Валетт погребена на кладбище Пер-Лашез, где закончились под могильными холмиками или мраморными памятниками судьбы стольких бальзаковских героев.

Похоронив умерших, обратимся к живым. Они нетленны - их имена Горио, Гранде, Юло, Бетта, Понс, Растиньяк, Рюбампре, Попино, Бирото, Гобсек; они окружают нас, они всегда с нами, они помогают нам познавать людей - ведь люди-то нисколько не изменились. Княгиня де Кадиньян и маркиза д’Эспар по-прежнему разыгрывают тонкие и жестокие сцены комедий; дочери старика Горио не перестают грабить отца; многие Бенаси все пытаются спасти французскую деревню, а неподалеку от них генерал де Монкорне пускает в продажу свое имение. Купит его Гобертен

продажу свое имение. Купит его Гобертен.

Во всех странах из года в год возрастает число ревностных читателей Бальзака. У каждого издателя, переиздающего “Человеческую комедию”, тираж быстро расходится. Слава Бальзака блистает еще ярче, чем в тот день, когда Гюго на кладбище Пер-Лашез, за которым сгущалась закатная дымка, воздал ему честь в прекрасном своем слове. “Еще не пришло для меня время беспристрастия”, - писал Бальзак в 1842 году. Эта несправедливость упорно держалась. Долго после смерти Бальзака критики замалчивали его. “Все высокие памятники отбрасывают тень, и многие люди видят только тень…” Натуралисты увидели в нем (ошибочно) своего предшественника, хотя Золя, как ему казалось, обнаружил “трещину в его гениальности”, имея в виду политические взгляды и мистику Бальзака. Фаге в 1887 году упрекал Бальзака за его идеи, достойные “клерка провинциального нотариуса”, и за вульгарность его стиля.

Но великие люди первыми признали его величие. После Гюго им восхищался Бодлер; потом Достоевский, Браунинг, Маркс, Стриндберг; затем Пруст, Ален, а затем и весь мир. Ученые-литературоведы Фаге и Брюнетьер в конце концов осознали свою ошибку. Тэн, а вслед за ним Бурже показали, что в Бальзаке

осознали свою ошибку. Тэн, а вслед за ним Бурже показали, что в Бальзаке мыслитель не уступал наблюдателю и даже руководил им; А история помогла понять Бальзака. Он жил во времена разочарований. В годы Революции и наполеоновской Империи в душах людей скопилась сверхчеловеческая энергия. Антигероический режим Реставрации и буржуазной монархии оказался неспособен использовать эту силу. Взрывы небольшой мощности, имевшие место в 1830 и в 1848 годах, поглотили лишь малую ее часть. А избыток энергии - значительный избыток - ушел на деловые предприятия, на промышленную революцию и на создание “Человеческой комедии”.

Конец XIX века, протекавший довольно спокойно, веривший, что достижения науки приведут к прогрессу, отрицал суровые бальзаковские истины или пренебрегал ими. Наоборот, наша эпоха, испытавшая бедствия двух войн и видевшая, как и во времена Бальзака, удивительные, крутые перемены в положении страны и людей, внезапные падения и невероятные взлеты, чувствует себя ближе к Бальзаку. Ну как было Эмилю Фаге понять Филиппа Бридо? Он в своей жизни не видел ничего подобного. А вот у нас есть свои собственные отставные вояки на половинной пенсии, у нас происходят покушения, заговоры, творятся темные дела. Наши ученые подтверждают идеи

Бальзака о единстве материи и ведут поиски абсолюта. Они верят, так же как

Бальзак, что мысль может оказывать физическое воздействие. Вся современная

психиатрия подтверждает интуицию Луи Ламбера. А в “Цезаре Бирото” мы

читаем: “Случайности, составляющие целые ряды, заменяют собою Провидение”.

Но ведь это предвосхищение законов статистики.

Пруста, который был столь же велик, как и Бальзак, и знал “Человеческую

комедию” до мельчайших подробностей, конечно, не могло удивлять, что это

огромное творение создано за одну короткую, трудную и нередко заурядную

жизнь. Вильпаризи было не лучше Иллье; тетя Леони могла бы принадлежать к

“небесному семейству”; жизнь в мансарде на улице Ледигьер была не более

одинокой, чем в комнате на бульваре Осман, обитой пробкой. “Те, что

создают гениальные произведения, не принадлежат к людям, которые ведут

изысканную жизнь”. С того дня, как Оноре де Бальзак, прибегнув к

транспозиции, сумел показать миру пристальный и тяжелый взгляд своей

матери, свои обиды нелюбимого ребенка, свое чтение книг под лестницей в

Вандомском коллеже, впервые уловленный им “аромат женщины”, неудачи своего

зятя, гнусные махинации ростовщиков, свои “утраченные иллюзии” и восторги

творчества, мозг его вскормил целый мир. И этот мир поглотил его жизнь -

он умер еще молодым. Но кто не хотел бы быть Бальзаком?

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В 1907 году Октав Мирбо включил в свой роман “628-Е-8” гнусную и

скандальную главу о смерти Бальзака. Он утверждал, приводя всякие

непристойные и безобразные подробности, что во время агонии своего мужа

Ева де Бальзак находилась в соседней комнате в объятиях художника Жана

Жигу. Об этом “открытии” сообщала статья в газете “Тан”, Анна Мнишек

выразила решительный протест против подлой клеветы. Она написала в газету

“Тан”: “Ко времени смерти господина де Бальзака моя мать даже и не знала

господина Жигу, я сама его представила ей через два года после смерти

моего отчима”. Утверждения Анны Мнишек были правдой, и Октаву Мирбо, заявлявшему, что он слышал эту историю от самого Жигу (якобы

рассказывавшего ее у Родена), пришлось весьма жалким образом отступить и

выбросить из романа указанную главу под тем предлогом, что он не хочет

“омрачать последние годы жизни старой женщины”.

На самом-то деле он уничтожил главу потому, что иначе ему пришлось бы

отвечать перед судом в двух грозивших ему процессах о диффамации, которые

ей проиграл бы, так как не имел и тени доказательств, а книга его была бы

изъята из продажи. Он сослался на свидетельство Виктора Гюго, но у Гюго в

“Виденном” сказано только, что во время его посещения умирающего “госпожа

де Бальзак ушла к себе”, а это было вполне естественно, так как она, вероятно, совсем измучилась.

Поль Лапре, хранитель музея Жана Жигу в Безансоне, писал в газете “Жиль

Блаз”: “Я сорок лет был неразлучен с господином Жигу и честью своей

заверяю, что никогда за эти долгие годы не слышал, чтобы он рассказывал ту

историю, о которой говорит господин Мирбо… Кстати сказать, Жигу

познакомился с госпожой де Бальзак лишь после того, как она овдовела, и я

могу это доказать при помощи их переписки, находящейся в моем

распоряжении”. Другой друг Жана Жигу, Ульрик Ришар-Дезекс, тоже разоблачил

“беспрецедентную гнусность”, допущенную Мирбо. Единственным человеком, осмелившимся после смерти Анны Мнишек поддерживать “ужасный рассказ, выдуманный Мирбо от первого до последнего слова.”, как писал Марсель

Бутерон, был Шарль Леже, весьма легкомысленный человек, которому мы

обязаны многими ложными сведениями о графине Гидобони-Висконти и других.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Меньше чем через год после смерти Бальзака (28 июня 1851 года) газета “Мод” сообщила:

”В ближайшее время в “Мод” будут опубликованы “Письма к Луизе” господина де Бальзака. Эти письма, в количестве двадцати трех, никогда прежде не издававшиеся, обращены автором “Евгении Гранде” к одной из самых элегантных женщин современного общества. Они представляют собою любопытную страницу сердечного романа знаменитого романиста. Читая “Человеческую комедию”, люди будут восхищаться писателем, а по этим письмам они будут изучать его как человека. У нас в руках находятся подлинники всех двадцати трех писем”.

Возмущенная Ева де Бальзак написала своей свекрови: “У меня на руках новый судебный процесс - против газеты “Мод”, которая купила интимную переписку нашего бедного Оноре с какой-то прекрасной дамой, которая прежде продавала ему свою благосклонность, а теперь торгует его письмами...”

продавала ему свою благосклонность, а теперь торгует его письмами…

Вспомним, что отношения Бальзака с таинственной Луизой оставались чисто

эпистолярными и что корреспонденты никогда не встречались. Луизу, таким

образом, нельзя было обвинять в том, что она “продавала свою

благосклонность”. Но “некий господин Лефебр”, располагавший двадцатью

тремя письмами Бальзака, а также рукописью рассказа “Дело об опеке” и

правленными корректурными оттисками романа “Лилия долины” (которые Бальзак

когда-то послал своей таинственной поклоннице), действительно продал эти

документы за три тысячи франков Филиасу Нивару, издателю газеты “Мод”.

Эвелина поручила адвокату Пикару наложить запрещение на предполагаемую

публикацию “Писем к Луизе”. Дело рассматривалось в первой камере

гражданского суда судебного округа Сены 14 мая 1852 года. Вдова Бальзака в

качестве единственной его наследницы воспротивилась опубликованию

переписки, носившей интимный характер, и потребовала возвращения

автографов. Суд в решении своем объявил, что “посланное письмо является

собственностью того лица, кому оно адресовано, а посему наследники лица, поставившего свою подпись под данными письмами, ни в коем случае не могут

случае не могут

требовать их возвращения, но имеют право наложить запрет на их

опубликование…”

Итак, “Мод” было запрещено печатать “Письма к Луизе”, а Лефебру

решением суда было предложено возвратить газете три тысячи франков, полученные им за эти письма.

Этот Лефебр в действительности назывался Луи Лефевр. В 1887 году виконт

де Лованжуль имел беседу с Гюставом Денуартером, который должен был в свое

время подготовить эти письма к публикации в газете “Мод”, и Денуартер, отвечая на вопрос де Лованжуля, сказал: “Письма продал сам муж этой

дамы… он был человек ловкий и беззастенчивый, в продаже писем он видел

лишь выгодное дело, которым следовало воспользоваться”. Луи Лефевр, родившийся в 1808 году в маленьком городке Лизье, перепробовал все

профессии: он был управляющим в журнале “Эроп литерео”, директором театра, драматургом. Он действительно очень нуждался и умер без гроша в 1866 году

в больнице от апоплексического удара. Жена Лефевра (она вышла за него

через несколько недель после смерти Бальзака - 11 сентября 1850 года) пережила мужа только на два года.

Любопытная подробность: в конце концов сама Ева де Бальзак оказалась

сторонницей распространения “Писем к Луизе”. Перед этим Шпельбер де

Лованжуль купил их. Когда Мишель и Кальман-Леви пожелали добавить к

первому изданию полного собрания сочинений Бальзака два тома его

первому изданию полного собрания сочинений Бальзака два тома его переписки (1876 год), Чужестранка передала им несколько писем, полученных ею “от бедного Оноре” (писем, кстати сказать, прошедших через ее собственную целомудренную цензуру), и разрешила также опубликовать переписку Бальзака с таинственной Луизой.

За год перед процессом, запретившим опубликование “Писем к Луизе”, аналогичное столкновение произошло у нее с Элен де Валетт. Лишь только госпожа де Бальзак овдовела, она принялась собирать рукописи “Человеческой комедии”. Несколько дней она искала рукопись романа “Беатриса”, поиски оказались тщетными, но зато нашлось письмо Элен де Валетт, в котором “маленькая солеварка” писала Бальзаку: “Я поняла все неприличие воровства, которое позволила себе совершить у вас…” Тотчас вдова писателя сообщила об этой находке своему доверенному лицу Фессару.

Ева де Бальзак - Фессару, 31 августа 1850 года: “Посылаю вам письмо некой дамы, которая украла рукопись “Беатрисы” и признается в краже… Письмо может пригодиться. Следовало бы сообщить ей об этом… Можете также сказать ей, что у меня в руках письма М.-Е.Кадора и что, если эта дама - любительница автографов, указанные письма Кадора могут заинтересовать ее… Мне известны также некоторые подробности о

состоянии здоровья этой дамы”.

Седьмого сентября 1850 года новое письмо Евы к Фессару: “Поручаю вам дело о рукописи, портрете и письмах, но прошу вас, не будьте слишком щедрым, так как, признаюсь вам, в настоящее время у меня большие финансовые затруднения, я скорее нахожусь в положении тех, кто хотел бы продать что-нибудь, чем в положении тех, кто может покупать”.

В ноябре 1850 года госпожа де Бальзак, отыскивая в особняке на улице Фортюне важный договор, касающийся издания “Человеческой комедии”, нашла вместе с этим документом и рукопись “Беатрисы”. Она тотчас предупредила об этом своего зятя Сюрвиля. “Когда увидите Фессара, будьте добры сказать ему, что я нашла подлинную рукопись “Беатрисы”. А тот материал, из-за которого поднялось столько шума, должно быть, представляет собою лишь том переплетенных корректур”.

В записи от 2 сентября 1850 года Фессар уточняет, что Элен де Валетт грозила опубликовать всю свою переписку с Бальзаком, если его вдова откажется уплатить сумму, которую он остался должен ей ко времени своей смерти. Речь шла о двадцати тысячах франков.

смерти. Речь шла о двадцати тысячах франков.

Виконт де Лованжуль написал на папке, хранящейся в Шантильи, в которой лежали документы, касающиеся мерзкого “дела Валетт”: “Эта угроза не имела последствий”. Но до чего же отвратительна алчность этих гарпий! Лишь одна благородная душа, госпожа де Берни, всегда оставалась достойной своей роли!